Али Мардан *бек* ТОПЧИБАШЕВ

избранное

в 4 томах

Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о проведении 150-летнего юбилея Алимардан бека Топчибашева

В мае 2013 года исполняется 150 лет со дня рождения одного из основателей Азербайджанской Демократической Республики, председателя Парламента Азербайджанской Демократической Республики Алимардан бека Алекбер бек оглу Топчибашева.

В целях обеспечения проведения 150-летнего юбилея выдающегося общественно-политического деятеля Алимардан бека Топчибашева, которому принадлежат большие заслуги в становлении Азербайджанской Демократической Республики, возникшей как историческое достижение нашего народа и органично соединившей в себе особенности восточной культуры и демократические ценности Европы, признании ее государствами мира как субъекта международных отношений и налаживании дипломатических связей, руководствуясь пунктом 32 статьи 109 Конституции Азербайджанской Республики, постановляю:

1. Министерству иностранных дел Азербайджанской Республики совместно с Национальной Академией наук Азербайджана, Министерством образования Азербайджанской Республики и другими соответствующими структурами подготовить и осуществить план мероприятий, посвященных 150-летнему юбилею Алимардан бека Топчибашева.

2. Кабинету Министров Азербайджанской Республики решить вопросы, вытекающие из настоящего Распоряжения.

Ильхам Алиев
Президент Азербайджанской Республики
город Баку, 25 февраля 2013 года

Министерство иностранных дел Азербайджана
АДА–Университет

А.М.б. Топчибашев

Журналистская деятельность
1898 – 1914

I

том

Составитель Гасан Азиз-оглу Гасанов

Баку 2014

Сбор материалов и составление
Г.А. ГАСАНОВ, доктор исторических наук

Научные редакторы
Г.А. ГАСАНОВ, доктор исторических наук
В.М. ГУЛИЕВ, доктор филологических наук
С.М. ИСХАКОВ, доктор исторических наук

Автор предисловия и послесловия
Г.А. ГАСАНОВ

Авторы биографической справки
Г.А. ГАСАНОВ
В.М. ГУЛИЕВ

Примечания и комментарии
В.М. ГУЛИЕВ,
С.М. ИСХАКОВ
Консультант
Р.А. АБУТАЛЫБОВ

А.М.б. Топчибашев. Избранное: В 4-х томах/ Составитель Гасан Гасанов. Т.1. – Баку: 2014. – 576 стр.

В первом томе избранных произведений выдающегося государственного и общественного деятеля Азербайджана А.М. Топчибашева (1863–1934) собраны его научно-публицистические и политические статьи, опубликованные на страницах редактируемый им газеты «Каспий» в 1898–1914 гг. Эти публикации посвящены насущным проблемам азербайджанского общества конца XIX – начала XX в. Они раскрывают многосторонний талант А.М. Топчибашева – пламенного публициста, тонкого аналитика, влиятельного политика общероссийского масштаба, гражданина и патриота. Книга рассчитана на историков, политологов, журналистов, а также широкий круг читателей.

ISBN 978-9952-27 381-6

© Гасан Гасанов, 2014

Содержание

Предисловие 11
Али Мардан бек Топчибашев: Биографический очерк 19
От редакции 35
Новая эра 40
Общество востоковедения 44
День столетия рождения А.С. Пушкина (Памяти поэта А.С. Пушкина) 47
Итоги мирной конференции 55
Политика Англии 65
К приезду министра земледелия 69
Пособия и пенсии 75
Баку, 23 июня 1900 г. 81
Баку, 27 июня 1900 г. 84
Королева Виктория. Некролог 87
Король Альберт Эдуард VII 91
Знаменательный акт 95
По поводу предстоящей Кавказской выставки 99
К преобразованию средней школы 103
Бакинское коммерческое училище 106
По поводу открытия в Баку коммерческого училища 113
Из современной политики 121
Бакинское женское русско-мусульманское училище 126
К открытию Кавказской юбилейной выставки 132
К телеграммам 137
По поводу открытия в Баку женского русско-мусульманского училища 140
К событию дня 151
Баку, 14 октября 1901 г. 153
К открытию «общеобразовательных курсов» 157
К учреждению в Баку фармацевтического общества 161
К дополнительным выборам 168
Среднее образование в Баку 171
Необходимое ходатайство 186
Баку, 26 апреля 1902 г. 190
К телеграммам 193

Новый городской голова 196
К учебному кризису в Баку 200
К персидским делам 204
Первый татарский драматург (Памяти Мирза Фатали Ахундова) 209
Литература азербайджанских татар (О книге Ф.б. Кочарли) 216
Наши средне-учебные заведения 220
Вечер мусульманского благотворительного общества 224
Самодеятельность мусульманки 226
По поводу первого случая холеры в Баку 229
Санитарные заметки 234
Новый бакинский казий 255
Баку, 25 декабря. 257
Рождество Христово. Кавказские картины 260
Газета на татарском языке в Баку 264
Мусульманская духовная семинария 268
Кавказское наместничество 271
Справедливая мера 275
К организации земства в Закавказье 278
К отмене ограничения прав мусульман в городском самоуправлении 282
Действительные меры к успокоению страны 288
Партии 291
Мусульмане в освободительном движении 293
Свобода и кавказские народности 297
К самоуправлению Кавказа 300
Свобода и школа 302
Первое конституционное собрание 304
Эра возрождения мусульман 307
К умиротворению национальностей 311
Рабочие-мусульмане 313
Забастовка почтово-телеграфных служащих 315
Кавказские дела 316
Когда же конец национальной распре? 318
Кавказская администрация 321
Письмо турецкого конституционалиста 323
Отмена военного положения в Польше 326
Новые жертвы 329
Еще о забастовке почтово-телеграфных служащих 331
К примирению сторон 334

Свобода и отношение к крестьянам Закавказья....337
Неподходящий путь восстановления мира....340
Опасный поворот....343
Прочные гарантии мира....345
Политическая забастовка....348
Политический такт....351
Два слова газ. «Баку»....353
Баку, 1 января 1906 г....354
К выборам в Государственную Думу....356
Государственный Совет....360
Великий день....365
Ответ на тронную речь....368
Памятное событие....371
Положение чиновников....375
К просвещению мусульманской женщины....379
К положению кавказских мусульман....385
Баку, 17 октября 1906 г....389
В.Д. Спасович. Некролог....391
Перемена курса?....394
Чем сильна Япония?....397
К персидской конституции....403
По поводу призыва газеты «Кавказ»....407
К предстоящим выборам в Думу....411
Политический такт....415
Приемы предвыборной агитации....419
Министерская инструкция для выборов....424
К выборам на Кавказе....429
Баку, 1 января 1907 г....433
Новый шах Персии....437
Истинно человеческое дело....443
К телеграммам....447
К выборам....450
К персидским делам....474
Мусульмане на выборах....483
К выборам....488
Мусульманская парламентская фракция....531
Дорожно-строительная эпопея в Персии....544
Памяти Исмаил-бека Гаспринского....548
Примечания....552

Предисловие

Азербайджанская община Тбилиси, в которой я провел свое детство и юность, была в значительной мере деполитизирована. В Тбилиси даже не знали о том, что многие лица, имена которых часто произносили с подчеркнутым уважением, были репрессированы советской властью. Чаще других упоминался Нариман Нариманов. Более того, здание, на котором было четко написано «Дом культуры работников искусств Грузии», местными азербайджанцами неизменно назывался так, как в 1920-х годах — «Клубом Нариманова». Часто вспоминали и другого уроженца Тбилиси Али Мардан бека Топчибашева и трагически погибшего в Тбилиси Фатали-хана Хойского, которого здесь именовали Ханхойский. Лишь переехав в Баку в 1958 г., я узнал, что Н. Нариманов всего лишь два года тому назад был реабилитирован как общественый деятель, а имена А.М.б. Топчибашева и Ф. х. Хойского и вовсе не были известны подавляющему большинству моих ровесников.

В 1974 г. решением Бюро ЦК Компартии Азербайджана меня (я занимал должность заведующего сектором Отдела строительства и городского хозяйства ЦК) назначили руководителем группы азербайджанских общественных деятелей, которые выезжали во Францию для участия в празднике газеты французских коммунистов «Юманите». По поручению Гейдара Алиева, возглавлявшего в те годы Азербайджан, в ходе этой поездки я должен был встретиться в Париже с членами семьи А.М.б. Топчибашева. Мои попытки узнать в Баку какие либо подробности о А.М.б. Топчибашеве ограничились лишь получением скупой информации о том, что он был «буржуазным идеологом» и редактором газеты ''Каспий''. К сожалению, намечаемая в Париже встреча не состоялась по причине жестких советских запретов.

Впоследствии, во время борьбы за независимость Азербайджана, когда представилась возможность издания многого из того, что запрещалось при советской власти, будучи премьер-министром Азербайджана, я поручил руководителю Главного Архивного Уп-

равления при Кабинете Министров Азербайджанской Республики Атахану Пашаеву подготовить к изданию сборник произведений А.М.б. Топчибашева. Вскоре я стал работать в Организации Объединенных Наций, переехав в Нью-Йорк, а в 1993 г., когда вернулся из США в Азербайджан, А. Пашаев вместе с В. Агаевым представили мне этот сборник. По просьбе составителей сборник был мною отредактирован и написана вступительная статья. Я обратился к поэту Вагиду Джафарову (Вагиду Азизу), который в те годы занимался издательским делом, с просьбой опубликовать эту книгу, что он и сделал с большим энтузиазмом. Такова история ныне хорошо известной любителям истории азербайджанской дипломатии и ценной с научной точки зрения книги А.М.б. Топчибашева «Дипломатические беседы в Стамбуле» (1994 г.). Затем я собрал и в 2005 г. совместно с М. Адиловым отредактировал и издал сборник «А.М.б. Топчибашев на страницах азербайджанской прессы».

Чем был вызван мой интерес к наследию А.М.б. Топчибашева? Кем на самом деле он был – «беспартийным», «прогрессистом», «либералом», «кадетом», «автономистом»?

Его личность представляет интерес прежде всего потому, что его деятельность охватывает тот период истории Азербайджана, который, с нашей точки зрения, вполне можно было бы назвать «На пути к первой республике». Этот путь разделяется, по крайней мере, на четыре этапа: Пробуждение политического сознания (1905 г. – февраль 1917 г.); Формирование и реализация идеи возрождения (февраль 1917 г. – май 1918 г.); Провозглашение, становление и признание независимой республики (май 1918 г. – апрель 1920 г.); Эмигрантский период (апрель 1920 г. – 1934 г.).

А.М.б. Топчибашев – один из немногих, кто в начале XX в. формировал новый тип азербайджанского политика, был одним из зачинателей трудного и долгого пути к независимости, все этапы которого он прошел с достоинством. У А.М.б. Топчибашева с самых молодых лет прослеживается выработка национальной идеи, а точнее сказать, национальной задачи – достижение подлинного религиозного и этнического равноправия. Эта задача ярко выражена в его деятельности и в его политической культуре. У него была ясная платформа, включающая социально-политические идеалы, идейно-политические принципы и политические лозунги. Он отличался сильной волей, целеустремленностью, самостоятельностью и независимостью в выборе средств своей политической борьбы.

Он был решителен и настойчив в достижении поставленных целей, в реализации политических задач. Его отличали демократизм, свободолюбие, стремление к справедливости, к равноправию

Каждый из периодов его жизни очень интересен, но его «звездным часом» стал тот момент, когда в Париже французский дипломат Жюль Гамбон объявил ему, что 12 января 1920 г. Верховный Совет Парижской мирной конференции признал де-факто независимость Азербайджанской Республики. Можно только догадываться, что думал А.М.б. Топчибашев при этом.

Может, он вспоминал о полной драматизма судьбе своей родины или перед ним вставала будущая счастливая жизнь его народа, прошедшего через серьезные испытания. Может, он вспоминал свои первые самостоятельные шаги в жизни, которые тогда лишали его обеспеченной жизни и толкали в неизвестное, рискованное будущее. Может, он вспомнил свой арест, когда он был студентом Петербургского университета и был исключен из университета за связь с народовольцами и за участие в студенческих беспорядках, происшедших 9–10 декабря 1887 г.* А.М.б. Топчибашев все же смог восстановиться в университете и блестяще завершить.

Может, он вспомнил, как, по завершении учебы в университете, отказался от поста адъюнкт-профессора Петербургского университета, так как для этого следовало отказаться от своей веры и принять христианство. Через 20 лет в одном из своих выступлений он скажет: «Мы были мусульманами, остаемся ими и будем всегда мусульманами».

Может, он вспомнил свою юридическую практику, когда однажды, будучи присяжным поверенным, обвинил прокурора в тенденциозном отношении к мусульманской морали и сумел спасти честь мусульман и жизнь азербайджанца, незаконно обвиненного в убийстве.

Может, он вспомнил о подписании им Выборгского воззвания и о судебном процессе в связи с этим, по поводу которого журнал «Вестник Европы», издаваемый в Петербурге, в январе 1908 г., писал: «Никто из 169 не сказал ни одного слова, не сделал ни одного шага, продиктованных личными интересами. Молчали бывшие

**См.: Смирнов Ф.В.* Отголоски «Народной воли» в 1882–1887 гг. // Народовольцы. Сб. III Составлен участниками народовольческого движения. М., 1931. С. 246–247;

священники, за подписание воззвания лишенные сана и обращенные в нищих. Молчали дворяне, исключенные из собраний. Молчали присяжные поверенные, лишенные права практики. Молчал бывший мировой судья, едва добившийся места смотрителя какого-то здания за комнату и тридцать рублей в месяц. Молчал столяр, которого не принимают ни в одну мастерскую. Молчали крестьяне, которые целый год, по два раза в месяц, обязаны были ходить за десятки верст в становую квартиру. Молчали люди. Молчало людское горе — то горе, которое уже позади, и то, которое, ожидалось впереди. Никто не сказал: ''Докажите, что я виноват, покажите мою подпись...''. Депутаты, в том числе А.М.б. Топчибашев, были осуждены на три месяца и впредь не могли быть избранными представителями народа или назначаемыми на должности, «пока действует нынешний избирательный закон...». В результате решения этого суда А.М.б. Топчибашев был лишен не только возможности продолжить свою работу редактором газеты «Каспий», но и занимать какую-либо общественную должность. Несмотря на этот запрет, он активно помогал мусульманской фракции Государственной Думы.

Может, А.М.б. Топчибашев вспомнил мартовские события 1918 г., когда по указанию С. Шаумяна он был арестован и находился на грани смерти. Уже после освобождения в разговоре с А.М.б.Топчибашевым в Стамбуле бывший министр иностранных дел России П.Н. Милюков сказал ему, что «про вас ведь писали, что вы расстреляны в Баку или Тифлисе». Несмотря на попытки С. Шаумяна физически уничтожить А.М.б. Топчибашева, он не только выжил, но и, добившись освобождения, включился в активную политическую деятельность за независимость своей Родины.

Может, он вспомнил, что сначала не хотели даже выдать ему визу на въезд во Францию для участия в работе Мирной конференции в Париже, а также слова, сказанные им в 1914 г. на Всероссийском мусульманском съезде: — «Нас не только игнорируют, но и не доверяют вовсе!», и решил: «Нас признают!».

Помимо той масштабной деятельности, которая сопровождала его в течение всей жизни, он достиг вершин на дипломатическом поприще, но вместо благодарности получил лишь безмолвие от своих современников и безразличие от потомков. Ни в одном документе Азербайджанской Республики, посвященном признанию нашей государственной независимости, ни в какой-форме не упоминается имя А.М.б. Топчибашева.

В ноябре 1934 г. далеко от родины, в Париже, из жизни ушел человек, с именем которого была связана 40-летняя общественно-политическая борьба за нашу родину, за ее будущее, за ее независимость, свободу и процветание.

* * *

Решив продолжить издание трудов А.М.б. Топчибашева, в течение нескольких лет я по крупицам продолжал собирать его наследие. Результаты этих поисков представлены в данном труде.

В первом томе воспроизведены статьи А.М.б. Топчибашева из газеты «Каспий», демонстрирующие широкий круг его интересов и эволюцию его общественно-политических взглядов. В 1898 г. вышла первая его передовица, которая представляет собой изложение позиции молодого редактора и журналиста. Здесь высказываются мысли, дающие возможность оценить его отношение к понятиям «газета» и «журналист», сохранившее, на мой взгляд, актуальность. В 1899–1900 гг. публицистическое творчество А.М.б. Топчибашева было скромным, но в 1901–1903 гг. он пишет уже в довольно широком диапазоне таких общественно-просветительских тем, как литература, образование, благотворительность, права мусульманских женщин и т.д. В 1904 г., когда в Баку свирепствовала чума, все свои авторские статьи А.М.б. Топчибашев, за исключением лишь одной, посвятил проблемам санитарии и гигиены. Особенно ярко проявляется его талант на поприще политической публицистики в 1905–1907 гг. Каждая из статей этого периода является важной для той или иной политической проблемы, которые имели отношение к роли кавказского наместничества, земства, самоуправления, политических партий, освободительного движения, выборам в Думу и др.

Во втором томе представлены выступления, речи, переписка А.М.б. Топчибашева в начале XX в. Знакомство с ними показывает процесс формирования азербайджанского политика нового типа, дает возможность проследить его путь от присяжного поверенного до одного из депутатов Первой Государственной Думы России, а затем и руководителя в 1917 г. Бакинского комитета мусульманских общественных организаций, который можно назвать первым азербайджанским национальным правительством XX в.

В третьем томе А.М.б. Топчибашев представлен в качестве уже зрелого, сформировавшегося государственного деятеля и дипломата, который, вступив на совершенно новую для него дипломатическую стезю, проявляет удивительное мастерство. В течение чуть

более полутора лет, с октября 1918 г. по май 1920 г., находясь за пределами Азербайджана, он последовательно занимает должности министра без портфеля, министра иностранных дел, председателя парламента и по совместительству председателя Азербайджанской делегации на Мирной конференции в Париже.

В четвертом томе представлена информация, отражающая эмигрантский период деятельности А.М.б. Топчибашева. Собрана в основном переписка, которая проливает свет на многие важнейшие аспекты его эмигрантской деятельности. В этот том включены также документы, связанные со смертью и похоронами А.М.б. Топчибашева. Наряду с этим в этом томе дается полная опись архива А.М.б. Топчибашева, ныне хранящегося в спецфонде Коллеж де Франс (Париж). Опубликование всего этого архива пока что, к сожалению, не представляется возможным из-за некоторых бюрократических преград. Надеюсь, что это сделают представители нового поколения азербайджанских исследователей.

Большой интерес представляют не только произведения А.М.б. Топчибашева, но и его переписка и документы, имеющие прямое к нему отношение. При подготовке данного сборника были использованы статьи и заметки, разбросанные по многочисленным публикациям, а также документы, хранящиеся в различных архивах. Большую помощь при сборе материалов оказали руководитель Главного Архивного Управления при Кабинете Министров Азербайджанской Республики Атахан Пашаев и сотрудники подведомственных ему Государственного исторического архива Азербайджанской Республики (ГИААР), Государственного архива Азербайджанской Республики (ГААР), Государственного архива литературы и искусства Азербайджанской Республики им. С. Мумтаза (ГАЛИАР), а также руководитель Архива Политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУД ПАР) Маис Багиров. Много важных документов были присланы мне руководителем Национального Архива Республики Татарстан (НАРТ) Д. Шарафутдиновым. Использованы также документы из коллекции внучки А.М.б. Топчибашева Зарифы ханум Кюрдамир, переданные в госархивы Азербайджана неутомимым Р. Абуталыбовым. При составлении сборника были использованы ранее выпущенные и ныне ставшие уже библиографической редкостью труды А.М.б. Топчибашева: «Дипломатитческие беседы в Стамбуле» (А. Пашаев, В. Агаев, Г. Гасанов), «Письма из Парижа» (В. Гулиев), «Ə.М.

Topçubaşov Azərbaycan mətbuatı səhifələrində»/А.М.б. Топчибашев на страницах азербайджанской прессы (Г. Гасанов, М. Адилов). Кроме того, включены некоторые документы из сборников, подготовленных в Москве С. Исхаковым («Из истории азербайджанской эмиграции», «А.М.б. Топчибашев. Документы из личных архивов, 1903–1934», «А.М.б. Топчибашев и М.Э. Расулзаде. Переписка 1923–1926») Эти книги появились во многом при помощи Рамиза Абуталыбова и Георгия Мамулиа (Париж), которые обнаружили и передали для обнародования целый ряд уникальных документов.

На заключительном этапе я предложил Вилаяту Гулиеву и Салавату Исхакову имевшим большой опыт общественно-политической и научной деятельности, совместными усилиями отредактировать этот сборник. Ранее они были составителями и редакторами ряда подобных научных изданий, в том числе А.М.б. Топчибашева. Наряду с соредакторской работой, В. Гулиев и С. Исхаков составили комментарии, примечания и представили некоторые дополнительные документы, которые также были включены в данный сборник. Встречающиеся в публикуемых текстах ошибки и опечатки исправлены, сокращения в большинстве случаев раскрыты.

В то же время нельзя считать работу по сбору наследия А.М.б. Топчибашева исчерпанной. Для оценки деятельности азербайджанских политиков начала XX в., в том числе А.М.б. Топчибашев, важно издать протоколы или хотя бы соответствующие газетные сообщения о проведенных в 1905 г. российским наместником на Кавказе так называемых армяно-мусульманских конференций. Для полноты представления личности А.М.б. Топчибашева следует более широко представить его деятельность в качестве председателя Бакинского комитета мусульманских общественных организаций, архив которого был уничтожен во время известных драматических мартовских событий 1918 г. Важно опубликовать издававшийся в 1917–1918 гг. печатный орган этого Комитета в виде приложения к газете «Каспий» под названием «Известия Бакинского комитета мусульманских общественных организаций». Следует также издать материалы проведенного 15–20 апреля 1917 г. в г. Баку Первого съезда мусульман Кавказа, на котором А.М.б. Топчибашев председательствовал, и материалы Первого Всероссийского съезда мусульман в мае 1917 г., где он также сыграл большую роль. Необходимо разыскать и опубликовать материалы об участии А.М.б. Топчибашева в работе Лондонской и Генуэзской конференций, о его стремлении добить-

ся приема Азербайджанской Республики в Лигу наций, о создании Кавказской Конфедерации, об организации работы эмигрантского периода Азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции и др.

Все еще ждут своего исследователя многочисленные документы, связанные с жизнью и деятельностью А.М.б. Топчибашева, хранящиеся в архивах Баку, Стамбула, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Оренбурга, Тбилиси, Вашингтона, Лондона, Парижа и др., а также в специальном фонде парижского Коллеж де Франс, в средствах массовой информации Европы, Турции и России начала века.

Возраст и занятость не позволяют мне обещать участие в подготовке весьма необходимого второго, дополненного издания сборника наследия А.М.б. Топчибашева, поэтому остается выразить надежду, что это сделают более молодые исследователи.

АЛИ МАРДАН БЕК ТОПЧИБАШЕВ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Выдающийся общественно-политический и государственный деятель XX столетия Али Мардан бек Топчибашев сыграл важную роль в истории не только родного азербайджанского народа, но и тюрко мусульманских народов России и Ближнего Востока. Более 40 лет его жизни были отданы борьбе за установление независимой национальной государственности Азербайджана, признанию Первой Республики в европейском и мировом масштабе, сохранению и умножению прогрессивных, демократических ценностей национальной жизни. Для достижения этих целей он неустанно боролся как юрист, журналист, политик, парламентарий, дипломат, государственный деятель, как лидер политэмигрантского движения.

Али Мардан бек Алекбер бек оглы Топчибашев родился 4 мая 1863 г. в городе Тифлисе, тогдашнем административном центре Кавказа. Он происходил из знатного рода. Отец, офицер русской армии Алекбер бек, являлся сыном Али Мардан бека Топчибашева – начальника артиллерии (фамилия образовалась от воинской профессии деда) грузинского царя Ираклия Второго. Мать Север ханум была из не менее знаменитого аристократического рода Векиловых. Семья Топчибашевых приобрела известность в России еще в первой половине XIX в. Родной дядя Али Мардан бека, профессор Санкт-Петербургского университета, тюрколог и иранист Мирза Джафар Топчибашев (1786–1869), прославился как один из основоположников российского востоковедения.

Судьба не баловала маленького Али Мардана, носившего имя своего деда. В 5-летнем возрасте он потерял отца, а спустя три года лишился матери. Воспитанием ребенка пришлось заниматься бабушке – мудрой женщине, «обладавшей высокими моральными качествами и сумевшей очаровать душу» внука.

Сначала он учился в местном медресе, а потом поступил в первую тифлисскую гимназию. Среди гимназистов Али Мардан бек выделялся глубоким знанием русского языка и истории. Исходя из этого, совет гимназии, по завершении среднего образования в

1884 г., направил молодого азербайджанца на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета в качестве стипендиата Закавказского края. Однако, проучившись один семестр на этом факультете, Али Мардан бек проявил характер: он отказался от стипендии и обратился к ректору университета с просьбой о переводе на юридический факультет. Неожиданный шаг студента имел продуманную основу – ввиду дискриминационной политике царизма его народ, его соотечественники больше нуждались в грамотных юристах, чем в специалистах по славянской филологии... В 1887 г. за участие в тайных студенческих революционных организациях он был исключен из университета, и только благодаря заступничеству своих профессоров, которые ценили подававшего большие надежды юношу, был восстановлен и смог продолжить свое образование.

Опубликованные уже в советское время, в 1930 г., материалы о студенческом движении в дореволюционной России указывали на связи А.М. Топчибашева с тайной организацией «Народная воля». В частности, бывший студент Санкт-Петербургского университета Ф.В. Смирнов в своих воспоминаниях «Отголоски "Народной воли" в 1882–1887 гг.», опубликованных в книге «Народовольцы» (М., 1931), писал: «В этой комнате только что поселился студент, которого мы даже имени не знали. У него нашли литографированное издание какой-то толстовской статьи. Полицейский протокол об обыске составлялся в нашей комнате, куда был приглашен и наш сосед. Тут только мы с ним и познакомились, чему полиция плохо верила. Нас заинтересовало его имя: Али Мардан Бек Топчибашев. Он был закавказский татарин, впоследствии довольно видный общественный деятель кадетского направления в Закавказье».

Имя А.М. Топчибашева также фигурирует среди участников студенческих беспорядков в Санкт-Петербургском университете. В 5-томном биобиблиографическом словаре об основных деятелях революционного движения в России от предшественников – декабристов до падения царизма о нем говорится: «Бек Топчубашев Али, сын бека. Студент Петербургского университета. По распоряжению министра народного просвещения в декабре 1887 г. уволен из университета за участие в студенческих беспорядках, происшедших 9–10 декабря 1887 г. По просьбе ректора университета он оставлен временно в Петербурге».

Эти и другие факты наглядно доказывают, что будущий лидер российских мусульман приобщился к борьбе против самодержавия, против колониального режима еще в молодые годы в столице России.

В 1888 г. он окончил университет со степенью кандидата юридических наук. Диссертация была посвящена проблемам гражданского права (о праве на движимую собственность). Это высокое достижение давало основание А.М. Топчибашеву серьезно подумать о научной карьере. И действительно, руководство юридического факультета решило оставить студента-азербайджанца при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре гражданского права. Однако, согласно университетскому уставу 1884 г., все профессора, в особенности профессора-юристы, назначались из числа христиан. Али Мардан бек ради карьеры не захотел отказываться от своей религии.

Поэтому в начале 1889 г. он вернулся в Тифлис и начал работать помощником мирового судьи и секретарем Окружного суда. Наряду с этим занимался педагогической работой – преподавал основы законодательства в Тифлисской школе земледелия. Одновременно на добровольной основе выполнял обязанности юрисконсульта Духовного управления мусульман Кавказа. А.М. Топчибашев был также секретарем и библиотекарем Кавказского юридического общества, принимал активное участие в общественных делах мусульман города Тифлиса, писал статьи и сообщения в местных и столичных органах печати. Следует отметить, что общественная деятельность будущего лидера мусульман России началась еще в Петербурге, в студенческие годы.

Тифлис был административным центром Кавказа. Но благодаря бурному развитию нефтяной промышленности другой важный город региона – Баку быстро превращался в экономический и культурный центр края. С другой стороны, несмотря на русификаторскую политику царских властей, Баку одновременно становился центром азербайджаноязычного населения, национальной жизни и будущей столицей Азербайджана.

Своевременно оценив растущее значение «царства нефти и миллионов» для родного народа, коренной тифлисец Али Мардан бек в 1896 г. вместе с семьей переехал в Баку и в скором времени оказался в гуще общественно-политической и культурной жизни. В следующем году он был избран в состав Бакинской городской

думы. Наряду с Г. Зардаби, Ф. Везировым, Г. Махмудбековым и другими гласными Али Мардан бек составил костяк представителей коренного населения в городском самоуправлении и вместе с ними стал отстаивать интересы своего народа.

В 1898 г. осуществилась еще одна заветная мечта – Топчибашев стал редактором популярной русскоязычной бакинской газеты «Каспий». До этого он редактировал сугубо коммерческое издание – ежедневную газету «Бакинский торгово-промышленный листок». В 1897 г. известный миллионер и меценат Г.З. Тагиев купил газету «Каспий» вместе с типографией и предоставил в распоряжение азербайджанской интеллигенции во главе с А.М. Топчибашевым. В создавшейся ситуации это было единственным выходом из положения. Дело в том, что царское правительство в течение долгих лет упорно проигнорировало все просьбы и обращения азербайджанской общественности относительно издания печатного органа на родном языке.

«Каспий» издавался с 1881 г. Однако до прихода в руководство А.М. Топчибашева азербайджанская тематика занимала очень незаметное место на ее страницах. Благодаря твердой национальной позиции нового главного редактора, в скором времени газета «Каспий» в общественно-политических кругах стала популярна как «мусульманский ''Каспий''.

Вступая в должность главного редактора 24 июня 1898 г., А.М. Топчибашев писал: «И чем общество развитее в культурном отношении, тем сильнее влияние прессы, которая совершенно справедливо называется зеркалом души общества... Но, такое значение пресса может и должна иметь только в том случае, если печатный орган всегда честно и неуклонно стоит на страже общественных интересов и тем отдает себя на служение общественной правде». В течение семи лет редактируя главную газету Баку, Али Мардан бек неотступно следовал этому принципу.

Существуют многочисленные архивные документы, доказывающие принципиальность и последовательность главного редактора Топчибашева в отстаивании позиции своего издания в жестком противостоянии с царской цензурой. Его неоднократно привлекали к уголовному наказанию за игнорирование предписаний и указаний цензуры при выпуске газеты «Каспий». По крайней мере, имеются четыре протокола обер-офицера для особых поручений при бакинском губернаторе о самовольном восстановлении главным редактором текстов, вычеркнутых при предварительном цензурировании.

Высоко оценивая роль и значение просвещения в деле пробуждения широких народных масс он в 1901 г. добился открытия дешевой библиотеки-читальни в Баку. Эти и другие прогрессивные начинания Али Мардан бека Топчибашева вызывали подозрение у тайной полиции царского режима. За ним устраивалась негласная слежка. В сообщении в Департамент полиции «о прогрессивном движении среди мусульман» Топчибашев как один из немногих мусульман, «выступающий в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений». Объектом внимательного изучения и анализа стали его предполагаемые связи с «младотурецким движением в Турции, или другими заграничными мусульманскими центрами».

В период руководства А.М. Топчибашева «Каспий» стал выразителем интересов азербайджанской буржуазии и прогрессивной интеллигенции. Однако главный редактор лучше других понимал, что донести истину до своих соотечественников на чужом языке - дело бесперспективное. Поэтому он всячески ратовал за создание национальной прессы, за возрождение традиций «Экинчи». Это удалось осуществить в 1905 г. – в период «пробуждения Азии». Имя Топчибашева тесно связано с изданием газеты «Геят» («Жизнь») – первым действительно жизненно важным общественно-политическим органом печати на азербайджанском языке XX столетия. Вокруг газеты, первый номер которой вышел в июне 1905 г., собрались три кита тогдашней азербайджанской журналистики: А.М. Топчибашев являлся издателем, Ахмед бек Агаев и Али бек Гусейнзаде были редакторами.

Все идеи и инициативы этой действительно великой тройки неизменно финансировались щедрым и дальновидным меценатом Гаджи Зейнал Абдином Тагиевым. Одна из таких инициатив заключалась в открытии в Баку в 1901 г. специального учебного заведения для мусульманских девушек. А.М. Топчибашев, а также его тесть Гасан бек Зардаби наряду с Г.З. Тагиевым входили в состав попечительского совета школы. Директрисой являлась теща Али Мардан бека, одна из первых образованных женщин Кавказа Ханифа ханум Меликова-Абаева. Следует отметить, что до активного включения в политические процессы вопросы народного просвещения занимали очень важное место в повседневной деятельности А.М. Топчибашева. В газете «Каспий» публиковались его многочисленные статьи, посвященные школьному образованию, состоянию бакинских

школ, ученическому и преподавательскому составу и т.д, он был членом городской училищной комиссии, членом попечительских советов Мариинской женской гимназии и Бакинского коммерческого училища.

Али Мардан бек во многих сферах политической, культурной, общественной и духовной жизни Азербайджана конца XIX – начала XX в. был первооткрывателем. Он был первым присяжным поверенным из числа азербайджанцев в Баку. Он стал первым главным редактором-азербайджанцем газеты «Каспий». А в 1902 г. был избран председателем Бакинской городской думы опять-таки первым из числа коренной национальности. До 1905 г. А.М. Топчибашев руководил законодательным органом Баку, одновременно являясь членом нескольких важных комиссий и советов. Находясь на этом посту, он сделал очень много для благоустройства родного города, ратовал за развитие здравоохранения, культуры и просвещения, изо всех сил старался предотвратить противостояния на этнической и религиозной почве в многоконфессиональном и многонациональном Баку.

Однако, несмотря на все усилия А.М. Топчибашева и его идейных соратников, не удалось предотвратить армяно-азербайджанский конфликт. Первые вооруженные стычки начались в первых числах февраля 1905 г. в Баку и в скором времени охватили многие районы совместного проживания армян и азербайджанцев по всему Южному Кавказу. Армянская агрессия не была неожиданностью для передовых людей Азербайджана, Они, и в первую очередь А.М. Топчибашев, неоднократно предупреждали власти о надвигавшейся опасности. К сожалению, эти призывы не были услышаны. А жертвами во многих случаях стали незащищенные, брошенные на произвол судьбы царским правительством азербайджанцы.

Появилась еще одна опасная тенденция: вездесущая армянская пропаганда, с одной стороны, разжигала национальную рознь и вражду между двумя соседними народами, с другой – во всем обвиняла «диких и необузданных кавказских татар». Столичные газеты сочувствовали только «братьям христианам», полностью игнорируя право на безопасную жизнь другой стороны – коренных жителей Баку и Азербайджана. В этих условиях возглавляемая А.М. Топчибашевым делегация (в состав входили А. Агаев, А. Гусейнзаде, Ф. Везиров) в апреле 1905 г. отправилась в Санкт-Петербурге. В столице они имели встречу с министром внутренних дел А. Булыгиным

и другими официальными лицами империи, информировали их о реальном положении дел, о нуждах и чаяниях своего народа.

Конечно, не все требования азербайджанской делегации были выполнены. Но поездка в Петербург стала знаковой с точки зрения дальнейшей консолидации тюркских народов России. 8 апреля в столице посланники Азербайджана встретились с представителями поволжских и крымских татар. Было принято решение о создании политической организации российских мусульман.

Но до этого Али Мардан бек объездил разные уголки Азербайджана, охваченного армянским насилием. В июне он по своей инициативе встретился с новоназначенным кавказским наместником графом И.И. Воронцовым-Дашковым и вручил ему петицию. В документе говорилось о недоверчивом отношении царских властей к мусульманскому населению, о дискриминации мусульман в государственных учреждениях, о не предусмотренных законом привилегиях армян и об отстранении своих соотечественников от разрешения своих проблем. В феврале 1906 г. во главе азербайджанской делегации Али Мардан бек принял участие в армяно-мусульманском съезде, который состоялся во дворце наместника в Тифлисе. Как признанный лидер своей нации, он приложил максимум усилий для прекращения бессмысленного противостояния.

В августе 1905 г. в Нижнем Новгороде проводился первый полулегальный съезд представителей тюрко-мусульманских народов России. Работой съезда по предложению Исмаил бека Гаспринского руководили Али Мардан бек Топчибашев и представитель казанских татар Юсуф Акчура. Топчибашев выступил с обширным докладом о политических, экономических, культурных, национальных и религиозных проблемах мусульманского населения Российской империи. Делегат съезда, известный татарский богослов и общественный деятель Муса Бигиев позднее писал: «Эта историческая речь Али Мардан бека была очень впечатляющей. Многие участники не могли сдержать слез».

В съезде принимали участие делегаты с Закавказья, Крыма, Северного Кавказа, Поволжья, Туркестана, Урала и Сибири. Съезд был посвящен вопросу организации будущего тюрко-мусульманского движения. К концу съезда умеренные взгляды взяли верх и вместо политической партии на начальном этапе было решено создать Мусульманский союз – «Иттифак аль-муслимин». Следует отметить, что все основные документы нового общественно-политического

союза были подготовлены А.М. Топчибашевым. «Иттифак» поставил перед собой следующие задачи: объединение мусульман России в едином движении; установление конституционной монархии на основе пропорцианального представительства народов; правовое равенство мусульманского и русского населения, упразднения законов и административных практик, дискриминирующих мусульман; развитие культуры и образования мусульман. По единогласному решению делегатов подготовка следующего, второго съезда была поручена А.М. Топчибашеву.

В 1906 г. А.М. Топчибашев был избран депутатом Первой Государственной Думы от Бакинской губернии. Торжественное открытие законосовещательного органа состоялось 27 апреля. Однако Али Мардан бек прибыл в столицу только 10 июня и вскоре приступил к формированию мусульманской фракции Думы. В состав Первой Думы были избраны 36 представителей мусульманских народов и народностей России. По инициативе и под председательством А.М. Топчибашева с участием 22 депутатов 21 июня 1906 г. состоялось первое заседание фракции. Было образовано бюро фракции из семи депутатов под его руководством.

В короткий период думской деятельности Али Мардан бек был одним из инициаторов и активных участников еще одного смелого политического проекта: совместно с польским депутатом Александром Ледницким и украинцем Ильей Шрагом они организовали «Союз автономистов», требовавший автономии для нерусских национальностей России. В его состав вошли около 20 депутатов Думы. А.М. Топчибашев являлся заместителем председателя «Союза автономистов».

Манифестом Николая II от 9 июля Государственная Дума была распущена, так как «выборные от населения ... уклонились в не принадлежащую им область». Группа недовольных царским манифестом думцев собралась в Выборге и приняла обращение «Народу от народных представителей». Среди подписавших знаменитое «Выборгское воззвание» наряду с другими (около 200 человек) были и депутаты из Азербайджана – А.М. Топчибашев и И. Зиатханов. За это Али Мардан бек был лишен политических прав и приговорен к 3 месяцам тюремного заключения. Наказание отбывал в санктпетербургской тюрьме "Кресты".

Однако «выборгские злоключения» не поколебали уверенности А.М. Топчибашева в верности избранному пути. В августе 1906

г. он выступил как один из руководителей Третьего съезда российских мусульман. В ходе съезда всесторонне были обсуждены и приняты подготовленные им программа и устав партии «Иттифак аль-муслимин». В программе указывалось, что целью создания новой политической организации является налаживание «политических, экономических, общественных и религиозных вопросов мусульман». Подтверждая требования предоставления мусульманам России всех гражданских прав, программа «Иттифак» дополняла популярные в те годы установки российских политических партий либерального толька. Программа была одобрена съездом. Был избран Центральный комитет из 15 человек, в который вошел и А.М. Топчибашев.

После отбывания наказания за подписание «Выборгского воззвания» А.М. Топчибашев летом 1909 г. вместе с председателем мусульманской фракции в III Государственной Думе К.М-М. Тевкеловым совершил поездку по всем мусульманским центрам Поволжья, Оренбургского края, Сибири и других регионов. Целью двухмесячной утомительной поездки была ознакомление мусульман с программой и решениями III съезда и объединения их вокруг партии «Иттифак аль-муслимин».

В 1906–1909 гг. А.М. Топчибашев жил преимущественно в Петербурге. Бывший народный избранник, потерявший право быть избранным в законодательные органы, руководил бюро мусульманской фракции II и III Государственных дум, принимая активное участие в подготовке законопроектов и поправок к ним, а также предложений, выступлений и запросов депутатов-мусульман.

Возвратившись в Баку в 1909 г., Али Мардан бек возобновил свою адвокатскую и журналистскую деятельность. Вплоть до начала Первой мировой войны он занимался в основном политическим просветительством и общественной деятельностью, направленной на консолидации национальных сил, являясь председателем общества «Ниджат» и почетным председателем школы «Саадет».

В июне 1912 г. А.М. Топчибашев принимал участие в IV съезде Союза российских мусульман. К этому времени под натисками столыпинской реакции партия «Иттифак аль-муслимин» почти распалась. Политическая активность мусульманских масс также оставляла желать лучшего. Поэтому, несмотря на смелые призывы, съезд ограничил свою работу только подготовкой обширного законопроекта по вопросу регулирования деятельности религиоз-

ных органов. С помощью подобного законодательного акта руководство партии старалось предотвратить ущемления прав российских мусульман.

В годы Первой мировой войны политические взгляды Али Мардан бека претерпели определенные изменения. Он начал занимать более жесткую позицию в отношении самодержавия, стал более определенно говорить о стремлении своего народа к независимости. Одновременно он уделял большое внимание единению кавказских народов

По некоторым сведениям на съезде народов Кавказа в апреле 1917 г. в Тифлисе Топчибашев впервые выдвинул идею создания Кавказской конфедерации. Образование свободного, демократического, равноправного «Кавказского дома» начиная с Первой русской революции занимало мысли и воплощалось в практической деятельности Али Мардан бека. Дело своей жизни он завершил уже находясь в эмиграции. Представители Азербайджана, Грузии и Горской Республики в июле 1934 г. в Брюсселе подписали пакт Кавказской Конфедерации. Армения торпедировала эту идею.

С Февральской революцией 1917 г. начался новый период в жизни и деятельности А.М. Топчибашева. Благодаря новым условиям и возможностям в скором времени он превратился в ключевую фигуру политической борьбы своего народа. Наравне с участием в разных акциях, демонстрациях, митингах и шествиях, Али Мардан бек предпринял ряд организационных мер для более активного участия соотечественников в общественно-политической жизни. С целью консолидации национальных сил в марте 1917 г. он побывал в Гяндже и Тифлисе, где проводил съезды с участием азербайджанских делегатов. В середине апреля 1917 года Али Мардан бек в качестве председателя руководил бакинским съездом мусульман. «Сегодняшний съезд кавказских мусульман – это первый за последние сто лет съезд народов, на котором будет услышан свободный глас мусульман Кавказа. Этот съезд возродит историческое величие Кавказа», – говорил А.М. Топчибашев в своей приветственной речи, призывая народы Кавказа к совместной борьбе с дискриминационной политикой царской России и за новую, свободную жизнь.

На апрельском съезде по его совету лидеры двух ведущих политических сил Азербайджана М.Э. Расулзаде и Н. Юсифбейли приняли решение об объединении и создали партию «Тюрк Адеми Меркезийет Фиркеси – Мусават», которая убедительно победила на

выборах во Всероссийское Учредительное собрание, а годом позже стала доминирующей силой в парламенте независимой Азербайджанской Республики.

1–11 мая 1917 г. А.М. Топчибашев участвовал в Московском съезде мусульман России. На повестке дня стоял вопрос формы будущего политико-административного устройства бывшей империи. На заключительном заседании, проходившем под председательством А.М. Топчибашева, наибольшую поддержку получила идея Мамед Эмина Расулзаде о народной республике на основе местной автономии. Вслед за этим в июне 1917 г. в Баку был создан Национальный совет мусульман-азербайджанцев, председателем которого тайным голосованием был избран А.М. Топчибашев. С избранием на этот пост он начал играть более весомую и заметную роль в политической жизни Кавказского региона, представляя весь Азербайджан.

По мнению А.М. Топчибашева, основной задачей кавказских политиков являлось обеспечение мира и стабильности среди представителей народов, заселяющих этот сложный в полиэтническом и многоконфессиональном аспектах регион. В первую очередь он был обеспокоен взрывоопасными взаимоотношениями между азербайджанцами и армянами. В скопированном и утвержденном заведующим иностранными делами партии «Дашнакцутюн», помощником генерального комиссара областей Турецкой Армении доктором Я. Завриевым (1865–1920) секретном документе говорилось о том, что «в начале апреля сего года главный руководитель татар и вообще мусульман Али Мардан бек Топчибашев предложил тифлисскому городскому голове А.И. Хатисову устроить совещание между татарами и армянами о том, как действовать на случай падения русского владычества на Кавказе». Этот факт еще раз говорит о прозорливости и дальновидности Топчибашева-политика.

Для стабилизации ситуации Временное правительство в середине августа 1917 г. в Москве провело государственное совещание под председательством А.Ф. Керенского. В совещании участвовали 34 мусульманских делегата из разных регионов бывшей Российской империи. По совместному решению они уполномочили Топчибашева выступить от имени всех мусульман. В своей речи он отметил, что в нынешнее, революционное время 30-миллионное мусульманское население России, претерпевшее больше всех от национального гнета царизма, ждет действенных мер от Временного

правительства. Говоря о наиболее остром для России национальном вопросе, Али Мардан бек выразил надежду на то, что близок день, когда в свободной и демократической России воцарятся идеи братства и равенства всех народов независимо от этнической или религиозной принадлежности. Перед новыми вершителями судеб народов России оратор высказался также «за почетный мир, без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов», «за единение всех народностей и установление контактов между ними», «за осуществление национально-культурной автономии».

Начиная с осени 1917 г. под руководством А.М.Топчибашева среди азербайджанского населения Южного Кавказа велась серьезная подготовительная работа к выборам в Учредительное собрание. Кстати, кандидатура Али Мардан бека была выдвинута наряду с Кавказом также от Сырдарьинской области Средней Азии, что говорило о действительно большом авторитете азербайджанского политика среди мусульман. Выборы состоялись 26–28 ноября 1917 г. А.М.Топчибашев получил мандат народа для представительства в Учредительном собрании. Однако с приходом к власти большевиков игра в демократию закончилась и надежды, связанные с Учредительным собранием, потерпели крах.

В 1918 г. Али Мардан бек пережил страшные дни в осажденном сначала дашнако-большевиками, а позже Центрокаспийской диктатурой Баку. Он стал свидетелем Мартовской резни своих соотечественников в городе и окрестностях, устроенной Шаумяном и его подручными, дважды подвергся аресту вооруженными армянскими отрядами, не один раз его жизнь висела на волоске. Чудом спасшись из бакинского ада, в августе Али Мардан бек приехал во временную столицу Гянджу и присоединился к своим соратникам по борьбе, которые 28 мая 1918 г. объявили в Тифлисе о создании независимого азербайджанского государства – Азербайджанской Демократической Республики.

По предложению первого премьера Фатали хана Хойского 18 августа 1918 г. А.М. Топчибашев был направлен в качестве полномочного министра в Стамбул для переговоров по установлению дипломатических связей с Османской империей. Прибыв в первых числах сентября в османскую столицу Али Мардан бек был принят премьер-министром страны Талаат Пашой. Он также встретился с военным министром Энвер Пашой, министром иностранных дел Ахмед Неби беком и другими высокопоставленными государствен-

ными деятелями, а также был удостоен аудиенции султана Мехмеда VI Вахидеддина. Однако поражение Османской империи в Первой мировой войне и подписание Мудросского перемирия помешало осуществлению взаимного сотрудничества, не раз обсуждавшегося на этих встречах. Азербайджану пришлось бороться в одиночестве.

Отцы-основатели первой Азербайджанской Республики выбрали наиболее демократическую – парламентскую форму правления. 7 декабря 1918 г. начал свою работу парламент. Находившийся с дипломатической миссией в Стамбуле А.М. Топчибашев после серьезных и бурных обсуждений был избран председателем законодательного органа. Его избрание не носило случайный характер. Али Мардан бек не участвовал в каких-либо политических партиях, исключая короткий период пребывания в «Иттифак аль-муслимин», обладал широким мировоззрением и глубоким пониманием демократических ценностей, был видным правоведом, политическим деятелем и искусным дипломатом своей эпохи. Благодаря этим качествам он пользовался огромным уважением среди народа и тогдашнего политического истеблишмента Азербайджана.

Однако Али Мардан беку не удалось не только руководить работой парламента, но и жить на своей независимой родине. В конце декабря 1918 г. правительство назначило его главой азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции. В состав делегации входили представители различных партий и фракций. Члены делегации прибыли в Стамбул в середине января 1919 года и началась их долгая, изнурительная борьба за получения французской визы для поездки в Париж. Визы были получены только в конце апреля и 9 мая возглавляемая Али Мардан беком делегация прибыла во французскую столицу.

Восьмимесячный стамбульский период деятельности открыл недюжинный дипломатический талант А.М. Топчибашев. Здесь он завершил свой исторический очерк «Становление Азербайджанской Республики», основные тезисы которого позже легли в основу «Требований Кавказского Азербайджана от мирной конференции», проводил многочисленные встречи с представителями Антанты, послами и полномочными министрами различных стран, высокопоставленными турецкими чиновниками. Все эти встречи, с одной стороны, служили пропаганде Азербайджана – его истории, культуры, текущей политической жизни, людских ресурсов, природных богатств и т.д., а с другой стороны, Али Мардан бек старался решить

финансовые, экономические, военные и другие вопросы своего молодого государства. По его инициативе первая группа турецких преподавателей прибыла в Азербайджан.

Такая же активность были присуща его деятельности как главы делегации и в Париже. Благодаря этому 28 мая 1919 г., в день годовщины независимости Азербайджанской Республики, ее посланцы во главе с А.М. Топчибашевым были приняты президентом США Вудро Вильсоном – одним из руководителей Версальской конференции и автором известных принципов мирного сосуществования народов и права наций решать свою судьбу. Ему был представлен меморандум, в котором в краткой форме были описаны исторические и политические события, происходящие на Южном Кавказе и в Азербайджане, а также требования азербайджанской делегации на Мирной конференции.

Начиная еще со стамбульского периода, А.М. Топчибашев систематически информировал МИД и правительство Азербайджана о всех шагах руководимой им делегации. Отправленные им материалы содержали подробную информацию о проведенных встречах, анализ текущих политических процессов, суждения и выводы. Иногда старший по возрасту Али Мардан бек позволял себе давать советы более молодым соратникам, подбадривать их. А главное, он никогда не терял надежды, верил в успех начатого дела. В ноябре 1919 г. глава мирной делегации писал премьер-министру своего правительства: «Мы никогда не теряли надежду, даже в моменты очень неблагоприятные для всех народов бывшей России, даже тогда, когда нам говорили о напрасных наших трудах. И мы поступали так, ибо верим, что наш народ может жить самостоятельно и в конце концов, какой бы ни было ценой, получит свою независимость».

В Париже А.М. Топчибашев работал в тяжелейших условиях. Связь с родиной была неважная, денег постоянно не хватало, часто приходилось иметь дела с европейцами, заинтересовать которых далеким Азербайджаном было не так легко. Когда дело доходило до представителей малых народов, у них появлялись нотки менторского тона и едва скрываемого раздражения. Но все это не могло остановить Али Мардан бека. Из Парижа он писал правительству: «Вот почему отношение Антанты, при всей его тяжести, не смущало нас и не останавливало перед совершением того, что мы считаем себя обязанными делать во имя преследуемой нами всеми цели – независимости Азербайджана. Мы никогда не поступались и

поступимся перед этим ценным благом, равного которого для себя мы знаем. Мы идем по пути, на котором не остановимся ни перед какими жертвами».

Благодаря титанической работе Али Мардан бека и его соратников свершилось историческое – 11 января 1920 г. Верховный Совет союзников де-факто признал правительства Азербайджана. Появилась надежда на реализации самых сокровенных желаний родного народа. Однако радостная эйфория продолжалась недолго.

После большевистской оккупации Азербайджана и падения республики в апреле 1920 г., А.М. Топчибашев был вынужден остаться во Франции. Находясь в эмиграции, он упорно продолжил борьбу за признание мировым сообществом захвата Советской Россией Азербайджана фактом аннексии. С этой целью он принял участие и выступил с резким заявлением на Генуезской (1922) и Лозаннской (1923) конференциях. В своих встречах, статьях, публичных выступлениях, частной и официальной переписке Али Мардан бек старался привлечь внимание европейской прессы, общественности, политических и государственных деятелей к проблемам Азербайджана.

Несмотря на преклонный возраст, нужду и болезни, он до конца своей жизни неустанно боролся за консолидацию сил азербайджанской политической эмиграции, укрепление связей с национальными эмигрантскими организациями из других регионов царской России, с антикоммунистическими движениями Запада. Али Мардан бек своим многолетним опытом и политической харизмой сыграл огромную роль в создании мощного движения за освобождение бывших национальных окраин России, вошедшего в историю под названием «прометеевского». А за четыре месяца до кончины поставил свою подпись под Пактом Кавказской Конфедерации, который во многих отношениях также являлся его детищем.

А.М. Топчибашев в годы эмиграции входил в наиболее влиятельные общества и общественные организации Франции. В силу своего интеллектуального потенциала, широкого мировоззрения, более 40-летнего опыта работы и незыблемой политической позиции он всюду пользовался большим уважением. Он являлся членом научных обществ «Франция – Кавказ», «Франция – Азия», «Франция – Восток», действовавших в рамках учрежденной в 1920 г. Парижской Международной академии дипломатии.

Наряду с политической деятельностью и руководством эмигрантским движением Али Мардан бек интересовался историей и

культурой своей исторической Родины. В 1925 г. он завершил большое эссе под названием «Маяк Азербайджана», посвященное жизненному пути основателя национальной печати Гасан бека Зардаби, своего тестя и учителя.

В 1920-х годах Али Мардан бек отказался от русифицированной формы написания своей фамилии и стал подписываться в переписке, выступлениях в прессе и в официальных документах как «Топчибаши».

Умер Али Мардан бек Топчибашев 5 ноября 1934 г. в парижском пригороде Сен-Клу. Похороны состоялись 8 ноября. Его смерть всколыхнула не только азербайджанцев, но и значительную часть российской эмиграции. В его лице представители колониальных народов бывшей царской России, а позднее Советского Союза потеряли стойкого борца. Поэтому похороны Али Мардан бека превратились в значительную политическую акцию.

В прощальной церемонии с покойным принимали участие, наряду с многочисленными азербайджанскими политэмигрантами, делегации Грузии, Украины, Средней Азии, Армении, Дагестана. На траурном митинге было сказано много искренних, задушевных слов о высоких человеческих качествах, политической мудрости и стойкости А.М. Топчибашева. Но самые теплые, идущие из глубины сердца прощальные слова были высказаны соотечественником и многолетним соратником по борьбе за независимости Азербайджана М.Э. Расулзаде:

«Его имя воплощает зарождение и один из важнейших периодов нашей политической и общественной жизни, – говорил в своей проникновенной речи Мамед Эмин. – Словом, пером, неисчерпаемой энергией он до последних дней свой жизни выступал борцом за счастье своего народа и национального дела. Мы, азербайджанцы, потеряли в лице Али Мардан бека представителя целой эпохи национального движения, великого государственного деятеля и выдающегося борца за национальную независимость. Придет время, страна станет свободной, народ, признательный своему первому председателю парламента, защитнику его независимости увековечит память о нем».

Мы уверены, что издаваемое по инициативе Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева, настоящее 4-томное собрание сочинений А.М. Топчибашева послужит увековечению его светлой памяти и изучению его богатого наследия.

От редакции

24 июня 1898 г.

С сегодняшнего дня мы приступаем к редактированию газеты «Каспий»[1].

Сознавая всю трудность и ответственность предстоящих для нас обязанностей, мы считаем долгом сказать несколько слов в разъяснение того, в чем, по нашему мнению, заключаются наши задачи, как мы их понимаем и какими средствами мы будем стремиться к достижению, к выполнению лежащих на нас обязанностей. Мы не будем здесь касаться вопроса о значении печати вообще: роль, какую играет пресса в жизни современного общества, лучше всего объясняется влиянием, оказываемым ею на все слои общества у всех цивилизованных народов. И чем общество развитее в культурном отношении, тем сильнее влияние прессы, которая совершенно справедливо называется зеркалом души общества, отражая в себе общественную жизнь в ее реальном виде со всеми радостями и печалями, со всеми проявлениями будничной жизни всех классов данного общества и в то же время являясь выразительницей общественного мнения, носительницей идей и идеалов, которые, имея для всякого общества значение элемента прогрессивного, вдохновляют общество и способствуют к его дальнейшему развитию, совершенствованию.

Но такое значение пресса может и должна иметь только в том случае, если печатный орган всегда честно и неуклонно стоит на страже общественных интересов и тем отдает себя на служение общественной правде.

В постоянном неусыпном стремлении везде и во всем видеть и отыскивать правду и только одну правду – заключается высшая цель печатного органа. Это – светоч, от которого должен идти и к которому должен стремиться всякий журнал, всякая газета.

Без желания руководиться при каждом случае требованиями общественной правды, а еще более при искажении этой правды – все равно невольном или умышленном – печатный орган не будет стоять на высоте своего призвания...

Только при этом условии пресса может смело проводить в жизнь те культурные, общественные и нравственные начала, на которых зиждется мирное развитие и благосостояние всего общества и отдельных его членов; только тогда печатный орган в состоянии проводить в общественное сознание идеи милосердия, справедливости и любви.

Сознавая это условие необходимейшим и важнейшим в программе каждого печатного органа, газета «Каспий» будет стремиться в своей деятельности удовлетворять, прежде всего, этому требованию, будучи уверена, что только стоя на этой почве, она в состоянии выполнить свои задачи и приобрести симпатии общества.

Памятуя это и исходя из указанного начала, газета «Каспий» в пределах своей программы и насколько это позволят условия, в которых находится провинциальная пресса, будет отражать полно и своевременно выдающиеся события как русской жизни, так и мировой. Но, отмечая выдающиеся факты из области политики, русской литературы и общественной жизни русской, особенное внимание, как этого придерживался «Каспий» и до сего времени, газета будет обращать на краевые события и, в частности, на злобы дня местной бакинской жизни.

Газета «Каспий» за весь период своего существования всегда отмечала события кавказской жизни. Это – заслуга «Каспия», который и впредь будет зорко следить за жизнью в крае, отмечая и разрабатывая события кавказской жизни во всех их проявлениях.

Кавказский край по богатству и разнообразию природы представляет особенный интерес для науки, и, благодаря громадному материалу, который дает наш край науке в отношениях геологическом, лингвистическом, этнографическом и т. д., Кавказ давно приобрел значение страны, драгоценной для пытливого человеческого ума.

Но, помимо научного значения, изучение Кавказа, кавказоведение является весьма необходимым в интересах общегосударственных, заключающихся в установлении и упрочении мирного развития и благосостояния всех подданных и в единении края с общим отечеством.

А цели мирного развития и благосостояния подданных могут быть достигнуты проведением в их жизнь культурных начал наибольшей пропагандой и популяризацией идей просвещения.

Вот почему «Каспий» вменяет себе в священную обязанность ратовать за просвещение населения края, без различия националь-

ности, религии и звания, стараясь о распространении среди всего населения здравых понятий о необходимости основать как общие, так и специально-технические школы для детей обоего пола, поддерживать их материально и нравственно и всячески внушать ту неоспоримую истину, что только школа даст им возможность постепенно освобождаться от окутавшего их мрака, невежества и нищеты, что только школа сделает их материально и нравственно обеспеченными людьми.

Но для того, чтобы воздействовать на население в этом смысле, необходимо возможное и деятельное *изучение современного быта населения*, их нравов и обычаев, верований и обрядов, словом – необходимо изучение краевой жизни во всех ее проявлениях, причем для лучшего уразумения явлений современной жизни особенную пользу может оказывать *историческое их освещение*.

Не менее полезно при таком изучении быта населения останавливаться иногда на однородных явлениях, повторяющихся в жизни других народов и государств. В этом отношении быт населения Кавказа и, в особенности, Бакинской губернии даст много общих явлений и черт с жизнью азиатских народов благодаря соседству нашему с восточными государствами, знакомство с жизнью которых является крайне полезным.

Газета «Каспий» по мере сил и возможности посвятит себя столь серьезному и необходимому делу, как изучение быта населения, по намеченной выше программе, без чего пресса, будучи далека от истинного понимания нужд и потребностей населения, не в состоянии вовремя прийти на помощь правительственным органам и общественным учреждениям в деле удовлетворения общественных нужд и потребностей, беспрерывно выдвигаемых жизнью.

Все нужды и потребности общества всегда будут находить в «Каспии» посильное разъяснение и беспристрастную оценку. В этих видах наша газета будет следить и изучать все вопросы, касающиеся вообще народного хозяйства и благосостояния, обращая внимание на земледелие, скотоводство, шелководство, садоводство и др. сопряженные с последними отраслями народного труда. Но в ряду вопросов народного хозяйства и благосостояния «Каспий» будет отмечать особо нефтяное дело, в обширном смысле этого слова, для которого газета имеет особый «Нефтяной отдел». Имея в виду, какую роль играет это дело не только в так называемом Бакинском районе, но и во всем нашем государстве, мы будем всесторонне заниматься совре-

менным положением и развитием нефтяного дела во всех его появлениях, будем отзываться на нужды и потребности нашего нефтяного мира, имеющего, как мы сказали, общегосударственное значение.

Наконец, близость наша со среднеазиатскими нашими владениями и восточными государствами, постоянные торговые сношения с этими последними и значение города Баку как торгового порта, лежащего на пути в Азию, обязывает нас следить за развитием у нас дела судоходства по Каспийскому морю и его бассейну, отмечая и разрабатывая все вопросы этого рода в «Отделе морском» нашей газеты.

Специально в отношении города Баку «Каспий» по-прежнему будет уделять охотно на своих страницах место всем вопросам, касающимся деятельности городского общественного самоуправления, справедливо находя, что еще много надо трудиться вместе – и органам правительственным и общественным, и самому городскому обществу, и печати, чтобы полуазиатский город наш улучшить в отношениях санитарном, внешнего благоустройства, городского хозяйства и вообще нужд горожан и тем дать Баку подобающее его настоящему значению положение как столице нефтяного царства.

Таковы, в общем, задачи, которые преследовались и будут преследоваться газетой «Каспий». Задачи эти сложны сами по себе, но трудность их усугубляется еще разнохарактерностью населения нашего района, состоящего из людей, принадлежащих к разным национальностям и исповедующих разные религии.

В этом отношении мы теперь же спешим оговориться, что, стоя строго на почве требований справедливости, мы будем одинаково относиться ко всем народностям, признавая за каждой из них право на свободное существование.

Мы будем одинаково относиться ко всем хорошим проявлениям, не различая народностей, зато и одинаково будем бичевать пороки и все дурное, у кого бы и где бы их ни находили...

Несмотря на обширность преследуемых задач, «Каспий» имеет возможность полно отражать вопросы, касающиеся этих задач, благодаря, прежде всего, формату своему, не уступающему размерам самых больших русских газет.

Что же касается до сил, которыми располагает редакция, то в этом отношении, кроме известных читателям «Каспия» постоянных сотрудников, работающих в составе редакции в течение многих лет, нами приглашены и новые лица из числа известных читаю-

щей публике кавказских публицистов и журналистов[2]. По мере сил и возможности редакция будет пополнять свой состав, но особенное внимание будет обращено на развитие «отдела корреспонденции», для чего редакция озабочена приисканием соответствующих лиц в наиболее важных местностях не только Бакинской губернии, но соседних с последней губерний и областей.

Но какие бы силы ни были в распоряжении редакции и как бы ни было велико число сотрудников и корреспондентов, всякая газета, а следовательно и «Каспий», может рассчитывать на успешное достижение своих целей и на благоприятный результат своей работы только в том случае, если орган печати пользуется нравственной поддержкой и сочувствием общества.

Сравнительно большой рост самого «Каспия» и задуманное вследствие этого покойным его редактором Н.А. Соколинским[3] увеличение формата газеты убеждает нас в том, что среди нашего общества немало почитателей «Каспия», интересующихся различными явлениями общественной жизни, уделяющих свое внимание на уяснение и оценку этих явлений и заботящихся не только о собственных интересах, но и о благе общественном. Это отрадное явление дает нам смелость и впредь рассчитывать на симпатии общества и мы взываем ко всем передовым, интеллигентным силам нашего общества, прося их помочь нам в достижении указанных выше задач, стремящихся ко благу всех и каждого. Мы охотно будем делиться нашими мыслями с людьми опыта и познаний и открываем столбцы «Каспия» для всех, желающих так или иначе способствовать к разъяснению поставленных выше задач.

В надежде на сочувствие и поддержку всех поборников правды мы приступаем к нашему делу, уверенные, что принесем посильную пользу родному краю.

А.М. Топчибашев

Каспий. 1898. 24 июня.

Новая эра

19 августа 1898 г.

Переданное вчера по телеграфу содержание сообщения, напечатанного в «Правительственном вестнике»[4], представляется до такой степени важным, что обязывает нас поговорить о нем.

Этот знаменательный для наших дней акт правительства касается вопроса, который по своему значению и содержанию является основой, на которой зиждутся вожделения современных правительств и обществ всего цивилизованного мира.

Охранение всеобщего мира и сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений – вот о чем трактует «Правительственный вестник».

В продолжении всего нашего столетия государства Европы, а за ними народы всего мира, придерживались политики так называемого вооруженного мира. В особенности после франко-прусской войны[5] такая политика руководила государствами Западной Европы. Наперерыв цивилизованные народы просвещенной Европы, передовые нации стремились поддержать этот «вооруженный мир» и во имя идеи такой политики спешили увеличивать и развивать свои вооруженные силы, дошедшие в наши дни до небывалых размеров. Во имя той же идеи сохранения мира европейские государства вступали между собой в союзы, образовывая могучие коалиции.

Наряду с развитием вооруженных сил получили особенное развитие, вызванное к жизни законами спроса, разные системы вооружения войска, способы изготовления все более и более смертоносных орудий и вообще техника военного искусства. Народы Европы и всего мира стонали и продолжают стонать от такого порядка вещей.

Усиление вооруженных сил, улучшение их боевых качеств и снабжение лучшими боевыми средствами, словом – все то, что необходимо для поддержания «вооруженного мира», производило и производит коренную реформу в строе политических и социально-экономических порядков современных государств. Поглощая

две трети, а то и большую часть годового бюджета, потребности вооружения боевых сил страны и содержание под оружием миллионных войск, естественно, должны были произвести и произвели брешь и затем окончательное расстройство в области финансовых дел западноевропейских государств. И без того обремененные податями и повинностями, вызванными новыми потребностями осложнившейся жизни, европейские народы, преимущественно низшие слои населения, были отягощены еще большими налогами, число и виды которых увеличивались с поразительной быстротой параллельно с развитием вооруженных сил.

Под бременем налогов народы подняли отчаянный вопль, подхваченный дружно наукой, философами, государственными людьми и писателями, печатью и лучшими силами современных обществ; воскресла идея «третейского суда» в столкновениях между государствами, возникла «лига мира», встретившая даже покровительство европейских правительств.

Но «все это» выказывало только сочувствие к положению народов, которые тем не менее продолжали и продолжают стонать под тяжестью неисчислимых бедствий как прямых последствий развития вооруженных сил до небывалых размеров, доведших современные народы до нищеты, умственной и материальной, разврата и отсюда до крайнего пессимизма...

Как метко описано это ужасное положение современных обществ в правительственном сообщении:

«Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние, духовные и физические силы народов; труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно, сотни миллионов расходуют на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений; просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются, направляются на ложные пути. Таким образом, по мере того как растут вооружения каждого государства, они менее и менее отвечают предпоставленной правительствами цели; нарушение экономического строя, вызываемое в значительной степени чрезмерностью вооружений и постоянная опасность, которая заключается в огромном накоплении боевых средств, обращают вооруженный мир наших дней в подавляющее бремя, ко-

торое народы выносят все с большим трудом. Очевидным поэтому представляется, что, если бы такое положение продолжалось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избегнуть и перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека».

И вот в такой-то момент, когда в Западной Европе сочувствие к идее всеобщего мира, к освещению «силы мира» ограничивается лишь одними вожделениями скорее теоретического характера, у нас в России эта благая и гуманнейшая идея близится к реальному осуществлению, находя себе высокого покровителя в лице государя императора[6].

С высоты престола державный вождь великой России, приняв к сердцу бедствия, испытываемые современным человеком, в своих человеколюбивых и великодушных намерениях решил положить предел непрерывным вооружениям и изыскал средства предупредить угрожающие всему миру несчастья, сочтя это высоким долгом для всех государств.

В этих видах государем императором повелено обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции.

С Божьей помощью, говорится в обращении «Правительственного вестника», конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века, она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренно стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора; в то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием начал права и справедливости, на которых зиждется безопасность государств и преуспевание народов.

Эти высокознаменательные слова, во имя идеи всеобщего мира, о желании торжества этой идеи над областью смуты и раздора и о совместном признании всеми государствами начал права и справедливости, на которых зиждется безопасность государств и преуспевания народов, это желание выражено нашим монархом в тот момент, когда он со всем русским народом совершает акт справедливейшего воздания по заслугам, открывает в первопрестольной столице памятник своему деду, царю-освободителю[7]!

В тот момент, когда вся Россия с искренней благодарностью и благоговением преклоняет колена перед памятью величайшего из венценосцев российских императора Александра II, который ос-

вободил свой многомиллионный народ от оков рабства, державный его внук, следуя заветам царя-освободителя, провозглашает на весь мир идею освобождения всего человечества от бедствий, охвативших весь мир благодаря следованию пагубной политике «вооруженного мира»!..

Такой акт государя императора будет наилучшим украшением памятника царя-освободителя, открытие которого так удачно приурочено к наступлению новой эры в жизни современного человечества.

Т[опчибашев]

Каспий. 1898. 19 августа.

Общество востоковедения

6 сентября 1898 г.

Со слов столичных газет, на днях мы сообщили о том, что в Санкт-Петербурге проектируется новое общество, имеющее целью изучение жизни Востока во всех ее проявлениях.

Теперь мы получили от одного из инициаторов проектируемого общества сведения, касающиеся этого последнего, с которыми спешим поделиться с нашими читателями.

Кружок интеллигентных лиц, занимающихся в столице изучением Востока и даже побывавших на Востоке, задался мыслью основать в Петербурге общество востоковедения. С этой целью еще зимой настоящего года кружком был устроено несколько заседаний, на которых и выработан надлежащий устав.

Вновь организуемое общество востоковедения имеет целью, путем ознакомления русского общества с духовной жизнью и нуждами Востока, с одной стороны, и распространения среди восточных народов точных и правильных сведений о России, с другой стороны, способствовать разумному и прочному сближению обоих миров, служить проводником русской культуры вне пределов империи и открыть новые рынки русской промышленности.

Для достижения этой цели общество устраивает периодические собрания членов своих для взаимного обмена мыслей по вопросам востоковедения, а также устраивает лекции по разным отраслям его, библиотеку и читальню, преимущественно из произведений литературы, касающейся Востока. В этих же видах общество назначает конкурсы с выдачей премий за сочинения по разным отраслям востоковедения, содействует изданию сочинений по востоковедению, а также переводов на восточные языки произведений русской литературы и учреждает с надлежащего разрешения курсы по разным отраслям востоковедения и восточным языкам.

Ставя своей целью исследование культуры всех народов Востока, как современной, так и исторической, а равно их этнографичес-

кие и антропологические особенности, вновь учреждаемое общество имеет в то же время целью исследование экономического и торгово-промышленного состояния всех народов и стран Востока, особенно по отношению к возможности сбыта русских товаров.

С целью открытия новых рынков для сбыта русских товаров и вообще с целью достижения своих задач общество, по мере действительной надобности и в зависимости от средств, снаряжает экспедиции в различные страны Востока для наилучшего ознакомления с потребностями жителей Востока и торгово-промышленной, экономической жизни восточных стран.

Кроме того, в местах, где это будет найдено необходимым, общество устраивает музеи, постоянные или передвижные выставки научного, а также торгово-промышленного характера, в том числе и выставки образцов русской промышленности.

Для наилучшего достижения намеченных целей проектируемому обществу предоставляются права юридического лица, и оно может приобретать в собственность, как равно и отчуждать, недвижимое имущество, нанимать нужные для него помещения и вообще вступать во всякого рода дозволенные законом договоры. Предоставляется также обществу право ходатайствовать пред правительством и общественными учреждениями по вопросам, входящим в круг его деятельности.

Общество состоит из членов-попечителей, членов почетных, соревнователей, действительных и сотрудников, причем членами всех категорий могут быть лица обоего пола, равно как на все должности общества могут быть избираемы лица без различия пола.

Действительные члены вносят ежегодно в кассу общества по 10 руб., и такими членами могут быть лица, принимающие деятельное участие в успехах знаний, составляющих предмет общества, или могущие оказать ему полезное содействие, или вообще интересующиеся востоковедением. Звание члена-соревнователя предоставляется лицу, принесшему в дар обществу единовременно не менее 300 руб., а звание члена-попечителя предоставляется вносящим ежегодно не менее 500 руб. или единовременно не менее 5000 руб.

Наконец, звание почетного члена предоставляется особам, известным учеными трудами или оказавшим особые услуги как самому обществу, так равно и преследуемым им целям.

Нам еще придется говорить об этом нарождающемся в столице и весьма симпатичном по своим целям и чреватом по последствиям обществе.

Желая обществу получения скорейшего разрешения и вступления в жизнь, выражаем полную надежду, что общество востоковедения будет встречено особенно сочувственно у нас на Кавказе, где найдется много лиц, которые и своими познаниями и материально несомненно, окажут поддержку этому обществу, в котором у нас давно ощущалась потребность.

Жизнь миллионов русско-подданных, так называемых инородцев, столь тесно связана с жизнью соседних с нашими владениями восточных народов и вообще с жизнью всего Востока, что без изучения последнего не понятна жизнь наших инородцев. Наконец, вся русская жизнь носит на себе глубокий отпечаток влияния Востока благодаря постоянному соприкосновению с восточными народами. Отсюда понятно, насколько важно, чтобы на Востоке о русской жизни, как и в России о восточной жизни, имели бы не превратные, а действительные понятия и представления. Раз будут налицо такие понятия, то надо считать обеспеченным взаимное сближение на почве не только взаимных нужд и потребностей в области торгово-промышленных интересов, но и во взаимном влиянии в культурном отношении.

Будущему обществу востоковедения предстоит в этом отношении благодарная роль, и мы заранее приветствуем его успех.

Т[опчибашев]

Каспий. 1898. 6 сентября.

День столетия рождения А.С. Пушкина (Памяти поэта А.С. Пушкина)

26 мая 1899 г.

Сегодня прошло ровно сто лет со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина[8].

К встрече столь знаменательного дня давно готовилось все русское просвещенное общество, чувствуя и зная, какое огромное значение имеет этот день в истории культуры России и общественного самосознания русского общества.

Готовясь к сегодняшнему торжеству, русское общество в продолжение всего настоящего «пушкинского года» вдохновлялось той идеей, что оно будет справлять свой собственный юбилей, годовщину известного периода интеллектуального и морального своего состояния и культурного развития. Оно, это общество, ни на минуту не забывало, что день 26 мая, завершая собой истекающее столетие, ознаменует ту степень общественного самосознания, которого достигло оно за этот период и благодаря которому русское общество получило право гражданства в семье просвещенных народов современного человечества.

Вот почему сегодняшний праздник имеет значение праздника общественного, гражданского.

Счастлив народ, у которого много таких праздников, таких действительно светлых дней, в которые можно прославлять победу самосознания и «духа жива» над мертвящей косностью, победы просвещения, света над невежественной тьмой...

Но в России сегодняшний юбилей поэта Пушкина первый такой праздник, и тем более он дорог нам. Вступив на стезю развития общественного самосознания и прогресса, русское общество должно идти от пушкинского дня, как от светоча, к восприятию всех начал и условий действительно культурной жизни, стремящейся во всех своих проявлениях соблюдать требования истины, справедливости в целях достижения возможного благополучия всеми членами общества.

В этом все обаяние настоящего всероссийского торжества. И не даром празднование его совпало с знаменательными отныне днями, когда представители всех цивилизованных народов на мирной конференции обсуждают вопросы, имеющие в виду создать для общества средства мирного их развития и преуспевания.

Эта новая заря для всех народов взошла и теперь с Востока – ex oriente lux* – подобно тому, как сто лет тому назад в восточной империи появился новый свет в лице А. С. Пушкина, которому суждено было озарить собою всю Россию.

Гениальный поэт сам предвидел, что слух о нем пройдет по всей Руси великой:

> И назовет меня всякий сущий в ней язык:
> И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
> Тунгус, и друг степей – калмык.

Эти слова сказаны поэтом только за год до смерти в 1836 г., но русское общество в лице образованнейших и влиятельнейших своих представителей «назвало» Пушкина значительно раньше. Эти представители должны были признать небывалый до того в России поэтический талант уже в самых ранних его произведениях, в которых молодой поэт еще лицеистом проявил свой божественный дар, выказал поразившие тогдашних корифеев русской поэзии – Державина[9] и Жуковского[10] – всю мощь, нежность и музыкальность своего стиха и красоту форм воспетых им образов и картин. В особенности было сильно впечатление, произведенное появлением поэмы-сказки «Руслан и Людмила», удивившей всех своим добродушным юмором, соединением фантастического с реальным, живым и легким стихом. Привыкшие к напускному пафосу поэтических произведений в духе ложноклассическом, современники Пушкина поразились талантом поэта и умением облечь в художественную форму «преданья старины глубокой».

Все приветствовали наступление новой эпохи русской поэзии, а певец «Светланы», Жуковский, подарил автору свой портрет с надписью: «Ученику от побежденного учителя».

Но те же современники скоро убедились, что Пушкин рожден не только... для вдохновения, для звуков сладких и молитв, но что певец «Руслана и Людмилы» в своих произведениях прово-

* *С Востока свет (лат.).*

дит идеи, которые заставляют «мыслить и страдать», что, несмотря на свой юный возраст, поэт, заменяя опыт жизни божественным прозрением, воспевает образы и картины, внутренний мир свой и своих героев, проникнутых глубокой скорбью и заставляющих серьезно задуматься над жизнью. В целом ряде высокопоэтических произведений («Деревня», «Мечтатель», «Андре Шенье», «Возрождение» и др.) он выказал удивительно глубокое знание психологии страсти, верность и меткость характеристики, а главное – редкое для своих современников понимание угнетенного положения тогдашнего крестьянского сословия. В этом последнем отношении Пушкин является одним из первых провозвестников великого акта освобождения крестьян от крепостной зависимости. В прекрасном своем стихотворении «Деревня» поэт рельефно выставил перед тогдашним обществом положение закрепощенного народа и, выступив горячим, гуманным защитником «угнетенных рабов», широкой и крайне сильной для аракчеевской эпохи[11] кистью нарисовал верную историю русской деревни, в которой наряду с цветущей природой:

...Барство дикое, без чувств, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца...
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?
Увижу ль я, друзья, народ не угнетенный
И рабство падшее, по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

Это стихотворение поэта было прочитано императором Александром I[12], сказавшим по прочтении: «Поблагодарите Пушкина за добрые чувства, которые пробуждаются этими стихами».

Иначе, однако, думали об этих стихах рабовладельцы; они не могли простить поэту ни его успеха, ни его желания о том, чтобы скоро взошла прекрасная заря освобождения...

Из биографии поэта известно, что за все подобные желания ему пришлось до конца своих дней пережить и перенесть... обиды, притеснения,

Ряд горьких мук обманутой любви,
Стыд бедности, неправду, чванство
И гордость знатных родом...

В течение нескольких лет Пушкин вел жизнь скитальца, полную глубокого трагизма, но в то же время весьма чреватую по своим последствиям.

Посещение поэтом юных окраин России – Кавказа, Крыма, Новороссии, Бессарабии – дало возможность ознакомиться с дивной южной природой и с ее разноплеменным и разноверным населением.

На нашем Кавказе Пушкина поразила величественная природа его, самобытная жизнь и нравы его обитателей, аулы, сакли, верблюды, дикая вольность черкесов. «Пушкин – говорит в своем прекрасном очерке о поэте Ив. Иванов – не истощим в рассказах о своих впечатлениях. Он не насмотрится на горы, не наслушается музыки горных потоков, не налюбуется на красоту лиц и живописность наряда вольных горцев. Поэтическая речь невольно льется из под его пера, когда он говорит о чудном южном небе с миллионами звезд, о величавом Бештау, о темной южной ночи с черными громадами гор. Каждая поездка представляла новость, вызывала неиспытанные раньше волнения, знакомила с бесконечно разнообразным и ярким миром полудикой, но могучей жизни».

Результатом этих поездок по югу России были: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане», «Погасло древнее светило», и др., написанные Пушкиным в увлечении романтизмом под влиянием английского поэта Байрона[13].

В это же время поэт, несмотря на превратности судьбы, много работал над своим самообразованием, что в особенности энергично велось по возвращении в село Михайловское, где Пушкину пришлось безвыездно жить три года.

Восторженно были приняты современниками перечисленные произведения, написанные поэтом на юге, по которым русское общество впервые знакомилось с разными народами, населяющими Кавказ, Крым, Бессарабию, с их природой и взглядами полудиких кочевников на страсти и пороки «просвещенных» обитателей городов. Певец свободы и сам стремясь к ней, влагает в уста старика цыгана благородный протест против не умеющего просить и не знающего доброты Алеко:

Оставь нас, гордый человек!
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов, -
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли,
Ужасен нам твой будет глас!
Мы робки и добры душою –
Ты зол и смел. Оставь же нас!

Таково уж свойство гениальности – не стесняться духом места и времени; гениальный поэт – свой везде, во всем мире; ему одинаково доступны и древняя Русь и благословенный Восток, и пламенная Колхида, и средневековая Европа, и Испания, и древний Рим.

«Сцены из рыцарских времен», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери», проникнуты оригинальным характером эпохи и народности. В «Подражаниях Корану» с удивительной точностью поэт воспроизводит поэтический стиль и объективное миросозерцание священной книги мусульман:

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

Раннее знакомство с французской литературой, увлечение Байроном, изучение величайших мировых гениев – Шекспира[14] и Гете[15], ряд мастерских переводов из Мицкевича[16], Гафиза[17], Горация[18], Шенье[19] и др., указывая на бесконечную широту поэзии Пушкина, способствовали еще более развитию таланта поэта переноситься в чужую жизнь. Так правдиво и картинно ее воспринимать и отражать в своем творчестве.

В этом отношении поэт на первом плане ставил добросовестное изучение иностранных писателей. То же самое он советовал делать и соотечественникам, и хотя находил, что то, «что нужно Лондону, то рано для Москвы», но, желая добра своей стране, внушал ту мысль, что «На поприще ума нам нельзя отступать»...

Ставя высоко это поприще, поэт стремился расширить и пополнить его путем поднятия уровня национального и обществен-

ного самосознания тогдашнего русского общества. В целом ряде произведений поэт воскрешает подавленные иноземщиной – русскую жизнь и русскую историю, нашедшие в Пушкине гениального художника бытописца.

«Евгений Онегин», «Медный всадник», «Полтава», «Повести Белкина», «История села Горюхина», «История пугачевского бунта», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Русалка», «Утопленник», «Бесы», «Полководец», «Пир Петра Великого», ряд стихотворных переложений русских народных сказок и множество эпических и лирических стихотворений – вот богатейшее поэтическое наследие, оставленное Пушкиным, как поэтом русским, национальным!

В этих высокопоэтических произведениях современники нашли родные картины и знакомые типы, вполне правдивые, взятые из будничной русской жизни и «из преданий старины глубокой»; тут и современный поэту петербуржец Евгений Онегин со всеми жалкими и смешными чертами, с его напускным полуромантизмом, полускептицизмом; тут и противоположный ему тип Белкина, человека простого, доброго и смиренного; тут и чистая, правдивая, но строгая и простая Татьяна; тут ряд дивных картин из семейной хроники простого русского народного быта («Дубровский», «Капитанская дочка»), тут и описание причин народных волнений рядом с ужасной картиной крепостничества («Дубровский», «История пугачевского бунта»), тут и вся ложь, барское самодурство и продажность современного общества, в котором

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

Тут, наконец, высокий образ великого преобразователя[20] России:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Изучение родной истории и памятников письменности, знакомство с живою народною поэзиею, собирание народных песен и прислушивание к народной речи дали в результате «Бориса Годунова», произведение в полном смысле слова народное, в кото-

ром русское драматическое искусство было поставлено на истинно шекспировскую высоту развития и совершенства».

После этих произведений Пушкин закрепил за своим именем заслуженный им титул «вождя мыслей и чувств» и оправдал высокий взгляд на свое призвание и назначение поэта. Подобно пророку, поэт должен «исполниться» волей Бога и жечь своим возвышенным глаголом людские сердца.

Что Пушкин, исполненный волею Бога жег сердца людей, что он, по выражению критика Ап. Григорьева[21], был «и первым и полным представителем нашей народной физиономии в мире всех наших сочувствий, не только художественных, но и общественных» и что, наконец, все истинные, правдивые стремления современной русской литературы находятся в духовном родстве с пушкинскими стремлениями и от них-то по прямой линии и ведут свое начало – прекрасно доказали 19 лет тому назад знаменательные пушкинские дни в Москве, когда Москва воздвигла поэту по всенародной подписке памятник[22]. В эти дни поэт предстал, во весь свой рост, как гений-художник и великий вождь и учитель, как величайший русский народный поэт. Здесь-то потонул в море восторгов и умилительных впечатлений и тот протестующий голос, который несся с эпохи шестидесятых годов, обрушившихся на Пушкина, «аристократа» и «чистого эстетика» за его стихотворение «Чернь», в котором он отнесся презрительно к толпе. Но, напрасны были нападки, так как Пушкин не раз разъяснял, что под толпой, этой раздражавшей поэта «чернью», он имел в виду не просто народ, не крестьянство, а ту полуграмотную, светскую челядь, которая Пушкину отравляла жизнь в столице и пред которой

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил,
И в силе, в гордости свободной
Кадилом мести не кадил.
Природу лишь учился славить,
Стихами жертвуя лишь ей...

Вся поэзия Пушкина, развивающая вокруг себя идеи добра, истины, красоты и свободы говорит против подобных незаслуженных поэтом нападок. Везде и всюду защитник народа, будь это черкес, еврей, грек или молдованин, громитель позора крепостничества Пушкин в своем «Наполеоне» нарисовал достаточно яркую картину безумного самовластия и преступного презрения к людям.

Не о том же ли говорят идущие от Пушкина лучи гуманизирующей поэзии, разлитые по всей стране славной плеядой поэтов и писателей пушкинского периода русской литературы, в течение которого, благодаря гениальному родоначальнику, народились и другие отрасли искусства: русская музыка, русская опера, русская живопись... А теперь не тот же ли певец народный вызывает к жизни для того же народа сотни и тысячи просветительных учреждений во всех уголках обширной России: пушкинские школы, читальни, библиотеки, народные дома, больницы, приюты, столовые, стипендии, дешевые издания произведений поэта...

Кто же в сегодняшний день с благоговением не скажет, что поэт был прав, говоря:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал.
И милость к падшим призывал...

Во всей России имя великого поэта завладеет с сегодняшнего праздника еще большим вниманием читателей просвещенных и просто грамотных.

Торжество в честь героя мысли и слова – редкий, светлый, культурный праздник с глубоким общественно-воспитательным значением... Это – победа света над тьмой, залог прогресса на пути просвещения, великая идея которого должна сплотить под свое спасительное знамя всех людей, весь народ, без различия «племен, наречий, состояний»:

Да здравствуют музы,
Да здравствует разум.
Да здравствует солнце,
Да скроется тьма!

Т[опчибашев]

Каспий. 1899. 26 мая.

Итоги мирной конференции

31 июля 1899 г.

Состоявшееся на прошлой неделе закрытие мирной конференции держав обязывает нас подвести итоги тем работам, которые были предметом занятий в продолжение двух месяцев представителей держав, собравшихся в Гааге[23]. С напряженным внимание вся мыслящая часть общества, все органы печати всех просвещенных народов и стран следили за занятиями образованных конференцией специальных комиссий и подкомиссий. Газеты, без различия направлений, отмечали шаг за шагом ход работы этих комиссий, останавливаясь даже на мельчайших подробностях, насколько это было возможно и доступно с точки зрения правил, установившихся в делах конференции, относительно предания гласности тех или других фактов и постановлений ее. Существование правил, ограничивших пределы гласности в делах конференции, и было, без сомнения, причиной, что зачастую мы получали о деятельности конференции сбивчивые и даже неверные сведения, которые сообщались по телеграфу или же корреспондентами иностранных и наших столичных газет. Благодаря этому обстоятельству не раз приходилось останавливаться с чувством досады и сожаления на мысли о том, что конференция разойдется, не достигнув существенных результатов в столь великом и святом деле, как упрочение идеи мира среди современных народов. Бывали моменты, когда, отчаявшись в благоприятном исходе мирной конференции, приходилось поневоле задумываться над судьбой народов нашей планеты, которые, несмотря на блестящие результаты в области наук и прикладных познаний, доведших материальное богатство современного человечества до грандиозных размеров, все же не доросли еще до гуманной идеи освобождения себя от чрезмерных тягостей господствующей ныне системы вооруженного мира.

Пессимистические мысли относительно возможных результатов конференции усугублялись еще важностью и трудностью задач, с целью разрешения которых были собраны в Гаагу представители держав Европы, Америки и Азии.

В основе деятельности конференции покоилось стремление соблюдать интересы всех народов, всего человечества, обеспечить им возможно спокойное и целесообразное достижение жизненных задач.

Преследуя эту цель, конференция должна была примирить два великие начала, составляющие основу международного права: принцип верховных прав государства с принципом справедливой международной солидарности, но так, чтобы оба начала были сохранены. Иными словами, на обязанности конференции лежало согласование интересов каждого из государств, приславших своих представителей в Гаагу, с интересами всех государств, с интересами так называемого международного общения.

К этой самой по себе трудной задаче в деятельности конференции надо прибавить и те узкие рамки, которые были поставлены ей в разрешении существенного вопроса ее программы, а именно в вопросе о приостановлении вооружений. Из доходивших до нас отрывочных сведений по телеграфу уже видно было, что по этому вопросу первая комиссия конференции, которой была предоставлена разработка его, не достигнет благоприятных результатов. Так оно и вышло по той именно причине, что из ведения конференции были изъяты все политические вопросы, в зависимости от которых, без сомнения, находится и размер вооруженных сил держав.

При таких условиях пришлось работать Гаагской конференции, и, к чести участников ее будь сказано, полученные результаты ее деятельности в течение двух месяцев по значению своему весьма важны и серьезны. Правда, конференция не достигла всех высоких целей, намеченных в ее программе, но и то, что достигнуто, нельзя не назвать успешным.

Как известно, необходимость созыва международной конференции мира была сознана еще в знаменательной ноте нашего правительства от 12 августа прошлого года, когда впервые с высоты престола было обращено внимание правительства на крайне тягостное положение народов, стонущих под непосильным бременем вооружений, дошедших до крайних пределов. Вслед за этой нотой, 30 декабря 1898 г. было опубликовано циркулярное сообщение, в котором были предложены для предварительного международного обсуждения на конференции следующие два главные пункта: 1. Изыскание средств, способных положить предел дальнейшему развитию вооружений и 2. Подготовление почвы для обсуждения

вопросов, касающихся возможного предупреждения вооруженного столкновения мирными способами.

Первый из этих вопросов оказался настолько трудным и сложным, что конференция была не в силах его разрешить. Находя в принципе, что нынешние вооружения чрезмерно тяготят стонущие под их бременем народы, представители держав не могли, однако, приложить этот вывод на практике за отсутствием, как сказано в заключительном акте, предварительно подготовленного материала. Вот почему конференция нашла возможным отложить этот сложный вопрос о приостановке вооружения до полной всесторонней разработки его отдельными правительствами.

Но конференция не остановилась лишь на этом пожелании в вопросе о приостановлении вооружений: чтобы побудить правительства заняться этим существенным вопросом и предложить его на обсуждение будущей конференции, представители держав вынесли следующую торжественную резолюцию, внесенную в заключительный акт: «Конференция полагает, что ограничение военных тягостей, которые теперь угнетают народы, в высшей степени желательно для увеличения материального и нравственного блага человечества».

Исходя из того же стремления облегчить военные тяжести, Гаагская конференция выработала правила, которые, несомненно, будут иметь влияние на упорядочение войны и устранение всех жестокостей, бесцельно увеличивающих страдания воюющих сторон. С этой целью конференцией составлены *конвенции*: 1. О законах и обычаях сухопутной войны, 2. О применении принципов Женевской конвенции 1864 г[24]. к морской войне, 3. О мирном улажении международных столкновений и 4. Три декларации: а) о воспрещении бросать с воздушных шаров разрывные снаряды, б) о воспрещении употреблять снаряды, имеющие единственною целью распространять удушливые газы, и в) о воспрещении употреблять пули, которые легко сплющиваются в человеческом теле. Кроме того, конференция выразила также пожелания: 1. О внесении в программу следующей конференции вопроса о правах нейтральных стран во время войн, в особенности морских, 2. Об изучении вопроса о типах и калибрах морских орудий и 3. О новой специальной конференции для полного пересмотра Женевской конвенции.

Из указанных работ конференции особенно следует отметить конвенцию, признавшую принципы Женевской конвенции. Еще в

1864 г. европейские государства, по почину Швейцарии, пришли к необходимости об установлении международного соглашения для облегчения участи раненых и больных воинов во время войны. Представителями держав, собравшимися на международную конференцию в Женеву, тогда же были выработаны основные положения такого соглашения, к которому, кроме всех европейских государств, присоединились шесть американских и одно азиатское (Персия). В основу этого соглашения положена идея помощи и покровительства всякому раненому, своему и врагу, безразлично.

Согласно правилам Женевской конференции, во время войны признаются нейтральными и неприкосновенными приемные покои и военные госпиталя со всеми находящимися в них больными и персоналом служащих по интендантской, врачебной, административной и перевязочной части для раненых, а также священнослужителей; воюющие стороны оказывают покровительство, принимая больных и раненых без различия национальности; равным образом пользуются неприкосновенностью и местные жители, подающие помощь раненым; каждый раненый, принятый и пользующийся уходом в каком-либо доме, служит охраною этому дому, который освобождается от военного постоя и от некоторой части военных контрибуций и пр.

Хотя эти главнейшие положения Женевской конвенции подверглись изменениям и дополнениям на международных совещаниях и в разных ученых обществах, но постановления конвенции 1864 г. до последнего времени сохранили свою первоначальную редакцию, не имея в то же время обязательной силы как не утвержденные державами. Утверждения эти положения не получили и на Брюссельской конференции 1874 г., созванной по почину покойного императора Александра II, для определения обычаев и законов во время войны. Лишь Гаагская конференция признала принципы Женевской конвенции обязательными, с применением их и во время войн морских.

Но из всех вышеперечисленных результатов конференции важнейшим, бесспорно, является конвенция о миролюбивых средствах разрешения международных несогласий. Эта конвенция – одна из лучших памятников Гаагской мирной конференции. Она не только оставила в силе уже практиковавшиеся в сфере международных отношений миролюбивые средства, в виде посредничества, предложения добрых услуг и третейского разбирательства, но для мирного улажения международных столкновений ввела новые средс-

тва в виде постоянных следственных комиссий для выяснения на месте фактов, давших повод к недоразумению между государствами, и третейского суда с постоянным бюро.

Надо ли говорить о том, что из всех мер, предлагаемых в целях упорядочения международных отношений, самое серьезное и действительное значение имеет вопрос об учреждении международного третейского суда. С этим вопросом связаны и все остальные вопросы правильного международного общения, преследующего соблюдение и поддержание начал справедливости в области международных отношений. От правильного разрешения этого вопроса зависит также и желание правительств освободить народы от тягостей военного времени, которое в значительной мере потому и имеет место, что государства, на случай столкновений между собой, не уверены в справедливом к себе отношении со стороны других государств, не обеспечены в беспристрастном суде, что и заставляет их в ущерб интересам своих народов содержать многочисленные и дорогостоящие армии, которые в случаях столкновений и являются вершителями судеб народов... При уверенности же в существовании такого дела, теряет свой raison d'etre* необходимость содержания столь многочисленных армий; при таком способе организации международного общения, численность армий должна быть доведена до минимума, поскольку существование ее оправдывается потребностями внутри самого государства.

Вот почему мы находим необходимым остановиться на выработанном Гаагской конференцией уставе международного третейского суда, в составлении проекта которого принимали наибольшее участие русские, английские и американские делегаты; докладчиком проекта выступил бельгийский представитель Декан; в комиссии, рассматривавшей проект, особенно большую деятельность обнаружили французские, бельгийские, голландские и немецкие делегаты, и из числа их много содействовал принятию проекта представитель Франции Леон Буржуа[25] в качестве председателя комиссии и Детурнель в качестве секретаря. В проекте много заимствованного из русского проекта о третейском суде.

Устав начинается с указания на цель учреждения третейского суда. Цель эта – поддержание общего мира, для чего державы, подпи-

* *Причина бытия (фр.).*

савшие конвенцию, чтобы избежать по возможности употребления силы в международных отношениях, обязуются прилагать все старания к тому, чтобы мирными средствами добиться устранения споров, которые могут возникнуть между отдельными государствами.

Такими средствами являются, прежде всего, добрые услуги и посредничество одной или нескольких держав.

К этим-то средствам державы, подписавшие конвенцию, и обращаются прежде, чем взяться за оружие, «насколько это позволяет обстоятельство». Не только сами заинтересованные государств прибегают к добрым услугам и посредничеству держав, но конвенция признает полезным, чтобы одна или несколько держав, не участвующих в споре, предлагали *по собственной инициативе* свои добрые услуги и посредничество спорящим государствам. Это же право предоставляется нейтральным государствам во время враждебных действий, что, согласно конвенции, не должно считаться актом недружественным.

Однако в том и другом случае добрые услуги и посредничество имеют исключительно совещательный характер и совершенно чужды обязательной силы.

Конвенция предусматривает еще *особое посредничество*, заключающееся в том, что каждая из спорящих держав выбирает по одному государству, которому и поручает вступить в непосредственные сношения с державой, выбранной другой стороной для того, чтобы предупредить разрыв мирных отношений.

В тех случаях, когда между державами возникнут разногласия относительно таких обстоятельств, которые не могут быть выяснены обыкновенным дипломатическим путем, державы обязуются приступить к учреждению *международной следственной комиссии*, на обязанности последней и лежит выяснить на месте все фактические вопросы путем беспристрастного и добросовестного исследования.

Но в вопросах правовых и, главным образом, в вопросах толкования или применения международных договоров конвенция признает *третейский суд* наиболее действенным и в то же время наиболее справедливым средством к улажению спорных случаев, которые нельзя уладить дипломатическим способом. Чтобы воспользоваться третейским посредничеством, спорящие державы должны войти в соглашение, которое может состояться как относительно уже существующих споров, так и относительно споров, могущих возникнуть позднее. Раз состоялось такое соглашение об-

ратиться к третейскому суду, то оно заключает в себе обязательство добросовестно подчиниться приговору третейского суда.

Для облегчения непосредственного обращения к третейскому суду державы, по конвенции, обязаны организовать *постоянный третейский суд*, который обыкновенно собирается в Гааге, но с согласия спорящих сторон он может собраться и в другом месте. Суд этот образуется таким образом.

Сейчас же, после ратификации настоящей конвенции, в Гааге учреждается постоянный совет, состоящий из пребывающих в Гааге дипломатических представителей подписавшихся держав и голландского министра иностранных дел в качестве председателя. Совету этому вверяется учреждение и организация постоянного бюро, поставленного под его управление и контроль и имеющего значение канцелярии третейского суда. Постоянный совет сообщает державам о созвании суда, устанавливает порядок судопроизводства, а также решает все вопросы, касающиеся функций суда, и сообщает державам о деятельности суда.

Состав третейского суда образуется из указанных державами лиц. Для этого всякая держава в течение трех месяцев после утверждения настоящей конвенции указывает не более 4 человек, признанных компетентными для обсуждения вопросов международного права и пользующихся полной моральной неприкосновенностью. Лица эти вносятся в особый список членов суда, сообщаемый всем державам. При этом две или несколько держав могут сообща назначать одного или нескольких членов, равно одно и то же лицо может быть назначено разными державами. Члены суда назначаются на 6 лет, а затем могут быть назначаемы снова.

Державы, желающие обратиться для улажения возникающих между ними споров, выбирают из общего списка условленное ими самими же число судей и о своем намерении обратиться к суду, а также имена выбранных судей сообщают бюро.

Если при этом сторонами не установлено никакого другого соглашения, относительно сформирования третейского суда, то последний организуется таким образом: каждая сторона выбирает двух третейских судей, которые сообща выбирают верховного третейского судью, который и является председателем суда. Если третейским судьей является суверенный государь или глава государства, то определение третейского судебного производства подлежит исключительно его усмотрению.

Вообще же для решения споров между государствами в уставе третейского суда указаны правила судопроизводства, согласно которым процессу в международном суде придан в общем состязательный характер. Так, спорящие державы имеют право посылать в суд не только делегатов или особых агентов, но могут вверять защиту своих прав и интересов на суде, назначенным советникам или адвокатам; сторонам сообщаются все печатные рукописи и документы, находящиеся в актах данной стороны, причем каждый из представленных одной стороной документов должен быть сообщен также и другой стороне; суд может требовать от сторон представления всяких бумаг и всяких объяснений, которые он сочтет нужным; представители сторон имеют право сообщать суду устно все, что находят полезным в интересах дела, имеют право предлагать вопросы и делать возражения, но судебное следствие происходит при закрытых дверях. Каждое решение суда принимается большинством голосов. О том, что происходит на заседаниях, составляются протоколы. Мотивированный приговор должен быть произнесен в публичном заседании суда, и такой приговор решает спор окончательно и заканчивает третейско-судебный процесс, начатый на основании «компромисса». Приговор такой обязателен только для спорящих сторон.

Такова организация международного третейского суда, которому конвенция придает такое важное значение, что находит нужным добавить, что подписавшиеся державы считают своей обязанностью в случае, если грозит резкий конфликт между двумя государствами или несколькими из них, напомнить им, что в их распоряжении находится постоянный третейский суд, к которому советует обратиться в высших интересах мира.

Как этот «совет», так и встречающиеся в разных пунктах конвенции выражения вроде «по возможности», «если позволят обстоятельства» доказывают, что представители держав на Гаагской конференции в своих работах, стремятся удовлетворить назревшее желание держав поддержать и упрочить мир между государствами, в то же время были озабочены соблюдением интересов отдельных государств.

При том количестве и разнообразии политических вопросов, созданных международной политикой даже за самое последнее время, не говоря уже о полученных в наследие от предшествующих эпох, вряд ли можно ставить в вину членам конференции отмеченный образ их действий. Как бы каждый из них не был воодушевлен идеей

мира, все же он не должен был забывать, что является на конференции охранителем интересов государства, пославшего его на международное собрание в Гаагу и, конечно, с известными инструкциями, составленными правительствами по соображениям с собственной политикой. Этим в значительной мере объясняется указанная выше осторожность в редактировании тех или иных статей устава о международном третейском суде. Тем не менее уже одно учреждение постоянного третейского суда, в возможность которого еще так недавно мало верили, придает составленной конвенции о мирном улажении международных столкновений серьезный и действительный характер.

Пусть в конвенции этой нет ничего обязательного и принудительного, но немыслимо, чтобы державы, призванные создавать и упрочивать правовой порядок среди народов, миновали в своих распрях третейский суд, ими же учрежденный для улажения международных столкновений, и вопреки всем требованиям справедливости взялись бы за оружие!..

Но действительно ли нет силы, которая могла бы повлиять в таких случаях на государства?

Ответим на этот вопрос прекрасными словами, сказанными мистером Стэдом[26], этим апостолом мира, по поводу конвенции о третейском суде:

«По самой природе вещей в нынешней стадии человеческой эволюции нет силы на земном шаре, которая могла бы принудить к исполнению подобного обязательства, нет силы, кроме одной, и эта одна не может быть втиснута в рамки какой бы то ни было дипломатической конвенции. Единственная сила, способная принудить к принятию этого обязательства миротворного механизма, заключается в общественном мнении, в решимости народов требовать, чтобы их правительства обращались к третейскому суду по объявлении войны. До сих пор общественное мнение и миролюбивое население не имело под рукой никакого средства для улажения международных раздоров, кроме устрашающего механизма из армии и флотов, который всегда тут, всегда очевиден, всегда готов к употреблению для разрешения споров. Теперь, впервые, мир организовал свой механизм и установил свои правила для разрешения международных раздоров. Вместо того чтобы импровизовать суд в последнюю минуту, когда страсти разгорячены, теперь предусмотрена организация третейского суда, который во всякое время может быть приведен в действие. Воспользоваться этим судом и

дать вполне созреть посеву, сделанному в Гааге, такова задача всех тех, кто заботится о благе человечества».

Об этом нравственном воздействии общественного мнения говорил в заключительной речи на конференции и голландский министр иностранных дел Бофор, который закончил речь указанием на то, что «это воздействие уже проявилось, что оно будет все ощутительнее и ощутительнее и укрепится в общественном сознании».

Этот энтузиазм, с которым во всех слоях общества просвещенных народов была встречена идея мира, создавшая среди поборников мира «войну против войны», служит лучшей гарантией проникновения и укрепления в общественном сознании необходимости нравственного воздействия, которое одно в состоянии спасти народы от гибельных последствий вооруженного мира.

Т[опчибашев]

Каспий. 1899. 31 июля.

Политика Англии

28 сентября 1899 г.

Сообщенные за последние дни по телеграфу сведения не оставляют никакого сомнения в том, что война между Англией и Трансваалем[27] фактически уже началась. С обеих сторон уже сделано много приготовлений: мобилизовано войско, составлены отряды, закуплены припасы для войска и фураж для лошадей, а английские солдаты уже отправлены в Капскую колонию из Индии. Дело только за первым выстрелом, который, как это ни странно, произведет, по всей вероятности, маленькая Южно-Африканская республика[28], едва располагающая мизерной пятидесятитысячной армией против великой мировой империи, этой владычицы морей, во владениях которой никогда не заходит солнце...

Потомки голландских колонистов в капской земле, поселившиеся на восточной стороне Южной Африки, трансваальские боеры[29] (фермеры-крестьяне), после тщетных усилий предотвратить войну со всеми гибельными последствиями решились наконец взяться за оружие и ценой жизни сохранить свободу и независимость созданной ими республики.

Безгранично любя свободу, это драгоценнейшее и необходимое украшение человека, отважные республиканцы Трансвааля во главе с «дядей Павлом», как они добродушно называют своего президента Крюгера[30], самоотверженно выступают в защиту естественных прав своей страны, не страшась того подавляющего превосходства военных сил, которыми обладает их могущественный соперник – Англия, располагающая сотнями тысяч дисциплинированных солдат, хорошо вооруженных усовершенствованными орудиями и пулями «дум-дум», а также всеми другими средствами для успешного ведения военных действий.

Поистине, надо иметь особую веру в свою правоту, чтобы решиться на такую войну, какую предстоит выдержать доблестным гражданам Трансваальской республики, зная почти заранее об исходе ее...

Чтобы решиться на подобный неравный бой в настоящее время, когда исход войн находится в зависимости не столько от храбрости

воющих, сколько от качества пускаемых в дело новейших усовершенствованных орудий, надо быть действительно богатырем, но с силами не физическими, а нравственными; надо до самоотверженности верить в господство и непреложность идей свободы и истины; надо быть отважным врагом всякой несправедливости.

Такими-то богатырями в смысле нравственности и являются боеры маленькой Южно-Африканской республики.

Вся предшествовавшая настоящей борьбе жизнь этих боеров и самое образование их республики, являясь весьма поучительным примером, служат тем живительным источником, из которого доблестные потомки голландских фермеров набирали необходимых нравственных сил, дающих им возможность стать теперь лицом к лицу с грозным врагом.

Достаточно для этого проследить хотя бы вкратце историю переселения голландских колонистов в Южную Африку и образования ими самостоятельных государств.

Первое появление этих колонистов на юге Африки, а именно в капской земле, относится к 1652 г., когда голландская Остиндийская компания[31] образовала на берегу Столового залива[32] поселение. Со свойственной голландцам энергией, благодаря чему нидерландские болота и песчаные берега превращены в цветущие поля и тучные нивы, колонисты принялись за культуру края, углубляясь все дальше и дальше внутрь страны. Но уже в следующем столетии область эта была завоевана англичанами, за которыми окончательно укреплена Венским конгрессом 1815 г.[33] С этого-то времени начинается расширение владений Англии, сопровождаемое продолжительными войнами с народами кафрских племен.

Безжалостно истребляя дикие племена Южной Африки, англичане в то же время стали сильно притеснять и голландских колонистов, к которым присоединились переселившиеся сюда французские гугеноты, усвоившие голландский язык. Вынужденные оставить колонию буры, недовольные английским владычеством, избрали себе новое место – Наталь, к востоку от капской земли.

Но и эта область была захвачена англичанами и позднее присоединена к ее Капской колонии[34]. Тем временем буры, продолжая переселяться в глубь африканского материка, основали сперва самостоятельную республику – Оранжевую[35], а когда и эта подпала под власть англичан, образовали республику Трансваальскую, а теперь Южно-Африканскую.

Но провозглашение независимости этих республик, а главное те естественные богатства, которыми изобилует эта страна в виде открытых в ней богатых залежей золота и алмазов, еще более усилили домогательства все тех же англичан, поставивших целью во чтобы то ни стало сломить политическую и гражданскую самостоятельность свободолюбивых буров, подчинить их своей политике, вмешаться во внутренние дела этих республик и завладеть их природными богатствами. Затеянная в этих видах война с Оранжевой республикой, при содействии одного из туземных племен, после продолжительных военных действий с переменным успехом закончилась в 1854 г. мирным договором, по которому за республикой была обеспечена независимость. Это не помешало той же Англии в 1871 г. захватить часть Оранжевой республики, а затем обратить свое оружие против Трансвааля. Однако последний остался победителем, причем конвенцией 1881 г., видоизмененной в 1884 г.[36], была признана полная независимость Трансвааля от Англии в области внутренней политики. В отношении внешней политики Трансвааль обязался представлять на ратификацию английского правительства все договоры, заключенные республикой с иностранными державами.

Но не такова тенденция политики Англии, чтобы соблюдать с другими государствами, в особенности со слабыми, заключенные договора!.. Уже в 1895 г. Англия вновь сделала попытку захватить Трансвааль и надеялась достигнуть цели при помощи разбойнического набега на республику Джемсона, но опять пришлось отступить.

За все это время непрерывных войн, угрожавших целости и независимости Южно-Африканской республики, боеры успели проникнуться той любовью к свободе и своему государству, из-за которой они теперь готовы вновь бороться со свойственной им отвагой и искусством. Несмотря на конвенцию 1884 г., Англия опять проявляет притязания во вмешательство во внутренние дела республики. В этом – конечный пункт всех стремлений англичан, хотя министр колоний Чемберлен[37] в начале теперешнего конфликта показывал вид, что он домогается лишь предоставления уитлендерам (промышленным монополиям) выборного права без всяких ограничений после пятилетнего пребывания в стране.

Президент Крюгер дал согласие не только на такое незаконное требование, но даже принял приглашение участвовать в новой конференции для улажения возбужденного вопроса. Но и это не помогло!

В ноте от 28 августа мистер Чемберлен наконец высказался, что даже и при разрешении вопроса о правах уитлендеров, есть еще и «другие споры между обоими правительствами, до разрешения которых кризис не может считаться законченным».

Англии не впервые приходится действовать подобным образом. Вспомним ее отношения к бывшим американским колониям, ускорившие образование из последних такого могущественного государства, как Соединенные Штаты Северной Америки.

Нам хотелось бы верить, что и настоящие притязания английского правительства приведут к однородным последствиям. Недаром соседняя Оранжевая республика выказала полную солидарность с Трансваалем. Недаром далее губернатор Капской колонии сэр Мильнер донес английскому правительству, что и в этой колонии, равно как на границе Наталя, много сочувствующих отважным трансваальцам.

Недаром, наконец, все колонисты Южной Африки называют себя одним общим именем *африкандеров*, противопоставляя себя, тоже белой расы, своим вечным притеснителям англичанам...

Тогда вместо великой «Южно-Африканской империи» от Капштадта до Каира, как о том мечтают англичане, процветали бы «Южно-Африканские Соединенные Штаты», которые больше и лучше заботились бы о себе и о культурном развитии туземных племен и этим спасли бы страну от печальной участи великой Британской империи в Индии, население которой под владычеством «просвещенных мореплавателей» вот уже который год гибнет от чумы и голода.

Т[опчибашев]

Каспий. 1899. 28 сентября.

К приезду министра земледелия

30 сентября 1899 г.

Вчера в небольшой статье мы наметили вопросы, относящиеся специально до нефтяной промышленности, разрешение которых находится в связи с приездом к нам министра земледелия А. С. Ермолова[38].

Мы начали с этих вопросов, так как они имеют весьма существенное значение для правильного урегулирования всего нефтяного дела, этого главного нерва и источника благосостояния города Баку со всем его нефтяным районом. Богатейшие промыслы этого района, как известно, пользуются особым вниманием нашего правительства, причем ввиду особых свойств нефтяной промышленности заботы о ней распределены между несколькими ведомствами. Министерству государственных имуществ и земледелия в этом отношении принадлежит весьма важная роль как хозяину земель, на которых расположены нефтяные промыслы. В компетенцию этого министерства входят такие важнейшие вопросы нефтяной промышленности, как установление правил об аренде нефтяных земель, о заявках, торгах и разведках на нефтяных землях. Ввиду все увеличивающейся площади нефтеносных земель особое значение для развития всего нефтяного дела имеют вопросы об изменении правил на торги по отдаче земель в промысловой площади и о разрешении производства разведок на нефтяных землях. Изменение ныне существующих по этой части правил и предлагается в виде мер удешевления жидкого топлива, в чем так сильно нуждается казенное ведомство, являющееся главным потребителем такого топлива.

Поставленные на очередь вопросы имеют в виду придать нефтяной промышленности более правильное течение, исключением из нее по возможности всего того, что носит характер спекуляций, столь вредно отзывающийся не только на отдельных жертвах спекулянтов, но и на интересах всего нефтяного дела.

Отсюда понятно все важное значение, какое имеет для бакинской нефтяной промышленности приезд в наш город А.С. Ермолова, который еще в 1894 г., при первом посещении Баку, отнесся внимательно к нуждам бакинских промыслов, пожелав последним блестящего развития.

Но приезд министра земледелия имеет значение не для одного нефтяного района, а для всей Бакинской губернии, для всего Восточного Закавказья и, наконец, для всего Кавказа. Правда, настоящий приезд А.С. Ермолова совпал с весьма неблагоприятным для нашего края годом, когда в особенности все Восточное Закавказье переживает небывалый сельскохозяйственный кризис, благодаря которому население нуждается даже теперь в помощи правительства и общества. Но, нам кажется, что посещение министром земледелия Кавказа именно в настоящее время является и уместным, и особенно желательным.

Такому авторитетному и всесторонне опытному знатоку состояния сельского хозяйства в его прошлом и настоящем, каким является А.С. Ермолов, не приходится говорить о причинах постигшего многие местности нашего края недорода хлебов и трав, не приходится прежде всего потому, что наш министр земледелия до вступления своего на занимаемый им пост приобрел известность, как исследователь причин неурожаев в России. В частности же, относительно печального положения сельского хозяйства в нынешнем году А.С. Ермолов осведомлен из тех официальных отчетов, которые составлены командированными на Кавказ чинами министерств земледелия и финансов. Читатели наши знают, что в отчетах этих подтверждается недород хлебов и трав и связанные с этим бичем Божьим мрачные картины, описания которых в таком множестве сообщались нашими корреспондентами из разных мест Бакинской губ. и других частей Восточного Закавказья.

Таким образом, остается только констатировать этот печальный факт и убедиться в том, что отличающийся почти сказочными естественными богатствами край, при всей энергичности и трудолюбии его мирного населения, очутился, благодаря существующим неблагоприятным условиям – в бедственном положении. Эти неблагоприятные условия имеют не временный или случайный характер, а напротив, они влияют отрицательно на развитие сельского хозяйства, а следовательно, и на экономическое благосостояние края, и будут иметь такое пагубное значение впредь до изменения их или устранения.

Об этих условиях, вредно отражающихся на всем сельском хозяйстве в крае, нам не раз приходилось говорить на страницах «Каспия», а потому мы ограничимся теперь только указанием на них.

В ряду причин, до сих пор сильно тормозивших развитие такой важнейшей отрасли народной экономии Закавказья, как сельское хозяйство, бесспорно первое место принадлежит отсутствию в нашем крае надлежащего поземельного устройства крестьян. Господствующие ныне в этом отношении порядки, лишив крестьян всякого представления об определенных правах на владеемые ими земли, поставили их в положение, несомненно, худшее, чем они находились даже при ханском правлении, когда знали только одного правителя, с которым и рассчитывались за право владеть землей. Целый ряд учреждений – административных (общая полиция, управление государственными имуществами), судебно-административных (мировые посредники, поселянские присутствия), судебно-межевых и чисто судебных, в которых приходится ведаться крестьянам по земельным делам, должен произвесть и произвел в умах туземцев невообразимую путаницу в тех обязательных отношениях, которые еще продолжают существовать между крестьянами и помещиками. Эти устаревшие уже отношения лишают крестьян сознания права на определенный кусок земли, а эта неопределенность, в свою очередь, ведет к ослаблению энергии, инициативы, самодеятельности, что замечается на каждом шагу: находясь в неопределенном положении в отношении главного источника крестьянского хозяйства – земли, естественно, что крестьяне не столь энергично и охотно принимаются за улучшение средств, способствующих развитию сельского хозяйства в виде улучшения путей сообщения, усвоения усовершенствованных машин и пр.

Обеспечьте наших крестьян землей, устройте их быт в административно-хозяйственном отношении согласно с назревшими потребностями времени, тогда сама жизнь выдвинет ряд вопросов и мер, которые теперь предлагаются тем же крестьянам только на бумаге...

Теперь закавказский крестьянин, не обеспеченный в достаточном количестве землей, без определенных прав и на возделываемый им кусок земли, ограничивается обыкновенно работой, едва достаточной для прокормления себя и семьи...

При таком положении о переходе хозяйств к более интенсивной культуре не может быть и речи. Такой переход, повторяем, возможен лишь при наделении землей в достаточном размере и определении прав на последнюю.

Не в лучшем положении находятся и помещики Закавказья, которые благодаря той же неопределенности прав на земли и неразмежеванности последних заняты больше бесконечными спорами с местными управлениями государственных имуществ, чем улучшением своего хозяйства. Местная печать то и дело отмечает существующие во всем нашем крае неурядицы в аграрных делах, служащие главнейшим источником не только упадка экономического состояния населения, но создающие богатую почву для совершения разного рода правонарушений и преступлений, задерживающих развитие общей гражданственности целого края.

Итак, вопрос о поземельном устройстве на Кавказе является вопросом жизни его населения, и хотя в последнее время в высших сферах приняты меры, подвинувшие разрешение этого вопроса, но скорейшее окончание его в интересах и общегосударственных особенно желательно.

Важность этого вопроса сознавалась как Министерством государственных имуществ и земледелия, так и главным кавказским начальством, что явствует из длинного ряда разных мер, проектов, записок и т.д., составленных в разное время по сему вопросу и подготовивших дело настолько, что выработанные главные основания поземельного устройства крестьян Закавказского края в ближайшем будущем должны быть внесены на рассмотрение Государственного Совета.

В непосредственную связь с рассматриваемым вопросом поставлено ныне и переселенческое дело, которым так заняты местные управления государственных имуществ. Роль последних в деле собирания сведений о местах, на которых возможно устройство новых поселений, в связи с данными, касающимся современного положения крестьян Закавказья, представляется весьма важной в деле правильного разрешения переселенческого вопроса... Надо ли говорить о том, сколько требуется в этом деле проявлять умения, такта и справедливости, чтобы пристрастным отношением к делу не возбуждать недоверия местного населения, а напротив, рассеять, то сделавшееся теперь среди крестьян общим убеждение, что с устройством новых поселений у них будет отнято и то, чем они ныне владеют...

За поземельным устройством крестьян, после обеспечения их, если можно так выразиться, телесно, следует другой вопрос, тоже первостепенной важности – о развитии в Закавказье сельскохо-

зяйственного образования. Без этого духовного рычага земледелие не может прогрессировать, и способы занятий им, оставаясь вне новейших усовершенствований, будут покоиться на примитивных началах, продолжающих, к сожалению, господствовать среди наших крестьян. Но разнообразные условия – климатические, почвенные и расовые – требуют такой постановки сельскохозяйственного образования, которое на всех стадиях своих, – действуя в крае же, было бы приноровлено к нуждам именно кавказского сельского хозяйства. Иными словами, необходимо создание низших, средних и даже высшего сельскохозяйственных учебных заведений в самом крае с тем, чтобы питомцы этих школ по выходе из последних могли бы быть действительно практически полезными сельскому хозяйству Кавказа.

Когда же у крестьян, при обеспеченности их землей, будут благодаря школам не только материальные, но и духовно-моральные силы, то борьба их с такими печальными явлениями настоящей экономической жизни, как порабощение сельских обывателей алчными кулаками и скупщиками, вследствие отсутствия дешевого мелкого кредита, будет для них не страшна. А при этих условиях подойдет очередь и до других нужд, которыми ныне в таком множестве опутано сельское хозяйство нашего края.

Высказанное нами пока только pia desideria*!

Но нет сомнения, что ведомство Министерства земледелия стремится к осуществлению намеченных благих желаний. В этом отношении особенно надо отметить то просвещенное внимание, которое уделяет нашему краю министр земледелия при тех многочисленных и разнообразных заботах, вызываемых еще молодым учреждением – Министерством земледелия, первым руководителем которого является А.С. Ермолов.

Созданные А.С. Ермоловым за последние пять лет на Кавказе учреждения, имеющие в виду распространение сельскохозяйственных знаний, доказывают, что министерством составлена систематическая программа деятельности в целях подъема сельскохозяйственной культуры в крае.

Такие учреждения, как опытные садовые и сельскохозяйственные станции в Сухуми и Сочи, кавказская шелководческая станция, опытные табачные плантации, сакарский питомник, школы садо-

* Благое пожелание (лат.).

водства и сельского хозяйства и проч., без сомнения, будут рассадниками распространения среди крестьян знаний по сельскому хозяйству. А если иметь в виду и те меры, которые уже приняты под высшим руководством министра земледелия в отношении важнейшего из намеченных вопросов о поземельном устройстве крестьян, то мы можем безошибочно сказать, что находимся накануне полного преобразования нашего сельскохозяйственного строя, которое, как мы надеемся, будет совершаться постепенно сообразно с нарождающимися потребностями новой экономической жизни и в интересах коренных жителей нашего края.

Надежда эта связана с нынешним приездом на Кавказ министра земледелия А. С. Ермолова, и мы приветствуем этот приезд, видя в нем залог экономического преуспевания населения нашего края.

Т[опчибашев]

Каспий. 1899. 30 сентября.

Пособия и пенсии

14 ноября 1899 г.

Наряду с делами об отчуждении городских земель, в программах думских заседаний не менее излюбленными являются доклады управы о назначениях пособий и пенсий. Правда, по Городовому положению (ст. 138) производство пенсий и пособий лицам, прослужившим по общественному управлению, отнесено, в числе многих других расходов, на средства городского населения, но нельзя не указать, что наше общественное управление в лице управы, а иногда и самой думы, весьма широко понимает это свое право и щедро раздает просителям пенсии и пособия.

Еще в начале настоящего года одним из гласных, несущим обязанности члена ревизионной комиссии, в заседании думы было заявлено, что управа назначает пособия служащим даже и при отсутствии ходатайства об этом со стороны лица, одаряемого из городских средств. В виде примера было указано, что на просьбу одного из служащих только об отпуске управа ответила не только разрешением отпуска, но и выдачей пособия. Далее, совсем уже недавно – в заседании 9 ноября – управа внесла в думу доклад о выдаче пенсии городскому кассиру, несмотря на то, что этот последний продолжает еще состоять на службе и только заявил о своем намерении покинуть занимаемое им место ввиду предполагаемого преобразования штата городской кассы. А незадолго перед этим докладом управа просила думу выдать пособие служащим при городском опреснителе по случаю оставления их за штатом.

Нельзя, конечно, быть против назначения служащим и служившим пособий и пенсий не только потому, что по закону эта обязанность возложена на общественное управление, но и потому, прежде всего, что всякий радетельный хозяин, обязанный в собственных интересах иметь и дорожить хорошими работниками, должен заботиться о материальном обеспечении своих работников и на случай их болезни, старости и пр.

В этом отношении наша дума в ее настоящем составе должна быть поставлена вне всяких упреков: с момента вступления в

обязанности «хозяев» города Баку наши гласные проявляют похвальные стремления сколько возможно хорошо обеспечить всех служащих по общественному управлению.

Все мы помним заседание 2 января 1898 г. и его щедрые результаты, когда как из рога изобилия потекли такие редкие оклады содержания, как 10 000 – городскому голове, 3 600 – члену управы и 3 000 – городскому секретарю!

Нельзя, конечно, забыть и весьма гуманного отношения думы к судьбе всех остальных служащих, выразившегося в единодушном принятии проекта о процентных прибавках за каждые пять лет службы.

А та масса разнообразных ходатайств о прибавках к жалованию, того или другого пособия, увеличения квартирных денег или найма более удобных квартир и т.д. и т.п. Разве можно все это забыть?

Надо отдать полную справедливость нашим гласным, которые, помимо доводов управских докладов, приводили такие мотивы о необходимости прибавок пособий, увеличении, что думе не приходилось колебаться, и утвержденные доклады управы быстро чередовались одни другими.

В числе мотивов, как на самый существенный, почти всегда указывалось на общественный факт дороговизны жизни в Баку. Платя сами почти бешенные деньги за квартиры, или, скорее, взимая таковые в качестве домовладельцев, гласные не пропускали случая останавливаться на этом мотиве, принимая в то же время во внимание и все прочие соображение частью практического, частью теоретического характера. Бывали, конечно, голоса contra* всяких прибавок и увеличений, но они оставались в меньшинстве. Как бы то ни было наша дума за эти два года ее полномочий всегда и охотно входила в положение всех служащих по общественному управлению.

И мы отмечаем эту сторону характера деятельности думы, чтобы сделать некоторый упрек нашей управе за ее доклады о пособиях и пенсиях. Отличительным свойством этих докладов надо признать стремление управы непременно взять, так сказать, самую высокую ноту. Мы говорим здесь о размерах предлагаемых пособий и пенсий, которые испрашиваются управой непременно в увеличенном виде, причем в оправдание этого приводится тот же всегда повторяемый мотив о дороговизне в Баку и пр.

* Против (лат.).

Нельзя же везде и всюду выезжать на этом излюбленном коньке! Ведь на то дума и дает высокие оклады, прибавки, пятилетки, чтобы вознаградить достойно хороших работников во время их работ. Каждый хороший управский работник имеет возможность сберегать себе и на черный день, на случай прекращения работы по болезни, старости и пр. Город-хозяин может дать им обеспечение, но уже не принимая во внимание всех тех мотивов, которые заставляют думу увеличивать оклады служащим. В таких случаях от города можно требовать лишь на обеспечение самого необходимого. Словом, размеры пенсий не могут быть особенно большими и, во всяком случае, не должны превышать 1/3 получавшегося пенсионером содержания. Повторяем, что приблизительно такой размер нам кажется более правильным ввиду именно того, что служащие по общественному управлению получают очень хорошие оклады, из которых часть, как надо предположить, может быть откладываема в виде сбережений. По этому соображению нельзя при выдаче пенсий и пособий служащим по городскому самоуправлению приводить основания, на которых выдаются таковые чиновникам, оставляющим государственную службу.

В виде примера сравним содержание, например, члена окружного суда, получающего по штату 2200 руб. в год, и то не полных – с вычетом в пенсионную кассу и эмеритуру, и члена Бакинской управы с окладом в 3600 руб. без всяких вычетов. Да плюс еще пятилетки, размер которых для последних больше размера пятилеток, получаемых членом окружного суда.

Таким образом, служащие по общественному управлению, получая весьма приличные оклады, пользуются последними полностью, без каких-либо вычетов, и на этом основании размер их пенсии, по крайней мере теперь, пока нет еще выработанного устава, ни в коем случае не может превышать 1/3 содержания, и то, конечно, прослужившим продолжительное время, например 20–25 лет.

Между тем, в своих докладах управа определяет размер пенсий на очень широких началах, что видно, между прочим, из рассмотренного думой в заседании 9 ноября ходатайства о назначении пенсии городскому кассиру, которому за 20 лет службы управа проектировала пенсию в 1000 руб., составляющие 2/3 содержания кассира, получающего 1500 руб., не считая пятилеток, наградных и пр. В этом докладе весьма подробно и точно были приведены сведения о числе лет службы выразившего желание оставить службу

кассира, о количестве членов его семьи, равно были указания на его хорошую службу просителя, на добросовестное исполнение им разных ответственных обязанностей, опять на дороговизну жизни в Баку, на представленные просителем целых два медицинских свидетельства о расстроенном здоровье и пр., но в то же время были упущены такие сведения, как возраст просителя, его имущественное положение, сведения о том, какие он раньше занимал должности, долго ли он исполнял обязанности кассира. Не говоря о других сведениях, которые дали бы возможность думе правильно ориентироваться в разрешении вопроса, одно указание на продолжительность времени исправления просителем обязанностей кассира убедило бы гласных, что управа совершенно неосновательно взяла для определения размера пенсии 2/3 из содержания кассира, так как проситель на той должности всего только один год, а раньше был исполнительным комиссаром, с содержанием в 600 руб. Ссылающаяся, когда это необходимо, на порядки, существующие на государственной службе, управа упустила из виду, что на этой службе пенсии определяются по окладам последних должностей, но если чиновник занимал ее менее 5 лет, то по предшествовавшим низким должностям...

В этом и заключается крайнее неудобство частичных и случайных ссылок на порядки государственной службы, которую вообще нельзя сравнивать с общественной, отправляемой при иных условиях, не говоря о существенном различии по цели и задачам того и другого рода службы...

В особенности такое уподобление мало выдерживает критики в вопросах об окладах, пособиях и пенсиях. Мы уже видели разницу между окладами содержания члена окружного суда и члена Бакинской управы. Если придерживаться оснований, которыми руководится управа при исчислении размера пенсии (2/3 с содержания), то за службу в 20 лет член управы получит пенсию в 2400 руб., т. е. больше чем член окружного суда на службе! Мало того, для последнего получение пенсии возможно при нормальном порядке лишь за 25 и до 30 лет службы, а прослужившие на государственной службе 10–20 лет чиновники получают 1/3 следующего им оклада лишь тогда, когда они выйдут в отставку по расстроенному совершенно на службе здоровью или по приключившейся неизлечимой болезни. Но что же составляет эта треть оклада? Для члена окружного суда, получающего 2200 в год жалованья, треть оклада

пенсии равняется 190 руб. 60 коп., а полный оклад, т.е. за 35 беспорочной службы, – 571 руб. 80 коп. Правда, тот же член суда получает еще эмеритуру, размер которой, завися от числа лет участия в эмеритальной кассе, значительно превышает установленные по пенсионному уставу оклады пенсий, но ведь член управы получает свои 3600 руб., не отделяя ничего в эмеритуру, которой нет у него, равно как пенсионного устава.

Итак, сравнение служащих по общественному управлению с чиновниками прежде всего невыгодно для первых, а потому лучше раз и навсегда оставить ссылки на порядки государственной службы... И без ссылок можно выработать правила о пособиях и пенсиях лицам, состоявшим на городской службе. Кажется, даже эти правила выработаны и управой составлен проект пенсионного устава. На каких началах будет практиковаться выдача пенсий по этому уставу – мы не знаем, но если в докладах своих управа руководится уже этим проектом, то нельзя теперь же не высказаться за то посягательство на городские средства, которое сделано в данном случае.

Ведь если управа спроектировала и впредь будет испрашивать пенсии в размере, какой она определила для городского кассира, то нетрудно предсказать, что лет через 10–15 изрядная часть городских денег будет идти на покрытие претензий одних пенсионеров города, да еще каких претензий! Предполагая, что управа и впредь будет действовать на таких широких началах, нетрудно вычислить, какая действительно громадная сумма будет уплачиваема городом на одни пенсии и пособия!

Эта сумма должна пугать каждого, в особенности если принять во внимание такие оклады содержания, как 1000 руб., 4800 руб., 3600 руб. и т.д. Надо ли говорить о том, что 2/3 из этих сумм составят приличное обеспечение и немало найдется служащих, которые, естественно, предпочтут получать пожизненную верную ренту, чем продолжать работать.

И немудрено, что это так и будет: порукой служит весьма благосклонное отношение заправил общественного управления к ходатайствам, вроде рассмотренного думой 9 ноября. Как известно, дума постановила назначить кассиру пенсию в размере 600 руб., т. е. выдала ему полностью содержание, которое этот служащий получал в прошлом году в качестве исполнителя комиссара, и дума так поступила из того же желания обеспечить своих служащих...

В результате от подобных докладов управы получается такое впечатление, что у нас слишком много занимаются самими служа-

щими, о материальном обеспечении которых и на службе и после службы проявляется так много забот. Делается это на том основании, что город нравственно обязан обеспечить своих работников. Но разве тот же город в лице своих органов не обязан нравственно заботиться о благоустройстве города и вообще о нуждах обывателей, коим нет числа? Разве не на общественном управлении лежит нравственная обязанность об обеспечении не только служащих хорошими окладами и пенсиями, но всех обывателей хорошей питьевой водой, мощеными и освещенными улицами, нормальным порядком на рынке, большим числом школ и пр. и пр. Разве та же управа, поспешившая внести в думу доклад о назначении пенсии лицу, не оставившему еще своего места, не обязана нравственно поспешить также составлением проекта о постройке «Пушкинского народного дома»? Разве... ну, всего не перечтешь, ибо на общественном управлении, и в частности на настоящей думе, лежит очень много обязанностей; а между тем половина срока ее полномочий уже истекла, а «возу все нет ходу»...

Т[опчибашев]

Каспий. 1899. 14 ноября.

Баку, 23 июня 1900 г.

23 июня 1900 г.

Несмотря на многочисленные телеграфные сведения, получаемые из разных мест Китая через консулов европейских держав и Соединенных Штатов, происходящие в настоящее время события, приковывающие невольно внимание всего мира к Поднебесной империи, продолжают оставаться мало понятными, поражая следящих за китайскими делами порою не только своей неожиданностью, но и странностью, и, во всяком случае, несоответствием многих поступков даже союзных государств с установившимися понятиями.

Странным, прежде всего, кажется тот факт, что до сих пор еще неизвестно, объявлена ли правительствами держав война или нет, то что же воюющая сторона – Китай, как политическая единица с его правительством и войсками, или же шайка мятежников, «Большие кулаки» и пр., не признающие, как сообщают те же консулы держав, власти богдыхана... Если же война не объявлена, то что значит этот неумолкаемый гром пушек, эти сражения и стычки, взятие фортов Таку, Тань Цзина с его арсеналом, тысячи потерь офицеров и солдат со стороны союзных держав и Китая, конфискация китайских боевых припасов, усиление контингента экспедиционного отряда держав, отправка в китайские воды все новых и новых броненосцев!?.

Ведь если дело идет только об усмирении китайских боксеров[39], решивших отделаться от ненавистных им миссионеров и вообще иностранцев, как об этом и говорилось в начале китайских событий в виде мотива к проявлению неприязненных действий и со стороны представителей союзных держав, то неужели для этого недостаточно одних китайских войск и нахождения в Таку военных крейсеров Европы и Америки...

Но, очевидно, дело не в «Больших кулаках»[40], а в чем – пока официально не выяснено, хотя по ходу событий в Китае за последние два года не трудно догадаться...

С несомненной очевидностью из всех полученных по телеграфу сообщений явствует одно, что положение дел в Китае принимает весьма серьезный оборот, и если до сих пор все сторонники мира могли с уверенностью говорить, что человечество на сей раз избегнет жестокого кровавого побоища в Азии, то теперь, по-видимому, чаща весов склоняется на сторону всевластного злого гения человечества – бога войны!..

По крайней мере, призраком готовящейся и страшной по последствиям человеческой резни веет от всей речи, переданной вчера по телеграфу и сказанной императором цивилизованной Германии в Вильгельмсгафене при отправлении целой дивизии войска в Китай.

Царственный оратор, верный неуклонному служению своему богу Марсу, воспользовался и на этот раз, чтобы выступить первым оракулом грядущих событий на Востоке.

Одним из самых точных известий, касающихся нынешних дел в Китае, является печальная весть об убийстве в Пекине германского посланника Кеттелера[41]. Нечего и говорить о том, что с точки зрения международного права факт убийства представителя могущественной иностранной державы является большим преступлением, требующим особого удовлетворения пострадавшего государства по тем правилам и обычаям, какие существуют и установились в международных сношениях государств.

И, конечно, Германская империя получила бы удовлетворение и, несомненно, в большей степени, чем даже принято по законам международного права, тем более, что с Китаем не принято церемониться. Но разве это удовлетворение может и должно быть непременно в той форме, в какой требует теперь же император Вильгельм[42], напутствовавший своих бравых брандербуржцев следующими словами: «Германский флаг оскорблен и Германская империя осмеяна, что требует примерного наказания и мести».

Эти слова – слова фанатика, требующего мести! Ими же дышит вся речь, с которой император Германии отпустил своих солдат в Китай, которому они должны «отмстить за несправедливость»...

Правда, требующий мести император сказал, что «мы сражаемся за цивилизацию, что мы думаем еще о более высоком – о нашей религии, о защите и охране братьев, которые там, за океаном, своей жизнью стояли за нашего Спасителя», – но думы о более высоком не мирятся с призывом к мести, с фанатическим кликом «подумать и о чести оружия». Еще менее эта воинственная про-

поведь мирится с учением Христа Спасителя, своими страданиями явившего миру пример, как надо исцелять человеческие недуги и каким путем можно заблудших наставлять на путь истины!!.

«На Бога надейся, а сам не плошай», – напомнил в заключение своей речи император Вильгельм своему войску это странное брандербургское военное изречение и тем еще раз подчеркнул усвоенный им от Фридриха Великого[43] девиз: «Сила и мощь народа только в мече».

Напрасно только вождь германской армии заявил, что печальный факт убийства посланника был для него искрой войны: сказанные им слова убеждают, что для Вильгельма достаточно было одной этой искры, чтобы быть готовым произвести целый пожар, последствия которого неисчислимы для целого мира...

Т[опчибашев]

Каспий. 1900. 23 июня.

Баку, 27 июня 1900 г.

27 июня 1900 г.

Серьезность положения иностранных посольств в Пекине, десантных отрядов держав под Тань Цзином и вообще иностранцев в Китае начинает все более и более выясняться.

Правда, несмотря на конец июня, мы продолжаем пока получать даже по телеграфу сведения, относящиеся к началу и десятым числам истекающего месяца, но и из таких сообщений не трудно представить себе то отчаянно-безвыходное положение, в котором столь неожиданно очутились европейцы в Китае.

Без подвоза съестных припасов, лишенные воды, не получая новых боевых материалов и подкреплений, двадцатитысячный отряд европейских войск оказался, конечно, не в состоянии сопротивляться несметным полчищам китайцев, надвигающихся на своих врагов со всех сторон в виде грозно сплоченных туч...

Но не одно несметное количество полчищ многомиллионного китайского народа могло поразить европейцев: они, как оказывается, встречаются на поле брани с хорошо дисциплинированными китайскими отрядами, предводимыми генералами-стратегами; а в арсеналах Китая европейцы находят столько ружей и военных припасов современнейшего типа, что уничтожают их более, чем на два миллиона рублей!

Да, в данном случае европейцам приходится иметь дело со страной, где все, начиная от боевых припасов, природных богатств и кончая воинами, считается, оценивается только на миллионы!!..

И эти миллионы воинов, как оказывается, не суть отдельные разрозненные единицы, но представляют тесно сплоченное целое, под одним общим знаменем, на котором понятным для китайцев языком начертана ненависть к иностранцам...

Вот какое страшное оружие, кроме оружий и боевых припасов, встретили европейцы в Китае; вот что должно было остановить слишком торопливо высказанное адмиралом Сеймуром решение двинуться на Пекин!...

Надо ли говорить о том, что этот лозунг, расшевеливший весь колоссальный китайский муравейник, самое опасное из всех орудий, выставленных теперь против европейцев, которые воочию убеждаются, до каких грандиозных размеров простирается народное возмущение в Китае, вызванное вероломной политикой, всякого рода притеснениями и эксплуататорскими стремлениями и действиями, ареной которых был, особенно в последнее время, желтый материк...

Самим европейцам приходится теперь быть свидетелями проявлений доведенного до nec plus ultra* отвращения к иностранцам: как сообщает вчерашняя телеграмма из Тань Цзина, китайцы производят ужасные жестокости ранеными и уродуют всех мертвецов... Лишь доведенная до апогея народная ярость может заставить этот имеющий многовековую самобытную культуру и всегда отличавшийся благоразумием, народ прибегнуть к таким нелепым действиям, как уродование мертвецов!

Европа не раз испытывала и выносила на своих плечах пагубные последствия народных возмущений, всегда увенчивавшихся успехом борцов, действовавших по неведомому, но глубоко затрагивающему внушению гения народного духа. Для примера, незачем тревожить историю европейских гражданских войн в виде войны Испании против Наполеона I[45] или войны 1812 г.[46], достаточно остановиться на свежем факте, единственном в своем роде проявлении стойкости и мужества в борьбе за отстаивание народных интересов.

Мы говорим, конечно, о славной отваге, проявленной против британского льва маленьким народом – бурами, обессмертившими себя той безграничной любовью к свободе и независимости своей страны и народа, которые и сейчас, несмотря на оглушительные орудийные выстрелы, раздающиеся с берегов Желтого моря, продолжают в беззаветной преданности к интересам народным непосильную борьбу с многочисленной английской армией.

Если до сих пор европейские державы были другого мнения о китайском народе, представлявшемся большинству в виде лишь инертной массы, весьма годной лишь быть объектом для дальнобойных адских орудий, то теперь получаемые сведения с театра китайских событий должны убедить, что им приходится иметь дело не с китайским правительством, не с войсками и флотом богдыхана, а со всем китайским народом, поднявшимся в защиту своей попираемой страны!

* До крайних пределов (лат.).

Это обстоятельство, как и следовало ожидать, заставляет и заставит державы действовать особенно благоразумно и несомненным последствием именно благоразумного образа действий является факт выступления Японии в роли пока единственной державы, принявшей на себя обязательства освобождения дипломатов и иностранцев, находящихся в Пекине, и восстановления порядка в Китае вообще. Несмотря на недавние еще победы Японии над китайскими войсками, все же правительство и войска этого народа, как родственного, несомненно, пользуются в Китае большей популярностью и потому нахождение японских отрядов на территории Китая будет для китайцев менее оскорбительно, а это, в свою очередь, должно значительно ослабить возбужденное состояние умов тех же «Больших кулаков» и тем обеспечить для Японии достижение цели, заключающейся в восстановлении общего порядка в Поднебесной империи. Более лучшее понимание самими японцами китайцев, их истории, религии, социально-экономического строя служит еще большей гарантией, что возможному кровопролитию со всеми его ужасными последствиями будет положен конец и разбушевавшаяся на желтом материке народная волна уляжется на благо всего человечества.

Англия, Франция и Германия уже дали свое согласие на такую роль Японии. Такое единодушие держав является наилучшим доказательством нежелания или невозможности для них вести войну с Китаем.

Столь благоразумное отвращение беды, грозящей всему миру неисчислимыми отрицательными последствиями, если только это предположение оправдается, докажет тем же миллионам китайцев, что европейцы действительно обладают чудодейственной силой сламывать мощь народов других частей земного шара не только войной, но и мирным путем...

Т[опчибашев]

Каспий. 1900. 27 июня.

Королева Виктория.
Некролог

11 января 1901 г.

Уже из первых телеграфных сообщений о болезни престарелой королевы Великобритании и Ирландии и императрицы Индии Виктории[47] можно было догадываться, что английскому народу в самом начале XX столетия предстоит выдержать новый удар судьбы и понести горестную утрату в лице обожаемой всеми великобританцами королевы-императрицы.

Тревожным извещениям по телеграфу предшествовали сообщения газет о том, что здоровье королевы Виктории за последнее время сильно пошатнулось, что она страдает от бессонницы и потери аппетита и настолько ослабла, что должна была отказаться от обычных новогодних приемов.

Все эти сообщения, как неизбежные симптомы начального события, завершились полученной вчера из Лондона краткой телеграммой о том, что в среду, 9 января, королева Виктория скончалась. Только что почившая королева, единственная дочь герцога Кентского[48], четвертого сына короля Георга III[49], и принцессы Луизы Виктории Саксен-Кобургской, родилась 24 мая 1819 г. и вступила на английский престол после бездетного дяди своего короля Вильгельма IV[50] ... 20 июня 1837 г.

Юная 18-летняя принцесса сделалась королевой Соединенного королевства Великобритании и Ирландии в момент величайших по значению и труднейших по разрешению внешних и внутренних событий.

Еще при предшественниках королевы Виктории – Георге III и Вильгельме IV – Англия во внутренних своих делах вступила на путь преобразовательных реформ, выдвинутых чреватой по своим благотворным последствиям борьбой партии вигов иториев.

Это было время, когда из старой партии вигов, основавшейся еще в конце XVII в., в период ожесточенной борьбы между королем и парламентом, выделилась новая фракция радикалов, которая

под именем сторонников «народной хартии» требовала всеобщего избирательного права, тайной подачи голосов, срочных ежегодно возобновляемых парламентов и т. п.; в то же время стоял на очереди такой грозный вопрос, как ирландский.

В политическом отношении вступление молодой королевы совпало с самым разгаром толчка, полученного народами Западной Европы и затем остального мира от Великой французской революции[51]. Сочувствуя всецело идеалам последней, английское правительство и народ, побуждаемые к тому либеральной партией вигов, в своей внешней политике старались поддерживать в других государствах общественные группы, стремившиеся к созданию и упрочению либеральных учреждений. Так, еще незадолго до королевы Виктории, в 1834 г., с этой целью Англия заключила с Францией, Испанией и Португалией известный в истории Четверной союз[52], для защиты либеральных учреждений на Пиренейском полуострове против абсолютистских стремлений испанских претендентов, Дона Карлоса[53] и др.

Чуткая по натуре и проникнутая гуманными чувствами, юная королева Англии с первых шагов поняла требования своего положения, времени и окружающих условий и приняла весьма деятельное участие в целом ряде тех глубоких внутренних преобразований и внешних дел, которыми полно все ее долговременное царствование.

Отмена хлебных законов, благодаря чему торговля хлебом сделалась свободной, открытие английских гаваней для кораблей всех наций без исключения, уничтожение навигационных ограничений и ряд биллей о свободе торговли; далее, значительное расширение избирательных прав низших классов, установление тайной подачи голосов на выборах, законы о народном образовании, ирландский земельный билль, закон об устройстве графств, придавший английскому самоуправлению более широкую выборную основу – вот какие и сотни им подобных законов и биллей были проведены в жизнь английского народа при королеве Виктории при помощи таких великих государственных мужей, как Дж. Рассел[54], Дж. Кобден[55], Дизраэли[56], великий старец Гладстон[57].

Только что почившая королева царствовала 63 с половиной года, обнимая собой весь период новой истории народов; говорить о царствовании королевы Виктории, – значит говорить о истории не только европейских народов, но и всего мира, так как все перипетии жизни Великобритании, как единственной в своем роде

мировой державы, связаны с историей не только отдельных народов, но и всех частей света.

Это время с полным правом может быть названо веком королевы Виктории, царствование которой есть живая история народов XIX в.

За время этого царствования Великобритания достигла высшего апогея могущества, несметных богатств, доставляемых ее многочисленными колониями, колоссального развития наук и искусств, а в особенности торговли и промышленности.

Но самое большое в ее могуществе и славе с этической точки зрения – это та заботливость об интересах низших классов, которое проявляет английское правительство, благодаря чему эти классы пользуются в Великобритании большим чем где-либо благополучием.

Действуя в этом направлении, английское правительство за время царствования королевы Виктории работало в смысле изменения старого английского аристократического строя в духе современного демократизма. И в этом направлении королева Виктория всегда шла навстречу желаниям народных представителей – парламента, и к чести ее будет сказано, она не запятнала своего царствования ни одним грубым вторжением в права, предоставленные конституцией каждому британцу, пользующемуся в силу этой конституции, освященной обычным правом common law, неприкосновенной свободой личности, имущества, сходок и печати. Напротив, своим строго конституционным отношением к парламенту и стране королева Виктория положила еще более прочное основание либеральным учреждениям Англии и, явив редкий пример строго конституционного монарха, положила конец возможности какого-нибудь конфликта между короной и парламентом.

В этом взгляде на свое назначение и служение народу подкреплял королеву ее супруг принц Альберт Саксен-Кобург-Готский[58]. Высокообразованный и весьма гуманный человек, принц Альберт был действительно добрым гением для юной Виктории, с которой он вступил в брак в 1840 г.

Двадцать один год совместной жизни были для королевы Виктории золотым ее веком: не вмешиваясь в государственные дела, принц Альберт посвятил себя всецело поощрению культуры, просвещения и улучшению нравственного и материального быта народа. Будучи покровителем ученых и художников, а также бедняков, принц Альберт приобрел для своей царственной жены небывалую популярность всего народа, который в своем обожании соединял

супругов в один образ, а свою любовь доказал величественным памятником, воздвигнутым на народные средства принцу Альберту, умершему в 1861 г., в лондонском Гайд-парке.

Недаром королева-вдова оплакивала смерть своего друга и до конца дней своих носила по нем глубокий траур.

Ныне английский народ проливает горькие слезы по своей королеве, имевшей в виду всегда интересы народных масс.

Для этого народа не стало королевы-матери, и вместе с ним весь мир потерял доброго и примерного конституционного короля, слава и память которого не должны быть омрачены даже сейчас происходящими печальными событиями на юге Африки.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 11 января.

Король Альберт Эдуард VII

14 января 1901 г.

«Le roi est mort, vive le roi»* – вот начало, на котором зиждется порядок престолонаследия во всех наследственных монархиях. Этого же начала придерживается и Соединенное королевство Великобритании и Ирландии, в котором с 1714 г. наследственная власть конституционного короля принадлежит Ганноверской династии[59].

В силу этого закона, освященного согласием королевской власти и представителей страны, корона в Великобритании и Ирландии переходит к наследнику престола непосредственно, не нуждаясь для этого в признании со стороны парламента или в предварительном короновании.

По праву первородства наследником английского престола считался принц Альберт Эдуард[60], старший сын только что почившей королевы Виктории и покойного принца Альберта Саксен-Кобургского. Ныне, со смертью королевы Виктории, наследный принц, как уже сообщил телеграф, вступил на английский престол под именем короля Эдуарда VII.

Новый английский король родился в 1841 г.; хотя по своему положению и условиям времени он получил хорошее образование, слушая лекции в английских университетах. Но за все эти 60 лет бывший наследник престола не принимал участия в государственных делах, чем и объясняется малая его популярность среди великобританского народа, который за такое отношение к государственным делам выразил свое неудовлетворение даже обожаемой им королеве Виктории, когда эта последняя после смерти нежнейше любимого супруга безучастно относилась к своим высоким обязанностям. Тем не менее принц Альберт Эдуард, ныне король, если и не с таким рвением и любовью, как его покойный отец, но все же принимал участие в делах разных просветительных и благотворительных учреждений; для большой же публики он известен

* Король мертв, да здравствует король (фр.).

как особый любитель спорта и законодатель мод, поощряющий везде и всюду ношение цивильного костюма.

Принц Уэльский много путешествовал, он посетил Соединенные Штаты и Канаду, а также в сообществе известных Стэни и Р. Овэна был в Греции, Египте и Палестине и, наконец, в 1876 г. по настоянию лорда Биконсфильда принц совершил путешествие в Ост-Индию для подготовления почвы к принятию почившей королевой титула индийской императрицы.

Новый английский король женат на старшей дочери датского короля – Александрине[61], родной сестре вдовствующей государыни императрицы Марии Федоровны[62], благодаря чему король Англии состоит в близком родстве с русским императорским домом. Эта родственная связь становится еще более близкой, если иметь в виду, что вторая сестра нового короля принцесса Алиса[63] – мать государыни императрицы Александры Федоровны[64], в то время как старшая сестра его принцесса Виктория[65] – мать германского императора Вильгельма II.

От брака с принцессой Александриной у нынешней английской королевской четы пятеро детей, из коих сыновья – Альберт-Виктор[66] и Георг[67], и дочери – Луиза[68], Виктория[69] и Магдалина[70]. Из сыновей старший – Альберт-Виктор, которому теперь 37 лет, становится наследником английского престола с титулом принца Валлийского или Уэльского. Этот титул дается наследнику престола со времени короля Эдуарда I[71], который в 1283 г. обещал жителям непокорного Валлиса (Уэльса), бывшего небольшим княжеством в самой дикой и гористой части Англии, поставит князя из туземцев, а вместо этого назначил князем своего сына, будущего короля Эдуарда II[72]. С тех пор наследник английского престола, если он старший сын царствующего короля, носит титул принца Уэльского (Валлийского).

С 1877 г., когда к владениям британской короны была окончательно присоединена Индия, английский монарх носит следующий титул: «Король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, его колоний и подвластных земель в Европе, Азии, Америке и Австралии, император Индии, защитник веры и пр.»

Содержание королю (так называемый civil list[73]) назначается парламентом при вступлении короля на престол. Покойная королева Виктория получала 140 тыс. фунтов стерлингов и, сверх того, пользовалась доходами с герцогства Ланкастерского (45 тыс. фун-

тов стерлингов) и 40–50 тыс. фунтов стерлингов на содержание дворцов. Только что вступивший король, в качестве принца Валлийского, получал 40 тыс. фунтов стерлингов и доходы с герцогства Корнваллийского – 65 тыс. фунтов стерлингов. Общая же сумма расходов на содержание всей королевской семьи достигает 720 тыс. фунтов стерлингов, т. е. около 7 миллионов рублей.

В праве парламента, предоставленном ему английской конституцией, давать содержание королю и членам его семейства заключается для всего великобританского народа верный залог преуспевания страны на пути строгой законности.

Правда, по началам английской конституции, король является первоисточником и формальным воплощением всякой правительственной власти, ему принадлежит право войны и мира, право заключения союзов, помилования, принятия и непринятия законов, верховный надзор над церковью и пр., но власть короля ограничена законами и правом парламента на вотирование материальных средств на все потребности страны.

Благодаря этому праву, в течение долгой борьбы королевской власти с парламентом представителям великобританского народа удалось дать восторжествовать тому началу, что «парламенту принадлежит право высказываться по всем вопросам, относящимся для общего блага и которые чины его сочтут нужным подвергнуть своему рассмотрению».

Эта формула была внесена парламентом в особый протокол еще во время борьбы его с королем Иаковым I[74], сыном Марии Стюарт[75].

И хотя король вырвал этот протест из протокола, но последующая история английской государственной жизни доказала, что представители народа хорошо поняли свое назначение, став в конце концов верным стражем народных интересов.

Только благодаря такой роли парламента, Великобритания достигла апогея своего могущества, колоссального развития торговли, флота и промышленности в том виде, в каком застает их король Альберт Эдуард VII.

Шестидесятилетний возраст нового короля и императора служит лучшей гарантией его знакомства с тем путем, по которому шла до сих пор английская внутренняя и внешняя жизнь. Пусть он мало занимался государственными делами, пусть он, как говорят, сторонник нынешней позорной войны с бурами, но все же первые годы его юности протекли под влиянием весьма гуманного отца, а

в течение остального периода принц Уэльский видел, какого строго конституционного образа действий держалась за долговременное свое царствование его мать, только что почившая королева Виктория.

Король Альберт Эдуард VII справится с предстоящими ему задачами в виде серьезных социальных реформ и внешних событий, как война на юге Африки и китайские события, только в том случае, если он будет содействовать упрочению установившегося в стране социально-политического строя, при котором в Соединенном королевстве держится на высоте своего достоинства королевская власть и обеспечиваются такие основные права английских граждан, как права неприкосновенности личности, имущества, право сходок и свободы печати.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 14 января.

Знаменательный акт

5 апреля 1901 г.

Высочайший рескрипт, данный на имя генерал-адъютанта П.С. Ванновского[76], является весьма важным государственным актом царствования государя императора Николая II.

Знаменуя собой крупное историческое событие, рескрипт 25 минувшего марта кладет определенную грань между прошлым и будущем такого первейшей важности вопроса общегосударственной жизни России, как народное образование.

В этом отношении высочайший рескрипт как по значению затрагиваемого вопроса, так и по определенности и яркости своего содержания должен быть приравнен к знаменательнейшим актам императора Александра II в памятную эпоху освободительных реформ.

Как и в то славное время русской истории, и ныне с высоты престола раздалось мощное слово державного вождя русской земли, который в своем отеческом попечении о новом молодом поколении кладет первый прочный камень в дело правильного устройства народного образования.

Стремление к такому устройству образования подрастающего поколения «составляло всегда одну из главных забот русских государей, твердо, но постепенно стремившихся к его усовершенствованию в соответствии с основными началами русской жизни и потребностями времени».

Освободительные реформы императора Александра II, оказавшие, как и дано было ожидать, столь большое влияние на подъем экономических и духовных сил России, развитие природных богатств страны, давшее сильный толчок росту русской промышленности и торговли, приобретение русской литературой и наукой права гражданства среди цивилизованных народов, более постоянные сношения русских с иностранцами, занятие Россией почетного политического положения в современном концерте держав – словом, «начала русской жизни и потребности времени» указали на весьма «существенные недостатки нашего учебного строя».

Эти недостатки выяснены «опытом последних лет», убедившем, что русская школа лишена была правильного устройства, почему государь император в постоянных заботах своих о благе России, столь нуждающейся для преуспевания своего в поднятии умственно-нравственного развития, признает «благовременным безотлагательно приступить к коренному пересмотру и исправлению» всего «нашего учебного строя».

В этих высокознаменательных словах нашего монарха заключается обширная и определенная программа, которая должна быть положена в основание предпринимаемого государем императором «коренного пересмотра и исправления» всего учебного дела. Вместе с тем высочайше отмечено, что «основные начала русской жизни и потребности времени» требуют для обширной империи с ее статридцатимиллионным населением иной постановки учебного дела, иной его организации.

С высоты престола указано, что существовавший на школу взгляд, видевший в «храме науки» лишь одно учреждение с известным административным режимом, без связи школы со всеми сторонами жизни государства, общества и семьи, что такой взгляд уже устарел, не удовлетворяет нисколько «основным началам русской жизни», а тем более «потребностям времени».

В намеченном государем императором «коренном пересмотре и исправлении» всего учебного строя вырисовывается светлый образ обновленной школы, которая одна является залогом культурного прогресса для всех народов по пути мирного труда и развития духовно-нравственных начал, любви и милосердия, заповеданных миру великим учителем[77].

В «коренном пересмотре и исправлении» нельзя не видеть идеи общедоступной народной школы, приводящей к обязательному и затем к всеобщему обучению; в этих отныне памятных словах нельзя не видеть идеи живой средней школы, развивающей в молодом поколении физические и духовно-нравственные силы путем усвоения общеобразовательных познаний, необходимых для каждого члена правильно устроенного общежития, в приведенных словах высочайшего рескрипта нельзя не видеть вечно живой идеи universitas hominum*, этого высшего храма наук с его

* Общественный университет, знание для всех (лат.).

корпоративным устройством, самостоятельностью преподавания, академической свободой.

История русского просвещения знает немало реформ, которые предпринимались в прошлые царствования, но реформы эти несли частичный характер; они касались того или другого типа учебных заведений, той или другой отрасли обширного учебного дела в России.

Ныне державной волей монарха реформа должна объять весь учебный строй, и притом так, чтобы все отдельные отрасли просвещения были бы одухотворены одним общим началом – правильным устройством.

Но дело просвещения подрастающего поколения не из таких, чтобы можно было им заниматься, как службой, как требуемыми инструкциями обязанностями; это серьезнейшее и тончайшее из дел государственной политики нуждается в «умудренном опытом разуме» и особенно в «сердечном о нем попечении».

Нашим монархом отмечен такой обладатель указанных качеств, и генерал-адъютант П.С. Ванновский высочайше избран в сотрудники в деле обновления и устройства русской школы.

Но кроме «государственной опытности и просвещенного ума» для такого важного дела, нужна помощь «родителей и семьи, ближайшим образом обязанных пещись о своих детях».

Этот призыв, обращенный с высоты престола к родителям, к семьям, ко всему русскому обществу, знаменует собой доверие, оказываемое монархом русскому обществу, и, конечно, наполняет сердце каждого из нас чрезвычайной радостью и редким счастьем.

И понятно: все русское общество, может гордиться оказываемым ему государем императором вниманием, тем, повторяем, высоким доверием, которое проявлено к силам общества и к его роли в устройстве школы!..

Вот эта-то связь между семьей и школой, эта-то общая жизнь двух неразрывных факторов народного просвещения и послужит прочным фундаментом для обновленной школы... Общество и семья должны жить одной жизнью со школой, болеть вместе с ней, страдать или радоваться заодно, так как школа затрагивает самые дорогие, общественные и частные интересы.

Недаром единодушный и радостный привет всей русской печати был ответом на этот призыв государя императора, как на счастье, редко выпадающее на долю нашего народа.

В Кавказском крае этот призыв, как и весь высочайший рескрипт, возбудит, мы в том уверены, такой же энтузиазм и особую признательность монарху, предпринимающему великое дело школьной реформы. Наш обширный Кавказский учебный округ еще более нуждается в правительственном устройстве школы, которая одна в состоянии вывести кавказские народы из окутавшего их мрака невежества, поднять их экономическое и духовное благосостояние, примирить интересы различных по вере и происхождению народностей на почве общих культурных нужд и потребностей и сделать их равноправными членами одного общего государства – Российской империи.

Для нас, кавказцев, настоящий момент в учебном отношении имеет тем большее значение, что начало «коренного пересмотра и исправления» учебного строя совпало с оставлением К.П. Яновским[78] поста попечителя Кавказского учебного округа по случаю назначения его членом Государственного Совета.

Не место здесь и сейчас говорить о деятельности К.П. Яновского, занимавшего пост попечителя Кавказского учебного округа с 1878 г., но не можем не отметить, что и в качестве члена Государственного Совета К.П. Яновский, как один из маститых и опытных русских педагогов, руководивший так долго учебным делом на Кавказе, будет всегда близко принимать к сердцу интересы кавказской школы.

Но кто бы ни был преемником К.П. Яновского, мы, кавказцы, присоединимся к общерусским ликованиям по поводу высокознаменательного рескрипта о «коренном пересмотре и исправлении» всего нашего учебного строя, который при доверии государя императора к силам общества, при известных материальных средствах, при руководительстве делом просвещения человеком умудренным опытом и при сердечном попечении о воспитании и образовании русского юношества, ускорит наступление времени, когда державный вождь и весь народ «увидят с гордостью и утешением в молодом поколении твердую и верную надежду отечества и стойкую опору его в будущем».

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 5 апреля.

По поводу предстоящей Кавказской выставки

6 мая 1901 г.

Город Тифлис и с ним вся Грузия празднуют в настоящем году столетие присоединения к России, и в честь этого исторического события устраивается юбилейная выставка сельского хозяйства и промышленности, открытие которой предположено 20 августа в Тифлисе.

Уже опубликованы правила* предстоящей вставки, на месте ее образован распорядительный комитет, учреждены губернские комитеты.

В этом общекавказском торжестве примут участие все губернии и области нашего края в лице многочисленных и разнообразных его народностей и племен, каждое с сельскохозяйственными и промышленными произведениями своего района: здесь встретятся и сойдутся вместе потомки населения бывших на Кавказе царств, ханств, пашалыков, которые в мирном соревновании произведений своих рук должны показать, чего они достигли в деле культурного прогресса со времени русского владычества в нашем крае...

В этом отношении устраиваемая выставка, являясь лучшим способом чествования, приуроченным к важному событию присоединения Грузии к России, сослужит немалую службу как наглядная самопроверка кавказскими народами всего ими достигнутого в развитии гражданственности края.

Нельзя поэтому и пожелать, чтобы эта самопроверка получила характер наиболее полной, детальной, всесторонней картины в области сельского хозяйства и промышленности, которая по обширности своей обнимает почти всю жизнь местного населения со всем его бытом, достоинствами и недостатками, потребностями и

* См. «Каспий» № 78 от прошлого апреля. Прим. автора.

нуждами, служа наилучшим мерилом довольства, обеспеченности и вообще культурного роста населения.

И чем эта область будет представлена правдивее, соответственно с действительным положением сельскохозяйственной и промышленной жизни той или другой местности края, и чем, с другой стороны, обширнее будет участие на выставке всех районов Кавказа, тем, конечно, более будет обеспечен успех юбилейной выставки.

И наоборот, умышленное или даже бессознательное искажение действительных явлений сельскохозяйственного и промышленного быта населения или такое же игнорирование одной местности края в пользу другой, даст, понятно, только отрицательные результаты, которые могут затормозить сельскохозяйственный и промышленный рост нашего края в будущем.

Отсюда видно, какая большая ответственность лежит в достижении желательных результатов устраиваемой выставки, прежде всего, на распорядительном комитете как на центральном органе правильной организации всей выставки. Но еще тяжелее ответственность губернских комитетов, являющихся на местах главными руководителями по принятию мер к привлечению на выставку наибольшего числа экспонентов из отдельных районов.

Позднее опубликование правил выставки и такое же учреждение местных комитетов, находящихся в связи с недавним лишь разрешением министром земледелия и государственных имуществ самой выставки («Правила» учреждены 10 марта с. г.), еще более усугубляют тяжелое положение, в котором находятся комитеты в данном случае. Нет сомнения, что остающегося времени до 20 августа еще хватит только на частичное выполнение обширных задач губернских комитетов, в особенности если принять во внимание как состав их, так и способы и средства, при помощи которых комитеты будут действовать...

Мы уже не говорим о самом населении Кавказского края, для огромного большинства которого привлечение на выставку, разъяснение ее идеи и пользы потребует значительных усилий. Оно и понятно: невежественная часть не так скоро поддается действию таких идей, как выставка, в которой просвещенные народы давно видят средство для развития и поощрения сельского хозяйства. А ведь, к несчастью, подавляющая часть населения, могущая выделить из своей среды легионы экспонентов, живущих только сельским хозяйством и промышленностью, должна быть отнесена именно к невежественной массе!..

В этом отношении в самых неблагоприятных отношениях придется действовать местным комитетам в Восточном Закавказье, как наиболее отсталой в культурном развитии от других частей Кавказа.

Известно, что наша часть Закавказья обратила на себя внимание сравнительно недавно, после соединения ее рельсовым путем с остальным миром.

Город Баку, с его обширным и богатейшим заводско-промышленным районом составляет редкое исключение не для одного Восточного Закавказья. В данном случае он не принимается во внимание, ибо какими бы инертными ни были бакинские нефтепромышленники, они все же будут участвовать в юбилейной выставке. Хотя, вопреки постановлению общего собрания нефтепромышленников об обложении фирм сбором по числу причитающихся им голосов, почти ничего пока не собрано для устройства нефтяного отдела на предстоящей выставке, но источник расходов уже найден в виде общего фонда нефтепромышленников; но если бы и этого фонда не было, то тот же нефтяной «король» Нобель[79], который выстроил на последней Парижской выставке[80] большой павильон, сумел бы и теперь выручить наших нефтепромышленников...

Теперь же нас занимает мысль об участии на выставке огромного большинства сельских хозяев и промышленников.

По отношению к этому большинству Восточного Закавказья приходится сожалеть, что мало времени для популяризирования среди населения идеи выставки и ознакомления с изданными правилами отправки и выставления экспонатов, характеризующих сельскохозяйственный и промышленный быт того или другого района.

Вот тут-то, в подобных случаях дают себя особенно сильно чувствовать такие первейшие важности и потому вечно о себе напоминающие нужды, как школа и орган печати.

На всем большом протяжении Восточного Закавказья, с его миллионным мусульманским населением, нет ни одного даже официального органа печати на татарском языке!..

Благодаря такому существенному недостатку население этой части края знакомится даже с правительственными мероприятиями через посредство местных агентов полиции и лиц участковых приставов, урядников и всадников земской стражи, неграмотных сельских старшин...

Неисчислимы вредные последствия подобной передачи содержания циркуляров и распоряжений невежественным сельчанам, говорящим на другом языке и с совершенно противоположным религиозным и бытовым миросозерцанием.

К такому коренному недугу населения Восточного Закавказья надо прибавить и те неблагоприятные условия, которые сопровождают нынешний сельскохозяйственный год: благодаря общей засухе, в начале года озимый хлеб пропал, на весенние посевы мало надежды, пастбища выгорели и домашний скот едва влачит свое существование.

Но несмотря, однако, на эти крайние неблагоприятные условия, мы думаем, что и наша часть Закавказья в области сельского хозяйства примет участие в Кавказской выставке.

Надо надеяться, что наш губернский комитет уже принял соответствующие меры для ознакомления населения с правилами выставки.

Особые услуги могли бы оказывать в данном случае местные интеллигентные силы в лице уездных мировых судей, податных инспекторов, врачей и других должностных лиц, которые совместно с подходящими для данного дела местными землевладельцами могли бы разъяснять населению правила выставки и способствовать привлечению экспонентов.

Нет сомнения, что при дружном единении местных интеллигентных сил можно принести делу Кавказской выставки немалую пользу и тем самым можно сослужить службу своему району.

Конечно, трудно без света знаний и истины пересоздать веками установившийся порядок, но, придя на помощь невежественному населению, местная интеллигенция выполнит свой нравственный долг...

Закончим нашу статью ссылкой на общее положение, в силу которого всякий народ, каждая группа людей должна платить дань своему невежеству и необеспеченности; такой данью со стороны населения Восточного Закавказья может быть, наперекор собственным интересам, слабое (бессознательно) участие в предстоящей Кавказской выставке... .

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 6 мая.

К преобразованию средней школы

19 июля 1901 г.

Во вчерашнем номере нашей газеты закончился печатанием подробный отчет о работах высочайше учрежденной комиссии по преобразованию средней школы, заимствованный из «Журнала Министерства народного просвещения». Мы сочли долгом привести целиком весь этот отчет, имея в виду, с одной стороны, всю огромную важность заключающихся в нем сведений для предпринимаемого у нас коренного изменения всего учебного строя, а с другой – сделали это, чтобы отметить самое появление таких сведений в печати.

Это последнее обстоятельство, являясь знамением времени, указывает на действительное наступление нового течения во внутренней жизни нашего государства, получившего свое начало от знаменательного акта 25 марта настоящего года.

Читатели наши, конечно, помнят высочайший рескрипт, данный на имя генерал-адъютанта Ванновского при назначении его на «особо важную ныне должность министра народного просвещения».

В этом рескрипте провозглашено то начало единения семьи и школы, этих двух неразрывных факторов народного просвещения, результатом которого и является оглашение в печати хода работ комиссии по преобразованию средней школы.

Мы в свое время говорили о призыве, обращенном с высоты престола к родителям, обязанным ближайшим образом «пещись о своих детях», а следовательно, ко всему русскому обществу за помощью в великом деле коренного переустройства и исправления средней школы.

Естественным результатом такого обращения к обществу и высокого доверия ему, оказанному правительством, и является ныне ознакомление всех с ходом работы комиссии по преобразованию средней школы, с высказанными в ее заседаниях мнениями и вы-

водами, к которым комиссия пришла по предложенным на ее обсуждение вопросам школьной реформы. Надо ли говорить о том, что такое отношение к обществу проявилось и имеет место в очень редких случаях, тогда как результаты работ правительственных комиссий обыкновенно не подлежат огласки и попадают в печать настолько поздно, что то или другое обсуждение их со стороны общества и печати теряет почти всякое значение.

В данном же случае мы имеем под рукой сведения о работах правительственной комиссии, совещания которой закончились лишь месяц тому назад.

Видя в подобном отношении к обществу верный залог успешного разрешения задач по преобразованию средней школы, мы должны приветствовать явление, благодаря которому замкнутая в стенах учебных заведений жизнь нашей школы возвращается на правильный путь и становится доступной всем интересующимся школой. А кто же нынче не интересуется школой?

Пусть у нас пока нет системы обязательного обучения, пусть у нас весьма и весьма мало учебных заведений и самое учение пока является привилегией незначительного меньшинства более обеспеченных классов населения, но интерес к школе и к ее одухотворяющему началу проникается в народные слои все глубже, нужда в ней сказывается все сильнее.

Это – именно та сфера общенародной жизни, которая должна охватить все население без различия «лиц, званий и состояний»; с этой сферой, со школой, должен считаться каждый обыватель, страдать с ней заодно, радоваться ее развитию и процветанию; в ней одной вернейший залог общего благополучия народов, в ее успехе заключается действительная победа добра над злом и наступление на земле царства Божия.

Отсюда и святой долг каждого, имеющего к тому возможность, помочь делу правильного устроения школы, и, прежде всего, этот долг лежит на тех, кто ближе всех стоит к школе, – на учителях наших учебных заведений. Нет сомнения, что им должны быть известны все хорошие и дурные стороны школы. Мы, конечно, здесь имеем в виду не «учителей 20 числа», а таких, которые преданы своему делу, любят его и высоко держат знамя учителя-наставника в воспитании и образовании нашего юношества. Вот для таких-то учителей-наставников теперь настала очередь высказаться по возбужденным вопросам о преобразовании средней школы.

Выводы, к которым пришла комиссия под председательством министра народного просвещения, еще будут обсуждаться не только компетентными учреждениями, но и органами печати. Всякое новое живое слово, сказанное по столь серьезным вопросам, даст возможность подходить к реформе со всех сторон и тем помочь ее правильному разрешению. В особенности такая помощь нужна и важна там, где школа, благодаря местным особенностям, предъявляет и особенные требования для своих нужд.

В этом отношении кавказская школа наиболее нуждается в детальном изучении. Существующее у нас резкое различие в отношениях племенном, религиозном и др., влияющее, естественно, на внутреннюю жизнь средней школы, создает такие особенности, которые с точки зрения, прежде всего, педагогической должны быть приняты во внимание при преобразовании школы.

Достаточно указать хотя бы на необходимость введения в число предметов классного преподавания наиболее распространенных туземных языков, более детальное изучение Кавказского края, его географии и истории, состояния торговли и промышленности и т. д.; не менее важное значение имеет вопрос об учебниках более приноровленных для кругозора туземных детей, в особенности младшего возраста.

Словом, вопросы, относящиеся к кавказской школе, имеют свои отличительные особенности, требующие быть отмеченными именно в настоящее время, после появления в печати тех основных положений, на которых предполагается переустроить среднюю школу.

Несомненно, что в этих вопросах слово должно быть предоставлено прежде всего кавказским педагогам, в числе которых, мы уверенны, немало таких, которые воспользуются подходящим моментом, чтобы внести свою лепту в задуманное великое дело преобразования средней школы и тем исполнить долг, лежащий на всяком любящем и знающем свое дело кавказском педагоге.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 19 июля.

Бакинское коммерческое училище

9 августа 1901 г.

Наступающий с будущего сентября академический год для нашего Баку оказывается одним из наиболее счастливых: кроме увеличения числа городских школ еще двумя народными школами – одной русско-татарской и другой общего типа, наш город в предстоящем учебном году обогащается такими, совершенно новыми для Баку, учебными заведениями, как коммерческое училище и женское русско-мусульманское Александринское училище, учреждаемое на средства бакинского благотворителя Гаджи Зейнал Абдин Тагиева[81].

Разновременно в нашей газете помещались сведения, касавшиеся обоих учебных заведений и тех подготовительных работ, которые предпринимались попечительными советами для открытия училищ в сентябре месяце. Теперь же, ввиду приближения времени их открытия, познакомим читателей более подробно с условиями этих новых рассадников умственно-нравственного воспитания и обучения нашего юношества.

Остановимся сперва на коммерческом училище.

Открываемое с 1 сентября Бакинское коммерческое училище состоит в ведении Министерства финансов по учебному отделу и принадлежит к разряду средних учебных заведений.

Целью своей это училище имеет дать учащимся в нем общее и коммерческое образование и соответственно с этим в нем будут преподаваться следующие общие и специально-коммерческие предметы: закон Божий, русский язык и словесность, немецкий, французский и английский языки, история, география, математика, естественная история, физика, коммерческая арифметика, бухгалтерия (теоретически и практически), коммерческая корреспонденция (на русском и иностранных языках), политическая экономия, история торговли, законоведение (преимущественно торговое и промышленное), химия, товароведение с технологией (а также практические знания в лаборатории

по химии и товароведению), коммерческая география (преимущественно России), каллиграфия, черчение, рисование и гимнастика.

Все перечисленные предметы преподавания обязательны для учащихся, за исключением иностранных языков, из коих обязательно изучение лишь двух языков (французского, немецкого и английского) по выбору учащихся. Есть также и необязательные предметы, которые могут преподаваться желающим за особую плату; к таким относятся: туземные языки, стенография, пение, танцы и музыка.

Особенно важно отметить, что согласно уставу Бакинского коммерческого училища, кроме указанных предметов, могут быть преподаваемы с разрешения министра финансов и другие специальные предметы, которые окажутся необходимыми по местным условиям.

Объем преподавания предметов, распределение уроков по классам и программы вырабатываются Педагогическим комитетом и представляются на утверждение министра финансов, причем относительно специальных предметов требуются особые заключения Попечительного совета, которые представляются в Министерство финансов через главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

В качестве вспомогательных учебно-воспитательных учреждений при Бакинском коммерческом училище предполагаются: библиотека (фундаментальная и ученическая), физический кабинет, музей образцов товаров, лаборатория для практических занятий учеников по химии и по товароведению и собрание необходимых учебных пособий по истории, географии, естествоведению, рисованию и другим предметам. Соответственно с преследуемой училищем целью дать учащимся общее и специально коммерческое образование, полный курс учения продолжается 8 лет и разделяется на общий – в шести классах и специальный – в двух старших классах с годичным курсом в каждом классе. Для подготовления же к поступлению в училище при нем открывается подготовительный класс с одним или двумя отделениями (младшим и старшим).

Пока коммерческое училище в Баку учреждается для приходящих, но в случае надобности при нем с разрешения министра финансов может быть открыт для учащихся в нем пансион, который в таком случае содержится за счет платы с пансионеров и на особые для этой цели пожертвования.

В училище принимаются дети всех сословий и вероисповеданий, причем преимущество дается детям купеческого сословия и служащим в торгово-промышленных предприятиях. Относительно

приема в училище соблюдаются в общем правила, установленные в отношении познаний и возраста для желающих поступить в реальное училище; так, в приготовительный класс принимаются дети 8 и 11 лет, в первый класс – 10 и 12, имеющие познания, требуемые для поступления в первый класс реальных училищ.

Объем же познаний, необходимых для поступления в приготовительный класс, устанавливается Педагогическим комитетом и представляется на утверждение министра финансов. Кроме приема перед началом учебного года, ученики могут быть принимаемы в училище и в течение года, если имеются вакансии. В случая превышения числа учеников в классе общей нормы 40, должны быть открываемы параллельные отделения.

При прошениях о приеме в училище, подаваемых обыкновенно не позже 20 августа на имя директора училища, *должны быть приложены свидетельства*: метрическое о рождении, о звании и медицинское о привитии оспы, а также и копии с сих документов на простой бумаге. Если поступающий обучался в каком-либо заведении, то должно быть представлено свидетельство об успехах и поведении, выданное из того заведения.

За обучение вносится по полугодно особая плата, размер которой Попечительным советом Бакинского коммерческого училища, после утверждения министра финансов, определен в сто рублей.

Переводные и выпускные экзамены производятся на основании правил, также утвержденных министром финансов. Ученики, окончившие курс училища, получают аттестаты и удостаиваются звания личного почетного гражданина, если по рождению своему не принадлежат к высшему званию. Те из них, которые окончили курс с отличием, удостаиваются звания кандидата коммерции. Сверх того, отличнейшие по поведению и успехам ученики награждаются золотыми медалями.

Относительно отбывания воинской повинности и при поступлении на государственную службу на должности, требующие познаний по коммерческой специальности, а равно в высшие специальные учебные заведения окончившие курс училища пользуются правами, предоставленными окончившим курс реальных училищ. Далее, кандидаты коммерции, по происхождению своему не имеющие права на вступление в государственную службу, могут, по прослужении не менее 10 лет в торгово-промышленных учреждениях и по представлении от хозяев или управляющих надлежащим образом засвидетель-

ствованных удостоверений, получат из учебного отдела Министерства финансов особые свидетельства, дающие им право на вступление в государственную службу с первым классным чином.

Окончившим в коммерческом училище курс шестого класса (не считая приготовительного) предоставляются, по отбыванию воинской повинности, права окончивших курс в заведениях первого разряда, окончившим курс третьего класса – права окончивших курс в заведениях второго разряда, а не окончившим курса третьего класса – права окончивших курс в заведениях третьего разряда.

Ученики коммерческого училища носят форменную одежду, утвержденную в установленном порядке.

В год раз по обычаю, заведенному в других учебных заведениях, в коммерческом училище происходит годичный акт.

Органами, заведывающими делами Бакинского коммерческого училища, являются: Попечительный совет, Педагогический комитет, директор, инспектор, преподаватели, наблюдатели и др. должностные лица училища.

Попечительный совет состоит: из 5 членов, избираемых съездом бакинских нефтепромышленников, 2 членов, избираемых бакинским общественным управлением, 2 членов, избираемых бакинским биржевым обществом и купеческим обществом (по учреждении в Баку этого общества), одного члена от Министерства финансов, если таковой будет назначен министром финансов, директора и инспектора училища. Председатель Попечительного совета, избираемый членами последнего из своей среды, утверждается в звании высочайшим приказом по Министерству финансов, а члены Попечительного совета утверждаются министром финансов, при сем председатель и члены пользуются зауряд присвоенными им должностям (5 класса) правами государственной службы, кроме прав на пенсию; но не имеющим права на вступление в государственную службу присваиваются лишь мундиры, соответствующие их должностям и они могут быть представляемы к высочайшим наградам.

В состав Попечительного совета входят и почетные попечители, которые избираются советом из числа лиц, оказавших коммерческому училищу особые услуги. Почетные попечители утверждаются в звании министром финансов и пользуются правами членов Попечительного совета.

В круг ведомства Попечительного совета входят, главным образом, дела хозяйственного характера: расходование сумм по со-

держанию училища, проверка сумм и счетов по приходу и расходу училищных средств, составление ежегодных смет и отчетов по всем статьям содержания училища, назначение содержания должностям лицам, не показанным в штате, освобождение недостаточных учеников от платы за учение и выдача единовременных пособий.

В помощь Попечительному совету, в случае надобности, учреждается хозяйственный комитет, который состоит из одного или двух членов Попечительного совета, директора, инспектора и двух преподавателей под председательством одного из членов совета по выбору последнего.

Из дел нехозяйственного характера Попечительному совету предоставлено: избрание кандидатов на должность директора училища и обсуждение программ специальных предметов (см. выше).

Педагогический комитет состоит под председательством директора из инспектора училища, законоучителей, всех преподавателей и врача училища и, предназначенный для обсуждения дел по учебной части и для решения вопросов об успехах и поведении учащихся, исполняет функции педагогических советов других учебных заведений. Некоторые из постановлений Педагогического комитета, касающиеся одобрения подробных программ предметов преподавания, правил для учащихся и инструкций для наблюдателей и преподавателей, представляются на утверждение министра финансов, а заключения по выбору учебных руководств и пособий – в учебный отдел того же министерства. В этот же последний отдел поступают и такие постановления большинства членов Педагогического комитета, с которыми не согласен директор училища. Кроме того, во всех случаях разногласия, если меньшинство комитета пожелает, особое мнение его доводится до сведения учебного отдела вместе с журналом соответствующего заседания.

Непосредственное заведывание коммерческим училищем вверяется директору его, который избирается Попечительным советом из лиц, удовлетворяющих определенным требованиям положения о коммерческих учебных заведениях, и представляется на утверждение министра финансов через главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, по соглашению с которым Министерство финансов замещает эту должность и в случае неутверждения представленного кандидата. Главная обязанность директора состоит в надзоре как за ходом преподавания и воспитания, так и за порядком в училище, и вообще за точным исполнением всех по-

ложений устава училища, распоряжений Министерства финансов, относящихся к училищу, и постановлений Попечительного совета и Педагогического комитета.

Председательствуя в Педагогическом комитете, участвуя в заседаниях Попечительного совета и Хозяйственного комитета, сносясь по делам училища с разными местными лицами, директор коммерческого училища в отношении преподавателей и служащих наделен правами, предоставленными директорам средних учебных заведений. Им избираются инспектор, законоучители и училищный врач и представляются на утверждение: инспектор – министра финансов, а прочие учебного – отдела.

Назначение инспектора училища может иметь место только в том случае, когда число учеников превышает 200; есть ближайший помощник директора по учебной и воспитательной части и на него возлагаются обязанности директора, случае отсутствия или болезни последнего.

Директор и инспектор преподают в училище один или несколько предметов, но не более 12 часов в неделю; штатные преподаватели общеобразовательных предметов обязаны преподавать не менее 12 уроков в неделю, а специальных предметов – не менее 6.

С разрешения учебного отдела в качестве преподавателей училища могут быть приглашаемы лица, имеющие на то право, также и по найму.

Обязанности классных наставников и их помощников средних учебных заведений в коммерческом училище возлагаются на наблюдателей, которые избираются директором из преподавателей или вообще из лиц, имеющих право преподавать в коммерческих училищах, и утверждаются учебным отделом. Имея ближайший надзор за успехами и нравственностью учеников, наблюдатели обязаны преподавать какой-либо предмет, но не более 20 уроков в неделю.

Все служащие в училище – директор, инспектор, штатные преподаватели, наблюдатели и проч., как состоящие на государственной службе, пользуются всеми правами и преимуществами, указанными в положении о коммерческих училищах и получают определенное штатное содержание, размер которого может быть, однако, повышаем по представлению Попечительного совета и с разрешения министра финансов.

В качестве юридического лица Бакинское коммерческое училище может приобретать недвижимые имущества и принимать

разного рода пожертвования. Училищу предоставлено [право] выписывать из-за границы беспошлинно потребные для него образцы товаров, иметь, подобно другим учебным заведениям, льготы относительно платежа пошлины, гербового и иных сборов и пр. Училище имеет печать с изображением государственного герба и с надписью вокруг: «Бакинское коммерческое училище».

Средствами для содержания училища служат: 1) плата за учение, 2) пожертвования и пособия частных лиц и учреждений и 3) другие денежные поступления. При этом, если этих средств на содержание училища не достанет, то, как сказано в уставе училища, вся недостающая сумма покрывается из совместных средств съезда бакинских нефтепромышленников города Баку и бакинского биржевого купечества.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 9 августа.

По поводу открытия в Баку коммерческого училища

10 августа 1901 г.

Давно лелеемая среди людей коммерческого мира нашего города мысль об основании в Баку коммерческого училища получила свое осуществление в прошлом году в бытность у нас теперешнего товарища министра финансов тайного советника В.И. Ковалевского[82], тогда еще директора департамента этого министерства. Поддержанные авторитетным сочувствием В. И. Ковалевского, влиятельные представители бакинских нефтепромышленников и купечества, образовав особый временный комитет по учреждению в Баку коммерческого училища, открыли подписку, которая в короткое время дала сумму в 170 тыс. руб. Правда, еще до сего времени из этой суммы наличными поступила весьма незначительная часть, но, имея в виду солидность подписавшихся фирм и лиц, нельзя сомневаться в том, что вся сумма, которая значится на подписном листе, поступит в кассы открываемого училища полностью. Мало того, мы уверенны, что и все нефтяные и вообще бакинские торгово-промышленные фирмы, к которым обратился временный комитет училища с приглашением принять посильное участие в материальной поддержке училища, отнесутся сочувственно к такому призыву и сделают это с сознанием той пользы, какую можно ожидать для Бакинского торгово-промышленного района от вновь открываемого училища.

Не можем не отметить, что самым крупным пожертвованием и на этот раз явился бакинский благотворитель Гаджи Зейнал Абдин Тагиев, подписавшийся на сумму 50 тыс.

Все пожертвования, ожидаемые от нефтепромышленников и вообще бакинских капиталистов, согласно уставу училища, предназначены на постройку здания для училища и на его обзаведение, а также на учреждение особого фонда, проценты с которого расходуются на содержание училища. В этом отношении коммерческому училищу помог и город Баку, отведя под здание училища бесплатно участок городской земли.

Такое сочувственное отношение и нефтепромышленников и общественного управления, ускорило открытие училища. Сейчас же по утверждении министром финансов устава училища временный комитет, состоявший из П.О. Гукасова[83] (председателя), Г.З.А. Тагиева, А.А. Дадашева, С.Т. Тиханова и др., приступил к подготовительным работам по открытию училища. К этому же времени сформировался и состав Попечительного совета, в который вошли: избранные съездом бакинских нефтепромышленников - П.О. Гукасов, А.М. Фейгль[84], М.И. Шумахер, А.С. Унанов и А.О. Гукасов[85]; избранные бакинским общественным управлением – А.М.б. Топчибашев и А.Н. Сапаров и биржевым обществом – Б.М. Долуханов и С.С. Тагианосов. Хотя члены Попечительного совета еще не получили утверждения со стороны министра финансов, но они вошли в состав временного комитета.

В ряде заседаний, происходивших в апреле – июне, были подготовлены и разрешены такие капитальные вопросы, как наем помещения под училище и приглашение лица на должность директора коммерческого училища.

Как известно из сообщавшихся в свое время в нашей газете сведений, помещение под училище нанято в верхнем этаже дома г. Мовсумова, по Станиславской улице, с которым заключен договор на четыре года за плату по 5000 руб. Что же касается до замещения должности директора, то выбор комитета по учреждению коммерческого училища пал на инспектора петербургского Петровского коммерческого училища Сергея Лавровича Степанова, как на кандидата, наиболее удовлетворяющего, по собранным сведениям, требованиям, которые можно предъявить к директору коммерческого училища.

В заседании, в котором, принимал участие и г. Степанов, приехавший в Баку для личных переговоров, комитет нашел возможным открыть коммерческое училище в Баку к 1 сентября, причем решено пока ограничиться открытием приготовительного и первого классов, а ввиду ожидаемого поступления учеников сверх нормы, каждый из этих классов открыть теперь же с параллелями; плата за право учения определено в сто руб. в год и прошения о приеме постановлено принимать на имя директора училища не позже 25 настоящего августа в конторе совета съезда.

Таким образом наш, Баку обогащается еще одним рассадником образования, что должно радовать сердце каждого бакинца, пре-

жде всего потому, что мы действительно бедны вообще школами,и, в особенности родителям, известно, какие трудности представляет уже одно определение детей в единственные у нас мужскую и женскую гимназии и реальное училище! Давно уже у нас раздаются голоса о необходимости образования из Бакинской мужской гимназии с ее тысячью с лишним учеников двух гимназий. Но вряд ли и эта мера поможет делу, как мало помогло открытие в Баку и частной гимназии: все же ежегодно приходится читать в «Каспии» официальные извещения начальства реального училища и мужской гимназии о неимении вакансий для приема новых учащихся в эти учебные заведения. Правда, отмечаемое явление несоответствия стучащих в двери школ с числом последних встречается не только в нашем Баку, оно стало теперь общей болезнью почти всех больших центров России, но нельзя не указать на то обстоятельство, что у нас это несоответствие выделяется особенно резко ввиду быстрого роста населения города Баку и непомерного увеличения общего благосостояния жителей, вызываемого все большим развитием нефтяной промышленности и торговли вообще. Рассчитанные на губернский город в 50–80 тыс. жителей, два бакинских средних учебных заведения, очевидно, не в состоянии удовлетворять потребностям образования почти утроившегося населения, которое, благодаря получаемым средствам своим, имеет полную возможность давать детям надлежащее образование.

Без сомнения, материальная обеспеченность населения в данном случае играет важную роль. Но независимо от этого и сознание необходимости учения, основываемое, может быть, пока не столько на идейных началах, сколько на соображениях чистого практического свойства, начинает проникать в наше населения, без различия национальности, вероисповедания и звания. Теперь редки у нас примеры косности и враждебного отношения к школе, которую начинают любить все кавказские народности, видя в ней спасение свое от окутавшего их мрака невежества.

Таким настроением надо только пользоваться нашему правительству и особенно обществу в лице более передового и состоятельного класса и насаждать побольше школ, затраты на которые вознаградятся сторицей развитием культуры и экономического благосостояния страны и в грядущем вызовут искреннюю благодарность всего населения ко всем тем, кто своими личными и материальными жертвами помог возникновению образовательных учреждений.

Одним из подобных учреждений в нашем Баку является открываемое коммерческое училище. Как можно было видеть из устава, с содержанием которого мы познакомили читателей в прошлый раз, это училище прежде всего общеобразовательное и первые шесть классов его представляют из себя по характеру и объему предметов то же реальное училище. Благодаря этому в Баку с сентября месяца будет два реальных училища.

Специальными являются лишь два последние класса – седьмой и восьмой, в которых предположено преподавание предметов, необходимых для коммерческой специальности.

Наш город Баку, как видно из его истории, всегда слыл одним из важных торговых пунктов Кавказского края и, в частности, Каспийского побережья; в торговле с азиатским Востоком Баку всегда играл большую роль; он служил складочным местом товаров, перевозимых транзитом из внутренних губерний России и из Европы; еще не так давно вывоз товаров из Персии и в Персию персидскими купцами совершался исключительно через Баку; да и теперь бакинские купцы ведут обширную торговлю с Персией и среднеазиатскими владениями. Являясь одним из важных портов на Каспийском море, наш Баку нынешним своим значением выдающегося во всей Российской империи торгово-промышленного центра обязан своей нефтяной промышленности, которой теперь, когда наш город соединен с частью империи и через это со всей Европой, предстоит еще большее развитие.

Надо ли после этого говорить о том, какое значение для всего Бакинского торгово-промышленного района может иметь коммерческое училище, которое будет давать людей, подготовленных к коммерческой специальности.

Достаточно сказать, что в таких людях всегда чувствовался недостаток и нужда в них еще более настоятельна теперь, когда, благодаря сильной конкуренции во всех видах торговли и открытию новых рынков, ведение торговых операций принимает все более сложный характер, требуя для достижения успешных результатов торговых агентов, знакомых теоретически и практически с той или другой отраслью торговли. Факт осложнения ведения торговых дел сознается и нашими туземными купцами, которые, несмотря на свои традиции, позволявшие им единолично вести подчас весьма обширную торговлю, теперь все более и более прибегают к услугам лиц со специально коммерческим образованием.

Ощущаемая и весьма чувствительно нужда в подобного рода лицах не оставляет никакого сомнения, что Бакинское коммерческое училище будет иметь среди нашего населения успех еще больший, чем тот, какой выпал на долю такого же училища, открытого два года тому назад в Тифлисе.

В этом отношении мы вполне разделяем взгляд временного комитета по учреждению коммерческого училища в Баку, который нашел возможным открыть теперь приготовительный и первый класс с параллелями в том предположении, что желающих поступить в училище будет более, чем достаточно. Отсюда прямой вывод, что и все следующие классы будут иметь также свои параллельные отделения.

Но желательный успех нашего коммерческого училища находится, конечно, в зависимости от многоразличных причин, которые могут быть сведены к двум главнейшим: к материальной обеспеченности училища и к правильной постановке в нем учебно-воспитательного дела.

В первом из указываемых отношений училище всецело должно и может рассчитывать на поддержку самостоятельной части бакинского торгово-промышленного класса.

Ожидать поддержки от правительства или из какого-нибудь другого источника неудобно и нет основания, так как коммерческое училище возникает по мысли и для нужд самих торгово-промышленников, а потому и должно существовать на их средства.

Мы уже говорили, что училище это предполагается содержать: за счет платы за учение, на пожертвования и пособия частных лиц и учреждений и на другие денежные поступления.

Если на первых порах коммерческое училище может еще считаться обеспеченным, то через несколько лет, и особенно после полной организации всего училища с 8 классами и столькими же параллельными отделениями, на содержание училища потребуется в среднем ежегодно не менее 50 тыс. руб.

Нельзя же увеличивать плату за учение, которая и теперь при размере 100 руб. является без того высокой.

Устав училища предусматривает возможность недостатка средств на содержание училища; недостающая сумма покрывается из совместных средств съезда бакинских нефтепромышленников гор. Баку и бакинского биржевого купечества. Из этих источников город Баку вряд ли может, сверх отведенного участка земли под будущее здание училища, еще чем-нибудь существенным помочь

училищу, в особенности, если принять во внимание довольно-таки неблестящее положение финансов нашего города, которому к тому же еще много предстоит осуществить в деле народного образования города вообще.

Таким образом, единственным источником, откуда коммерческое училище будет черпать средства на свое содержание, это опять тот же торгово-промышленный класс нашего города в лице нефтепромышленников и биржевого купечества. Опыт других городов – Петербурга, Одессы и пр., в которых учреждены коммерческие училища на таких же, как бакинское, основаниях, показал, что самой лучшей мерой поддержания подобного рода учреждений – это самообложение торгово-промышленного класса, в силу которого при взносе разных платежей за торгово-промышленные заведения вносится и определенная сумма на содержание коммерческого училища. В заседании комитета по учреждению коммерческого училища в Баку вопрос, этот имеющий весьма существенное значение для училища, был поднят, но насколько нам известно, остался без детального обсуждения, главным образом за неимением сведений о числе лиц, чтобы возбудить в надлежащем порядке ходатайство о введении такого самообложения и в Баку.

Отзывчивость бакинских торгово-промышленных фирм и капиталистов к делу коммерческого училища дает основание быть уверенным, что наши нефтепромышленники, купечество и вообще торгово-промышленный класс отнесутся и к этому столь капитальному вопросу для коммерческого училища серьезно и сочувственно, зная, что только таким способом возможно обеспечить материально основываемое ими училище.

Переходя теперь к другой главнейшей причине, от которой зависит в равной мере успех Бакинского коммерческого училища, т. е. к правильной постановке учебно-воспитательного дела училища, мы должны оговориться, что не имели в виду входить в подробный разбор программы училища. Столь серьезное и в то же время деликатное дело, как учебно-воспитательное, трудно поддается общим определениям, находясь в зависимости от массы условий места и времени, не говоря уже о лицах, которым будет вверена эта важнейшая часть жизни учебного заведения. Если еще учебная часть может быть урегулированная известными программами, хотя в последних нельзя видеть чего-либо исчерпывающего, то дело воспитания не терпит формальной нормировки, если только из воспитываемых

желательно создать не нравственных и живых людей, а безличных существ или будущих паразитов общества. Вот почему особенно важное значение имеет тщательный подбор всего учебного и воспитательного персонала училища.

Надо помнить, что, помимо издаваемых учебным начальством правил для учащихся и инструкций для воспитателей, в каждом учебном заведении, имеющим свой особый мир, под влиянием тех или других причин и обстоятельств создаются традиции, подчас крайне несимпатичные, которые кладут свой темный отпечаток на ход всей жизни учебного заведения...

К таким традициям надо отнести национальные, племенные, религиозные, сословные и т. п.

Но если где-либо подобного рода тенденции и неуместны, то именно на Кавказе при его разноплеменном и разноверном населении!..

Мы надеемся, что вновь открываемое на средства всего бакинского торгово-промышленного класса, без различия национальности и вероисповедания, коммерческое училище на первых же порах избегнет этого нежелательного явления, памятуя, что оно всегда и при всех обстоятельствах должно оставаться школой, свет которой одинаково должен служить путеводной звездой для всех ее питомцев..

Только в таком случае коммерческое училище не только будет иметь успех, но и может рассчитывать на поддержку всего разноплеменного и разноверного бакинского торгово-промышленного класса.

В этом отношении надо полагать, что Попечительный совет, образуемый из выборных лиц от разных классов населения, своим положением всегда может повлиять на наилучшую постановку рассматриваемого вопроса. Вообще на Попечительный совет надо смотреть как на орган со стороны общества в делах коммерческого училища, которому, как мы видели, устав училища дает право обсуждать те же программы специальных предметов сверх общеобразовательных.

Нам думается, что опыт жизни скоро покажет, что в Бакинском коммерческом училище необходимо по местным условиям изучение и других, сверх общей программы, предметов.

Как на один из важнейших таких предметов мы бы указали на восточные языки – турецкий и, особенно, персидский. Необходимость знания этих языков для лиц, которым главным образом придется оперировать в торговых сношениях с Турцией и Персией, стоит все всякого сомнения. Мало того, знание этих языков для большинства лиц, которые окончат курс в Бакинском училище, может

оказаться важнее знания иностранных языков – немецкого, французского и английского. Даже как-то странно, что коммерческое училище на границе с восточными государствами не проходит, не изучает ни одного из восточных языков! А между тем наше правительство в лице нынешнего министра финансов прилагает всякие старания к развитию торговли с Востоком, и в этих видах в ведении того же министерства еще в прошлом году открыто общество Востоковедения, отделения которого уже открыты и на Кавказе (в Тифлисе и Эривани).

По нашему мнению, не только следовало бы ввести в Бакинское коммерческое училище изучение восточных языков, но также следовало бы подробно проходить и коммерческую географию сопредельных с нами восточных народов, если мы не желаем, чтобы разные бельгийцы и вообще иностранные пионеры вытеснили нас с рынков этих стран.

Еще менее мы согласны с тем, что туземные языки, главным образом татарский[86] и армянский, сделаны необязательными предметами вроде пения и танцев.

Давно уже признано авторитетами педагогики, что всякое учение должно начаться с изучения родного языка: это и естественно, и педагогично, и справедливо. Знание родного языка облегчает изучение других языков и предметов классного преподавания, подготовляя учащихся к лучшему усвоению объяснения учителя в классе.

Обязательное преподавание этих языков еще более сблизило бы семью со школой, что теперь вместе с «сердечным попечением» об учащихся служит фундаментом, на котором предположено создать новое здание русской школы.

Это обстоятельство заставляет нас радоваться и за судьбу открываемого у нас коммерческого училища; возникая на кануне предпринятой реформы средней школы, Бакинское коммерческое училище воспользуется в то же время теми новыми данными, которые были высказаны на недавнем в Петербурге съезде деятелей по коммерческому образованию, занятия которого возобновятся еще в январе 1902 г.

Настоящий момент, с которым совпадает открытие в Баку коммерческого училища, вселяет в нас надежду, что это училище, стоя на высоте своего назначения, сумеет быть для нашего города одним из действительно образцовых рассадников обучения и воспитания юношества.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 10 августа

Из современной политики

17 августа 1901 г.

Если, по весьма меткому выражению знаменитого французского министра иностранных дел Талейрана[87], «язык дан дипломатам для того, чтобы уметь скрывать свои мысли», то вся политика современных государств, по-видимому, существует для того, чтобы нарушать законы и правила, вырабатываемые государствами же для урегулирования их международных отношений.

Политические события самого последнего времени служат ярким подтверждением основательности подобной характеристики современной политики государств, руководящихся в своих действиях все еще эгоистическим началом последования везде и во всем своих исключительных интересов.

Принося в жертву этим последним культурно-этические и экономические соображения общей международной жизни, современная политика государств не останавливается перед возможностью нарушения таких положений, которые будучи освещены международными обычаями, в то же время считаются призванными всеми цивилизованными политическими единицами.

К числу таких веками установившихся в области международных отношений начал надо, бесспорно, причислить «права воюющих сторон», на основании которых во всякой войне народов, как и в любой борьбе отдельных лиц, должны быть непременно две воюющие стороны, имеющие в юридическом смысле равные права, несмотря на численное превосходство и другие стратегические и иные преимущества какой-либо одной из них.

С этой точки зрения противник пользуется всеми правами воюющей стороны до самой последней минуты своей политической самостоятельности, до тех пор, пока сильный враг не «сокрушит» противника, заставив признать над собой его «силу» победителя.

А между тем даже современные передовые государства Западной Европы и Америки не признают, когда это не в их интересах, указанных элементарных правил ведения войны... На юге Черного материка англичане, или, скорее, нынешнее шовинистское прави-

тельство великобританского королевства во главе с Чемберлэном и Мильнером[88], решилось вовсе не признавать в бурах, их стране, правительстве и войсках – воюющей стороны.

Читатели догадываются, что мы говорим о недавно опубликованной прокламации английского главнокомандующего на юге Африки фельдмаршала Китченера[89]. В прокламации этой*, служащей теперь злобой дня, все буры приглашаются сложить оружие к 15 сентября н. ст. под угрозой пожизненной высылки из Южной Африки их вождей и имущественной ответственности сопротивляющихся за прокормление английским правительством их семейств.

Несмотря на крайне стеснительные цензурные условия, применяемые английским правительством ко всем сообщаемым с театра военных действий сведениям, все же европейская и, в частности, независимая британская печать знакомила нас с такими «действиями» английских солдат в Трансваале и Оранжевой республике, которые, противореча всем цивилизованным способам ведения войны, вызывали даже у ярых англофилов чувства негодования и понятного возмущения: употребление лидитных пуль, пользование в войне услугами диких кафрских племен, сожжение ферм, пленение женщин и детей и жестокое с ними обращение в устроенных «концентрированных» лагерях – все подобного рода «действий» просвещенных мореплавателей, удостоверенные письмами и личными свидетельствами очевидцев и участников бурской войны из многочисленных добровольцев Европы и Америки, справедливо заклеймили всех виновников англо-бурской войны пятном человеконенавистничества, назвав «позорною» самую войну, предпринятую с целью принести независимость горсти свободолюбивого и храброго народа в жертву ненасытным коммерческим интересам алчной и бесчеловечной клики лиц, любящих ловить рыбу в мутной воде!

Но, как видно, виновникам «позорной» войны мало было подобных приемов истребления людей и они захотели довести до апогея свои беззакония и антицивилизованные способы ведения войны, выступив перед общественным мнением всего просвещенного человечества с правительственным актом вроде прокламации лорда Китченера!!.

* См. «Каспий» № 172. Прим. автора.

Игнорируя освещенные веками международные обычаи, давшие основание выработанному наукой и практикой кодексу правил войны, нынешние английские шовинисты не постеснялись даже недавно подписанных представителем их страны постановлений Гаагской мирной конференции. Одним из которых гарантированно всякому народу, подвергшемуся нашествию, право обороняться до последней крайности, при помощи всех признанных форм ведения войны!

Все это, как не соответствующее недостойным целям, преследуемым ныне английским правительством, отвергнуто всенародно и затоптано с той беззастенчивостью, какой всегда отличается человек, решающийся пренебрегать всеми этическими требованиями и законами, нормирующими людские отношения как в отдельных обществах и государствах, так и в семье народов...

Имеет ли, однако, английское правительство право обращаться с подобной прокламацией к бурам? Нет. Прокламация о сложении оружия могла бы иметь место в том только случае, если бы Трансвааль и Оранжевая республика были присоединены окончательно к колониальным владениям английской короны, и тогда подобное требование, обращенное к возмутившимся английским подданным, имело бы значение акта внутреннего управления правительства, хотя тоже несправедливого, но не столь беззаконного и возмутительного.

Теперь же, пока территории обеих южно-африканских республик продолжают принадлежать бурам, за исключением лишь узкой полосы, прилегающей к железным дорогам, да и то не всюду; пока продолжают существовать правительства этих республик в лице их президентов, генералов и командиров всего бурского народа, превратившегося по обстоятельствам времени в войско; пока английские войска встречают повсюду препятствия со стороны бурских отрядов, вступают с ними в сражения и стычки, отнимают у них и сами сдают им позиции и укрепленные лагери; пока взаимно ранят, убивают и берут друг друга в плен; пока военоначальники буров и англичан обмениваются пленными, шлют друг к другу парламентеров и вступают в переговоры о перемирии об окончательном мире; словом, пока буры и англичане стоят лицом к лицу на полях сражений в желании сломить силу врага и пока эта «сила» продолжает существовать – [мала] польза говорить о присоединении бурских республик к Великобритании; пока существуют буры, как народ, их правительства, войска и территории, до тех пор в смысле

юридическом продолжают существовать, как самостоятельные политические единицы, Трансваальская и Оранжевая республики на юге Африки.

К большому огорчению всех друзей этого маленького народа, столь стойкого в отстаивании права на свою независимость, уже видны зловещие провозвестники печального конца его существования, но пока продолжает течь кровь в жилах этих еще недавно мирных трудовых буров, а теперь по воле злого рока обращенных в храбрых воинов и борцов за свою свободу, нельзя считать буров порабощенными, как это торопятся делать английские шовинисты. Государства Европы и Америки также еще далеки от признания этого факта уже совершившимся; напротив, признание ими правительств бурских республик, допущение при дворах держав представителя этих республик в лице д-ра Лейдса[90] и недавние соболезнования, с которыми поспешили главы почти всех других государств обратиться к престарелому президенту Крюгеру по случаю смерти его жены, – говорят о желании держав признать политическую самостоятельность бурских республик.

К сожалению, эти факты только говорят, ибо если бы державы, безусловно сочувствующие бурам, от слов перешли к делу, то южно-африканские республики не очутились бы теперь в положении несчастной жертвы, которую после стольких трудов готовится проглотить алчный британский лев!?.

Впрочем, и в таком отношении держав к судьбе маленького народа появилось то направление современной политики, на которое мы обратили внимание в начале нашей статьи: львы, хотя и благородные звери, но везде, на всех полушариях, оказываются кровожадными и ненасытными, от которых достается мелкоте, осмелившейся заявлять о своем праве на жизнь...

В этом смысле влиятельная лондонская газета «Times» (от 26 июля) отвечает «клеветникам... Англии», с цинизмом оправдывая прокламацию Китченера о сложении оружия: «*Мы делаем то, что делали бы все в подобных обстоятельствах*» (курсив наш). «Вы нам указываете на Южную Африку, а что вы сами делали в Китае» – кивает газета в сторону одних. «Посмотрите на Конго. Протестуйте против того, что ваше правительство там делает... А об Алжире вы забыли?.. Вспомните о ваших (Германия) героических подвигах в Африке» – и т. д. всем сестрам по серьгам.

При такой «искренности» современной политики, в создании характерной черты которой не мало потрудились английские дипломаты, можно рассчитывать, конечно, на безнаказанность правительственного акта, лишающего врага такого существенного права, как право обороняться до последней крайности при помощи всех признанных форм ведения войны.

Но и при таком правильном расчете на отсутствие протестов со стороны других держав, английское правительство упустило, однако, из виду, что прокламация о сложении оружия, не говоря о ее полной незаконности, будет принята всеми бурами, а в особенности их храбрыми вождями, как комичная выходка, непристойная в таком серьезном деле, как отстаивание права народа на свободу, независимость...

И в самом деле, что значит для людей, идущих с беззаветной отвагой навстречу смерти во всех ее формах, пожизненная ссылка и имущественная ответственность, которыми угрожает оказывающим сопротивление прокламация лорда Китченера!

Ведь буры решили сражаться до тех пор, пока не добьются непозорного мира, а в противном случае они положат свои головы за страну, которую никогда не увидят во власти англичан! Так, кого же и из какой страны будут англичане ссылать?

Неужели такие народные герои, как бурские вожди Девет, Деларей, Бота, Штейн, Бейрс, Круйтцингер и др., пожелали бы оставаться на территории Траснсвааля или Оранжевой республики, чтобы быть поданными правительства, поставившего себе целью истребление бурского народа?

Мы уже не говорим о том, из какого имущества англичане думают возмещать свои убытки по содержанию семейств буров в «концентрированных» лагерях, когда в стране обеих республик все уничтожено, сожжено, разорено...

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 17 августа.

Бакинское женское русско-мусульманское училище

21 августа 1901 г.

С наступающим учебным годом наш Баку обогатился единственным в своем роде и первым во всей Российской империи женским учебным заведением, учреждаемым для мусульманских девушек.

Та важная роль, которая, без сомнения, предстоит этому училищу в деле будущего умственно-нравственного развития наших мусульман, обязывает нас, прежде всего, познакомить читателей с уставом этого училища.

Первое в России женское училище для мусульманских девушек учреждается в гор. Баку в память священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича[91] и государыни императрицы Александры Федоровны и носит имя «Бакинского женского имени императрицы Александры Федоровны русско-мусульманского училища».

Учредителем этого училища является известный благотворитель бакинский первой гильдии купец Гаджи Зейнал Абдин Тагиев, пожертвовавший для этой цели особый капитал в виде постройки собственного дома училища со всеми учебно-воспитательными и хозяйственными принадлежностями.

Училище состоит в ведении попечителя Кавказского учебного округа и в ближайшем заведывании Бакинской дирекции народных училищ.

В общем училище подчиняется действию положения 25 июня 1867 г. о начальных училищах Кавказского учебного округа и по программам своим соответствует одноклассным начальным училищам. Отсюда цель училища – дать *элементарное образование* мусульманским девушкам, которые будут обучаться: мусульманскому закону Божию, языкам – татарскому и русскому, арифметике, начальной географии. Но, кроме общеобразовательных предметов, которые проходятся в одноклассных начальных училищах, в Ба-

кинском женском русско-мусульманском училище будет и особый дополнительный профессиональный класс для изучения в нем рукоделия и домоводства *применительно к потребностям мусульманской семьи*.

Курс учения продолжается в училище четыре года, причем последний год назначается для дополнительного класса.

В училище могут поступать исключительно *девочки-мусульманки* всех сословий не моложе семи лет. По типу своему училище это *закрытое* учебное заведение, в которое, однако, допускаются и приходящие ученицы за известную плату. На проценты пожертвованного Г.З. Тагиевым капитала, между прочим, учреждается при училище 20 бесплатных вакансий пансионерок, на которые принимаются исключительно дочери бедных мусульман всякого звания; но при этом без очереди и баллотировки на бесплатное поступление в число 20 пансионерок исключительное право предоставляется беднейшим девушкам из потомства учредителя школы г. Тагиева в его прямом исходящем роде.

Сверх бесплатных, в училище будут приниматься и своекоштные пансионерки, число которых и размер платы сих определяются Попечительным советом.

Учебный персонал женского училища составляют: начальница училища (она же учительница), помощница начальницы (она же учительница-надзирательница), учительница магометанского Закона Божия и татарского языка (она же надзирательница) и учительница рукоделия и домоводства. Согласно п. 12 устава мусульманского училища, должности начальницы, равно как преподавательницы магометанского закона Божия и языков русского и татарского, могут занимать *только мусульманки*.

Приведенный штат учебно-воспитательного персонала училища не имеет исчерпывающего значения: Попечительному совету училища предоставляется право, сообразно со средствами училища, увеличить личный состав училищного персонала, равно как и размер их штатного содержания, доводя об этом всякий раз до ведения попечителя Кавказского учебного округа.

Распорядительно-хозяйственным органом женского училища является состоящий при нем *Попечительный совет*, который образуют: 1. Почетный попечитель, он же и председатель Попечительного совета, учредитель училища Гаджи Зейнал Абдин Тагиев, а после смерти его звание попечителя принадлежит старейшему

из прямых его наследников; в случае же малолетства или несовершеннолетия последнего, представитель его состоит опекуном или попечителем, 2. Бакинский городской голова, 3. Губернский казий, 4. Супруга почетного попечителя учредителя училища, 5. Начальница Бакинской женской гимназии, 6. Директор Бакинской мужской гимназии, 7–8. Два лица из местных почетных горожан-мусульман мужского и женского пола по выбору почетного попечителя и 9. Лицо учебного ведомства в качестве непременного члена совета, назначаемого попечителем учебного округа.

На обязанности Попечительного совета лежит: а) избирать и представлять через директора народных училищ к утверждению попечителем учебного округа начальницу, преподавательниц и надзирательниц, б) составлять ежегодно смету о доходах и расходах и наблюдать за правильным расходованием училищных сумм, в) иметь попечение о материальном благосостоянии училища, г) избирать из кандидатов желающих поступить в пансионерки училища, известное число по своему усмотрению, д) определять плату на своекоштных пансионерок, е) определять плату за приходящих учениц и освобождать бедных от платы за право учения, ж) выдавать служащим пособия.

Вопросы, рассматриваемые в Попечительном совете, решаются порядком, установленным для коллегиальных учреждений совещательного характера, причем решения совета, при несогласовании непременного члена с мнением большинства, приводятся в исполнение лишь по учреждении таких решений попечителем учебного округа.

Средствами женского русско-мусульманского училища являются: проценты с капитала в 125 тыс. руб., пожертвованного Гаджи Зейнал Абдином Тагиевым, и плата за своекоштных пансионерок и приходящих учениц. Пожертвованная учредителем училища сумма хранится в государственных процентных бумагах и внесенная в Бакинское отделение Государственного банка на имя Попечительного совета Бакинского женского имени императрицы Александры Федоровны русско-мусульманского училища, составляет неприкосновенный фонд училища, который ни в каком случае не может быть расходуем. Кроме этого капитала, училище имеет собственный дом со всеми учебно-воспитательными и хозяйственными принадлежностями, устроенный на средства учредителя Гаджи Зейнал Абдин Тагиева на безвозмездно отведенной земле.

Бакинское женское Александринское русско-мусульманское училище имеет свою печать с изображением герба Бакинской губернии, и вся переписка по делам училища ведется за подписью председателя Попечительного совета.

Вот содержание устава Бакинского женского русско-мусульманского училища, утвержденного министром народного просвещения 16 мая 1898 г. и приведенного нами возможно полнее.

Со времени утверждения устава училища учредителем его Г.З.А. Тагиевым принимались все необходимые меры по скорейшему открытию училища.

Прежде всего, г. Тагиевым внесена в местное отделение Государственного банка пожертвованная им сумма в 125 тыс. руб. и приступлено к сооружению собственного дома – училища.

Наросшие с того времени проценты на неприкосновенный капитал составляют сумму около 20 тыс. руб., которая с пользой может быть употреблена на нужды училища, а строившееся в течение двух лет здание училища на Николаевской улице уже закончено.

Находясь на одной из лучших улиц Баку, здание русско-мусульманского училища украсит собой наш город как одно из красивых по архитектуре строений, в котором отсутствие излишних затей весьма выгодно заменено изысканной простотой и гармоничностью всех частей его. План училищного дома, как теперь оказывается, был взят Г.З.А. Тагиевым настолько обширно, что внутреннее помещение оставляет за собой далеко пределы потребностей открываемого им училища: помещение училища оказалось столь обширным и удобным, что оно в состоянии приютить в своих стенах не только начальное училище с четырехлетним курсом, но большую по числу учащихся женскую прогимназию с пансионом и даже женскую гимназию.

Благодаря этому крайне благоприятному для расширения училища в будущем обстоятельству, получилась возможность весь нижний (подвальный) этаж сдавать внаем, дающий ежегодно несколько тысяч рублей лишних на содержание училища.

Пока еще нельзя определить точно цифры расходов на училищное здание, но по одному тому, что Г.З.А. Тагиев возвел обширные постройки для учреждаемого им женского мусульманского училища, можно заключить, что расходы на здание вместе с пожертвованным им капиталом в общей сложности дадут весьма солидную сумму, превышающую 200 тыс. руб.

За это же время успел сформироваться и состав Попечительного совета, в который под председательством попечительного учредителя Гаджи Зейнал Абдина Тагиева, в настоящее время входят: бакинский губернский казий Гаджи Молла Джавад Ахунд Мамед Ализаде[92], и. д. Бакинского городского головы М.А. Белявский, супруга учредителя училища С.х. Тагиева, начальница Бакинской женской гимназии М.М. Латкина, директор Бакинской мужской гимназии А.И. Победоносцев, гласный Бакинской городской думы Гасан бек Меликов[93], редактор-издатель газеты «Каспий» Али-Мардан бек Топчибашев, горный инженер Фаррух бек Везиров[94] и в качестве непременного члена от учредительного ведомства директор народных училищ Бакинской губернии А.С. Тхоржевский.

В заседаниях, происходивших весной этого года, Попечительный совет обсуждал и вырешил ряд вопросов подготовительного характера, необходимых для открытия училища.

Между прочим, имея в виду обширность выстроенного для училища помещения, Попечительный совет нашел возможным, сверх 20 бесплатных пансионерок, принять в первый же год еще 30 воспитанниц своекоштных, причем за полное содержание последних в пансионе и их обучение установлена советом плата в размере ста рублей в год.

Размер платы за обучение приходящих учениц, равно как и то число таких учениц, которое может быть принято в училище, оставлены открытыми до выяснения общего числа мусульманских девушек, желающих поступить в училище. На этом же основании советом постановлено, не ограничиваясь никаким определенным сроком, продолжать прием прошений от желающих поступить в женское русско-мусульманское училище до самого дня открытия его, требуя, чтобы при прошениях о поступлении прилагались свидетельства метрическое и о привитии оспы, а сами прошения адресовать на имя председателя Попечительного совета и учредителя училища Г.З.А. Тагиева. Далее, составить смету на первоначальное обзаведение, Попечительный совет просил Г.З.А. Тагиева и Г.-б. Меликова заняться приобретением для училища всех необходимых учебно-воспитательных и хозяйственных принадлежностей, а С.Г. Тагиеву – заняться изготовлением платья для воспитанниц, соблюдая для учениц в виде форменного платья костюм, который обыкновенно носит мусульманская женщина в Дагестане.

Но, как и надо было ожидать, самым капитальным и в то же время сложным оказался вопрос о приискании подходящих лиц для заня-

тия должности начальницы и преподавательниц женского русско-мусульманского училища. Попечительным советом разрешение и этого вопроса было поручено учредителю училища Гаджи Зейнал Абдин Тагиеву, который в июне месяце, как уже сообщалось в нашей газете, с одобрения Попечительного совета представил на утверждение попечителя Кавказского учебного округа следующие лица: на должность начальницы училища и учительницы – окончившую курс в женском учебном заведении Св. Нины Ханифу ханум Меликову (жена Гасан бека Меликова), помощницы начальницы (она же надзирательница) и учительницы – окончившую курс в женском институте Мариам ханум Сулькевич (литовская татарка), учительницы магометанского Закона Божия г-жу Ахундову и татарского языка (она же надзирательница) (уроженка гор. Ахалцыха) – выдержавшую особое испытание в Закавказском духовном правлении на звание приходского муллы Исму ханум Шихзаде.

Ввиду встретившихся затруднений в приискании лиц учебно-воспитательного персонала и той осторожности, какую по известным соображениям должен соблюдать в столь новом и важном для наших мусульман шаге, Попечительный совет пока не определил с точностью день открытия женского русско-мусульманского училища, оставив этот вопрос открытым до окончания всех необходимых подготовительных работ, когда и будет особо объявлено об официальном открытии женского мусульманского училища, понятным интересом ожидаемого всеми мусульманами в России.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 21 августа.

К открытию Кавказской юбилейной выставки

2 сентября 1901 г.

Сегодня в Тифлисе официально открывается Кавказская сельскохозяйственная и промышленная выставка, приуроченная к столетнему юбилею присоединения Грузии к Российской империи.

В этой выставке принимают участие все губернии и области Закавказья и Северного Кавказа, почему сегодняшнее торжество имеет значение важного события для всего Кавказского края и в том числе для нашего Бакинского района.

Все народы и племена, населяющие в таком множестве наш край, явятся на это торжество во всей пестроте своей разнообразной культуры, сельскохозяйственной и промышленной жизни.

В возможно полном отражении культурного состояния кавказских народов и их сельскохозяйственного и промышленного быта заключается цель выставки и в то же время ее высокополезное значение как одного из лучших средств проверки того, что сделано самим населением или предпринято для него правительственными, общественными и сословными органами в деле культурного развития его в известный период времени.

Оправдает ли такое свое назначение юбилейная выставка – покажет будущее, когда мы будем иметь возможность ознакомить наших читателей со всеми отделами выставки, но и теперь нельзя не указать на условия, которые, к сожалению, должны невыгодным образом отразиться на желательных последствиях и успехе выставки.

В ряду таких условий, прежде всего, надо отметить ту поспешность, с какой приступлено к подготовительным работам и какая, конечно, отразится на всем ходе работ, а следовательно, и на окончательных результатах их.

Как известно, по причинам отчасти формального свойства официальное разрешение г. министра земледелия и государственных имуществ на открытие выставки было получено в мае месяце на-

стоящего года, когда был назначен день открытия выставки 20 августа, отсроченный, в свою очередь, на сегодня. Благодаря этому обстоятельству, главный комиссариат выставки в Тифлисе имел в своем распоряжении такой сравнительно небольшой промежуток времени, как три с половиной месяца, в течение которого решались нелегкие задачи по организации на местах особых губернских комитетов, по популяризации среди населения края идеи выставки и по всем вообще подготовительным работам, которые были необходимы для устройства выставки. К тому же и срок, которым можно было располагать для подготовки выставки, совпал с летними месяцами, когда по климатическим условиям края сельское население многих местностей перекочевывает со своим скотом в горы, а жители городов, и в частности, служащие в правительственных и общественных учреждений проводят время в разных дачных местах.

Совпадение времени подготовительных работ для выставки с летней порой настоящего года должно отразиться на успехе этой последней более неблагоприятно, чем это кажется на первый взгляд, а не особенно обильный, местами даже скудный урожай, выпавший на долю сельскохозяйственных продуктов истекающего лета, царившая в большинстве местностей Кавказского края жара при отсутствии дождей и, наконец, переживаемый кавказской промышленностью кризис – все эти неблагоприятные условия должны усугубить еще более невыгодность для выставки отмечаемого обстоятельства.

А между тем в интересах дела, могущего иметь для будущности края немаловажное значение, особая осторожность и внимательность являлись необходимыми условиями достижения желательного результата выставки, заключающегося в возможно полном изображении сельскохозяйственного и промышленного развития народов Кавказа. Требование этих условий станет ясным, если принять во внимание ту сравнительно еще низкую степень умственно-нравственного и экономического состояния, на которой стоит огромная часть населения Кавказского края. Недаром главный комиссариат юбилейной выставки нашел необходимым заняться популяризацией среди населения края самой идеи выставки.

Как выполнена эта по истине трудная задача и выполнена ли она вообще – нам неизвестно, кроме разве проскочивших в местные газеты отрывочных сообщений о том, что некоторым агрономам, ездившим в разные местности края по служебным делам, поручено было распространять в населении сведения о выставке.

То же самое, впрочем, было поручено и чинам уездной полиции...

К сожалению, у нас нет пока более просвещенных способов непосредственного общения с той именно преобладающей частью кавказского населения, которая созидает и двигает на своих плечах сельское хозяйство и промышленность. И в деле устроения выставки, как и во всяком исследовании той или другой отрасли нашей народной жизни, хотя бы преследующем собирание обыкновенных статистических данных, мы или должны обращаться к чинам общей полиции, и без того заваленной несением своих многочисленных обязанностей, или всякий раз создавать новые должности, новых агентов, на что не хватает у нас средств, не говоря уже о том, что новым агентам приходится бродить буквально в темноте среди им чуждого разноплеменного и разноверного населения Кавказского края.

К чему приводит такое положение наглядно доказала Кавказская выставка 1899 г., когда в качестве экспонентов в большинстве случаев выступали лица, не имевшие ничего общего с «выставленными» ими экспонатами, приобретенными иногда с третьи рук. Подобные «представители», крича о «своих» произведениях и получив за них даже медали, послужили источником самого превратного понятия и представления о действительном состоянии сельского хозяйства и промышленности на Кавказе. В то же время некоторые отрасли сельского хозяйства и промышленности блистали своим отсутствием на выставке только потому, что поставщики экспонатов, преследовавшие лишь свои собственные интересы, не успели, не могли или не захотели обратить «просвещенное» внимание на те или другие местности края.

Избегнет ли юбилейная выставка подобных дефектов? Мы искренне этого желаем, но имея в виду указанные выше неблагоприятные условия, как поспешность и отсутствие надлежащих органов для непосредственного привлечения экспонентов со всех углов Кавказа, а также недостаточность материальных средств, которыми располагали руководители выставки, не можем не высказать предположения, что юбилейная выставка и в этот раз, к сожалению, не будет отличаться той полнотой своих экспонатов, которая, установив за ней значение действительно Кавказской выставки даст возможность пользоваться ее указаниями, положительными и отрицательными, для развития сельского хозяйства и промышленности всего Кавказского края в будущем.

Как, «не видя дурного, нельзя оценить хорошего», так нельзя судить о степени прогресса промышленности и в особенности сель-

ского хозяйства, не сопоставив сделанных улучшений с теми формами и средствами производства, которые продолжают оставаться еще в первобытной культуре. В нашем крае такие резкие контрасты встречаются на каждом шагу. В этом отношении особенно выдается наше Восточное Закавказье, в котором наряду с чисто американского пошиба торгово-промышленным центром, как Бакинский нефтяной район, и с несколькими видами хозяйств высшей культуры продолжают господствовать допотопные способы возделывания земли с отжившими свой век и уже убыточными полевыми орудиями, равно как орудиями для обработки шерсти, хлопка, кожи и т. п., нередко даже при меновой системе торговли...

Отставшая от других частей края в своем духовном и экономическом развитии, наше Восточное Закавказье и до сих пор влачит в главной массе населения жалкое существование в отношении сельского хозяйства и промышленности. Ежедневные тревожные заботы о черном хлебе заставляли в сердцах население этой части Кавказского края надолго заглушать в себе этические требования просвещения, необходимого для всякого человеческого общежития духовного и экономического подъема. Живя до сих пор в оковах народной нищеты и невежества, Восточное Закавказье только теперь начинает просыпаться от зловещего сна, не умея еще ориентироваться в окружающем его и пока новом мире и как будто мало чуя беды от положения отсталой страны, населению которой судьба готовит печальную роль вечных данников и прислужников более успевающих в борьбе за существования народов.

Вот к таким-то надо прийти на помощь, жизнь населения такой-то страны надо выставить как можно рельефнее, чтобы знать в чем его нужды и как им помочь!..

В этом все высокое значение, вся поучительная и воспитательная сторона выставки.

Но какие бы не оказались недочеты, мы, приветствуя открываемую сегодня юбилейную выставку, выражаем уверенность, что она оправдает свое поучительное значение; она засвидетельствует начало того прогресса, которого жаждет население Кавказа во многих проявлениях жизни; она укажет, что утомленные продолжительными войнами и внутренними распрями кавказские народы за истекшее столетие подготовили себя к восприятию начал гражданственности и мирного развития; она удостоверит, что те же народы начинают познавать цену своему благодатному краю,

его неисчерпаемым природным богатствам и выгодному географическому положению; но в то же время юбилейная выставка воочию убедит, что для сознанного кавказскими народами духовно-экономического развития им недостает такого могучего рычага, как общественная самодеятельность, служащая вернейшим залогом прогресса всякого человеческого общежития и что для приобретения этого необходимейшего средства развития в будущем их страна нуждается в дальнейшем насаждении гражданственности в виде улучшения податной системы, введения суда присяжных, земских учреждений, университета и вообще школы.

Тогда кавказские народы, без различия национальности и веры, руководимые общественной самодеятельностью, соединят свои силы на общую пользу в деле духовно-экономического развития своего чудного края.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 2 сентября.

К телеграммам

4 сентября 1901 г.

Ряд тревожных известий, получавшихся за последние дни по телеграфу о состоянии здоровья президента Северо-Американских Соединенных Штатов Вильяма Мак-Кинли[95], завершился пришедшей вчера грустной вестью о последовавшей 2 сентября кончине его.

Имя только что скончавшегося главы заатлантической республики было в Америке одним из известных и пользовалось популярностью еще со времени междоусобной войны, в которой он дослужился до чина майора. По окончании войны, давшей торжество северным штатам над южными, Мак-Кинли занимался адвокатурой в штате Огайо, в котором он и родился в 1844 г. По своим политическим убеждениям Мак-Кинли был истый республиканец и с 1877 г., будучи избран в конгресс, в рядах Республиканской партии играл выдающуюся роль. Общественно-политическая роль Мак-Кинли, еще до избрания его в президенты, оставила глубокие следы, особенно в торгово-экономической жизни страны, чувствительно отразившись на торговых интересах даже европейских народов. В этом отношении самым выдающимся актом деятельности Мак-Кинли считается предложенный им в 1890 г., во время президентства Гаррисона[96], так называемый биль Мак-Кинли, которым установлен целый ряд суровых взысканий за неправильное, хотя бы и добросовестное определение цены товара, изданы правила, затруднившие ввозную торговлю, понижены пошлины на некоторые товары и весьма значительно (до 18%) повышены все остальные. Этим же биллем предоставлены президенту обширные полномочия повышать и понижать тарифные ставки для государств Южной и Средней Америки, по политическим причинам или в виде репрессалий .

С понятной неприязнью был встречен этот билль Мак-Кинли правительственными и, в особенности, торгово-промышленными сферами всей Европы, основательно видевшими в нем систему крайнего протекционизма, горячим сторонником которого и был Мак-Кинли.

И действительно, очень скоро благодаря этому закону в европейских странах пострадали многие отрасли промышленности, а в Англии он чувствительно отразился на всей промышленности; в самой же Америке значительно понизился ввоз товаров из Европы, что повлекло понижение заработной платы во многих отраслях труда.

Это последнее обстоятельство вызвало неудовольствие среди Демократической партии, которая и провела на выборах в палату депутатов 1890 г. своих сторонников, а в 1892 г. в президенты республики – демократического кандидата Гровера Кливленда[97] ,добившись вскоре понижения таможенных пошлин.

Тем не менее положение Мак-Кинли в рядах Республиканской партии упрочилось еще более, и он в 1891 г. был избран губернатором штата Огайо, а в следующие выборы, происходившие в 1896 г., на пост президента республики, на который он был избран вторично в марте настоящего года на четырехлетие 1901–1905 гг. Будучи сторонником крайнего протекционизма, Мак-Кинли и в бытность президентом Северо-Американских Соединенных Штатов имел в виду интересы этой системы, характером которой проникнуты все экономическо-политические мероприятия заатлантической республики последнего времени.

Из внешних событий при Мак-Кинли обращает на себя долгая и упорная война штатов с Филиппинами[98].

Со смертью Вильяма Мак-Кинли связан вопрос о замещении поста президента Северо-Американских Соединенных Штатов, который, согласно конституции той страны, должен занять вице-президент до конца [срока] т.е. до марта 1905 г., следовательно, почти весь четырехлетний срок.

По конституционным законам Северо-Американской республики вице-президент не имеет особых полномочий при жизни президента и весь круг его обязанностей сводится к председательствованию в сенате республики. Ввиду ничтожной роли вице-президента, при выборах на эту должность мало обращается внимания на способности и другие качества лиц, которые выставляются кандидатами на вице-президентский пост. Вот почему этот пост занимает малоизвестная личность – Теодор Рузвельт[99], которому суждено теперь быть главой великой заатлантической республики.

Т. Рузвельт родился в Нью-Йорке в 1856 г., и в молодости переехал в Европу, где вел жизнь, полную приключений. Затем г. Рузвельт переехал в Америку, где приобрел известность сначала

участием в кубинской войне, в которой он выступил с полком волонтеров, снаряженным за свой счет. Затем занимал должность губернатора Нью-Йоркского штата; в 1896 г. он занимал видный пост в морском ведомстве и затем избран в вице-президенты.

Между прочим, Теодор Рузвельт проявил себя противником известной в Северной Америке системы назначения гражданских чиновников, в силу которой сменяются все чиновники после выбора нового президента (Spoil Sistem[100]). Еще в бытность свою нью-йоркским губернатором Рузвельт строго придерживался этого начала, при замещении должностей был чужд партийных интересов.

Свои политические убеждения новый глава Северо-Американских Соединенных Штатов выказал недавно в речи, произнесенной им на выставке штата Миннесоты. Из той речи видно, что Рузвельт горячий приверженец известной теории Монро[101], – «Америка для американцев» и ревниво относится ко всякой попытке вмешательства европейских государств в дела Американского континента.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 4 сентября.

По поводу открытия в Баку женского русско-мусульманского училища

22–23 сентября 1901 г.

Нужда в развитии просвещения у нас настолько велика и ощутительна и в то же время мы так бедны еще действительными рассадниками обучения и воспитания нашего юношества, что открытие всякой школы, независимо от тех или иных задач, предусматриваемых школой, наполняет сердце каждого, желающего добра своей стране, особенной радостью. Смотря на каждую школу как на одно из просветительных учреждений страны, мы приветствуем всякий раз появление нового рассадника образования, чувствуя, что увеличение числа школ и связанное с ним распространение просвещения приближает нас к началу торжества света над мраком, добра над злом.

Если такое вполне естественное чувство радости вызывает во всем передовом обществе появление каждой школы, то что сказать о школе, которая, не имея себе примера и появляясь впервые, предназначена судьбой пробить чувствительную брешь и положить начало тому окну к свету, от благотворных лучей которого столь ревниво заслонена безотрадная жизнь мусульманской части населения не только Кавказского края, но и всей России, даже всего мира!..

Такой школой, которая выступает в роли первой провозвестницы наступления новой эры в деле умственно-воспитательного развития наших мусульман, является женское имени императрицы Александры Федоровны русско-мусульманское училище, учрежденное в Баку потомственным почетным гражданином Гаджи Зейнал Абдин Тагиевым. Имя этого щедрого благотворителя настолько популярно, что он пользуется известностью далеко за пределами своего отечества, как самый отзывчивый из числа состоятельных мусульман, близко принимающий к сердцу дела благотворения вообще.

Оказывая материальную поддержку неимущим, без различия национальности и вероисповедания, Г.З.А. Тагиев делает это с полным сознанием важности и необходимости помощи тем, кто в ней действительно нуждается, чуждый того узкого и обидного взгляда, в силу которого миллионер обязан уделять бедным от щедрот своих.

Но особенно охотно и усердно г. Тагиев приходит на помощь делу народного просвещения.

В этом отношении, будучи ревностным сторонником образования вообще, Г.З.А. Тагиев просто удивляет всех, приходящих с ним в соприкосновение по вопросам просветительного характера, той верой и энергией убежденности, какою проникнут этот самородный ум, не получивший никакого образования, в могучую силу просвещения. Высказывая мысли, которые можно услышать только из уст современного интеллигентного человека, Гаджи Зейнал Абдин Тагиев очаровывает своего собеседника тем культом школы, которую он действительно боготворит, откликаясь так часто на ее нужды и потребности.

Не место здесь перечислять все те учебные заведения, в которых г. Тагиев или состоит почетным попечителем, внося ежегодно определенную сумму, или же содержит десятки стипендиатов. Не говоря о многочисленных случаях оказания им учащимся материальной поддержки в виде единовременных пособий, г. Тагиев пользуется выдающимися событиями общественно-государственного или местного значения, чтобы ознаменовать такие события добрыми делами на пользу просвещения. Припомним хотя бы пожертвованные им 10 тыс. руб. в память освещения бакинского Александро-Невского собора и пребывания в Баку экзарха Грузии, из коих 3 тыс. руб. отчислено в пользу православной церковно-приходской школы в Баку, а остальные 7 тыс. руб. – на пополнение средств народных школ Бакинского уезда. Многим, конечно, памятно и открытие в селении Мардакяны, Бакинского уезда, специальной школы садоводства, для которой Г.З.А. Тагиевым выстроено прекрасное помещение и разведен обширный сад с отпуском десятка тыс. руб. на содержание школы. Еще недавно этим благотворителем пожертвованы: 20 тыс. руб. на пользу Кавказского общества исправительных колоний и ремесленных приютов для малолетних преступников, 10 тыс. руб. в пользу Петербургского благотворительного общества, 50 тыс. руб. в пользу открываемого Бакинского коммерческого училища.

Творимые Г.З.А. Тагиевым добрые дела на почве благотворительности вообще и просвещения в частности давно снискали ему среди населения нашего края заслуженное уважение, доходящее у мусульманской части населения до обожания, благодаря чему Г.З.А. Тагиев резко выделяется среди прочих богатых мусульман, как отзывчивый на все хорошее и доброе человек. Потому-то редкое и имеющее общественный характер благое дело мусульман не только нашего края, но и внутренних губерний России обходится без того или иного участия Г.З.А. Тагиева. В этом отношении наши мусульмане давно привыкли ставить г. Тагиева в пример другим своим единоверцам, которые, может быть, и богаче бакинского благотворителя, но беднее его своими душевными качествами и любовью к добру и свету, служащими наилучшим памятником, какой может оставить человек после себя на земле.

Но венцом просветительно-благотворительных дел Г.З.А. Тагиева до сих пор, бесспорно, является открываемое в Баку женское русско-мусульманское училище, и не только потому, что на это дело г. Тагиевым пожертвовано свыше 200 тыс. руб., но главным образом по тому значению, какое придает сам учредитель и какое может иметь эта первая школа для мусульманских девушек в будущем духовном развитии мусульман вообще.

Крайне угнетенное положение мусульманской женщины-затворницы, лишенной света и воздуха, в связи с общим невежеством мусульман, отсутствие удобно читаемой азбуки и правильно организованной духовной школы для подготовления образовательных толкователей аль-Корана и шариата, служат истинными причинами общей отсталости народов, исповедующих ислам, и в то же время являются существенно капитальными и жгучими вопросами, от правильного и скорого разрешения которых зависит все будущее мусульманских народов.

Эти вопиющие нужды мусульманской жизни, без удовлетворения которых не мыслимо дальнейшее разумное существование и, в особенности, борьба мусульман на культурно-экономической арене современных народов, начинают проникать в сознание и наших мусульман, все более и более убеждающихся во вреде тех тяжелых условий, среди которых протекает их невежественная жизнь.

Вот почему первая весть об учреждении в Баку учебного заведения для мусульманских девушек взбудоражила наш мусульманский мир: со всех почти областей империи с мусульманским населением

поступали, между прочим и в нашу редакцию, тревожные запросы о том, что это за училище, какова его программа, из кого будет состоять учебно-воспитательный персонал и т. п. Во многих из таких запросов сквозило как бы боязливое недоверие к самой идее мусульманского женского училища: не рано ли Г.З.А. Тагиев взялся за «такое» дело? Как отнесется к нему невежественная масса мусульманского населения и, в особенности, мусульманское духовенство?..

Надо сознаться, что эти вопросы и сейчас как бы имеют свои raison d'etre, вытекая из тех взглядов и понятий, какие усвоила себе на религию Магомета и, в особенности, на шариат не только читающая публика, но и те из мусульман, которые, к стыду своему, мало знакомы с исповедываемой ими религией и еще менее с положениями своего шариата.

Ввиду крайне превратных понятий о мусульманстве, особенно надо отметить установившийся взгляд на положение мусульманской женщины. Те из большой публики, которые привыкли смотреть на пророка Магомета и его создание – Коран – лишь с отрицательной точки зрения и даже враждебно, должны были, конечно, и в несчастном положении мусульманской женщины видеть прямое последствие религии Магомета: «Это мусульманский пророк и его шариат довел женщину до положения безответного домашнего животного, поучая своих последователей тому, что женщина – раба мужчины, созданная для его утех и домашних услуг!»

Приписывающие Магомету такое «учение» забывают только, что творец ислама, стремившийся создать на земле организованное человеческое общежитие, не мог проповедовать и придерживаться столь безнравственного и антисоциального положения, как узаконение религий неравенства между людьми двух полов, самой природой призванных к совместному, солидарному и равноправному существованию.

Такая религия, обреченная на смерть, должна была бы заглохнуть в самом зародыше, как предлагающая своим адептам противообщественное начало. А между тем последователи аравийского пророка, разбросанные по всем частям земного шара, насчитываются сотнями миллионов, увеличиваясь все более и более...

Мы не будем распространяться на эту тему, подробно рассмотренную в ряде статей, помещенных на страницах нашей газеты, скажем только, что мусульманский пророк, проповедуя о том, что «мужчина и женщина созданы из одного и того же вещества» (Ко-

ран: глава о женщинах), наделил женщину всеми личными, семейными и имущественными правами, и тем самым создав для женщины одинаковое с мужчиной юридическое положение, возвысил ее до равной с последним общественно-нравственной силы.

Если же, несмотря на равноправное свое положение, женщина-мусульманка очутилась и сейчас находится в безвыходном положении бесправного существа, то в этом виновата отнюдь не религия Магомета, а пережитая мусульманскими народами история социально-бытовых отношений и то искажение ислама, которому в течение веков подвергалось учение пророка невежественным, но всесильным мусульманским духовенством, игравшим постановлениями шариата в своих собственных интересах и угоду самовластных деспотов в лице восточных царей и всякого рода правителей...

Действительная жизнь как отдельных лиц, так и целых обществ, народов никогда не в состоянии укладываться в тесные рамки норм, устанавливаемых законом и религией; человеческая жизнь ,заключающая в себе самой прогрессивное начало, принимает те или другие формы под влиянием многоразличных причин, связанных с часто неуловимыми условиями окружающей природы, места и времени; «фактическое» положение вещей в данном обществе есть результат веками складывавшихся наслоений жизненных условий, составляющих традиции и обычаи общества. Как бы эти последние по характеру своему и были отрицательны и вредны, они, как тяжелое наследие прошлого, не могут скоро забыться; они имеют и будут иметь своих сторонников, из коих одни из невежества, другие из корыстных и иных побуждений окажутся готовыми стать в защиту «попираемых прав» старины!

В таком виде, к сожалению, находится фактическое положение мусульманской женщины: она сейчас бесправна, угнетена более сильным полом, лишена возможности развивать свой ум и природные дарования; словом, у нее отнято все, что «даровано ей Богом и пророком»!

Из настоящего безотрадного положения женщина мусульманка может быть выведена только при помощи школы.

Открываемое в Баку женское русско-мусульманское имени императрицы Александры Федоровны училище будет иметь значение той первой школы в современном смысле этого слова, которой предназначено положить начало умственно-нравственного развития мусульманской женщины. И в этом, конечно, не следует, что

до сих пор мусульмане не знали женских школ и не обучали своих девушек. Имена высокообразованных и ученых мусульманок, занимавших даже профессорские кафедры в академиях Багдада, Каира, Кордовы и других умственных центров восточных государств в эпоху их могущества и процветания, свидетельствуют о многочисленных школах, в которых получали образование мусульманские девушки.

Но, к сожалению, это славное время, когда мусульманка пользовалась свободой разумного существа во всех проявлениях жизни, составляет лишь достояние истории, служа наилучшим подтверждением того положения, что ислам относится не враждебно к просвещению, но может служить для народов, его исповедующих, могучим стимулом поощрения к прогрессу вообще, если только не искажать его заветов... Перед именами мусульманских женщин, подобных вышеприведенным, должны стыдиться все те, кои и теперь являются сторонниками гнусного затворнического режима, доведшего мусульманку до настоящего ее приниженного положения! И лишь меры, принимаемые за последнее время передовыми мусульманами в Константинополе, Каире, Бомбее, Калькутте с целью поднятия путем школы умственно-нравственного состояния мусульманской женщины, в состоянии при благоприятных результатах искупить хоть часть тяжкого «греха», допущенного в отношении женщины мусульманки.

Что же касается Кавказского края и вообще русских мусульман, то о существовании среди них правильно организованной школы для обучения мусульманских девушек мы не знаем. Нам известна лишь попытка, сделанная в восьмидесятых годах[102] открытия в Тифлисе особого института для девушек-мусульманок на пожертвования, которые имелось в виду собрать от состоятельных мусульман в крае и на субсидию из Государственного казначейства.

Но мысль эта, горячим сторонником которой, между прочим, был покойный генерал Старосельский[103], в бытность его начальником главного управления бывшего наместника Кавказского, не получила осуществления, так как нашлись лица, заговорившие о неудобстве и даже об опасности создания учебного заведения специально для мусульманских девушек!..

В том же Тифлисе в начале восьмидесятых годов было основано мусульманское благотворительное общество, которое открыло на свои средства начальную школу для девочек-мусульманок. Но как

само общество, так и школа должны были очень скоро закрыться за неимением средств.

Кроме указанных, других сколько-нибудь серьезных попыток и забот об образовании мусульманских девушек у нас не было.

Правда, в городах и даже во многих селениях Кавказского края, как вообще у всех мусульман, продолжает существовать домашнее или мектебное обучение девушек: эти последние собираются у грамотной и читающей аль-Коран женщины, и редко у моллы, и проходят то, что обыкновенно принято изучать в мусульманских мектебах, сводящееся, главным образом, к умению читать аль-Коран без понимания его смысла, а для девочек – и к какой-нибудь ручной работе вроде вязания или вышивания. Таких женских мектебов немало и теперь в нашем крае.

Не отрицая известного значения, какое имели мектебы вообще для мусульман, удерживая их от полного одичания, и в особенности того значения, какое могут иметь мектебы, пользующие с большой еще популярностью среди мусульман, и которые можно было бы [использовать] в деле просвещения мусульман при их реформировании, мы должны все же сказать, что господствующие в мектебах чисто схоластические приемы и порядки обучения не дают возможности считать их школами в современном значении этого слова. Вот почему открываемое в Баку русско-мусульманское училище с полным правом может быть названо первым по времени возникновения учебным заведением в России, предназначенным для образования мусульманских девушек. Но эта школа является первой не только по порядку, но и по тому образцовому устройству, которое можно требовать от учебного заведения с подобной целью при настоящих условиях мусульманской жизни и при господствующим среди массы населения взгляде на женщину. В этом отношении, как можно было видеть из устава Бакинского женского русско-мусульманского училища, с содержанием которого мы познакомили наших читателей в № 183 «Каспия», организация этой школы, выражающаяся в постановке учебно-воспитательного дела, должна удовлетворить и тех противников образования женщин, которые в своем слепом неведении высказываются против всякого рода просветительных учреждений, бессознательно придерживаясь того нелепого взгляда, что всякое «новшество» ведет лишь к подрыву религиозных, общественных, семейных основ и столь излюбленных традиций старины...

Учредитель этой школы не мог игнорировать подобных приверженцев старины, составляющих, к сожалению, огромную массу мусульманского населения, а потому при составлении устава училища обязательно надо было считаться с общим уровнем понятий мусульман вообще на образование женщины. Это была не только уступка, но и тот необходимый порядок действий, при котором, при настоящих условиях умственно-нравственного состояния наших мусульман, возможно обеспечить получение желательных результатов от всякого начинания просветительного характера. В данном случае надо было убедить мусульман, что учреждаемая в Баку русско-мусульманская женская школа имеет в виду дать девушкам-мусульманкам известный круг познаний, необходимых для нее в предстоящей ей жизни, как женщины, жены и матери; что те познания, которые получит девушка-мусульманка в этой школе, не оттолкнут ее от семьи и не сделают ее чужой в этой семье, без знания своей веры, языка и требований ожидающей ее жизни; что дать образование мусульманке не значит научить ее только говорить по-русски, забыв свой язык, одеваться по моде, издеваясь над обычаями окружающих, посещать балы и театры, пренебрегая обязанностями жены и матери; что, напротив, русско-мусульманская школа ставит своей задачей дать такое образование мусульманке, чтобы она умела и говорить по-русски, и одеваться прилично, и развлекать себя разумно, не переставая оставаться действительной подругой своего мужа и настоящей матерью своих детей. Правда, это такие требования, которые должны быть предъявлены к женской школе вообще, но школа, выступающая впервые для образования мусульманской девушки, должна наиболее удовлетворять этим требованиям, чтобы на первых же порах завоевать симпатию всего мусульманского общества и в особенности разочаровать нечестивые ожидания тех фарисеев, которые из эгоистических вожделений своих находят выгодным держать женщину в неведении всего того, что ее окружает.

Мы не сомневаемся, что Бакинская русско-мусульманская школа сумеет стать в уровень выраженных нами желательных требований.

За это ручается, прежде всего, данная ей уставом организация, которая в состоянии удовлетворить все требования с мусульманской точки зрения.

Приведем наиболее выдающиеся в этом отношении черты: по характеру своему это училище есть закрытое учебно-воспитатель-

ное заведение, в которое принимаются исключительно девочки-мусульманки; кроме общеобразовательных предметов, установленных программами одноклассных начальных училищ, будут преподаваться: мусульманский Закон Божий и татарский язык; начальница, равно преподавательницы русского и татарского языков и мусульманского Закона Божия, должны быть мусульманки; из числа последних будет и весь состав служащих в училище; в дополнительном профессиональном классе будут изучаться рукоделие и домоводство применительно к потребностям мусульманской семьи; наконец, в составе Попечительного совета, кроме представителей (обоего пола) от мусульманского общества, находится представитель магометанского духовенства – бакинский губернский казий.

Уже из этих данных видно, что в организации женского училища соблюдены, по возможности, необходимые с точки зрения мусульманского требования.

Как будут приложены к жизни эти данные – это уже дело учебно-воспитательного персонала и Попечительного совета училища. В особенности от энергии и такта, добросовестного и умелого ведения учебно-воспитательного дела зависит весь будущий успех у нас женского русско-мусульманского училища. Конечно, мы не говорим о тех шероховатостях и недочетах, которые неизбежны при всяком новом деле, а в таком, как женская мусульманская школа, в особенности: мы имеем в виду создание и соблюдение в этой школе того направления, которое предначертано в ее уставе, и которое одно в состоянии сделать из нее действительный рассадник обучения и воспитания мусульманских девушек.

В этом отношении мы вполне надеемся на образованный уже состав училищного персонала и Попечительного совета: должности начальницы и преподавательниц-надзирательниц училища, а также членов-мусульман Попечительного совета занимают лица, принадлежащие к интеллигентному мусульманскому классу. Это дает нам уверенность в успешном ведении дел училища, в любви и энергии учебно-воспитательного персонала и Попечительного совета к взятым на себя обязанностям, если и не сложным, то весьма ответственным. Старание оправдать перед всем мусульманским обществом доверие, оказанное передачей в их руки столь важного для будущности мусульман дела, должно служить для этих лиц руководящим стимулом в предстоящей им скромной, но чреватой последствиями деятельности.

Нельзя, наконец, не указать и на присутствие в числе членов Попечительного совета таких лиц, как Бакинского городского головы, начальницы местной женской гимназии, директора мужской гимназии и директора народных училищ.

Связуя интересы русско-мусульманской женской школы с бакинским общественным управлением, давшим школе безвозмездно землю, и другими учебными заведениями, эти лица окажут полезное влияние на правильное функционирование училища со стороны хозяйственной и в особенности педагогической.

Вышеприведенные условия организации женского русско-мусульманского училища являются, по нашему мнению, настолько целесообразными, что, при надлежащем пользовании ими, не только успех школы в будущем надо считать вполне обеспеченным, но надо надеяться, что школа эта послужит образцом для других подобного рода учебных заведений. Так, уже под влиянием идеи о Бакинской русско-мусульманской школе, циркулирующей среди наших мусульман вот уже два года, в гор. Эривани, как у нас на днях сообщалось, в скором времени откроется подобная же женская школа. И мы не сомневаемся, что среди наших мусульман это будет не единственным примером, так как идея об образовании мусульман, подобно доброму семени, брошенному на благодатную почву, должна быть чреватой своими благими последствиями.

В числе таких последствий этой идеи нам предвидится дальнейшее ее развитие, которое должно привести к мысли о расширении программы женского русско-мусульманского училища. Нечего и говорить, что очень скоро курс одноклассного начального училища окажется незначительным для тех мусульманских девушек, которые захотели бы продолжить свое образование в том же направлении. Эта вполне естественная потребность жизни вызовет на сцену вопрос о женской русско-мусульманской прогимназии, а затем и гимназии.

Разрешение этого вопроса, думается нам, будет иметь место в нашем же Баку, в том кругу лиц, которым приходится осуществлять в начальном виде идею об образовании мусульманки... Недаром учредитель русско-мусульманской школы Гаджи Зейнал Абдин Тагиев возвел для этой школы здание, в котором может поместиться женская прогимназия с пансионом и даже целая гимназия! Первой русско-мусульманской школе, носящей имя государыни императрицы, всего более и подобает в своем эволюционном развитии

стремиться расширить круг познаний, даваемых мусульманским девушкам с тем, чтобы эти последние могли со временем стать в уровень умственно нравственных понятий образованных девушек других народностей.

Но это – дело будущего! Пока же заложено прочное начало прекрасного дела образования мусульманки, составляющее один из краеугольных камней, без которого не мыслим умственно-нравственный и экономический подъем и развитие наших мусульман.

Приходя очень кстати на помощь к своим единоверцам Гаджи Зейнал Абдин Тагиев в своем отношении вполне следует словам пророка Магомета, который настолько высоко ставил женщину в семье, что говорил: «Бог поместил рай у ног матерей».

Являясь основой семьи, только разумная мать в состоянии понять все ее значение для общества и государства, только она в состоянии дать своим детям, будущим гражданам, тот первый толчок в развитии их умственно-нравственных сил, от которого зависит все их дальнейшее будущее.

Но чтобы быть разумной матерью, надо, прежде всего, иметь права человека, права женщины, что отнято у мусульманки силой обстоятельств... Она вернет свои права только при помощи школы, которая научит ее всегда помнить исторические слова одной мусульманки, сказавшей всенародно в мечети халифу Омару, желавшему ограничить права мусульманской женщины при заключении брака: «Предводитель правоверных, вы не имеете права лишить нас того, что даровано нам – женщинам Богом и его пророком».

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 22–23 сентября.

К событию дня

7 октября 1901 г.

С сегодняшнего дня положено начало восполнения одного из существенных пробелов общемусульманской жизни – надлежащего образования женщины, которое, бесспорно, послужило важной причиной отсталости в культурном отношении, замечаемой у народов, исповедующих ислам.

На этот крупный недостаток давно уже указывали и продолжают это делать лучшие умы из числа современных ученых, публицистов и общественных деятелей почти всех мусульманских стран. Рисуя мрачную картину семьи мусульманина, в которой основа ее – женщина – выступает лишь в роли безответного и бесправного существа, отмечавшие столь безотрадное положение женщины-мусульманки тем самым подготавливали почву, необходимую для эмансипации мусульманской женщины.

Этими исцелителями общественных недугов был правильно поставлен диагноз одной из опаснейших болезней мусульманского общественного организма, каким надо признать царящее среди мусульман невежество, держащее в своих цепких тисках в особенности женщину.

Вот почему каждый шаг в благом деле улучшения угнетенного положения женщины есть результат благородной деятельности, полной энтузиазма и самоотверженности, тех мусульман, которые раньше других своих единоверцев открыли и познали требования вопиющей нужды – образования женщин.

Сегодняшнее торжество есть видимый, наиболее осязаемый плод коллективной культурной работы таких лиц, из коих, при помощи ли убедительного или острого пера, жгучей ли проповеди, собственным ли примером, или материальными затратами шел прямо к цели и вложил частичку своего в общую сокровищницу, выражающуюся в том, что мусульмане сроднились с мыслью о необходимости образования женщины...

Как мастер любуется своим изделием, так и все, так или иначе способствовавшие проникновению в народные массы столь благой идеи, ликуют сейчас, видя начало осуществления своих страстных желаний в открываемом сегодня Г.З.А. Тагиевым женском учи-

лище, вокруг здания которого теперь витают тени уже сошедших со сцены поборников женского образования, призывая на эту школу вместе с живущими собратьями благодать небесную. Образовавшееся сонмище всех истинных поборников человеческого прогресса приветствует в этом событии торжество света над мраком и, соединившись в один радостный хор, ликующе провозглашает: сегодня настоящий мусульманский праздник!

Да, действительно сегодня праздник на улице мусульман, и праздник редкий, небывалый! День седьмого октября останется памятным для наших мусульман, как ознаменовавший собой реальное осуществление той мысли о женском образовании, которую давно лелеяла лучшая часть мусульманского общества всего Закавказья. И не одного только Закавказья, а и всех областей России с мусульманским населением, для которого вопрос о женском образовании является одним из назревших жизненных вопросов.

Уже это одно придает сегодняшнему торжеству в Баку значение события общемусульманского, на которое должны откликнуться все русские мусульмане.

Наш Баку может гордиться, что сегодня к нему обращены радостные взоры всех ревнителей просвещения и что в нем получает разрешение столь важный для дальнейшего культурно-нравственного преуспевания мусульман вопрос об образовании мусульманской женщины.

В летописях города Баку сегодняшний день будет отмечаться как один из счастливых дней, ознаменованных таким высококультурным событием, как открытие первой в России женской школы для мусульманских девушек.

Приветствуя от всех души открытие этой желанной школы, мы уверены, что являемся выразителями искренних пожеланий успеха и процветания школы со стороны населения нашего Баку, всего Кавказского края и всех русских мусульман.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 7 октября.

Баку, 14 октября 1901 г.

14 октября 1901 г.

Наступивший академический год в истории культурного развития нашего города должен быть отмечен как счастливо отличающийся редким для Баку обилием возникающих учреждений просветительного характера: неделю тому назад состоялось открытие первой женской русско-мусульманской школы, сегодня открывается Бакинское коммерческое училище, а на днях при мужской гимназии начнут функционировать «общеобразовательные курсы» для лиц обоего пола всех сословий.

Все эти добрые пожелания, несмотря на особенности преследуемых каждым из них задач, ведут к одной и той же общей цели – к просвещению.

Наметив предстоящий жизненный путь, каждое из этих благих учреждений, вооруженное светильником человеческих познаний и наук, ставит своей целью, прежде всего, культурное развитие населения нашего города и всего Бакинского района.

Являясь в роли рассадников обучения и воспитания нашего юношества, эти просветительные учреждения свидетельствуют, с одной стороны, о той действительной нужде нашей вообще в школах, а с другой – о том состоянии, которым начинает проникаться наше общество в деле разумного распознания своих насущных нужд и потребностей.

В этом отношении теперь у нас есть на чем остановиться и что отметить!

Мы хотим и в сегодняшний день просвещения указать на *частную инициативу*, которой обязаны своим возникновением и дальнейшим существованием все: женская русско-мусульманская школа, коммерческое училище и «общеобразовательные курсы» – все это есть результат проявления частного почина и деятельности тех или других отдельных лиц или групп представителей нашего общества.

Это весьма отрадное явление, которое мы отмечаем с тем большим удовольствием, что только в подобного рода отношении общества к вопиющим своим нуждам видим верный залог его культурно-экономического преуспевания.

Какие бы ни были промахи и недочеты, неизбежные в начале каждого нового дела, весьма важно, что культурные учреждения

и у нас начинают создаваться самим обществом, лучшая часть которого в сознании своего нравственного долга идет навстречу нарождающимся потребностям общества.

Пусть пока не велико у нас число истинных поборников просвещения, но одна возможность возникновения таких учреждений, как женская школа, коммерческое училище и «общеобразовательные курсы», по инициативе частных лиц и на их средства говорит о действительном сочувствии, которым начинает пользоваться у нас святое дело просвещения.

Отмечаемое нами зарождающееся общественное самочувствие, составляя светлое явление нашей жизни, знаменует собой начало того спасительного пробуждения, которое заставляет общество чувствовать всю тяжесть вечного пребывания под опекой, снимающей с самого общества заботы даже о его насущных нуждах. Кажущаяся «легкость» такого антисоциального положения приучает людей к помочам, приводит общество в конце концов к неминуемой гибели, от которой оно может быть спасено только проявлением самодеятельности отдельных членов и всего общества. Это начало, как могучий рычаг общественной жизни, составляет основу и служит надежной гарантией умственно-нравственного и экономического прогресса всякого человеческого общежития: на самосознании и самодеятельности держатся все союзы людей на земле – семейный, общественный, государственный и международный; эти союзы сильны только там, где наиболее развито чувство общественного самосознания, возвышающее в глазах всего общества и отдельных людей их человеческое достоинство и придающее особую прелесть самому важному и могущественному придатку человека – его труду.

История прошлых времен убедительно показывает, что самые энергичные и полезные меры, которые принимались правительствами в целях развития и умножения духовных и материальных сил своих народов, оказывались бесплодными только потому, что народы, привыкшие находиться под опекой, не были в состоянии проникнуться пользой совершаемых для них дел благодаря именно отсутствию в них чувства общественного сознания.

Пробужденное с эпохи великих реформ общественное самочувствие в России сделало уже не мало в деле культурного развития страны. Обширная сеть благотворительно-просветительных учреждений вроде школ разных типов и разрядов, народных домов,

читален-библиотек[104], чайных, публичных чтений и т. п., возникших в особенности за последнее в городах и даже больших поселениях нашего отечества, служит ярким доказательством проявлений частной инициативы и в особенности того, какая могучая и плодотворная сила кроется в обществе, имеющем возможность располагать собой на собственную же пользу. Это такая полезная духовно-нравственная сила, которая при умелом пользовании ею и при предоставлении свободного поля действий в состоянии возродить к новой жизни самое отсталое в культурном отношении общество...

Вот почему мы радуемся за наш край, и в частности, за город Баку, в котором заметны столь желательные проблески пробуждающегося общественного самосознания.

В этом отношении особой признательности заслуживают все те, кои своими личными трудами, познаниями или материальными затратами являются выразителями общественного самочувствия. Мы не имеем в виду перечислять здесь имена таких лиц, а скажем только, что благодаря им наш Баку обогатился в настоящем году такими просветительными учреждениями, как женская русско-мусульманская школа, коммерческое училище и «общеобразовательные курсы».

Мы имели уже случай подробно говорить об уставе и значении открываемого сегодня Бакинского коммерческого училища*.

Являясь после реального училища и классической гимназии третьим в Баку мужским среднеучебным заведением, Бакинское коммерческое училище преследует задачи как общего образования в пределах программы реальных училищ, так и специально-коммерческого образования, которое будет даваться в последних – седьмом и восьмом классах училища. Сверх специальных предметов, необходимых для коммерческого образования, в училище, согласно его уставу, могут быть преподаваемы и предметы, которые окажутся необходимыми по местным условиям.

Мы обращали уже внимание на это важное обстоятельство, которое в связи с общей организацией коммерческого училища, правами и преимуществами, даваемыми заканчивающим в нем курс молодым людям, а главное – в связи с преследуемой этим училищем целью подготовления для нашего края образованных агентов коммерческого дела служит гарантией того, что коммерческое учи-

* См. №№ 174 и 175 «Каспия» за настоящий год. Прим. автора.

лище в будущем развитии нашего края займет видное положение. Особенно это училище должно удовлетворить потребности купеческого и вообще торгово-промышленного класса, на средства которого оно, как известно, и учреждается.

Проявив в этом деле чувство самосознания, бакинское купечество и вообще наш торгово-промышленный класс пойдет, мы в этом уверены, дальше в возможно лучшем достижении потребностей в коммерческом образовании.

Путь для этого укажет сама жизнь и ближе всего то направление, которое примут торговые дела нашего района в будущем.

Возникая в момент усиленных стараний нашего министра финансов в деле расширения торговых операций России с другими и в особенности с восточными странами, Бакинское коммерческое училище сумеет быть действительным рассадником столь необходимого для Бакинского торгово-промышленного района коммерческого образования.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 14 октября.

К открытию «общеобразовательных курсов»

21 октября 1901 г.

Открываемые с сегодняшнего дня «общеобразовательные курсы» являются одним их тех просветительных начинаний, которыми, к счастью, оказался так богат наш Баку в наступившем академическом году.

Курсы эти, как известно из помещавшихся в нашей газете сведений, учреждаются кружком интеллигентных лиц и пока будут функционировать в помещении Бакинской мужской классической гимназии, причем открываются отделения в Черном городе и в Балаханах.

Будучи общедоступными, курсы учреждаются для лиц обоего пола всех сословий; лекции на них будут начинаться по полугодиям, с 15 октября по 20 декабря и с 7 января по 1 мая, ежедневно – с 8 до 10 часов вечера, за плату, которая установлена в таком размере: за слушание лекции за полугодие, до 5 предметов по 1 рублю за каждый, а свыше 5 предметов – 5 руб. за все; отдельные посещения лекций – по 10 коп.; лекции будут демонстрироваться соответствующими туманными картинами и опытами.

На курсах будут читаться следующие предметы: 1) арифметика, 2) алгебра, 3) геометрия, 4) тригонометрия, 5) астрономия, 6) общая механика, 7) физика, 8) ботаника, 9) химия, 10) геология, 11) бактериология, 12) гигиена детского возраста, 13) гигиена и первая в несчастных случаях помощь, 14) гигиена полости рта, 15) физиология животных, 16) история русской литературы, 17) история иностранной литературы, 18) история русская, 19) история искусств и эстетика, 20) прикладная механика, 21) французский язык, 22) немецкий язык, 23) татарский язык и 24) армянский язык.

Кроме того, предполагается читать лекции еще по следующим предметам: 1) зоология, 2) география и этнография, 3) физиология и анатомия человека, 4) история всеобщая, 5) история востока, 6) история философии, 7) история культуры, 8) история промышленности, 9)

политическая экономия и статистика, 10) психология, 11) правоведение, 12) педагогика, 13) бухгалтерия, 14) технология нефти, 15) теория музыки и практическая музыка, 16) английский язык.

Конечно, приведенная программа курсов не имеет исчерпывающего характера, и учредители, сообразуясь с указаниями опыта и вообще дальнейшего хода задуманного ими благого дела, включат в число предметов и такие, которые окажутся необходимыми по требованиям местных условий.

Предоставляя пополнение программы общеобразовательных курсов будущему, мы должны, однако, теперь же отметить в ней отсутствие особых лекций по «кавказоведению», понимаемому в широком смысле этого слова. Слов нет, что в отделах предполагаемых чтений по географии, этнографии, истории и проч. нельзя будет миновать Кавказа, но выделение в особую рубрику всего этого, что так или иначе относится к нашему краю, не только желательно, но является крайне необходимым, если принять во внимание скудность сведений, обладаемых нами же, кавказцами, о нашей богатой и чудесной окраине.

Мы далеки от того, чтобы требовать от учредителей курсов детального изучения Кавказа, ибо это может оказаться и не по силам, но можем обратить их внимание на необходимость ознакомления слушателей курсов по возможности подробно с Кавказским краем: геология и география резко отличающихся одна от другой областей, этнография и история многочисленных кавказских народностей, обладающих каждая своими индивидуальными чертами национально-религиозного и культурного характера – составят в общей программе открываемых курсов предметы, наиболее жизненные, за ознакомление с которыми учредители заслужат признательность всех слушателей курсов.

Важность предметов, входящих в отдел «кавказоведения» настолько очевидна, что сами учредители, в том мы уверены, не замедлят включить их в программу будущих лекций.

Но и при настоящей программе организаторы приняли на себя весьма почтенный и в то же время сложный труд предоставления слушателям того самообразования энциклопедического характера, в котором так нуждается население Баку с его обширным торгово-промышленным районом.

Поставив себе такую широкую программу, учредители курсов, очевидно, имели в виду все те классы нашего населения, которые нуж-

даются в дальнейшем самообразовании в том или ином отношениях.

Такую цель, вообще, преследуют все подобного рода публичные чтения, давшие на западе Европы и в Америке основание к созданию так называемых народных университетов.

Рассчитанные исключительно на популяризацию научных знаний, публичные лекции имеют в виду не только людей, не получивших правильного среднего образования, но и тех, которые ограничили свое образование средней школой, и даже категорию лиц, окончивших высшие школы, но желающих освежить забытые знания, пополнить пробелы или приобрести новые сведения в незнакомых им отделах наук.

Наш Баку изобилует людьми всех этих категорий, которые тем охотнее будут просвещать общеобразовательные курсы, что живя при тяжелых условиях ежедневной срочной работы, они в огромном большинстве случаев лишены возможности пополнить пробелы своего образования таким важным рычагом самообразования, каким является самостоятельное изучение отдельных наук и чтение серьезных книг.

Не останавливаясь теперь на этом вопросе, ограничимся указанием на случаи, которые приводились, в нашей газете, как характерные явления бакинской промысловой жизни, в которой даже люди с высшим образованием отличались в действиях и поступках, не только неблаговидных с точки зрения обычной общечеловеческой этики, но по свойству своему прямо диких!..

И не мудрено, если, хотя бы и дипломированный человек, все семь дней недели проводит в работе, имеющей в виду лишь обогащение суммы своего патрона заводчика или нефтепромышленника; ему некогда даже «просмотреть» журналы и газеты, а уж о серьезных книгах и говорить нечего!..

Но и помимо таких интеллигентов, у нас много среднего трудового люда, для которых курсы – действительное спасение от цепких лап такого чудовища, как невежество!

Для всех этих категорий открываемые с сегодняшнего дня общеобразовательные курсы весьма кстати окажут помощь и несомненную пользу в их самообразовании.

Вот почему, приветствуя открытие этих курсов, выражаем уверенность, что они очень скоро завоюют симпатии нашего общества как одно из необходимых просветительных учреждений.

В этой уверенности убеждает нас, прежде всего, та энергия, с какой небольшой кружок лиц взялся за осуществление этих курсов.

Мы надеемся, что организаторы встретят полное сочувствие со стороны нашего общественного управления и всего бакинского общества. Для дальнейшего успеха курсов город должен теперь поспешить постройкой народного дома имени поэта А.С. Пушкина, в котором курсы и найдут достойное для себя помещение. А для материального поддержания курсов бакинская интеллигенция должна организовать по примеру других городов особое общество для содействия самообразованию в широком смысле слова и в том числе открываемым сегодня общеобразовательным курсам.

Оставляя до другого раза обсуждение возбуждаемых нами вопросов, закончим пожеланием успеха и процветания «общеобразовательным курсам».

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 21 октября.

К учреждению в Баку фармацевтического общества

9 ноября 1901 г.

К числу назревших, выдвинутых самой жизнью за последнее время вопросов, требующих по своей важности неотложного разрешения, надо отнести и аптечное дело в широком смысле слова. Несмотря на свое двухсотлетнее существование и служение обществу, несмотря на все огромное значение в деле такой важности, как охранение народного здравия, аптека с ее многочисленной армией фармацевтов до последнего времени не только оставалась в тени, но находилась в незаслуженном пренебрежении. Как это ни странно, такое отношение к аптечному делу проявилось со стороны закона, а еще более со стороны русского общества, без различия «лиц, званий и состояний», забывавшего, что подобное невнимание к аптекарям и их жрецам увеличивает собой прежде всего тот минус, который сопровождает везде и всюду русского человека в деле охранения дара жизни – здоровья, унося с собой в преждевременные могилы сотни и тысячи!

Нечего и говорить о том, что в основе такого отношения к надлежащей организации аптеки лежит все тот же общий и тяжкий недуг нашего организма, который в виде беспросветного невежества проходит красной нитью через все сферы русского социального быта. Этот убийственный экран, заслоняя русскую жизнь от живительных лучей просвещения, слишком долго держал нас в оковах темного царства, приучив к пренебрежению таким жизненным благом, как здоровье, необходимым каждому не только в его личных интересах, но и в интересах общественно-государственных.

Этим и надо объяснить то недоверие, какое и до сих пор проявляется в народной массе даже к врачам, в которых не только отрицается умение излечивать человеческие недуги, но в которых,

по невежеству своему, видят воплощение нечистых сил. Вспомним хотя бы поразительные по своей дикости факты из отношений народных масс к врачам в дни холеры 1892 г.!

Если часть общества так относилась к врачам, то естественно, что это общество было чуждо мысли упорядочить аптечное дело, без которого немыслима более или менее удовлетворительная охрана народного здравия. Отсюда, отсутствие у русского общества интереса к положению аптечного дела вообще и к ненормальному быту фармацевтов в частности.

Такие вопросы, как необходимость прочного и устойчивого существования аптеки, улучшение материальных условий аптеки и в особенности выполняющих в ней работы по приготовлению и отпуску лекарств, упорядочение торговли лекарственными веществами и ядами, по-видимому, мало кого интересовал. Никто не заботился о той многочисленной армии скромных тружеников, которые, почти не выходя из душной и пропитанной испарениями всевозможных лекарств атмосферы аптек, посвятили себя служению обществу, как ближайшие и ответственные стража и охрана народного здравия. Для большинства жизнь служащих в аптеках и теперь еще terra incognita*, выражающаяся лишь в затейливых пузыречках и красивеньких с бабочками коробочках, в которых отпускаются медикаменты, а засим, кто изготовил их содержимое, каков умственно-нравственный его облик, как оплачивается его труд и при каких условиях приходится ему нести эту общественную службу – все это область неизведанного и обретающегося в туман, в котором в лучшем случае различается, и то смутно, лишь фигура «аптекаря», заслоняющего собой всех остальных невидимых сотоварищей и помощников по изготовлению и отпуску лекарств.

С подобным отношением общества к фармацевтам вполне гармонировала и та полная инертность, с которой относились к насущным своим нуждам до сих пор и сами служащие в аптеках: они как бы сами усвоили себе взгляд окружающего их мира и привыкли смотреть на себя, как на людей низшего ранга, с которыми можно не церемониться. Несмотря на крайне неприглядные условия жизни, в которые поставлены все скромные труженики аптек, до последнего времени легионы фармацевтов не чувствовали никакой между собой связи, никакой общности интересов на почве возможного

* Здесь в смысле неизвестные, недосягаемые (лат.).

удовлетворения общефармацевтических нужд и потребностей. В пропитанной аммиачными и другими удушающими испарениями атмосфере аптеки каждый служащий едва находит силы справиться со своей ответственной работой: почти безвыходно проводя время в такой атмосфере аптечных лабораторий и кокторий, ему некогда думать даже о своей семье, не говоря уже об удовлетворении наиболее насущных потребностей интеллигентного человека.

Забытые законом, неизвестные обществу, а главное, всячески третируемые своими ближайшими патронами и руководителями в лице аптекарей и врачей, русские фармацевты долго влачили жалкое существование, которое привело бы их к неминуемой гибели, если бы, к счастью, в их темное царство не проник одухотворяющий луч света.

Начинающееся с эпохой великих реформ пробуждение общерусской жизни не осталось без благотворного влияния на возрождение самосознания наших общественных союзов, в том числе и служащих в аптеках.

Отдельные голоса науки, выступившие сначала с указаниями необходимости реформы аптечного дела и быта служащих в аптеках, были услышаны лучшими представителями фармацевтического мира и положены в основание надлежащей постановки и разрешения этого вопроса. Особенно в течение этих двадцати лет, благодаря специальной фармацевтической литературе и съездам фармацевтов, сделаны важные шаги, способствовавшие все большему признанию за фармацией значения самостоятельной и весьма важной прикладной науки, поставлены на разрешение существенные вопросы о нуждах русской вольной аптеки и фармацевтического сословия.

В разрешении этих жизненных вопросов от специально-фармацевтической и медицинской не отстает общая печать, органы которой, как выразительницы общественного мнения, не менее заинтересованы в правильном ведении аптечного дела и устройстве быта фармацевтов.

Наряду с этим фармацевты отдельных местностей, преимущественно больших городов, сами уже способствуют дальнейшему движению и расширению касающихся их вопросов, образовывая для этого общества фармацевтов.

Преследуя цели оказания материальной поддержки нуждающимся коллегам, приискании для них места и пр., фармацевтичес-

кие общества вполне правильно поняли, что, соединяя свои силы в один союз, они получают прочную нравственную силу, на фундаменте которой они сумеют урегулировать к лучшему как свои взаимные отношения, так отношения со своими патронами и руководителями, с содержателями аптек и врачами.

А отношения эти во многом пока ненормальны.

Не будем приводить фактов из области этих отношений – они достаточно известны. Скажем только, что жизнь служащих в аптеках ждет своего реформатора, которому предстоит произвести полную дезинфекцию всего аптечного здания, служители которого, не зная покоя ни днем ни ночью, вознаграждаются до того мизерно, что не в состоянии позволить себе выписывать необходимые для самообразования книги или посещать публичные чтения. А что сказать об отношениях врачей к фармацевтам? О том, как врачи смотрят на этих честных интеллигентных тружеников, будет достаточно, если припомнить слова одного врача, который в 1886 г. на III Пироговском съезде[105] в Москве с трибуны провозгласил, между прочим, что «фармацевт должен играть в медицине роль повара при враче», а аптеку по словам этого «врача» следует заменить «аптекарским магазином». Отсюда неудивительно, если и теперь на страницах специально фармацевтического органа можно встретить статьи под таким странным, что бы не сказать более, заголовком: «Правда ли, что врачи тормозят прогресс в образовании фармацевтов?»*

И на этот, повторяем, более чем странный вопрос дается утвердительный ответ, из которого приведем следующее характерное место: в восьмидесятых годах в обществе и печати был поднят вопрос о поднятии для фармацевтов общего и специального образования. Вопрос этот был передан на рассмотрение медицинского совета при участии делегатов от фармацевтов. В результате были выработаны требования, в силу которых для поступления в аптеки установлен был образовательный ценз ниже 6 классов гимназии, и то как временная мера с обязательством дальнейшего, по мере возможности, повышения до требования аттестата зрелости. Но эти правила, занесенные в протокол, который был утвержден министром, не узрели света Божьего, и протокол остался под спудом в том медицинском учреждении, коему вверена судьба русской фармацевтики.

Отсюда, заключает автор свою статью, «нельзя не признать

* См. журнал «Фармацевт» № 36 за 1901 г. Прим. автора.

вполне правильным, что фармацевты встречают упорное сопротивление в их стремлении к поднятию общего и специального образования со стороны врачей, под протекторатом которых они – не только к сожалению, но и к несчастью, – состоят».

Очевидная ненормальность отношений врачей к фармацевтам дала еще больший толчок в деле пробуждения у последних их самосознания, проявившегося особенно резко в том энтузиазме, с каким весь фармацевтический мир наш принялся за устройство празднования дня 200-летия вольных аптек в России, который наступает 22 текущего ноября. Печатаемые в специальном фармацевтическом органе письма и отзывы с выражениями готовности материальными пожертвованиями идти на помощь общему делу явно показывают, с каким интересом русские фармацевты готовились к своему празднику.

Из выработанной по этому поводу программы видно, что самыми существенными и насущными нуждами фармацевтического сословия признаются: организация на рациональных основаниях общего и специального научного образования фармацевтов и устройство при Московском университете первого фармацевтического института. Об этих-то нуждах и будет возбуждено надлежащее ходатайство, к осуществлению их готовятся теперь лучшие представители фармацевтического сословия.

В этом отношении с удовольствием отмечаем, что первым на тот призыв фармацевтов отозвался бакинский провизор И.Ф. Моравский, который в письме, помещенном в № 40 «Фармацевта» от 23 прошлого октября, предлагает образовать комитет для сбора пожертвований на устройство фармацевтического института, обязав всех кондиционирующих и фармацевтов-собственников вносить единовременно или периодически взносы, в зависимости от состояния каждого, и при этом сам обязуется ежегодными сторублевыми взносами пожертвовать для этой цели 1000 руб.

Редакция «Фармацевта» выразила г. Моравскому за такую отзывчивость в деле осуществления заветной мечты фармацевтов об институте особую благодарность. Со своей стороны мы выражаем уверенность, что этот прекрасный пример г. Моравского найдет достойных подражателей среди всех содержателей бакинских аптек, число которых доходит теперь до 12.

Нас радует участие бакинских фармацевтов предстоящем праздновании 200-летия вольных аптек прежде всего потому, что это

участие доказывает сознание ими общности интересов со всеми русскими фармацевтами, а вместе с тем пробуждение в них самосознания в деле лучшего устроения своего быта, своих отношений к патронам и руководителям. В этом убеждает нас то решение, к которому пришли бакинские фармацевты, – к необходимости учреждения в Баку фармацевтического общества.

Сегодня в помещении местной биржи назначено собрание фармацевтов для обсуждения проекта этого общества, которое преследует цели взаимного содействия научному развитию всех фармацевтов в Баку, оказания материальной помощи заболевающим и нуждающимся фармацевтам и укрепления связи и духа товарищества между фармацевтами путем обсуждения сословных вопросов и разрешения недоразумений и споров между членами общества. Членами же общества могут быть лица обоего пола, а именно: все вообще фармацевты, врачи, химики, ветеринары и лица, могущие своими познаниями, общественным положением или участием принести пользу как обществу, так и фармацевтам вообще.

Таким образом, и у нас создается могучее общественное начало, объединяющее людей, преданных делу охранения народного здравия. Это равноправное начало одинакового участия в общих делах фармации отныне не должно ставить особых преград в сознании общности интересов между служащими в аптечных лабораториях и кокториях с провизорами и хозяевами аптек, между фармацевтами и врачами, призванными к совместной и солидарной работе на общественной ниве.

Это общество должно устранить из практики бакинских фармацевтов такие анормальные явления, как известный нашим читателям факт бесцеремонного обращения аптекаря с приглашенным из далека провизором, который очутился в таком беспомощном положении, что должен был обратиться к товарищам с просьбой помочь ему хоть выехать из Баку. Еще менее отныне должно иметь место то пренебрежительное отношение врачей к фармацевтам, образчик которого был приведен недавно в нашей газете.

Мы не называем имен, ибо nomina sunt odiosa*, но надеемся, что отношения между врачами и фармацевтами отныне будут руководиться не выше цитированным положением, высказанным на Пироговском съезде, а известными словами профессора Tschireh'a,

* Имена ненависти (лат.).

который на международном съезде врачей провозгласил, что pharmacia soror medicinae, non ancilla**.

Мы убеждены, что все бакинские фармацевты отнесутся сочувственно к идее образования в Баку фармацевтического общества и сегодня же, рассмотрев проект, организуют небольшой комитет, которому поручат дальнейший ход действий и исходатайствование утверждения устава и принятия подготовительных организационных работ. Этим бакинские фармацевты окажут достойное внимание наступающему всероссийскому празднику 200-летия вольных аптек и начнут новое столетие своего полезного и скромного служения обществу при помощи того могучего рычага деятельности общественных союзов, который выражается в известном девизе – viribus unitis***.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 9 ноября.

** Фармацевтика сестра медицины, но не служанка (лат.).

*** Соединенными силами (лат.).

К дополнительным выборам

17 ноября 1901 г.

Завтра назначены дополнительные выборы, на которых должно быть избрано недостающее число гласных на предстоящее четырехлетие.

Как известно, на первых выборах, произведенных 29 истекшего октября, было избрано всего 33 гласных из более чем двухсот баллотировавшихся в гласные и при наличности 580 избирателей. В числе забаллотированных, к сожалению, оказались лица, весьма достойные по своему общественному положению и образовательному цензу, причем та же участь, надо полагать, постигла бы еще многих, если бы эти последние не отказались во время баллотирования и счета шаров. Это обстоятельство находится в прямой зависимости от того разъяснения, которое было дано председателем избирательного собрания вопросу о праве забаллотированных на первых выборах выставить кандидатуру на дополнительных.

К сказанному надо прибавить, что по общему отзыву состав лиц, оставленных у ящиков для раздачи шаров, оказался не совсем удачным, рано как не было должного порядка на выборах вообще и в частности во время счета шаров, так как заранее не были определены счетчики, в роли каковых совершенно непрошено выступили даже низшие агенты городской управы.

Все эти обстоятельства, сопровождающие первые выборы, показывают, что выборщики явились на избирательное собрание без определенной программы, а если и с программой, то крайне бессистемной, говорящей совсем не в пользу руководителей «партиями», если только таковые у нас есть. Достаточно того, что такое сравнительно большое число избирателей не могло избрать даже половины числа гласных, требуемого для полного состава думы! А между тем 580 человек могли бы при желании сформировать всю думу и сделать излишними дополнительные выборы.

Но... как оказывается, «нет худа без добра»: все недочеты первых выборов должны, надо думать, служить уроком для завтрашних выборов. Облегчив часть труда выбором 33 гласных, избиратели на этот раз должны воспользоваться опытом первых выборов и потому еще сознательнее отнестись к своим обязанностям, памятуя, что от этого зависит судьба их родного города в течении предстоящих четырех лет.

Правда, и перед первыми выборами немало говорили о каких-то частных собраниях представителей разных партий, руководивших выборами, которые составили даже свои списки кандидатов, но результаты выборов показали, насколько серьезно отнеслись эти «представители» к своим собственным действиям. Непонимание ли интересов общественных и даже личных, неумение ли пока приносить эти последние в жертву первым, отсутствие ли привычки к подобному проявлению воли даже в случаях, законом предоставленных, неподготовленность ли к выборам, словом, что бы то ни было, выборы 29 октября известной своей стороной говорят за отсутствие у большинства избирателей того необходимого самосознания, которое составляет основу всякого дела общественного характера. Такой стороной является забаллотирование десятка образованных людей, из коих многие впервые выставили свои кандидатуры в похвальном желании принести посильную помощь нашему городу.

Нет сомнения, что в чисто хозяйственной сфере городских дел требуется не одно образование, а нужны опытность, практика и знакомство с городскими делами, но для нас непонятно выраженное в результатах выборов желание большинства избирателей не иметь в составе думы образованных людей, которые своими разносторонними познаниями всегда принесут пользу в выяснении хозяйственных вопросов городского благоустройства.

Чтобы показать, насколько такой взгляд ошибочен и в особенности вреден в деятельности нашей же Бакинской думы, достаточно сослаться на многочисленные распорядительные и исполнительные комиссии при городской управе, в состав которых входит известное количество из числа образованных гласных, которых можно встретить почти во всех таких комиссиях.

Если даже допустить, что все эти лица воодушевлены горячим желанием служить городу, то и в таком случае, при условиях бакинской жизни, одни и те же лица физически не в состоянии одинако-

во серьезно относиться к своим обязанностям во всех комиссиях, включая сюда и заседания думы.

Вот почему желательно, чтобы в состав будущей думы вошло большее число образованных людей и, конечно, из числа тех, которые известны избирателям своим независимым положением, отсутствием личной и непосредственной заинтересованности в городском хозяйстве и вообще своей корректностью и порядочностью. С другой стороны, мы убеждены, что и те из образованных людей, которые чувствуют в себе силы и имеют возможность служить городу, добросовестно соблюдая общественные интересы, примут деятельное участие на завтрашних выборах, т.е. будут баллотировать и баллотироваться, памятуя, что они исполнят лежащий на них, как на просвещенных людях, нравственный долг тогда, когда сделают все, что от них зависит в достижении желательных для будущих интересов города результатов.

Закончим и этот раз обращением внимания всех избирателей на необходимость именно в настоящий момент, когда на очередь выдвинут вопрос о городской реформе, оправдать себя перед законом и обществом, чтобы сделаться достойными пользоваться благами дарованного нам мудрым законодателем городского самоуправления.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 17 ноября.

Среднее образование в Баку

18, 21, 25 ноября 1901 г.

Городская училищная комиссия занята в настоящее время рассмотрением докладной записки директора Бакинской мужской гимназии, с содержанием которой наши читатели отчасти уже знакомы.

Основываясь, с одной стороны на чрезмерном переполнении мужской гимназии учащимися, число которых ныне доходит до 1170, а с другой – на новых требованиях, предъявляемых высшим учебным начальством к средней школе, реформа которой поставлена на первую очередь, г. Победоносцев предлагает из ныне существующей императора Александра III мужской гимназии выделить особую прогимназию.

В сущности, делаемое теперь директором нашей гимназии предложение не ново, так как на ненормальное положение этого учебного заведения в отношении переполнения классов указывалось не раз в той же училищной комиссии; об этом же говорилось в думских заседаниях, на страницах нашей газеты и в обществе.

Наиболее известный самому учебному заведыванию, факт этот ныне констатируется, так сказать, официально лицом, поставленным во главе гимназии, который в своей докладной записке объясняет допущение столь нежелательного явления той «непреодолимой органической потребностью в образовании, которая мирится со всеми неудобствами, со всеми невыгодными условиями учения ради будущего блага детей». Идя на встречу этой естественной потребности, Бакинская мужская гимназия, открытая в 1896 г. уже в составе 6 основных классов с 2 приготовительными и с 618 учащимися, в течение пяти лет разрослась в количественном отношении до таких грандиозных размеров, что по числу учащихся считается первой в империи: 1170 учащихся сейчас размещены в 23 классах, из коих пять первых классов имеют по два параллельных отделения, а большая часть классов вмещает число учеников выше

нормы – 40, причем в среднем, несмотря на такое большое число классов, на один класс приходится по 51 ученику.

Без сомнения, такое положение, как признает в своем докладе и г. директор гимназии, не могло не отразиться вредно на учебно-воспитательном деле, а потому справедливо, что оно должно быть устранено.

В этих-то видах автор доклада предлагает общественному управлению отвести по возможности большой участок свободной земли, на котором город должен построить здания для гимназии и прогимназии и, продолжая субсидировать гимназию в нынешнем размере, отпускать на содержание прогимназии приблизительно около 10 тыс. руб. при шестидесятирублевой плате за право учения.

По приводимому директором гимназии подсчету такое образование из одного учебного заведения двух поведет к тому, что около 1200 теперешних учеников мужской гимназии распределится равномернее по классам будущих гимназий и прогимназий, причем так, что первая приютит в своих стенах около 700 учеников, а прогимназия – все остальное количество.

Не останавливаясь пока на деталях предложения г. Победоносцева, не трудно видеть, что насколько самый вопрос, им возбужденный, носит общий характер, настолько предлагаемое разрешение его характера частного, имеющее в виду реорганизовать лишь одну мужскую гимназию.

И в самом деле, выраженная в двух словах краткая теория возникновения у нас мужской гимназии и то состояние, в каком она находится по истечении пяти лет ее существования, служит красноречивым доказательством крайне неутешительного положения вопроса о среднем образовании в Баку.

Уже при самом начале гимназия эта имела 618 учащихся, т.е. даже более того комплекта, который в русских гимназиях обыкновенно признается нормальным. Ежегодный наплыв стучащих в двери гимназии довел до того, что из одной гимназии получилось почти три и в каждом классе вместо 40 учеников сидело в среднем 51! Но и при всем этом ежегодно гимназия отказывала в приеме 140–170 мальчикам!

Не спрашивайте, куда девались эти «отверженные», а задайте лучше другой вопрос: одних их постигла такая участь в городе миллионеров?

Пусть на это ответят цифры, и притом самого последнего времени: в настоящем учебном году в техническое училище было подано 114 прошений, принято 103 ученика; в реальное училище подано 405 прошений, принято 123, отказано 282; в классической гимназии подано 371 прошение, принято 167, отказано 207; в коммерческое училище не принято 52 и в учебное заведение Лаврова 10.

Таким образом, 560 мальчиков, детей бакинских обывателей, оказались вне стен средней школы!

Не надо забывать еще, что эту армию «отверженных» составляет большинство смельчаков, которые при общеизвестных условиях затруднительного приема в среднеучебные заведения все же решаются просить пуска, чтобы утолить жажду познаний. А сколько более робких, принадлежащих преимущественно к низшим слоям местного населения, которые только могут мечтать об определении детей в реальное училище или гимназию, но отказались раз и навсегда от такой мысли, зная хорошо, что при настоящей постановке в Баку получения среднего образования последнее для них вовсе или почти совсем недостижимо.

А между тем потребность в таком образовании с каждым годом дает себя чувствовать все ощутительнее. На это влияет, прежде всего, все увеличивающееся и отрадное отрезвление обывателей городов, которые, имея возможность чаще и больше соприкасаться с культурными проявлениями жизни, способствуют тем самым распространению и увеличению просветительных учреждений и вообще школы, справедливо видя в них свое спасение. Это пробуждающееся стремление к просвещению самих народных масс, особенно ярко проявляющееся пока в городах, есть, без сомнения, знамение времени. Особенно же интенсивно отмечаемое явление в тех городах, которые, благодаря счастливому сочетанию климатических условий, местоположения, природных богатств и пр., играют роль умственных и торгово-промышленных центров и тем дают возможность своим обывателям пользоваться сравнительно большими материальными достатками.

В этом последнем отношении наш Баку, с его колоссальной нефтяной промышленностью служит, могучим рычагом в деле создания и увеличения общего благосостояния его обывателей. Наличность же материальных средств имеет для бакинцев, как и для всех, значение благодетельного стимула, дающего толчок в деле просвещения и поддерживающего стремление к приобретению познаний.

Но, к сожалению, несмотря на пробудившееся стремление и материальную возможность давать детям среднее образование, бакинцы не могут найти надлежащего удовлетворения столь назревшей и естественной потребности по той причине, что в Баку мало средних учебных заведений.

Из этого же неутешительного факта исходит в своем докладе и г. директор мужской гимназии, но делаемое им городу предложение касается только преобразования заведываемой им гимназии и нисколько не разрешает вопроса о среднем образовании в Баку. Весьма естественно, конечно, г. Победоносцев обратил все свое внимание лишь на улучшение того учебного заведения, во главе которого он стоит, но общественное управление не должно и не может в столь сложном и существенном для города вопросе ограничиться предлагаемым разрешением, не изыскав после всестороннего обсуждения действительных мер, которые могли бы в будущем обеспечить удовлетворение жгучей потребности города в среднем образовании.

Итак, внесенное директором мужской гимназии в городскую думу предложение о выделении из этого учебного заведения особой прогимназии не разрешает учебного кризиса в Баку, так как не указывает выхода для той массы детей школьного возраста, которая ежегодно выбрасывается за борт за неимением места в бакинских средних учебных заведениях. Мы видели, что в одном текущем учебном году число не принятых в эти учебные заведения доходило до почтительной цифры 600. В будущем ряды этих «отверженных» должны увеличиться еще более, что, несомненно, если иметь в виду быстрый рост населения города и его заводско-промыслового района, в связи с большим распространением среди всех слоев населения идеи просвещения.

Куда тогда денется эта уже тысячная армия обывательских детей? Поможет ли беде новая прогимназия, открытие которой проектирует г. Победоносцев?

Конечно, нет. В лучшем случае такое выделение из состава ныне действующей императора Александра III гимназии особой прогимназии даст желательный выход этой гимназии, избавив ее от нынешнего чрезмерного переполнения. Другими словами, все 1170 учеников этой гимназии распределятся в известном соотношении между гимназией и прогимназией, оказывая ничтожное влияние на удовлетворение потребности в среднем образовании той массе

детей, перед которыми оба реорганизованные учебные заведения будут, как и теперь, закрывать свои двери...

А между тем на предлагаемую г. Победоносцевым реорганизацию мужской гимназии со стороны города потребуется немало материальных затрат. Для этого город должен, прежде всего, отвести участок земли по меньшей мере в 5–6 тыс. сажень. Такой площади земли едва хватит под сооружение зданий и служб гимназии и прогимназии, в особенности, если иметь в виду новые требования, предъявляемые со стороны учебного начальства к средней школе, в приемах преподавания которой, по-видимому, получает преобладание естественно-исторический метод, требующий надлежаще устроенных кабинетов физического, химического, географического, рисовального, мастерских ручного труда и др., а также обширных залов и открытых плацов для физических упражнений и гимнастических игр. Сообразно с этими требованиями должны быть возведены на счет города и здания для гимназии и прогимназии. Если припомнить, что постройка здания технического училища обошлась городу почти в 300 тыс. руб., то сооружение здания для двух отдельных учебных заведений обойдется, конечно, дороже. Но, отводя большой ценный участок городской земли и строя соответствующие помещения, общественное управление не только не освобождается от той субсидии, которую дает ежегодно мужской гимназии в размере 32 300 руб. (из них 13 300 руб. на наем помещения), но, сверх того, обязано будет давать на содержание прогимназии около 10 тыс. ежегодно.

Оставим пока в стороне соображения чисто финансового характера о том, в состоянии ли наш город при настоящем его бюджете и крайней неудовлетворительности даже таких насущных нужд, как водоснабжение, и скажем только, что все указанные материальные затраты город должен нести только из-за того, чтобы улучшить положение одного учебного заведения и избавить мужскую гимназию от непополнения учащимися.

Конечно, нечего и говорить о том, что в деле правильной постановки учебно-воспитательной части школы вообще всякое улучшение составляет приобретение для общества, но при настоящем положении среднего образования в Баку, когда несколько сот детей не получают образование только благодаря тому, что в городе нет достаточного количества средних учебных заведений, предлагаемое улучшение мужской гимназии является тем плюсом для

общества, значение которого весьма ничтожно, если не меркнет совсем перед назревшей и вопиющей нуждой, обязательным и всенародным глашатаем которой служит тот же легион из 600 «отверженных» детей...

Предоставление одним всех удобств и выгод среднего образования и недопущение других в самые стены учебного заведения, все равно происходит ли это от естественных или искусственных причин, не только не справедливо, но не может входить в политику тех общественных союзов, которые в сознании своих нужд и потребностей исполнены желания давать этим последним наилучшее удовлетворение на здоровых культурных началах умственно-нравственного и экономического развития.

Менее всего такой политики может и должно держаться общественное управление наших городов, весь будущий успех благоустройства которых находится в полной и прямой зависимости от возможно равномерного распределения света школы на все слои обывателей.

И к чести городов, облагодетельствованных реформой 1870 г., надо сказать, что за истекший период деятельности органов городского самоуправления ими сделано много в деле развития народного образования всей империи. Служа преимущественными умственными центрами в стране, города в лице общественных управлений, за малыми исключениями, охотно шли на призыв своих обывателей об удовлетворении их духовной пищей и сами выступали инициаторами в возникновении тех или других культурно-просветительных учреждений, покрывающих целой сетью все видные уголки России. Конечно, роль общественных управлений еще впереди и в развитии народного образования городам в лице органов самоуправления еще много работы в будущем, но и содеянное ими на этом благородном поприще, составляя их из несомненную заслугу перед всем русским обществом, резко выделяет их от дореформенных наших городов, влачивших жалкое существование в затхлой атмосфере грязи и невежества.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить бюджеты городов до и после городской реформы на то же дело народного образования: оказывается, что теперь, в общем, города отпускают на учебные, благотворительные и другие общеполезные учреждения пятую часть своего бюджета, т. е. 20%, тогда как дореформенный город давал на это дело едва 10% бюджета. Это общее процентное

отношение приложимо почти ко всем городам, в которых введено Городовое положение.

Нет сомнения, что размер ассигнований на народное образование выразится еще в большей цифре в будущем, когда получат удовлетворение наиболее насущные нужды городского хозяйства. За это говорит то жизненное начало, которое положено мудрым Законодателем в основание идеи городского самоуправления.

Вместе с увеличением бюджета городов на дело народного образования нельзя не указать на характерную черту деятельности общественных управлений в рассматриваемом отношении.

По Городовому положению как 1870, так и 1892 г. в круг ведомства городского общественного управления входит, между прочим, «попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведывании учебными заведениями» (п. IX, ст. 2). Несмотря на обширное понятие, заключающееся в словах «народное образование», города обратили, как и должно было ожидать, все свое внимание на начальное образование, исходя из того правильного соображения, что только путем возможно широкого распространения начального обучения возможно прийти на помощь делу просвещения народных масс. Это соображение настолько основательно, что не нуждается ни в каких пояснениях, за исключением разве того, что по мере сил и возможности города не отказывали и не отказывают в попечении о развитии средств средних и даже высших учебных заведений.

Мы умышленно сделали это отступление от прямого разрешения поставленного нами вопроса о среднем образовании в Баку, на который дадим ответ в последней части нашей статьи, помня, что в деле просвещения главнейшая обязанность общественных управлений заключается в заботах о начальном народном образовании.

Настоящее безотрадное положение среднего образования в Баку находится в полной зависимости от значения самого города, и, может быть, нигде судьба этого рода образования не была так тесно связана с установившимся на город взглядом, как именно в нашем Баку.

Сделавшись в 1859 г. губернским городом, Баку получил в наследие от упраздненной Шемахинской губернии единственное тогда в этой последней трехклассное уездное училище, которое было переведено в Баку и в 1860 г. преобразовано в четырехклассное училище с пансионом. Из этого-то училища в 1867 г. была образо-

вана реальная гимназия, просуществовавшая до 1874 г., когда эта гимназия обратилась в ныне существующее реальное училище.

С этого времени почти в продолжение четверти века реальное училище было единственным в Баку средним ученым заведением, предназначенным не только для города Баку и всей Бакинской губернии, но даже для Дагестанской области и всего Восточного Закавказья.

Вместе с этим реальное училище было единственным в Баку среднеучебным заведением, основанным на средства казны.

До начала развития нефтяной промышленности это училище считалось вполне способным удовлетворять требованию в среднем образовании всего Бакинского района; для убедительности такого взгляда достаточно было принять во внимание, главным образом, неподготовленность общей массы населения для средней школы, а затем и основанное на этой причине недоверие того же населения к школе вообще. Четверть века тому назад обозреватель бакинской жизни, исходя из общих условий развития культурной жизни, конечно, сказал бы, что при прогрессировании роста населения и развития жизни в умственно-нравственном и экономическом отношениях и в городе Баку высшее учебное начальство увеличит число правительственных среднеучебных заведений, как это оно делает в других городах.

Но верное в теории такое желательное предположение для Баку оказалось неосуществимым, и камнем преткновения в данном случае оказался тот клад, который был найден в недрах бакинской земли.

Колоссальная нефтяная промышленность, очень скоро приобретшая мировое значение, выдвинула наш Баку на степень одного из выдающихся торгово-промышленных центров империи и вместе с этим прочно установила за Баку славу города весьма богатого.

Вывозимые из Баку в буквальном смысле слова « бешенные деньги» в отечественные и заграничные столицы и курорты, огромные дивиденды акционеров нефтяных предприятий, грандиозные нефтяные фонтаны, быстро превращающие вчерашнего торговца в мелочной лавке в настоящего креза, – все это urbi et orbi* прошумело о Баку, как о Калифорнии на Каспийском побережье, из которого только можно вывозить золото!..

Прежний довод, оправдывающий существование единственного в Баку среднего учебного заведения, способного будто с

* Городу и миру (лат.).

избытком удовлетворять требованию в средней школе в некультурном районе, должен был, естественно, отойти на задний план; материальные средства дали сильный толчок развитию духовных потребностей, и дети бакинских обывателей весьма скоро переполнили реальное училище настолько, что оказалась надобность уже в частных учебных заведениях, столь редких в прежнем Баку.

Но, несмотря на это, Бакинское реальное училище продолжало оставаться единственным в Баку средним училищем вплоть до последнего времени, до 1896 г., когда из частного училища г. Победоносцева образовалась ныне существуюшая гимназия императора Александра III.

В течение это периода бакинское городское общество в лице самоуправления своего везде и всюду на все свои ходатайства об открытии новых школ или о пособии последним получило один ответ: «Баку – город богатый»...

Надо ли говорить, что правильнее и справедливее было бы сказать, что «Баку – город богатых», так как в нем действительно много очень состоятельных людей и несколько миллионеров. Но что же от этого городу, у которого такая масса неотложных нужд?

Ведь не надо забывать, что та же нефтяная промышленность, зарабатывающая уйму денег, создает неимоверно дорогостоящую жизнь, при которой общественному управлению приходится на одно содержание ежегодно отпускать около 170 тыс. руб. Надо, далее? иметь в виду, что превратить полуазиатский город в благоустроенное место жительства требует таких затрат, на которые дай Бог, чтобы хватило сил нашего города. Оставим в стороне такие мечты, как облесение окрестностей Баку с целью задержания порывов норда, электрическое освещение или замощение всех городских улиц, возьмем такую вопиющую нужду города, как водоснабжение, и из настоящего безотрадного, а еще более будущего неутешительного положения этого вопроса достаточно видно, насколько верно утверждение, что Баку город богатых.

Ведь если теперь городская комиссия по водоснабжению затевает чисто академические споры о том, что такое следы меди в опресненной воде или тратит время на расследование каких-то злоупотреблений служащих в водопроводном бюро, нанятых для города франкфуртской «знаменитостью» инженером Линдлеем, то через год, когда будет поставлен вопрос о проведении воды из Куры или

Самура, та же комиссия, а затем и городская дума будут думать думу великую о том, на какие средства строить этот водопровод!

А между тем ежегодно увеличиваются городские расходы по всем статьям, смета сводится с большим дефицитом, запасный капитал истощается и в довершение через несколько лет (в 1905 г.) городская касса потеряет тот сбор с привозимых и отвозимых товаров, который, ввиду мостового сбора, давал городу не менее 200 тыс. рублей и теперь должен перейти в распоряжение Министерства финансов.

Словом, создавшаяся за Баку слава богатого города вовсе им не заслужена и, принося ему лишь один вред, сильно тормозит тот нормальный порядок удовлетворения нарождающихся потребностей, какой соблюдается обычном ходе жизни русских городов. Создавая городу «в чужом пиру похмелье», эта другая слава о богатстве Баку особенно отражается на среднем образовании, для которого в Баку со дня возведения его на степень губернского города и до сего времени существует только одно казенное учебное заведение в лице реального училища с пансионом. Но и это единственное казенное училище строит сейчас дом на многоценной земле, отведенной городом и на средства городских благотворителей, а также с 1887 г. получает от города ежегодно по 6 тыс. руб. субсидий независимо от стипендий, учрежденных на городские средства при этом училище.

Все же остальные средние учебные заведения, как мужские, так и женские, существуют или же, получая от города субсидии в том или другом размере, содержатся на счет благотворительных и частных средств. Так, из городской кассы получают: мужская императора Александра III гимназия 32 300 руб., Мариинская женская гимназия – 56 300 руб., учебное заведение Св. Нины – 900 руб. Если сюда прибавить 6 тыс. руб., получаемые реальным училищем, а также стипендии и плату за обучение в высших и средних учебных заведениях в размере 11 900 руб., то получится сумма в 114 тыс. руб., составляющая более трети бюджета, который город Баку отпускает на все дело народного образования.

Из прочих среднеучебных заведений, существующих в городе, учебное заведение Св. Нины содержится на благотворительные средства и плату за содержание пансионерок и за обучение, а недавно открытое Коммерческое училище всецело будет содержаться за счет бакинских нефтепромышленников и биржевого купечес-

тва. На эти же средства открывается, вероятно с будущего года, и горное училище. Наконец, стоящее на очереди среднее техническое училище, кроме роскошного здания, будет получать от города ежегодную субсидию в размере 21 536 руб., которые дает город на содержание низшего механико- и химико-технического училища с низшей при нем ремесленной школой.

Приведенные цифры, взятые из сметы текущего года, ясно свидетельствуют, насколько отзывчиво наше общественное управление вообще к делу народного просвещения. Но эти же цифры еще красноречивее говорят о возможности, при настоящем финансовом положении города, наступления момента, когда город или не будет в состоянии оказывать такую же существенную поддержку средним учебным заведениям, или вынужденно будет приостановить свою деятельность в развитии начального образования, что, как мы видели из предыдущей статьи, составляет главнейшую обязанность органов городскго самоуправления в области народного самообразования. Уже сейчас город Баку в материальных затратах на нужды народного образования не отстает от больших городов и в процентном отношении, отпускает на это дело почти одну пятую часть всех своих расходов или около 20%, выражающуюся по смете нынешнего года в такой сумме, как 304 820 руб.

Мы видели, что более одной трети этой суммы получают средние учебные заведения, а остальная часть идет на содержание 20 начальных городских школ, 2 двуклассных училищ, городского Михайловского училища и мореходного императора Александра II класса. Все эти городские школы переполнены учащимися обоего пола, и нет сомнения, что не в состоянии приютить всех детей школьного возраста. В течение последних четырех лет город открывал начальные училища по 2–4 ежегодно, притом в разных частях, и быстрое их заполнение детьми ясно говорит как о пробудившемся сознании в необходимости учения, так, с другой стороны, обязанности города идти навстречу этой народившейся потребности. Насколько эта потребность созрела, показывает, между прочим, успех городских русско-татарских школ, в которые бакинские мусульмане так охотно отдают своих детей.

Чтобы не останавливать в дальнейшем развитии этого благого дела, составляющего нравственную и законную обязанность общественного управления, необходимо городу ежегодно увеличивать свой бюджет на начальное народное образование, в котором,

повторяем, так нуждаются преимущественно низшие слои всего городского населения. Увеличение же бюджета на это дело при ежегодно возрастающих расходах на средние учебные заведения будет весьма затруднительно, а со временем может совсем оказаться невозможным. А это не только нежелательно, но в интересах самих обывателей общественное управление должно теперь же принять меры к предотвращению в будущем препятствий, могущих оказаться в развитии начального образования в Баку.

К числу таких препятствий относится, несомненно, и тот кризис, который сейчас переживает у нас среднее образование.

Мы уже говорили, что испытываемое затруднительное положение, благодаря которому за один настоящий год осталось вне стен среднеучебных заведений около 600 мальчиков, нисколько не устраняется предложением г. Победоносцева о выделении из состава теперешней мужской гимназии особой прогимназии.

Равным образом не разрешает этого кризиса и предложение директора частного учебного заведения с курсом гимназии г. Лаврова, который вслед за г. Победоносцевым подал в городскую управу письменное заявление с просьбой о том, чтобы город возбудил ходатайство перед высшим учебным начальством о наделении его училища правами правительственной гимназии с субсидией от города, а в крайнем случае и без субсидии, ввиду того, что «в Баку состоятельных людей достаточное количество, и одна гимназия в городе может существовать и с высокой платой за учение, тем более, что все равно же, при отсутствии второй полноправной гимназии, дети учатся в бесправной и вносят сравнительно высокую плату». Указывая далее, что для города теперь настал момент, когда ему нужна вторая гимназия и прогимназия, г. Лавров заявляет, что такая вторая гимназия фактически уже существует в лице его учебного заведения, которому для полного осуществления всех функций недостает только прав для учащихся. Но при этом г. Лавров обращает внимание городской училищной комиссии на то важное обстоятельство, что если число учеников не будет нормировано в классах (а это, прибавляет он основательно, не может иметь места в Баку пока не будет достаточного количества учебных заведений), то открытие прогимназии с параллелями обессилит младшие классы его частной гимназии, не дав, однако, возможности поступить в прогимназию всем ученикам этих классов. «А для моих старших классов, – продолжает г. Лавров, – выхода вовсе не будет, и, вероятно, мое учебное заведе-

ние, обессиленное и не имеющее посторонней поддержки, должно будет прекратить свое существование... что же касается интересов города, то нужно признать, говорит г. Лавров, что если существующие учебные заведения не будут нормированы так, чтобы перевес одного не вредил другому, то кажущееся расширение дверей одного учебного заведения будет, в сущности, полным закрытием дверей другого, а в результате – многим детям негде будет учиться».

Таким образом, предложения гг. Победоносцева и Лаврова дополняют одно другое и, будучи тесно связаны между собой, сводятся к следующему: городу нужны две гимназии и прогимназия, одна гимназия с прогимназией получается из ныне существующей мужской гимназии, а другая гимназия уже готова в лице учебного заведения г. Лаврова; для первых двух город дает землю, строит помещения и субсидирует, а для второй город ходатайствует о правах правительственной гимназии и гарантирует дальнейшее ее существование; но если разрешить только одно предложение г. Победоносцева, то учебному заведения г. Лаврова грозит закрытие, равно как незавидно будет положение этого училища и при дальнейшем его существовании без прав для учащихся...

Мы достаточно, кажется, познакомили читателей с содержанием предложений гг. Победоносцева и Лаврова. Не касаясь пока таких сторон этих предложений, как нежелательность соединения под общим руководством гимназии и прогимназии, не говоря уже о неопределенности отношений, в которые станет город к учебному заведению г. Лаврова, в случае принятия его предложения, оставляя даже в стороне вопрос о громадных материальных затратах предстоящих для города при утвердительном решении обоих предложений, мы должны сказать, что оба этих предложения, прежде всего, не достигают цели, которая ими преследуется и во имя которой город мог бы идти на все жертвы.

Короче, эти предложения не устраняют и в будущем не устранят кризиса в получении среднего образования: мужская гимназия и учебное заведение г. Лаврова улучшатся в учебно-воспитательном отношении и приобретут большую устойчивость и обеспеченность, но от всего этого не увеличится число учащихся в них настолько, чтобы удовлетворить потребности города в среднем образовании. Теперешнее число учеников (около 1200) мужской гимназии разместится удобнее в гимназии и прогимназии, а ученики училища г. Лаврова останутся на своих местах приобретшей права гимназии.

Для того чтобы дать возможно полное удовлетворение всем желающим получать среднее образование, городу необходимо теперь же озаботиться созданием таких учебных заведений, которые имели бы значение подготовительных, или, вернее, переходных, школ в деле предоставления среднего образования. Такими-то учебными заведениями являются прогимназии с трехгодичным курсом по новой программе Министерства народного просвещения. Таких прогимназий город должен основать не одну, а две и даже три в разных частях своей территории. Состоя из приготовительного и трех первых классов, эти прогимназии в материальном отношении могли бы окупить себя даже одной оплатой за правоучения, так как прогимназические классы, как известно, всегда бывают переполнены и в них, естественно, прежде всего ощущается большая нужда. Нечего и говорить, что недостатка в учащихся не будет. По имеющемуся у нас расчету такая прогимназия, при 70-рублевой плате, с 430 учащихся дает около 30 тыс. руб.

Но если даже допустить, что городу придется субсидировать прогимназии, то общественное управление в интересах обывателей не должно останавливаться перед затратами, раз эти последние дают вполне удовлетворить потребности в среднем образовании. Кроме того, в этих подготовительных учебных заведениях получится возможность определить дальнейшую судьбу ученика, который, сообразно со своими способностями и наклонностями и желаниями, может избрать наиболее подходящее для себя среднее учебное заведение.

Образовать такие прогимназии город мог бы путем вызова подходящих лиц и предоставления им заведывания училищами на существующих основаниях, или же город мог бы для этого воспользоваться своими и даже частными бакинскими училищами. Так, городское Михайловское училище, располагающее прекрасным помещением и получающее на свое содержание от города 15 500 руб., могло бы быть преобразовано в одну из таких прогимназий. Учебное заведение г. Лаврова могло бы быть принято городом также в число проектируемых прогимназий.

Одним из первых последствий открытия прогимназии будет, конечно, уменьшение числа учащихся в младших классах не только мужской гимназии, но и реального училища.

Вероятно, мы еще вернемся к деталям предлагаемой меры, но теперь же скажем, что в основании нескольких прогимназий мы

видим выход из теперешнего затруднительного положения, который к тому же и со стороны города не вызовет особенно больших материальных жертв.

Это последнее обстоятельство тем более важно, что у общественного управления сейчас на очереди стоит вопрос о субсидии среднему техническому училищу, открытие которого особенно желательно, так как в таком учебном заведении наше население действительно нуждается. Что это признает и общественное управление, как представитель городского населения, доказывается единогласно постановленным решением городской думы от 11 мая 1900 г., в котором выражено желание открыть среднее техническое училище с механическим отделением, требующее пристройки к зданию нынешнего технического училища трехклассных комнат и квартиры для инспектора, а также 8 тыс. рублей в виде ежегодной субсидии, так как расходы на содержание этого училища принимает на себя казна. Вопрос этот даже запоздал своим разрешением, так как открытие среднего технического училища должно было состояться в текущем году в составе двух низших классов и одного старшего.

Получение для города столь желательного среднего учебного заведения, как техническое, при сделанных уже затратах и предстоящих сравнительно ничтожных расходах на столько в интересах города, что училищная комиссия должна ранее других предложений, озаботиться скромным открытием технического училища.

Проектируемые нами прогимназии, удовлетворяя потребности населения, дадут значительный контингент учащихся для бакинских средних учебных заведений: мужской гимназии, реальному училищу, коммерческому училищу, среднему техническому училищу и вновь открываемому горному училищу. Без таких переходных школ наши средние учебные заведения всегда будут жаловаться на переполнение учащимися, которое, лишая многих возможности учиться, в то же время оказывает весьма вредное влияние в учебно-воспитательном отношении.

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 18, 21, 25 ноября.

Необходимое ходатайство

19 декабря 1901 г.

В повестку последних думских заседаний регулярно вносится «доклад управы о возбуждении ходатайства об отмене акциза на керосин в Бакинском районе», но, к сожалению, только вносится, а не рассматривается. Правда, наши гласные, и прежде не отличавшиеся особой аккуратностью в отношении заседаний думы, в последнее время совсем уже неохотно посещают заседания, что объясняется переживаемым общественным управлением переходным периодом, когда новая дума еще не сформировалась, а из старого состава не все попали в ряды гласных на предстоящее четырехлетие. Несмотря, однако, на это, приведенный доклад управы значился в программе трех состоявшихся заседаний и все же остался без обсуждения, хотя для рассмотрения этого вопроса достаточно было не 2/3, а простого большинства гласных. Зато в тех же заседаниях, даже не в очередь, были заслушаны такие ходатайства, как просьбы о пособии и пенсиях, которые, во всяком случае, могли уступить место вопросу такой важности, как ходатайство об отмене акциза на керосин в Бакинском районе, столь близко касающееся интересов всего нашего населения, а в особенности беднейшей его части. Впрочем, давно замечено, что игнорируются в большинстве случаев именно вопросы, обнимающие интересы всего населения, как дела «бесхозяйные», в то время как за пособиями и пенсиями есть кому иметь хождение!..

Во всяком случае, для нас малопонятно не только то, что этот вопрос переносится в числе других злополучных дел из одной думской повестки на другую, но мы недоумеваем, как такой важный вопрос до сих пор оставался под спудом.

Едва ли можно указать на какое-нибудь другое явление бакинской жизни, которое было бы встречено с таким единодушным сомнением в полезности, какое было выражено на первых же порах введения акциза на керосин, потребляемый в черте нашего города. Горожане всех слоев, органы общественного управления, печать –

все высказывались в том смысле, что кроме увеличения ненужной работы у чинов местного акцизного надзора, излишней переписки, развития контрабанды и тех ухищрений, которые действуют столь растлевающим образом на население, этот стеснительный порядок ничего не принесет.

В этом же смысле раздавались голоса в нашей думе еще до срока введения акциза, т.е. до 1 июля 1900 г., предлагавшие общественному управлению возбудить соответствующее ходатайство пред Министерством финансов... Тогда же, между прочим, указывали на то, что город Баку дает казне так много, что было бы справедливо предоставить его обывателям право безакцизного потребления керосина, добываемого на бакинской же земле. В подкрепление приводились разные статистические данные, которые хотя и доказывали малую распространенность среди населения керосина, но делу не помогли, кроме разве того, что еще резче оттенили ту горькую истину, что наша страна, если и первая по производству, то зато последняя по потреблению этого продукта первой необходимости.

Эта обидная истина во всей своей наготе царила и в наглядных данных павильона нефтепромышленников на Кавказской выставке.

Что пользы, в самом деле, в том, что наша страна добывает в колоссальных размерах осветительное масло для поднесения его другим народам в то время, когда у нас под столицей нефтяного царства в домах продолжает мигать прадедовский чирах, лучина!

Но, оставим этот больной вопрос нашей народной экономии, о котором можно говорить столько же, сколько и о том, почему англичане могут кормить своих свиней русским сахаром, а мы все еще считаем сахар предметом роскоши и потому пробавляемся изюмом...

Кстати, напомним, что еще третий съезд нефтепромышленников в 1886 г. постановил ходатайствовать о том, чтобы нефть и керосин, как предметы первой необходимости, были освобождены от акциза.

Итак, с 1 июля 1900 г. введен акциз на керосин, который употребляется в черте города. Стоивший до того 25–30 коп. пуд керосина сразу поднялся до 80–90 коп. и даже рубля. Несмотря на то что акциз был введен в глухое время бакинской жизни, все же горожане (кто, конечно, мог), торговцы и вообще «предприимчивые» люди предварительной закупкой безакцизного керосина старались предотвратить беду. Но, конечно, ненадолго, ибо скоро пришлось иметь дело уже с акцизным надзором, который, по-видимому,

крепко засел у железнодорожного моста, как раз на границе Баку и Черного города, построив здесь казенный дом для 6 участка VII акцизного округа. Из штата этого округа пришлось выделить особый корпус акцизных чиновников, обязанных вести дела введенного акциза на керосин, предназначенный для бакинских обывателей.

Два помощника окружного надзирателя, старший и младший, 5 контролеров, 5 надсмотрщиков и 20 постовых стражников – вот тот контингент лиц акцизного надзора, который призван бороться против многочисленной армии контрабандистов, вскоре образовавшейся на той же границе с твердой верой в свою силу и в слабости противника.

Надо ли повторять те многочисленные случаи контрабандного перевоза и проноса безакцизного керосина в город, которые за эти полтора года отмечались в местной хронике нашей газеты? Достаточно сказать, что ряды контрабандистов, при условии акцизной постовой службы, увеличивались и продолжают увеличиваться с каждым днем: содержатели керосиновых складов, торговцы, мелкие железнодорожные служащие, старики, женщины и дети, словом, всяк, кто в состоянии, смело отваживается на подвиг и безбоязненно переходит заветную границу, зная хорошо, что девяти, верстовое протяжение этой границы охраняется всего-навсего 7–10 постовыми стражниками! Мало того, дерзость контрабандистов доходит до того, что их «солдаты», вроде нанятых женщин и детей из Чемберекенда, переходят с безакцизным керосином границу даже днем, на виду у стражников, которые при всей добросовестности к своим обязанностям не в состоянии открыть ухищрения контрабандистов: металлические бидоны, укутанные в детское тряпье и долженствующие изображать грудных детей на руках женщин, пивные бочки, провозимые в фаэтоне на резиновых шинах, особо устраиваемые приспособления в мазутных бочках и т.п., если можно так выразиться, акцизоотводы пускались в ход, чтобы обойти бдительность постовой стражи. Правда, не всегда «дело» проходило без зацепок и не всегда контрабандисты оказывались счастливчиками. Но и в таких случаях зачастую пострадавшими оказывались те же чины акцизного надзора. Часто повторяющаяся по ночам пальба из револьверов, поранение и даже убийство стражников и контрабандистов, преследование последних чинами полиции – все это говорит о непрекращающейся борьбе на границе акцизного поста. Очевидно, протоколы акцизного надзора и

чинов полиции, конфискация безакцизного керосина, приговоры мирового судьи, сажающие виновных в тюрьму на два месяца – не в состоянии остановить этой борьбы, которая, как выше сказано, влечет серьезные жертвы со стороны акцизного ведомства: за эти полтора года было ранено 5 стражников, 1 убит, 2 избиты, 1 ограблен; и за это же время привлечено к уголовной ответственности около 500 человек.

Сколько жертв, сколько работы, сколько переписки?

В то же время в городе керосин продавался очень дешево и параллельно увеличивалось число складов, производивших торговлю безакцизным керосином.

Теперь, правда, закрыты эти склады, но разве контрабанды меньше? Ведь не надо забывать регистрируется незначительное число случаев открытой контрабанды, а сколько производится тайного, трудноуловимого провоза и проноса безакцизного керосина при настоящем мизерном штате постовых стражников, из коих к тому же не у всякого, хватит гражданского мужества устоять против соблазна контрабандистов и положить жизнь на посту, как это сделал недавно стражник Гурилев.

Какой же плюс получается за все эти минусы и недоразумения, нравственно влияющие пагубно на общество. Другими словами, в какой сумме выражается акциз с керосина, употребляемого в городе. К сожалению, мы не имеем возможности привести точных цифр, но безошибочно утверждаем, что доход этот идет все на понижение, выражаясь в среднем ежемесячно в сумме 18–25 тыс. руб. Что наше утверждение не грешит против действительности, видно из того, что с началом нового года действия акциза, т.е. с июля настоящего года, ежемесячное поступление значительно меньше прошлогодних месяцев: так, в сентябре 1901 г. поступило 21335 (в 1900 г. – 30078 руб.), в конце октября 15239 (в 1900 г. – 37409 руб.) и в прошлом ноябре – 15636 руб. (а в ноябре 1900 г. – 41899 руб.).

Если против этих получений выставить содержание акцизного поста и, в особенности, те жертвы людьми, которое акцизное ведомство несет в связи с безнравственным влиянием на население соблазна и легкости провоза и проноса керосина из Черного города в Баку, то невольно приходится задать вопрос: стоит ли игра свечей?..

Т[опчибашев]

Каспий. 1901. 19 декабря.

Баку, 26 апреля 1902 г.

26 апреля 1902 г.

Вступающий сегодня в наш город в качестве высокого гостя Музаффар-Эддин шах[106], второй сын покойного Наср-Эддин шаха[107], родился 5 марта 1853 г.; воспитывался под руководством европейски образованного персиянина Мирзы Низама; очень рано был назначен генерал-губернатором всего Азербайджана.

Эти данные, касающиеся возраста, образования и практического знакомства с государственными делами, давали право сказать, что в лице Музаффар-Эддин шаха Персия приобрела умелого и надежного руководителя, в котором так нуждается эта страна, теперь сильно отставшая в культурном отношении, но некогда царила всей Передней Азии.

Известно, что царствовавший с полвека отец нынешнего шаха, покойный Наср-Эддин шах, пал от руки убийцы в апреле 1896 г.с тех пор персидский престол перешел к Музаффар-Эддин шаху, который царствует уже шесть лет.

Конечно, в жизни государства такой период времени не имеет особого значения, но он достаточен для того, чтобы определить в главных чертах ту программу которую ожидает страна от нового главы.

Мы живо помним дни воцарения в Персии Музаффар-Эддин шаха; вся страна в лице передовой части населения, все искренне любящие свою родину и дорожащие независимостью своего государства в постигшем их тогда общем горе находили утешение в особе нового шаха. Еще в глубоком трауре по убитом своем государе, персияне с верой и надеждой в душе взирали на того, кого судьба дала в руководители многострадального Ирана.

До этого времени вся Персия хорошо знала почти неограниченного правителя азербайджанской провинции который, живя в Тавризе, прилагал так много забот к тому, чтобы подвинуть хоть несколько культурное развитие страны.

Надежды лучшей части персидского населения на хорошее будущее своей страны должны были окрылиться, когда они при-

помнили все, что было сделано нынешним шахом в бытность его правителем одной из самых важны провинций Персии. Достаточно сказать, что Музаффар-Эддин шаха был инициатором такого дела, как печатный орган, по его мысли в Тавризе была основана либеральная газета «Насыри», которая отстаивала культурно-экономические интересы Персии, неустанно говорила о необходимости возможно широкого и быстрого распространения просвещения среди народных масс. В этом органе нам не раз приходилось читать горячие статьи, призывавшие персиян к восприятию начал европейской цивилизации, причем не внешне только, как это делают теперь представители персидского служилого класса... Нет сомнений, что лучшая часть персидского общества была солидарна с идеями тогдашней «Насыри», основательно находя, что только в просвещении народных масс можно найти спасение и возрождение Персии от той тьмы, которая так плотно окружает ее теперь.

Но Музаффар-Эддин шаха занимала не только печать: азербайжанский правитель старался открыть и школы. В основанной им в Тавризе высшей военной школе, названной в честь его «Музаффариэ», кроме восточных языков и военных наук, преподаются европейские языки, русский язык и естественные науки. Тогда же были выписаны иностранные инструкторы для руководства в обучении, переустройства армии и пр.

Словом, тогдашний азербайджанский правитель шел прямо и смело навстреч тем потребностям, которые предъявляет ко всем восточным народам европейская цивилизация...

Вот источник тех надежд, которые были связаны со вступлением Музаффар-Эддин шаха на персидский престол. В нем, в этом источнике, персияне нашли тот путь, по которому должна идти отныне их страна.

Лишь близорукие и враги своего отечества могли отвернуться от этого источника, но истые сыны Ирана познали, что избранный их верховным руководителем путь приведет их к желаемому убежищу, в котором они должны найти свое национально-государственное возрождение.

Улучшение податной системы, улучшение отношений государственных чиновников всех рангов к населению, переустройство армии, открытие школ, проведение дорог – железных и шоссейных, упорядочение таможенных сборов в связи с мерами развития торговли – вот вопросы, которые должны войти и входят в программу нынешнего персидского правительства.

Истекшие шесть лет царствования Музаффар-Эддин шаха не оставляют место сомнению, чтобы эта программа не имелась в виду и, в особенности, чтобы она не могла быть осуществлена.

Персия в нынешнем ее положении имеет много данных, чтобы стремиться к своему культурно-экономическому развитию: выгодное географическое местоположение между Европой и Азией, разнообразие природы, богатства, лежащие в недрах ее, врожденная способность персов, их трудолюбие и выносливость – все это такие условия, которые, как о том свидетельствует история, служат лучшей гарантией не только живучести народа, но и возможности его духовного и экономического прогресса. И это тем более, что сам Музаффар-Эддин шах является ревностным сторонником обновления Персии на началах европейской цивилизации.

Обновление же страны возможно лишь путем коренных реформ внутренней жизни, что достижимо сплочением всех сил страны для дружной культурной деятельности на почве мирного труда. Вот почему при настоящем своем положении Персия в состоянии возродиться только благодаря мирному труду всех слоев населения, и чем скорее это последнее придет к такому сознанию, тем скорее Персия обратится в Иран прежних времен, когда она была цветущей и сильной страной со своей самостоятельной культурой.

Она не должна забывать, что только мирный упорный труд превратил нидерландские дюны в цветущую страну; она должна помнить, что мирный труд, знаменующий собой наступление гражданственности и законности в стране, это такое прочное основание земной жизни народов, на котором только и возможны духовно-нравственное развитие, национальное возрождение, удержание политической независимости.

Т[опчибашев]

Каспий. 1902. 26 апреля.

К телеграммам

11 мая 1902 г.

Взоры всего политического мира, естественно, обращены теперь к столице России, где происходит необычайные торжества в честь посещения государя императора президентом Французской республики Эмилем Лубэ[108]. Все невольно ожидают вестей из Петербурга, подробностей описаний празднеств и проявлений тех восторженных чувств, на какие в праве рассчитывать глава союзного государства.

Но, понятно, что среди праздничных ликований, великолепных парадов, блестящих раутов, происходящих на берегах красавицы Невы, всякий невольно прислушивается особенно внимательно к тем словам, которыми обмениваются государь император и президент Лубэ. В них, в этих словах, каждый старается угадать истинный смысл не только современных, но и грядущих событий. Не говоря уже о жрецах политики, со свойственной им тонкостью понимания, умеющих в каждой букве, в каждой черточке улавливать мысли государственных деятелей, но и обыкновенный мирный гражданин, чуждый политики, не может теперь не задать вопроса о значении и цели Двойственного союза[109], заключенного еще при императоре Александре III с Третьей Французской республикой[110]. Уже при самом возникновении этого союза между могущественной монархией самодержца всероссийского и республиканской Францией, все, даже непосвященные в тайны политики, основательно видели в этой комбинации один из важнейших факторов упрочения спокойствия и мира, в котором так нуждаются современные народы даже цивилизованной Европы, к сожалению, давно запамятовавшей ту непреложную и великую истину, что лишь сохранение мира между народами обеспечивает возможность достижения ими общего благосостояния и истинно человеческой жизни.

Впервые слившиеся в один благозвучный аккорд мощные звуки французской «Марсельезы» и русского национального «Боже, царя храни!» исполнили сердца всех друзей мира необычайной

радостью, говорившей о том, что отныне человечество, и в частности просвещенная Европа, может надеяться на избавление от той величайшей опасности, которая угрожает спокойствию и мирному труду народов от чересчур шовинистических вожделений «Тройственного союза»[111] с обновленной Германией во главе.

В союзе России с Францией видели не сочетание великих держав на обособленные группы и не противоположные лагери, а лишь ту политически-нравственную силу, которая призвана поддерживать мир и обеспечить его на будущее время.

Действительность показала, насколько эта вызванная к жизни сила, воплотившаяся в стремлении обоих государств сохранить мир, исполнила свою задачу и в течение продолжительного времени сослужила человечеству великую службу, гарантируя им мир в области международных отношений хотя бы на материке Европы.

Многочисленные доказательства и неоднократные заверения русского правительства о его миролюбивом настроении, завершившиеся знаменательным актом государя императора о всеобщем разоружении, еще более разъяснили истинный смысл союза России с Францией, не оставляя места сомнению, что Двойственный союз прежде всего создан и существует для охраны и поддержания всеобщего мира.

В этом убеждает нас весь тот путь, по которому до сих пор шло единение Франции с Россией. В нем же нас убеждают переданные по телеграфу слова государя императора и президента Лубэ, которыми главы союзных государств обменялись дважды на парадном обеде в Большом Царскосельском дворце и на завтраке в Царской палатке на Красносельском военном поле.

Отрадно отметить, что главы двух могущественных в мире государств urbi et orbi выражают свои желания, всячески стремясь к поддержанию мира, дабы тем предоставить возможность подданным этих государств спокойно предаваться мирному труду, являющемуся верным залогом культурно-экономического и духовного просвещения и развития народов.

Окрыляя надежды всех друзей мира, эти знаменательные заверения столь высоких особ свидетельствуют об осуществимости братского единения народов и наступления на земле царствия Божьего. Но если до наступления столь желанной эпохи еще далеко, то одна возможность для народов снять с себя тяжелое бремя содержания огромных армий и сопряженных с этим тягостей, и тем

посвятить свои силы мирному труду, лишний раз указывает на значение отмечаемого события.

Союз для поддержания всеобщего мира, приведший к единению, о котором говорят петербургские торжества, должен быть чреват своими последствиями для русского народа. Значительно уступая французам в культурном отношении, мы не можем остановиться только на одних внешних связях этого единения: просвещенная Франция, в силу исторических симпатий к ней русского общества, в эволюции этого единения окажет благоприятное влияние на всю внутреннюю жизнь нашу и тогда слияние торжественного гимна «Боже, царя храни!» с мощными звуками «Марсельезы» будет еще более восторженным и гармоничным.

Т[опчибашев]

Каспий. 1902. 11 мая.

Новый городской голова

29 мая 1902 г.

Читатели наши знают, как сочувственно мы встретили первую же весть о кандидатуре Александра Ивановича Новикова в бакинские городские головы. Мы уверены, что также отнеслась к этому и лучшая часть городского населения. Да иначе и быть не может.

Прежде всего, наш город так долго находился в состоянии «безголовья», что одна возможность избавиться наконец от такого вредного для общественных дел порядка должна была наполнить сердце каждого бакинского обывателя радостью и утешением. Все видели и чувствовали, что городское хозяйство, в особенности за истекшие 5–6 лет, шло не только ненормальным путем, но во многих отраслях распалось по всем швам и в общем не удовлетворяло быстрому росту Баку, ставшего, благодаря нефтяной промышленности, одним из крупнейших торгово-промышленных центров России. Казалось бы, одно это обстоятельство должно было служить побудительной причиной особенно интенсивной деятельности городских заправил, но, к сожалению, последние, запутавшись в столь несвойственном и нежелательном для органов городского самоуправления канцеляризме, мало шли навстречу не только вновь народившимся потребностям, но и общих нужд общественного благоустройства. Достаточно указать на не сходящий со страниц нашей газеты и с уст каждого обывателя злополучный вопрос о воде, который тщетно вопиет о себе в течение долгого времени. Замечания, делаемые гласными теперь, при рассмотрении сметы на текущий год, и объяснения на них всегда «правой» управы, с особенным упорством, достойным лучшей участи, отстаивающей даже очевидно несуразные свои действия и распоряжения, служат хорошим доказательством того незавидного состояния городских дел, которое вызывает основательные протесты со стороны всех обывателей. В стремлении оказать посильную помощь столь близкому для всякого бакинца делу упорядочения городских порядков мы не раз останавливали внимание наших заправил на слишком

большом увеличении формальной стороны своих обязанностей, выражающейся в особой любви к канцелярской отписке, которая, плодя груды «дел за номерами», в состоянии не только сделать безрезультатной общественную деятельность, но и окончательно погубить живое начало, положенное мудрым законодателем в основу земского и городского самоуправления. Сидеть, хотя бы по целым дням, в кабинете, окруженным кипами «дел» в обложках с вычурными виньетками, вскрывать массами пакеты и ставить на бумагах «департаментские» резолюции вроде «к сведению», «к делу», «исполнить», «приобщить» и т.п. – это значит только ублажать себя мыслью о действительном служении обществу, это значит за деревьями не видеть вовсе леса...

При таком взгляде на сущность общественной службы дело городского самоуправления должно, естественно, страдать, что мы и видим на деле, не говоря уже о таких недостатках у городских деятелей, как непривычка к работе в коллегиальном учреждении или стремление к игнорированию этого начала, обеспечивающего правильность всяких решений, боязнь огласки своих действий, поверхностное знакомство даже с подведомственными делами, а часто отсутствие какого-либо интереса вообще к общественным делам. Если ко всему этому прибавить и невольное отвлечение от прямых обязанностей, что имело место за истекшие 5–6 лет в жизни Бакинской городской управы благодаря тому, что один из членов управы, заведывающий сложным земельным отделением, замещал городского голову, то станет ясно, почему вступление А.И. Новикова в отправление обязанностей городского головы является особенно радостным и утешительным фактом.

Но, помимо этого, отмечаемый факт является имеющим важное значение в жизни нашего города и по соображениям, связанным с личностью нового городского головы. Недаром многие из газет, перепечатавшие наше сообщение об избрании А.И. Новикова в городские головы, поздравляли бакинцев с таким выбором.

И действительно, это редкий случай, с которым можно поздравить наших бакинцев и, в частности, общественное управление. Прекрасное образование, полученное А.И. Новиковым, его личные качества откровенного, справедливого и энергичного человека, наконец, его прошлая деятельность по земству и в качестве публициста – все это дает право сказать, что в лице нового городского головы наш город приобрел просвещенного, надежного и умелого

руководителя. Из сообщавшихся в нашей газете биографических сведений читатели уже знают, что А.И. Новиков – старый земец, ратовавший всегда за интересы меньшей братии, ревностно выступавший всякий раз, когда того требовали обстоятельства, в защиту общественности и просветительных начал.

Таким представляется г. Новиков во всех его публицистических статьях, в его «Записках бывшего земского начальника», в «Записках о народном образовании» и др., известных всей читающей России.

Таким же поборником истины и общественного самосознания выступил А.И. Новиков перед Бакинской городской думой, открыв впервые ее заседание прекрасной речью, в которой новый городской голова высказал свое credo.

Речь помещена ниже в настоящем же номере, и из нее читатели познакомятся с взглядами г. Новикова на характер и значение служения обществу и на то взаимоотношение, которое должно существовать между органами городского самоуправления.

Резко разграничивая роль городской думы и управы как распорядительного и исполнительного органов, новый голова, как и следовало ожидать от просвещенного и опытного земского деятеля, ставит единение общественных сил условием, без которого не мыслима плодотворная деятельность в удовлетворении общих нужд и потребностей: дума должна руководить, указывать, разъяснять, а управа – действовать и исполнять; сплочение обеих сил устранит все, что может препятствовать достижению общих целей, имеющих в виду пользу и нужды городского населения; для этого требуется солидарность между членами думы и управы, а также безбоязненное стремление навстречу гласности, этой могущественной и ближайшей пособницы в деле развития общественного самосознания. Сам, с честью продвигающийся в рядах деятелей печати, г. Новиков, конечно, горячий поклонник гласности, и мы с радостью и в назидание другим общественным деятелям, страдающим светобоязнью, рекомендуем вдуматься в следующие слова, им произнесенные:

«...Напишут про нас что-нибудь неверное, мы возразим, а напишут правду, мы исправимся».

Надо ли говорить, что только истинный поборник правды, человек преданный и любящий общественное дело может придерживаться взгляда, высказанного новым городским головой в первой своей речи.

А что А.И. Новиков любит общественное дело, это, помимо всего приведенного, он доказал и тем отношением, какое проявил уже к факту избрания его в городские головы. Хотя г. Новиков мало знаком с городом Баку и, особенно, с его представителями, но при первом же предложении изъявил согласие выступить кандидатом в городские головы и тем лишиться такого высокого, обеспеченного и спокойного места, как должность управляющего государственными имуществами Астраханской губ. Далее, вопреки установившемуся порядку, г. Новиков, желая скорее взяться за любимое им общественное дело, вступил в отправление обязанностей городского головы с такой энергичностью и поспешностью, которая поразила и в то же время обрадовала нас.

Бодрые и полные жизни слова речи А.И. Новикова, проявляемая им уже теперь особенная энергия к общественным делам, действующая будирующим образом на окружающих, его просвещенные взгляды и прошлый опыт в земском самоуправлении вселяют в нас уверенность, что наше общественное управление, получая в лице нового городского головы свежую и живую струю жизни, воспрянет духом на пользу общегородских интересов.

С этим важным событием мы приветствуем прежде всего городское население, а также его представителей – гласных думы, своим единогласным почти избранием нового городского головы оказавшихся, к чести их, на высоте своего положения.

Приветствуем и А.И. Новикова, от всего сердца желая ему осуществления намеченной им программы в предстоящей жизни бакинского городского самоуправления. Ознакомившись с этой краткой программой, всякий городской обыватель скажет вместе с нами:

«В добрый час!»

Т[опчибашев]

Каспий. 1902. 29 мая.

К учебному кризису в Баку

23 июня 1902 г.

Истекший учебный год был из выдающихся в жизни нашего города: он принес с собой редкое по обилию число новых учебных заведений, в которых у нас чувствуется такая большая нужда.

Две начальные школы, тагиевская русско-мусульманская женская школа, коммерческое училище и общеобразовательные курсы – вот то богатое наследие, которым одарил город Баку закончившийся 1901/2 учебный год. О каждом из этих просветительных учреждений мы говорили подробно в свое время, приветствуя в каждом из них тот желанный светильник, который призван указывать верную дорогу в прогрессивном шествии целых народов, союзов и отдельных лиц. Все общество и в частности все родители вместе с нами преисполнились радости, что новые учебные заведения дадут возможность приобщиться к просвещению той массе детей школьного возраста, перед которой в последнее время двери бакинских учебных заведений оказывались замкнутыми все плотнее и плотнее. Всем хотелось верить, что для Баку наступает момент, когда, быть может, перестанут появляться в местной газете приводящие в уныние объявления директоров бакинских средних учебных заведений о неимении вакансий для приема новых учеников. Вот почему открытие нового среднего училища в лице Бакинского коммерческого училища было принято особенно сочувственно.

Но, увы! Прошел год с прекрасным началом, и все наше общество, в частности родители, с огорчением убедились, что нужда в среднем образовании по-прежнему вопиет о себе недоумевающе смущенными лицами тех сотен детей, которые в наступающем учебном году также тщетно стучаться в двери местных гимназий и реального училища. Мало того, истекший 1901/2 учебный год наиболее резко отметил тот существенный дефект, какой замечается у нас в постановке дела среднего образования. В этом году

больше чем когда-либо в обществе и печати заговорили об этом недостатке, а когда директор мужской гимназии вошел в городскую училищную комиссию с предложением о реформировании многолюдной гимназии, всеми было признано, что в учебно-воспитательном отношении наш город переживает такой же кризис, какой висит над ним вот уже второй год в делах нефтяной промышленности. Собранные по этому поводу цифровые данные удостоверили красноречиво то печальное положение, что, несмотря на открытие коммерческого училища, все же 630 мальчикам отказано в приеме в средние учебные заведения за неимением в них места. Оказалось далее, что в единственной в городе правительственной гимназии число учащихся доходит до неимоверной цифры 1170, что некоторые основные классы этой гимназии давно имеют по два параллельных отделения, что также переполнено местное реальное училище и что даже частное учебное заведение Лаврова отказало в приеме также за переполнением классов. Кавказским учебным начальством было обращено внимание на крайне ненормальное положение Бакинской мужской гимназии, первой среди всех русских гимназий по своей многолюдности. По требованию Попечительного учебного округа директор обратился в училищную комиссию с проектом преобразования этой гимназии.

Читатели знакомы с этим проектом, имевшим в виду не столько какое-нибудь существенное преобразование, сколько сокращение числа учащихся или, правильнее, доведение этого числа до нормы путем выделения из нее особой прогимназии.

Странно, что сведения, которыми сопровождался проект декрета гимназии А.И. Победоносцева, поразили все общество, и в частности представителей общественного управления, как будто вопрос шел не об учебном заведении, которое возникло и существует на средства города. Со всех сторон посыпались вопросы о том, как можно было допустить такое большое число учащихся, какими средствами можно было управлять таким учебным заведением в отношениях учебном и, в особенности, воспитательном и т.п. Но факт был налицо, начальство гимназии, ссылавшееся на то, что оно в интересах учащихся впихивало последних в классы, должно было по требованию Попечительного учебного округа, положить предел подобному явно ненормальному явлению.

Городская училищная комиссия при рассмотрении этого проекта, хотя не согласилась на оставление предполагаемой прогимназии при гимназии с подчинением обеих одному и тому же начальству,

но весьма сочувственно отнеслась к необходимости устранения оказавшегося недостатка, исходя из благого желания дать возможность большее и лучшее удовлетворение в получение среднего образования. В этих видах училищная комиссия проектировала открытие с настоящего учебного года прогимназии с выдачей особой субсидии учебному заведению Лаврова с тем, чтобы ходатайствовать о предоставлении этому частному учебному заведению права правительственной гимназии. По вычислениям училищной комиссии предполагалось этими мерами, если не совсем, то в значительной мере ослабить вопиющую нужду в среднем образовании.

Но «отцы» города решили иначе: читатели наши знают, что при рассмотрении в думе этого вопроса, исходя из соображений финансового свойства, дума нашла возможным открыть в 1902/3 учебном году только одну прогимназию, которая, как видно из напечатанного во вчерашнем номере «Каспия» отчета о заседании училищной комиссии, будет типа четырехклассной прогимназии. Конечно, *финансовые соображения* везде и во всем не только должны проводимы, но, как известно, играют решающую роль в делах даже государственной важности. Но по отношению к «отцам» нашего города нельзя не сказать, что в данном случае они весьма опрометчиво основали свое решение на этих соображениях. Мы уже не говорим о том чисто буржуазном взгляде, который не раз высказывался даже дипломированными представителями нашей думы в тех случаях, когда речь идет об ассигновании денег на нужды народного образования.

«Школа вещь хорошая и необходимая; было бы желательно иметь в Баку много, много школ, но нельзя же все средства города тратить на школы; и так более 1/5 доходов поглощает народное образование; у нас нет воды, мостовых и проч. и проч.; пусть нас назовут даже обскурантами, но мы должны по одежке протягивать ножки» – вот какой тирадой защищаются в нашей думе при более или менее серьезном вопросе о нуждах образования. Мы не можем, конечно, согласиться с такими ораторами, по-видимому, бьющимися над убедительностью своих «доводов», не можем потому, что таким «отцам» города известна не менее вопиющая нужда в образовании и что прошло уже время, когда потребность в образовании могла казаться роскошью или, по меньшей мере, потребностью второразрядного свойства. Мы думаем наоборот, что надо дать сперва образование, и такое, в каком нуждается население города, тогда мы все скоро получим и воду, и мостовые и п. и п.

Переходя к постановлению думы, которое мы назвали опрометчивым, мы должны сказать, что если уже иметь в виду финансовые соображения, то в той же смете, уже рассмотренной думой, были и оказались такие статьи расходов, которые могли и должны были уступить место ассигнованию денег на две прогимназии. В этом отношении большой грех лежит на душе управы, благодаря неумелости и неподготовленности которой рассмотрение сметы думой было скомкано и тем устранилась возможность сколько-нибудь разумного комбинирования сметных статей расходов и исключения из них таких, которые можно было с удобством отнести к смете будущего года. Зато с удивительной решительностью, достойной лучшей участи, управа проводила вопросы о пособиях служащим, новых прибавках и даже новых должностях. Если думские финансисты взяли хотя бы эти последние расходы, то сумма их дала бы в результате то, что училищная комиссия требовала на две прогимназии и на две начальные школы, которые, к стыду общественного управления, также не будут открыты в настоящем учебном году.

Поступая так, дума, очевидно, забыла, что открытием одной лишь прогимназии достигается удовлетворение требования учебного начальства о приведении Бакинской мужской гимназии в нормальное положение, но этим нисколько не устраняется вопиющая нужда в среднем образовании: во вновь открываемые приготовительные, первый и второй классы прогимназии перейдут лишь ученики соответствующих однородных классов мужской гимназии, которые в 1902/3 учебном году обязательно должны быть закрыты. В этом отношении достигается только правильное распределение учащихся, а главное мужская гимназия освободится от настоящего ненормального положения. А куда же денутся те 630 детей школьного возраста, которым еще в истекшем году было отказано в приеме? Ведь в мае месяце на страницах местной газеты опять запестрили объявления средних учебных заведений о неимении в них вакансий! Учебное заведение Лаврова остается без изменения, а на 70 объявленных вакансий в коммерческое училище еще в мае было подано более 160 прошений!.. Ведь в течение года ряды детей школьного возраста, очевидно, пополнились, и, следовательно, в сентябре мы будем иметь уже не 630, а значительно большее число тщетно стучащихся в двери средних учебных заведений.

Т[опчибашев]

Каспий. 1902. 23 июня.

К персидским делам

26 августа 1903 г.

О том, каково положение соседней с нами Персии, лишний раз свидетельствует нижеприведенное заявление наджафских высших духовных лиц, с которыми эти последние обратились по телеграфу к Е.В.* Музаффар-Эддин шаху.

Это телеграфное заявление напечатано в последнем номере персидской газеты «Хаблуль Матин»[112] и представляет из себя редкий документ по содержанию и характеру.

Мы называем этот документ потому, что он исходит от представителей персидского духовенства, на которое принято смотреть, как на отрицательную силу.

«Это оно, всесильное магометанское духовенство, пользуясь своим влиянием на невежественный народ, препятствует введению прогрессивных реформ в Персии», – говорят обыкновенно политики и даже неполитики.

Нет спору, что такой взгляд усвоен не без основания, так как среди высшего персидского духовенства были и найдутся лица, которые, забыв свое назначение, во всех своих действиях преследуют личные интересы, все равно, было ли это желание сохранить свое влияние, одержать верх над соперником, или же просто обогатиться. Но делать отсюда обобщение по адресу всего персидского духовенства было бы неправильно, так как без сомнения, среди них мы найдем людей, отличающихся не только своей ученостью, но и проникнутых любовью к своему отечеству. Такими именно мы видим четырех наджафских мюджтеидов[113] – Мухаммеда Шарбяни, Мухаммеда Асапи Мэмэкани, Неджала Гаджи Мирзу Халила и Мухаммеда Казыма Хорасани, которые и являются авторами и подписавшими телеграфное заявление на имя повелителя Ирана.

Эти известные в мусульманском мире своей ученостью высшие духовные лица, сидя в священном для мусульман Наджаф Ашрафе,

* Его Величество.

у гробницы имама Али, не перестают интересоваться своей родной Персией, которую они знают и любят. Они не довольствуются положением влиятельнейших ученых богословов мусульманских, разъясняющих аль-Коран и шариат, почитаемых мусульманами и живущих, как подобает духовным авторитетам, вполне обеспеченно на богатые доходы гробницы хазрата Алия, нет, эти мюджтеиды следят за внутренней и внешней жизнью Персии, болея душой за страдания персидского народа, за неудачи персидского правительства. Вспоминая с понятной гордостью о былом величии страны шахиншахов, эти мюджтеиды с грустью представляют себе печальную картину современного Ирана, так отставшего в культурном отношении.

И, как вопль наболевшей души, духовные лица издалека обращаются, конечно, к главе государства, к Музаффар-Эддин шаху.

Они еще раньше писали Его Величеству, рисуя безотрадную картину страны, но им не поверили, и этим некоторые из министров шаха остались очень довольны. Не прекращающаяся борьба «партий» в Тегеране со всеми пагубными последствиями для Персии, и в частности опала Хакимюль-Мюлька, человека весьма преданного своей стране, вынудили мюджтеидов еще раз обратиться к Е.В. шаху, но уже по телеграфу.

Вот что говорят шаху Музаффар-Эддину эти достойные подражания мюджтеиды: «Его святейшему шахиншахскому величеству, повелителю мусульман!

Наш святой долг, как это повелевает шариат, молиться за ваше благополучие и желать вашему царству благоденствия. Но наши молитвы омрачаются доходящими до нас вестями, слухами: злоупотребления и насилия господствующей в стране тирании, вызывающие общее недовольст персидского народа, в большинстве случаев могут быть засвидетельствованы и нами.

В целях поддержания и возвышения достоинства Персии и защиты прав подданных, судьба которых божественным промыслом вверена Вашему Величеству, мы и раньше письменно заявляли о положении дел в Персии. Из воспоследовавшего на это ответа видно, что наше заявление принято, к сожалению, как неосновательное сообщение лиц, руководствовавшихся якобы грубыми эгоистическими целями, и сочиненное под влиянием наушничества разных недоброжелателей Персии.

Из такого ответа нам стало ясно, что многие из дел государственной важности доходят до вас в ином свете, вводя тем вас в заблуждение, и что некоторые из ваших министров далеки от мысли и желания охранять честь и достоинство персидского государства и приводить в порядок государственные дела. А между тем даже маленькие государства с населением и территорией меньшими, чем Персия, благодаря своим деятельным министрам, умеют перед великими державами отстаивать права свои, охранять свободу, силу и достоинства своего государства.

В Персии же, несмотря на всю искренность ваших желаний и всяческое старание ваше привести в порядок религиозно-государственные дела, с каждым днем все больше и больше видны признаки явного расслабления царства и вместе с тем духовно-нравственного упадка персидской национальности.

Другой причины этому нет, как та, что некоторые из сановников, забыв свой священный долг по отношению к стране и отплачивая ей черной неблагодарностью, закрывают глаза на действительность и преследуют личные интересы, при чем не для кого не тайна, что они в своих действиях руководятся какими-то злыми и тайными намерениями.

Народное богатство Персии во всех его видах разоряется благодаря отсутствию порядка в деле чеканки монет. Ничего другого для упорядочения этого первостепенной важности дела, имеющего значение государственной печати, ваши министры не могли придумать, как передать чеканку монет в руки иностранцев.

Пагубные последствия этого не заставили себя долго ждать.

Финансы страны все более и более приходят в упадок, а бесполезные траты и неизвестно для чего недавно совершенные займы завершили дело окончательного расстройства средств государства.

Неизвестно, на какие такие государственные потребности уплыли занятые суммы, но известно, что эти деньги не пошли ни на улучшение военного дела страны, ни на сооружение пограничных крепостей и портов, вообще ни на какие бы то ни было улучшения Персии! В то же время ни на йоту не уменьшилась нужда государства в денежных ресурсах, и, наоборот, потребность в займах теперь еще более увеличилась, и чтобы как-нибудь удовлетворить нужде в средствах, облагают несчастный народ тяжелыми налогами и увеличивают таможенные пошлины, причем, чтобы получить возможность взимания этих пошлин, направляют европейцев на

мусульман, так что несчастные подданные персидского государства, и без того обездоленные во всем, видимо, должны нести на себе еще ярмо и все бедствия грядущего нашествия иностранцев.

Все это не иначе можно объяснить, как лукавством и вероломством некоторых из министров, которые желают передать Персию в руки иностранцев и тем еще более ослабить основы государства и национальности, дабы затем достигнуть своих изменнических тайных помыслов.

Они (министры) поощряют развитие в Персии разных еретических сект, они позволяют открытую продажу спиртных напитков и тем распространяют в стране отравление алкоголем, они дают ход развращающим население играм и всяким притонам разврата... И всему этому они же дают название факторов и двигателей цивилизации, свободы в стране и в то же время натравляют правителей на жизнь, честь и имущество несчастных подданных! Словом, совершают такие вещи, какие ни в какой стране и ни в какую эпоху Персии не имели места.

Они же (министры) прилагают все старания, чтобы такие их безнравственные действия не были Вашему Величеству известны.

И нужно удивляться, что такого рода правители служат еще предметом похвалы и поощрения!

Движимые чувствами доброжелательства и любви к отечеству и государству, мы, молящиеся за вас, теперь обращаемся к Вашему Величеству во второй раз с целью напомнить о страданиях и вообще несчастном положении персидского народа в надежде, что Ваше Величество найдет исход утешить своих угнетенных подданных.

Высоконравственные качества, вложенные свыше в вашу душу, и ваше царское положение вселяют в нас крепкую веру, что Ваше Величество окажет царскую милость и в попечении о своем народе изыщет верные средства искоренения существующих в стране непорядков, дабы подданые и все молящиеся могли спокойно возносить молитвы к престолу Всевышнего за продление дней Вашего Величества, за славу и честь народа и государства.

Не дай Аллах, чтобы ныне существующий в Персии порядок вещей еще продолжался; да не будет так, чтобы многострадальный персидский народ был подвергнут еще худшим страданиям и чтобы в нем было вызвано крайнее чувство озлобления, что может содействовать еще большему ослаблению и уничтожению той нити, которая должна связывать правительство с народом».

Будем надеяться, что на этот раз заявление почтенных мюджтеидов не останется гласом вопиющего в пустыне... Если для «некоторых из министров» и выгодно опорочить уважаемых мусульманами духовных лиц, которые этим якобы хотят получить от шаха деньги, то мы убеждены, что Его Величество иначе посмотрит на утверждение высших духовных лиц Наджафуль-Шарифа, так как вполне обеспеченным мюджтеидам деньги не нужны!.. Очевидно, «некоторые из министров» мерят по своему аршину, оценивая на золото даже благородные порывы души доброжелателей Персии, которая должна наконец избавиться от таких «некоторых из министров», если она не желает, чтобы действительно порвалась нить, связывающая правительство с народом...

Т[опчибашев]

Каспий. 1903. 26 августа.

Первый татарский драматург

(Памяти Мирза Фатали Ахундова)

26 октября 1903 г.

I

В настоящем году исполнилось пятьдесят лет со дня появления в свет столь популярных среди мусульман комедий Мирзы Фатали Ахундова[114]. Этот редкий в жизни наших мусульман литературный юбилей чествуется постановкой завтра на сцене тагиевского театра[115] одной из лучших пьес этого известного татарского драматурга «Гаджи Кара». Подобное же чествование этого 50-летнего юбилея имело место истекшем летом в Шуше и других городах.

Такое отношение интеллигентной части мусульманского населения к Мирзе Фатали Ахундову, свидетельствуя о зарождающемся самосознании наших азербайджанских татар в деле оценки литературных деятелей, говорит о том значении и влиянии, какое имели и продолжают еще иметь драматические сочинения этого автора на жизнь и, в частности, на литературу закавказских татар.

И действительно, если бедная вообще ценными произведениями литература азербайджанских татар может похвастаться своей драмой, отличающейся метким и верным изображением отрицательных сторон татарской жизни, то этим наши татары обязаны Мирзе Фатали Ахундову, который является первым татарским драматургом и весьма талантливым родоначальником татарской драмы. Он по справедливости считается татарским Мольером[116]. Шесть написанных им комедий, благодаря метко выхваченным типам и картинам из отсталой жизни татар, неподдельному юмору и легкому, образному языку, и теперь еще представляют громадный интерес и, овладевая вниманием посетителей татарского театра, вызывают грустные чувства о судьбе мало еще культурных закавказских татар. С тех пор прошло полвека, а картины местной жизни так незначительно изменились!..

Даровитый драматург, как создатель татарской драмы, Мирза Фатали Ахундов указал верный путь, по которому идут его ученики, число которых все увеличивается, особенно в последнее время, и этот прирост драматических писателей среди азербайджанских татар находится, конечно, в прямой зависимости от массы недостатков и неблагоприятных условий окружающей их жизни, которая своими уродливыми явлениями, отсталыми понятиями, извращением столь прекрасных и гуманных по существу догматов магометанской религии и шариата сама просится на сцену, чтобы всенародно быть осмеянной, а всего более оплаканной.

И к чести татарских драматических писателей надо сказать, что в их произведениях, даже иногда мало сценических, ясно слышится этот «смех сквозь слезы», завещанный современным авторам драматических произведений все тем же Мирзою Фатали Ахундовым.

В дни чествования памяти этого выдающегося общественно-литературного деятеля и новатора в жизни азербайджанских татар как нельзя более кстати познакомиться с его биографией, мало известной даже интеллигентным мусульманам. В этом отношении знаменитый татарский драматург не избег общей участи почти всех татарских писателей, жизнь и литературная деятельность которых представляется terra incognita для самих татар. Спросите грамотного азербайджанского татарина о его родных поэтах и писателях - он назовет Вакифа[117] (Молла Панаха), Закира[118] (Касум бек Ханзирстанский), Молла Вели-Ведади[119] и др., скажет на память стихи этих поэтов, но и только; он не знает даже по именам целой плеяды даровитых азербайджанских поэтов и писателей, а о знакомстве с их биографией и говорить нечего.

До сих пор нет еще ни одного пособия или исследования о татарских литературных деятелях, и лишь «Сборник произведений азербайджанских поэтов», изданном в Лейпциге известным Ад. Берже[120] в 1867 г., и в «Сборнике произведений Вакифа и его современников», составленном Мирзой Юсуфом Карабаги[121], - можно найти некоторые и то отрывочные сведения о поэтах и писателях азербайджанских татар*.

* На днях в Тифлисе вышла из печати брошюра под заглавием «Литература азербайджанских татар», составленная преподавателем татарского отделения Горийской учительской семинарии Фридун беком Кочарлинским. Об этой интересной брошюре мы поговорим в ближайшем номере нашей газеты. Прим. автора.

Очевидно, интеллигентные татары наши пока мало интересуются родной литературой: сочинения татарских авторов остаются до сих пор еще неизданными, не составлены их биографии и потому неудивительно, что даже лучшие представители литературы азербайджанских татар пребывают в неизвестности, а могилы их остаются в развалинах. Так, могила основателя народной поэзии на татарском кладбище города Шуши, могила автора чудных поэм на персидском языке, елисаветпольского татарина Низами[122], на кладбище елисаветпольского Гек-Имама и могила татарского Мольера Мирзы Фатали Ахундова на татарском крадбище города Тифлиса – все они в развалинах или сравнены с землей и служат ярким укором всем азербайджанским татарам, в особенности интеллигентной их части, за их непростительное невнимание, граничащее с пренебрежением к родным писателям.

II

Приводимые ниже биографические сведения о Мирзе Фатали Ахундове нами взяты у сына татарского драматурга, инженера Рашид бека Ахундова[123], проживающего в Тифлисе и состоящего на службе по ведомству Министерства путей сообщения. Не претендуя на законченность, сведения эти отличаются точностью.

Мирза Фатали Ахундов родился в 1811 г. в гор. Нухе, где проживали его родители. Последних он лишился шести лет от роду, и с этого возраста сирота Ахундов перешел на попечение своего дяди по матери ахунда Гаджи Алескера. Этот ахунд считался одним из ученых мулл своего времени и в Нухе имел свое училище. Под его руководством Мирза Фатали прошел весь курс восточных языков, изучив в совершенстве, кроме родного тюркского, языки персидский и арабский.

Выказанные юношей Ахундовым большие способности заставили ахунда Алескера предназначить его к духовному званию, но это решение не сбылось благодаря известному даже в Европе поэту и философу Мирзе Шафи*[124]. Собираясь ехать в Мекку на богомолье, ахунд Мирза Алескер оставил молодого Ахундова в Елисаветполе для дальнейшего усовершенствования в арабском языке у елисаветпольского ахунда Молла Гусейна. Здесь-то 17-летний Мирза Фатали познакомился с Мирзой Шафи, который и внушил ему мысль бросить духовное звание и поступать на русскую

* Сочинение Мирзы Шафи были изданы в Германии Боденштедтом вместе с немецким переводом и примечаниями. Прим. автора.

службу. С таким советом Мирзой Шафи согласился и дядя Ахундова Мирза Алескер, который и отдал племянника в открывшееся тогда же нухинское училище для обучения его русскому языку. По окончании этого училища, Мирза Фатали Ахундов вместе с ахундом Мирзой Алескером приехал в Тифлис и здесь поступил на должность письменного переводчика восточных языков в канцелярию главноуправляющего Грузией барона Розена[125]. Это было в 1834 г., когда Ахундову было 23 года.

Все свободное от службы время Мирза Фатали Ахундов посвящал чтению, чем он успел значительно пополнить пробелы своего образования и всесторонне развить свой ум и способности. Между прочим в этом периоде жизни Мирза Фатали Ахундов обнаружил поэтический дар: им написано много неизданных до сих пор стихотворений на персидском и татарском языках. В числе их заслуживает особого внимания, по искренности чувств и художественности, поэма в стихах, написанная в 1837 г. на смерть поэта А.С. Пушкина. Пораженный неожиданной смертью великого русского поэта Мирза Фатали Ахундов, большой поклонник Пушкина, излил в образных стихах всю горечь своей души, оплакивая гиганта русского Парнаса. Стихотворение это переведено* на русский язык Марлинским (Бестужевым)[126].

Помимо поэтических произведений, Мирза Фатали Ахундов известен и как публицист, критик и беллетрист. Будучи одним из образованных азербайджанских татар, он отзывался на запросы своего времени, вел переписку со всеми видными мусульманами тогдашнего времени, особенно с поэтом: Закиром и др., которых старался знакомить с европейской и, в частности, с русской жизнью и литературой. Жаль только, что письма Ахундова, относящиеся к этому времени, да и вообще письма его, писанные разным выдающимися татарам, в большинстве случаев затерялись, а имеющиеся на руках еще не приведены в порядок; несомненно, что эти письма дадут богатый материал из жизни наших мусульман за вторую половину XIX столетия.

В качестве критика Ахундовым написаны несколько сочинений на персидском языке, но сочинения эти почти неизвестны и до сих пор не изданы. Наконец, им написано и одно беллетристическое

* Перевод этого стихотворения напечатан был в газете «Кавказ» 26 мая 1899 года, в день столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Прим. автора.

произведение – повесть на татарском языке под заглавием «Обманутые звезды»*. Взятая из персидской государственной жизни времен Сафавидов[127] повесть эта изображает отсталые персидские порядки, и настолько жизненно, что может иметь отношение и к порядкам, или, скорее, непорядкам, современной Персии. По крайней мере, недобросовестность, алчность, продажность и другие качества персидских государственных людей времен Сафавидов одинаково применимы к персидским сановникам и наших дней, ведущих Персию к гибели. Достаточно припомнить письма наджафских муштеидов и «всей персидской нации» к Музафар-Эддин шаху, послужившая поводом к удалению всесильного первого министра – садразама.

Но Мирза Фатали Ахундов приобрел огромную известность своими драматическими произведениями, давшими ему имя татарского Мольера. Им написаны шесть комедий в бытность его на службе в департаменте управления наместника Кавказского.

В 1851 г. по инициативе тогдашнего наместника князя Воронцова[128] в г. Тифлисе состоялось открытие театра. Это событие внушило Мирзе Фатали Ахундову мысль написать на тюркском языке оригинальные комедии, сюжетами для которых мог служить (и послужил) хорошо ему известный быт закавказских татар. Написанные им комедии вместе с повестью «Обманутые звезды» вышли первым изданием в 1859 г., но еще раньше, в 1853 г., был издан русский перевод пяти комедий, в числе которых была комедия «Гаджи Кара». Перевод комедий Мирзы Фатали Ахундова на русский язык и их издание в 1853 г. были сделаны по распоряжению наместника кн. Воронцова, который питал особое расположение к автору.

Комедии Ахундова были первым опытом драматических произведений почти во всем мусульманском мире, почему и появление их вызвало большую сенсацию. В тогдашних периодических русских и даже иностранных органах появились благоприятные об этих комедиях отзывы, которые, приветствуя зарождение татарской драмы, находили в комедиях Ахундова верное изображение жизни азербайджанских татар. Скоро комедии эти сделались известными в Персии благодаря персидскому переводу, сделанному в Тегеране Мирзой Джафаром[129], секретарем принца Джелал-Эддин Мирзы[130]. Европейские ученые также обратили внимание на комедии Мирзы Фатали Ахундова.

* Повесть эта переведена на русский язык Фр.-б. Кочарлинским и помещена в майской книжке журнала «Кавказский вестник» за 1901 г. Прим. автора.

** Так, в Англии в 1882 г. Haggard[131] и Le Strange[132] издали персидский текст пьесы «Визирь Серабского ханства» с английским переводом, словарем и примечаниями; затем, известный Barbier de Meynard[133] напечатал в Париже в 1886 г. в «Journal Asiatique»[134] азербайджанский текст комедии «Алхимик» и в 1889 г. в I томе трудов стокгольмского конгресса ориенталистов помещен азербайджанский текст комедии «Медведь, победитель разбойника». В том же году Alfonse Cilliere[135] издал персидский текст комедий «Визирь» и «Адвокаты», а в Вене профессор Вармунд[136] напечатал персидский текст комедии «Мосье Жордан ботаник» вместе со словарем и примечаниями. В 1889 г. в «Algemeine Zeitung»[137] и в изданиях Zarnke[138] «Literarisches Centralblatt»[139] 1890 г. появились весьма лестные отзывы об этих комедиях.

Таковы заслуги Мирзы Фатали Ахундова в литературе азербайджанских татар. Но кроме сказанного, он первый обратил внимание на недостатки арабской азбуки, которой пользуются все исповедующие ислам народы. Вопрос об изменении арабской азбуки составляет предмет обсуждения всех мыслящих мусульман и в наши дни. Но покойный Мирза Фатали Ахундов первым возбудил этот вопрос, предлагал в то же время лучший и верный способ его разрешения. Он совершенно основательно находил, что нельзя одному человеку, каким бы он ни был гением, заставить миллионы мусульман принять изобретенную им одним азбуку; этот один может явиться лишь инициатором, а принятие должно быть общим через правительства мусульманских государств.

Исходя из этого положения, Мирза Фатали Ахундов составил особые меморандумы о необходимости изменения арабской азбуки и вместе с усовершенствованной азбукой представил их персидскому и турецкому правительствам, причем сам ездил в Константинополь для поддержания своей идеи. В Тегеране и Константинополе для обсуждения меморандумов и усовершенствованной азбуки Мирзы Фатали Ахундова были назначены комиссии, в которых главное участие принимали улемы, всегда и везде поддерживающие рутину, и первый опыт реформирования арабской азбуки, несмотря на правильно принятый для этого способ, потерпел, к несчастью, неудачу. Это обстоятельство не могло не огорчить такого поборника просвещения наших мусульман, каким был всю свою плодотворную жизнь Мирза Фатали Ахундов; так этот образованный и искренно любящий свой народ мусульманини умер, не

увидав осуществления своей дорогой мысли, которая, увы, считается и по сей день недостижимым идеалом современных мусульман. Умер Мирза Фатали Ахундов на 67 году жизни 26 мая 1878 г. в чине полковника в гор. Тифлисе, где и похоронен на татарском кладбище. Смерть его у всех мыслящих мусульман Закавказья вызвала неподдельные чувства искреннего и глубокого сожаления о народной потере, а нынешние мусульмане, в лице интеллигентной части своей, с благодарностью вспоминают первого татарского драматурга, так художественно и реально умевшего изображать недостатки быта азербайджанских татар.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1903. 26 октября.

Литература азербайджанских татар

(О книге Ф.б. Кочарли)

31 октября 1903 г.

Под таким заглавием, на днях вышла из печати брошюра, составленная Фридун-беком Кочарлинским[140], изданная в Тифлисе и стоящая 20 коп.

Автор ее, преподаватель татарского отделения Горийской учительской семинарии[141], известен татарской читающей публике как переводчик на татарский язык небольших произведений русских писателей – Л.Н. Толстого[142] («О вреде табака и вина») и Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке» и «Песнь о вещем Олеге»); им же переведен «Гений рода» Шопенгауэра[143], а также с татарского на русский язык повесть Мирзы Фатали Ахундова «Обманутые звезды». Временами г. Кочарлинский печатает в тифлисских газетах статьи, касающиеся литературы азербайджанских татар.

Все это говорил за то, что Фр.-б. Кочарлинский – один из немногих интеллигентных мусульман, знакомых с родной литературой и интересующихся ее историей, произведениями и деятелями. Выпущенная им брошюра «Литература азербайджанских татар» поддерживает сказанное.

Брошюра эта в виде отдельной статьи появилась сначала в журнале «Вестник Кавказа»[144] за настоящий год и автор хорошо сделал, выпустив ее отдельной книжечкой.

Нечего и говорить, что в небольшой книжечке в 54 страницы in folio* нельзя обнять всю литературу азербайджанских татар, да на это не претендует, очевидно и сам автор. Правда, литература наших татар не изобилует особенно, ценными произведениями, но она зародилась давно, имеет свою историю и насчитывает в своих

* Фолиант, том (лат.).

рядах многих выдающихся по дарованиям поэтов, драматургов и вообще писателей, число которых, особенно в последнее время, увеличивается все более и более.

Большинство из них имеет право быть отмеченными не только по именам, но и подробным разбором их произведений, указанием на связь между их произведениями и окружающими или историческими явлениями из жизни татар, приведением возможно полной биографии авторов и проч.

Составление такой «литературы азербайджанских татар» было бы трудом почетным, серьезным и, конечно, заняло бы тома весьма интересного литературного обзора. Очевидно, г. Кочарлинский не преследовал и не мог преследовать подобной цели уже по тому одному, что составление полного обзора литературы наших татар при настоящих условиях – задача крайне тяжелая и не под силу одному человеку.

В статье нашей «Первый татарский драматург» (см. «Каспий» № 230) мы уже говорили о том плачевном и хаотическом состоянии, в котором пребывают литературные произведения даже выдающихся татарских авторов. Почти никто из них не выходил еще полным изданием; даже лучшие из них – Вакиф (Молла Панах), Закир (Касум бек Ханзирстанский) и др. еще не изданы*,) а вышедшая в свет в шестидесятых годах избранные сочинения азербайджанских поэтов, изданные в Лейпциге Ад. Берже, и «Сборник произведений Вакифа и его современников» составленный Мирзой Юсуфом Карабаги, не имеются в продаже, почему и стали библиографической редкостью. Такая же редкость и сочинения Мирзы Фатали Ахундова, изданные в 1859 г. в Тифлисе. И сейчас часто приходится слышать, что у такого-то бека или ахунда имеется рукописный полный сборник произведений того или другого автора, но издания этих произведений все не появляются. Появятся ли когда-нибудь, и когда? В этом отношении наши мусульмане особенно нуждаются в образовании издательского товарищества, которое и приняло бы на себя издание сочинений авторов их родной литературы. Обиднее всего, что наши интеллигентные мусульмане на эту сторону дела не обращают внимания, и даже те, которым от Аллаха дана возможность, и те не идут на помощь, чтобы вывести из под развалин

* Лишь в текушем году изданы произведения шемахинского поэта Гаджи Сеид Азима сыном его Мир Джафаром Сеид-Мамедовым. Прим. автора.

родных писателей. Нам, например, известен случай, как один весьма образованный татарин вот уже который год обещался написать биографию своего одногорожанина поэта Низами по имеющимся у него данным – и мы все еще ждем биографии этого известного поэта. Другой случай: несколько интеллигентных мусульман задумали реставрировать в Шуше разрушившуюся могилу поэта Вакифа, этого царя всех азербайджанских поэтов. Но годы проходят и могила популярного певца татар продолжает оставаться в развалинах, и лишь шушинские татарки в последнюю среду перед Новруз-байрамом (9 марта) ежегодно посещают могилу, увы не для поклонения праху Вакифа, воспевавшего в пленительных стихах татарскую женщину, а «для совершения здесь разных суеверных обрядов, заключающих будто бы в себе исцелительные от физических и душевных болезней силы».

Можно ли, при отсутствии изданий авторов и их биографий, думать пока о составлении полной литературы азербайджанских татар?

В своей брошюре г. Кочарлинский сделал лишь конспективный обзор этой литературы, и благодаря этому в ней отсутствует какая-нибудь определенная система в классификации авторов по их направлениям, по роду их произведений и т. п. Давая читателю то, что известно автору, он оставил без ответа многие вопросы, сами напрашивающиеся при чтении этой книжки. Правда, нет еще составленных биографий татарских писателей, но нельзя ли было собрать биографические сведения, например, о казахском[145] поэте Молла Видади, современнике и друге Вакифе, которым, как говорится в брошюре, положено вместе с Вакифом основание азербайджанской литературы? А поэтесса Ашик Пери[146] (из Джебраильского уезда), с ее музой чистой любви, долга, справедливости и уважения к человеку, или гуманный поэт Набати[147] (из Мугана), воспевший свободу воли, сознательную веру во всемогущее единение и справедливое начало?

Но не будем очень требовательны к г. Кочарлинскому, он сделал первый опыт в составлении литературы азербайджанских татар, и за это ему большое спасибо. Будем надеяться, что составитель не остановится на этом опыте и, взяв канвою теперешний свой конспект по родной литературе, поработает над последним, в чем он должен встретить, мы в этом уверены, сочувствие и поддержку всех интеллигентных мусульман, подвигающихся на ниве азер-

байджанской литературы. В одном Баку сосредоточено немало выдающихся литературных сил, приводимых и г. Кочарлинским в брошюре. Читающим татарам хорошо известны имена Гасан-бека Меликова, основателя татарской журналистики и популяризатора естествознания среди татарского населения, Ах.-б. Агаева[148], выступившего в сочинении «Ахунд ва Ислам» против недостойной части мусульманского духовенства, Над.-б. Везирова[149], Абд.–б. Ахвердова[150] – драматургов, Сул. М. Ганиева[151], образцового переводчика, автора оригинального романа на татарском языке и составителя «Тюрко-татарского словаря»[152], и др.

Кому много дано, с того много и спросится: обогащение родной литературы новыми полезными произведениями – вот то, чего ожидают азербайджанские татары от своих интеллигентных представителей.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1903. 31 октября.

Наши среднеучебные заведения

2 ноября 1903 г.

В только что полученном циркуляре по Кавказскому учебному округу содержатся интересные сведения об успешности классных знаний учащихся в кавказских средних учебных заведениях за истекший 1902/1903 академический год. В составленных об этих сведениях таблицах выведено процентное отношение успевавших по всем предметам к общему числу учащихся, причем под успевавшим учащимся понимается ученик, имевший по каждому предмету не менее 2½ в первые три четверти учебного года и не менее 3 за последнюю четверть. Всех средних учебных заведений на Кавказе 59, из коих 3 функционировали лишь со второй четверти 1902/1903 г., в том числе и Бакинская мужская прогимназия. Из числа всех учебных заведений: 14 – мужских гимназий и прогимназий, 10 – реальных училищ, 6 – учительских семинарий и институтов; 17 – женских гимназий (сюда относятся и заведения Св. Нины – Тифлисское, Кутаисское и Бакинское) и 12 – женских прогимназий. Во всех 59 средних учебных заведениях средняя успешность учащихся выражается цифрой 71,1 проц. успевавших по всем предметам. Как видно из циркуляра, сравнительно с предшествующим годом успешность понизилась на 0,5 проц., в частности же понизилась: в мужских гимназиях – на 1 проц., в реальных училищах – на 1 проц., в учительских семинариях – на 0,04 проц. и в женских гимназиях – на 0,23 проц. Повышение успешности видно лишь в женских прогимназиях, и то на 0,03 проц. За последние 7 лет в учебных заведениях различных категорий средняя успешность учащихся по всем предметам колеблется между 70 и 73 проц. общего числа учащихся.

Наиболее успевали и в истекшем году ученики подготовительных и старших выпускных классов, слабее – средние классы. По времени учебного года число успевающих было небольшим за вторую четверть (ноябрь и декабрь) – 72,6 проц. и слабее за первую четверть (сентябрь и октябрь) – 69,8 проц. Наконец, по отдельным предметам из общего числа успешных учеников 1968 учащих-

ся или 25,9 проц., успевали по всем предметам, 5351 учеников, или 70,5 проц. оказывали вполне удовлетворительные успехи, а в 273 случаях, или 3,6 проц., была выказана успешность по отдельным предметам от 50 до 74 проц., а случаев успешности менее 50 проц., как видно из приводимой в циркуляре таблицы, не было вовсе.

Такова успешность учащихся в процентном отношении к общему числу учащихся во всех средних учебных заведениях Кавказского учебного округа. Для нас, бакинцев, представляет особый интерес цифровое выражение этого же вопроса в применении к средне-учебным заведениям города Баку. Начнем с Бакинской императора Александра III мужской гимназии. Среднее процентное отношение успевавших во всех 14 гимназиях округа выражается в 67,5 проц. Успешность же нашей мужской гимназии за 1902/1903 академический год в среднем дала лишь 62,7 проц., и в этом отношении из всех 14 гимназий на Кавказе бакинская занимает одно из последних мест, являясь по успехам учащихся лишь 12-ою: из всех 14 гимназий хуже нашей по успехам – тифлисская 3-я и батумская гимназии.

Первыми по успехам были: тифлисская – 1-я гимназия (72,8), елисаветпольская (72) и владикавказская (71,5). Сравнительно большую успешность оказала наша новая прогимназия, в которой процентное отношение успешности выше среднего на 0,5 проц. (68,8 проц.). Но в обоих бакинских мужских учебных заведениях успешность учащихся понизилась за обе последние четверти года, причем в прогимназии это понижение заметнее, чем в гимназии, в которой за все четверти года успешность меньше средней.

Хорошо известны бакинцам неблагоприятные условия жизни этой гимназии, в числе которых надо указать ее ненормальную многолюдность, влияли раньше и повлияли в истекшем году на малоуспешность классных занятий учеников местной гимназии, пользующейся большой материальной поддержкой бакинского общественного управления.

В реальных училищах среднее процентное отношение успевавших за 1902/1903 учебный год менее такового же в гимназиях и выражается цифрой 64,6 проц. Бакинское реальное училище выказало успешность классных занятий учащихся значительно менее среднего отношения, выражающуюся цифрой 61,1 проц. По успешности учащихся за истекший год наше реальное училище также занимает одно из последних мест, а именно 9-е всех реальных училищ на Кавказе, где самым слабым после нашего оказалось тифлисское реальное училище (53,3 проц.). Замеченное в сведениях о бакин-

ских мужских гимназии и прогимназии понижение успешности за последнюю четверть года повторяется и в отношении Бакинского реального училища, учащиеся которого проявили успешность ниже средней во все четверти учебного года. Наиболее успевшими из реальных училищ были: Дербентское, открытое в истекшем году (78,8 проц.), Кубанское (74,2 проц.) и Темир-Хан-Шуринское (67,9).

В сравнении с бакинскими мужскими учебными заведениями большую успешность в истекшем академическом году оказали наши женские учебные заведения: Мариинская женская гимназия и заведение Св. Нины. В обоих женских учебных заведениях процентное отношение успешности классных занятий учащихся значительно выше среднего, выражающегося для всех 17 женских гимназий Кавказского учебного округа цифрою 76 проц. Между тем среднее для нашей Мариинской женской гимназии выражено в 78,5 проц. и для учебного заведения Св. Нины даже 82 проц., и по успешности за означенный год в числе всех женских гимназий Бакинское заведение Св. Нины занимает четвертое место, а Марин-ская гимназия – девятое. Первым по успешности были: Пятигорская гимназия (88,3), Тифлисское заведение Св. Нины (85) и Ейская женская гимназия (83,7). Но что особенно поражает, это значительное понижение процента успешности классных занятий учащихся в Мариинской женской гимназии. Вот цифры, в которых выражается это понижение по четвертям года: в 1 четверти – 82,7, во 2 четверти – 81, в 3 четверти – 77,8 и в 4 четверти – ...* проц. В заведении Св. Нины это понижение менее резко (82,1, 80,8, 86,1 и 79 проц.).

Впрочем, понижение, как почти общее явление, объясняется утомленностью организма и всей психики учащихся к концу учебного года, и если ученики наших учебных заведений, несмотря на их мужской организм, проявляют усталость, то что же делать ученицам, по природе слабым. На последних, кроме того, в большей степени должны влиять и неприглядные для ученического возраста условия бакинской жизни, в которой менее всего сколько-нибудь подходящей почвы для правильного развития физических и умственных сил учащихся.

На успешность классных занятий учащихся не может не влиять пропуск уроков преподавателями. В циркуляре г. попечителя округа проводятся также сведения о числе пропущенных преподавателями средних учебных заведений уроков за 1902/1903 учебный год. Вот эти не менее интересные цифры. В 59 средних учебных заведениях из общего числа 507 059 уроков, пропущено в течение

* Число не читается.

учебных месяцев 26 256 уроков или 5,1 проц., из них на долю мужских учебных заведений приходится 15 761 пропущенных уроков из 294 827, или 5,3 проц. В мужских же гимназиях из всех 212 232 уроков пропущено 10 495, или 4, 9 проц.

Приводятся и причины манкировок: из 26 256 пропущенных уроков приходится «по болезни» 20050, или 76,4 проц., по обязанностям службы – 1072 (4,1 проц.), по домашним обстоятельствам – 2543 (9,7 проц.), по вызову в суд – 185 (0,7 проц.), по нахождению в отпуску – 1850 (7 проц.) и по неуважительным причинам 556 уроков(2,1 проц.). Более манкировок приходится на январь (5230 уроков), затем ноябрь (3422 урока), декабрь (2627) и т. д. По предметам более всего пропущено уроков по новым языкам (6,4 проц.) и закону Божию (6,2 проц.), далее идут искусства (5,9 проц.), история и география (5,8 проц.), русский и древние языки (4,6 проц. и т. д. Всех преподавателей в округе 1272, из них не пропустили ни одного урока 257 (20,2 проц.), пропустили не более 4 проц. своих уроков 492 (38,7 проц.) пропустили от 4 до 10 проц. 318 (25 проц.) и более 10 проц. – 205 (16,1 проц.)

Пропущенные уроки заменялись уроками же, повторением и приготовлением уроков, производством испытаний и в 8762 (33,3 проц.) оставались без всяких занятий или отпущены домой, когда пропущенные уроки приходились на последние часы.

В частности, в бакинских учебных заведениях пропущены уроки: 1) в мужской гимназии – из 19101 урока пропущено 1145, или 5,9 проц. (в отношении пропуска уроков из всех 14 гимназий наша 5-я); 2) в реальном училище из всех 12 814 пропущено 293 урока, или 2,2 проц. Из всех десяти реальных училищ менее всего пропущено уроков в Бакинском реальном училище. 3) в Мариинской женской гимназии из 14 096 всех уроков пропущено 549, что составляет 3,8 проц, а в заведении Св. Нины из 7672 уроков пропущено 339 или 4,4 проц.

Таковы цифровые данные, извлеченные нами из только что полученной в редакции августовской книги циркуляра по управлению Кавказским учебным округом, об успешности классных занятий учащихся в среднеучебных заведениях нашего округа и о числе пропущенных преподавателями уроков. Язык цифр тем и хорош, что отмечается простою, наглядностью, и в следующий раз мы поговорим о том, к каким выводам приводит сопоставление сведений об отмечаемых явлениях в жизни наших учебных заведений.

А.М.-б. Т[опчибашев]

Каспий. 1903. 2 ноября.

Вечер мусульманского благотворительного общества

26 ноября 1903 г.

Нам сообщают из Петербурга, что обычный вечер Петербургского мусульманского благотворительного общества в этом году состоится 10 наступающего декабря в дни величайшего из мусульманских праздников Орудж-байрама, которым заканчивается тридцатидневный пост.

Ежегодные вечера, устраиваемые в Петербурге мусульманским благотворительным обществом, отличаются большим оживлением и разнообразием программы, в которой преобладает всегда восточный колорит. Особенно вечера эти приобрели живой интерес столичного общества в последние годы, когда во главе мусульманского благотворительного общества в Петербурге стала известная среди мусульман своими добрыми делами генеральша Умму-Гюльсюм ханым Шейх-Алиева, сумевшая оживить деятельность петербургского благотворительного общества привлечением выдающихся представителей мусульманской колонии в столице. Чисто материнские заботы г-жи Шейх-Алиевой о делах благотворительного общества и особенно стремление увеличить средства общества оказали весьма существенные услуги названному благотворительному обществу, являющемуся единственным источником материальной помощи для нуждающихся мусульман. И в этом отношении устраиваемые Умму-Гюльсюм ханым Шейх-Алиевой вечера, привлекая широкую публику, служат весьма существенной поддержкой денежным средствам общества.

Особенно щедрую помощь оказывали до настоящего времени сочувствующие благим целям общества мусульмане, сердечно отзываясь на почетные приглашения на вечера петербургского благотворительного общества.

Такие приглашения получали и бакинские почетные мусульмане, и, к чести их надо сказать, редко приглашение оставалось без сочувственного отклика. Рассчитывая на отзывчивость бакинцев, правление общества и на вечер 10 декабря рассылает почетные приглашения в полной уверенности, что наши мусульмане в лице состоятельной части и на этот раз придут на помощь беднякам, заброшенным судьбой на далекий север.

Громадный процент среди этих бедняков составляют учащиеся в высших учебных заведениях столицы мусульмане. Это надежда наша, будущие деятели, но увы, при тяжелых условиях приходится им приобретать познания, учиться!.. Большинство учащихся мусульман нуждается в самом необходимом, а помощи ждать неоткуда. Положение уроженцев Кавказа, как известно, особенно плачевное, если принять во внимание тот печальный факт, что у наших кавказских мусульман нет до сих пор благотворительного общества вроде петербургского, которое и является пока единственной поддержкой для учащихся мусульман в Петербурге.

Вот почему помочь вечеру 10 декабря особенно необходимо в интересах мусульманской учащейся молодежи.

Т[опчибашев]

Каспий. 1903. 26 ноября.

Самодеятельность мусульманки

28 ноября 1903 г.

Под таким заглавием татарская газета «Переводчик»[153] поместила весьма интересную статью, посвященную деятельности мусульманки на разных поприщах. Зорко следящий за всеми перипетиями мусульманской жизни и отмечающий с любовью всякий ее успех, «Переводчик» в восторженных выражениях перечисляет имена выдающихся мусульманок на поприще учебной, литературной, благотворительной, торговой и даже ученой деятельности.

Правда, не длинен пока перечень мусульманских деятельниц на ниве народной, но при том угнетенном положении, в которой волей судеб и вопреки шариату оказалась мусульманка, тем более достойны быть отмеченными выступившие на арену общественной деятельности мусульманские женщины, как пионеры, пробившие брешь в окружающей их толстой стене невежества и порабощения. По справедливому замечанию Исмаил бека Гаспринского[154], автора указанной статьи, «скромно и бесшумно мусульманка выступает на арену общественной деятельности, не разрывая с настоящим, она отмечает будущее».

В этом и заключается, без сомнения, верный залог правильного развития мусульманской жизни и, в частности, мусульманки, на которой, несмотря на всю ее загнанность, держится мусульманская семья. Являясь оплотом последней, мусульманка фактом выступления в роли общественного деятеля кладет прочный камень в дело культивирования семьи, а следовательно всей мусульманской жизни. В этом отношении отмечаемое явление крайне отрадно и чревато своими добрыми последствиями.

Перечисление имен достойных мусульманок Ис.-б. Гаспринский начинает с извинений, что при всем желании щадить скромность мусульманки приходится в назидание народу назвать имена почетных ханымов. Засим идет перечисление имен, которое ввиду новизны и особого интереса приводим целиком.

«Ее Превосходительство Умму-Гюльсюм ханым Шейх-Алиева в Петербурге, семья И.М. Муфтийзаде в Симферополе, устраивая благоворительно-литературные вечера, служит делу благотворения.

Торговый дом Биби Газизе Габдульжабаровой в Семипалатинске, Торговый дом К. Кулиевой в Омске, ведущий обширную торговлю японскими и китайскими товарами, и другие фирмы указывают нам, что скромная, едва видимая мусульманка не лишена ни права, ни инициативы. В торговой деятельности шариат не лишает мусульманку нужных прав, как и в области учебной и научной. Древняя история мусульман представляет немало примеров осуществления и применения этих правил. В фабричном предпринимательстве гг. Акчуриных и Дебердиевых (Симбирская, Саратовская губ.) участвуют как пайщики многие ханымы. Не менее интересно и еще более отрадно, что эти ханымы широко помогают делу обучения девочек. Так, например, в д. Зуя Мергуб ханым и Маргуп ханым Акчурины содержат на свой счет мектеб для девочек; в с. Гурьевка Магруй ханым содержит два мектеба, в коих обучаются по звуковому методу до 100 детей. Наиболее бедные девочки получают от жертвовательниц также обувь, одежду и часть пропитания. В этих мектебах в 2–3 года девочки выучиваются хорошо писать, читать по-татарски, Корану и религии. В д. Пенделке Фатьма ханым Дебердеева (урожденная Акчурина) содержит на свои средства два мектеба; в д. Иркязим Мерьем ханым Дебердеева (урожденная Акчурина) содержит один мектеб. В этих трех мектебах обучается до 120 девочек, причем в мектебе Марьем ханым она сама обучает учениц рукоделию.

В Уфе Мерьем ханым Султанова (урожденная Акчурина) содержит на свой счет приют для сирот. Воспитывая не менее 20 детей, она устраивает также их дальнейшую судьбу, избавляя от падения и гибели. К добрым именам этих ханымов надо прибавить имена покойной Зегра ханым Гаспринской (тоже урожденной Акчуриной), поработавшей много лет для развития печати и распространения звукового метода, Пембе ханым Болатуковой (урожденная Гаспринская), которая лично обучает в Бахчисарае до 40 девочек по звуковому методу.

В Баку в женской Александринской школе, учрежденной г. Тагиевым, работает шесть мусульманок. Директриса Ханифе ханым Меликова, ее помощница Мерьем ханым Сулькевич и учительница – Шефика ханым Шейхзаде, Сара ханым Ахундова, Хадидже ханым Абдрахманова и Рахиле ханым Терегулова усердно работают в первой мусульманской школе-пансионе под благотворительным попечительством Сона ханым Тагиевой, урожденной Араблинской. Дочь заслуженного

генерала, супруга неистощимого благодетеля г-на Тагиева, Сона ханым, женщина с развитием, скромно, невидимо витает добрым гением в области учебно-воспитательного дела кавказских мусульманок.

Очерк наш был бы не полным, если бы мы пропустили почетные имена кн. Девлеткельдеевой (урожденной Ахмеровой) как пионера русской школы в Казани, Амины ханым Файзухановой, деятельницы в голодный год в Уфимской губ. Амина ханым Файзуханова, прикрытая чадрой не из морозовского полотна, а сотканной из наилучших идей Ислама и гуманности, в тягчайший год народного бедствия, добровольно работала среди голодного, больного, изъязвленного цингой, зараженного тифом народа многие месяцы. Кормить, лечить, учить и утешить – все слилось в деятельности этой прекрасной мусульманки.

Не можем не упомянуть еще супруги шейха Баруди из г. Казани и г-жи Бектемировой из Касимовского уезда как работниц женских мектебов и дела обучения. Г-жа Бектемирова, кроме того, и писательница.

Еще недавно мы сообщали, что в Тифлисе трое интеллигентных мусульманок задумали открыть школу современного типа для девочек. Имена этих ханымов пока остаются нам неизвестными.

Вслед за г-жой Кутлуяровой-Сулеймановой, первой мусульманкой-врачом, бесшумно направились к высшему и медицинскому образованию и другие. Сейчас на высших и медицинских курсах в Санкт-Петербурге мы имеем Зейнеб ханым Абдрахманову, Ширинскую (из Крыма), Фатьму ханым Еникееву, К. Асфендиярову (из Ташкента), Рахие ханым Губаеву, М.Ш. Ряджабову (из Волжского края), Айше ханым Чимбаевич, Марьям ханым Олиевич (из Западного края) и других в числе 14 мусульманок на высших медицинских курсах!

Это особенно отрадно, если принять во внимание нужду мусульманской женщины в медицинской помощи. Жаль только, что в этом отношении закавказская мусульманка далеко отстала от своей сестры мусульманки внутренних губерний и пока не дала ни одной слушательницы медицинских курсов. Будем надеяться, что это только вопрос времени и в нашем Закавказье из оканчивающих курсы в женских гимназиях, институтах и заведениях Св. Нины найдутся будущие женщины-врачи, которые совместно с деятельницами на других поприщах окажут делу развития мусульманской жизни во всех ее проявлениях неоценимые услуги.

Т[опчибашев]

Каспий. 1903. 28 ноября.

По поводу первого случая холеры в Баку

29 июля 1904 г.

Крайне непривычное и даже удручающее впечатление получилось у нас от случая заболевания, имевшего, как известно, место с крестьянином Вятской губ. Степаном Решетниковым. И такое впечатление получилось не потому, что мы, бакинцы, стали лицом к лицу с страшной азиатской гостьей, которая, появившись в соседней с нами злосчастной Персии, не могла и не может быть неожиданностью для Баку. Но мы удручены тем отношением, какое наши врачи проявили к делу исследования этого случая и, в особенности, к заключениям, ими данными, ожидавшимся нами с понятным волнением.

Читатели нашей газеты знают, что крестьянин Степан Решетников, проживающий два года в Баку, занимался извозным промыслом, жил, как удостоверено осмотром, при более или менее благоприятных санитарных условиях. На прошлой неделе, во вторник 20 июля, он не ходил на работу; в этот день он съел арбуз и две селедки, к вечеру его стало рвать и сильно слабить, и он в 10 час. вечера того же дня поступил на излечение в Михайловскую больницу. Здесь, конечно, ему оказали необходимую помощь и, предположив в нем по внешним признакам подозрительного по холере, нашли необходимым исследовать испражнения его.

Результаты исследований уже были известны больничным врачам 22 июля, и до этого, кроме них, никто из бакинцев не знал, что в больнице находится подозрительный по холере больной. Как раз 22 июля Михайловскую больницу посетили главный медицинский инспектор тайный советник Анреп[155] с прикомандированными к нему представителями от Министерства финансов д-ром Румом и путей сообщения д-ром Бухариным, а также управляющий медицинскою частью на Кавказе д-р Феноменов, губернский врач Семенов и др. Целью посещения тайного советника Анрепа и др. был осмотр Михайловской больницы, найденной, кстати сказать,

не совсем в порядке: достаточно указать на подушки от дифтеритно больного, оказавшиеся при осмотре больницы в жаркой комнате, вероятно, для ... разводки дифтеритных бацилл...

Осматривавшее Михайловскую больницу медицинское начальство осмотрело также и микроскопические препараты, сделанные из однопроцентной разводки испражнений, полученных от больного Степана Решетникова, причем обнаружены запятовидные бациллы.

Принимая во внимание клиническую картину болезни, вид испражнений и эти запятовидные палочки, исправляющий должность директора Михайловской больницы д-р Тер-Оганян в тот же день срочно донес городской управе, что «комиссия из вышеназванных лиц *признала больного за холерного*».

Это такое положительное утверждение с ссылкой на комиссию из указанных лиц, что не оставляло никакого сомнения, что в Баку появился первый случай холеры. Так, поняли все, кому приходилось читать сообщения д-ра Тер-Оганяна, так поняли его и представители местной печати, поспевшие в номерах от 23 июля оповестить бакинцев о появлении непрошенной гостьи. Правда, несколько смущал конец сообщения д-ра Тер-Оганяна, где говорилось, что *«дальнейшее исследование испражнений больного прозектором производится»*. Невольно приходилось задумываться над тем, для чего это «дальнейшее исследование», когда «по клинической картине болезни, ввиду испражнений и обнаруженных запятовидных палочек» комиссия из столь видных врачей признала больного за холерного». Но так как большая публика чужда, как и полагается, тайне медицины, а «дальнейшее исследование» могло преследовать одну из этих тайн, то пришлось мириться с таким противоречием, или, скорее, излишней частью сообщения исполняющего должность директора больницы, и признать, что в Баку уже холера.

В этом направлении стал работать телеграф, когда депеша местного агента оповестила всю Россию о появлении у нас холеры.

Через два дня в заседании городской санитарно-исполнительной комиссии 24 июля нам пришлось лично послушать объяснение д-ра Тер-Оганяна по поводу болезни Степана Решетникова. Признается, что объяснение поколебало в нас веру в непреложность заключения, данного «комиссией из вышеуказанных врачей». Оказалось, что ни главный медицинский инспектор тайный советник Анреп, ни кто-либо другой из осматривавших микроскопические

препараты *не признавал больного Решетникова за холерного*, и только на вопросы тайного советника Анрепа прозектор д-р Леплинский заявил, что *это, скорее, холерный случай*, с чем согласился г. Анреп и др. А на вопрос, заданный д-ру Тер-Оганяну в заседании городской санитарно-исполнительной комиссии почему вы, г. доктор, в вашем сообщении на имя городской управы положительно заявляете, что комиссия, признала больного за холерного, - д-р Тер-Оганян ответил, что сообщение действительно неудачно (sic!) редактировано, но что положительно нельзя утверждать, что у Решетникова настоящая азиатская холера и окончательное заключение об этом, по словам прозектора больницы, может быть высказано завтра, 25 июля. «Действительно, не следовало этого случая пока оглашать» – заключил свои слова д-р Тер-Оганян.

Итак, 24 июля создалось такое странное, чтобы не сказать более, положение: «Комиссия из вышеуказанных врачей признала больного за холерного, но холера ли у Решетникова – это еще нельзя было сказать».

Надо ли говорить, что целый ряд вопросов, один мучительнее другого, напрашивался на разрешение: действительно ли было надлежащее исследование, нет ли промахов, ошибок; не высказано ли такое заключение под влиянием каких-либо других соображений – поспешности, присутствия начальства и т.п.; кто должен и может производить подобного рода исследования – всякий врач или бактериолог; есть ли в больнице нашей бактериолог, исследованиям которого можно было бы довериться и т.д. и т.п.

На том же заседании городской санитарно-исполнительной комиссии, когда выбрали членов в совещание для дачи окончательного заключения, оказалось, что у нас в Баку вовсе нет врача-бактериолога и потому пришлось пригласить даже ветеринара, занимающегося лишь на досуге бактериологией...

Как Михайловская больница, поглощающая до 150000 руб. ежегодно городских денег, не имеет бактериолога! Не преступно ли это? Кто должен был об этом заботиться, как не директор больницы и не вся корпорация больничных врачей? Разве общественное управление постояло бы перед уплатой хотя бы большого жалования врачу-бактериологу? Почему в таком случае не были употреблены все усилия, чтобы удержать на месте бывшего прозектора д-ра Соколова, опытного бактериолога, пользовавшегося общим уважением!.. Впрочем, кто это сделал бы? Ведь Михайлов-

ская больница – сирота, предоставленная самой себе, у нее нет руководителя и некому о ней, бедной, заботиться...

Нечего делать, и 25 июля пришлось ограничиться своими средствами. На совещании врачей был рассмотрен результат микроскопического и бактериологического исследования больного подозрительного (уже подозрительного!) по холере Решетникова, причем найдено следующее: 1) при бактериологическом исследовании испражнений, имевших вид рисового отвара, но с зловонным запахом, в мазках, окрашенных фуксином, обнаружены запятовидные палочки, в небольшом количестве, похожие на холерные вибрионы, при массе постянных палочек; 2) из выращенной в 1% растворе пептона культуры спустя 20 часов приготовлен препарат, окрашенный фуксином, представлявший почти чистую культуру запятовидных палочек, весьма похожую на холерные вибрионы; в висячей капле, взятой из той же культуры, обнаружены в высшей степени подвижные палочки, тоже весьма похожие на холерные вибрионы; 3) сделаны посевы из пептонной разводки на желатине (12 ½ %) в чашках «Петри», но ввиду температуры 30^0 С в комнате желатин разжижился по вынимании из ледника, выделить чистую культуру таким образом не удалось; в ледниках же температура была около 20° С; 4) нитрозо-индоловая реакция из пептонной культуры получается весьма ясно и 5) по грамму окраски не получается.

На основании всего этого комиссия пришла к заключению, «что данный случай должен быть признан в высшей степени подозрительным по холере».

Итак, попавший в «историю» крестьянин Степан Решетников последовательно был признан: 1) 22 июля – больным холерой, 2) 24 – скорее больным по холере (д-р Тер-Оганян) и легкий случай азиатской холеры (д-р Раак), 3) 25 – подозрительный по холере и 4) в высшей степени подозрительным по холере.

Вчера же, 28 июля, Ст. Решетников, к большому его удовольствию, как окончательно выздоровевший, выписался из больницы и, как говорят, настаивал на этом, хотя его хотели, вероятно, для дальнейшего исследования продержать в больнице десять дней.

Последнее решение наших врачей сводится к тому, что данный случай должен быть признан в высшей степени подозрительным по холере. Примем это решение, как уничтожающее все предыдущие, и признаем, что в Баку был в высшей степени подозрительный по

холере случай, но разве можно на этом успокоиться и не заняться вопросом о том, откуда и как этот случай мог появиться; единичный ли это случай или бывали другие, не зарегистрированные и прошедшие незаметно для исследователей и т.д. Ведь не праздные все эти вопросы: холера в Персии, а у нас появился случай, не занесенный извне, а имевший место с человеком, живущим в Баку два года.

Все эти вопросы требуют разрешения, но, конечно, более обоснованного, положительного и последовательного, чем разрешение первого в Баку случая заболевания.

Т[опчибашев]

Каспий. 1904. 29 июля.

Санитарные заметки

8, 11, 12, 19, 22, 23 сентября 1904 г.

I

Участковые попечители

Тревожные вести о надвигающейся грозе подняли на ноги всех и, естественно, привели в движение все части правительственной и общественно-частной жизни.

Правительственные и общественные органы, призванные оберегать благосостояние и здоровье населения, стараются сделать последнее наименее доступным губительному действию злой азиатской гостьи. Отодвинуты на второй план все важнейшие вопросы нашей внутренней жизни, так как все внимание, все силы обращены на постановку рациональной борьбы с приближающейся к нам эпидемией. Единичные же случаи заболевания в эти последние дни, усиливая внимание и заботливость в деле принятия санитарных мер, заставляют еще интенсивнее относится к этой борьбе, еще больше напрягать силы.

Какова длительность работы всех мобилизованных частей правительственных и общественных врачебно-санитарных органов – покажут результаты; эти ограны действуют под строгим наблюдением и надзором, что должно обеспечить правильность и продуктивность их работ.

Во всяком случае не этих органов, снабженных известными инструкциями и правилами, мы теперь касаемся, мы хотим говорить о том важном элементе, для которого не писано никакой инструкции, но который в дни народных бедствий должен выступать самым активным деятелем.

Тот элемент – само общество в лице более понимающей и развитой, а потому интеллигентной части. Как бы образцово не была поставлена деятельность официальных врачебно-санитарных учреждений, какими бы благоприятными условиями ни окружить работы

врачей и санитаров, без активного участия самого общества в объявленной борьбе с холерой не получится ожидаемых результатов.

Правда, во всяком деле, касающемся народных масс, участие общественного элемента, как необходимого фактора, приносит начало жизненности, гарантирующее успех самого дела, но в дни народных бедствий участие общественного элемента является условием, без которого немыслима и сама борьба против бедствия.

Достаточно предположить себе такое население, которое безучастно относится к принимаемым мерам, чтобы сказать, что деятельность даже прекрасно обставленных врачебно-санитарных учреждений в среде такого населения будет прямо бесплодной и в лучшем случае даст некоторое улучшение санитарных условий лишь с наружной стороны.

Словом, результативность деятельности врачей и санитаров в борьбе со всякой эпидемией находится в теснейшей связи с тем, как относится население ко всем принимаемым мерам по врачеванию и санитарии. Это же отношение, в свою очередь, стоит в зависимости от степени культурности населения, вселяющей в темные массы привычку к чистоте, соблюдению в домашней жизни требований гигиены, доверие к врачебным силам и медицинским средствам.

Беда, если население не приобщилось к культуре, если в обыкновенное, «мирное» время не сделано ничего, «чтобы повлиять на умственно-нравственный и экономический подъем такого населения, которое, не видя ниоткуда просвета, осталось одинаково чуждым культурному развитию со всеми бытовыми и религиозно-обрядовыми предрассудками.

Беда потому , что на такое население трудно рассчитывать в минуты опасности, да и нельзя от него требовать исполнения и соблюдения мер, о которых оно слышит впервые, которые ему не понятны и чужды всему складу его физического и духовного мировоззрения!.. Надо было до этого научить такое население тому, чему было нужно!.. После приходится поневоле платить дань, и притом довольно крупную, и приносить жертвы, довольно многочисленные, тому беспощадному божеству мрака, которое именуется невежеством...

Но как воину во время сражения некогда думать о недостатках вооружения, так и в дни опасности не время заниматься отмариванием старых грехов; опасность нагрянула и надо всеми имеющимися в распоряжении средствами и силами предотвратить ее.

Вот тут-то и выступает все важное значение передовой части общества, на обязанности которого и лежит ответственная, но благородная роль помочь населению в борьбе с эпидемией. Без этой помощи, как мы уже говорили, никакая организация по борьбе с эпидемией не может считаться полной, а главное – не достигнет цели. Горький опыт 1892 г. воочию в этом убедил всех тех, которые были прикосновенны к врачебно санитарной организации, организованной тогда в гор. Баку: в этой организации были врачи, были санитары, но не было участия общественного элемента в лице более развитых местных жителей, которые взяли бы на себя почетную роль в борьбе с холерой. Зато такой элемент в лице сотни санитарных попечителей под наблюдением одного главного попечителя принес громадную пользу в борьбе с чумой в Одессе в 1902 г. Сведения о плодотворной деятельности таких попечителей сообщил в заседании губернской комиссии граф П.П. Шувалов[156] (см. «Каспий» № 201).

В Баку вопрос об институте санитарных попечителей был возбужден нами в одном из июльских заседаний городской санитарно-исполнительной комиссии. Практически этот вопрос и до сих пор разрешен не полностью: на призыв, обращенный к обществу, откликнулось небольшое число лиц, изъявивших желание нести на общественный алтарь свой даровой труд по оздоровлению города. И сейчас вместо сотни санитарных попечителей, у нас их десятка три, что, конечно, недостаточно, если принять во внимание размеры участков и, особенно, усиление деятельности всех врачебно-санитарных органов. До последнего времени все как то свыклись с мыслью, что наш город, по крайней мере, в этом году минует «сия чаша горькая»... но участившиеся случаи заболевания и смерти заставляют думать обратное, требуя теперь же напряжения всех сил.

Вот почему мы вновь обращаемся к более развитой части нашего общества и призываем ее, во имя исполнения гражданского долга, прийти на помощь в начатой борьбе против эпидемии. В этом обращении мы особенно имеем в виду развитых и состоятельных представителей местного мусульманского населения.

Законы божеские и человеческие обязывают их внести свою долю помощи в общую работу, которая теперь совершается в городе, для спасения населения от эпидемии.

Этим мусульманским представителям не надо забывать, что в наиболее худших условиях, волею судеб, живут их несчастные не-

вежественные единоверцы, составляющие главный контингент коренного населения г. Баку.

Своим личным примером, советами об обязательном принятии и соблюдении предписываемых санитарно-врачебных мер, наблюдением за исполнением этих мерпредставители из развитого класса мусульман принесут огромную пользу себе, своим беспомощным единоверцам и всему населению города.

Они, эти представители из мусульман, в роли санитарных попечителей, как люди, знающие хорошо местное население и пользующиеся по своему общественному положению уважением и почетом, и могут явиться необходимыми посредниками между санитарным надзором и населением в деле толкования и исполнения предписываемых мероприятий по предупреждению холеры.

Стыдно сказать, что до сих пор всего 5 человек из мусульман санитарных попечителей! Но мы объясняем это отсутствием в городе, в виду летнего времени, многих из представителей, из коих все же еще нет большинства. Тем не менее мы уверены, что и представители из мусульман наряду со всеми другими дадут свой труд и время на общее дело.

Посмотрите, с какой энергией работают 30–40 интеллигентных лиц, познавших необходимость посильной помощи жителям того города, в котором они живут. Это же сознание должно быть еще большее у тех, для кого Баку родной город, интересы которого в такое тревожное время должны быть дороги каждому коренному бакинцу. А что бакинские мусульмане также умеют откликаться на общее горе, тому доказательством служит еще свежая на памяти самоотверженная, энергичная и чисто братская помощь, оказанная им своим собратьям в дни шемахинской катастрофы![157]

Сегодня, в 12 час. дня, в зале городской управы назначено экстренное заседание городской санитарно-исполнительной комиссии. На этом заседании будут командированный по высочайшему повелению для оказания содействия местным властям по осуществлению и объединению мероприятий по борьбе с холерной эпидемией в Закавказье и прибрежье Каспийского моря генерал-майор граф П.П. Шувалов, бакинский губернатор кн. М.А. Накашидзе[158], проф. Гамалея[159] и другие.

Мы уверены, что все интересующиеся санитарными делами города примут участие в этом заседании и имеющие возможность, ввиду общей опасности, пожелают прийти на помощь на-

селению, записавшись в большом числе в санитарные участковые попечители.

II

Участковые попечительства

Все еще продолжается организационная часть работ городской санитарии.

Началась она сравнительно давно – с июня месяца и до сих пор еще не установилась, не организовалась. А между тем враг уже насел и уносит жертвы... Казалось бы, пора теперь действовать, и притом усиленным темпом!..

Такова уже наша, скажем, восточная беспечность, благодаря которой все приходится начинать всякий раз ad ovo*. Ведь всего лишь 12 лет назад эта же эпидемия показала Баку свою силу. Мало того, в 1897 г. все были напуганы призраком чумы. Что же сделано было, чтобы обезопасить город?

Оказывается ничего: существовал санитарный надзор, названный одним врачем-гласным антисанитарным; были санитарные врачи, которые только теперь открывают в своих участках «ужасное антисанитарное состояние домов» и пр.; был составлен проект инструкции участковым санитарным попечителям, и этот проект с 1897 г. преспокойно пролежал в «деле» Бакинской городской управы за № 00000. И все в этом роде. А между тем, существуй в городе хоть некоторая тень института попечителей, теперь не приходилось бы тратить на разговоры так много дорогого времени.

Не приходилось бы, так как все же на виду были бы определенный и несколько опытный контингент горожан, знакомых с обязанностями попечителей.

Здесь проявилась та же беспечность: в минуту опасности общественное управление хотело что-то сделать и составило даже проект; опасность миновала, и хорошее желание оказалось лишь платоническим с преданием забвению проекта...

И теперь приходится начинать с азбуки. Простые по существу вопросы обсуждаются в заседаниях городской санитарно-исполнительной комиссии по целым часам. И нельзя винить в этом участников заседания, так как дело новое и для усвоения надо время.

* Ad ovo usque ad mala – от яйца до яблок (лат.), т.е. от начала до конца.

Ново, прежде всего, само участие общественного элемента в обсуждении и исполнении принимаемых мероприятий: с одной стороны, управской коллегии кажется, что происходит какое-то посягательство на ее исконные права, которые она ревниво и оберегает; с другой стороны, записавшиеся в санитарные попечители еще не свыклись с своей ролью, благодаря чему они или бессознательно переходят границы «дозволенного» управой, или же из робости совсем еще далеки от этих границ.

И не мудрено: у нас нет школы, которая вырабатывала бы серьезных и корректных общественных деятелей; мало того, в обыкновенное, «мирное» время последние как будто вовсе не нуждаются, так как все предусмотрено правилами и инструкциями... А когда наступает тревожное время, в дни общей опасности, просим помочь и плачемся, что нет людей... Люди есть, но они могут и должны явиться именно такими, какими мы их видим... И это плоды отношения к ним в обыкновенное мирное время.

Несмотря на это, все же нашлось десятка четыре горожан, предложивших свои силы для общего дела. Уверены, что их будет и сотни, что крайне необходимо для вновь организуемых участковых попечительств.

Этой организации мы придаем важное значение, полагая, что без нее деятельность санитарных попечителей, при настоящих условиях, будет малоуспешной.

Сейчас каждый из санитарных попечителей действует отдельно, так сказать, на свой страх и риск. При малейшем затруднительном случае он должен обращаться в медико-санитарное бюро за разъяснением; каждый, естественно, руководится данными субъективного характера и не имеет возможности проверить эти данные тут же. Все подобные случаи теперь разрешатся самим попечительством, в состав которого входят все санитарные попечители данного района, а также участковый врач, агент полиции и лицо духовного звания.

Помимо этого, организация попечительства окажет, по нашему мнению, пользу и в деле увеличения количества санитарных попечителей: очень много людей, которые не решатся действовать отдельно или давать объяснения в таком сравнительно многолюдном собрании, как городская санитарно-исполнительная комиссия, но охотно согласятся действовать совместно и говорить в заседаниях попечительства, в кругу лиц, хорошо им известных. Для таких скромных лиц попечительства предоставляют подходящее поле деятельности.

Вопрос о приглашении и подыскании членов попечительства, по условиям данной минуты, должен быть разрешен как можно скорее, дабы тем дать возможность попечительствам начать свои функции. Практически вопрос этот сводится к составлению в управе при помощи наличного санитарного попечителя известного района списка всех могущих нести обязанности санитарных попечителей. Так как число членов попечительства не ограничено, то чем больше отзовутся, тем лучше.

Участниками в трудах и заботах о здоровье населения в дни общей опасности необходимо сделать всех граждан, которых общественное положение обязывает прийти на помощь в предпринятой борьбе. И пусть никто не смущается ни новизною дела, ни затруднительными условиями предстоящей работы, в которой всякий искренний совет, каждое теплое слово и указание, сделанное более невежественному согражданину, может принести свою пользу.

Менее всего надо смущаться опасностью самому заразиться прежде всего потому, что эпидемия, как враг всякой антисанитарии, находит свободный доступ туда, где грязно в обширном смысле этого слова; затем, надо верить самому и внушать окружающим веру в целесообразность принимаемых мероприятий, обезопасывающих в достаточной мере всех, приходящих в то или иное соприкосновение с заболевшими, их жилищами и пр. Без такой веры санитарный попечитель, находясь вечно под страхом, конечно, не достигнет никаких результатов.

Вообще, теперь в число обязанностей интеллигентных людей, участвуют ли они в санитарной организации или нет – это все равно, входит поддержание бодрости духа, представляющее достаточную нравственную силу, чтобы дать себе, окружающим и нуждающимся в этом то успокоение, в котором так нуждается население в дни общей опасности.

III

Общественная благотворительность

Посетившая наш город эпидемия холеры – общее бедствие, против которого должно выступить все общество в лице более развитой и состоятельной части населения.

Без помощи со стороны общества никакие врачебно-санитарные отряды, как бы они образцово ни были организованы, не принесут пользы. Иными словами, если мы сами, сознав всю опасность, не выступим на борьбу против распространения эпидемии и будем только надеяться, что нас спасут действующие со стороны правительства и города врачебно-санитарные органы, то мы жестоко ошибаемся и тем самым, подвергаем себя, окружающих и все население беспощадному жалу холеры, давая ей возможность распространяться все более и более, уносить все новые жертвы.

Это будет не только роковой ошибкой, но проявлением преступного равнодушия к своей и общей беде, свидетельствующим об отсутствии полного сознания солидарности интересов в минуты общей опасности.

Теперь, более чем когда-либо, необходимо действовать viribus unitis*, памятуя, что только в таком единении сил наше спасение и что, дав друг другу руки, мы будем в состоянии вести с опасным и незнающим пощады врагом разумную борьбу.

При такой дружной борьбе успех тем более обеспечен, что мы знаем наиболее слабую сторону нашего общего врага.

Мы знаем, что холерные бациллы, появляются там, где царит грязь, и что поэтому жертвами ее делаются несчастные обитатели этого темного царства грязи.

Кто эти обитатели, волей судеб влачащие жалкую жизнь и обреченные на прозябание, мы также хорошо знаем: это люди голода, холода, грязи, невежества...

Вывод напрашивается сам собой: чтобы успешно бороться против холеры, нам надо проникать в очаги грязи и помочь живущим в таких очагах.

В такой помощи и выразится наша общественная благотворительность в общирном смысле слова.

Как и чем помочь?

Никакого устава или инструкции на это не существует, да и не нужно: как во всяком хорошем, добром деле, и в настоящем случае оказания помощи необходимо искать ответа в своем сердце. И каждый, желающий искренно творить добро, найдет в своем сердце прекрасный устав или инструкцию, как действовать.

* Соединенными силами (лат.).

Надо только помнить, что как утопающего некогда учить плаванью, а надо спасать, так и живущего в грязи человека теперь некогда учить правилам чистоплотной жизни, а надо помочь ему реально и поставить по возможности в такие условия, при которых он стал бы менее доступен губительному действию холеры.

Конечно, каждый может благотворить по мере сил и средств.

Записавшиеся в санитарные попечители благотворят, давая свой труд и время для осмотра жилищ, дворов, принятия мер о заболевших и т.д. Не имеющий возможности и времени нести обязанности санитарного попечителя может поддержать материально одного или нескольких известных ему бедняков, помогая им и их семействам в деле улучшения их питания, содержания в чистоте тела, частой перемены белья и платья и т.п.

Оказывать материальную поддержку бедняку и тем дать ему возможность не изнурять себя физическим трудом, лучше питаться, пить вместо сырой воды чай, чаще мыться в бане, переменять белье и платье, чистить жилища – все это благотворительные дела и вместе с тем та же и, быть может, более радикальная борьба с холерой.

Помощь в этом роде можно оказывать лично, самому обходя бедняков или же, при невозможности, для этой цели делать денежные пожертвования, на кои можно открывать и содержать с благотворительной целью какое-нибудь учреждение, предназначенное для борьбы с холерой. Что может быть полезнее, если один или несколько состоятельных людей или фирм откроют дешевую столовую, бесплатную чайную для бедного люда или приобретут для раздачи сотни билетов для входа в баню, снабдят бедные семьи парой перемены белья недельными или даже месячными порциями чаю, сахару и т.п. В городе, где так много богатых людей, не должно быть недостатка в денежных пожертвованиях. Ожидать и требовать этой помощи только от города немыслимо даже в том случае, если бы наша городская касса была в лучшем, чем теперь, состоянии; достаточно, что вся санитарная организация обойдется городу в несколько сот тысяч рублей только в 1904 г. Вот почему необходима общественная благотворительность, проявления которой, благодаря характеру эпидемии, составляют ту же борьбу с холерой. Благотворительная помощь бедной семье на дому или устройство бесплатной чайной лучше всяких санитарных мер спасут население от заболевания холерой.

Пора поэтому открыть прием пожертвований, образовать для сбора пожертвований и их распределения организации. Пора имеющим возможность организовать кружки для оказания населению благотворительной помощи. Пора самостоятельным людям вспомнить о низшей братии, живущей в грязи. Пора всем нашим благотворительным учреждениям проявлять более активную роль в предпринятой борьбе с холерой.

В этой помощи населению мы особенно взываем к бакинским интеллигентным женщинам. Доброта и отзывчивость, лучшие достоинства женского сердца, в настоящее время принесут особенную пользу: в ласковом материнском обращении с нуждающимися в помощи, женщины явятся теми ангелами-утешителями, в которых темная часть населения нашего города, напуганная грозным призраком зловещей азиатской гостьи, так сильно нуждается.

Не забудем, что ни одна эпидемия холеры не обходилась без общественной благотворительности. Если в холеру 1892 г. бакинские благотворители мало проявили деятельности, зато в Тифлисе и других местах общество охотно жертвовало на борьбу с холерой. В 1902 г. во время чумы в Одессе было собрано 40 тыс. руб., оказавших, по свидетельству графа П. П. Шувалова, существенную пользу неимущему люду. Не забудем также и того, что не вина неимущего люда в том, что он вынужден жить в неприглядных условиях, делающих его готовым и первым объектом всех обрушивающихся на человечество народных бедствий...

Итак, viribus unitis на борьбу с холерой для спасения жизни сотен тысяч наших сограждан, фатально ожидающих своей горькой участи.

IV
Врачи

Город Баку уже объявлен неблагополучным по холере, а у нас все еще нет необходимого количества участковых врачей.

Сказать, что мы не ожидали эпидемии, будет неверно, так как с июня месяца наше общественное управление готовилось встретить холеру с отпором. Но, как оказывается, готовилось довольно, таки тяжеловесно, в чем, вероятно, не мало виноваты успокоительные слова о том, что эпидемия холеры минует нас в этом году, но разразится весной будущего, 1905 г. Жизнь, или правильнее, неблагоприятные условия ее, запротестовали против такого мнения даже

авторитетного человека, и лишний раз убедили в непреложности выработанного жизнью положения: «Человек предполагает, а Бог располагает»...

Холера уносит свои жертвы, а у нас только теперь город разделен на 30 участков, из них во многих еще нет врача и очень мало санитарных попечителей.

Наступил такой момент, когда от всех прикосновенных к санитарной организации лиц требуется особенно интенсивная работа, напряжение всех сил. Взоры всех невольно обращаются к врачам, от которых всякому хочется услышать об эпидемии, а больные ждут исцеления...

Когда же, если ни в такие моменты, врачи должны выступать в роли борцов постигшего город народного бедствия?

Для интеллигентных людей, вооруженных познаниями в медицине, теперь именно представляется случай проявить общественную деятельность, выставив во всей красе сердечное отношение и искреннее желание помочь ближнему. Это такие качества, без которых немыслима деятельность врача, в которой человек и душа его должны занимать главное место. Без этих качеств, без души, нет врача в истинном смысле этого слова, как не будет плодотворной без этого могучего нравственного рычага и всякая другая общественная деятельность.

Вера в эти качества врача может служить достаточной гарантией даже в дни общественного бедствия: искренно преданный своему делу врач с сердцем – первый враг всякой эпидемии. Доказательства излишни, и мы утешались мыслью, что холера найдет в Баку не один десяток злейших врагов своих.

Мы верили, что стоит у нас появится эпидемии, как большой отряд прежде всего городских врачей ринется на борьбу с эпидемией и не даст злу распространяться среди населения, о здравии которого они призваны заботиться.

Мы ожидали, что, в случае надобности, десятки практикующих в городе врачей откликнутся на призыв и энергично присоединятся к своим коллегам, городским врачам, чтобы помочь в беде тем, кого они пользуют десятки же лет.

Мы думали, что заправилам города будет не легко делать выбор из многочисленного кадра врачей, которые с похвальным соревнованием предложат свои услуги для борьбы с холерой.

Мы были уверены, что...

Вместо всего этого, мы услышали бесконечные споры о делении врачей на санитарных и лечащих, как будто в такой момент можно говорить, что врач – не врач, что он, как «санитарный», не должен лечить...

Мы видели, как городские врачи вели речи о несовместительности тех или других обязанностей, забывая, что в такой момент каждый врач должен, помимо обыкновенных обязанностей, быть в рядах борцов против холеры и работать с удвоенной силой.

Мы читали, как живущие в городе врачи спешили заявлять, что они состоят на службе в таком то ведомстве и потому не могут принять любезного приглашения города быть участковыми эпидемическими врачами. Нашлись и вовсе отказавшиеся, а некоторые предложили свои усуги городу безвозмездно в часы.... свободные от практики, забыв, что подобные же услуги может оказывать гор. Баку всякий иногородний врач, сидя где-нибудь в Ордубаде или Батуме: ведь такое предложение ни к чему не обязывает!..

В часы свободные от практики!..

От той практики, которая создана населением же, нуждающимся теперь в особой помощи врача...

Наконец, мы видели, как коллегия врачей отнеслась к выборам на должность главного попечителя всей санитарной организации...

Сколько разочарований! А мы еще хотели предложить, чтобы общественное управление в интересах населения поручило обязанности участковых эпидемических врачей старым бакинским врачам, знакомым с населением, с условиями их быта, языком, нравами. Таких немало на городской службе среди врачей Михайловской больницы, заведывающих городскими лечебницами, санитарных врачей и др.; много их среди вольнопрактикующих врачей. Врачей же, мало или вообще не знакомых с городом, можно было бы разместить по врачебным учреждениям города. В этом отнюдь не надо видеть какого-нибудь недоверия к молодым силам, но одно только желание в настоящий момент дать населению, особенно туземной части, врачей, которые его поймут скорее и тем действительнее придут на помощь.

Но, очевидно, при таком положении дел предложение это не пройдет, и нам остается только пожелать получить необходимое число врачей, откуда бы то ни было; теперь поздно вырабатывать правила, а надо иметь врачебные силы, которых у нас мало.

Теперь нам нужны деятели, исполнители везде и всюду: в городской санитарно-исполнительной комиссии, в городском медико-санитарном бюро, в участках.

Первое условие оказать населению действительную помощь – это поменьше говорить, еще меньше постановлять и решать, а побольше делать, исполнять – момент такой!

И только при этом условии можно надеяться на плодотворные результаты в виде ослабления эпидемии.

V
Главный руководитель

Печально разрешился у нас вопрос о главном руководителе всей санитарной организации.

Вопрос этот, как известно, возник у нас по инициативе графа П.П. Шувалова. Знакомя нас с той организацией, какая существовала в Одессе во время чумы 1902 г. гр. П.П. Шувалов указал, что начатая, им в качестве одесского градоначальника борьба с чумой оказалась успешной, между прочим, благодаря тому, что деятельность многочисленного кадра врачей, санитарных попечителей, дезинфекторов и др. была объединена в лице главного санитарного попечителя. Стоя во главе всех врачебно-санитарных учреждений гор. Одессы, главный попечитель руководил всей организацией по борьбе с чумой, направлял, согласно выработанным правилам, деятельность врачей и дезинфекторов, сносился через председателей участковых попечительств со всеми санитарными попечителями, приводил в исполнение все постановления санитарно-исполнительной комиссии и отдельных попечительств. На эту должность в Одессе был назначен член местной городской управы г. Дмитриев.

Избрание члена городской управы было случайностью и выбор пал на г. Дмитриева не потому, что он занимал должность члена Одесской городской управы, а лишь благодаря тому, что он был известен за очень энергичного и добросовестного общественного деятеля. За время руководства санитарной организацией он был освобожден от обязанностей члена управы и всецело занимался делом по борьбе с чумой, являясь в этом отношении правой рукой одесского градоначальника.

Если к сказанному прибавить еще, что в распоряжение г. Дмитриева была передана определенная сумма из городских средств

для нужд санитарной организации, то не трудно себе представить, что в Одессе главный санитарный попечитель действительно является в роли руководителя всей санитарной организации, объединявшего в своем лице деятельность всех врачебно-санитарных сил.

Нечего и говорить, что самый характер деятельности, которая вызывается борьбою с такими народными бедствиями, как чума и холера, требует сосредоточения в одних руках руководительства и направления всеми действиями по мероприятиям против эпидемии. Надо только, чтобы руки эти были крепкие, надежные и энергичные. Надо, чтобы такой главный руководитель сам непосредственно мог вникать во все детали дела, имел возможность лично следить за исполнением всех принимаемых мер, лично проверять, где, что и как сделано и делается. Так как он несет ответственность за каждое упущение, то, понятно, в своих действиях и распоряжениях не может быть стеснен вмешательством других лиц.

С такими функциями и в такой роли решено было избрать и для нашей городской санитарной организации главного попечителя.

Решение это тем более правильное, что с первых шагов функционирования городской санитарно-исполнительной комиссии чувствовалось отсутствие прежде всего исполнителя всех предначертаний комиссии, а впоследствии, когда число врачей и попечителей стало увеличиваться, отсутствие объединителя и руководителя всей организации.

Вначале, когда еще наш город опасался только заноса холеры, комиссии можно было ограничиться одними разговорами и постановлениями организационного свойства, но когда, с половины прошлого августа, у нас появились случаи заболеваний, увеличивающиеся с каждым днем, то стало очевидно, что никакие мотивированные постановления не помогут приостановить распространения заразы, если не принимать действительных мер и фактически не приводить в исполнение решений комиссии.

Это важное соображение заставило остановиться на должности главного санитарного попечителя, причем найдено было более удобным избрать на эту должность врача.

Конечно, главным попечителем в той роли, какую он играл в одесской организации, может быть и не врач: всякий любящий «общественное дело», с отзывчивым добрым сердцем, энергичный и распорядительный был бы здесь также на месте. Но у нас остановились на враче не потому только, что из числа общественных

деятелей трудно было найти подходящее и свободное лицо, а по соображениям чисто местного характера, высказанным на совещании врачей и санитарных попечителей, на котором присутствовали граф П.П. Шувалов и бакинский губернатор кн. М.А. Накашидзе.

Заключение этого совещания было принято и городской санитарно-исполнительной комиссией, постановлением которой вопрос об избрании врача на должность главного руководителя был передан в городской медицинский совет.

Казалось бы, кому, как не такой коллегии врачей, знать своих товарищей и разумным решением прийти на помощь городу в борьбе с холерою!

Не будем долго останавливаться на выборах, достаточно известных читателям, и скажем, что коллегия врачей из своей среды избрала товарища, который сам же отказался от оказанной ему чести...

Вопрос о главном попечителе вновь поступил на обсуждение городской санитарно-исполнительной комиссии, где в заседании 18 сентября принял неожиданный оборот: вместо главного попечителя комиссия оставила общее руководство всей организацией за председателем городской санитарно-исполнительной комиссии, предоставив ему пригласить одного или двух помощников. Таким образом, комиссия отказалась от мысли о главном попечителе, необходимость которого, в видах объединения деятельности всех санитарно-врачебных сил, признана и признается всеми, прикосновенными к предпринятой борьбе против холеры.

Если до сих пор чувствовался недостаток в руководителе санитарной организации, то этот существенный недостаток никоим образом не может быть пополнен «помощниками» председателя городской комиссии. Председателю комиссии недостает того непосредственного направления и наблюдения за деятельностью врачей попечителей, дезинфекторов и др., какое необходимо, чтобы быть гарантированным в фактическом осуществлении всех мероприятий по борьбе с холерой. Г. Белявский сам подтвердил в заседании 18 сентября, что не может за всем следить и иметь непосредственный надзор. Теперь, очевидно, он будет следить за общим делом санитарной организации при помощи своих «помощников», которые будут получать распоряжения сделать то-то, осмотреть то-то. Следовательно, распоряжения свои будет основывать не на личных наблюдениях и знакомстве с делом, не на том, что председатель сам вник в суть тех или других санитарно-врачебных учреждений и сумел уловить их недостатки, а на

докладе помощников. Делать распоряжения, сидя в кабинете, даже через десяток помощников, – совсем далеко от действительного руководства и объединения деятельности огромного штата врачей, санитарных попечителей, дезинфекторов и др. Подобного рода бумажные распоряжения могут иметь некоторое значение, если делающий их сам знает, где, что и как происходит...

Вот этого-то нет и не будет, а потому не помогут никакие помощники, и, по нашему мнению, для успешной борьбы с холерой теперь и в особенности для наилучшей организации этой борьбы к весне будущего года, когда ожидается особенное усиление эпидемии, необходимость главного руководителя все больше чувствуется и говорит о себе.

В роли такого руководителя у нас мы все же рекомендуем врача и вот по каким соображениям: врач-руководитель, прежде всего, необходим для врачей, входящих в состав санитарной организации; почти все они для Баку люди новые: воодушевленные даже лучшими стремлениями, не зная города со всеми его этнографически-бытовыми особенностями, они не принесут желаемой пользы, если не получат авторитетных указаний от своего коллеги, более и лучше их знающего население. Далее, врач-руководитель окажет существенную пользу и в направлении деятельности санитарных попечителей, которые, объединившись под его руководством, получат от компетентного лица необходимые указания. Это же обстоятельство еще более приобретет значение в глазах самого населения, которое, несомненно, будет относится с большим доверием ко всем распоряжениям, исходящим от врача.

Наконец, дело санитарной организации заключает в себе так много чисто медицинского элемента, что для полной успешности оно должно находится в руках врача же.

Итак, и для настоящей борьбы с холерой, и для наилучшей организации этой борьбы в будущем необходимо во главе городской санитарной организации поставить главного руководителя – врача, дав ему возможность действовать самостоятельно в качестве руководителя и объединителя всех сил санитарной организации.

Только при таком руководителе деятельность городских врачебно-санитарных учреждений может быть продуктивной и в значительной мере повлиять на ослабление и даже прекращение эпидемии.

VI
Отношение населения

Об отношении населения к борьбе с холерой мы уже говорили, и если вновь возвращаемся к этому вопросу, то делаем это вынужденные к тому заметкою, появившейся во вчерашнем номере «Бакинских известий»[160]. Заметка эта касается ходатайства подкомиссии из мусульман о разрешении омовения покойников-мусульман дома под наблюдением врача. Автор ее, г. Пономарев, не только высказывается против этого ходатайства, но не щадит «сильных» слов и обвиняет меня и других членов этой подкомиссии в том, что мы «отстаивали торжество невежества и фанатизма», что мы «явились в роли затемнителей здравого смысла своих сородичей», что гг. Пономаревым пора уже снять маску с этих псевдопатриотов и псевдопрогрессистов, с этих фарисеев, книжников и лицемеров». Но особенно автор «обрушивается» на меня: я и «узурпировал амплуа носителя передовых идей в мусульманском мире, не пропускаю ни одной мусульманской подписи в совей газете, я и «монополист-просветитель», и, «вылезая из кожи вон, г. Топчибашев старается доказать себя другом мусульманской массы».

И делаю все это я, «чтобы получить популярность среди темноты».

Вот по каким соображениям я отстаивал в заседании городской санитарно-исполнительной комиссии «торжество невежества и фанатизма», поддерживая вышеуказанное ходатайство подкомиссии!

Так полагает автор и, по-видимому, доволен, что нашел ответ на поставленный вопрос: по каким соображениям я, в числе других членов подкомиссии, поддерживал это ходатайство.

Это самая главная часть «обвинения», на которой поэтому я считаю долгом остановится, находя все остальное набором крикливых слов вроде «узурпатора-прогрессиста», монополиста-просветителя и пр.

Итак, я поддерживал ходатайство о разрешении совершать омовения трупов мусульман дома и делал это по соображениям, находящим себе основания: а) в условиях культурного состояния и развития местного мусульманского населения, б) в условиях и требованиях данного времени и 3) в ходе работ особой подкомиссии, образование которой было поручено мне городской санитарно-исполнительной комиссией.

Каково умственно-нравственное развитие массы туземного населения общеизвестно: в таком состоянии, лишенном просвета, все смешивается – религия, нравы, предрассудки, старое с новым, показное внешнее с внутренним. Нужны столетия, чтобы каждому из элементов жизни указать свое место, чтобы изменить нравы к лучшему, уничтожить предрассудки. Приказами, циркулярами, словами и сразу нельзя этого достигнуть. Не виновато население, что пребывает в таком положении, оно создалось не вчера и улучшить его поэтому можно не сегодня, не по мановению волшебной палочки.

Можно много говорить на эту тему... И вряд ли кто будет спорить против того, что среди такого населения всякое культурное начинание надо проводить с особой осторожностью, чтобы не получались отрицательные результаты.

Достаточно сказать, что до сих пор в годы таких народных бедствий, как чума и холера, мероприятия по ослаблению и прекращению эпидемии принимались массой населения здесь и во внутренних губерниях империи несочувственно, особенно в последних, где дело доходило до открытых бунтов... На Кавказе до этого не доходило, особенно среди мусульман, корректность которых общеизвестна, но несочувственное отношение к мероприятиям было. А между тем этого можно избегнуть осторожным образом действий со стороны органов, призванных к борьбе с эпидемией. Иначе деятельность этих органов сведется к нулю и в результате получается лишь печальные недоразумения...

Эту мысль, указывающую на отношение населения к принимаемым мероприятиям и служащую в то же время лучшим вознаграждением против «обвинения» меня в потворстве невежеству и фанатизму, я выразил в заметке от 8 сентября (см. «Каспий» № 203), где я говорил: «Результатность деятельности врачей и санитаров в борьбе со всякой эпидемией находится в теснейшей связи с тем, как относится население ко всем принимаемым мерам по врачеванию и санитарии. Это же отношение, в свою очередь, стоит в зависимости от степени культурности населения, вселяющей в темные массы привычку к чистоте, соблюдению в домашней жизни требований гигиены, доверие к врачебным силам и медицинским средствам.

Беда, если население не приобщилось к культуре, если в обыкновенное, «мирное» время не сделано ничего, чтобы повлиять на

умственно-нравственный и экономический подъем такого населения, которое, не видя ниоткуда просвета, осталось одинаково чуждым культурному развитию со всеми бытовыми и религиозно-обрядовыми предрассудками.

Беда потому, что на такое население трудно рассчитывать в минуты опасности, да и нельзя от него требовать исполнения и соблюдения мер, о которых они слышат впервые, которые ему непонятны и чужды всему складу его физического и духовного мировоззрения!.. Надо было до этого научить такое население тому, чему было нужно!.. После приходится поневоле платить дань, и притом довольно крупную, и приносить жертвы, довольно многочисленные, тому беспощадному божеству мрака, которое именуется невежеством...

Но как воину во время сражения некогда думать о недостатках вооружения, так и в дни опасности не время заниматься отмаливанием старых грехов: опасность нагрянула и надо всеми имеющимися в распоряжении средствами и силами предотвратить ее».

Предотвратить же опасность можно лишь действуя так, чтобы получились положительные результаты. Если оказывается, что население не принимает тех или иных мер, даже ошибочно мотивируя это своими религиозными правилами, то есть ли время и надобность вступать с ним в диспут именно при условиях настоящего времени и поступать с ним круто, а не устроить так, чтобы предлагаемая мера была применена. Ведь целесообразнее путем хотя бы частичных уступок достичь положительных результатов и тем с каждым днем увеличивать число желающих принимать все меры, чем отвращать население от этих мер, вызывать недружелюбное отношение и тем заставлять его ухищряться в разных способах неисполнения предъявляемых мер.

Только желание привлечь вместе население в безусловному принятию всех мероприятий по борьбе с холерой заставляет меня придерживаться такого взгляда.

В вопросе об омовении покойников дома пришлось убедиться, насколько этот взгляд при настоящих условиях целесообразен.

Совещание подкомиссии с приходскими муллами во главе с бакинским казием, прежде всего, обратило внимание на этот пункт правил, причем все указывали, что бакинцы всегда совершают омовение покойников дома и что требование делать это на кладбище среди массы вызовет нежелательное отношение и тем может

подорвать доверие к принимаемым мероприятиям. Все присутствующие духовные лица подтверждали, что омовение покойников дома не связано ни с религией, ни с шариатом, но все же просили возбудить ходатайство.

На этом совещании, кроме докторов гг. Векилова[161], Агаева[162] и др., участвовали председатель Бакинского губернского меджлиса ахунд Мир Мамед Керим Гаджи Мирджафарзаде[163] и приходские муллы гор. Баку: ахунд Гаджи Алекпер Расулзаде, ахунд Гаджи Молла Садых Молла Заде, ахунд Мамед Ахунд Заде и Молла Али Гейдар оглы.

Наконец, чтобы показать, как я в качестве руководителя подкомиссии и просвещенные мусульмане, в ней участвовавшие, отнеслись к этому вопросу, достаточно привести текстуально тот пункт, в котором говорится о данном вопросе. Вот этот (7-й) пункт:

О всяком умершем от холеры немедленно уведомляется врач, по указаниям которого труп умершего отправляется на кладбище, где имеются необходимые лица и все приспособления для совершения омовения; труп отправляется на кладбище завернутым в чистую простыню и в плотно закрытом ящике. Для омовения трупа дома всякий раз требуется разрешение медико-санитарного бюро.

Из приведенного видно, что, как общее правило, труп всякого умершего от холеры мусульманина отправляется для омовения на кладбище и лишь в виде исключения, разрешается омовение совершать дома, но не иначе, как с особого всякий раз разрешения медико-санитарного бюро.

Исключение это, кроме ходатайства духовных лиц, я основывал и на практике медико-санитарного бюро при городской управе, которое допускала омовение трупа дома под наблюдением врача.

Вот что я писал в своей записке на имя председателя городской санитарно-исполнительной комиссии по поводу этого вредного обычая:

«Выводить такой обычай надо, во всяком случае, не в такое тревожное время, и делаемое в этом отношении запрещение поведет и ведет к тому, что мусульмане моют покойников дома, не извещая об этом врачебно-санитарный надзор. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что в устроенном для омовения на кладбище помещении до сих пор совершено не более 10-ти омовений, в то время, как умерших от холеры погребено более 130. А между тем ни один мусульманин не похоронит своего покойника без

омовения. Вероятно, исходя их этого соображения, городской врачебно-санитарный надзор разрешал совершать омовения дома, под наблюдением врача или, по крайне мере, фельдшера. Очень недавно и. д. заведывающего медико-санитарным бюро д-р Тер-Оганесянц при мне дал такое разрешение, чем просители-мусульмане остались очень довольны, заявив, что они готовы исполнить все требования, какие предъявит врач при омовении покойника дома».

Я привел эти документальные данные, чтобы прояснить побудительные причины, заставившие подкомиссию поддерживать указанное ходатайство, которая во всех своих действиях исходила из искреннего желания помочь санитарной организации в проведении всех ее мероприятий в среду местного населения.

А. М.-б. Топчибашев

Каспий. 1904. 8, 11, 12, 19, 22, 23 сентября.

Новый бакинский казий

14 сентября 1904 г.

На должность бакинского казия и председателя Бакинского губернского меджлиса г. губернатором кн. М.А. Накашидзе назначен ахунд Мир Мамед Керим Ахунд Мирджафарзаде.

Должность эта долгое время оставалась вакантной, и в течение последнего полугодия в составе губернского меджлиса находился лишь всего один член. А между тем губернский меджлис, имея в подчинении 6 уездных казиев, ведает религиозные дела всей Бакинской губернии со сплошным мусульманским населением. К сожалению, в отношении религиозных дел мусульман бакинских губернский меджлис за последние годы не проявлял особой деятельности. Достаточно сказать, что более половины приходов в губернии (их более 500) годами оставались без приходских мулл. Мало видно было забот со стороны меджлиса и в заведывании вакуфными имениями. Укажем, например, на вакуфные лавки при мечети Касум бека в Баку, которые после долгих лет дождались, наконец, ремонта, но почему-то и после ремонта не сдаются в аренду и до сих пор пустуют.

Зависело ли такое отношение к делам религиозным от слабости прежнего состава или неумения, но мы надеемся, что с назначением нового председателя меджлис оживится, и духовные нужды мусульман нашего города и всей Бакинской губернии получат надлежащее удовлетворение. Новый бакинский казий хорошо известен и администрации, и всему мусульманскому населению Бакинского района. Родом ахунд Мир Мамед Керим Ахунд Мирджафарзаде из Баку, образование получил у лучших мулл и одним из первых сдал экзамен в Закавказском духовном правлении на звание духовного лица – ахунда, проявив весьма солидные познания в мусульманском богословии и в знании восточных языков – турецко-татарского, персидского и арабского. В течение более десяти лет Мир Мамед Керим Ахунд Мирджафарзаде занимал должность приходского муллы крепостной части города Баку. Зарекомендовав себя

как примерный приходской мулла, аккуратный в исполнении своих официальных обязанностей, Мир Мамед Керим сумел приобрести расположение и почет не только со стороны своих прихожан, но и всего населения гор. Баку как образованное духовное лицо. В качестве одного из видных представителей бакинского мусульманского духовенства ахунд Мир Мамед Керим приглашался почетными бакинцами во всех торжественных случаях местной жизни; так, во главе с ним местные мусульмане встретили Его Величество шаха персидского.

Особую известность этот достойный духовный отец приобрел с тех пор, как распространился факт окончания им грандиозного философско-научного труда в виде «Комментария аль-Корана», написанного на азербайджанском языке. Первая часть этого редкого сочинения уже печатается. Труд этот, без сомнения, послужит для наших мусульман тем ключем, который необходим для истинного уразумения аль-Корана и без которого огромное большинство мусульман так еще далеко от понимания смысла даже основных догматов ислама.

Ахунд Мир Мамед Керим ревностный мусульманин и, насколько мы его знаем, полон желания быть полезным своим единоверцам.

Мы убеждены, что на почетном посту губернского казия и председателя меджлиса почетный ахунд проявит все свои духовно-нравственные качества и тем послужит прекрасным примером настоящего духовного лица, стоящего на высоте своего призвания.

Заметим еще, что назначение почтенного ахунда совпало с тревожным временем, когда необходимо напрячь все силы для успешной борьбы против настигшего нас врага – холеры. Участие духовенства в этой борьбе и влияние, какое оно может оказывать на население, явится той активной помощью, которой до сих пор недостает нашей санитарной организации.

Зная просвещенные взгляды нового казия и его любовь к общественности, мы убеждены в той пользе, какую окажет ахунд Мир Мамед Керим в начатой борьбе против холеры.

Приветствуя назначение ахунд Мир Мамед Керима, от души желаем ему сил и эенергии для предстоящей духовной деятельности.

Т[опчибашев]

Каспий. 1904. 14 сентября.

Баку, 25 декабря. Рождество Христово

25 декабря 1904 г.

Не первый год нам приходится встречать один из величайших христианских праздников при грустных явлениях, в корне расходящихся с учением Того, Кто заповедал миру двадцать веков тому назад великие истины добра и любви.

К стыду своему, христианский мир достаточно привык видеть поруганными эти истины, воочию доказывая, как современное человечество еще далеко от восприятия заветов добра и любви, как народы, исповедующие христианство, еще чужды истинного понимания этих великих начал, и как люди, называющие себя христианами, еще христиане только по имени...

Можно ли называть иначе людей, которые вместо того, «чтобы творить добро и любить ближнего» возводят в культуре поклонение одной грубой силе во всех отвратительных ее формах и на жизненном знамени своем имеют надпись: «Побольше зла, угнетения и страданий народным массам!!»

Столь адская программа человеконенавистничества особенно становится чувствительной в последнее время, когда народные массы всех стран, истерзанные физическими и нравственными недугами современной социальной жизни, стали, по своей нервности, особенно чуткими к отрицательным явлениям, преграждающим пути к прогрессу, к дальнейшему усовершенствованию человека...

Политика современных государств, играющая судьбами народов по своему капризу, вся энергия их правительств и несметного полчища их агентов в лице дипломатов, министров и прочих заправил, имя коим легион, – все направлено к тому, чтобы под формулой отстаивания интересов народных как можно ярче игнорировать эти самые интересы, приносить их бесцеремонно в жертву каким-то «высшим соображениям» и, играя в руку темным силам, обратить жизнь на земле в источник печали, страданий, отчаяния...

Вступившее в свои права двадцатое столетие служит достаточною иллюстрацией.

Уже приближение этого века ознаменовалось зловещими призраками, усугублявшими и без того неприглядную жизнь людей... Недаром двадцатый век родился в крови, когда юг черного материка обагрился кровью мирных и трудолюбивых буров, выступивших в защиту свободы страны.

И с тех пор человечество не перестает быть свидетелем кровавых войн, устраиваемых друг для друга детьми одного Бога, как будто недостаточно земля обагрена человеческой кровью в предыдущих столетиях, как будто мало пострадали люди от взаимной вражды и мало убивали и резали друг друга, начиная с Каина!..

Кичащаяся своей цивилизацией, усовершенствованными техникой, орудиями производства, развитием пара и электричества, нынешняя Европа занята не предоставлением исстрадавшимся народным массам физического и нравственного покоя; ей не до упрочения материального и духовного благосостояния... Она ведет «политику», приводящую в общем те же народные массы к полному разочарованию в жизни ввиду неудовлетворенности самых естественных и, следовательно, важнейших и справедливых потребностей...

Получается полная отчаяния картина текущей жизни, на которой несколько чудовищных размеров волкообразных существ, огрызаясь друг на друга, занимаются вечным пожиранием своих собственных детенышей и во множестве разбросанных на фоне мелких зверьков...

На картине этой надпись старинными, но не потерявшими свежесть буквами:

«Homo homini lupus est»*.. Картина принадлежит перу сатаны. Волками смотрят люди друг на друга, волков видят народы и государства друг в друге...

Посмотрите: вот передовая Франция раскрыла волчью пасть свою по направлению к Марокко; а вот заатлантическая республика Соединенных Штатов готова проглотить Венесуэлу, а британский волк – Йемен, австрийский – Македонию...

И это только часть адской программы, которая как палка о двух концах, бьет всегда и своих у себя дома...

* Человек человеку волк (лат.).

Нужды нет, что в тех странах – Франции, Англии и др. – достаточно своих внутренних неурядиц, что важнейшие социальные проблемы продолжают оставаться неразрешенными и давно ждут своей участи, что сейчас ряды бедняков становятся теснее от безработицы и что, вообще, пора перестать играть на тонких струнах народной души, жаждущей при помощи мирного труда устроить свою жизнь на началах братства и равенства, не ту жизнь, в которой он сейчас влачит жалкое существование, а жизнь, согретую любовью к ближнему и возможностью творить добро, жизнь по заветам великого учителя.

Но устроение такой жизни для народных масс не входит в волчью программу: та же Англия, как и другие европейские государства, сейчас занята перевооружением своей артиллерии, которая будет располагать 18 ½-фунтовыми пушками, дающими в минуту 25 выстрелов, из коих одного достаточно, чтобы уничтожить тысячи людей или затопить огромное судно... Нужды нет, что на эти чудовищные орудия требуется 400 миллионов рублей и в то же время в Ирландии сейчас голод... Стоит ли на это обращать внимание? Голод – явление временное, унесет несколько десятков тысяч людей, а 18 ½-фунтовые пушки *всегда* нужны!!.

Зарево кровавой борьбы на Дальнем Востоке завершает картину, вспыхивая все более ярким пламенем. Бои под Тюренченом, при Гай-джоу, Дашичао, под Ляояном и при р. Шахэ, завершившиеся падением Порт-Артура[164] и гибелью целой эскадры, – все это заставляет содрагаться при мысли о будущности человечества, столь чуждого великих начал, провозглашенных двадцать веков назад Тем, Чье рождение сегодня мы встречаем с душой, полной грусти...

Т[опчибашев]

Каспий. 1904. 25 декабря.

Кавказские картины

1 января 1905 г.

I

На мою долю выпало дать в новогоднем номере обзор кавказской жизни за только что минувший год. Но читатели знают, какая это трудная и неблагодарная задача. Не говоря, что такими свойствами обладает вообще всякий «обзор» в котором надо «сокращенно» повторить уже сказанное, «обзор кавказской жизни» имеет свои специфические затруднения, отнимающие всякую охоту приниматься за него...

Прежде всего, небезопасно трактовать о явлениях свежих, еще незаконченных, продолжающихся. А затем не надо забывать, что эти явления имели место не в Марокко или на одном из Филиппинских островов, чтобы о них можно было говорить безбоязненно: явления, которые бы хотелось обозревать, происходили у нас в Кавказском крае, и этого достаточно, чтобы поставить точку над i...

Но и без этой точки обозреватель кавказской жизни находится в большом затруднении относительно источников, из которых можно черпать необходимые сведения для годичного или какого угодно другого обзора...

В начале года, 3 января, была отпразднована столетняя годовщина взятия русскими Гянджинской крепости[165] и переименование ее в гор. Елисаветполь в честь супруги[166] императора Александра I. Во время празднования елисаветпольский губернатор генерал Лутцау, поздравляя жителей со столь важным событием, между прочим сказал*: «Сто лет прошло со дня присоединения Гянджинского ханства к России; население, мирно развиваясь, пользуется всеми правами гражданственности и культуры: охрана жизни и имущества, гуманные законы, широкое самоуправление – вот те блага, коих не лишено местное население»...

Кавказская печать!.. Сколько в этих двух словах...

* «Каспий», № 4 за 1904 г. Прим. автора.

Отражает ли кавказская печать общественную жизнь в крае?

Конечно, нет – вправе сказать каждый, следящий за этой жизнью по нашим газетам.

Прежде всего, органов печати в крае совсем немного, один-два и обчелся. А затем и существующие сосредоточены в одном-двух пунктах, остальные же пункты, обширные области и губернии, не уступающие по пространству целым королевствам, вовсе не имеют печатных органов. Обслуживать интересы последних призваны те несколько периодических изданий. Как они обслуживают и стоят на страже местных интересов не только отдаленных областей, но и своих – также хорошо известно.

Достаточно упомянуть, что бакинские газеты разрабатывают вопросы, имеющие жизненный интерес для Кубанской области, владикавказские – занимаются эриванскими делами, а тифлисские – и бакинскими, и асхабадскими и грозненскими, только не тифлисскими...

Дело, конечно, не в вопросе о вкусах, о которых не спорят... Упомянуть ли далее о языке, на котором пишут наши газеты, трактуя о тех или других вопросах, касающихся столь и не столь отдаленных губерний и областей? Сам Эзоп[167] спасовал бы перед кавказскими журналистами, научившимися с ловкостью заправского волтижера обходить опасные Сциллы и Харибды[168]. Этому искусству научились не только присяжные газетные работники, которым и Бог велел прибегать к языку Эзопа, но хорошо освоились с последним «наши», «собственные» и «случайные» корреспонденты.

Какой это преинтересный народ – кавказские корреспонденты! О них можно бы писать целый трактат. В этой существенной части газетной армии весьма много действительных тружеников и полезных деятелей, но немало просто обладающих писательским зудом. В числе первых добрая половина состоит из народных учителей, относящихся с подобающей серьезностью к святому делу служения родному краю. При настоящих условиях Кавказского края, в котором царит невежество, лишь из скромных, но почтенных деятелей на ниве народной – из народных учителей могут быть пополняемы, но, к сожалению, не пополняются по разным обстоятельствам, редкие кадры газетных корреспондентов из разных медвежьих углов Кавказа.

Может ли, спрашивается, кавказская печать при настоящих условиях быть верной выразительницей общественного мнения и отражать правильно и с надлежащей оценкой явления окружающей жизни?..

А ведь печать – это единственный источник для обозревателя, только в ней одной последний должен искать данные, чтобы сделать тот или другой вывод из образа общественной жизни за прошлый год... А источник этот бьет ключом где-то в подземелье, не видит вовсе Божьего света и тщетно ищет себе выхода сквозь тесно обложившие его крепкие породы...

Полагаю, я привел достаточно оснований, дающих мне право отказаться вовсе от обзора кавказской жизни 1904 г.

Вместо такого обзора сегодняшнего дня мы будем вести с читателями ряд бесед под общим названием «Кавказские картины». Это огромное полотно, для которого нужны десятки кистей. Заранее прошу не сетовать, если на эти «картины» придется употреблять бледные краски, отчего подчас «картины» выйдут безжизненными, туманными и даже просто аляповатыми, ибо в срочной газетной работе и при нынешних условиях нельзя быть вообще художником и в особенности пишущим яркими солнечными красками...

Мы будем нравственно удовлетворены, если сумеем возможно полнее обрисовать хоть эскизную часть «Кавказских картин», предоставив доделку настоящим художникам, которые должны же быть когда-нибудь и у нас на Кавказе. Но чтобы достигнуть желаемой полноты, необходимы сведения и факты из жизни края. Их мы будем черпать там, где и окажется возможным и где их найдем: в корреспонденциях всех кавказских газет, в письмах и сообщениях. Заранее выражаем признательность всем нашим постоянным и случайным корреспондентам. В этом отношении мы возлагаем надежду на кавказскую интеллигенцию, без различия национальности.

На интеллигентных людях лежит святой долг помочь делу духовного и экономического подъема родного Кавказа. Без сомнения, каждый из них в своем деле приносит пользу и общему делу, но при настоящем положении нашего края, не имеющего достаточного числа пишущих работников, долг каждого интеллигентного кавказца поддерживать всеми силами гласность, которая играет роль сильного рычага в пробуждении и развитии народных масс.

Пусть каждый интеллигентный кавказец пишет сам или даже сообщит о каком-нибудь безобразном факте, тех или других нуждах и неурядицах данной местности, дурных обычаях, народных суевериях и т. п. Ни один орган местной печати не откажется, по мере возможности, конечно, от их огласки, столбцы «Каспия» открыты для этого, а наведенное уже полотно «Кавказских картин» ждет фактов и сведений.

Пусть каждый интеллигентный кавказец, будет ли это армянин, грузин, лезгин, балкарец, помнит, что помимо прямых профессиональных, служебных и других личных обязанностей, у каждого из них есть обязанность общая, налагаемая на них интересами родины, преуспевание которой должно составлять конечную цель всех кавказских народностей, и прежде всего их передовых людей.

Пора нашей кавказской интеллигенции сознать свое духовное родство, созданное общностью социально-экономических и духовно-нравственных интересов.

Во имя этих интересов пора интеллигенции грузинской, татарской, армянской сплотиться под тем древнем знаменем, на котором красуется милый сердцу каждого туземца Кавказ со всеми его причудливыми горами, прекрасными долинами, шумными реками, тенистыми садами, со всеми его когда-то храбрыми и патриархально-добрыми народностями...

Уже видны проблески духовного единения кавказской интеллигенции, и от последней зависит упрочить эту духовную связь.

Желать этой духовной связи претвориться в сознании интеллигентных людей, развиться и укрепиться – таково наше новогоднее поздравление.

С новым годом, кавказцы!

А. М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 1 января.

Газета на татарском языке в Баку

23 января 1905 г.

Наш город обогащается новым печатным органом: издающаяся в Тифлисе газета на татарском языке «Шярки-Рус»[169] переводится в Баку.

Как известно, газета эта стала выходить с марта 1903 г. под редакторством Мамед Аги Шахтахтинского[170], издателя газеты.

Появление в свет нового печатного органа на туземном языке ожидалось с большим нетерпением по весьма понятным причинам, ввиду той важной роли, какую играет вообще пресса в деле просвещения народных масс.

Несмотря на культурную отсталость наших мусульман или, правильнее, благодаря этой отсталости, необходимость в печатном органе для них давно чувствовалась и все настоятельнее о себе напоминала. Живя бок о бок с народностями, далеко опередившими в культурном развитии кавказских мусульман, подвергаясь, благодаря внешним и внутренним сношениям, плодотворному влиянию новых веяний и требований жизни, наши мусульмане в лице, конечно, мыслящей части не могли не сознавать, что одним из главных тормозов прогресса народных масс является отсутствие на понятном для них языке органа печати. Везде и всюду приходилось слышать, и не от одних только передовых мусульман, что без прессы на местном языке все предпринимаемые правительством, обществом и отдельными лицами благие начинания в целях просветительных не достигнут желательных результатов, так как семена таких начинаний, в существе своем хотя и полезны, но кладутся в неведомую почву, разрыхлять и удобрять которую призвана пресса как выразительница общественного мнения и отразительница всей жизни данной местности, данного народа во всех ее проявлениях – исторических, бытовых, духовных, экономических.

Несмотря на всю инертность, мусульмане инстинктивно сознают и сознавали, что они, силою обстоятельств, зависящих и не за-

висящих от них, попали в заколдованное темное царство и жадно ловили всякий просвет, столь редко и случайно появлявшийся на их тусклом небосклоне...

И до сих пор еще большинство грамотных мусульман наших живо помнят газету «Акинчи»[171] («Пахарь»), издававшуюся в 1874–1877 гг. в Баку сотрудником «Каспия» Гасан-беком Меликовым. Приводя даже содержание некоторых статей этой газеты, многие хорошо помнят, как за короткое время расшевелилось стоячее болото кавказских мусульман и как будирующе действовало на них живое слово печатного органа на родном языке. Не забыто даже и то небольшое влияние, какое все же имели издававшиеся одна за другой татарские газеты в Тифлисе – «Зия»[172] и «Кешкуль»[173], которые, конечно, могли бы сослужить мусульманам большую службу, если бы попали в более умелые руки, чем г. Унсизаде[174].

Но особенно ярким лучом блеснуло в жизни наших мусульман появление в гор. Бахчисарае газеты «Тарджиман» («Переводчик»). Счастливая выпала роль на долю этой газеты, слишком два десятка лет являющейся единственным печатным органом на татарском языке для всего 30-миллионного мусульманского населения России. И надо отдать полную справедливость просвещенному и любящему свой народ руководителю крымской газеты Исмаил беку Гаспринскому, который неутомимо с пользою работает на ниве народной.

Наша газета много уделяла места выяснению того благотворного влияния, какое имел «Тарджиман» на развитие наших мусульман, повторять не будем и скажем только, что непосильность задачи – обслуживать интересы всех русских мусульман, живущих в разных полосах, хотя одинаково родственных народностей тюрко-татарского происхождения, - такая задача, конечно, не могла и не может быть выполнена одним печатным органом.

Тем не менее в течение почти четверти века крымская газета оставалась единственным периодическим органом печати на татарском языке (с русским переводом) – и все попытки, которые делались за это время в Казани, Петербурге и др. местах, с целью получить разрешение газеты, оставались безрезультатными.

Такой же участи подверглись попытки издания газеты на татарском языке и на Кавказе, причем в числе лиц, получивших отказ, были и немусульмане, как, например, инспектор татарского отделения Горийской учительской семинарии (ныне покойный) Черня-

евский[175], который имел в виду издавать газету на татарском языке.

Лишь в самое последнее время в этом отношении посчастливилось Мамед Аге Шахтахтинскому.

Первая же весть о разрешении г. Шахтахтинскому газеты на татарском языке была встречена с радостью всеми мыслящими мусульманами. Газета «Каспий» в числе первых приветствовала «Шярки-Рус» («Русский Восток») нового собрата, поздравляя мусульман с приобретением столь могучего рычага в обновлении и развитии общественно-народной жизни, как печатный орган на понятном для народных масс языке.

Но, к большому сожалению, нам пришлось, как и всему мусульманскому читающему обществу, разочароваться и печатно заявить, что газета г. Шахтахтинского совершенно не оправдала надежд, которые всеми возлагались на столь желанный печатный орган. Нам пришлось отметить те роковые ошибки, в которые впала новая газета с первых же шагов не только в освещении фактов местной жизни, но и, главным образом, в несоответствии принятого газетой направления с социально-политическими идеалами мыслящей части мусульманского общества. Не будем останавливаться на ошибках и том пути, на который стал г. Шахтахтинский, без разбора помещая в своем органе все, что присылалось в редакцию... То, совершенно справедливое охлаждение, какое проявили мусульманские читатели к органу г. Шахтахтинского, было красноречивым доказательством той неудачи, какая постигла газету «Шярки-Рус» в руках г. Шахтахтинского.

Переход такого органа печати в Баку, конечно, мы не могли бы приветствовать, если бы не последовавшее недавно заявление самого г. Шахтахтинского о коренном изменении направления этой газеты.

Заявление напечатано на страницах «Шярки-Рус» и заключает в себе признание собственных ошибок, что делает честь г. Шахтахтинскому, так как сознаваться в ошибках никогда не поздно, особенно в подобного рода случаях. У нас нет основания не верить столь категорическому заявлению г. Шахтахтинского.

Но признаемся, что все же лучшей и надежной гарантией того, что «Шярки-Рус» отныне будет стоять на высоте своего призвания, для нас является ближайшее участие в деле этого органа нашего сотрудника Ахмед-бека Агаева.

Участие Ахмед-бека Агаева будет касаться как редакционной стороны газеты «Шярки -Рус», так и самого издания.

Читатели «Каспия» хорошо знают г. Агаева и настолько знакомы с его публицистической деятельностью, что нам нет надобности особенно распространяться.

Его познания, любовь к делу, живое перо в связи с исповедуемыми им прогрессивными идеями, служат верной гарантией, что новая газета на татарском языке пойдет по прочному пути просвещения и прогресса мусульман и для последних явится истинной отразительницей окружающей их действительной жизни, со всеми ее требованиями и недостатками, со всеми радостями и печалями.

Но для того, чтобы обыкновенный «Шярки-Рус» мог выполнять такое свое высокое назначение, необходима поддержка со стороны мусульманского общества, причем поддержка как нравственная, так и материальная.

Мы уверены, что наши мусульмане окажут такую поддержку и тем дадут возможность столь необходимой для них газете на татарском языке упрочиться и выполнить свое назначение, чего от души желаем нашему новому духовному собрату.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 23 января.

Мусульманская духовная семинария

22 февраля 1905 г.

Вопрос о мусульманской духовной семинарии на Кавказе давно поставлен мусульманским духовенством, обществом и печатью на первую очередь, будучи вызван потребностями жизни наших мусульман.

Какое имеет значение религия для мусульман настолько известно, что полагаем, не требует особых пояснений. Достаточно припомнить ту роль, какую до сих пор играли и играют в жизни мусульман духовные лица. И отсюда один вывод, что чем больше духовных лиц хороших качеств, чем больше у них познаний, чем больше они проникнуты сознательным отношением к тем потребностям, которые выдвигаются новыми условиями жизни и для мусульман, словом, чем более духовные лица стоят на высоте положения, тем влияние их на народные массы будет благотворнее. И наоборот, неисчислим весь тот вред, который проистекает от духовного лица – не только невежественного, но и чуждого по усвоенному мировоззрению требованиям современной жизни.

Глубоко сознавая незыблемость такого положения, передовые мусульмане давно уже обсуждают вопрос об улучшении состава своего духовенства, которое, конечно, может и должно произойти при посредстве лишь школы, надлежаще устроенной.

Можно без преувеличения сказать, что в последнее время во всем крае добрая половина приходов не имеет мулл, и это не мудрено, если число последних становится все меньше и меньше. Мы говорим, конечно, о муллах, удовлетворяющих определенным требованиям.

Но откуда взять этих мулл?

В прежнее время во многих местах Закавказья славились частные медресе (духовные училища), в которых известные своей ученостью и нравственными качествами члены подготовляли мулл. Та-

ких медресе уже нет в крае, и желающие получить духовное образование из кавказских мусульман едут в Персию, Турцию и Египет.

Но по действующему положению об управлении Закавказским магометанским духовенством лица, получившие духовное образование заграницей, не допускаются к занятию в крае духовных должностей.

Таким образом, получается безвыходное положение: у себя негде учиться, а получившие образование вне пределов России устраняются...

Откуда же мусульмане могут получить духовных еще, да и еще удовлетворяющих определенным и, конечно, необходимым требованиям в отношении познания и нравственных качеств?

Возбуждавшиеся до сих пор соответствующие ходатайства, подобно ходатайствам мусульман об учреждении благотворительного общества, оставались без удовлетворения, хотя содержание духовной семинарии мусульманское общество брало на себя.

Но в этом отношении посчастливилось закавказским шейх-уль-исламу Ахундзаде[176] и муфтию Гаибову[177], которые, принеся через исправляющего обязанности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерала Фрезе[178] поздравления их императорским величествам по случаю рождения наследника престола, от имени мусульманского населения Кавказского края просили, в ознаменование этого события, об открытии в Тифлисе на счет вакуфных сумм и частных пожертвований духовной семинарии (медресе) с присвоением этому учебному заведению имени наследника цесаревича.

Генерал Фрезе отнесся к этой мысли сочувственно, и по его поручению канцелярия главноначальствующего еще в октябре 1904 г. просила закавказских шейх-уль-ислама и муфтия сообщить подробные сведения и соображения об основаниях, на коих предполагается организовать проектируемое училище, а равно сведения о тех средствах, какие необходимы на устройство и содержание семинарии.

Исполняющий ныне обязанности главноначальствующего генерал-лейтенант Малама со своей стороны признал устройство проектируемой семинарии весьма желательным.

По проекту высшего мусульманского духовенства предполагаемая к открытию семинария в Тифлисе, она будет закрытым учебным заведением с пансионом на 50 учащихся, но будут допущены и приходящие. Программа следующая: языки – арабский, персидский, турецко-татарский и русский; предметы: а) по религиозным

наукам: толкование Корана, история пророков и религий вообще, богословие, риторика; б) по светским наукам: арифметика, геометрия, география, история всеобщая и русская, история востока, формальная логика, государственное право и мусульманское законоведение. Предметы эти будут преподаваться по учебному плану и руководствам, утвержденным Министерством народного просвещения. Преподаватели пользуются правами преподавателей среднеучебных заведений. Курс учения – восьмилетний, с одним приготовительным классом. Дети принимаются не моложе 9 и не старше 14 лет. Преподавание религиозных предметов будет находиться под наблюдением магометанского духовного правления, а остальные – местного учебного начальства согласно существующим законам. На содержание семинарии, постройку и первоначальное обзаведение предложены: а) из свободных остатков от ежегодных доходов вакуфных имений при мусульманских мечетях на Кавказе, б) единовременное пособие из запасного капитала тех же вакуфных имений, в) взносы почетных попечителей, г) частные пожертвования, д) плата за стипендиатов городов и сельских обществ. Попечителями семинарии состоят по званию закавказские шейх-уль-ислам и муфтий; при семинарии имеется особый Попечительный совет из выборных лиц.

Проект этот пока составлен вчерне. Закавказские шейх-уль-ислам и муфтий, пользуясь своим приездом в Баку, ознакомили с проектом бакинских почетных мусульман, которые по инициативе Гаджи Зейнал Абдин Тагиева, сознавая необходимость проектируемой семинарии, открыли подписку, по которой записали пожертвований для означенной цели на сумму 53 270 руб. (список жертвователей см. ниже).

Пожертвования продолжаются, так как эта сумма, конечно, недостаточна для постройки здания семинарии, т.е. надежда, что состоятельные мусульмане поспешат прийти на помощь осуществлению мысли об основании училища, которое в качестве будущего рассадника даст им образованных мулл для городов и деревень, столь нуждающихся в такого рода духовных лицах.

Т[опчибашев]

Каспий. 1905. 22 февраля.

Кавказское наместничество

3 марта 1905 г.

Только что опубликованным высочайшим рескриптом на имя генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова[179] в нашем края восстановлено наместничество[180], упраздненное в 1883 г.

Вопрос об образовании наместничества на Кавказе не раз поднимался за последнее время в печати и обществе, и смотря по тому, кем и как ставился этот вопрос и его разрешению радовались кавказцы или же сердца их наполнялись печалью...

Хотя все чувствовали, что времена наместничеств, известных под названием сатрапий, в которых полновластно царил произвол «наместника-сатрапа», прошли безвозвратно и в наступающую знаменательную эпоху освободительного движения не может быть поворота к отжившим формам управления, все же мы, кавказцы, с понятным трепетом и смущением за будущее нашего чудного края прислушивались к зловещим предсказаниям известной части русской печати и общества, которые спешили разъяснить, что вводимое наместничество имеет целью вновь выделить весь кавказский край из ведения общеимперских порядков управления с подчинением нас действию исключительно законов.

Выставляя urbi et orbi сепаратистические, националистические и т.п. тенденции кавказцев, наши шовинисты при всяком удобном случае взывали к консулам, требовали применения к кавказской окраине особо строгого режима...

Подобного рода «разъяснения» о цели образовываемого на Кавказе наместничества не могли, конечно, не вызвать серьезных опасений за судьбу нашего края, так недавно еще вступившего на путь культурного развития. Но, к счастью нашему, опасения эти оказались излишними...

Кавказцы вздохнули с несколько облегченным сердцем уже тогда, когда разнеслась весть, что вопрос об образовании наместничества

был поставлен на очередь в бытность министром внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирского[181], которого и назвали наместником Кавказа.

Прогрессивная, хотя и кратковременная деятельность кн. Святополк-Мирского, оставившая неизгладимые следы во всей внутренней жизни России, служила лучшей гарантией, что под руководством такого передового правителя наш Кавказ быстро пойдет по пути духовно-нравственного и экономического развития своих сил и получит право быть равноправным членом Российской империи.

В этом не возбудил сомнения и высочайший рескрипт, данный 18 истекшего февраля на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина[182]. Хотя государи российские, в мудрости своей, всегда даровали необходимые в зависимости от назревших потребностей преобразования лишь в порядке *известной последовательности и с осмотрительностью* и при этом принимали в соображение «особые условия обширного отечества нашего, разноплеменность состава его населения и слабое в некоторых его частях развитие гражданственности» но мы уверены, что все блага такового в высшей степени важного и знаменательного акта, как привлечение «достойнейших, доверием народа облеченных и избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений» будут одинаково распространены и на наш Кавказ...

Что наш край не будет обойден и, подобно другим областям Российской империи, озарится ярким светом взошедшего теперь на землю русскую солнца освободительных реформ, в этом нас убеждает и только что вышедший высочайший рескрипт на имя графа И.И. Воронцова-Дашкова.

Придавая происходящим теперь на Кавказе событиям значение временных явлений, государь император признает «необходимым безотлагательно водворить на Кавказе спокойствие, дабы приобщить этот край *ко внутренней созидательной работе*, предпринимаемой ныне в государстве нашем по моим предначертаниям».

Провозглашенное с высоты престола приобщение Кавказского края к внутренней созидательной работе, предпринятой в России, означает, что наш край будет принимать на равных правах участие в предстоящей важной работе лучшего устроения земли русской, чтобы наравне с остальными частями страны начать новую жизнь – здоровую, разумную, свободную...

Обновление жизни на культурных началах – такова цель предпринятой работы. Эту же цель должно, по смыслу высочайшего рескрипта, преследовать и новое управление Кавказом.

К этой высокой цели поведут реформы, осуществляемые у нас на Кавказе, административного, судебного и общественного строя...

Весь этот строй, признанный неудовлетворительным, прежде всего должен быть отрешен от тех ограничений и изъятий, какие сделаны сравнительно с порядками во внутренних губерниях России. Другими словами, наш край прежде всего должен получить земское самоуправление, суд присяжных и все те учреждения, коих мы лишены до сих пор и отсутствие коих только тормозит культурное развитие края...

Очевидна справедливость и, следовательно, необходимость подобного уравнения прав Кавказа с внутренними частями России в связи с распространением на него всех начал, которые выставлены теперь на первую очередь и уже разрабатываются в высочайше названных комиссиях и в Комитете министров: законодательные гарантии неприкосновенности личности и имущества, свободы совести, печати, слова и народных собраний.

В предстоящих реформах на Кавказе, как и в остальных местах России, существенную пользу принесут, конечно, местные люди, и мы уверены, что голос представителей кавказских народностей в предпринимаемой работе будет услышан с особенным и должным вниманием.

В этом отношении мы с гордостью можем сослаться на тот же высочайший рескрипт, который, говоря об успехах, достигнутых в благосостоянии на Кавказе, отмечает «выдающиеся труды многих уроженцев Кавказа на пользу и честь России».

Нет сомнения, что в святом деле устроения родного края те же уроженцы Кавказа не пощадят своих сил и познаний.

Кроме того, личность вновь названного наместника кавказского, знакомого с нашим краем, служит гарантией, что граф И.И. Воронцов-Дашков в этой созидательной работе обратится к широкому содействию местных сил. Припомним, что еще на днях по постановлению в Москве земской организации графа Воронцова-Дашкова приветствовали за его почин в приглашении к активной деятельности Красного Креста выборных представителей общественных учреждений.

Приведенные соображения вселяют в нас уверенность, что наместничество на Кавказе образовано не с целью обособления нашего края и нераспространения на него всех благ, вытекающих из предначертаний о государственном порядке и устройстве, а наоборот, даст возможность нашему краю ни в чем не быть обойденным, сравнительно с внутренними областями России.

Только при этом условии новый порядок управления может способствовать установлению в крае полного умиротворения и удовлетворения духовных, просветительных и общественных запросов.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 3 марта.

Справедливая мера

9 июля 1905 г.

Агентская телеграмма из Аджикенда передает, что наместник Его Императорского Величества на Кавказе граф Ил. Ив. Воронцов-Дашков «приказал *возвратить жителям Казахского уезда, Елисаветпольской губернии, 3300 десятин земли, отобранной в 1899 г. у местных татар, переселившихся вследствие этого в Турцию; переселенцам же приказано отвести действительно свободные земли*».

Сообщение это, знаменующее собой решительный поворот в желательном и благоприятном для местного населения смысле в отношениях высшего кавказского начальства, будет, без сомнения, встречено с чувствами большой радости и нравственного удовлетворения.

Как первый шаг в столь отрадном для интересов местного населения повороте во взглядах высшего в крае начальства, отмечаемое распоряжение графа Ил. Ив. Воронцова-Дашкова представляется прежде всего в основе своей актом большой справедливости.

Не касаясь здесь сложного вопроса о крайне ненормальной постановке переселенческого дела на Кавказе, скажем только, что этот вопрос внес еще большую неопределенность и хаотичность в аграрные дела в крае, где до сих пор остаются не урегулированными права на землю лиц разных состояний, где земли продолжают оставаться в значительной части неразмежеванными, между крестьянами и лицами так называемого высшего сословия существуют еще обязательные отношения, наделы крестьян еще не выкуплены и где urbi et orbi только и кричат о том, что у крестьян нет земли.

И вот при такой неурядице земельных отношений и, что особенно важно, при общем малоземелье в крае, разрешался и практически осуществляется вопрос о переселении на Кавказ из внутренних губерний...

Но как разрешался и как осуществлялся!?..

Целые тома можно составить из тех жалоб и челобитен, которые подавались кавказскому начальству сельскими обществами и отдельными лицами на действия правительственных агентов по

переселенческому делу... Везде и всюду местные люди со слезами умоляли не отнимать у них последнего клочка земли – единственного кормильца; отовсюду слышались обиженные голоса, как милости просившие расследования несправедливостей, допущенных в отношении аборигенов страны...

В ответ на эти мольбы и слезы устраивались все новые переселенческие участки, у местных жителей отбиралась не только земля пахотная и пастбищная, но даже и усадебная, даже самые усадьбы местных крестьян, их жилища, дворы, сады, мельницы канавы, колодцы – все нажитое потом местного пахаря отбиралось и отдавалось переселенцам... Как игнорировались интересы мусульманского крестьянства видно из той участи, которой подверглись селение Каракоюнлы Казахского уезда, Ханавендская и Кизилгаинская степи и урочище Гуллар Шушинского уезда, Елисаветпольской губ., где от аборигенов-мусульман были отняты не только зимние и летние пастбища, но буквально все их хозяйственные обзаведения до кагризов (подземные канавы) включительно...

И все это переносилось местным населением, потерявшим всякую надежду на справедливое к себе отношение. А на проявленное кое-где неудовольствие аборигены получали ответ вроде данного одним из администраторов Елисаветпольской губернии: «Если недовольны, переселяйтесь в *вашу* Турцию»...

И местные крестьяне не одной только Елисаветпольской губ. стали массами переселяться в Турцию. Ехали они именно вынужденно, неохотно, прежде всего потому, что пахарь не так легко может расстаться с своей кормилицей землей, где каждый камень близок его сердцу, связан с его и без того горемычной жизнью. Турция влекла кавказского мусульманина не как страна, родственная по вере, но как страна, в которой переселившийся искал удовлетворения нравственной обиды...

Мы живо понимаем, с какой болью в сердце переселялись жители из того же Казахского уезда в 1899 г., когда у них были отобраны земли, ныне возвращаемые. Мы и сейчас понимаем убеленного сединой старика, который ехал в Турцию с тем, чтобы там накопить денег, на которые он мечтал приобрести землю на Кавказе, и тем вернуться обратно. Так велика в нем была любовь к родной земле!..

Такой любовью веет от каждого крестьянина-мусульманина, а потому возвращение родной земли для него неожиданное счастье, которое тем более ценно, что вселяет в него уверенность в наступлении давно желанной эры в справедливом отныне к нему отношении.

Это справедливое отношение в отмечаемом распоряжении наместника проявлено не только к местным крестьянам, но и к переселенцам. Согласно этому распоряжению, переселенцам должны быть отведены участки из *действительно* свободных земель.

Против такого отношения местные жители, конечно, ничего не могут иметь: пусть на Кавказе образуются переселенческие участки, но с тем, чтобы прежде всего землею должны быть наделены в достаточном размере аборигены, местные крестьяне, которым должны быть отданы так называемые казенные земли; и только действительно свободные земли, за полным удовлетворением местных крестьян, предоставляются переселенцам.

Это начало вполне справедливое, только и может разрешить земельный вопрос, столь ныне запутанный в нашем крае.

Впрочем, граф Ил. Ив. Воронцов-Дашков свой взгляд на данный вопрос высказал мусульманской депутации еще 10 прошлого июня, и ныне мы с удовольствием приветствуем первый шаг к проведению этого взгляда в жизнь, выразившегося столь рельефно в сделанном им распоряжении*.

Знаменуя собой наступление лучшего, справедливого отношения кавказского начальства к интересам населения и в частности местных мусульман, настоящее распоряжение о взвращении татарам Казахского уезда отобранных у них земель в связи с приведенным во вчерашнем номере нашей газеты сообщением о предпринимаемых мерах к решению вопроса о преподавании в средних учебных заведениях татарского языка, дает полную надежду, что обещанные наместником Его Величества на Кавказе реформы, клонящиеся к благоустройству края, получат в ближайшем времени практическое осуществление.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 9 июля.

* Эти строки были написаны, когда получилась телеграмма со словами графа Воронова-Дашкова, обращенными к представителям горийских крестьян. Прим. автора.

К организации земства в Закавказье

21 июля 1905 г.

В статье «Начало реформ на Кавказе»* мы отметили общие начала, положенные в основании земства в Закавказье. Посмотрим теперь, как предположено организовать у нас земское дело, в частности земское представительство.

Читатели уже знают, что из всех существующих и раньше существовавших типов земства кавказское начальство остановилось на «Положении о земских учреждениях» 1 января 1864 г. заменено впоследствии, как известно, Положением 12 июня 1890 г. Как и следовало ожидать, совещание наместника, происходившее 16 июня, также отдало предпочтение Положению 1864 г.

Иного решения не могло и быть: только это Положение подходит близко к целесообразной организации земского самоуправления, только земские учреждения 1864 г. в кругу вверенных им дел действовали самостоятельно.

Но и это земское положение принято пока как образец, в котором будут и должны быть произведены изменения, быть может, и существенные, сообразно с местными сословиями Закавказского края.

Вот почему ни доклад канцелярии наместника, ни совещание 16 июля не коснулись существа вопроса о земских учреждениях в Закавказье.

Этот кардинальный вопрос предстоит обсудить представителям населения совместно с Советом наместника. Совершено правильно совещание нашло необходимым ознакомить население края с принятым за образец земским положением 1864 г. в виде широкого распространения печатных экземпляров этого положения с переводом на грузинский, татарский и армянский языки.

* См. № 140 «Каспия». Прим.автора.

Другое предложение, сделанное тоже в целях ознакомления населения с земской организацией путем посылки комиссаров в разные места, совещанием не принято. Нам неизвестны соображения, высказанные на совещании по этому вопросу, но местные люди, надлежащим образом избранные, пользующиеся доверием общества, могли бы принести пользу делу. Впрочем, краткость срока, установленного для созыва временных уездных и губернских совещаний, вряд ли дала бы возможность, комиссарам действовать с успехом.

Как известно из доклада канцелярии наместника, распоряжения местных властей о времени открытия совещаний должны делаться с таким расчетом, чтобы уездные совещания могли начать свои занятия не позже 15 августа, а губернские не позже 1 сентября. Но уездным совещаниям предшествуют избирательные съезды землевладельцев, на которых участвуют все обложенные земскими сборами владельцы по спискам казенных палат. Эти избирательные съезды предварительно собираются особо для избрания того числа представителей из крупных и мелких владельцев, какое указано по расписанию для участия от землевладельцев данного уезда на временном уездном совещании.

Остальные категории представителей в уездное совещание предварительно избираются тоже в количестве, указанном расписанием: от городов и местечек – городскими думами или собраниями уполномоченных, где нет дум, и от крестьян – сельскими сходами. Таким образом, все эти предварительные выборы представителей от всех трех категорий должны быть закончены до 15 августа с тем, чтобы все избранные представители к этому времени могли собраться в главный центр уезда.

Каковы предметы занятий временных уездных совещаний – пока неизвестно, но каждое уездное совещание должно выбрать в своей среде определенное расписанием число представителей во временное губернское совещание. И в это последнее должны быть представлены уездными начальниками все протоколы заседаний, списки избранных и все делопроизводство, и причем до 1 сентября, так как занятия губернских совещаний начинаются с 1 сентября.

На губернских совещаниях, происходящих под председательством вице-губернаторов (где нет предводителей дворянства), между прочим, выбираются по два представителя для участия в

Совете наместника при рассмотрении проекта закона о введении земских учреждений в Закавказье.

Таким образом, для выбора 20 представителей в Совете наместника (по два от каждой из 6 губерний и 3 областей Закавказья и по одному от округов Закатальского и Сухумского) установлены три последовательных избирательных съезда – предварительные съезды, уездные совещания и губернские совещания, которые должны собраться из сел и уездов сначала в уездные города, а потом в губернские города в течение времени около одного месяца.

Нельзя не признать, что этого времени недостаточно, особенно если принять во внимание не только наши пути сообщения, но, главным образом, совпадение назначенного для съездов землевладельцев и сельских сходов срока с периодом пребывания значительной части населения (например, Елисаветпольской губ.) на кочевках.

Сюда надо прибавить новизну дела не только для местного населения, но и для уездных и губернских властей, обязанных производить целый ряд распоряжений подготовительного характера по созыву съездов, составлению и проверке списков избирателей и представителей, по председательствованию на совещаниях и пр. Кроме того, из предметов занятий уездных и губернских совещаний пока известны только выборы представителей, но в программу могут быть внесены и другие серьезные вопросы, обсуждение коих на совещаниях может затянутся на значительное время.

Вот почему, мы думаем, что деятельность совещаний, впервые у нас созываемых для столь жизненных интересов края, не должна быть стеснена сроками, и там, где по местным условиям, например, благодаря кочевке и пр., избирательные съезды и совещания фактически не могут выполнить своей задачи к сроку, последний должен быть продлен на столько, на сколько это требуется теми же местными условиями.

Особенно сказанное нами относится к губерниям Восточного Закавказья – Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и Дагестанской области, в которых, при отсутствии таких организованных учреждений, как дворянская, существующая в Тифлисской и Кутаисской губерниях, не так легко созывать избирательные съезды землевладельцев, часть коих к тому же, от закавказского зноя и малярии, со всем своим скотом кочует на все лето в горы. Еще тяжелее будет положение крестьян, которые для образования сельских

сходов с целью выбора представителей должны будут съезжаться издалека, оставляя свой скот, полевые и др. работы.

А между тем эти две категории – крестьяне и землевладельцы – составляют, и по справедливости должны составлять, главный контингент уездных совещаний, и чтобы обеспечить состав последних качественно, необходимо возможно полное участие в избирательных съездах всех тех, кои имеют на это право. Да, наконец, необходимо, чтобы с самого же начала в организации земства в крае участвовало возможно большее число местных уроженцев и постоянных жителей – для последних такое участие будет желательной школой общественности, большое развитие которой служит лучшей гарантией полного и последовательного развития начала местного самоуправления.

А. М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 21 июля.

К отмене ограничения прав мусульман в городском самоуправлении

10 августа 1905 г.

В длинном ряде изъятий и ограничений, установленных для мусульман действующим законодательством, особенно обращает на себя внимание ограничение мусульман в сфере общественной деятельности, введенное Городовым положением.

По 44 ст. Городового положения 11 июня 1892 г. «число гласных из не христиан не должно превышать *одной пятой* части общего числа гласных». Это основное положение и на Кавказе, и в Крыму, и в других областях империи, населенных сплошь мусульманами, коснулось лишь одних мусульман, ограничив права последних в общественных управлениях городов до minimuma.

Нечего и говорить, что передовая часть всего мусульманского общества в России встретила столь незаслуженное, а потому и несправедливое умаление прав мусульман с большим недоумением... Резко бросались в глаза, с одной стороны, цели реформирования общественных управлений городов, а с другой – ограничение прав жителей тех же городов: законодатель возвестил желательную реформу, призвав к жизни местные общественные силы, и в то же время... поставил преграду для тех же местных общественных сил в городах, в которых большинство, а то и исключительно все население составляли и продолжают составлять мусульмане, тогда как христиане составляют только небольшое меньшинство.

Вся нецелесообразность такого порядка была настолько очевидна, что сам законодатель нашел необходимым в виде корректива внести в приведенную 44 ст. Городового положения следующее:

«В тех городских поселениях, в коих по недостаточному числу христиан, исполнение сего правила оказалось бы затруднительным, отступления от оного, по постановлениям местного по городским делам присутствия, разрешаются министром внутренних дел».

Таким образом, уже при самом введении закона, ограничивающего права мусульман, было ясно, что применение закона на практике должно встретиться с затруднениями, вытекающими, прежде всего, из соотношения жителей в городах Крыма, Кавказа и др. из христиан и нехристиан, соотношения, которое не могло быть неизвестно правительству.

Имелось ли в виду ограничить в данном случае права одних только мусульман или и всех остальных нехристиан – это для мусульман в данном случае было небезразлично, так как в тех областях, где они составляют сплошное население и живут в своих родных городах в качестве аборигенов и постоянных плательщиков городских налогов и сборов, вся тяжесть ограничения 44 ст. падала и пала на самом деле, только на мусульман.

Первые же шаги применения на Кавказе Городового положения показали, что благодаря недопущению коренного мусульманского элемента к полноправному участию в городских самоуправлениях заведывание хозяйствами городских поселений в Восточном Закавказье переходили в руки пришлых людей, лишь временно и, следовательно, случайно заинтересованных в судьбах городов. Иначе и не могло быть, если при общем числе гласных, например, в 60 человек, лишь 12 могли быть из мусульман.

Положение последних еще более усугублялось тем, что установленное ограничение, вытекающее, по-видимому, только из соображений религиозного характера, встречалось в большинстве наших городов с фактами и явлениями нерелигиозного, ненационального характера и своим давлением искусственно, следовательно, и несправедливо оказывало большое влияние в деле усиления общественно-экономических прав и интересов одной национальности...

Отсюда понятно, что мусульмане в естественных стремлениях к ограждению своих прав и интересов в целом ряде ходатайств обращались к высшему кавказскому начальству и центральному правительству с просьбами об отмене ограничения 44 ст. Городового положения, столь вредного для них по нравственным соображениям и невыгодным по экономическим последствиям. Но дальше этих ходатайств мусульмане не шли...

Лишь 14 декабря 1900 г. воспоследовало высочайшее повеление, коим в городах Кавказского края «число гласных из нехристиан не должно превышать *половины* общего числа гласных».

Но и это изменение 44 ст. не могло удовлетворить мусульман, ожидавших уравнения их прав в городских делах с остальным населением. Это ожидание настойчиво повторялось во всех ходатайствах с указанием на то, что мусульмане теряются в догадках относительно причин и мотивов ограничения их прав в общественных управлениях родных городов.

На чем, в самом деле, основано это ограничение?

Мы не находим ответа на этот вопрос ни в мотивах ст. 44 Городового положения, ни высочайшего повеления 1900 г., и остается искать его, с одной стороны, в целях и задачах, которые преследуются органами городского самоуправления и возложены на них, а с другой, – в самих мусульманах в их социально-бытовых и религиозных взглядах.

Цели и задачи организации городских общественных управлений ясно указаны в первых двух статьях Городового положения 11 июня 1892 г. из которых видно, что дела, переданные ведению общественного управления городских поселений, по характеру своему часто *хозяйственные* и как таковые требуют от органов городского самоуправления хозяйственных распоряжений и материальных, денежных затрат.

Не говоря о таких функциях общественного управления, как заведывание установленными в пользу города сборами, повинностями, капиталами и имуществами, как содержание в исправности и устройство состоящих в ведении города улиц, площадей, общественных садов и пр. (п. I–IV, ст. 2 Городового положения), как участие в мероприятиях по охранению народного здравия, развитию врачебной помощи (п. IV), не говоря о таких чисто хозяйственных предметах, даже в делах духовно-нравственного и просветительного характера общественное управление городов принимает участие лишь с хозяйственной и денежной стороны. Так, предусмотренное пунктом IX статьи 2 Городового положения попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведывании учебными заведениями заключается в той материальной поддержке, какую города призваны оказывать делу народного образования, не имея права вмешиваться в учебно-воспитательную часть и вообще во внутреннюю жизнь учебных заведений, субсидируемых (Бакинская мужская гимназия и реальное училище) и даже всецело содержимых на счет города (Бакинская женская гимназия и городские школы). Мало того, даже

попечение об устройстве храмов, поддержании их в исправности и благолепии и пр. – тоже предполагает оказание со стороны общественного управления лишь материальной помощи.

Словом, в кругу дел, входящих в компетенцию органов городского общественного управления, нет таких, которые бы определялись вероисповедным взглядом; дела эти исключительно хозяйственного характера и как таковые равно касаются всех постоянных городских жителей, без различия религий.

Таким образом, характер дел, подведомственных городскому самоуправлению и сводящихся исключительно к заведыванию местными пользами и нуждами в хозяйственном отношении, исключает возможность ограничения прав мусульман.

Переходя затем к тому, насколько, быть может, это ограничение вызывается самими мусульманами, их социально бытовыми и религиозными взглядами, мы, прежде всего, должны остановиться на том, в корне неправильном взгляде, который, к сожалению, установился на мусульман. Это тот исключительно вероисповедный взгляд, которым принято определять все отношения к мусульманам с игнорированием их национальных, экономических, общественных и вообще культурных интересов. В этом взгляде, устраняющем почти возможность видеть в мусульманах часть русскоподданных, занимающую второе после коренного русского населения место по числу, и надо искать причины всех тех многочисленных изъятий и ограничений, которые установлены в отношении мусульман как последователей религии, «враждебной» христианству.

Не здесь, конечно, говорить о том, насколько превратно и ошибочно такое понимание и толкование Ислама, относящегося особенно восторженно к учению Иисуса Христа. Сам основатель Ислама высоко ставил это учение и заповедал своим последователям благоговейное отношение к божественной книге – св. Евангелию, к христианским храмам и ко всем совершающимся публично христианским обрядам.

Вот почему на чисто религиозной почве у мусульман с христианами не может быть теперь столкновений и недоразумений. Смешивать же с религией всякого рода столкновения и недоразумения, происходящие на почве национальной или экономической – значит продолжать смотреть на мусульман как на людей, не имеющих никаких других жизненных вопросов кроме религии. Это большая ошибка, так как народы, исповедующие Ислам, и в их числе де-

сятки миллионов тюрко-татар, населяющих Россию, предъявляли и предъявляют к современной жизни уже культурные требования...

Что не в религиозных и общественно-бытовых взглядах мусульман надо искать основания установленного 44 ст. Городового положения ограничения прав мусульман, можно указать на отношение правительства, проявленное к мусульманам Крыма и вообще внутренних губерний России по городским и земским делам.

В Крыму, в городе Бахчисарае, мусульмане не ограничены в своих правах и руководят общественными делами родного города, подобно остальным городским поселениям, не приносят этим никакого вреда интересам государства.

Далее, в земских делах мусульмане Казанской, Уфимской и др. губерний также не ограничены и призываются к заведыванию земским хозяйством наравне с коренным русским населением.

Наконец, и в той ограниченной общественной деятельности, которая предоставлена мусульманам на Кавказе, не было ими проявлено никаких действий, несовместимых с званием и достоинством представителей общества. Относясь всегда корректно к своим обязанностям, мусульмане действовали в общественных управлениях в интересах города, решений своих не основывали на религиозных соображениях и со вниманием относились ко всякого рода ходатайствам христианского духовенства об отводах земли под церкви и пр., равно приходили на помощь благотворительным, богоугодным и просветительным учреждениям, жертвовали и жертвуют в пользу Красного Креста, в пользу голодающих и пр. Никогда не было со стороны гласных мусульман ни одного протестующего в таких случаях голоса. Среди них число людей, преданных общественным интересам, все более и более увеличивается, и нет сомнения, что предстоящие в стране реформы вызовут из среды мусульман еще больше общественных сил.

Таким образом, ни в характере дел, подведомственных общественному управлению городов, ни в социально-бытовых и религиозных взглядах мусульман нет оснований к ограничению последних в участии в городских делах.

И это положение подтвердил своим авторитетным словом наместник Его императорского величества на Кавказе: принимая 10 июня с. г. депутацию кавказских мусульман, граф Ил. Ив. Воронцов-Дашков, касаясь той части поданной депутатами петиции, в которой мусульмане указывали на несправедливое ограничение

их прав в общественном управлении городов, сказал: «Нет оснований ограничивать права мусульман в этом отношении, но ограничение это установлено законом, об отмене которого он войдет в Государственный Совет».

Веским словом представителя верховной власти на Кавказе уже осуждено ограничение 44 ст. Городского положения, связывающее до сих пор общественную деятельность мусульман в городах.

Этот же взгляд на мусульман высшее кавказское начальство выразило и в вопросе о введении в Закавказском крае земских учреждений. В известном нашим читателям докладе канцелярии наместника, изготовленном по сему вопросу, между прочим, сказано: «Признавая возможность и целесообразность введения на Кавказе земских учреждений, наместник Его императорского величества на Кавказе для спокойного проведения в жизнь столь сложного преобразования решил призвать к содействию все общественные силы края, без различия религий и национальностей».

При таком отношении к мусульманам ограничение 44 ст. Городового положения теряет всякий raizon d'etre и вопрос об отмене этого ограничения кавказским начальством поставлен на первую очередь.

Отмена ограничения мусульман в общественном управлении городов, призвание их к совместному с остальным населением участию в земстве, введение начального образования на родном языке, возвращение мусульманскому крестьянству земель, отобранных для переселенцев – все это, будучи проявлением справедливого отношения к мусульманам, послужит, мы в этом уверены, могучим рычагом в деле духовно-нравственного и экономического развития мусульманских масс.

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1905. 10 августа.

Действительные меры к успокоению страны

6 ноября 1905 г.

Манифест 17 октября[183], как трубный звук архангела, оповестил вес мир о гражданской свободе в России, а страна все не утихает и каждый день приносит все новые протесты общественных групп в той или другой части империи.

Политические забастовки и демонстрации, погромы, крестьянские бунты, со всеми атрибутами настоящей революции, не умолкают и готовы довести всю страну до полной анархии.

Где причина?

Ведь, все слои населения, видя в манифесте 17 октября зарю свободы, придают ему значение исторически знаменательного акта, приобщающего России к семье конституционных государств предоставлением русскому народу основ гражданской и политической свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, свободы слова, собраний и союзов, а также участия населения в законодательстве и в надзоре за закономерностью действий властей.

Во всех политических платформах общественных групп и союзов выставлялись требования об этих началах гражданской свободы, и они получили подтверждение в акте 17 октября.

А между тем волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, продолжается и принимает все более ожесточенный и опасный характер.

Причину этого надо видеть в мучительном противоречии между фактом и правом, в том, главным образом, что возвещенные манифестом 17 октября незыблемые основы гражданской и политической свободы не получили еще практического осуществления.

Перечисленные в манифесте четыре свободы пока не применяются и русский народ пока не пользуется гражданской свободой во всем объеме.

Русскоподанный не чувствует себя свободным гражданином свободного государства в том смысле, в каком это предоставляется тем же актом 17 октября.

Он видит себя еще в царстве мрака и бесправия, в тисках уже ставшей ненавистной бюрократии, в удушливой, затхлой еще атмосфере.

В это-то время, когда сам государь император объявил свою непреклонную волю о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы, призванный стоять во главе Совета министров граф С.Ю. Витте[184] в своем всеподданнейшем докладе находил, что «корни происходящих волнений лежат в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы».

Можно ли жизнь, бьющую ключом, заставить ждать?

Не примет ли тогда она, задержанная искусственно в своем естественном течении, уродливые формы, ненормальное направление? Есть ли, наконец, надобность в такой насильственной задержке?

Мы думаем, что нет в этом надобности и что можно и должно теперь же предоставить всему населению начать пользоваться всеми свободами, объявленными 17 октября.

Теперь трудно себе представить человека без таких гарантий, как неприкосновенность личности, свобода совести, слова и пр. до созыва Учредительного собрания включительно. И нет сомнения, что чем раньше получится возможность ими пользоваться, тем скорее и прочнее водворится в стране спокойствие.

В этом отношении нельзя не отметить той гуманной и целесообразной программы, которой придерживается наместник Его Величества на Кавказе.

Проникнутый искренним желанием добра к нашему краю, граф. И.И. Воронцов-Дашков сейчас же после манифеста 17 октября нашел возможность объявить полную свободу кавказской печати.

За этим мудрым распоряжением, принятым восторженно всей мыслящей частью населения Кавказа, последовало снятие военного положения с города Тифлиса и его уезда, а полученная вчера телеграмма принесла приятную весть об отмене военного положения во всей Кутаисской губернии и отозвании войска из Гурии, еще вчера объятой пожаром крестьянских волнений. Наконец, получе-

но сообщение, что имеется в виду упразднить вовсе должность заведывающего полицией на Кавказе.

Приветствуя все эти распоряжения наместника графа И.И. Воронцова–Дашкова и считая их действительными мерами и вполне целесообразными, мы выражаем уверенность, что именно фактическим осуществлением и проведением в жизнь начал гражданской и политической свободы водворятся в крае желанные спокойствие и умиротворение. Мы не сомневаемся, что принятая графом И.И. Воронцовым-Дашковым программа получит применение во всем крае в смысле отмены военного положения в других губерниях Закавказья, в том числе и в бакинской, и тем восторжествует то в высшей степени правильное мнение, что выбитая из колеи народная жизнь может принять естественное течение не при помощи репрессивных мер, насилия и всякого рода беззаконий, а единственно своевременным и разумным удовлетворением народившихся ее потребностей.

Потребности же современной жизни на Кавказе и во всей России заключаются в получении полной возможности пользоваться незыблемыми основами гражданской свободы, и чем скорее наступить эта возможность, тем лучше для всей страны и ее населения.

А. М. –б. Топчибашев

Каспий. 1905. 6 ноября.

Партии

8 ноября 1905 г.

Во всех государствах с парламентарным образом правления существуют политические партии, борющиеся за господство в стране. Находясь то в оппозиции, то у власти, партии разных наименований, идя по намеченному пути, преследуют цели, соответствующие их политическим идеалам. Образование таких партий тесно связано с политической историей государства и отражает в себе те перипетии, из которых сложилась политическая жизнь данного народа.

Но, как показывает та же история, деятельность партий дает плодотворные результаты лишь после установления в стране гражданской и политической свободы, при наличности которой только и возможна успешная борьба за те или другие политические идеалы.

Таковы две сильные партии, существующие обыкновенно у англосаксонских народов – консервативная и либеральная, ведущие между собой борьбу за политическое господство в стране.

Начавшееся в России освободительное движение вызывает к жизни политические партии, из которых одни уже успели сформироваться, другие пока лишь намечаются.

Образование таких партий – явление вполне естественное и неизбежное, так как различные общественные группы имеют и будут иметь различные же политические идеалы. И в борьбе за идеалы залог жизнеспособности и усовершенствования государственного организма.

Но, считая появление в России политических партий естественным и желательным последствием нового государственного устройства, мы находим, что при переживаемых сейчас обстоятельствах все партии, преследующие цели действительного возрождения страны на началах гражданской и политической свободы, должны объединить свою деятельность и общими силами пока добиться фактического осуществления манифеста 17 октября и созыва Учредительного собрания.

Мы не касаемся партий характера отрицательного, разрушительного, для приверженцев которых святые интересы родины, ее

прогресс и духовно-нравственная мощь всегда стояли и стоят на последнем месте. Напротив, ввиду именно подобного рода партийных групп, вредящих освободительному делу, мы находим необходимым объединение всех прогрессивно-политических партий, какие бы политические идеалы они не предъявляли. Сейчас не такой момент, чтобы каждая из партий могла отстаивать и проводить исключительно свои идеалы. Для этого, прежде всего, нет поля, нет почвы. Надо приготовить первое, удобрить вторую. Чтобы вести борьбу за свои идеалы, чтобы все граждане могли свободно высказывать свои убеждения, надо им иметь возможность собираться, надо образовать союзы, надо получить гарантии, что всем этим может пользоваться навсегда каждый русский гражданин как своим неотъемлемым правом.

Все это есть в манифесте 17 октября, но не применяется в жизни, а без этих гарантий вести борьбу за идеалы не под силу огромному большинству населения.

Вот почему мы думаем, что при условиях данного момента необходима лишь одна «партия гражданской и политической свободы». Сплотившись в одно целое, все идейно-прогрессивные партии получили бы возможность фактического осуществления и проведения в жизнь начал гражданской и политической свободы. Теперь же образование новых политических партий, не находя пока почвы для отстаивания выставленных идеалов, способно вносить в общие действия не только раскол, но и раздор, что только на руку реакционным элементам.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 8 ноября.

Мусульмане в освободительном движении

9 ноября 1905 г.

В численности своей мусульмане в России, после коренного русского населения, занимают первое место и поэтому вопрос о том, как они относятся к начавшемуся в стране освободительному движению, какую роль могут играть в будущем, представляется весьма важным.

К сожалению, суждения об этом вопросе, встречающиеся изредка на страницах некоторых столичных и местных газет, не отличаются ни объективностью, ни правильным освещением. Зависит это, прежде всего, от незнакомства как с мировоззрением, так, в особенности, с теми внешними и внутренними условиями, при которых сложилась и пребывает жизнь многомиллионного русского мусульманства. Незнакомство это явление не случайное и проходит красной нитью через всю историю русского общества, в которой мы не знаем ни одной серьезной попытки в целях сближения с мусульманами строго объективного, для культурных задач, исследования жизни мусульман, вошедших в состав Российской империи четырьмя большими царствами и десятками ханств и сюзеренных владений. Если и бывали случаи исследования жизни мусульман, то они имели место по приказанию начальства в интересах правительства, а всего чаще в целях обрусения.

На такое отношение к себе мусульмане ответили тем, что еще более обособились, а под влиянием систематически проводившихся обрусительных мер еще более замкнулись в свой мир, стараясь, в виде глухого протеста против произвола и поруганий правительства, сплотиться и держаться крепко старых устоев.

Не место и не время теперь разбираться в тех отношениях, которые установились между правительством и мусульманами в России. Достаточно сказать, что эти отношения не могли привлекать сердца мусульман к тем, кто старался убить в них все живое,

искусственно задерживать их духовно-нравственное и экономическое развитие, создавать для них бесправное положение путем установления целого ряда изъятий и ограничений в пользовании гражданскими правами, в общественной деятельности, в отношении религии.

Боже, сколько потрачено на протяжении сотен лет сил, энергии, материальных средств, чтобы отвратить последователей ислама от их религии, и все это только для того, чтобы в светлый и знаменательный для всей России день 17 октября услышать: «Всяк на земле русской да исповедует свою веру как хочет».

Крик радости вырвался, мы в том убеждены, из души каждого мусульманина и не потому, что ему дана свобода вероисповедания, а потому, что с признанием этого великого принципа отпадает стимул, который является краеугольным камнем во всех отношениях правительства и общества к мусульманам: отныне последние не только «не-христиане», но такие же русские граждане. Этим началом свободы совести отныне отпадает тот исключительно вероисповедный взгляд, которым проникнуто законодательство, администрация и даже, судя по отношению к мусульманам, общество. Этот-то взгляд, получивший у нас роль своего рода крестового похода против мусульман России, и был источником всех зол, сыпавшихся на головы мусульман сотни лет.

Вот где причина радости мусульман, вот почему манифест 17 октября они должны были встретить с энтузиазмом, ибо для них это настоящее освобождение от духовно-нравственного гнета.

Повторяем, что не в чисто религиозной стороне здесь дело; наоборот, провозглашенная свобода совести потому и дорога для мусульман, что она отныне устраняет делавшееся до сих пор строгое различие именно на религиозной почве. Отныне открывается и для них общая арена для разумной социально-политической жизни на началах гражданской и политической свободы.

Подобно всем народностям России, и мусульмане, нет сомнения, внесут свою лепту в дело освободительного движения своим сочувственным отношением и солидарною деятельностью в рядах тех передовых русских элементов, которые с честью начали борьбу за общее дело и так славно пока завершили его получением акта 17 октября.

Правда, мусульманские массы в общем еще очень отстали и слишком вели обособленную жизнь, но благотворные начала граж-

данской и политической свободы сами по себе настолько жизненны, что народные массы, найдя в них прекрасную школу, не замедлят также признать в этих началах значение действительных жизненных благ. Примеры народов, стоявших тоже на низшей ступени развития в культурном отношении, но охотно и скоро воспринявших и оценивших весь смысл гражданской и политической свободы, служат лучшим подтверждением сказанного. Конечно, и среди мусульман, как и среди русских, армян, грузин, есть и будут не сочувствующие новому строю жизни, но это отрицательные элементы, против которых остальным придется вести борьбу такую же, какая ведется с основания мира между добром и злом, светом и мраком. Одаренный же разумом человек не может не познать, насколько он делается силен, обладая возможностью свободно высказывать свои мысли, собираться с единомышленниками для общих дел, образовывать с ними союзы для борьбы против общего врага, участвовать в законодательстве страны, контролировать ее правителей.

В этом нет и не может быть препятствий ни в мировоззрении мусульман, ни в их религии, ни в шариате.

На страницах «Каспия» много говорилось о том, что, вопреки установившемуся мнению, религия магометанская в своих догмах зиждется на тех же великих принципах мира, добра, любви и справедливости, что эти высокогуманные этические начала исламом положены в основание человеческого общежития и для каждого мусульманина являются руководящими в жизни. Из этих же принципов исходит и шариат, содержащий в себе кодекс религиозных и социально-гражданских правил. Для мусульман непреложны лишь правила, касающиеся догматов веры, все же остальные, преподанные для урегулирования гражданско-правовых и социальных отношений, эволюционизируют в соответствии с потребностями жизни.

Серьезным препятствием к усвоению мусульманами начал нового социально-политического строя может быть неподготовленность и вообще культурная отсталость мусульманских масс. Но в этом отношении, к сожалению, народные массы в России мало отличаются, и не их в этом вина; мусульманским народным массам, как и остальным, до сих пор давали вместо хлеба камень, всячески задерживая их духовно-нравственное и экономическое развитие. Теперь наступила светлая эра, когда в каждом гражданине России признаны его человеческие права независимо от принадлежности к той или другой вере, национальности. Мусульмане также под-

пали под благотворное влияние начавшегося в России освободительного движения. Сейчас же, после опубликования манифеста 18 февраля, давшего всем общественным группам возможность говорить о своих нуждах, мусульмане всех областей начали подавать петиции, в которых выставляли требования социально-политического характера, а съезд мусульман в августе настоящего года в Нижнем Новгороде принял такую резолюцию: «Необходимо и своевременно сближение мусульман всех областей России на почве общественно культурных и политических запросов и задач современной русской жизни; в достижении и осуществлении этих задач прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством».

Светлый день 17 октября окрылит надежды мусульман на возрождение гражданского и политического строя России, и могучей волной пробудив в них общественное самосознание, даст им силы для общей созидательной работы и борьбы за упрочение в стране незыблемых основ гражданской и политической свободы.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 9 ноября.

Свобода и кавказские народности

10 ноября 1905 г.

При крайне печальных обстоятельствах Кавказский край встретил наступление эры гражданской и политической свободы: аграрные движения в Западном Закавказье, национальные распри в Восточном Закавказье и сильное брожение среди горских народов Северного Кавказа.

Все эти явления – естественное порождение недовольства жизнью, созданного полицейско-бюрократическим режимом кавказского начальства, доведшего наш край до нынешнего печального состояния. Иного исхода нельзя было ожидать от правителей, имевших в виду, за незначительными исключениями, не нужды и потребности населения края, а уничтожение и преследование всего живого в целях извращенно понятых высших государственных соображений.

Рельефнее всего результаты чисто сатрапского правления Кавказом обнаружились на столетнем юбилее присоединения Грузии, когда представители грузинского общества констатировали, что за сто лет народ грузинский, бесправный и обезличенный, доведен до духовной нищеты и экономического разорения.

А ведь это была еще единоверная православная страна.

Каковы же итоги однородных юбилеев других частей края с иноверным населением?

К счастью, с 17 октября оборвалась нить, и этим грустным юбилеям у нас не бывать, так как с этого дня начался новый счет годам проверки того, что та или иная присоединенная область получила в культурном отношения. Будем надеяться, что новое исчисление, знаменуя собой эру свободной жизни, окажется чреватым благотворными последствиями и кавказские народности в лице грядущих поколений будут не оплакивать, а действительно праздновать свои юбилеи.

Пока же мы стоим лицом к лицу с весьма сложными вопросами краевой жизни, в которой нас сейчас занимает печальный вопрос о национальной распре между армянами и татарами. Это сейчас – наша Ахиллесова пята, создавшая между двумя народностями, призванными жить в соседстве, невыносимое положение, одинаково пагубно действующее на жизненные интересы армян и татар.

При других обстоятельствах можно было бы предоставить всепоглощающему времени сглаживание неприязненных отношений друг к другу и быть уверенным, что благоразумие обоих народов одержит верх над всеми другими чувствами и соображениями в сознании, что соседям нельзя так жить и что всякой распре должен быть положен конец.

Мы убеждены, что так оно и будет, но переживаемые нами события общего характера, идущие таким ускоренным темпом, заставляют нас именно теперь дорожить временем и пользоваться каждым днем, чтобы не упустить исторического момента, в котором решается судьба нашей общей родины, нашего чудного Кавказа. В такой знаменательный момент лучшие представители всех кавказских народностей, все передовые их элементы должны сплотиться в одном желании идти рука об руку и единодушными усилиями приняться, не теряя времени, за созидание гражданско-правового и социально-политического строя на Кавказе на началах свободной разумной жизни.

Сейчас эта созидательная работа на пользу всего края должна заслонить все прочие проявления текущей жизни и в такой работе каждый кавказец, любящий свой край, должен и может найти источник устранения всех взаимных недоразумений; там, где дело идет об устроении жизни всех народностей Кавказа, должны выясниться все взаимные между ними недоразумения, какового бы характера – постоянного или случайного – они не были. Выяснение этих недоразумений дает возможность к взаимному пониманию, что и послужит верным залогом успешности предстоящей созидательной работы на пользу всего населения Кавказа.

К сожалению, мы не видим еще общих шагов, направленных к совместным действиям: каждая народность действует отдельно, вырабатывает свои социально-политические платформы, как будто предрешен вопрос о невозможности солидарных действий в интересах всего края. Между тем до сих пор ничего существенного не предпринято не только для решения, но и для обсуждения его путем

взаимного обмена мыслей. В этом отношении частые съезды представителей кавказских народностей в разных пунктах края принесли бы огромную пользу как делу выяснения взаимных недоразумений, так вообще выяснению отношений народностей Кавказа к текущим событиям краевого и общеимперского характера. Проскользнувшая в местных газетах весть о созыве подобного съезда в Елисаветполе не получила пока реального осуществления. А между тем Елисаветполь для первого такого съезда представляется во многих отношениях весьма подходящим пунктом. Устроенный здесь съезд всех кавказских народностей, и в самом ближайшем времени, был бы весьма кстати и открыл бы собой ряд других съездов в разных пунктах, на которых представители народностей путем личного обмена о жгучих вопросах дня много способствовали бы устранению взаимных недоразумений и выработке программ общих действий, чем, конечно, ускорили бы водворение у нас человеческой жизни на началах гражданской и политической свободы.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 10 ноября.

К самоуправлению Кавказа

11 ноября 1905 г.

Вчерашняя агентская телеграмма из Тифлиса представляет особый интерес: из нее видно, что местные газеты, посвящая статьи самоуправлению Грузии, признают необходимым учреждение в Тифлисе сейма с законодательными функциями по вопросам внутренней жизни края.

Этим ставится на разрешение огромной важности вопрос о положении Кавказа в новом социально-политическом строе, составляющий часть общего вопроса о будущем отношении различных окраин, с самостоятельным прошлым, к империи. Это программный вопрос всех образовавшихся политических партий, в том числе и собравшихся на московский съезд городских и земских деятелей.

По этому вопросу, обнимающему интересы всех отдельных национальностей, пока определенно выражена точка зрения на желательное положение Польши, все прогрессивные элементы которой сходятся в установлении полной автономии областей, составляющих их Царство Польское.

Такая автономия получена только Финляндией. Относительно остальных окраин пока нет определенных положений.

Что же касается Кавказского края, то здесь лишь радикальная партия выставила требование о полной автономии Кавказа, о полном политическом обособлении нашего края от России; все остальное же население в лице передовых элементов кавказских народностей представляет и представляло себе будущее положение Кавказа прежде всего как неразрывную часть одного политического тела – Российской империи. О каком-нибудь отпадении или политическом обособлении от России нет помину ни в одной из петиций или политических платформ представителей кавказских народностей. Мало того, встречающееся иногда в них слово «автономия» употребляется также не в строго политическом смысле его.

Вышеприведенное телеграфное сообщение не оставляет сомнения, какого положения народности желают своему краю. Вот это положение.

Кавказ составляет неразрывную часть России, счастье и благополучие последней тесно связано с счастьем и благополучием Кавказа, но последнему должно быть предоставлено широкое самоуправление с необходимыми законодательными функциями по делам внутренней жизни края.

Разумность и целесообразность, а следовательно, и необходимость предоставления Кавказу самоуправления в широких размерах, по нашему мнению, неоспорима и вытекает, прежде всего, из того печального положения, в котором очутился наш край благодаря тому, что им руководили и управляли не на месте, а за три тысячи верст из Петербурга. Такой порядок вещей настолько в существе своем вреден, что не требует теперь доказательств; мало того, даже будущему представительному учреждению – Государственной Думе[185] не под силу будет заниматься вопросами и делами окраин, отличающихся своими особенностями во всех отношениях и проявлениях жизни – историческом, бытовом, религиозном и пр.

Если цель нового строя на началах гражданской и политической свободы заключается в наибольшем и наилучшем удовлетворении нужд и потребностей населения, то единственный путь сделать последнее в этом отношении счастливым – это предоставление самому населению ведать и руководить местными делами.

Свободно избранные представители всех народностей – вот из кого должно состоять будущее представительное учреждение Кавказа, облеченное законодательными функциями.

Нечего и говорить, что эти функции местного самоуправления простираются лишь на дела местные, не касаясь дела и вопросов, имеющих общегосударственное значение, которыми выдает, понятно, общегосударственное же учреждение – всероссийский парламент, или Государственная Дума.

Такое самоуправление необходимо для всего Кавказа и мы в этом отношении вполне присоединяемся к программе передового грузинского общества, уверенные в том, что лишь предоставление Кавказу широкого самоуправления на указанных основаниях дает возможность всему его населению в полной мере развить свои духовные и экономические силы.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 11 ноября.

Свобода и школа

12 ноября 1905 г.

Свободная школа – особенно ценный дар русскому народу в освободительном движении, его надо лелеять, пред ним должно благоговеть. Все будущее нашей страны зависит от свободной школы, которая одна может упрочить с такими жертвами доставшиеся нам начала гражданской и политической свободы подготовкой подрастающего поколения, будущих граждан страны, развив и укрепив в них сознание своего гражданского долга.

Вся судьба страны в руках школы и ее истинных поборников – учителей, для которых новый строй, начавшийся с 17 октября, открывает обширное поле для добрых семян. Надо спешить пользоваться возможностью удобрить это благодатное поле для скорых обильных всходов.

Особенно этим надо воспользоваться бакинским педагогам: от новой свободной школы местное общество ожидает благотворного влияния на выбившуюся из нормальной колеи бакинскую жизнь; такая школа может и должна свободным живительным светом озарять все темные уголки местной жизни, устранять такие нежелательные и пагубные явления, как национальные распри и вообще взаимные недоразумения между разными частями населения, способствовать лучшему усвоению основ свободной жизни. Каждое слово, сказанное в этом направлении и усвоенное учащимися, есть служба, и притом благородная, делу свободы. Это и будет для педагога той борьбой за гражданское и политическое возрождение России, которая составляет теперь долг каждого гражданина. Для бакинских педагогов такая борьба теперь облегчена образовавшимся союзом, в котором наши учителя найдут всегда моральную поддержку в достижении святых задач, лежащих на обязанности учителя и воспитателя молодежи.

И чем раньше приступить к этим обязанностям, тем, при настоящих условиях гор. в Баку, полезнее во всех отношениях. Не надо за-

бывать, что нравственная сила разумной, свободной школы выше всех остальных мер, начиная от военного положения. Пора теперь применить именно эту силу, на стороне которой всегда победа. Исходя из этого положения в Тифлисе и других городах уже начались учебные занятия. Пора приступить к ним и в Баку; теперь, когда объединение педагогов совершившийся факт, мощное и авторитетное слово союза педагогов о необходимости начала учебных занятий неотразимо подействует на родителей и учащихся. Те и другие не могут не видеть, что свободная школа в установлении гражданской и политической свободы в стране является могучим фактором при действительном и разумном ее пользовании.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 12 ноября.

Первое конституционное собрание

13 ноября 1905 г.

Заседающий сейчас в Москве съезд невольно приковывает к себе внимание всех прогрессивных элементов России. Это уже не скромный съезд городских и земских деятелей, собиравшийся дважды и действовавший негласно, под ежеминутным опасением быть разогнанным полицейской властью. Это собрание передовых людей России, представляющих политическую партию, с которой приходится считаться и нынешнему правительству. Собрание это действует по праву, предоставившему в стране образовывать союзы и свободно собираться для обсуждения всякого рода вопросов, не исключая и политических.

Таким образом, съехавшиеся в Москву представители разных областей империи осуществляют то конституционное право, которое объявлено 17 октября в числе незыблемых основ гражданской и политической свободы. Вот почему теперешний московский съезд – первое русское конституционное собрание, к голосу которого прислушивается вся страна.

Основание нынешнего собрания было положено на общеземском съезде в Петербурге ровно год тому назад. На нем было решено организовать следующий съезд в Москве с привлечением, кроме земских, и городских деятелей. Съезды последних происходили в Москве в июле и сентябре настоящего года. Закрываясь, сентябрьский съезд выступил с известным «воззванием к избирателям» (в Государственную Думу) и тогда же принял название Конституционно-демократической партии[186]. Учредительный съезд этой партии 12–18 октября с.г. выработал программу партии, в которой по отношению к областному самоуправлению в 24 пункте сказано: «После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами для всего Российского государства должен быт открыт правомерный путь, в порядке об-

щегосударственного законодательства, для установления местной автономии и областных представительных собраний обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения».

Этот пункт в связи с представлением Польше автономного устройства с сеймом был понят в смысле отстаивания Конституционно-демократической партией идеи о переустройстве России на федеративных началах. Противником партии по этому вопросу выступил г. Гучков[187], а затем вскоре образовалась Партия правового порядка, поставившая во главе своей программы «единство и неделимость России» и объявившая себя противником партий конституционно-демократической и социал-демократической. Наконец, недавно организовавшийся в Петербурге демократический союз конституционалистов, ставящий себе задачей «мобилизовать все живое и честное в стране для совместной борьбы за лучшее будущее нашей несчастной родины, за обновление и переустройство нашей жизни во всех сферах», в отношении местного управления в свою программу вносит: широкое развитие и распространение самоуправления на все пространство российского государства; учреждение мелких самоуправляющихся единиц на началах всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования без различия пола, вероисповедания, расы и национальности, расширение круга ведомств органов местного самоуправления на всю область местного управления, включая и область финансового управления.

Этот же вопрос об областном самоуправлении или, правильнее, об отношении различных окраин и их представительных собраний к всероссийскому представительному учреждению был и должен быть предметом обсуждения на московском съезде, на котором поставлен вновь вопрос об автономии Польши и других окраин. Присутствовавшие польские представители заявили, что, поддерживая требования об автономии, они далеки от мысли об отпадении или политическом обособлении Царства Польского от Российской империи.

К сожалению, пока других более обстоятельных данных по этому вопросу мы не имеем, а сообщаемые сведения телеграфных агентств так мало содержательны, что на них нельзя основывать никакого вывода.

Вообще получаемые нами теперь из Москвы сведения мало утешительны: известная группировка сведений агентских телеграмм,

отдающая тенденциозностью, даже наводит на мысль о новом расколе в Конституционно-демократической партии на почве реакционных стремлений. Если верить этим сведениям, все ораторы на стороне графа Витте, которому выражают полное доверие. Таковы председатель собрания Петрункевич[188], известный петербургский адвокат Родичев[189], граф Гейден[190] и др. Между тем частные телеграммы из Москвы, получаемые от участников съезда, говорят об обратном. Вот, например, что читаем в одной из частных телеграмм о речи г. Родичева: «Правительство, чтобы успокоить Россию, должно сбросить маску лицемерия; или оно пойдет по новому курсу, или погибнет, обагрив Россию потоками невинной крови. Что такое манифест от 17 октября? Скупая уступка, или действительный приступ обновлении России? Правительство должно торжественно признать всеобщее избирательное право как залог того, что мир правительства с народом не фраза, а правда, пусть оно поддержит основными законами манифест от 17 октября и порвет с реакцией, тогда мы сочтем обязанностью содействовать ему».

Мы уже имели случай высказать свой взгляд, что действительные меры к успокоению страны заключаются в фактических основах свободной жизни, провозглашенных 17 октября. Обеспечение этих основ и должно быть выражено в поддержании их основных законов, которые для всех русских граждан и будут гарантией в действительном получении ими гражданской и политической свободы, будут обязательны для всех и каждого, и прежде всего для правительства.

Только в таком случае свободы 17 октября получат значение незыблемых начал и только тогда все русские граждане, все разумные, лучшие элементы в стране получат действительную возможность принимать участие в той созидательной работе, которая необходима в великом деле устроения государственной и общественно-правовой жизни на началах гражданской и политической свободы.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 13 ноября.

Эра возрождения мусульман

16 ноября 1905 г.

При необычайных условиях сегодня миллионы мусульман встречают свой Орудж-байрам, которым заканчивается тридцатидневный пост в течение месяца Рамазана.

Это – наиболее чтимый во всем мусульманском мире праздник, и прежде всего по тому внутреннему значению, каким он пользуется у всех последователей ислама. В высокопоэтических словах священная книга мусульман аль-Коран говорит о духовном значении месяца Рамазана. В этом разъяснении глубоко назидательная философия, обнимающая духовную природу человека: неизмеримо великом назначение человека на земле; на нем лежат высокие обязанности по отношению к себе, к окружающим, ко всему живущему, ко всей вселенной; блюдет ли он великие начала любви, добра и мира; руководится ли человек в своей земной жизни теми гуманными принципами, которые, будучи небесного происхождения, заповеданы миру, всем людям и должны служить для них путеводной звездой. Повседневная жизнь со всеми ее мелочами настолько занимает человека, что он не в состоянии, находясь в круговороте ее, давать себе отчет в своих действиях в выполнении тех высоких обязанностей, которые на него возложены как на разумное существо. Для такой самопроверки необходимо духовное воздержание, в течение которого человек мог бы углубиться в свой духовный мир, вопрошать свою совесть и проверить самого себя и отношения к людям. Это состояние борьбы тела с духом, всех дурных человеческих инстинктов и страстей с великими принципами любви и истины, и в ней, в такой борьбе, каждый должен закалить себя и тем обеспечить торжество духа над телом, ведущее всегда к победе добра над злом, света над мраком.

Чуждый в то же время аскетического взгляда на жизнь, ислам в такой победе и есть единственный и действительный путь к чело-

веческому самоусовершенствованию. И счастлив тот мусульманин, который из такой борьбы духа с телом выходит нравственно удовлетворенным и может встретить Орудж-байрам со словами: «В течение тридцати дней Рамазана я ограничивался не только тем, что воздерживался днем от пищи и питья, но проверял свои действия перед совестью, сказавшей мне, что я живу на земле, не нарушая великих заповедей любви и правды, что я никому не делаю зла, не кривлю душой, исполняю обязанности семьянина, члена общества, гражданина, человека!»

Много ли таких счастливых?

Среди миллионов русских мусульман их совсем мало, как мало таких и среди других народностей России. И главнейшая причина – это те антисоциальные условия, в которых протекало жалкое существование каждого русского гражданина, а так называемого инородца в особенности. Сгнивающий теперь полицейско-бюрократический режим опутал в числе остальных и миллионы мусульман в такие сети беззакония, полного произвола продажной администрации и суда, при систематическом уничтожении даже малейшего проблеска мысли, инициативы и самосознания, что наши мусульмане, обезличенные и запуганные, должны были делать очень большие усилия, чтобы окончательно не впасть в полное невежество и отчаяние. И заслоненные искусственными мерами «патриотов-миссионеров» от действий живительных лучей просвещения, мусульмане в России более других народностей терпели и страдали от порядков старого строя, задыхаясь в удушливой атмосфере, насыщенной, благодаря заботливым трудам мракобесов и человеконенавистников всех рангов и положений, антирелигиозными и антинациональными ядами.

Естественно, что в такой зловредной атмосфере не могло быть подходящей почвы для успешной борьбы духа над телом, и каждый мусульманин, несмотря на глубоко нравственное значение духовного воздержания в смысле самопроверки, мог по шаблону исполнять лишь внешнюю обрядовую сторону поста. Да и как он мог научиться проникнуть в истинный смысл этого начала, когда он был лишен возможности читать Коран и иметь грамотного муллу. Где ему было проникнуться нравственными идеалами, когда кругом было царство лжи, обмана, насилия, беззакония, преследований; когда те, кому была вверена судьба населения, первые подавали примеры нарушения законов, приучая население к подкупам и лжесвидетельству, толкая людей на преступления.

Подходящую почву для нравственного усовершенствования, как и для обновления жизни всех русских граждан, может дать лишь освободительное движение, стремящееся с корнем уничтожить давно уже полусгнившие устои старого режима.

Вот почему и для мусульман в России теперь настала эра действительного возрождения; и они могут начать дышать легче и более чистым воздухом; и они уже должны приступить к полному реформированию своей жизни на началах гражданской и политической свободы.

Мы уже говорили в статье нашей «Мусульмане в освободительном движении» и повторяем, что свободы, провозглашенные 17 октября, особенно дороги для мусульман, находившихся столь долгое время в состоянии полного бесправия, и что поэтому они одинаково заинтересованы в получении действительных гарантий, обеспечивающих разумную свободную жизнь на выработанных культурным человечеством началах.

Отсюда вывод, что мусульмане также должны примкнуть к прогрессивным элементам русского общества и вместе с ними отстаивать гражданскую и политическую свободу, памятуя, что счастье и благополучие мусульманских масс тесно связаны с счастьем и благополучием всего русского народа, с которым мусульмане всегда жили в мире и согласии.

Для наших мусульман также открывается обширное поле деятельности к свободной культурной жизни во всех ее проявлениях. Правда, не возделано это поле, даже почти девственно для мусульман, но тем более им надо спешить воспользоваться историческим моментом, чтобы высказать себя достойным членом возрождающегося на началах свободы русского общества. Природные задатки и нравственные качества души служат порукой, что мусульмане наши не отстанут от общего освободительного движения. Интересы общего отечества, интересы нашего государства, наконец, интересы национальные требуют этого от всех русских мусульман.

В этом отношении их деятельность и борьба за разумную свободную жизнь может оказать большое нравственное влияние на население соседних мусульманских государств – Персии и Турции. Нет сомнения, что жизнь свободной могущественной России отразится на этих странах, правительства которых, если хотят понимать интересы своих народов и самим окончательно не погибнуть, должны переустроить образ правления и весь государственный

порядок на началах гражданской и политической свободы со всеми конституционными гарантиями. Уже мы получили из Персии отголосок этого благотворного влияния: в столице Ирана, как сообщает Петербургское телеграфное агентство, началось брожение на почве неудовольствия персидского народа против тегеранского правительства, а духовенство открыто громит в своих проповедях существующий в Персии государственный строй.

Не менее важным представляется отголосок в жизни оттоманского правительства: турецкий султан свой категорический отказ державам на введение финансового контроля в вилайетах Македонии мотивировал несогласием на это со стороны турецкого народа. Какие-бы последствия такой отказ ни повлек, важно то, что из уст автократа, полновластного по положению монарха, мы слышим указание на согласие или несогласие населения; иными словами, признание воли народа.

Это все знамение времени, в котором мы видим наступление эры возрождения наших мусульман.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 16 ноября.

К умиротворению национальностей

17 ноября 1905 г.

Могучий толчок, данный освободительным движением всему статридцатимиллионному населению России, особенно благоприятно должен отразиться на улучшении отношений, какие установились между отдельными нациями.

Только теперь, когда блеснули первые лучи свободной жизни, открываются глаза и с ужасом смотрят на ту пропасть, на краю которой очутились отдельные нации во взаимных отношениях.

Освободившись от мучительного кошмара, навеянного на всех ненавистными устоями старых порядков, только теперь можно с облегченной грудью сказать: разве можно преследовать целую нацию, разве есть нации хорошие и дурные, разве можно вину отдельных личностей, даже целых групп и классов людей, отличающихся хотя бы самыми преступными наклонностями, отнести на счет всей нации, к которой такие скверные элементы принадлежат. Клеймите таких людей и группы их, имеющиеся в каждой нации, но не клевещите на всю нацию, не взыскивайте с нее за грехи ее отдельных членов, признаваемых ею же недостойными.

Вот какой взгляд должен господствовать отныне между национальностями свободной России. И только усвоив его, последние освободятся от вредных предрассудков и получат возможность вести совместно разумную и свободную жизнь на пользу развития умственно-нравственных и экономических сил страны, а следовательно, и всех наций. Это будет та культурная работа, в которой должна участвовать каждая нация во имя общих и своих национальных интересов. И в этой работе всякие трения между отдельными национальностями примут характер культурной борьбы, культурного соревнования, являющегося залогом жизненного прогресса всего человечества.

Вот какую работу должны выполнить отдельные нации, памятуя, что каждый шаг к этой культурной работе ведет к желательно-

му умиротворению и устранению всех взаимных недоразумений между отдельными нациями и должен быть приветствием со стороны лучших элементов всех национальностей.

Такой шаг мы и видим в стремлении отдельных кружков, образовавшихся в Баку, в целях упрочения установившихся в последнее время добрых отношений между татарами и армянами. Что особенно важно, кружки эти образовались по собственной инициативе из среды купцов, служащих, торговцев той и другой национальности и задались целью устранять все, что так или иначе может обострять взаимные между ними отношения. Кружки эти имели ряд совещаний и на днях все они сошлись в общем решении устроить сегодня общий митинг граждан города Баку всех национальностей.

Цель митинга – обсудить проект полного примирения, в который входят следующие меры: широкая пропаганда всеми способами идеи мира между татарами и армянами, избрание представителей от кварталов в комитеты по умиротворению, устройство митингов и интернационального клуба. Предположено также обсудить вопрос о внесении предложения об умиротворении в союз союзов.

Вполне сочувствуя цели митинга с участием бакинских граждан без различия наций, мы выражаем уверенность, что ввиду переживаемых нами дней бакинское общество проникнется идеей умиротворения, столь необходимого теперь в интересах объединения всех сил в святом деле отставания и проведения в жизнь уже провозглашенных начал гражданской и политической свободы.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 17 ноября.

Рабочие-мусульмане

18 ноября 1905 г.

«Мы не хотим отстать от рабочих других национальностей и опозориться перед ними», – пишут в «Гэяте»[191] балаханские рабочие-мусульмане и тем самым разрешают вопрос о своем положении и программу своих действий.

Рабочий вопрос один и обнимает собой всю огромную армию рабочего люда, без различия наций и религий: все политические и социально-экономические задачи, преследуемые в этом важном вопросе, касаются жизненных интересов всех рабочих масс. Неодинаковыми могут быт лишь степени воздействия и способы осуществления таких задач, что находится в прямой зависимости от уровня духовно-нравственного развития и вообще культурного состояния тех или других рабочих масс.

В этом отношении рабочие мусульмане, как и другие классы мусульманского общества, отстали от рабочих русских благодаря сугубо неприглядным условиям, в которые была поставлена жизнь рабочего-мусульманина.

Разделяя общую тяжелую участь всех рабочих, рабочие-мусульмане находились и продолжают еще находиться в весьма неблагоприятных условиях благодаря религиозно-бытовым особенностям, в которых не умели, а зачастую и не желали разбираться те, от коих зависела судьба рабочих масс.

Тем с большей чуткостью мусульманский рабочий класс должен был отнестись к начавшемуся освободительному движению, передовыми борцами которого выступали с таким самопожертвованием русские рабочие; они не могли не видеть, как их более развитие товарищи, сомкнувшись в тесные ряды истинных бойцов за свободу, отвоевывают экономические, а затем и политические права для всех без исключения рабочих.

И чреватое своими плодотворными последствиями для всей страны рабочее движение отразилось очень скоро на рабочих-мусульманах Бакинского заводско-промыслового района, составляющих 43 процента общего числа рабочих этого района. События последних двух годов, ознаменовавшиеся в Бакинском районе рядом массовых рабочих забастовок, выставлением экономических требований и

усиленной пропагандой идей гражданской и политической свободы, отозвались на развитии самосознания мусульманских рабочих масс, заставив их подумать о своем действительно тяжелом положении и стремиться улучшить это положение теми путями и способами, какие получили право гражданства среди рабочих масс вообще.

Какова была сила воздействия на них общего рабочего движения, показывает майская забастовка исключительно рабочих-мусульман. Эта «неожиданная» для всех, и прежде всего для бакинских нефтепромышленников, забастовка убедила, что мусульманские рабочие массы уже вышли из периода безответной покорности, когда можно было пользоваться их дешевым трудом, не считая себя обязанным сделать хоть что-нибудь для улучшения их экономического положения. Эта забастовка и предъявленные тогда требования, касавшиеся увеличения заработной платы, квартирных денег, 3-сменной вахты, годичного отпуска, четырехдневного отдыха в месяц, выдачи наградных, должны были убедить, что и безропотные до тех пор рабочие мусульмане требуют, наконец, тех условий трудовой жизни, наличность которых только и может обеспечить более или менее возможность для рабочих сносного человеческого существования.

Но, конечно, этого мало; рабочий такой же гражданин своего отечества и имеет право на участие в политической жизни страны. Улучшить и упрочить свое экономическое положение, отстаивать положение политических прав – такова ближайшая программа рабочих масс. Наряду со всеми рабочими и рабочие-мусульмане должны стремиться к осуществлению этой программы и для этого им необходимо действовать солидарно со всеми остальными своими товарищами. По примеру последних рабочие-мусульмане должны, прежде всего, тесно сплотиться между собой и образовать однородные с другими рабочие организации. В последние должны входить и рабочие-персы, которые, несмотря на их иностранное подданство, тесно связаны с остальными рабочими насущными экономическими интересами, удовлетворение которых так зависит от политического положения всех граждан и в том числе рабочих.

Только солидарными действиями со всей рабочей армией и объединением рабочих-мусульман в отдельную организацию они получат возможность достигнуть улучшения своего экономического и политического положения.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 18 ноября.

Забастовка почтово-телеграфных служащих

19 ноября 1905 г.

Всеобщая забастовка служащих в почтово-телеграфных учреждениях не была неожиданностью: о ней говорили еще в дни октябрьской забастовки железнодорожных служащих. Объявление ее только ускорено тем отрицательным отношением, какое проявлено министром внутренних дел Дурново[192] и председателем Совета министров графом Витте к справедливым требованиям почтово-телеграфных чиновников.

Наконец в положительном смысле должен быть разрешен вопрос об образовании «Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих», выдвинутый в последнее время и встретивший со стороны министра внутренних дел Дурново отрицательное отношение. Образование подобного рода союзов основывается на акте 17 октября, давшем всем гражданам русским право собраний и союзов. Состоящие на государственной службе не исключены, а практика конституционных государств знает исключение лишь для воинских чинов, связанных требованиями военной дисциплины. Почтово-телеграфные служащие, как и служащие в других ведомствах, имеют общие интересы и задачи, которые должны и могут быть преследуемы и выполнены лишь при объединении всех сил этой группы граждан. Лишать их этого – значит ограничивать их права только потому, что они за свой труд получают из казны. И это тем более, что служащие в других ведомствах также объединяются в союзы.

Теперь, когда всеобщая забастовка почтово-телеграфных служащих совершившийся грозный факт, могущий, при дальнейшем ее продолжении, повлечь за собой неисчислимые беды, необходимо правительству немедленно идти навстречу справедливым требованиям забастовавших и тем предотвратить еще более серьезные последствии временного прекращения почтово-телеграфных сношений.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 19 ноября.

Кавказские дела

20 ноября 1905 г.

Мучительное противоречие между правом и фактом, объявленной свободой и угнетенным положением особенно чувствуется в наших кавказских делах. Разделяя общую участь неопределенно хаотического состояния, в котором сейчас пребывают дела всей России, Кавказский край переживает тем более острый кризис, что акт 17 октября застал его при крайне неблагоприятных условиях краевой жизни. Являясь большим тормозом в упрочении и дальнейшем развитии культуры на Кавказе, эти условия, будучи, без сомнения, продуктом антисоциальных порядков общерусской жизни, в то же время имеют значение чисто местных болезней, лечение которых возможно своими местными же средствами.

Вот почему мы находим, что для урегулирования кавказских дел необходимо теперь же приступить к соответствующим действиям, которые в качестве подготовительных выяснят те или другие причины исключительно кавказских болезней и тем дадут возможность подготовить почву для лучшего восприятия гражданских начал свободной жизни.

Между тем в этом отношении у нас ничего почти не сделано и не делается и, по-видимому, решено выждать выработки тех положений, которые обещаны правительством и вытекают из акта 17 октября. Но вот уже прошел месяц, и за это время не выяснилось даже, каково отношение высшего правительства к освободительному акту и к его началам. Надо признаться, что отношение это скорее отрицательное, и делать такое заключение дают основание те меры и распоряжения, какие принимались министерством графа Витте по отношению к Польше, крестьянскому съезду, союзом чиновников и др. Таково рода меры подрывая доверие в искренности заявлений правительства, усугубляют и без того тяжелое положение, в котором очутилась жизнь всей страны, выбитая совершенно из колеи.

Это положение тем чувствительнее отражается на кавказских делах, что хаотическое состояние их признается всем и каждым, и прежде всего высшею в крае властью. Не говоря о таких ненормальных явлениях, как действие исключительных законов, воен-

ное положение и пр., вызванных последними событиями; в крае продолжают с прежним успехом царить произвол администрации, продажность и взяточничество, беззаконие и все виды бюрократического управления, так бесповоротно, по-видимому, осужденные властным призывом освободительного движения. Особенно население уездов продолжает страдать от своих ближайших администраторов, состав которых, к сожалению, остается старый.

Очистка края от таких вредных элементов – вот одно из подготовительных действий, о которых мы говорим. И такое действие необходимо не для одной только администрации; другие учреждения – судебные, особенно низшие с их канцеляриями, финансовые и др. не менее нуждаются в такой подготовительной работе.

Этого же характера и то собрание представителей от кавказского населения, о котором мы говорили в одной из предыдущих наших статей. Созыв такого собрания был обещан наместником графом И.И. Воронцовым-Дашковым еще в первом его обращении к населению Кавказа, в котором призывая все народности к мирной жизни, наместник приглашал все лучшие силы в крае сплотиться для дружной работы на общую пользу. Осуществлением такого собрания было бы положено начало тому представительному органу, учреждение которого на Кавказе признается необходимым всеми нашими политическими партиями. Такое учреждение подготовило бы почву для широкого самоуправления, без которого наш край не в состоянии развивать свои духовно-нравственные и экономические силы.

Мы имели случай говорить о том, какого характера должен быть этот общезакавказский сейм, чуждой, прежде всего, каких-либо сепаратистических тенденций.

Немедленное образование его принесет пользу во всех отношениях: такой орган подготовит край для гражданской и политической свободы и в этой работе найдут себе отражение все стремления местных людей, произойдет выяснение причин и сглаживание тех явно пагубных отношений, какие приводят к вражде между отдельными кавказскими нациями.

Надо только спешить как с созданием такого органа, так и с другими работами подготовительного характера, необходимыми для водворения у нас начал гражданской и политической свободы.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 20 ноября.

Когда же конец национальной распре?

23 ноября 1905 г.

Среди неопределенно хаотического течения дел во всей России, связанного неизбежно с переходом от старых к новым формам государственно-общественной жизни, грустная весть о возгоревшейся в Елисаветполе национальной распре звучит в исстрадавшуюся душу каждого любящего свой край кавказца.

О новом отрицательном проявлении в жизни нашего несчастного края мы пока ничего не знаем: отсутствие почтово-телеграфных сообщений, благодаря всеобщей забастовке почтово-телеграфных служащих, лишает нас возможности иметь сведения о том, что произошло в Елисаветполе, каковы причины печальных событий, начавшихся 18 ноября, и в чем они выразилось.

Но не об отсутствии этих сведений мы тужим, их лучше и не иметь, ибо не все ли равно для израненных наших душ, сколько было жертв этой новой катастрофы... Нас мучает самый факт возникновения национальной распри в Елисаветполе, на которой еще так недавно в одной из статей наших мы указывали, как на пункт, благополучный от заедающего наш край зловредного микроба – национальных раздоров, и на котором останавливались, как на самом подходящем месте для устройства съезда представителей всех кавказских народностей. По этому поводу мы вели деятельную переписку и уже лелеяли мысль, что на еще не обагренном кровью месте лучшие сыны Кавказа, слившись в один дружный братский хор, всенародно подтвердят, что благополучие всего края зависит от мирной солидарной жизни всего его населения, от совместных работ на пользу культуры края и развития его умственно-нравственных и экономических сил.

Вот почему особенно тяжело и больно вносить город Елисаветполь в длинный мартиролог печальных событий на национальной почве. И это тем более, что, по распространяющимся зловещим слухам, елисаветпольская распря отразилась в некоторых пунктах

губернии и, главным образом, в местностях, расположенных вдоль железнодорожной линии.

Le malheur ne vient pas seul – говорят французы; и впрямь на наши бедные головы сыплются одни несчастья за другими.

Больно и обидно!

Больно за те душевные страдания, которые мы переносим, видя, как земля кавказская в течение года заалела от крови ее родных сынов. Обидно за судьбу Кавказа, для которого, как и для всех окраин империи, наступила эра возрождения жизни на началах гражданской и политической свободы, а отдельные его народности – армяне и татары – вместо того, чтобы начать новую свободную жизнь на общую пользу, враждуют между собой. И это именно теперь, когда не враждовать, а объединенными силами надо отстаивать добытые всем русским народом права и на них общими усилиями начать ту созидательную работу, от плодотворности которой зависит счастье и благополучие всего статридцатимиллионного народа, в том числе и Кавказского края.

Обидно и больно, что вместо дружной и упорной борьбы, какую необходимо объявить и вести со всеми злокачественными порядками старого режима, силы наши тратятся в такой великий исторический момент на безумную вражду, одинаково гибельную и для армян и для татар.

Единственное утешение, если только в таком горе можно найти утешение, – это мысль, что отмечаемое в жизни нашего края крайне ненормальное явление есть пережиток того антисоциального строя государственной жизни, которому, к счастью для всех, дан смертельный удар начавшимся освободительным движением. При пагубных условиях этого строя елисаветпольские события, как и целый ряд им предшествовавших на Кавказе, являются той жертвой, какую везде и всюду при подобных же условиях требует себе ненасытный, алчный бог человеконенавистничества, братоубийственной распри. И если злой гений Кавказа требовал себе дани в виде тысячи человеческих жертв, разоренных людских гнезд и невозделанных осиротевших полей, то это исчадие ада должно считать себя удовлетворенным: так много ужасов пронеслось над несчастным нашим Кавказом!

Довольно жертв, довольно крови, слезь и страданий!

Кому они нужны и для какой цели?

Пора хоть теперь положить предел безумию, пора образумить-

ся и сознать, что силы надо тратить не на создание разрушительных планов, от которых одинаково страдают обе стороны, а на совместные действия, призванные возродить мрачную до сих пор жизнь на Кавказе и начать ее на основах гражданской и политической свободы.

Такая созидательная работа, и только она излечит наш край от гнойной язвы – национальной распри, вредные действия которой в настоящий момент особенно гибельны.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 23 ноября.

Кавказская администрация

24 ноября 1905 г.

Во вчерашнем № со слов тифлисских газет мы сообщили, что 18 ноября наместнику кавказскому представилась депутация мусульман Казахского уезда, ходатайствовавшая о переводе или устранении от должности казахского уездного начальника Арнольда. По словам тех же газет, наместник обещал уважить просьбу депутации.

Это сообщение вполне подтверждает правильность взгляда, высказанного нами третьего дня в статье «Кавказские дела».

Не надо приводить особых доводов в подкрепление того утверждения, что осужденные бесповоротно полицейско-бюрократические порядки старого режима должны быть уничтожены в корне, ибо только тогда возможно то обновление нашей жизни на началах свободы, которое столь властно провозглашено освободительным движением. И на первом месте в этом отношении стоят те «администраторы», которые везде и всюду на Руси являлись первыми нарушителями законов, главными растлителями общественной нравственности.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что наш Кавказ доведен до настоящего своего плачевного положения именно благодаря административному режиму и неподдающемуся определению административному усмотрению кавказской бюрократии. Это такая система «управления», при которой как управляющие, так и управляемые теряют всякое представление о законности. Смело можно сказать, что никакая повинность и ни один налог не были в состоянии причинить населению Кавказа столько страданий и так обезличить людей, заглушая в них силою своей власти всякую попытку к правде, как кавказская администрация.

Достаточно припомнить, каков обыкновенно был состав этой администрации: это лица, совершенно недостойные по своим умственно-образовательным и нравственным качествам к администр-

ративной деятельности; это люди, большею частью выгнанные из других ведомств.

Изменился ли этот состав? Нет, ибо, за очень редкими исключениями, наши администраторы все те же. Не зная языка местных жителей, их быта и нравов, они совершенно не удовлетворяют своему назначению да и не могут удовлетворять, так как привыкли в своей деятельности руководиться не законами государства, а соображениями начальства, держась того начала, что не администрация для населения, а население существует для администрации.

Такие «администраторы», доказавшие весь вред, не только не нужны, но совершенно не подойдут под те условия, которые должны установиться в крае теперь, когда на нашей окраине начинается новая жизнь на основах гражданской и политической свободы. И если есть искреннее желание (а мы хотим в это верить) направить развитие умственно-нравственных и экономических сил Кавказа по свободному пути, то надо, прежде всего, край избавить от уездных начальников и вообще администраторов вроде г. Арнольда. Господа Арнольды не были и не могут быть полезными деятелями прежде всего потому, что они очень уж далеко стоят от местного населения, совершенно чуждые его насущных интересов.

Вот почему мы находим, что мало только обещать, а надо теперь же начать беспощадную и основательную очистку Кавказа от господ Арнольдов.

Зачем доводить до того, чтобы приезжали особые депутации? Если уж нужны депутации, то в качестве таковых выступят все кавказцы, чтобы подтвердить необходимость изъятия из обращения подобных администраторов и тем подготовить наш край к восприятию начал новой свободной жизни.

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1905. 24 ноября.

Письмо турецкого конституционалиста

25 ноября 1905 г.

С чувством внутреннего удовлетворения мы прочли во вчерашнем номере газеты «Гэят» письмо, адресованное в редакцию этой газеты из Женевы. Письмо это принадлежит перу сына знаменитого созидателя турецкой конституции Митхада паши[193] Али-Гейдар Митхаду. Автор восторженно приветствует добытую русским народом свободу и искренно заявляет, что он преисполнен теперь благоговейного чувства уважения к России, которая, ступив на благотворную стезю счастливой, справедливой и прогрессивной жизни, руководимая такой путеводной звездой, как свобода, совершит великие дела. Заканчивается письмо указанием на то, что русские мусульмане не должны забывать, что провозглашенная в России свободная, разумная жизнь вполне соответствует учению Ислама.

В этом письме для нас особенно ценно и достойно быть отмеченным то восторженное отношение, какое проявляется со стороны интеллигентного турка к обновленной свободной России. Ценно потому, что взаимные отношения двух соседних стран, благодаря ложно понятым интересам, определялись лишь враждебными действиями, все больше и больше увеличивающими образовавшуюся между ними пропасть. И таким отрицательным началом характеризуются отношения России не к одной только Оттоманской империи, но и ко всем почти мусульманским государствам.

В этом русское правительство или, правильнее, русская дипломатия слепо шла за политикой Европы обратившей, после Венского конгресса самую политику в источник насилия, лжи, несправедливости и политических хитросплетений, всегда выгодных для великих держав, но бьющих по чувствительным местам государств слабых, мелких народов. Известный афоризм наполеоновского министра Талейрана, говорившего, что «язык дан дипломату для того, чтобы скрывать мысли» был основным правилом в международных

сношениях особенно во вторую половину 19 столетия с «железным» канцлером Германской империи кн. Бисмарком[194] во главе.

Особенно характерным было то, что европейские державы, или, скорее, их правительства под флагом гуманных идей сохранения «всеобщего» мира и прочих орудий тонкой дипломатии в международных сношениях не считались даже с насущными интересами и запросами жизни народов, а если и ссылались на них, то только в соображениях узкоэгоистических, от которых в конце концов страдали те же народы, якобы облагодетельствованные.

Еще менее правительства европейских держав считались с народами восточных государств, особенно с мусульманскими частями населения. Считая себя вправе вмешиваться даже во все внутренние дела, хотя такое вмешательство противоречило прежде всего установленным самими же европейцами началам суверенитета территориальной власти, дипломатия европейская, выговаривая одни привилегии за другими, не справлялась нисколько, как эти привилегии, выгодные для иностранцев, отражались на интересах коренных жителей, а если и знала, то оставляла без внимания, твердо уверовав в тот безнравственный принцип, что «азиатам лучшей жизни не надо». Вмешиваясь, по соображениям политического свойства, в отношения Турции, Персии и др. восточных государств с их подданными христианам, европейские правительства никогда не входили в нужды коренного мусульманского населения восточных государств и не сделали ни одного шага, чтобы во имя человеколюбивых идей, которыми эти правительства так любят прикрываться, хоть несколько улучшить то поистине тяжелое безотрадное положение, в котором пребывают мусульманские подданные тех же государств.

Полнейший произвол и беззаконие, подавление малейшего проблеска мысли, чувства, самосознания, правительственный гнет, убивающий все живое в стране, – все то, чем был столь «богат» старый режим России, в еще более ужасающих размерах продолжает царить в восточных государствах. И в них, в той же Турции и Персии, во сто раз хуже живется самим туркам и персиянам, чем турецким и персидским христианам. И ни одного сочувственного голоса!

Новый государственный строй в России должен, конечно, изменить и ту систему отношений, какая проводилась до сих пор петербургской дипломатией в хвосте берлинской и венской: в отношениях с соседними восточными государствами необходимо

прежде всего иметь в виду не правительства, не государя страны и его династические интересы, а именно народ и его интересы. И тогда Россия, свободная и обновленная, может в отношении своих соседей совершить действительно великие дела, заставив их правительства дать свободу своим народам. Тогда каждый персиянин, всякий турок отнесется к великой России с таким же чувством благоговейного уважения, какое выразил в своем письме турецкий конституционалист, с понятным сердечным трепетом приветствующий наступление эры свободной жизни в соседней стране.

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1905. 25 ноября.

Отмена военного положения в Польше

26 ноября 1905 г.

Введенное 28 минувшего октября в губерниях Царства Польского военное положение отменено и мы можем с облегченным сердцем сказать: вот новая победа освободительного движения в России, полученная от пораженного по всем линиям старого правительства объединенными силами всех передовых элементов русского народа. И на этот раз осталась не достигнутой провокационная цель, стремившаяся убедить русское общество, что вся Польша, объятая революционным пожаром, стремится восстановить вольности Речи Посполитой и совершенно отторгнуться в политическом отношении от России. Зная все значение таких приемов правительства, каждый мыслящий русский гражданин отнесся к жестокой мере, принятой по отношению к Польше, с понятным смущением и негодованием. Всякий чувствовал, что эта мера касается не одной только Польши, но и всей страны, всех окраин, и что эта мера, прикрытая лишь политическими интересами России, есть угроза по адресу всех борцов за свободу, всего освободительного движения.

Вот почему введение военного положения в Польше и лишение этого края выборных прав всеми было принято как общенародное горе, а еще более как общенародный вызов, против которого надлежало начать отчаянную борьбу.

Для всех стало ясно, что такая мера, в корне подрывающая основы гражданской и политической свободы, добытой 17 октября, уничтожает полученную свободу и возвращает всю страну к состоянию полного бесправия и полицейско-бюрократического гнета, приведших Россию на край гибели.

Если на протяжении всего десяти дней само же правительство могло посягнуть на свободы, им же торжественно провозглашенные в манифесте 17 октября, то чего ожидать в дальнейшем от того же правительства. Где же уверения, что правительство, сознав

необходимость коренного изменения государственного строя, искренно желает устроить в России разумную жизнь на началах гражданской и политической свободы? Не есть ли это возврат к старому порядку?

Вот какие вопросы, естественно, волновали русское общество, которое в лице всех передовых элементов, без различия партий, запротестовало против посягательства на народные права, добытые столь дорогою ценою борцами освободительного движения. Все общественные группы поспешили заявить правительству протесты и неудовольствия по поводу лишения обширного и притом культурного края гражданской и политической свободы, одинаково необходимой всем русским гражданам без различия национальности и веры. Везде и всюду в ярких красках отмечались чувства симпатии к польскому народу, выступившему одним из первых борцов за свободу и в этой благородной борьбе преследующему цели освобождения всего русского народа от сгнившего режима.

Восторженно встретив симпатии русского общества, Польша еще более сплотилась для новой борьбы за свободу, а ее представители, чтобы лишить правительство точки опоры, на который оно основывало принятие неконституционных мер, во всеуслышание заявили, что не только представители национальной партии, которым правительственным сообщением брошено обвинение в сепаратизме, но даже все крайние польские партии, социал-демократические и социал-революционные, стоят за единство государства.

На недавнем московском съезде один из польских представителей г. Ледницкий[195] сказал: «Представители всех партий, начиная с крайней правой и кончая крайней левой, приходят к единогласному заключению, что в настоящее время *не может быть и речи о создании собственного государства. В Польше такое же освободительное движение, как и в России*. Это движение не только общерусское, но и мировое. Оно объединило массу партий в мировом освободительном движении. Царство Польское, несомненно, принимает участие в этой революционной борьбе. Если вы хотите ввести порядок в Польше, то нужно принять те же меры, которые необходимы и для умиротворения России, т.е. приступить к практическому осуществлению начал гражданственности, возвещенных манифестом 17 октября».

Правительство должно было сознать свою ошибку и поспешить отменить военное положение в Польше. Этого требовали не

только интересы Польши, но интересы всей России, и прежде всего интересы освободительного движения, которое должно снести все препоны, искусственно создаваемые в его поступательном ходе.

Пора сознать, что никакие препятствия не остановят этого спасительного для страны движения, для которого, как для реального проявления сознательной воли народа, нет и не может быть поворота назад.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 26 ноября.

Новые жертвы

27 ноября 1905 г.

Не успели еще прийти в себя от ошеломившей нас недоброй вести о елисаветпольских событиях, как мы вновь повержены в глубокую скорбь грустным сообщением, полученным на этот раз из Тифлиса. Здесь также имели место прискорбные столкновения между армянами и татарами, начавшиеся вечером 22 ноября и продолжавшиеся утром следующего дня.

Менее всего можно было ожидать таких столкновений именно в Тифлисе, где татарское население составляет в количественном отношении самую незначительную часть и вследствие неблагоприятно сложившихся условий почти не принимает участия в общественной жизни огромного города; лишь в самое последнее время небольшой кружок татарской интеллигенции начал вступать на арену общественной жизни, действуя солидарно с местными передовыми элементами. Мы радовались этому, видя в нем начало благотворного влияния на тифлисских татар освободительного движения, к которому примкнут, в том мы уверены, все мусульманские элементы.

К глубокому огорчению, появившиеся над Тифлисом кровавые тучи национальной распри омрачают нашу радость, и тем более, что в этом городе как главном пункте всего Кавказа сплетаются общие интересы всех народностей, правильная оценка и надлежащие удовлетворение коих возможны лишь при спокойной мирной жизни. Бакинец может не бывать в Елисаветполе или Шуше, но миновать Тифлиса он не в состоянии: тут сосредоточены и получают разрешение общие для всего края вопросы; сюда стекаются представители всех кавказских народностей; здесь же будут функционировать общекавказский сейм и все учреждения представительного характера, необходимые для водворения в крае новой жизни на началах гражданской и политической свободы.

Вот почему имевшие место в Тифлисе печальные события жгучей болью отзываются в наших измученных израненных душах. Хоть этот общий для всего края центр надо было оставить чистым,

не орошенным невинною кровью сынов Кавказа! Как сообщают тифлисские газеты, в течение нескольких часов убито и ранено два десятка татар и армян.

Новые невинные и ненужные жертвы! Кровь несчастных вопиет к нам, ко всем кавказцам, ко всем, в ком хоть теплится искра Божья!

Армяне и татары, пожалейте своих сограждан, себя, свои семьи, свой край. Ведь эти жертвы ваши же братья, сыны общей родины, дети одного и того же Бога! Ведь и они хотели жить и участвовать в общем святом деле освобождения миллионов людей от рабства! Ведь и они были созданы по образу и подобию Бога, а они принесены в жертву в угоду злому гению Кавказа, с сатанинском торжеством любующемуся, как губительный для всех яд национальной распри разъедает вес организм чудного края. И это в тот момент, когда все кавказцы от мала до велика, должны сплотиться и общими силами вести свою страну по пути освободительного движения!

Так ли отстаивают народные права и борются за свободу?

Время ли ослаблять свои силы? Ведь это позор для всех, для армян и татар перед всеми борцами за свободу, перед всей Россией, перед всем миром!

Правда, теперь настало время жертв, но не для бессмысленной распри, а для общего дела освобождения!

Кто же и что же толкает нас в бездну, готовит нам вместо свободной жизни ад?

Провокация?!

Так соединитесь же все, армяне и татары, все слои, все классы, все партии, откроем провокаторов, пригвоздим к позорному столбу, уничтожим и сотрем их с лица нашей вконец исстрадавшейся земли.

Кто же они, эти злые духи, чего хотят от нас, к чему стремятся?

Неужели мы хоть теперь не соединим силы, чтобы не дать злому врагу окончательно нас погубить, и не огласим окружающий нас воздух, небо и свет единодушным возгласом.

Долой провокаторов! Довольно жертв, мы хотим беречь силы для свободы нашего Кавказа!

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 27 ноября.

Еще о забастовке почтово-телеграфных служащих

29 ноября 1905 г.

Невыносимо тяжелое положение, созданное продолжающейся с таким мужеством забастовкой почтово-телеграфных служащих, действует на все и всех особенно угнетающе благодаря полной неопределенности, в какой мы пребываем относительно совершающихся событий в обеих столицах. Естественным последствием этой мучительной неопределенности являются разные слухи, в таком обилии циркулирующие в обществе о ходе освободительных действий в Петербурге, Москве и в других крупных торгово-промышленных и политических центрах. Слухи эти, передаваясь из уст в уста, особенно в настоящее тревожное время, волнуют общество и создают убийственную атмосферу, в которой достаточно малейшей искры, чтобы образовалось грандиозное пожарище с неисчислимыми бедствиями. По содержанию своему эти слухи весьма разнообразны: вчера говорили об открытии большого заговора, о покушениях и убийствах тех или других членов императорской фамилии, а сегодня передают или об убийстве Витте или же о выходе его в отставку, о том, что государь император в Москве присягнул конституции, а тем временем в Петербурге под давлением какой-то придворной партии началась реакция и один из генералов назначен премьер-министром чуть ли не с диктаторскими полномочиями.

Хотя мы уже привыкли ничему не удивляться – nil admirari*, – но, естественно, нас неотступно гложет мысль о том, что достоверно в этих сообщениях. И в мучительных поисках добиться правды не можем не досадовать, что забастовка почты и телеграфа совпала именно с настоящими днями, полными, действительно, всяких неожиданностей, тревог и волнений.

Что может быть, в самом деле, мучительнее неопределенности положения, когда решается судьба, как в данном случае, всей страны.

* Ничему не удивляться (лат.).

И вот две недели, как длится это невыносимое положение полной почти отрезанности от всего внешнего мира. И за все это тяжелое время со стороны правительства не сделано ни единого шага, чтобы избавить население огромной империи от угнетенно-тревожного состояния. Оно, это правительство, потеряв голову, забыло, что такое состояние не выгодно теперь именно в его же интересах, как подрывающее окончательно доверие в искренние стремления водворить в стране разумную жизнь на началах гражданской и политической свободы. Невыгодно потому, что с каждым днем население все больше и больше убеждается в правоте требований забастовавших почтово-телеграфных служащих и это свое убеждение выражает реально в той нравственной и материальной поддержке, какую общественные группы спешат оказать труженикам почты и телеграфа.

Сами эти труженики, нет сомнения, сознают весь вред, который причиняет интересам населения столь продолжительное прекращение почтово-телеграфных сношений. Свое отношение к забастовке они выразили в воззвании, выпущенном недавно первым Всероссийским почтово-телеграфным съездом, в котором вот, между прочим, в каких словах излили свои душевные страдания:

«Мы, работники почтово-телеграфного дела, бастуем не потому, что это нам приятно или выгодно, а потому, что не можем поступить иначе и не можем дальше выносить того, что выше наших сил. Мы доведены до крайних степеней изнурения нашей почти беспрерывной и напряженной работой. Мы принуждены продавать все свои силы за грошовое жалованье, находясь весь наш век на положении безответных рабов, которые обязаны беспрекословно исполнять всякие приказания всесильного и бесконтрольного начальства вплоть до постыдного перехватывания чужих писем и других явных нарушений закона. Мы обязаны молча взирать на то, как главное управление почт и телеграфов всевластно и без нашего согласия распоряжается миллионами наших трудовых денег (эмеритальная касса), мы уже много лет тщетно добиваемся возврата нам нескольких миллионов процентов, успевших нарасти до настоящего времени на эти наши деньги. Неся на себе тяжелую, непосильную работу, часто связанную с опасностью для нашей жизни, мы принуждены со страхом ожидать наступления старости, которая почти для всех нас сопряжена с нищетой. Мы живем, не видя никаких просветов ни в настоящем, ни в будущем и посто-

янно встречая всякие препятствия со стороны начальства в наших стремлениях к улучшению не только нашего существования, но и самого дела. Бывает же предел всякому терпению! Мы терпели, мы просили, мы «ходатайствовали», мы доказывали, но все наши голоса глохли где-то в министерских канцеляриях: с своей стороны, наше начальство сделало все, чтобы наглядно доказать нам, что все избранные нами способы при ныне существующих политических условиях совершенно не могут привести к намеченной нами цели. Только тогда, после долгих размышлений и колебаний, мы, как и весь рабочий народ, вынуждены были прибегнуть к забастовке».

Это целая эпопея забитой, третируемой жизни огромной категории работников, которые также запросили себе нормальных условий человеческого существования. И в них, как и во всех группах населения, заговорила жажда к разумной свободной жизни, в которой они желают быть не почтальонами и телеграфистами, не подчиненными, причисленными к ведомству, но прежде всего русскими гражданами.

Этого-то естественного желания и в то же время права и лишает их правительство, продолжающее, не взирая на освободительный акт 17 октября, смотреть на всех русских чиновников только как на подчиненных начальству манекенов, которым мол место лишь в канцеляриях и в присутственных местах, а не на арене гражданской и политической жизни страны.

Насколько этот «взгляд» ошибочен и, прежде всего, неконституционен, показывают и настоящая забастовка, и образование везде и всюду союзов служащих в правительственных учреждениях.

Правительство должно в своих же интересах идти за жизнью, если только оно здраво относится к своим задачам, направление которых должно соответствовать народившимся потребностям жизни.

Не удовлетворить требований забастовавших и медлить в этом – значит не только губить себя, но желать стране полной анархии, последствия которой нет возможности и учесть при общем хаотическом состоянии дел России.

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1905. 29 ноября.

К примирению сторон

30 ноября 1905 г.

Трезвое отношение населения нашего города к печальному событию, имевшему место в Баку 26 ноября, достойно быть отмеченным как в высшей степени отрадный симптом. Несмотря на минутное волнение, вызванное перестрелкой, такое отношение татар и армян к грустному явлению ясно говорит в пользу того, что обе части населения не так уж легковерно оценивают факты, имевшие своим последствием даже человеческие жертвы.

Опыт ли жизни, очевидная ли бессмысленность национальной распри, или то и другое вместе повлияли и влияют на обе стороны, воздерживающиеся от всяких поводов, которые могут приводить ко взаимным недоразумениям.

И мы от души приветствуем этот поворот в отношениях между армянами и татарами, видя в нем верный залог к ослаблению губительных действий национальной розни и к окончательному ее искоренению.

Гражданский долг святой всех и каждого способствовать к большему распространению среди народных масс этой идеи, но особенно действовать на этом благородном пути долг существующих союзов и организаций, соприкасающихся близко с народными массами. К таким относятся, прежде всего, рабочие партии, представляющие из себя организованные группы.

Нравственная сила, объединяющая рабочий пролетариат, независимо от различия социально-политических убеждений отдельных партий, настолько велика и обаятельна, что в успехе этой силы в деле упрочения мира нельзя сомневаться. Воскресные митинги мусульман, а затем социал-демократической партии и шествие по городу с белыми флагами, призывавшими всех бакинских граждан к миру, служит лучшим доказательствам сказанного.

Необходимо только, чтобы получили большее распространение как эти цели, так и способы их достижения. Всякая тайна которую окружает себя та или иная организация, не может привлечь народные

массы и завоевать симпатии даже отдельных групп населения.

Мало того, все действия подобной тайной организации вызывая, быть может, даже враждебное настроение, могут служить источником нежелательных осложнений и отрицательных явлений в жизни данной местности. Особенно существование таких организаций может быт вредным для общих интересов разноплеменного населения, к тому же стоящего на низшей ступени культуры, как наше местное население.

Из существующий организаций такие, как Рабочая социал-демократическая партия, действуют совершенно открыто, по общеизвестной определенной программе. С их программой население, не исключая и мусульманской части, знакомится на рабочих митингах, общедоступных лекциях и пр. Как бы смутно еще ни было у мусульманских народных масс представление об этой партии, последняя не может и не должна их отталкивать от себя уже прежде всего потому, что вся деятельность ее в общих интересах всех пролетариев у всех на виду.

Но есть партии, деятельность которых мало известна или даже совсем неизвестна, и это возбуждает естественное к ним недоверие со стороны мусульманских народных масс. К ним относятся существующие у нас армянские партии. С программой и деятельностью некоторых масса мусульманская, как и все, несколько знакома по тем листкам и прокламациям, которые ими выпускаются. Этого, конечно, мало, чтобы масса мусульманская могла питать к ним или, скорее, к преследуемым ими целям полное доверие, что именно необходимо в переживаемые нами дни.

Впрочем, не одни мусульмане находятся в неведении о целях таких партий. Так, во вчерашнем номере нашей газеты мы приводили из грузинской газеты «Иверия»[196] открытое письмо, в котором группа грузинских граждан обращается к организациям социал-федералистов, социал-демократов и социал-революционеров и требует, между прочим, «путем расследования выяснить и обобщить физиономию организации “Дашнакцутюн”»[197].

Мы охотно поместили на днях воззвание, обращенное этой армянской организацией к бакинским гражданам с призывом к миру, но надо сознаться, что с общей деятельностью ее мало знакомы.

При иных условиях с этим можно и должно мириться; так как везде и всюду общественные группы, отдельные партии и союзы вольны преследовать свои цели, но при наших теперешних кавказских

условиях необходимо устранить даже малейшие поводы к выражению взаимного недоверия. Поэтому, мы думаем, что всем организациям, особенно с национальной окраской, необходимо действовать открыто и тем устранить возможность быть неверно понятыми.

Это необходимо в интересах полного примирения армян и татар, в интересах всеми желаемого возобновления и упрочения между ними добрых отношений и того доверия друг к другу, которое является главным стимулом всякого нормального человеческого общежития.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 30 ноября.

Свобода и отношение к крестьянам Закавказья

1 декабря 1905 г.

Революционное движение, охватившее жизнь особенно больших городов Закавказья, и печальные проявления национальной распри, по-видимому, отодвинули пока на второй план аграрный вопрос, являющийся, без сомнения, кардинальным и для нашего края.

Сизифова работа, которую предстояло проделать, чтобы разобраться в созданном у нас хаосе земельных правоотношений, теперь значительно упростится, так как вводимый в стране новый строй жизни разрешит и аграрный вопрос с точки зрения того справедливого требования, в силу которого земля должна находиться в руках ее действительного возделывателя. В роли последнего же выступает тот, кто сидел и сидит на земле, живет и считает ее своей матерью-кормилицею.

Крестьянское движение в Гурии воочию убедило, что такой взгляд разделяется крестьянскими массами не только Гурии, но и других областей Закавказья, спешившими выразить передовым борцам свое сочувствие.

Правительство в лице высшей в крае власти, обещало разрешить аграрный вопрос в этом же смысле, наделив землей всех нуждающихся в нем местных крестьян, являвшимся к графу Воронцову-Дашкову депутатам от мусульман и грузин при вступлении его в управление краем. Наместник говорил, что земля в Закавказье должна быть отдана прежде всего коренным обывателям края, закавказским крестьянам.

Иное отношение к данному вопросу означало бы не только высшую несправедливость к туземному населению, но и умышленное желание создать в крае крестьянский пролетариат и ряд экономических осложнений, могущих привести весь Кавказ к гибели.

Своевременно мы отмечали такое трезвое отношение высшей кавказской администрации к земельному вопросу, а по поводу

распоряжения графа Воронцова-Дашкова о возвращении жителям Казахского уезда 8 тыс. десятин, отнятых у них для переселенцев из внутренних губерний, мы сочли долгом выразить наше удовольствие, назвать это распоряжение и справедливым, и мудрым.

Тем более мы поражены сообщением, полученным вчера из Ленкорани, сообщением, которому мы бы не поверили теперь, после освободительного акта 17 октября, если бы оно не шло от человека, весьма уважаемого в Ленкорани, общественного деятеля и землевладельца Ленкоранского уезда.

В письме к нам, написанном в искрение негодующем тоне, сообщается, что недавно последовало распоряжение высшей кавказской администрации о выселении из Ленкоранского в Джеватский уезд всего Аларского сельского общества. При этом земли аларцев предоставлены переселенцам из внутренних губерний России. Аларцы, разумеется, не хотят уступить своих земель, где жили их деды и прадеды, и теперь приказано удалить их силой, для чего в Белясувар прислали казаков.

Нет слов выразить все негодование против столь несправедливого отношения к целому сельскому обществу.

По какому праву отбирается земля у коренных жителей и представляется другим? Возмутительнее всего то, что не только земля отбирается, но у туземцев отнимаются их дома, инвентарь и все хозяйственное обзаведение! Чем вызвано столь преступное желание строить благополучие одной группы населения на создаваемом несчастии другой? Отнимать у одних и передавать другим?

Это ли насаждение культуры и гражданственности среди «невежественных» людей, не отличающихся «высотой нравственных понятий»!

Ну а что, если уже аларцы с оружием в руках станут на защиту своих насиженных хат, родных полей?

Пострадают те же аларцы, казаки и переселенцы, но не те, кто создал и создает такое отчаянное положение, в котором нет места рассудку.

Кому нужна опять кровь невинных людей? Разве мало ею обагрен злосчастный наш край?

Вся возмутительность такого распоряжения не поддается спокойному анализу: против него можно лишь протестовать. Можем лишь сказать, что во всем этом мы видим руку бюрократов по переселенческому делу, которые, желая найти себе какое-нибудь за-

нятие, соблазняют петербургское начальство описанием обильных плодотворных земель на Кавказе, годных под устройство переселенческих пунктов, «согласно выраженным их превосходительствами желаниям».

Но пора всем, и прежде всего кавказской администрации, сознать, что лживо-тенденциозные рапорты об изобилии земли на Кавказе – один миф, готовый рассеяться при первом же серьезном требовании туземного населения о справедливом распределении земли.

А распоряжения подобного рода, как выселение целого аларского общества, насчитывающего сотни домов, кажется, ускорят предъявление такого требования, и тогда зарево крестьянского пожара, появившееся столь ярко в Западном Закавказье, быстро перенесется в Восточное Закавказье уже с последствиями более гибельными.

Воздерживаться от такого рода несправедливых распоряжений, сдать в архив все дела по переселенческому вопросу на Кавказе и приступить к справедливому разрешению у нас аграрного вопроса – вот чем надо и можно предупреждать крестьянские волнения, а не вызывать их и заливать кровью нетронутый пока, до сих пор спокойный Ленкоранский уезд.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 1 декабря.

Неподходящий путь восстановления мира

2 декабря 1905 г.

Мы имели случай говорить о том значении, какое может иметь вмешательство рабочих организаций в дело полного умиротворения армян и татар. Указывая на благотворное их влияние на народные массы обеих национальностей, выразившееся в грандиозной мирной процессии с белыми флагами в общем митинге примирительного характера, мы отметили, что такое влияние зиждется на нравственной силе, присущей организациям, преследующим идейные цели.

В этом вся мощь и обаяние, привлекающие массы под знамена рабочих партий: не грубой силой и ее бесчисленными орудиями эти партии всех оттенков привлекают сердца людей, а нравственным воздействием идеи мирного единения в интересах предоставления всем пролетариям прав человека и гражданина.

Это нравственное воздействие не только исключает грубую силу, но делает ее совершенно беспомощною и, следовательно, ненужною. Между тем рабочие организации выступили и выступают с предложениями об образовании вооруженных дружинников и целях охраны населения вообще и недопущения каких бы то ни было столкновений между армянами и татарами в частности. Этого рода предложение получило уже осуществление в Тифлисе, где социал-демократическая партия получила вооружение даже от правительства. Этот же вопрос возбужден на районном собрании черногородских рабочих и в Бакинском союзе инженеров и техников представителями местных социал-демократов.

Имея в виду истинное назначение и благородные цели, преследуемые рабочими организациями, мы должны сказать, что находим предлагаемый ими путь неподходящим, прежде всего, с точки зрения программы их деятельности. Еще более этот путь не подходит для восстановления мира между частями населения. Мы убеждены, что для осуществления столь гуманной миссии, взятой на себя пар-

тиями, нет вовсе надобности прибегать к вооружению и образованию воинов-дружинников. Наоборот, в данном случае нужны дружинники, только вооруженные не ружьями и кинжалами, а любовью к брату-человеку, кто бы он ни был, к какой бы национальности не принадлежал. И без того многие действуют этими смертоносными средствами и обагряют нашу землю кровью ее же сынов.

Нужны люди, искренно преданные делу мира, которые должны действовать мирным путем, увещаниями, уговорами, советами и нравственным воздействием.

В такой благородной роли и могут выступить представители партий, все союзы и организации, которые сильны своим нравственным влияниям и окажутся беспомощными, раз пожелают обратиться в военную силу.

Что эта так, достаточно подтверждается примером того же Тифлиса, где сама социал-демократическая партия нашла не подходящей для себя роль военно-полицейской силы и теперь возвращает обратно полученные от правительства ружья.

Представители партии, прежде всего, обратили внимание на то, что вооружение дружинников вызывает неудовольствие не только враждующих сторон, но и других элементов.

Вот что пишет по этому поводу в газете «Возрождение»[198] один из представителей тифлисской социал-демократической партии:

«Я был и среди мусульман и среди армян. Знаю их настроение. Они не жаждут крови. Обе стороны хотят мира. *Мы своими ружьями еще более раздражаем их, еще увеличиваем напряжение нервов.* Мы взялись за неподходящий путь восстановления мира между нашими братьями и вместо успокоения можем повредить делу.

С другой стороны, раздача нам оружия вызвала брожение и неудовольствие среди военных офицеров и нижних чинов. Они думают, что мы это оружие употребим против них же.

Наш товарищ дал слово возвратить это оружие, и это, конечно, будет выполнено».

Это надо сделать тем скорее, что, как видно, разно и даже очень плохо отдельные дружинники в Тифлисе поняли свою миссию охраны: они нападали на мирных граждан, совершили ряд преступлений, что вызвало необходимость опубликования со стороны тифлисского Центрального комитета «Дашнакцутюн» следующих извещений:

1) «Тифлисский Центральный комитет "Дашнакцутюн" строжайше запрещает обыскивать, арестовывать прохожих и отнимать у

них оружие, если только они в пьяном виде не безобразничают и не злоупотребляют оружием, подавая, таким образом, повод возбуждениям и волнениям».

2) «В виду ряда гнусных убийств и грабежей, имевших место в городе, считаем нужным напомнить населению, что цель обороны – только защищаться в случае нападения на мирных и неповинных граждан и их имущества. Вредить мирному населению достойными варваров средствами – грабить, поджигать и пр. строжайше воспрещается, а дружинникам партии предписывается преследовать и арестовывать виновных и передавать их местному центральному комитету».

Мы приветствовали местную социал-демократическую партию, когда она взяла пример с тифлисских товарищей и устроила мирную процессию и митинг с белыми флагами, давшие желательные результаты, но считаем долгом предостеречь партию от требования вооружения и образования вооруженных дружинников. И делаем это не только потому, что такая же мера в Тифлисе доказала всю ее несостоятельность, но потому, главным образом, что мы видим и видели всю силу рабочих организаций только в их идейных целях и нравственном воздействии на народные массы.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 2 декабря.

Опасный поворот

3 декабря 1905 г.

Последние полученные сведения говорят об опасном повороте в жизни государства, зловещие симптомы которого уже налицо. Многочисленные аресты руководителей рабочих партий, Союза печатного дела, новое отклонение Министерством внутренних дел требований забастовавших почтово-телеграфных служащих, издание нового закона о печати, создающего для органов прессы условия, пожалуй, почище существовавших до 17 октября, словом, все активные элементы освободительного движения, как состоящие начеку, начинают чувствовать зловредное дуновение озлобленного бюрократизма, собирающегося вновь, и быть может в последний раз, броситься на внутренних врагов отечества.

Все эти зловещие признаки говорят о наступлении реакции против той свободы, которая, составляя уже достояние народа, продолжает еще служить источником завязавшейся между народом и правительством борьбы.

Недаром столичные органы печати всех оттенков, не исключая и умеренных, находят, что «пора нам наконец сбросить маску с правительства и поставить ему ультиматум или доказать нам на деле, что оно имеет определенный план мероприятий, или пусть оно признает свою несостоятельность и уступит место другим, которые бы не играли в политику, а осуществили бы на деле великие задачи, только намеченные манифестом 17 октября.

К большому огорчению, продолжающееся отсутствие телеграфных и почтовых сообщений лишает нас возможности сделать более определенный вывод о настоящем положении дела в нашем государстве, но, повторяем, все имеющиеся данные заставляют нас сказать, что реакция идет! И нет сомнения, что в связи с наступающей грозой находятся газетные слухи об уходе графа Витте, об обновлении министерских постов и даже о военной диктатуре в лице графа Игнатьева[199]. Говорят уже о распоряжении министра внутренних дел, касающемся всех «главарей, подстрекателей, ру-

ководителей политического, аграрного, противоправительственного движения и других лиц, в виде делегатов».

Словом, отечество, несомненно, в опасности!

В такой момент единственное спасение – тесное сплочение всех сознательных элементов страны для отстаивания 17 октября, свободы. В такой момент должна быть у всего народа одна воля: спасти эту свободу для блага всего отечества от всякого на нее посягательства.

Вот почему теперь настала пора, когда все сознательные элементы, стремящиеся к возрождению России на началах гражданской и политической свободы, все партии, от крайних левых до крайних правых, должны оставить свои внутренние споры и раздоры и... прежде всего, не допустить, чтобы освободительный акт 17 октября произвольно был отменен. Не надо забывать, что все удары реакции направляются только против добытой свободы, этого чреватого всякими последствиями знаменательного результата освободительного движения. Выпустить из рук народа столь ценное благо во имя каких бы то ни было партийных программ значило бы упустить из виду все значение переживаемого момента и тем ввергнуть страну в полную анархию, неисчислимые бедствия которой трудно и предвидеть.

Только при тесно сплоченной солидарной работе всех русских граждан, стремящихся без различия партий видеть страну свою свободной, можно убедить всех, и прежде всего правительство, что поворота в сторону гнета и произвола нет и не может быть и что все реакционные усилия, какую бы они не представляли опасность, лишь временны, преходящи на славном, хотя и тернистом пути русского освободительного движения.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 3 декабря.

Прочные гарантии мира

4 декабря 1905 г.

Телеграмма из Тифлиса принесла добрую весть о заключении мира[200], а следовательно, о наступлении спокойствия в жизни обеих частей населения этого города. От души желаем, чтобы тифлисский мир не бы похож на ряд предшествующих ему мирных соглашений, так позорно и оскорбительно для человеческого достоинства нарушавшихся в других местах несчастной нашей родины ее заклятыми врагами. Хочется верить, что мир, заключенный в Тифлисе, будет той пальмовой ветвью, действительного появления которой так страстно жаждут все лучшие элементы обеих национальностей. Как и подобает главному на Кавказе умственному центру. Пусть из Тифлиса появится успокоительная лучезарная звезда мира и своим светом и теплом разольется по исстрадавшемуся краю нашему. Если это окажется настоящей звездой мира, то одного появления ее достаточно, чтобы залечить все раны бессмысленной национальной распри и радоваться за судьбу дорогого нам Кавказа. Тогда да будет благословенна эта звезда, как путеводная для всех кавказских народностей и да поможет она земле нашей, достаточно искупленной кровью родных детей, взрастить добрые семена мирной братской жизни народов.

С глубокой верой в нравственную силу святой правды и свободы еще раз выражаем наше страстное желание, чтобы мир, заключенный три дня тому назад в Тифлисе, был вечным, ненарушимым нигде в нашем крае и под благодатною сенью своей отныне руководил бы умом и сердцем каждого армянина и каждого мусульманина.

В той же телеграмме из Тифлиса указано также и начало мирного пути, по которому должны идти отныне все кавказские народности: решено созвать общекавказский съезд представителей мусульман и армян для выработки прочных гарантий мира.

В чем могут заключаться эти гарантии?

Конечно, не в такого рода предложениях, какие были сделаны частью членов бакинского примирительного комитета после

злосчастных августовских событий и сводившихся к обеспечению мира деньгами в сумме одного миллиона рублей. И не составление многопунктных соглашений на бумаге или взаимные обвинения могут заключать в себе прочные гарантии мира; народной ненависти и любви нельзя уничтожить или купить на миллионы, и еще менее эти чувства можно подводить под формальные акты, сколько бы убедительны последние не были.

Лишь сознание общности интересов – культурных, экономических, политических – может и должно заложить прочный фундамент будущего здания мирной жизни всех народностей Кавказа.

Претворить эту общность интересов в народные массы и создать ее на началах гражданской и политической свободы – дело многих поколений, но положить начало этому благородному стимулу совместной трудовой жизни народов надо теперь же. Эта общность интересов есть и сейчас, вызывается она общими условиями краевой жизни, одинаково для всех гибельными, но, к сожалению, каждая народность их понимает по-своему, борется отдельно своими силами и тщится улучшить лишь свою жизнь. Соседний народ не только не берет во внимание, но рассматривает как нежелательный элемент, стремящийся к осуществлению тоже своих отдельных целей.

Очевидно, так нельзя жить народам, призванным волею судеб существовать на одной и той же территории, связанным единым государственно-общественным строем. Какие бы отдельные цели ни ставила себе та или другая национальность на Кавказе, она, прежде всего, должна сознавать, что при существующих условиях социально-политической жизни нашей она, отдельная нация, есть часть Кавказского края, который, как определенное целое, имеет свои общие интересы во всех сферах жизни. Эти-то общие интересы и должны служить связующим цементом в деле водворения в крае мирной жизни между отдельными частями населения.

Эти же общекавказские интересы – духовно-нравственные и социально-политические – и должны составить предмет занятий задуманного общекавказского съезда в Тифлисе. Не вопрос о том, кто затеял национальную распрю, кто в ней больше виноват, кто больше убивал и поджигал, вопросы, которые, кроме растравления незаживших ран, положительно ничего не дадут, а задачи устроения Кавказа на началах свободной жизни – вот в общем программа общекавказского съезда. И на таком съезде должны быть предста-

вители не только мусульман и армян, но и других кавказских народностей, одинаково заинтересованных в общекраевых вопросах.

Однако уже осуществление такого съезда будет иметь значение отрадного и успокоительного факта, который ознаменует собой наступление действительно мирной жизни на Кавказе. А собравшись вместе, представители кавказских народностей, мы в том уверены, в совместной разработке общекраевых вопросов найдут тот путь, который приведет к установлению мира и спокойствия между частями населения. И если им удастся на этом первом съезде приступить к осуществлению создания для нашего края общекавказского сейма с широким местным самоуправлением, то этим желанный мир между народностями как предтеча свободной гражданской и политической жизни на Кавказе будет действительно обеспечен.

А.М. –б. Топчибашев

Каспий. 1905. 4 декабря.

Политическая забастовка

13 декабря 1905 г.

Повторившаяся всеобщая забастовка железнодорожных служащих – новый решительный шаг в поступательном ходе освободительного движения.

Это уже не выражение протеста против обстановки переживаемой действительности, в которой торжественные слова манифеста 17 октября звучат иронией, но настоящее революционное действие, могущее завершится полным государственным переворотом.

В октябре мы пережили одну стадию русской революции, принесшей политическую свободу, теперь мы вступаем в новый ее фазис: если октябрьская всеобщая забастовка заключала в себе, хотя бы в незначительным размере требования экономического свойства, то объявленная с 7 декабря всеобщая забастовка железнодорожных служащих имеет характер только политический.

Вызвана она тем невыносимо-мучительным противоречием между фактом и правом, которое, вселив полное недоверие к правительству, укрепило уверенность, что правительство, само издавшее акт 17 октября, еще далеко от действительного желания согласовать свои действия с принципом гражданской и политической свободы.

Ясно, что этот великий принцип, в котором все спасение России от грозящей ей полной анархии, ждет своего осуществления и применения к русской жизни тем же путем, каким он получен. В этом цель объявленной всеобщей политической забастовки, в которой столь решительно и ярко проявляется русское революционное движение.

Да, это настоящая революция, но только без вооруженного восстания, баррикад и других атрибутов, известных истории революций.

Ведь все в мире подвержено законом эволюции: изменились общественные отношения – изменяются и формы революции. Революция также эволюционирует, и для современного общественно-государственного строя страшнее и опаснее парализовать

действия путей сообщений и телеграфа, чем уличные восстания и баррикады вплоть до захвата столицы и образования временного правительства. При сложившихся условиях теперешней жизни прекращение действий железных дорог, телеграфа и почты есть остановка жизни всего народно-хозяйственного и общественно-политического организма. Это такое потрясение всех жизненных устоев, которое грозит гибелью всей стране, полнейшим нравственным и материальным банкротством всего населения. Это действительно народное бедствие, неисчислимые тяжелые последствия которого ложатся безразлично на все слои населения, одинаково страдающие от остановки всех дел и вздорожания предметов потребления. И если взвесить все беды и несчастия, которые ожидают страну при применении этого могучего средства, то вооруженные восстания и баррикады, эти отжившие свой век революционные приемы, должны быть признаны менее потрясающими, менее гибельными.

Вот почему современная жизнь, выдвинув всеобщую политическую забастовку как средство борьбы, прибегает к ней лишь в самых крайних случаях.

Может ли быть переживаемый нами момент отнесен к таким случаям.

К сожалению, тот хаос, который царит в общих делах страны, поддерживаемый благодаря вот уже месячной забастовке почты и телеграфа, мучительной неосведомленностью лишает возможности дать полный ответ на поставленный вопрос. Но тем не менее мы вправе сказать, что близорукое правительство графа Витте создает много оснований, чтобы признать отечество действительно находящимся в опасности и прибегнуть к такому средству, как всеобщая политическая забастовка. Достаточно припомнить, как безбоязненно нарушались за это время свободы 17 октября и как охотно продолжалось в стране введение положения, принятие всевозможных репрессий вплоть до массовых арестов и закрытия десятка столичных газет. И неужели взявшие на себя руководительство министры с графом Витте во главе не чувствуют, не видят того глубокого противоречия, какое существует между применяемыми ими военным положением, арестами, цензурой и коренными основами нового строя на началах гражданской и политической свободы?! Нет, это не слепота, а игнорирование интересов страны, желание видеть ее не свободной и жизнерадостной, а под гнетом и в юдоли печали!

Люди с такими наклонностями не могут уже верховодить судьбами России, народ им этого не позволит, и все его сознательные элементы, как один человек, примкнут к борьбе за свободу, к борьбе, которую так победоносно начали и ведут с таким успехом легионы рабочего трудового народа. С полным сознанием серьезности наступившего момента борцы за обновление государственно-общественного строя не остановились и не остановятся перед применением такой меры, как всеобщая политическая забастовка. Что делать, когда нет других средств защиты своих интересов и борьбы за свои права! Удары ее падут прежде всего на головы того же народа, тех же трудящихся масс; но тем легче их переносить при сознании, что это при сложившихся условиях жизни, а пуще всего при проявленной кабинетом графа Витте «политике», есть, к сожалению, единственный путь, который нужно пройти, чтобы достигнуть осуществления начал свободной жизни в свободном государстве.

А.М.-б. Топчибашев

Каспий. 1905. 13 декабря.

Политический такт

14 декабря 1905 г.

В революционные времена не слушают советов благоразумия, но мы все-таки взываем к самообладанию.

Это качество особенно ценно и дорого теперь, когда предстоит серьезная борьба, план и действие которой должны быть выработаны с тем большей осмотрительностью, что от успеха борьбы зависит судьба всего нашего отечества, разрешение кардинального вопроса о том, быть или не быть России свободной страной, быть или не быть вместе нам русскими гражданами в строго конституционном его значении.

Для такой поистине героической борьбы необходимо напряжение всех сил, их полная мобилизация и соответствующее месту и времени руководство дальнейшими операциями. И такая гигантская работа может быть результатна только при полном нашем самообладании.

Вот почему мы не сторонники так часто теперь повторяющихся «Чем хуже, тем лучше», не сторонники потому, прежде всего, что хуже переживаемого теперь нами положения трудно и представить: разве это не настоящий ад со всеми нравственными и физическими мучениями, дикими стонами, кровавыми слезами! «Окиньте взором окружающее: нет жизни, она замерла! Что же может быть хуже этого?» Надо стараться воскресить эту жизнь особенно в тех средних массах, которые пали духом, как неподготовленные к невзгодам, к борьбе. Они, эти средние массы, пока инертны, держатся выжидательного положения, но число их велико. Не усугублять их страдания, а влить в их души жизненного эликсира – это будет тем политическим тактом, которого так необходимо держаться теперь.

Таким жизненным эликсиром должна быть ясно сформулированная программа предстоящих действий той борьбы, без которой нельзя ожидать наступления у нас эры лучшей жизни на началах гражданской и политической свободы.

Эта программа не какой-нибудь одной политической партии, а всех, одинаково заинтересованных в наступлении во всей стране светлой эры свободной жизни. Не время проводить партийные начала теперь, когда отечество в опасности и когда заалевшая звезда

свободной человеческой жизни заслонилась грозными свинцовыми тучами, готовыми долго еще держать многострадальную землю русскую в густом мраке. Теперь надо рассеять эти тяжелые тучи и общими словами противостоять против реакции.

Только в этом сейчас должна быть задача всех партий, желающих видеть страну спасенной окончательно от полицейско-бюрократического режима. Это же объединение сил всех партий окажет могучее влияние на все те элементы, которые пока ограничиваются выражением одного своего сочувствия освободительному движению, но не выступают в нем как активные участники.

Тот же политический такт требует не отталкивать эти элементы, обзывая их «либеральными трусами», «сытыми буржуями» и пр. Поступать так, не только опрометчиво и не тактично, но прямо вредно в интересах достижения успеха. Не надо забывать, что все такие элементы, как и все в России, веками влачили иго рабского подчинения, убившего в населении все живое, всякую инициативу. Можно ли от таких людей, еще вчера духовно приниженных, требовать сегодня проявления геройских подвигов?

Не клеймить их надо, а придать бодрости, чтобы они могли проникнуться гражданским мужеством и каждый на своем посту, по мере сил своих, мог способствовать успешной борьбе за общую свободу.

Мы убеждены, что в этом никто не отстанет и не откажет: так осязательно очевидна вся мрачная сторона жизни, созданная старым режимом. Убеждены и в том, что нельзя найти теперь сколько-нибудь сознательно относящегося к текущим событиям, который мог быть против настоятельной необходимости коренного преобразования устоев общественно-государственной жизни России.

Мало того, даже закоренелые представители бюрократии сходятся в этом желании; даже само правительство устами графа Витте явило, что «корни происходящих народных волнений – в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя: она стремится к строю павовому на основании гражданской свободы».

К какому именно строю стремится – это решит сам народ через своих представителей, выбранных в Учредительное собрание на основании всеобщего, тайного, равного и прямого голосования.

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1905. 14 декабря.

Два слова газ. «Баку»

15 декабря 1905 г.

С досадным чувством даем место письмам наших сотрудников и г. Бондаренко, отвечающим на выходки газеты «Баку»[201] против «Каспия», его редактора, настоящих и даже бывших сотрудников. С досадным потому, что сейчас совсем не время полемизировать на почве, не относящейся к важным текущим событиям.

Ошибки во всяком деле, а в газетном в особенности, всегда возможны, и мы ничего не имеем, когда указывают на наши ошибки и промахи. Но надо воздерживаться от их обобщения и не спешить делать несоответствующих выводов. В своем желании «охаить каспийцев» писатели из «Баку» часто забывают это. Так, г. Читатель, ссылаясь на напечатанные в №236 «Каспия» письма г. Мусульманина[202], г. Грузина и «Открытое письмо к армянам», силится доказывать, что мы заражены армянофобством и, приводя факты, касающиеся армян, замалчиваем о такого же рода фактах, совершаемых татарами.

Так ли это – пусть судят читатели наши, которые знают, что мы воздержались от сообщения сведений о событиях в гор. Елисаветполе, в его уезде, в Тифлисе именно по соображениям, которых мы всегда придерживались и будем придерживаться. По этим же соображениям воздерживаемся и теперь от подробностей, касающихся напечатанных в № 236 нашей газеты писем. Скажем только, что никакого желания поддерживать несчастную национальную распрю у нас не было и нет. Лично я как руководитель газ. «Каспий»» высказывал это не раз в своих статьях. Ясно и категорически я говорил, что национальная рознь прямая помеха делу освободительного движения.

К чему же ставить риторические вопросы вроде «Или освободительное движение, или против него», как это делает неизвестный г. Читатель.

Кстати, напомню редакции газеты «Баку», что теперешний ее редактор г. Б. Арутчев недели две тому назад был в нашей редакции и лично выразил мне благодарность за мои статьи и вообще направление «Каспия» об армяно-татарских отношениях.

А.М.-б. Т[опчибаше]в

Каспий. 1905. 15 декабря.

Баку, 1 января 1906 г.

1 января 1906 г.

При чрезвычайно тяжелых условиях вступает в свои права 1906 год.

Связанный тесно с только что покинувшим нас годом, 1906 год займет, без сомнения, одну из наиболее интересных и важных страниц всемирной истории, и в частности истории России. Знаменуя вместе с своим предшественником наступление новой для нас эры гражданской и политической свободы, народившийся год с первого же дня предстоящей жизни может, воспользовавшись опытом 1905 г., приблизиться к более определенному, устойчивому пути, по которому суждено идти нашему отечеству. Но только приблизиться, так как отыскание настоящего пути, ведущего к счастью всех населяющих Россию народностей, дело не одного года, а десятка лет, целых поколений. В длинной серии годов, призванных вершить судьбу России, 1906 год сослужит свою службу, если предстоящие события не задержат естественного течения нарождающейся в стране свободной жизни человека и гражданина. И за такую службу потомство вечно будет вспоминать с благодарностью наступивший сегодня год.

1905 год, обагривший всю страну кровью родных ее сынов, достаточно искупил своими бесчисленными жертвами приобретение всеми русскими гражданами права на человеческое существование, права, которое, несмотря на всю его естественную необходимость для каждого, достается такой дорогой ценой.

Это, как подтверждает опыт 1905 г, редкий дар природы, настоящее сказочное ожерелье, тщательно охраняемое в непреступном замке, к которому дорога через горы трупов человеческих и море крови!

Если 1905 год проплыл не все это красное море, все же он указал путь к замку, и задача 1906 г., прочистив дорогу, пробраться к желаемому сокровищу.

Это тем легче теперь, что нет никого, кто бы в России не стремился к нему, к разумной свободной жизни, без которой немыслимо человеческое общежитие. Теперь все народы России, все отдельные группы – национальные, религиозные, общественные,

классовые признали и свое признание объявили во всеуслышание, что все они видят единственное спасение свое и всей страны в насаждении, упрочении и развитии начал гражданской и политической жизни.

То же самое говорит и правительство. По крайней мере наш премьер-министр граф Витте в своем всеподданнейшем докладе, за которым последовал манифест 17 октября, корни волнения, охватившего разнообразные слои русского общества, видит «в решительном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданственной свободы». Свой доклад граф Витте заканчивает так: «Я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами: прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы» и др.

Итак, два элемента, составляющие понятие государства, – власть и народ сами стремятся к установлению гражданской свободы, дабы тем сделать счастливой третий элемент государства – страну, Российскую империю.

За чем же тогда остановка, а главное – для чего проливается кровь людская?

Если все – и народ и правительство – желают обновить русскую жизнь на началах свободы, то во имя чего обагрять родную землю кровью ее детей!

Говорить о свободе для людей и их же убивать!

Величайшее и грустное противоречие, которое в состоянии уничтожить лишь «прямота и искренность», о которой говорится в докладе графа Витте.

И если наступивший 1906 год даст нам большее проявление этих ценных благородных качеств человеческих деяний, то мы будем благодарны ему вечно и сочтем благоприятное разрешение поставленной для России социально-государственной проблемы значительно обеспеченным.

А. М. –б. Топчибашев

Каспий. 1906. 1 января.

К выборам в Государственную Думу

22 апреля 1906 г.

Правительствующим Сенатом[203] уже объявлены списки членов Государственной Думы, избранных в 27 губерниях первой очереди; из сообщаемых же телеграфным агентством сведений видно, что уже идут к концу выборы в остальных губерниях внутренней России, а также в Польше и Остзейском крае, и, следовательно, остаются отдаленные окраины, в том числе и наш Кавказ, где пока еще не образованы губернские и городские избирательные собрания.

Тем не менее уже теперь можно определить политическую физиономию Государственной Думы. Блестящий успех, выпавший на выборах на долю Партии народной свободы (конституционные демократы), решил этот вопрос, к счастью для России, в пользу прогрессивного направления Государственной Думы, в лице которой страна получит надежного, опытного и стойкого руководителя в деле обновления жизни России и всех ее народностей на началах гражданской и политической свободы.

Успех Конституционно-демократической партии, встреченный радостно всей передовой русской печатью, определился еще на выборах губерний первой очереди, давших из общего числа 203 членов Государственной Думы 108 членов Партии народной свободы, т. е. более половины. Выборы в 19 губерниях второй очереди дали почти такой же процент: из 102 выбранных в Государственную Думу 50 членов Конституционно-демократической партии. Таким образом, эта партия уже имеет в Думе 158 из общего числа членов, до сих пор избранных в Думу в количестве 305, что составляет 52 процента, причем одних крестьян из числа 158 членов Партии народной свободы или примыкающих к этой партии – 64.

Чем же объясняется такой успех Партии народной свободы?

Многие объясняют тем, что эта партия хорошо организова-

на, сплочена и проявляла особенно энергичную деятельность в предвыборной агитации. И действительно, Партия народной свободы в лице центральных, в Петербурге и Москве, и местных своих комитетах выказала и продолжает выказывать наиболее кипучую деятельность в разнообразных формах в целях ознакомления широких кругов избирателей с программой партии, ее политическими взглядами и стремлениями. В этом отношении Конституционно-демократическая партия оказалась единственной партией, действовавшей и продолжающей действовать с определенным планом предвыборной агитации, с соблюдением во всем строгой корректности и оставаясь всегда в пределах тактических приемов, выработанных на практике выборов в конституционных государствах.

И такое отношение к выборному делу, впервые практикующемуся в России, по своим размерам и значению, делает, конечно, честь Партии народной свободы, но успех ее мы объясняем не планомерностью и корректностью действий, не организованностью и сплоченностью партии, а жизненностью тех требований, которые выставлены в ее программе. Или вернее жизненностью того духа желанной свободы, искренней, действительной, который проходит через всю программу Партии народной свободы. Можно не соглашаться с взглядами партии на отдельные пункты ее программы, но желающий добра своей родине, желающий видеть Россию нравственно и материально сильной и богатой должен сказать, что сейчас это единственная партия, сплотившаяся вокруг знамени, на котором ярко и твердой рукой начертано:

Осуществление свобод, обещанных манифестом 17 октября, и отмена всех новых и старых временных правил, эти свободы попирающих, организация народного представительства на строго конституционных началах, единство и нераздельность России с предоставлением областям, отличным по населению и обычаям, широкого самоуправления во всех местных делах, государственные заботы о просвещении масс, обеспечение крестьян землей и урегулирование труда рабочих, действительный контроль над финансами страны, немедленное введение ответственности администрации.

Вот что сплотило сотни и тысячи избирателей вокруг знамени, от которого не должен и не может отвернуться ни один русский гражданин, если он, поняв требование современной жизни, ис-

кренно проникнут любовью к своему отечеству и хочет жить на земле русской в соответствии с действительными интересами стомиллионного народа.

И вот почему под это знамя шли охотно все, воодушевленные такими именно чувствами, шли не только объявившие себя сторонниками партии, но шли не принадлежащие ни к какой партии, шли вообще *люди*. И эти люди, действительные сыны своего отечества, понявшие все глубоковажное значение переживаемого момента, выбирали в Думу зачастую не партийных, а только *людей*, которые, как таковые, сейчас становились под то же высокое гражданское знамя.

Факты, имевшие место до и после выборов, наилучшим образом, подтверждают только что высказанное о том, что привлекало под знамя Партии народной свободы.

Еще в январе с. г. съехавшиеся на Петербургский съезд мусульмане разных областей и губерний остановились, между прочим, на программе Конституционно-демократической партии и вынесли решение, рекомендующее мусульманам на предстоящих выборах в Государственную Думу действовать солидарно с этой партией. Мотивировалось такое решение указанием на то, что из всех партий требования Конституционно-демократической партии, ее политические убеждения и стремления наиболее жизненны для мусульман, а потому соответствуют их желаниям; различие же во взглядах на те или другие пункты программы этой партии выяснится самой жизнью впоследствии.

А вот и другой факт. По Курской губернии в числе других избран от крестьян Г. Н. Шапошников[204]. Он оказался, как сообщали газеты и телеграфное агентство, внепартийным. Но затем, по словам «Речи»[205], органа конституционных демократов, объявил такую программу:

«Вся земля – для трудящихся на ней; парламентарная монархия; однопалатная система; долой Государственный Совет; без согласия народных представителей никто не может распорядиться ни копейкой народных денег, уничтожение сословий, все свободы и всеобщее избирательное право!»

В своей речи указывал, что все это еще нужно завоевать.

Надо ли говорить, что в лице г. Шапошникова Партия народной свободы приобретает весьма горячего сторонника, хотя он не числится в списках партии.

Причина все та же: для каждого честного, порядочного человека обязательно все то, что ведет к добру и счастью воспитавшей его страны, что соответствует насущным интересам и прогрессу политического и социально-экономического развития народа.

Программа Партии народной свободы преследует эту благородную цель. В этом основание ее успеха, в этом все значение и той политической миссии, которая выпадает на ее долю в созываемой на днях Государственной Думе.

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1906. 22 апреля.

Государственный Совет

23 апреля 1906 г.

В то время как ежедневная русская печать всех оттенков с таким вниманием следит за всеми подробностями, касающимися Государственной Думы, другое наше «представительное» учреждение – Государственный Совет[206] не только остается в тени, но не вызывает к себе ни особого интереса, ни доверия.

И такое отношение к Государственному Совету создалось с момента опубликования выработанного о нем положения и, без сомнения, вызывается той организацией и ролью, какие приданы этому учреждению законом 20 февраля с.г.

И в данном случае оправдалась поговорка, что легче выстроить совершенно новое здание, чем приспособить под новое дело ветхий дом на старом фундаменте.

Если бы в основание закона 20 февраля была положена мысль о создании учреждения действительно представительного характера, то мы теперь имели бы свою «Верхнюю палату», быть может, сосем не похожую на прототип подобного рода учреждения в Западной Европе и даже еще с большими дефектами, чем Государственная Дума, но все же имели бы учреждение конституционного характера. Но беда в том, что при составлении этого закона имелось в виду переустроить ту старую храмину, которая называлась Государственным Советом. И задуманная перестройка этого векового здания оказалась более чем неудачной для того дела, к которому его старались приноровить: помещение, продолжающее наполовину покоиться на старом сгнившем фундаменте, оказалось крайне узким, без воздуха и света...

И в результате – предпринятое переустройство дало то, что и старое не уничтожено и на новый лад ничего не пригнано, а если и пришпилено, то весьма неудачно.

В самом деле, из кого по закону 20 февраля состоит Государственный Совет? Он образуется, прежде всего, из членов по назначению, как и было до сих пор. Кто попадает в члены Государственного Совета и какую они деятельность проявляли – об этом можно

узнать из столетней истории учреждения Государственного Совета. Во всяком случае, в этой части Государственный Совет не претерпел в своем устройстве никаких изменений. Но кроме членов по назначению, в состав Государственного Совета входят члены от: а) духовенства православной российской церкви, б) дворянского общества, в) губернских земских собраний, г) Академии наук и российских университетов и д) Совета торговли и мануфактур, Московского его отделения, местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ.

Достаточно одного перечня групп, дающих выборных членов в Государственный Совет, чтобы определить характер и значение выборного начала, введенного в переустройство этого учреждения: выборные члены являются представителями не всего населения и даже не большинства его, а лишь очень и очень незначительного меньшинства, именно: некоторых наиболее влиятельных классов и сословий государства, обладающих капиталами и наделенных привилегиями.

Таким образом, одна половина членов Государственного Совета состоит из лиц по назначению, т. е. вполне зависимых от власти, а другая, хотя и выборная половина, представители лишь привилегированного и богатого меньшинства населения.

Какой авторитет может иметь голос такого учреждения в стране, в которой уже провозглашены начала гражданской и политической свободы и в которой ни один закон «не может воспринять силы без одобрения Государственной Думы», образуемых из выборных представителей населения.

Чувства недоверия и отрицательного отношения к Государственному Совету как к учреждению обновляемой России увеличиваются при более детальном рассмотрении тех привилегированных групп, от которых выбираются члены в это учреждение: это или привилегированная группа, обнимающая на всем пространстве империи лишь часть населения (православное духовенство), или же это группы, существующие не во всех областях (дворянские общества, советы торговли и мануфактур, биржевые комитеты и др.) Не говоря уже о том, что стране с зарождающимися конституционными порядками искусственное поддерживание какой бы то ни было привилегированной группы населения не может и не должно иметь места, только что отмеченный характер этих групп еще более подрывает доверие к Государственному Совету. Почему, в самом деле, в этом учреждении могут быть представители только духовенства право-

славного? Раз присутствие духовенства признано необходимым в Государственном Совете, то нет никакого основания лишать этого права духовенства остальных христианских и нехристианских исповеданий. Какое основание, например, не допускать в это учреждение представителей магометанского духовенства, насчитывающего в своей пастве до 25 милл. мусульман и имеющего в своих рядах трех муфтиев и шейх-уль-ислама. Ведь если найдено необходимым участие в таком учреждении духовенства, то представители того же магометанского духовенства сообщили бы о духовных делах миллионов мусульман России то, о чем неизвестно ни одному члену Государственного Совета, не исключая и таких, которые считают себя знатоками мусульманства, вроде г. Череванского[207].

Повторяем, что раз допущены представители православного духовенства, то не надо было делать исключение для духовных лиц всех остальных религий.

Далее – правительству, конечно, хорошо было известно, что дворянские общества, земства, биржевые комитеты и пр. имеются не везде и потому выбранные ими члены никоим образом не могут и не должны считаться представителями населения.

В этом отношении в особенно невыгодном положении очутился наш Кавказ, для которого, можно сказать, Государственного Совета вовсе не существует: преобладающее здесь мусульманское население, например, вовсе не участвует в Государственном Совете, так как духовенство магометанское в числе других устранено по закону 20 февраля, дворянских обществ нет, земство все еще не введено в крае, а в единственном на Кавказе Биржевом комитете в Баку мусульмане не принимают участия.

Словом, с какой стороны не смотреть на Государственный Совет по его составу – он не выходит из тесных и грубых рамок недоделанного учреждения, которому предстоит или уничтожиться, или явиться на свет в новом измененном виде.

Таким же это учреждение представляется и по роли, отводимой ему законом 20 февраля. Согласно ст. 11 этого закона, «все законопроекты, поступившие в Государственную Думу и ею одобренные, передаются в Государственный Совет» и (ст. 14) «одобренные Государственным Советом представляются императорскому величеству председателем Государственного Совета». Иными словами, между народами, в лице Государственной Думы, и верховной властью устанавливается лишняя инстанция – Государственный Совет, состоящий, как мы видели, из

представителей незначительного меньшинства, да и то привилегированной части населения. Это, конечно, тормоз для плодотворной деятельности Государственной Думы, и тормоз такой, что при известных обстоятельствах люди капитала и разных привилегий могут все более и более умалить значение народного представительства.

Русская печать давно уже отметила эти крайне неблагоприятные уловия деятельности Государственного Совета, а некоторые из видных деятелей, ввиду этих же условий, категорически отказались от предложенной им чести принять на себя звание членов Государственного Совета (проф. Ключевский[208], московский городской голова Гучков).

Но самым выразительным протестом против такой возможной роли Государственного Совета является резолюция, вынесенная 12 сего апреля собранием выборщиков от Академии наук и 9 русских университетов. В этот день в конференц-зале Академии наук происходили окончательные выборы представителей от науки в Государственный Совет, и выборщики-профессора, и академики подписали следующую резолюцию:

«В № 95 "Русских ведомостей"[209] появилось письмо выборщика Московского университета в Государственный Совет профессора В.О. Ключевского, в котором он указывает на недостаточно независимое положение членов Государственного Совета. Со взглядом профессора Ключевского вполне солидарны и нижеподписавшиеся выборщики в Государственный Совет от Академии наук и университетов.

Ясно сознавая это ненормальное положение Государственного Совета и тяжелые условия деятельности в нем, мы сочли тем не менее обязательным для себя участие в выборах в это учреждение. Мы полагаем, что уклонение прогрессивных элементов от выборов не только не принесло бы пользы, а, наоборот, повредило бы делу освободительного движения и интересам науки и просвещения в России. Приняв такое решение, мы считаем необходимым открыто высказать свой взгляд как на Государственный Совет, так и на условия возможной в нем деятельности. Государственный Совет, по закону 20 февраля, отнюдь не должен быть рассматриваем как вторая палата представителей и не может быть выразителем мнения страны. Он может являться тормозом в деятельности Государственной Думы, представляя, вопреки манифесту 17 октября, посредство между народными представителями и монархом. Деятельность прогрессивных элементов в Государственном Совете при нынешнем его устройстве и составе не может не носить оппозиционного характера.

Положение назначенных членов Государственного Совета слишком зависимо от правительства, а огромное большинство выборных его членов является лишь представителями некоторых наиболее влиятельных классов и сословий государства – привилегированного и богатого меньшинства. Вследствие этого Государственный Совет не может иметь необходимого авторитета в стране и справедливо будет вызывать к себе ее недоверие. Принимая все это во внимание, мы все же находим возможным вступить в состав Государственного Совета в надежде, что члены этого учреждения от Академии наук и университетов составят в нем сплоченную передовую группу. Она явится представительницей не классовых, а общественных интересов и может усилиться, объединившись на этой почве с другими прогрессивными элементами Государственного Совета. Группа эта должна поддерживать в Государственном Совете все прогрессивные начинания Государственной Думы и протестовать, не останавливаясь даже перед выходом из его состава, против всяких попыток правительства ограничить права Думы или помимо ее управлять страною».

Подписали: проф. Ф. Евецкий[210], проф. А. Алексеев[211], проф. И. Боргман[212], проф. С. Мокринский[213], проф. Е. Пассек[214], проф. Б. Веригo[215], проф. В. Вернадский[216], акад. А. Лаппо-Данилеский[217], проф. Н. Ланге[218], проф. П. Пусторослев[219], акад. А. Шахматов[220], акад. И. Бородин[221], проф. Д. Багалей[222], проф. В. Петриев[223], проф. В. Ивановский.

В этой резолюции высказалась сама жизнь, этот надежный, опытный и мудрый законодатель людей.

Как природа не терпит пустоты, так и конституционные порядки не допускают ненормальностей в строе учреждений, основанных на началах гражданской и политической свободы.

Еще третьего дня в статье «К уходу графа Витте» мы говорили, что нельзя теперь в России попирать права народа и его представителей и в то же время оставаться во главе правительства. И вот уходит не только граф Витте, но все его сподвижники, и уже говорят о новом составе министерства.

Точно так же и Государственный Совет: начнет действовать Государственная Дума, выяснится на деле вся ненормальность положения Государственного Совета и последний с своей нынешней организацией так же падет, как пал кабинет графа Витте.

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1906. 23 апреля.

Великий день

27 апреля 1906 г.

Сегодня – первое заседание Государственной Думы.

Пусть Дума собралась не в полном составе и во многих местах, как у нас на Кавказе, еще не избраны народные депутаты, пусть избирательный закон страдает существенными недостатками, но событие сегодняшнего дня знаменует собой начало новой эры в жизни всех народов Российской империи.

То, что еще вчера казалось неосуществимым в России или осуществленным лишь на бумаге, сегодня уже реальный факт: мы имеем не только бумажную конституцию 17 октября, но мы присутствуем при грандиозном зрелище, как представители стомиллионного народа собираются обсуждать о лучшем устроении русского государства, о действительном удовлетворении нужд народных.

Этим чреватым большими последствиями фактом пройден тот Рубикон, который в виде «исконных начал» русской государственности задерживал в течение веков народное развитие, его умственно-нравственный и экономический прогресс.

Alea jacta est – сегодня жребий брошен.

В добрый час!

Сегодня русский народ во всеуслышание стомиллионными устами произносит свой девиз: свободные русские граждане в свободной России. С берегов Невы, на виду памятника великого преобразователя России, чей гений

На путь доселе заповедный
Пусть зовет, с собой меня, -

раздаются urbi et orbi торжественные возгласы о вступлении страны на этот путь заповедный, на путь конституционного образа правления, фактического участия народа в делах государства и действительного удовлетворения нужд народа.

С этого времени Россия вступает в семью культурных государств, как полноправный член и получает право требовать себе почетного места как государство конституционное, в котором вопросы внешней и внутренней жизни могут разрешаться отныне лишь с согласия народа в лице его представителей. Отныне международные отношения России будут определяться не симпатиями того или другого лица, а желаниями народа и его насущными духовными и экономическими интересами. Отношение русских граждан внутри государства между собой и к властям отныне должны покоиться на началах гражданской и политической свободы.

Словом, с сегодняшнего дня Россия фактически начинает новую эру государственно-общественной жизни, разумной и свободной, считающейся только с интересами всей страны, всех ее народов.

В этом его значение, и день 27 апреля останется навсегда памятным днем в истории возрожденной России.

Это значение сохранится за сегодняшним днем независимо от результатов деятельности только что начавшей функционировать первой сессии Государственной Думы. Все последнее время было заполнено зловещими вестями, слухами и догадками о том, что Дума будет распущена чуть ли не на другой день после ее созыва, будет даже разогнана.

Как на причину такого возможного печального исхода указывают на то, что в первую же очередь члены Государственной Думы или, правильнее, Партии народной свободы поставят на обсуждение весьма острые и очень нежелательные для правительства вопросы.

Но разве представители народа в выпавшей на их долю работе на пользу того же народа должны и могут сообразоваться с желаниями правительства? Их священный долг на ответственном и высоком посту народного депутата сообразоваться и руководиться во всем с тем, чего требуют интересы народа, благо страны. Вот единственный критерий деятельности члена Государственной Думы, и во имя этого он должен выдвигать вопросы, требующие, в соответствии с интересами народа, немедленного разрешения.

Фактическое осуществление свобод, обещанных манифестом 17 октября, и отмена всех новых и старых временных правил, эти свободы попирающих, организация народного представительства на строго конституционных началах и, в частности, изменение избирательного закона, амнистия всех привлеченных, задержанных и др. за политические дела, суд над действительными виновниками

событий последнего времени, немедленное установление ответственности министров и всей администрации – вот вопросы, которые должна обсуждать Государственная Дума, если она хочет быть на высоте своего положения.

Нет сомнения, что все эти вопросы первостепенной важности и для своего осуществления потребуют не одной, а ряда сессий Государственной Думы, но говорить о них и ставить их на очередь – долг каждого члена Думы, проникнутого всей важностью и серьезностью лежащих на нем обязанностей.

И пусть Дума, исполняя эти обязанности, будет распущена, даже разогнана.

История и практика представительных палат западноевропейских государств убеждают нас в том, что такова участь почти всякого собрания народных представителей, энергично отстаивавших на первых же порах права народа. Распускался или разгонялся парламент, но через несколько времени он собирался вновь для поддержания и отстаивания тех же прав народа. В такой борьбе закалялся народ, она, эта борьба, создает и устраивает жизнь на началах гражданской и политической свободы. Надо только стремиться, чтобы эта борьба велась более мирными способами.

Население местностей, где происходили выборы, послало в Государственную Думу своих лучших людей, которые сумеют, надо надеяться, выполнить порученные им обязанности, как того требуют действительные интересы страны. Но при всем этом мы не должны падать духом, если первая сессия Думы не даст удовлетворительных результатов, страна образует вновь Думу, которая явится с теми же требованиями во имя интересов народа.

Пока же, приветствуя открытие первой Государственной Думы, пожелаем избранным народным представителям сил и энергии для предстоящей им новой сложной и крайне ответственной работы. За этой работой мы будем следить с понятным усиленным вниманием в той надежде, что в конечном результате Россия, все населяющие ее народы, получив такое ценное для человека благо, как свободы, и забыв все тяжелые испытания, пойдут быстрыми шагами по пути духовно-нравственного и экономического прогресса.

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1906. 27 апреля.

Ответ на тронную речь

9 мая 1906 г.

Внимание не только одной России, но всего мира приковано и занято сейчас мыслью о том, какая судьба постигнет ответ народных представителей на первую тронную речь русского царя. Интерес и внимание к участи ответа удесятеряется, если принять во внимание, что это не обычный ответ парламента на речь монарха, ровно как и прочитанное государем 27 апреля слово не есть тронная речь в том смысле, в каком это принято называть в практике конституционных государств.

В знаменательный для России день открытия Государственной Думы народные представители удостоились лишь приветствия главы государства, без указания на определенную программу деятельности народного представительства вообще и на необходимость немедленного разрешения назревших вопросов общественно-государственной жизни России на незыблемых началах гражданской и политической свободы.

Совершенно в другом положении оказались представители народа: во имя священного долга служения интересам народа они должны были сознать, что настал величественный момент, когда, не ограничиваясь одним ответным актом вежливости на полученное приветствие, они обязаны совершенно искренно, правдиво и безбоязненно указать царю на действительные нужды народа, на переживаемое им отчаянное положение, на его настроение и желание получить доказательства, что нужды и требования его будут приняты во внимание и исполнены.

И в сознании своего долга представители народа приступили к составлению послания, в котором содержится минимум требований всей страны, всех народов России.

С большим достоинством выполнила свою ответственную роль думская комиссия 33-х, составившая проект этого послания, а трезвое и вдумчивое отношение к работе комиссии всей Государствен-

ной Думы обязывает нас сказать, что первый русский парламент в деле столь огромной важности оказался на высоте своего положения и честно выполнил свой долг, явившись верным и смелым выразителем чувств и мыслей всего народа.

С величавым спокойствием и подобающей важности положения серьезностью члены Думы в строгой последовательности, основываясь на правдивых фактах и данных действительной жизни страны, излагали пункт за пунктом все требования, sine qua* нет и не может быть общественно-государственного строя на началах гражданской и политической свободы, без которых страна не получит желанного спокойствия, умиротворения.

Красной нитью через все послание народных представителей проходил ставший уже народным лозунгом боевой клич «Земля и воля». С твердой решимостью этот лозунг подкреплялся исторгнутым из глубины народного сердца всепрощающим успокоительным словом «амнистия».

Все народные депутаты, без различия оттенков, сходились в том, что при охвативших страну волнениях нельзя прибегать к каким-либо средним мерам: «Никакие полумеры, никакие остановки на полпути неуместны» – говорил депутат Семенов[224]. Русский народ доведет до конца работу, получит то, чего желает. Народ приравнивался к ослепленному Самсону[225]: у него выросли волосы и, если не исполнить его требования, он может сломать все и похоронить под обломками здания себя и своих притеснителей.

«Парламентаризм сам по себе не может нас привести к тихой пристани» – говорил тот же оратор.

Только та власть, которая будет облечена доверием народа, которая будет решать только интересы всего народа, которая будет иметь всю власть и все могущество от народа, только такая власть может вывести народ из его нынешнего положения.

Народ знает, что нельзя все переделать в короткое время, но ему нужны действительные доказательства, что все его требования будут приняты во внимание и исполнены.

Доказательств же никаких!

Напротив, народные представители созваны, а десятки тысяч людей, боровшихся за свободу, сидят в тюрьмах; между народом и царем создано уродливое учреждение Государственный Совет;

---

* Непременное условие (лат.).

никакой закон не может и не должен воспринять силы без Государственной Думы, а между тем почти накануне созыва представителей народа, 23 апреля, опубликовано положение об основных законах, т.е. о законах, определяющих самую сущность образа правления в России, отношений верховной власти к Государственной Думе, к гражданам, их права и пр.

Где же доверие к народу и его представителям?

Есть ли это доказательство желания править государственным рулем при участии народа в лице его представителей?

При таком положении нельзя рассчитывать и на доверие народа, без чего немыслима правильная жизнь государства. Нельзя также, при таком отношении к Думе, последней рассчитывать со старым режимом обновить Россию и успокоить ее народы.

Для чего же тогда Государственная Дума? Не для игры же в жмурки?!.

Ответ на это должен получиться скоро, его сообщит всей стране депутация, состоящая из председателя, его товарищей и секретаря Государственной Думы.

Мы все пока в напряженном ожидании.

Хотим верить, что будут приняты все пожелания и требования Государственной Думы.

Хочется, чтобы не применились и не оправдались недавно сказанные слова бывшего французского министра иностранных дел Ганото[226] по адресу России:

«Велика опасность играть в жмурки и прятки с народной волей. Льва не зовут, чтобы подпилить ему зубы. Раз призвали парламент, то дайте же ему свободу устроить ликвидацию прошлого».

А. М.–б. Топчибашев

Каспий. 1906. 9 мая.

Памятное событие

3 октября 1906 г.

Как помнят наши читатели, сегодня английская депутация должна была вручить бывшему председателю Государственной Думы адрес английского общества, вернее, английской нации.

В свое время в нашей газете отмечалось, какое значение имеет этот адрес, подписанный всеми наиболее выдающимися представителями политической, общественной и религиозной жизни Англии. Это первый случай, когда обширные круги английского народа, минуя свое и наше правительства, обращаются непосредственно к русскому народу.

В этом заключается все глубоко историческое значение отмечаемого события с точки зрения и международных сношений, и общественно-культурных отношений между обоими народами.

И нет сомнения в том, что взаимная дружба народов может создаваться и укрепляться только подобного рода актами выражения взаимных чувств и мыслей: ни родственные узы между царствующими домами, ни визиты коронованных особ, ни тем паче дипломатические сношения между правительствами, даже при допустимости полной солидарности их действий и политики, не в состоянии создавать и закреплять дружбу народов, дружбу, основанную на общности идеалов культуры, опирающейся на мир.

Вот почему вся честномыслящая Россия отнеслась и относилась крайне сочувственно к столь благородному шагу английского общества, справедливо видя в адресе последнего начало культурной дружбы с самым свободолюбивым в мире народом.

Сознание чреватости столь важного факта на заре молодой, стремящейся к свободе России, естественно, наполнило сердце каждого честного русского гражданина чувством благодарности к представителям английского народа и еще более – чувством национальной гордости.

Так и поняли посылку адреса все прогрессивное русское общество и печать, без различия оттенка и партии, а столичное об-

щество поспешило образовать особый распорядительный комитет для встречи с подобающей честью английской депутации.

Иначе взглянули на дело элементы, образующие так называемый Союз русского народа[227], и их рептильные органы печати во главе с «Новым временем» и «Россией»[228]. Поставленные «на страже русских интересов» лидеры казенной публицистики подняли шум о некорректности англичан, вмешивающихся якобы во внутренние дела России и подносящие адрес явным «революционерам», «крамольникам», «агитаторам» закрытой Государственной Думы. В унисон с рептилиями запели и др. «протестующие» голоса... первопрестольной столицы: московский градоначальник, предводители дворянства, ремесленники.

«Долой мятежников, жидовствующих членов закрытой Государственной Думы» – , кричали «москвичи» по адресу представителей древнейших дворянских родов, всемирно известных русских ученых, профессоров, литераторов, публицистов! Так, по крайней мере, оповестило нас «чуткое и осведомленное» Петербургское телеграфное агентство...

Конечно, не «либеральному» министерству Столыпина[229] быть против бессмысленного протеста. Конечно, не нынешнему представительству выступить против мракобесов с разъяснением о том, что в этих зловещих криках слышится не только оскорбление великого английского народа, но и вся нелюбовь к своей родине, ненависть к России, адское желание видеть русский народ вечно безличным, угнетенным, в тисках произвола, притеснений и репрессий.

Где же «великий» акт о свободах, коему через 15 дней исполнится год жизни? Где же уверения urbi et orbi премьера Столыпина, что Россия вступила на конституционный путь и русская жизнь будет реформирована на началах гражданской и политической свободы?

Мы не верим не только в искренность, но даже в действительность московского протеста, и нас в этом не уверят ни петербургско-московские рептилии, ни услужливое и неравнодушное к «России» в кавычках Петербургское телеграфное агентство.

Не уверят потому, что мы не допускаем, чтобы любящий свою родину русский человек мог протестовать против адреса английского общества.

Вчитайтесь в него (приводим полностью):

«Мы, члены парламента, представители муниципальных и просветительных учреждений и другие британские граждане,

желаем, ввиду закрытия первой сессии первого русского парламента, передать ему выражение нашей симпатии и уважения. Наша собственная история научила нас той истине, что только представительный образ правления и гражданская свобода суть единственные надежные основы, на которых могут покоиться национальный прогресс и народное благосостояние. Полные добрых пожеланий по отношению к России, мы следили с живейшим интересом и горячими надеждами за созданием Думы и за ее борьбой за власть. Мы научились преклоняться перед гением русского народа. Сердца всех мужественных людей были тронуты зрелищем его героизма, его жертв и страданий, претерпленных им в его долгой и тяжелой борьбе за свободу. Мы надеемся, что в недалеком будущем свобода восторжествует в России, и тогда наконец сделается возможным для народов Англии и России оформить ту дружбу, которая уже соединяет их, дружбу, основанную на общности идеалов культуры, опирающейся на мир».

Англия в лице лучших сынов своих передает выражение симпатии и уважения – кому – первой сессии первого *русского парламента*. Подписавшие адрес полны добрых пожеланий по отношению – к кому – *к России*, они научились преклоняться перед гением – кого – *русского народа*. Сердца всех мужественных людей были тронуты зрелищем героизма, жертв и страданий – *русского народа*. Они надеются, что в недалеком будущем свобода восторжествует – *в России* и тогда, наконец сделается возможным *для народов Англии и России* оформить дружбу, которая уже соединяет их – *Россию и Англию*, дружбу, основанную на общности идеалов культуры, опирающейся на мир».

И этот адрес подписали около 300 членов английского парламента, более 60 епископов и духовных лиц, лорды, профессора, литераторы, художники, редакторы 26 главных органов печати, более 40 мэров различных городов и почти все вожди крупнейших тред-юнионов.

Этот адрес поднесен *русскому народу*, и московский протест делается во имя интересов того же русского народа...

Слепцы!.. Опомнитесь, на мать родную ополчаетесь!?.

Разве этот адрес подносится бывшему председателю Думы Муромцеву, или бывшим членам Думы, подписавшим Выборгское воззвание, или даже всей бывшей Государственной Думе?

Нет и нет, это выражение симпатии английского народа в лице Думы самому принципу народного представительства.

Пусть и бывший председатель и бывшие члены Государственной Думы, по выражению хулиганствующих элементов, до почаевских монахов включительно, и крамольники, и мятежники и даже разбойники, а г. Муромцев их атаман, но весь адрес обращен к русскому народу, к идеи народного представительства.

Кто же из русских граждан, желающих видеть Россию свободной, богатой и сильной, будет и может быть против привития и укрепления у нас этой спасительной идеи? Ведь народное представительство возвращено царским манифестом год тому назад!

Как же теперь не допускать выражения симпатии дружественного народа этой идее? Ведь это значит нарушать манифест, быть ослушником и настоящим крамольником.

Подумали ли об этом «протестующие»?

Впрочем, они, эти протестующие, не виноваты...

Да и самый протест их существенного значения не имел. Правда, английская депутация в Россию не приехала и назначенное на сегодня, 3 октября, вручение адреса не состоялось, но разве это существенно важно; разве без внешней помпы и декорума адрес английского общества хоть на йоту меняет свое общественно-культурное значение? Совсем нет.

Мы считаем, что адрес этот поднесен русскому народу с того момента, когда лучшие представители английской нации решили выразить чувства симпатии и уважения России в лице первых работников за фактическое осуществление в нашей несчастной стране идеи народного представительства.

И такое отношение представителей культурнейшего в мире народа с вековым парламентским строем, вызывая чувства признательности, оставит в общественно-политической жизни России неизгладимый след, знаменуя собой одно из памятных событий переживаемого нами времени.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 3 октября.

Положение чиновников

5 октября 1906 г.

Циркуляр Совета министров от 14 сентября создал для русских чиновников весьма странное, чтобы не сказать худшего, положение. И хотя со времени опубликования этого циркуляра прошло уже три недели, давшие свои злобы дня, но распоряжение Совета министров, ограничивающее права состоящих на государственной службе, все же продолжает приковывать внимание общества и печати: ни известное «разоблачение» министра финансов о печальном положение Государственного казначейства, ни даже такая злоба дня, как Всероссийский съезд «Союза истинно русских людей»[230], не заставляют печать так много говорить о себе, как циркуляр от 14 сентября. Оно и понятно: в своем письме статс-секретарь Коковцев[231] ничего нового не открыл, ибо никто не сомневался, что финансы России в состоянии полного расстройства; равно как ничего интересного нельзя ожидать от собрания «истинно русских людей», так как мотивы и вожделения этого собрания, руководимого гг. Грингмутом[232], Дубровиным[233] и Юзефовичем[234] (даже почетным председателем съезда!), этими действительно «истинно...русскими людьми», всем и каждому доподлинно известны и в своем роде естественны...

Но циркуляр, ограничивающий права чиновников в политической жизни и деятельности, с точки зрения возвещенных «манифестом 17 октября, представляется прямо противоестественным, идущим совершенно в разрезе с конституционными порядками, о которых говорил тот же Совет министров в своем программном оповещении.

Мало того, что требование этого циркуляра совершенно непонятно в государстве, вводящем у себя конституционный строй, – требование об устранении или даже ограничении чиновников в политической жизни страны практически неосуществимо.

Как видно из циркуляра от 14 сентября, нынешнее правительство в основание ограничения прав состоящих на государственной службе кладет то соображение, что «в возникшей политической борьбе партий и в открытой *критике правительства*, подчас даже

прямо *в противогосударственной агитации*, заметное участие приняли у нас не только частные лица, но и служащие в государственных учреждениях».

Между тем –, говорится далее, «должностные лица, становившиеся в ряды противников того самого правительства, от которого они получают свои полномочия и именем которого действуют, – явление недопустимое и ни в каком государстве не допускавшееся».

В газетах уже приводилось немало данных, опровергающих столь «смелую», но по обыкновению явно неверную ссылку на иностранные государства: вопреки утверждению циркуляра, ни одно из иностранных государств с конституционным строем не придерживается взгляда Совета министров на лиц, несущих государственную службу.

Везде и всюду в этих государствах проводится то начало, что чиновники – прежде всего люди и граждане и потому они не могут и не должны быть лишены или хотя бы ограничены в праве иметь тот или иной политический взгляд и фактически, когда нужно, осуществлять усвоенный политический взгляд. Но в то же время от чиновников и в конституционных государствах требуется, чтобы «занятие политикой ни в чем не препятствовало честному исполнению служебных обязанностей».

И между этими двумя требованиями – святостью прав человека и гражданина и честным исполнением служебных обязанностей – в иностранных государствах с широким парламентарным строем создалась полная гармония, имеющая своим источником существование в них строгой законности. Там каждый чиновник находит пределы честного исполнения своих служебных обязанностей в законах государства, точно очерчивающих права и обязанности и круг ведомства всякого должностного лица, каждого правительственного учреждения. Состоящий на государственной службе – исполнитель только этих законов, но не воли и приказаний отдельных начальствующих лиц и даже высшего правительства. Чиновник исполняет только предписания закона и основанные на законе. И наоборот, чиновник оставляет без исполнения все предписания какого бы то ни было начальства, если только эти предписания не исходят из существующего закона.

В том же законе государства, в законе органическом, в конституции, чиновник находит пределы осуществления своего права как человека и гражданина. Вооруженный этим законом он сво-

бодно осуществляет свое право избирателя и баллотирует за кандидата своей партии в уверенности, что его депутат будет ратовать в парламенте прежде всего за необходимость беспрекословного повиновения всех и каждого, начиная от главы государства, конституции страны и вообще законам государства. Он, чиновник, считает и сочтет для себя долгом гражданина выступить против правительства, попирающего законы государства, не взирая на то и даже вследствие того, что он состоит на государственной службе. Таким образом, «открытая критика правительства» даже обязательна для чиновника, если правительство нарушает законы страны, действуя само или требуя от других, хотя бы ему подчиненных служащих, действий, не согласных с существующими законами.

Вот как обстоит дело в иностранных государствах, на которые сделана столь неудачная ссылка в циркуляре Совета министров от 14 сентября.

Иначе и не может быть, если только не извращать понятий «правительство» и не сливать его в одно понятие с «государством». Это-то смешение понятий мы находим постоянно в постановлениях и циркулярах нынешнего Совета министров.

По авторитетному разъяснению профессора В. Кузьмина-Караваева[235], бывшего члена Государственной Думы, манифест 17 октября совершенно точно определяет понятие «правительства».

«В манифесте прямо сказано: ..."признали необходимым объединить деятельность высшего правительства". И далее, изложено, в чем состоит непреклонная воля монарха, предпослано: "На обязанность правительства возлагаем ..." Монарх, таким образом, с одной стороны, отмежевал "правительство" от себя, а с другой – от органов законодательной власти. А потому "правительство", по современной русской юридической терминологии, есть совокупность слитых в одно целое центральных органов исполнительной власти, т. е. Совет министров. И именно в этом смысле трактовалось слово "правительство" в докладе графа Витте, получившим санкцию: "Принять к руководству".

Но о министерством графа Витте принятое к руководству 17 октября было скоро забыто. И. Л. Горемыкин[236] первыми же словами в Государственной Думе ясно дал понять, что он целиком стоит на почве старых фикций. Все сообщения и циркуляры нынешнего Совета министров одинаково игнорируют основы конституционализма».

В циркуляре от 14 сентября эти основы игнорированы наиболее. И в данном случае это сделано в видах борьбы, которую нынешнее министерство в интересах самосохранения предпримет, как оказывается, на предстоящих выборах в Государственную Думу: «Действуйте против всех левых партий, особенно против партий народной свободы, одержавших блестящую победу на первых выборах, и посылайте во вторую Думу приверженцев правых партий» – вот что хочет сказать циркуляр чиновникам.

Но будет ли цель достигнута?

Миллионное русское чиновничество, насчитывающее в своих рядах десятки тысяч образованных людей, выдвинуло немало интеллигентных педагогов, судей, инженеров, докторов и др. явных сторонников освободительного движения.

Никакой циркуляр не свернет их в лагерь «истинно русских людей» несмотря на то, что отделы этой партии, прямо призывающей к крови, открываются при участии губернаторов, архиереев и прочих властей, а деятельность Партии народной свободы всячески преследуется.

И в этом отношении мы согласны с кн. Евг. Трубецким[237], который, резюмируя в «Русском богатстве»[238] смысл циркуляра, воспрещающего чиновникам участие в «противоправительственных» партиях, говорит:

«Собственно, весь смысл циркуляра может быть резюмирован двумя словами: перед всеми разномыслящими с министерством чиновниками он ставит альтернативу – быть уволенными или стать хамами».

Вот такое положение создал циркуляр от 14 сентября для чиновников!..

Да послужит им утешением то, что нынче терпят все, не желающие публично оплевать всю веру...

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 5 октября.

К просвещению мусульманской женщины

8 октября 1906 г.

Вчера исполнилось ровно пять лет со дня открытия в Баку мусульманского женского училища, основанного на средства Г.З.А. Тагиева.

Явившись на протяжении векового невежества первым рассадником просвещения мусульманки, эта школа имела значение пробного камня, столь смело и с любовью положенного в основу здания духовно-нравственного развития наших мусульман. Этот гуманный культурный шаг, столь редкий в эпоху упадка образованности мусульманских народов вообще, должен был дать толчок отсталой жизни мусульман и заставить последних ответить на явно неосновательный, но ставший для мусульман роковым, вопрос: действительно ли причины отсталости мусульман, и в особенности мусульманской женщины, в культурном отношении кроются в учении ислама, и если нет, то как встретит мусульманское общество, при теперешних крайне неприглядных условиях своей жизни, организованное учебное заведение для мусульманской девушки.

Как ни незначителен пятилетний срок в жизни целого учебного заведения и как ни мало примера одной школы, все же Бакинское мусульманское женское училище за истекшее время дает материал, значительно освещающий вопрос о просвещении мусульманской женщины. И этот материал, несмотря на свою ограниченность, представляется важным как взятый из жизни.

Жизнь мусульман, взятая хотя бы в маленьком масштабе на примере женского училища, доказывает, прежде всего, всю неосновательность взгляда на учение ислама, являющееся будто бы тормозом в деле образования мусульманки.

Памятный для мусульман день 7 октября 1901 г. воочию убедил, что лучшие представители мусульман, искренно радуясь открытию женской школы, приветствовали это благое дело как святое и полезное для мусульман. Бакинский губернский казий в своем слове, ска-

занном в этот день, придавая особое значение открываемой школе, отметил, что сам пророк Магомет заповедовал, что «обучение наукам равно обязательно для всех мусульман и мусульманок». В таком же смысле были приветствия от нескольких муфтиев, шейх-уль-ислама, многих казиев, вообще известных духовных лиц, а также от интеллигенции, купечества и др. многих местностей России с мусульманским населением. Смело можно сказать, что на это высокополезное событие отозвались все мыслящие члены мусульманского общества. Несмотря на позднее опубликование об открытии училища учредитель училища был завален просьбами о принятии в училище, и ко дню открытия, 7 октября, было уже 49 учениц, в числе коих были и дочери мулл. Это количество к концу первого полугодия возросло до 70. Запрос на образование девушек превышал всякие ожидания: просьбы о принятии в училище поступали круглый год, и все они почти исходили от бедных родителей, умолявших об определении дочерей их на счет училища. С такими ходатайствами обращались отовсюду, и не только из городов, но и из селений Закавказья, Дагестана, горцев Северного Кавказа, даже из Казани. И в данном случае в обучении и воспитании девочек, как и мальчиков, впереди шли беднота и средний по средствам класс; по понятным соображениям менее состоятельные родители спешили давать своим дочерям образование, а более состоятельные мусульмане, особенно бакинцы, воздерживались и продолжают воздерживаться.

К большому сожалению, просьбы о принятии на счет училища отклонялись за недостатком средств училища. Средства эти в весьма плачевном состоянии: источником содержания училища с пансионом является неприкосновенный капитал в 125 тыс., внесенный учредителем училища Г.З.А. Тагиевым. Проценты с этого капитала, плата за подвальный этаж собственного здания училища и плата за своекоштных учениц в общей сложности не покрывает ежегодного расхода на училище с пансионом. По уставу училища количество пансионерок на счет училища ограничено 20, но Попечительный совет в первый же год, ввиду многочисленных просьб о принятии учениц на счет училища, увеличил число пансионерок еще на 15, а с своекоштных за обучение и пансион определил такую минимальную плату, как 100 руб. на первый год; плата эта для принятых после первого года обучения увеличена до 130 руб. С приходящих учениц плата установлена в 65 руб. (полупансионерки). В бюджете училища, выражавшемся приблизительно 14 тыс. руб., ежегодно не

хватало до 4 тыс. руб. Этот недобор пополнялся из запасного капитала, образовавшегося от процентов неприкосновенного капитала, внесенного учредителем в 1898 г., т.е. за три года до открытия училища. Капитал этот, доходивший до 20 тыс. руб., уже иссяк, так как часть его была издержана на первоначальное обзаведение училища и пансиона.

Таково в общем финансовое положение мусульманского женского училища в Баку, и если мы выдвинули его на первый план, то потому, что эта сторона дела, являясь главным препятствием в приеме всех желающих учиться мусульманских девушек, задерживает, как увидим ниже, скорое разрешение вопроса о широком женском образовании мусульманки.

Итак, отзывчивость мусульманских родителей и желание их давать дочерям образование на первых же порах встретили затруднения в денежных средствах.

Это обстоятельство, вынудившее учредителя училища значительно ограничить прием учениц, конечно, отозвалось на количестве учащихся, число которых в последующие годы было значительно меньше.

Всего за истекшие пять лет в училище принято 152 ученицы, из коих налицо сейчас 63 (6 приходящих), следовательно, за это время в училище пребывало 89 учениц. Из этого числа 15 окончили курс в училище в прошлом году (первый выпуск), из них две оставлены при училище для подготовления в учительницы: одна магометанского Закона Божия и другая татарского языка. Столько же, 15, вышло замуж до окончания курса из числа великовозрастных, так как в первый год на возраст поступающих мало обращалось внимания при приеме учениц. Есть вышедшие замуж за лиц с высшим образованием. Из остальных несколько учениц оставили училище по болезни, одна умерла, но более половины, около 30, оставили училище, чтобы поступить в другие женские учебные заведения – в гимназии, прогимназии, заведения Св. Нины.

К сожалению, точных сведений о судьбе оставивших училище воспитаниц нет, но мы уверены, что число продолжающих учение в других учебных заведениях или же дома гораздо значительнее.

Во всяком случае, это чрезвычайно важное обстоятельство, которое, говоря об отрадном среди мусульман явлении – запросе на женское образование, свидетельствует в то же время о том, что этому запросу Бакинское женское мусульманское училище не удов-

летворяет. И причина этого кроется не в дефектах существующего учебно-воспитательного дела училища, так как справедливость требует сказать, что состав учебно-воспитательного персонала, при нынешних условиях сделал и делает все что может для выполнения установленной программы, и притом с большим успехом: посещавшие уроки и бывшие на экзаменах представители местной дирекции народных училищ и вообще Кавказского учебного округа, а также другие лица из почетных мусульман, бакинский губернский казий и др. и родители учащихся всегда отмечали осмысленные ответы учениц по русскому языку и арифметике, правильное произношение русской речи, а также твердое знание начал и обрядов религий и хорошие успехи в знании татарского языка.

Повторяем, в пределах программы сделано и делается все, что можно, но в рамках возможного – сама программа настолько узка и мала, что не удовлетворяет назревшим потребностям жаждущей учиться мусульманки.

Программа Бакинского мусульманского женского училища – программа лишь начальной одноклассной школы, такой школы, которая уже никого не удовлетворяет, так как наше время и к начальной школе предъявляет уже новые требования, значительно превышающие существовавшие до сих пор. В этих требованиях вопрос касается не только метода преподавания, но главным образом расширения предметов познания детей.

Для единственной в своем роде мусульманской женской школы такое расширение обучения представляется еще более необходимым. И эта необходимость сознавалась уже при самом открытии женского училища в Баку, так что констатируемая неудовлетворительность того училища в смысле несоответствия программы с ролью училища не есть неожиданность. В этом отношении мы позволим себе сделать ссылку на статью нашу, написанную пять лет тому назад, «По поводу открытия в Баку женского русско-мусульманского училища».

Вот что мы писали в № 208 «Каспия» от 23 сентября 1901 г.:

«В числе благих последствий идеи об образовании мусульманки нам предвидится дальнейшее ее развитие, которое должно привести к расширению программы женского русско-мусульманского училища. Нечего и говорить, что *очень скоро* курс одноклассного начального училища окажется незначительным для тех мусульманских девушек, которые бы захотели продолжать свое образование в том же направлении. Эта вполне естественная потребность жизни вызовет

на сцену вопрос о женской русско-мусульманской прогимназии, а затем и гимназии. Разрешение этого вопроса, думается нам, будет иметь место в нашем же Баку, в том кругу лиц, которому приходится осуществлять в начальном виде идею об образовании мусульманки. Не даром учредитель русско-мусульманской школы Гаджи Зейнал Абдин Тагиев возвел для этой школы здание, в котором может поместиться женская прогимназия и даже целая гимназия! Первой русско-мусульманской школе, носящей имя императрицы, всего более подобает в своем эволюционном развитии стремиться расширить круг познаний, даваемых мусульманским девушкам, с тем, чтобы эти последние могли со временем стать в уровень умственно-нравственных понятий образованных девушек других народностей».

Тогда же, спустя несколько дней, мы с удовольствием выслушали подтверждение наших слов из уст почтенного Г.З.А. Тагиева. Это было в день открытия училища 7 октября 1901 г. Отвечая на многочисленные приветствия, полученные отовсюду по поводу открытия женского училища, Гаджи Зейнал Абдин Тагиев, весьма взволнованный, обратился к окружающим его интеллигентным мусульманам со следующими словами, занесенными в № 219 номера «Каспий» от 9 октября 1901 г.:

«Сегодняшнее торжество есть только начало обширного плана. Вы видите верхний этаж этого здания; он возведен мною с таким расчетом, что на нем весьма удобно можно построить еще этаж. Я это сделаю, так как настоящая школа должна обратиться в женскую гимназию для мусульманских девушек. Это теперь – моя мечта».

Далее – многие из интересующихся делом образования мусульманки, и в их числе родители учащихся, делали письменные и устные заявления о необходимости расширения программы Бакинского женского училища.

Этот же вопрос обсуждался на общекавказском съезде учителей-мусульман в Баку, постановившем открыть при этом училище двухгодичные педагогические курсы для оканчивающих училище мусульманок. Наконец, III Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде отметил гор. Баку, в котором должна быть открыта учительская школа для подготовления учительниц-мусульманок, причем съезд имел в виду существующее женское училище в Баку.

Итак, печать, учредитель школы, интеллигентные мусульмане, и в частности родители учащихся, съезды мусульман – все говорят о необходимости расширения курса женского училища. И красноре-

чивее, убедительнее всех об этой осознанной необходимости свидетельствует сама жизнь этой школы, давшая такой большой процент учениц, оставивших мусульманскую школу для поступления в другие учебные заведения.

Нужда эта, выдвинутая жизнью, слишком назрела и вопиет о себе столь настойчиво, что нельзя оставить ее без удовлетворения.

Мы знаем, что по предложению самого Г.З.А. Тагиева уже образована комиссия из педагогов, занятая разработкой вопроса о преобразовании женского училища в прогимназию. Будет ли оно называться прогимназией или иначе неважно, вопрос только в том, чтобы как можно скорее расширить программу училища и тем дать возможность мусульманке получать познания, на которые столь властно предъявляет требования осложнившаяся жизнь.

Но и здесь наилучшие страстные желания опять наталкиваются на проклятый денежный вопрос.

Чтобы расширить курс учения до объема прогимназии, необходимо теперешний бюджет (14–15 тыс.) увеличить вдвое. Но на какие средства? Ведь и теперь в денежном отношении положение училища незавидное. Требовать все от Г.З.А. Тагиева мусульмане не вправе; он и так много дал для этой школы: внес капитал в 125 тыс. руб. и построил прекрасное здание. Мусульманское общество само должно продолжить это прекрасное и необходимое дело. На помощь должны прийти бакинские состоятельные мусульмане и тем более, что теперь и бакинцы стали отдавать в эту школу своих дочерей: всего в школу поступило 17 учениц-бакинок, из коих сейчас учатся 14.

Организацию помощи, как и всего дела преобразования этого училища, должно взять на себя бакинское общественное управление, которое до сих пор почти ничего не сделало в деле образования мусульманской женщины. Содержа обширную женскую гимназию с собственным зданием, имея стипендиаток в учебном заведении св. Нины и женские начальные школы, городское самоуправление ограничилось лишь отводом земли под мусульманское женское училище. А между тем его долг осветить живительными лучами просвещение именно самую темную часть населения. И вот прекрасный случай: помочь продолжению готового, уже налаженного дела просвещения мусульманской женщины и тем самым осуществить слова пророка Магомета: «Бог поместил рай у ног матерей».

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 8 октября.

К положению кавказских мусульман

12 октября 1906 г.

Хаотическое состояние, в котором вот уже два года пребывают общие дела русского государства, особенно тягостно продолжает отзываться на жизни окраин.

Будучи в течение веков объектом всякого рода преследований и репрессий, преследовавших цели обрусения, туземное население окраин, разные «инородцы и иноверцы», естественно, должны были встретить и встретили царский манифест о свободах особенно радостно. Столь торжественное и авторитетное возвещение о твердом решении верховной власти преобразовать общественно-государственную жизнь страны на началах гражданской и политической свободы наполнило сердца этого населения счастьем и надеждами на скорое избавление от тех порядков полицейско-бюрократического режима, под гнетом которого сугубо страдали жители окраин, поставленных по соображениям и видам «высшей политики» правительства в положение пасынков России. Всем на окраинах казалось, что миновала мрачная этоха беззакония, административного произвола и притеснений туземцев за их политические, религиозные и пр. убеждения, сливавшихся в глазах окраинных сатрапов и их агентов в одно жупельное понятие «сепаратизм»... И окрыленные надеждами на лучшее будущее жители окраины, естественно, должны были сделаться ярыми сторонниками освободительного движения как символа победы света над мраком, добра над злом.

Но... тем пагубнее для них оказался тот крах, который потерпела возвещенная русская свобода на заре своей молодой жизни. Тем сильнее было разочарование, когда так скоро обнаружилось, что радость, навеянная весть о свободе была преждевременной, мимолетной, заменившейся вновь печалью, казалось, минувших дней.. Увы, дни эти вернулись, и жизнь на их протяжении стала еще более отвратительной, беспросветной...

Разразившаяся над всей страной реакция зловеще нависла над окраинами и еще более заразила подточенный старым режимом их исстрадавшийся до изнеможения организм.

– А-а, вы, значит, действительно тоже хотели свободы, – злорадствовало чудовище, – погодите еще...

И пошли погромы, поджоги, грабежи, убийства, резня – с одной стороны, обыски, аресты, высылки, казни, карательные экспедиции, расстрелы и военно-полевые суды – с другой стороны.

Для объяснения «причин» были выдвинуты из арсенала старые средства: «Революционные стремления, сепаратистические цели, национальная распря, религиозная и экономическая вражда одной части населения к другой».

Диагноз поставлен и идет знахарское лечение вовсю с частым применением такого сильного средства, как военно-полевые суды... Лечение до того быстрое и энергичное, что мы все ошеломлены и растерялись, потеряв обыкновенную способность разбираться во всем происходящем. И не нам в таком угнетенном состоянии оценивать с должною объективностью все значение совершающихся фактов, все недостатки и, быть может, достоинства поставленного диагноза и способов лечения. Предоставим это будущему историку, которому несравненно будет легче ориентироваться в наших сумбурных днях и, отрешившись от ощущения обидной горечи и нестерпимой боли, нами испытываемых сейчас, произвести свой беспристрастный суд над нашими теперешними врачевателями.

Мы же хотим обратить внимание читателей на положение нашей окраины, нашего многострадального Кавказа, над которым не перестает витать злой дух.

Вынося на себе наравне с остальными частями империи все удары нынешней судьбы России, наш край оказался в сугубо несчастном положении благодаря местному бедствию, разразившемуся над Восточным Закавказьем в виде печальных столкновений между армянами и мусульманами. Хотя, к великому счастью обоих народов, в последние дни не слышно никаких проявлений столь пагубных столкновений, но мы не можем еще считать себя освободившимися от разрушительной силы, наведшей ужас на весь край и продолжающей держать нас в постоянной тревоге за участь завтрашнего дня. Такое состояние настолько овладело нами, что оно стало даже нормальным: тревога, отчаянно безнадежное беспокойство – вот что читается в глазах каждого заказавказца.

– Конец ли всему этому, Аллах великий!

В таком растерянно-тревожном состоянии, весьма естественно, мысль сосредоточивается только на одном предмете, а все остальные вопросы дня и вообще текущей бурной жизни не производят впечатления и к ним у нас прислушиваются мимоходом, инстинктивно. Особенно таково настроение у наших мусульман, у большинства их. У всех замечается какая-то боязнь даже думать о чем-нибудь другом, кроме разразившегося несчастья, все говорят о неисчислимом вреде от происшедших столкновений.

– Я считаю, что уже умер и никогда не заживу, как человек, – оплакивает в письме к нам свое положение один разорившийся житель Елисаветпольской губернии.

Вполне, конечно, естественны слезы человека, потерявшего все, добытое упорным трудом, но столь же естественно и требование, чтобы остающиеся силы израсходовать не на безполезное нытье и жалобы, а на возможное устранение печальных последствий этих событий, равно как и на то, чтобы сделать повторение столкновений невозможным.

Задача не легкая, но ее должно поставить на свое разрешение все мусульманское общество. И в разрешении этой задачи более чем необходимо применение принципа – «в единении сила». Но, к сожалению, осуществление этого великого рычага всех общественных дел весьма затруднительно среди мусульман благодаря, прежде всего, отсутствию у них каких-либо организованных обществ и союзов. Даже «благотворительные общества» имеются пока в двух городах.

Вот почему единственно возможным способом для разрешения этой задачи, при настоящих условиях, представляется съезд кавказских мусульман. На этом съезде представители разных местностей края, выяснив степень и размеры нужды пострадавших от столкновений, обсудят вопрос о помощи, а также о средствах, которые могли бы положить предел этим кровавым столкновениям.

Нет сомнения, что на этом же съезде выяснятся и другие нужды кавказских мусульман и в числе их вопиющий о себе по безусловной важности вопрос о начальном образовании и вообще вопрос о просвещении мусульман. В этом отношении уже имеется и готовый материал в виде постановлений двух мусульманских съездов, состоявшихся в августе этого года: Третьего Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде и Общекавказского съезда учителей мусульмани в Баку. Вопросы о тех или иных способах применения

постановлений этих съездов, их практическое значение в разрешении дела просвещения мусульман, материальная сторона этого дела и т.п. – все этого могло бы служить предметом весьма полезного обсуждения на предлагаемом съезде кавказских мусульман. Существенным для съезда вопросом было бы и дело преобразования управления духовными делами кавказских мусульман. Мнение съезда мусульман по этому вопросу тем более имело бы значение, что преобразование духовной части мусульман стоит на очереди.

Словом, вопросы для программы съезды готовы, они указываются самой жизнью и нам кажется, что в получении разрешения наместника Е.И.В. на Кавказе нельзя сомневаться прежде всего потому, что обсуждение и разрешение вопросов, вроде намеченных, прямо в интересах самого кавказского начальства.

Ознакомление же с взлядами мусульман на эти и им подобные вопросы, помимо огромной пользы, не может не входить в программу графа Воронцова-Дашкова, еще при вступлении своем в управление краем отметившего в своем воззвании к населению Кавказа необходимость совместной работы с общественными элементами.

Что же касается до места съезда, то самым подходящим по центральности положения является город Елисаветполь.

Признавая съезд кавказских мусульман весьма назревшим, мы уверены, что при настоящих условиях только этим путем возможно прийти на помощь в деле разрешения весьма жизненных для кавказских мусульман вопросов.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 12 октября.

Баку, 17 октября 1906 г.

17 октября 1906 г.

17 октября!..

Все 365 дней обширная империя жила этим знаменательным, памятным днем. Он был могучим лозунгом для всех народов России. В нем все русские граждане видели тот первоисточник, из которого жизнь государства и общества должно почерпнуть силы для того, чтобы сделать страну счастливой, сильной и богатой.

Все пронесшееся над стасорока миллионами людей, все их действия, помыслы и желания, вся их жизнь во многоразличных проявлениях исходила, как из центрального узла крайне запутанного государственно-общественного строя, из великих событий 17 октября, возвращалась к нему и скрещивалась в нем, объединялась и руководилась.

Все – и хорошее и дурное, идеальное и низменное, все, имевшее место в России за истекший год, основывалось на этом событии, делалось во имя его, подкреплялось возвещенными в этот день свободами.

Лучезарный свет, посетившей страну богини свободы своим жизнерадостным блеском и величием, ошеломил, ослепил ее жителей, привыкших влачить жалкое существование в беспросветной тиши рабского жилья. И лишь немногие из них, наиболее счастливые, увидели светлую богиню во всей красе и твердо уверовали в нее, благодаря судьбу за столь ценный чудный дар многострадальному отечеству.

Тем не менее зашевелилась вся жизнь страны, до самых ее низов. Все слои населения почувствовали тот могучий толчок, который был дан 17 октября. Быть может, местами и временами инстинктивно, но поняли, что наступил момент, знаменующий собой неизбежный исторический поворот у другой, лучшей жизни.

Это был благовест к торжественной молитве за свою родину, так долго томившуюся в юдоли печали и зла. Народ слышал призывные звуки нового колокола жизни и шел к этой жизни, спеша

скорее приложиться к благодетельному источнику и тем исцелиться от затяжной болезни, физических и душевных недугов.

Стремление к этому источнику, чтобы утолить жажду, было велико, и встречавшиеся на пути препятствия вначале рушились одни за другими.

То было победоносное шествие и предвещало благие результаты... Самоотверженные герои были, казалось, близки к цели... Но история допустила обычное повторение событий, еще раз доказав, что такое дорогое благо человеческого общежития, как свобода, достается тяжелой ценой и с большими усилиями, кровавой борьбой со всеми элементами, призванными в жизни всякого народа играть роль злых гениев.

И долго длится и длилась эта борьба, обагрившая родную страну потоками крови, слез и печали. Лишь на небольшой промежуток времени, продолжавшийся 72 дня, борьба эта переменила кровавый характер и сделала перерыв. Это были дни деятельности Государственной Думы. Но едва последняя пала, как борьба началась с еще большим ожесточением. И долго еще будет продолжаться.

В ней, в этой борьбе, все значение дня 17 октября, чему примером служат история и опыт народов, уже пользующихся жизнью на началах гражданской и политической свободы.

И 17 октября велико и знаменательно для страны, как могучий рычаг в деле обновления государственного и общественного строя России. Какие бы кровавые события с печальными последствиями этот день ни принес нам, сколько бы он ни причинил нам горя и страданий, но это его значение всегда останется за ним. Правда, мы, современники, от такого его значения сейчас, кроме страданий, ничего не имеем; верно далее, что благодаря ему наша теперешняя жизнь выбита вовсе из колеи, но это естественно, неизбежно в начавшемся перевороте окружающей жизни. Величайшие события рассчитаны для ряда поколений, и нет сомнения, что грядущие поколения заживут такой жизнью, к какой мы теперь стремимся, как к идеалу.

И для этих поколений день 17 октября будет действительно народным праздником, тем более дорогим, чем большей ценой он достанется...

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 17 октября.

В.Д. Спасович. Некролог

18 октября 1906 г.

В Варшаве скончался известный юрист и писатель Владимир Данилович Спасович.

Покойный родился в 1829 г. в Минске, в гимназии этого города получил среднее образование и затем поступил на юридический факультет Петербургского университета, в котором слушал лекции с 1845 по 1849 г. Отец В.Д. Спасовича был православный, но воспитание он получил польское и в университете примкнул к кружку польских студентов.

Весьма разностороннюю свою деятельность покойный начал с поприща ученого, на которое он вступил в 1857 г. своими лекциями по уголовному праву. Молодой и энергичный профессор с большой эрудицией и гуманным сердцем выступил перед слушателями с новым живым словом, которым призывал к справедливости в тяжелом деле применения карательных мер, причем настойчиво предлагал отказаться от бесчеловечных наказаний. В.Д. Спасович смело выступил в роли ярого противника смертной казни и на примере павшего Рима доказывал необходимость отрешения от системы жестоких наказаний. В существовавшей системе наказаний покойный профессор резко отмечал разлад этой системы с понятиями общества.

Смелая речь молодого ученого вызвала, с одной стороны, большие нападки со стороны рутинеров уголовного права, а с другой – неудовольствие тогдашнего правительства, и В.Д. Спасович в 1863 г. принужден был прекратить чтение лекций в университете и вместе с этим вовсе отказался от профессуры.

Это обстоятельство в жизни покойного имело важное последствие. В то время в России вводились судебные уставы 20 ноября 1864 г. Все передовое русское общество спешило отозваться на реформу суда, пополняя собой новую судебную магистратуру. В.Д. Спасович сразу определил свое призвание, зачислился в адвокатское сословие и одним из первых получил звание присяжного

поверенного при Петербургской судебной палате. Посвятив себя установлению в стране суда «скорого, правого и милостивого», покойный с самого введения нового суда участвовал в той творческой работе, благодаря которой новые судебные учреждения и общественные учреждения и общество русское прониклись идеей гуманного и справедливого отправления правосудия. Правда, ход дальнейших событий создавал в России крайне неблагоприятные условия, между прочим, и для функционирования суда на началах судебных уставов 1864 г., но современное русское общество, усвоившее в лице передовых своих элементов прогрессивные взгляды на право и закон, обязано таким гигантам социально-юридической мысли и практики, как только что скончавшийся В.Д. Спасович. Только такие гиганты могли подготовить в России общество, лучшие представители которого в качестве народных депутатов в памятный день 23 июня с. г., как один человек, без различия оттенков и партий, вотировали в Государственной Думе законопроект об отмене в России смертной казни.

В ряду таких гигантов покойный В.Д. Спасович занимал одно из первых мест. Как судебный оратор и ученый юрист, покойный сделался одним из выдающихся деятелей русской адвокатуры. Его приемы и способы, всегда согласованные с общественными задачами адвокатуры, служили и будут служить образцами для всего сословия поверенных. Пять томов речей покойного долго еще будут иметь значение настольной книги для каждого адвоката как ценное руководство по теории и практике деятельности адвоката на началах нравственных принципов.

Что же касается содержания этих речей, то, как и во всех своих многочисленных произведениях, в них В.Д. Спасович является не только защитником, но и мыслителем, для которого частный случай служит поводом для поднятия общих вопросов и их оценки с точки зрения политика, моралиста и публициста. «Его речи, – говорит А.Ф. Кони[239], – часто представляют из себя, независимо от своего делового содержания, цельные отрывки из учения об обществе, об уголовной политике и судебной практике».

Имя В.Д. Спасовича, как выдающегося присяжного поверенного, было весьма популярно. Он выступал в крупных гражданских и уголовных делах. Хорошо знали покойного и на Кавказе по его блестящей речи в процессе об убийстве Нины Андриевской. Он неоднократно нес также обязанности председателя и товарища

председателя совета присяжных поверенных, и здесь, как и во всей адвокатской деятельности, на первом плане стояли требования профессиональной этики.

Но покойный известен был, и не только в России, как разносторонний писатель, затронувший длинный ряд весьма важных и животрепещущих литературных и политических вопросов.

Статьи о Байроне, Шекспире (Гамлет), Мицкевиче, Пушкине и др., а также критические этюды, печатавшиеся в «Вестнике Европы»[240], отличаются глубиной мысли и художественностью. Его «Очерк истории польской литературы», написанный для «Истории славянских литератур» Пыпина[241], – ценный вклад в историческую литературу, не говоря уже о том, что в нем, как и в других подобного рода своих произведениях, В.Д. Спасович всегда проводил горячо мысль о солидарности национальных интересов русских и поляков. Покойный считался главой части польского общества, стремящейся к русско-польскому сближению, имевшей свой печатный орган «Kpaj»[242], издаваемый в Петербурге (с 1883 г.) Одним из основателей этого органа был В.Д. Спасовский, издававший, кроме того, в Варшаве еженедельный журнал «Athenaeum»[243].

Из произведений его чисто-юридического содержания особенно выделяются: «Учебник уголовного права» (теперь библиографическая редкость), «О праве литературной собственности», «О теории судебно-уголовных доказательств» и др.

Всю свою деятельность В.Д. Спасович провел в Петербурге, и лишь в последние годы он переселился в Варшаву.

С ним сошел в могилу один из доблестных ветеранов эпохи шестидесятых годов, многосторонний писатель, ученый юрист и судебный оратор и, прежде всего, честный общественный деятель, о котором с благоговением и с благодарностью будут помнить все, кому дороги культурные идеалы.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 18 октября.

Перемена курса?

6 декабря 1906 г.

Печать вновь заговорила о графе Витте и в последние дни усиленно комментирует новую записку экс-премьера, касающуюся, конечно, современного политического состояния России.

Таким образом, на сцену вновь выступает человек, имя которого фатально связано с манифестом 17 октября. Кто знает, быть может, судьба, играющая людьми, как мячом, вновь сулит С.Ю. Витте премьерство в делах России с тем, чтобы он сам и «расхлебал всю кашу, которую заварил».

И в самом деле, сумел граф Витте добиться формального отречения от самодержавия и одобрения своего реформаторского доклада многозначительною высочайшею резолюциею: «Принять к руководству». Пусть хоть теперь найдет путь к реальному осуществлению и проведению в жизнь начал манифеста 17 октября. И тогда русский народ простит ему ту недостойную роль, какую он играл в течение полугодичного своего премьерства.

Быть может, говорим мы, судьба так и поступит: для этой цели и посадит графа Витте еще раз на кресло председателя Совета министров.

Лично мы не поклонники графа Витте и не верим в его «гений», но, к сожалению, должны сознаться, что при переживаемых условиях жизни, хуже которых трудно себе и представить, в графе Витте можно видеть, если, конечно, не спасителя страны, то, во всяком случае, способного переменить общественно-политический «курс».

Что граф Витте не сумел ликвидировать печальное наследие негодной правительственной системы и установить новый порядок вещей на прочных конституционных началах, что он, получив правительственную власть, стремился удержать ее старыми путями и при этом считался с желаниями двора и интригами придворной камарильи – это все факты, занесенные на страницы истории.

Но в то же время приходится констатировать, что в настоящее время граф Витте единственный государственный деятель с европейским именем в официальной России. Конечно, не будь этого

условия, – такое наше заявление грешило бы против действительности, так как неофициальных, но зато настоящих государственных деятелей, без громких титулов и больших чинов, у нас немало.

Припомним период времени, предшествовавший мирным переговорам с Японией: из огромнейшей по количеству чинов среды высшего ранга, даже из слишком большого кадра «патентованных» русских дипломатов Россия могла выдвинуть только того же графа Витте, впервые выступавшего в специальной роли политического представителя страны.

Пишущему эти строки пришлось услышать из уст самого графа Витте, что во все дни ведения переговоров в Портсмуте[244] он чувствовал на себе такую обузу, какую он не мог себе и представить до того, а «о том, что и как я сделал – не мне судить».

Конечно, не ему судить, но заключение Портсмутского договора, кроме графского титула, доставило С. Ю. Витте огромную популярность, подняв его репутацию государственного деятеля до чрезвычайной высоты: в нем видели человека, призванного вывести Россию из тяжелого внутреннего кризиса.

Был момент, когда казалось, что граф Витте и явит собой такого человека. Этот момент – 17 октября, когда вместе с манифестом был опубликован и всеподданнейший доклад графа Витте.

Вся Россия прониклась в тот момент уважением и признательностью к графу Витте – так верно были в этом докладе формулированы настоятельные требования русского общества и указывался надлежащий путь к их удовлетворению.

За это мы готовы были простить графу Витте все ранее им содеянное, все разорительное финансовое его управление. И простили бы, если бы не двойственная и услужливая в интересах поддержания старого режима его деятельность в качестве премьера, прикрывавшего своим авторитетом бессмысленно-злобную и мстительную политику П.Н. Дурново.

Теперь, спустя восемь месяцев, граф Витте вновь выступает с докладной запиской, в которой с прежней точностью формулирует настоятельные требования прогрессивных элементов русского общества. Во вчерашнем номере нашей газеты мы приводили выдержки из записки графа Витте.

В новой своей записке бывший премьер высказывается за установление парламентского строя и рядом доводов убеждает, что только такой строй может спасти Россию, вызвать доверие к власти и упрочить империю.

«Парламентский строй способен поддерживать наш пошатнувшийся кредит за границей. При теперешнем состоянии нашего кредита государству грозят разорение и гибель. При недружелюбии всего культурного мира, при полной смуте и неурядице внутри государства нам грозят серьезные осложнения на Дальнем Востоке. Без немедленных радикальных мер в области внутренней политики и без крупного внешнего займа осложнения эти никоим образом не могут быть улажены и могут привести нас к новой войне».

При этом в своей записке граф Витте в решительных выражениях указывает на необходимость ответственного кабинета. Таким образом, на этот раз граф Витте опять выступает с важнейшими для России лозунгами: ответственный кабинет, немедленные радикальные меры в области внутренних дел и крупный внешний заем.

Вынужденные опытом предыдущего отнестись к выставляемым графом Витте программным вопросам с недоверием, несмотря на всю их обычную точную формулировку, мы должны сказать, что последний из этих вопросов – крупный внешний заем, кажется, явится той притягательной силой, которая может вновь привести графа Витте к премьерству. И нет сомнения, что эта часть его докладной записки, представляясь наиболее заманчивой, послужила источником всех толков и слухов, приходящих к нам из столиц об уходе П.А. Столыпина и возвращении к власти графа Витте.

Не вдаваясь в догадки о скорой возможности совершения такого события, мы хотели бы закончить настоящую статью пожеланием, что если суждено и на этот раз официальной России остановиться на графе Витте и ему вновь предопределено стать премьером кабинета, то, чтобы он знал, что страна простит ему его прежнее позорное премьерство в том только случае, если он будет помнить, что кабинет этот должен быть ответственным перед императором и народным представительством, что радикальные меры в области внутренней политики должны быть приняты немедленно и в духе ответа первой Государственной Думы на тронную речь и что, наконец, денежные средства от крупного внешнего займа должны идти только на реформы и обновление общественно-политической жизни на началах гражданской и политической свободы.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 6 декабря.

Чем сильна Япония?

8 декабря 1906 г.

Тревожные вести, вызываемые новыми настойчивыми требованиями японского правительства на почве Портсмутского договора, невольно заставляют обратить взоры к империи Восходящего солнца, несмотря на все хаотическое состояние и чрезвычайное обилие наиболее жгучих вопросов у себя дома.

Не только детальное ознакомление, но подробное изучение действительной причины того, как могло случиться, что сравнительно небольшое островное государство на протяжении менее десятка дет вышло победителем в войнах с двумя величайшими в мире империями – Китаем и Россией, – выяснение этой причины приобретает теперь для нас еще большее значение.

Не одни побежденные государства, но весь мир, после этих войн, должен был сознаться, что Япония для всех оказалась настоящим сфинксом, такой terra incoqnita, о значении которой на Дальнем Востоке трудно было и представить.

Особенно в большом неведении об империи микадо[245] находились русские, невзирая на столь близкое и давнишнее с ней соседство. Несколько описаний случайных путешественников и компилятивных брошюр, слегка и дилетантски трактовавших большею частью о развеселой жизни японцев в некоторых приморских городах, об их гейшах и пр. – вот почти все, что мы знали об «этих макаках»[246].

Теперь, после Дашичао, Мукдена, Порт-Артура и Цусимы, мы, конечно, о «макаках» знаем куда больше и наш книжный рынок обогащается все новыми и новыми «воспоминаниями», «описаниями», «дневниками» об эпизодах бесславной войны, но все же можно опасаться, что «из-за деревьев мы опять не увидим леса»: описания и воспоминания об отдельных эпизодах не дадут нам ответа на кардинальный вопрос о том, в чем сила Японии, чем она победила.

Нечего и говорить, что отыскание прямого ответа на этот вопрос, ввиду крупной роли, сыгранной Японией в истории России, имеет для последней не только особо важное значение, но представляет и поучительный интерес.

Вот почему крайне ценными являются все сколько-нибудь точные сведения, касающиеся малоизвестной до сих пор дальневосточной соседки России, сведения, которые могут облегчить нам разрешить вышепоставленный вопрос. В этом отношении нельзя пройти молчанием весьма содержательный очерк известного криминалиста Е.Н. Тарновского, помещенный в последней (ноябрьской) книжке «Журнала Министерства юстиции» под заглавием «Данные экономической и уголовной статистики Японии».

Очерк этот составлен на основании данных, извлеченных из ежегодного сборника статистических сведений по Японии (Resume statistique de l'Empire du Japan), издаваемого Центральным статистическим бюро в Токио на японском и французском языках. Автор пользовался недавно выпущенным 20-м выпуском этого издания. Очерк содержит весьма характерные данные по экономической, финансовой, судебной статистике, дающие возможность ближе знакомиться с экономическими и моральными особенностями современной Японии.

Из приводимых в очерке данных видно, что, хотя у Японии оказались гениальные полководцы, выносливые и храбрые воины, образцовый флот, дальнобойные орудия и быстродействующие пулеметы, но причина военных успехов ее главным образом кроется в моральных условиях народной жизни. Эти условия и повели к тому, что, как констатируют данные экономической статистики Японии, страна эта достигла необычайных успехов не только в политическом и военном отношении, но также на арене мирного труда и развития.

Какой бы стороны народной и общественной деятельности в Японии ни коснуться – промышленности, торговли, народного образования, не говоря уже о политическом и военном могуществе, очерк отмечает быстрое развитие, непрерывное прогрессирование, во многих отношениях совершенное революционизирование прежней дореформенной жизни. «Этот быстрый прогресс тем более поразителен, что до эры Мейджи[247] (1868 г.) в течение более 250 лет Япония была образцом замкнутого неподвижного государства, недоступного внешним влияниям и воздействиям. Затем, как будто набравшись новых сил за долгий период покоя, страна Восходящего солнца в короткое время из феодальной монархии со строго замкнутым сословием и цеховым бытом стала государством капиталистическим и организованным политически по образу европейских конституционных монархий».

Необыкновенный рост торгово-промышленных сил Японии за 30–35 лет, вызывающий в постороннем зрителе чувство удивления и невольного уважения, служит наилучшим доказательством цитированного мнения. В этом отношении особенно поражает действительно колоссальное развитие обрабатывающей промышленности и торговли. Из семейно-кустарной или замкнуто-цеховой японская промышленность сделалась крупнокапиталистической по европейскому и американскому образцам. Вся страна теперь покрыта промышленными предприятиями грандиозных размеров. А как эти предприятия прогрессируют, показывают данные экономической статистики: в 1895 г. акционерных компаний различных типов в Японии существовало 3371 с нарицательным капиталом в 285 милл. йен, в 1903 г., всего через 8 лет, число компаний увеличилось до 9247 с нарицательным капиталом в 887 милл. йен, т. е. число компаний и сумма их капитала возросли в три раза. Столь же усиленный рост наблюдается и в применении пара: число фабрик и заводов, пользующихся паровыми двигателями, было в 1894 г. всего 1093 с 1808 паровыми машинами, а через 6 лет, в 1900 г., – уже 2084 с 3284 машинами. Тот же колоссальный рост замечается во всем. В 1886 г. в Японии было только 12 городов с населением свыше 50 тыс. жителей и в них было 2389 тыс. В 1903 г., через 17 лет, таких городов было уже 25 с населением в 5547 тыс.

Рост японской торговли превосходит все другие государства: в 1871–1880 гг. средний ежегодный ввоз не превышал 28 милл. йен, а вывоз держался около 23 йен; в 1902 г. было ввезено уже 323 и вывезено на 278 милл. йен, а в 1904 г. ввезено на 371 и вывезено на 319 миллионов йен.

Сильно прогрессирует и дело народного образования: в 1895–1896 гг. округами и общинами было израсходовано на просвещение 12203 тыс. йен, а в 1902–1903 гг. – 42718 тыс. йен, или в 3 ½ раза больше. По проценту населения, посещающего народную школу (около 11%), Япония занимает положение, соответствующее в Европе, Бельгии или Дании, превосходя Италию, Россию и др. восточно-европейские государства. В особенности увеличилось в Японии число профессиональных школ (специальных и технических): в 1895 г. их было только 156 с 18070 учащимися, а в 1904 г., всего через 10 лет, уже 1619 школ с 107299 учащимися, т. е. число школ увеличилось в 10 раз, а число учеников в 6 раз.

Энергия и трудолюбие, составляющая отличительная черта народного характера японцев, особенно проявляются в земледелии, занятие которым в Японии, как и в Китае, считается почетным и до сих пор. Являясь главным народным промыслом (им занято более 60% населения), японское земледелие отмечается учеными как образец рационального пользования силами природы. Но совершенно прав г. Тарновский, говоря, что, с русской точки зрения, при многоземелье и экстенсивной культуре в России японское земледелие «представляется чем-то даже маловероятным или во всяком случае малопонятным». Прежде всего, средний размер земледельческого хозяйства составляет на нашу меру около трех четвертей десятины; немногочисленные хозяйства в 3 или 4 десятины земли признаются уже «крупными». Отсюда неудивительно, что все население Японии, в 48 миллионов душ обоего пола, питается земледельческими продуктами с площади немногим больше 6 милл. десятин – площадь земли менее одной Области войска Донского, в которой 6500 милл. десятин!

И при таком ограниченном размере площади посевов Япония пока мало нуждается в привозном хлебе, что тем более достойно изумления, что японский землевладелец почти не пользуется рогатым скотом и усовершенствованными земледельческими орудиями.

Мы привели лишь некоторые из наиболее характерных данных, которыми изобилует цитируемый очерк. Финансовая, вероисповедная, особенно судебная статистика содержат не менее интересные сведения. Некоторой неопределенностью, как отмечает автор очерка, отличаются сведения, касающиеся преступности в Японии. Но в общем он все же признает, что преступность в Японии уменьшается численно, равно как уменьшается и количество содержащихся в тюрьмах. Так, в 1895 г. во всех местах тюремного заключения было свыше 75 тыс. арестантов, а в 1903 г. – около 66 тыс. арестантов, несмотря на увеличение населения.

Во всяком случае, отсутствие роста (или незначительность его) составляет главнейшее условие японской преступности. И это несмотря на необыкновенный подъем промышленного развития наряду с коренным изменением всех форм и устоев народной жизни. Между тем в современных государствах Европы и Америки рост промышленности совпадает с развитием преступности в данном промышленном районе.

В этом и заключается особенность японской народной психики, отмечаемой большинством наблюдателей, имевших случай жить

в Японии и лично наблюдать особенности духовного склада ее обитателей; все они свидетельствуют, что японцы, восприняв европейскую цивилизацию, не подчинились ей духовно, не были ею обезличены, не отвернулись с пренебрежением от родной старины. Напротив того, «японцы постарались заимствовать у европейцев главным образом материальные стороны их цивилизации, но не религию и даже не общий кодекс нравственных норм и идеалов. По-прежнему они остаются в большинстве верными почитателями своего самобытного кодекса морали – Бусидо (кодекс самураев), который они смело противопоставляют христианской морали».

В приведенных строках и можно, по нашему мнению, найти ответ на поставленный выше вопрос.

Понять все великое значение высшей культуры, усвоить ее и приспособить к своим нуждам, но в то же время не обезличиться и не подчиниться ей духовно – на это способен только народ, обладающий здоровыми моральными задатками народной жизни в ее прошлом и настоящем.

И те же европейские наблюдатели констатируют нормальное здоровое развитие народной нравственности в Японии. В основе моральных начал народной жизни здесь лежат преемственная связь с традициями, верованиями и убеждениями предшествующих поколений. Это наследие прошлого, как создание творческого духа японского народа, особенно с 1868 г., пропускается через фильтры европейской цивилизации, благодаря чему в результате получается не простое заимствование или подражание, а естественное, нормальное усвоение японцами здоровых начал высшей культуры, начал, которые сильный, энергичный, трудолюбивый и способный народ делает уже своими. Отсюда и то замечаемое в жизни японского общества отсутствие расшатанности и неустойчивости нравственных начал. Отсюда и то различие эффектов и результатов, какие получаются от однородных общественных явлений в жизни Японии и европейских государств. Так, в то время как рост промышленности в государствах Европы дает увеличение преступности, в Японии при колоссальном росте промышленности и торговли обратное явление. Далее, в жизни европейских народов замечается во время войн усиление дезертирства из армии и флота; в Японии же во время войны число дезертиров во флоте уменьшилось в два раза по сравнению с мирным временем. Наконец, в европейских странах увеличение финансового бремени,

особенно при, подобно японским, империалистических замыслах, должно было бы вызвать грозное недовольство населения. Но рассматриваемый нами очерк свидетельствует о той легкости, с которою население Японии выносит постоянно растущее бремя налогов и государственных расходов.

Такого рода отличительные черты японского народа имеют в своем основании большую привязанность к родине, привязанность, которая, по словам г. Тарновского, имеет неистребимый характер физиологического инстинкта.

Эта преобладающая черта в характере японского народа породила в высокой степени повышенное национальное чувство, объединяющее в настоящее время все классы японского общества. Преклоняясь перед национальной идеей, доходящей в военных классах до полного самозабвения и самопожертвования, японцы воспитали в себе сознание необходимости конкуренции с европейскими державами в экономическом отношении так же, как в политическом.

Во имя национальной идеи народ готов на все жертвы, и в этом нельзя усматривать узкого национализма, преследующего лишь эгоистические и шовинистические цели: эта идея для японского народа – тот могущественный культурный рычаг, который двигает его по пути, ведущему к достижению общечеловеческих идеалов, и приучает народ к необыкновенному напряжению энергии и деятельности, вырабатывает сильный, здоровый народный дух, дающий Японии силы одерживать победы.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 8 декабря.

К персидской конституции

10 декабря 1906 г.

Помещенное во вчерашнем номере «Каспия» интервью с интеллигентным персиянином подкрепляет уверенность, что конституционный путь, на который Персия вступила, будет этой страной пройден до конца и с успехом.

Это обстоятельство тем более достойно быть отмеченным, что не только заграничная, но и русская печать встречали не иначе как с улыбкой первые известия о персидской конституции и персидском парламенте. Всем казалось, что разыгравшиеся несколько месяцев тому назад в Тегеране события в виде явного выражения неудовольствия персидского духовенства и купечества, будучи лишь выражением протеста группы отдельных сословий, не имеют серьезного значения. Наша печать стеснялась это движение называть не только революцией, но даже освободительным движением.

Последовавшие вскоре рескрипт шаха об учреждении национального собрания, обнародование положения об этом собрании, выборы депутатов и открытие самого собрания должны были убедить, насколько ошибочен был такой взгляд на события в Персии.

Причина ошибки и в данном случае не столько в скудности сведений, которые сообщались о фактическом положении вещей в Персии и, в частности, в ее столице, сколько главным образом в шаблонном взгляде на условия жизни восточных государств, в обычном незнакомстве с их действительными нуждами, с бытом и духовным складом их народов.

По укоренившемуся мнению, восточные государства давно обречены на гибель, народы их сыграли свои роли и все стремления цивилизованных держав должны соединиться к возможному изолированию культурных обществ от пагубного влияния разлагающихся элементов Востока. Какие самими цивилизованными странами на почве этих стремлений проявляются дикие инстинкты и большие аппетиты – это пока оставим в стороне. Нам важно отметить, что, по установившемуся взгляду, народы Востока, как обреченные на

гибель, признаются не поддающимися влиянию культурных начал и форм общежития, выработанных европейской цивилизацией. И в виде общей причины подобного явления, по крайней мере, в отношение мусульманских государств, выставлялась религия Ислама, будто преграждающая своими тесными теократическими рамками всякие пути к культурному развитию, к умственно-нравственному прогрессу. В особенности для этих государств чуждыми казались западноевропейские идеи народовластия. От природы покорные, забитые, верящие в фатализм, восточные народы считались рожденными лишь для деспотических монархий, а потому весьма далекими от начал выборного народного представительства и конституционных учреждений.

Одно лишь незнакомство с Исламом могло породить такой ошибочный взгляд радикально противоречащий всему духу учения великого основателя Ислама; эта простая народная религия сама создалась и получила развитие на выборном начале еще при первых халифах. Отвечая жизненным потребностям объединенных мусульманских обществ, Ислам выдвигал и санкционировал начало общественного обсуждения и контроля всех вопросов публичного права. Заведывание общественным имуществом, порядок призрения бедных, отправления правосудия – все эти требования Ислама исходят из понятий о народовластии, и, следовательно, ни в каком случае нельзя видеть в Исламе учение, идущее вразрез с этим понятием. Напротив того, сами восточные государства, или вернее, их правительства, устанавливая у себя жесткие и несправедливые порядки деспотического образа правления, тем самым нарушали гуманные требования Ислама.

Но порядки эти вводили и поддерживали в своих интересах лишь правительства, народы же восточных государств только вынужденно их терпели, но никогда не сочувствовали и не могли сочувствовать порядкам деспотических монархий, представляющих из себя явно антисоциальные формы общественно-политического строя.

Недовольство народных масс против правительства всегда было, но, по создавшимся условиям жизни, не проявлялось или редко проявлялось наружу, пока не переполнилась чаща терпения даже у «покорных» народов.

Открытые протесты отдельных лиц и различных групп, подпольная литература и национальные издания за границей, смело бичующие пороки правительства, образование таких кружков, разросших-

ся затем в большие политические партии, как «младотурки», «младоперсы», частичные восстания – все эти явления, знаменующие собой начало революционных движений, имели место в жизни восточных государств в течение последнего полстолетия все чаще и чаще.

Но все эти явления, взятые каждый в отдельности, казались не имеющими серьезного значения и наша печать была далека от того, чтобы смотреть на них как на начало важных событий.

К счастью для восточных государств, такой взгляд печати оказался неверным. Теперь необходимо признать, что если в этих государствах и есть что-либо обреченное на гибель, то это их правительства, всевластные и тиранические до сих пор.

Теперь смело можно сказать, что песня правительств восточных государств, высосавших все соки своих народов, уже спета.

Начало этого отрадного спасительного явления мы видим в Персии. И это вполне естественно. Имеющий свою славную историю, глубоконазидательную литературу, свою когда-то блестящую национальную культуру, персидский народ должен был выступить первым в авангарде освободительного движения восточных народов. Этот от природы даровитый и восприимчивый народ раньше всех на Востоке должен был выставить лозунг: «Долой тиранию, корыстолюбивых и продажных правителей! Да здравствует свобода и народное представительство!».

И вот до нас уже явственно доходит этот народный крик нашей соседки, наполняя наши сердца великой радостью. Это уже властное требование всего персидского народа, не того, который падал ниц перед своими угнетателями, а того, который готовится к борьбе с последними, кто бы они ни были: алчные правители, подкупные судьи, недостойные улемы.

Мы уже видим проявления этой славной и чреватой последствиями борьбы персидского народа против своего бесславного продажного правительства.

Во вчерашнем интервью интеллигентный персьянин нам поведал о таких фактах, которые явно говорят о революционном настроение персидского народа. В самом деле, заставить одного из влиятельных в Хорасане духовных лиц подчиниться требованию прогрессистов, и на многолюдном собрании народа решить не допустить въезда в Мешхед бывшего первого везиря Персии, и привести это в исполнение – недостаточно ли это свидетельствует о настроении современных персиян. Но еще большее значения име-

ет пропаганда идеи о свободе, народовластии, которая, как видно из того же интервью, ведется весьма удачно и энергично. В видах большей яркости новых идей деятели пропаганды должны начать, конечно, с критики существующего в Персии режима. За доказательствами нет надобности ходить далеко: вот полувековое царствование покойного Наср Эддин шаха.

«Что он сделал для персидского народа? Ровно ничего.» Так и все они: царствовали, т.е. жили в свое удовольствие, обременяли народ налогами, да еще над этим же народом, на счет которого они жили и живут, производили всякие насилия, беззакония, безобразия.

Народ уже очнулся, и по-прежнему правительству нельзя его обманывать. Народ понял свои интересы и стойко их готов защищать.

Первые шаги персидского парламента являются доказательством сказанного.

Вот что пишет об этом тегеранский корреспондент парижской газеты «Temps».

«Персидское правительство предложило было парламенту проект регламента, в силу которого палата депутатов может быть распущена сенатом по соглашению с шахом. Но депутаты его не приняли. Они нашли учреждение сената в настоящее время лишним, ненужным и считают необходимым заручиться серьезными гарантиями на случай роспуска, требуя, чтобы назначен был, по крайней мере, определенный и притом возможно короткий срок для созыва новой палаты. «И вы не боитесь вызвать таким образом серьезный конфликт с правительством?» спрашивает журналист. – «Нет, конфликт очень маловероятен. К тому же, поступая таким образом, мы считали необходимым заявить о своих правах и точно определить их».

Тот же корреспондент сообщает, что хотя депутаты персидского парламента еще не успели образовать определенные партии, но почти все они принадлежат к прогрессистам. «И когда один из них, высокопоставленное лицо, поднялся на защиту "вековых прерогатив короны", остальные встретили его речь свистками и оглушительным шумом».

Итак, Персия вступила на славный путь конституционного государства, и на этом пути искренно желаем ей полного успеха.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 10 декабря.

По поводу призыва газеты «Кавказ»

13 декабря 1906 г.

В 273 номере газеты «Кавказ»[248] напечатана передовица, содержание которой было до получения этого номера передано Петербургским телеграфным агентством.

Статья эта обращает на себя внимание призывом ко всей кавказской интеллигенции идти рука об руку вместе с русскими братьями на дружную просветительную работу.

С этой-то стороны отмечаемая статья и представляет для нас интерес.

В общем, статья газеты «Кавказ» представляет из себя вывод, к которому приходит автор по печальным результатам общекавказской жизни. События последних двух лет, давших эту «безграмотную и варварскую кавказскую революцию», довели край до полного экономического разорения, причинив в то же время неисчислимый духовный вред. «Эта вакханалия дикости и вандализма дала в результате и ту крайне серьезную и тяжкую утрату, которая сказывается в том, что дело осуществления на Кавказе всех тех благотворных реформ в либерально-освободительном духе, которые нынешний наместник Е.И.В.* предлагал разработать в сотрудничестве с местными туземными общественными силами, теперь затормозилось на долгие годы.

Виновниками всего этого, «главными организаторами революционного террора являлись разбойничьи шайки, действовавшие ради своекорыстных целей, причем, к счастью, удачные сыски, разоблачения и аресты доказали, что здесь мы имеем дело не с политическими фантазерами и безумными фанатиками, а с очень умными и хитрыми профессиональными разбойниками...»

* Его Императорского Величества.

Таково вкратце содержание статьи газеты «Кавказ». На какие бы размышления ни наводила эта статья, мы не имеем в виду ни разбирать ее, ни полемизировать с автором: отмечая ее, мы хотим отозваться на призыв к дружной просветительной работе. Статья заканчивается этим призывом, который мы приводим полностью:

«Господа интеллигентные люди из туземцев, местные публицисты и общественные деятели всех национальностей, благородные дворяне и почетные горожане Кавказа, скажите же слово и возьмитесь за ваше дело. Время еще не окончательно потеряно, и судьба вашего края в ваших руках. *Докажите же,* что всю эту безумную революцию произвела лишь горсть порочных людей, что ваши нации состоят из европейски образованной и развитой интеллигенции и из трудолюбивого, патриархального и доброго народа и потому вполне достойны воспринять культурно-общественные учреждения. Докажите это твердым словом и твердым делом и мы, ваши русские братья, рука об руку с вами станем на дружную просветительную работу, уже начатую и хотя прерванную, но не забытую».

Надо ли говорить, что с заключительными строками призыва согласится каждый кавказец: интересы края получат полное удовлетворение, когда все элементы – местный и пришлый – пойдут рука об руку на дружную просветительную работу. Мы не сомневаемся, что при желании всех элементов можно найти и формы осуществления этой благородной и чреватой последствиями культурной работы viribus unitis.

Но суть дела, по-видимому, не в заключительных строках призыва: самое вступление на путь совместной работы автор обусловливает представлением доказательств, при наличности которых русские братья рука об руку с туземцами станут на дружную работу!

Надо прежде всего доказать, что «всю эту безумную революцию произвела лишь горсть порочных людей». Принимаемое в том смысле, что революцией руководила горсть людей, положение это до известной степени правильное, но только по форме, а не по существу. Горсть людей, как бы последние ни были порочны, не может и не могла выбить из колеи жизнь целого края. Эта «безумная революция», по нашему мнению, явилась результатом того полицейско-бюрократического режима, который за сто лет управления краем довел народные массы на Кавказе до угнетенно-приниженного состояния, заглушив в них проблески самосознания, какой бы

то ни было инициативы. В основание этого режима было положено или полное игнорирование экономическими и духовными интересами края, или бесполезная обрусительная политика, доминировавшая над всеми другими соображениями в области управления, суда, просвещения.

Представители режима в своей деятельности исходили, главным образом, из соображений этой политики, не обращая внимания на то, как гибельно их деятельность отражается на всем населении, искусственно задерживали духовный рост его и заставляя тем одну часть населения делаться экономически зависимой от другой. Не принимали во внимание и того, что политика дает только одни отрицательные результаты, и все более и более отталкивает народности от власти, и в то же время порождает между ними самими взаимные недоверие и трения.

В таком положении полной обезличенности и неустроенности застигла народные массы в крае российская революция. Осуждение старого режима и необходимость коренных реформ, провозглашенных самой верховной властью, с одной стороны, отсутствие у приниженных масс сил самим разобраться в истинных причинах и целях возвещенных реформ, с другой стороны, и наступление скорой реакции правительства – с третьей, породили в массах сумбурные представления обо всем происходящем, бросив массы в объятия той горсти людей, которым одним газета приписывает «безумную революцию» на Кавказе.

В пределах газетной статьи нельзя, конечно, исчерпать эту тему; сейчас и нет в этом необходимости, наша цель в том, чтобы, отозвавшись на призыв газеты «Кавказ», помочь горю нашего края. А горе это велико: все стороны неблагоприятно сложившейся жизни требуют преобразований, и притом радикальных.

Газета несколько раз повторяет, что «осуществление на Кавказе благотворных реформ в либерально-просветительном духе теперь затормозилось на долгие годы». Нет сомнения, что эти слова наводят на разные размышления: можно думать, что здесь указывается на продление реакционного направления, усиление репрессий и т. п. вплоть до перемен в личном составе высшей кавказской администрации, о чем не перестают писать столичные газеты.

Но нам кажется, что сейчас именно время начать реформы в либерально-просветительном духе. И не потому только мы так думаем, что не разделяем бюрократического взгляда – «сначала ус-

покоение, а потом реформы», но потому именно, что в созидательной работе, которую вызовут реформы, мы видим единственный источник для урегулирования взаимоотношений между народностями Кавказа, с одной, и между ними и властью, с другой стороны.

В этом смысле мы и понимаем призыв газеты «Кавказ» и сочувствуем этому призыву. И чем скорее приступить к реформам, тем раньше настанет и успокоение в крае.

Зная все расположение и любовь И.И. Воронцова-Дашкова к Кавказу, мы уверены, что, при предоставленной ему власти, наместник ускорит осуществление необходимых для края нашего реформ и тем даст возможность доказать, что народы Кавказа, и в частности интеллигентная часть, без различия нации и религии, готовы на все жертвы, чтобы соединенными силами всех элементов в крае сделать наш Кавказ просвещенным и богатым, как это подобает жемчужине российской короны.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 13 декабря.

К предстоящим выборам в Думу

15 декабря 1906 г.

Объявление о дне выборов во вторую Государственную Думу, назначенном для губерний Европейской России на 6 февраля 1907 г., не вызвало того оживленного движения, которым обычно сопровождается предвыборная кампания. Мало того, относительно даже крупных центров нельзя сказать, началась ли вообще предвыборная агитация. По крайней мере, последние полученные российские газеты не дают положительных в этом отношении данных, ограничиваясь пока предположениями о блоках между разными партиями и описанием грустного положения, в какое поставлено русское общество перед выборами.

Счастливым исключением являются три партии: правительство, Союз русского народа и Союз 17 октября[249]. Об агитационной деятельности этих партий и принимаемых ими предвыборных мерах читатели могут находить много широковещательных сведений в телеграфных сообщениях Петербургского телеграфного агентства, весьма усердно отдавшемуся делу верного служения столыпинскому кабинету и его союзникам.

Все, что вне этих трех привилегированных партий, поставлено в такие ненормальные условия, равных которым трудно найти в истории конституционных государств вплоть до политических приемов Наполеона III[250], отличавшегося неразборчивостью в средствах для проведения во французский парламент желательных ему лиц.

Условия, при которых русскому обывателю приходится выступать теперь в роли избирателя, несравненно хуже условий, сопровождавших выборы в первую Государственную Думу.

Тогда министерство графа Витте, это теперь признается всеми, несмотря на весь полицейский задор и стремление г. Дурново к репрессиям, не принимало мер к направлению выборов в определенную сторону. Тогда не видно было заметного движения не только на избирателей, но и на местные по делам о выборах учреждения, в особенности при помощи ограничительных разъяснений и циркуляров.

Теперь же приходится говорить не о давлении со стороны министерства, не о недостатках избирательного закона, а уже о том, что само министерство выступает в качестве партии и, пользуясь всеми имеющимися в его распоряжении правительственными силами, проявляет такую страстную партийную предвыборную агитацию, как ни одна из им же легализированных партий. Несмотря на то, что почти тотчас после роспуска Думы сам премьер Столыпин объявил себя и все министерство «вне всяких партий», но проявленная последним в течение пяти месяцев со времени роспуска Думы деятельность носила и носит все признаки узкопартийных действий, отличающихся страстностью и беспощадностью к противникам. Забывая свою роль регулятора порядков страны в соответствии с требованиями акта 17 октября, министерство до того увлеклось партийной борьбой, что потеряло чувство меры в принятии репрессий против мирных граждан, виновных в том, чем министерство, понимании конституционных начал.

В этом отношении в невыносимо тяжелом положении оказались все существующие в России партии левее народной свободы, и прежде всего сама эта партия. Кадеты – вот настоящие «враги» отечества, против которых направлены все стрелы министерства, готового вовсе их уничтожить. Нет ни одного почти указа и мероприятия нынешнего кабинета, в котором прямо или косвенно не осуждались кадеты, не подчеркивались их «революционные стремления». Им министерство с первых же шагов своих объявило войну и, как воюющая сторона, направляло на них все свои атаки и штурмы в виде ограничительных циркуляров и разъяснений.

Так как кадеты составляли в первой Думе большинство, руководящее всеми работами Думы, то министерство роспуска прежде всего задалось целью всячески дискредитировать в глазах народа Партию народной свободы. Но задача эта оказалась чрезвычайно трудной: нельзя было циркулярами, хотя бы заковыристо составленными, заставить поверить, что лучшие русские ученые, профессора, публицисты, земские и городские деятели, входящие в состав Партии народной свободы, даже при наличности «Выборгского воззвания»[251] и постановлений Гельсингфоргского съезда, обратились в настоящих «крамольников» и «революционеров»; имена лидеров и главных деятелей этой партии говорили всем, что кадеты, несмотря на их программные и тактические ошибки, строгие конституционалисты и истинные приверженцы народного представительства.

Отсюда ясно вытекало, что борьба с идеями этой партии должна была обратиться в борьбу против народного представительства. И

министерство не остановилось перед такой борьбой, положив много сил и труда, чтобы за время бездумья разрушить авторитет народного представительства. К этой цели вели, прежде всего, «знаменитые» сенатские разъяснения избирательного закона, уменьшившие и изменившие контингент избирателей как раз из трудовых элементов населения – крестьянства и рабочего класса, а также мелких землевладельцев. Эти ограничительные разъяснения Сената повели к сильному сокращению числа избирателей. Например, по одной Полтавской губ. лишилось избирательных прав 165 тыс. землевладельцев и в общем в этой губернии, после сенатских разъяснений, число избирателей сократилось в 9 раз. В большинстве губерний число избирателей, участвующих в городских съездах и в съездах землевладельцев, колеблется между 1 и 2 проц. всего населения, т.е. представляет очень незначительную величину. В городах относительное число избирателей выше и достигает иногда 10 проц.[*]).

Если бы министерство роспуска ограничило свою деятельность только одними ограничительными разъяснениями, то и этого было бы достаточно утверждать, что оно в целях предвыборной партийной агитации существенно изменило избирательный закон, нарушив 87 ст. Основных Законов, не допускающую возможность изменения избирательного закона в период бездумья. Благодаря этим разъяснениям министерство не только ограничило число избирателей, но резко изменило их состав, лишив контингент избирателей огромной части элементов демократических и усилив взамен их категории в уездах крупных землевладельцев, в городах – буржуазии.

Такое изменение состава избирателей крайне невыгодно именно на вторых выборах. Если бы первая Дума закончила свои полномочия при нормальном течении, по окончании пятилетнего срока полномочий, то изменение состава не могло бы иметь особенно жгучего интереса и значения. Но вторые выборы происходят после разгона Думы, т.е., выражаясь языком конституционных порядков, после конфликта, имевшего место между правительством и народным представительством. С точки зрения тех же конституционных порядков, несмотря на их явное нарушение у нас, роспуск Думы означает апеллирование к народу, к избирателям правительства на избранных им депутатов, оказавшихся, по мнению правительства, не на высоте своего положения. Верно ли такое мнение правительства – должен решить народ в лице избирателей. А чтобы народный суд был справедливым, судьями должны быть в об-

[*] «Русские ведомости» № 195. Прим. автора.

щем те же лица, те же избиратели, которые выбирали неудобных для правительства депутатов.

В этом отношении изменение состава избирателей во вторую Думу меняет смысл новых выборов как апеллирования к народу. Естественно, что народный суд, из новых избирателей, искусственно составленный из консервативных элементов, не может быть беспристрастным над депутатами либерального лагеря, избранными либеральными же избирателями.

Если к этому прибавить, что благодаря той же страстной и партийной агитации министерство при помощи непрекращающихся репрессий вновь загнало в подполье деятельность крайних партий и в том числе Партии народной свободы, отказываясь в легализации их уставов, не разрешая собраний, закрывая их комитеты и клубы, приостанавливая газеты и конфискуя партийную литературу; если далее прибавить, что в целях «изъятия из обращения» неугодных и неудобных для правительства лиц, принадлежащих к этим партиям, издан известный циркуляр об ограничении политических прав чиновников, производятся административные высылки и привлекаются к суду бывшие члены Государственной Думы, подписавшие «Выборгское воззвание», то станет ясно, какие сугубо тяжелые условия созданы «беспартийным» министерством для всех прогрессивных партий и при каких, следовательно, тяжелых условиях должны происходить выборы во вторую Думу.

Но мы верим в гений русского народа. Мы верим, что как бы ни изменился состав избирателей, они не могут забыть бедствий и страданий своей родины, голодной, пребывающей в юдоли печали и горя. Они имеют уже опыт и не забудут первой Государственной Думы, лозунгом которой было «земля и воля». Они не могут забыть, что народные избранники первого призыва оказались неугодными и неудобными, так как они настойчиво ратовали за интересы народа.

И идя к избирательным урнам, они, мы в том уверены, вспомнят все это; вспомнят, кто довел страну до духовной и экономической нищеты; не забудут, конечно, и того, как гурко-лидвалевская кампания[252] собиралось кормить голодный народ...

И тогда, мы убеждены, избиратели справедливо разрешат апелляцию правительства по вопросу о том, *кто прав в споре правительства с первой Думой*, а вместе с тем разрешат, каких депутатов посылать во вторую Думу.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 15 декабря.

Политический такт

17 декабря 1906 г.

В предыдущей статье нашей, посвященной предстоящим выборам в Государственную Думу, мы говорили уже о крайне ненормальных и весьма стеснительных условиях, которыми обставлены выборы в вторую Думу.

Созданное правительственными репрессиями столь тяжелое положение налагает на все прогрессивные элементы общества еще большую ответственность за все действия и шаги как в период предвыборной агитации, так и во время выборов. С сегодняшнего дня и до решительного момента опускания избирательного шара в урну образ действий всех и каждого до мельчайших подробностей должен быть строго продуман и проведен по намеченному плану, всех и каждого, проникнутых искренним горячим желанием действительного установления в России общественно-политического строя на принципе государства конституционного.

Все истинные приверженцы такого строя, прежде всего, не должны упускать из виду значение той огромной и ответственной роли, какая выпала на их долю в коренном вопросе о дальнейшей судьбе русского государства. И это тем более, что положение сторонников строгого конституционализма теперь гораздо опаснее, чем на первых выборах.

Тогда мы были упоены надеждой на лучшую жизнь, принесенную России манифестом о свободах. Мы верили, что нет и не может быть возврата к антисоциальным проявлениям старого режима, осужденного самой верховной властью. И эта вера окрыляла надежду, что для всех элементов государства – народа и власти – наступил момент просветления, когда в общих интересах осознана настоятельная необходимость коренного реформирования всех порядков, навеянных на несчастную страну ее злым гением.

Так верили тогда, сейчас же, после 17 октября, несмотря даже на омрачившее нашу радость черносотенное движение в конце прошлого года, предвидели возрождение к новой жизни. Все про-

грессивное русское общество было преисполнено радостным энтузиазмом, не знавшим границ при одной мысли о том, что наконец-то перед властью о всех страданиях и тяготах народа заговорят его же избранники...

Теперь обстоятельства изменились: нет больше этой веры, а есть только опыт, небольшой по времени, но важный и исторический по внутреннему значению.

Обращение правительства с первой Государственной Думой и отношение его к постановлениям Думы за все 73 дня ее существования, закончившегося разгоном народных избранников, выяснили с достаточною выпуклостью все правительственные желания и виды на то, какое народное правительство хочет правительство и на каких началах оно намерено реформировать общественно-политический строй России.

Лучшим пояснением и яркой иллюстрацией желаний и видов правительства служит нынешнее министерство роспуска: в течение пяти месяцев бездумья своими репрессиями, бесконечно разнообразными и жестокими – административными высылками, карательными экспедициями, военно-полевыми судами, казнями, – водворило в объятой ужасом стране худшие дни осужденного старого режима, всевластия бюрократии. Эти черные дни заставили вновь выплыть наружу все паразитные элементы с их дикими инстинктами, те зловредные элементы, которые попрятались в свои звериные ямы при первых мощных голосах избранников властного народа. И сейчас – horribile dictu* – во всей стране раздается только зловещий вой именно таких элементов.

«Конституционное» министерство П.А. Столыпина, всеми правительственными силами и мерами преследуя деятельность левых партий, и, в особенности, Партию народной свободы объявило все эти партии революционными и, следовательно, вне закона. В то же время Союз русского народа во главе с д-ром Дубровиным, «патриотом» Грингмутом и небезызвестным кавказцам священником Восторговым требует изгнания из России графа Витте, как изменника, объявляет «крамольником» Петербургского и Ладожского митрополита Антония[253] и на своем собрании, в экстазе от «патриотической и душеспасительной речи» кронштадского святоши, кричит: «Долой подлую конституцию». И почти одновременно Союз

* Страшно сказать (лат.).

17 октября, задрапировавшись в одежду либеральной партии, без стеснения объявляет свой проект примирения в Думе общества с бюрократией, сводящийся к тому, что «Россия получит право... называться конституционной страной, а бюрократия сохранит за собой прежнее безответственное перед народом положение».

Вот при каких условиях должны происходить вторые выборы в Государственную Думу! Вот какое теперь положение создалось и сколько накопилось уже отрицательных сил, готовых окончательно погубить самую идею народного представительства.

Можно ли сомневаться, что стоит этим силам черносотенного характера получить возможность и они не остановятся перед святотатственным преступлением против манифеста 17 октября.

В этом вся опасность для истинных сторонников конституционных порядков, и сознание этой общей опасности должно побудить все прогрессивные элементы соединиться и viribus unitis действовать на предстоящих выборах с тем, чтобы не дать торжествовать разрушителям основ политической и гражданской свободы.

Сознание общей опасности, одинаково грозящей всем прогрессивным элементам, требует сейчас отодвинуть на второй план все программы и тактические недоразумения, споры, отличия и, в виду общей опасности, проявить солидарность а выборах.

Это и будет тем великим политическим тактом, который сейчас вызывается создавшимися, благодаря правительственной предвыборной агитации, тяжелыми условиями и который один в состоянии предотвратить общенародное бедствие в виде сохранения на долгие годы ненавистных порядков старого режима.

В этом мы усматриваем реальные задачи момента и всецело стоим за блок всех сознательно прогрессивных элементов.

Мы полагаем, что сейчас, при условиях момента настоящего, не должно быть пока места партийным интересам и целям. И прежде всего потому, что этими условиями ставятся на карту самое существование партий, возможность достижения ими реальных последствий. Ведь если заботами правительства и его «союзников» получается во всем послушная Дума, то над делом народного представительства на долгие годы надо поставить крест. А это несчастье может случиться, если левые партии, верные своим программам и тактике, будут доктринерски преследовать каждая свои цели и тем проведут в Думу черносотенных депутатов.

Во что бы то ни стало таких депутатов надо устранить вовсе, и для этого блок левых партий, основанный на списке известных кандидатов, единственное действительное средство. И как бы святы и дороги ни были партийные задачи и цели, все силы прогрессивных элементов, искренно желающих водворения в России конституционного строя, должны быть направлены против правых, для которых этот строй – лишь пустой звук и самая конституция понимается как красивая новомодная ширма для благовидного прикрытия старого бюрократического произвола.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 17 декабря.

Приемы предвыборной агитации

20 декабря 1906 г.

Говорить при настоящих крайне тяжелых условиях общественно-политической жизни России о выборной агитации и, в частности, о приемах этой агитации, казалось бы, не следовало.

Какая же это выборная агитация, какие же возможны агитационные приемы, когда вся страна на положении чрезвычайных и усиленных охран, везде работают военно-полевые суды, происходят расстрелы, казни, высылки, а оппозиционные партии обречены на вынужденную бездеятельность или загнаны вновь в подполье все новыми и новыми против них репрессиями.

При подобных условиях можно говорить только о предвыборной агитации самого правительства, которое в неусыпных заботах о «правильности» предстоящих выборов дает «руководящие начала» в своих инструкциях, толкованиях и «необходимых» разъяснениях. В эти заботы входит и всякого рода поддержка, обязательно оказываемая нынешним министерством легализованным партиям, так называемым союзам русского народа и 17 октября.

На этом бы и можно было поставить точку и сказать, что вся предвыборная агитация, как это ни противоконституционно с точки зрения начал манифеста 17 октября, у нас происходит лишь в указанных пределах.

Мы бы так и поступили и не утомляли бы внимания читателей нашей газеты, если бы не те особые приемы, которые за последнее время практикует в целях выборной агитации правительства Петербургское телеграфное агентство. А так как это агентство теперь становится монопольным и все наши местные газеты, в том числе и «Каспий», пользуются телеграфными сведениями этого агентства, то вопрос о приемах последнего представляется, конечно, небезразличным. И это особенно важно в настоящее время и при тех условиях, о которых говорили выше и которыми сопровождаются выборы во вторую Думу.

Читатели, вероятно, помнят, что Петербургское телеграфное агентство создалось несколько лет тому назад (в 1901 г.) при Министерстве финансов и с первых же шагов своих получило значение официального агентства. Это агентство одно из детищ бывшего министра финансов С.Ю. Витте, который был так падок на создание научно-казенной литературы и рускофильской заграничной прессы. Властолюбивому министру не нравилось, что существует только одно Русское телеграфное агентство, которое находится не в его ведении, а по составу деректоров своих примыкает к Министерству иностранных дел.

Не легка была монополия и этого агентства, и еще в 1900 г. издатели многих столичных и провинциальных газет, в том числе и редакция газеты «Каспий», вошли с ходатайством об образовании другого телеграфного агентства на новых началах. Но всесильный тогда министр финансов, конечно, победил и получил право на образование телеграфного агентства при своем министерстве. Кстати, к тому времени Министерство финансов обзавелось и своей большой ежедневной газетой в лице «Торгово-промышленной газеты»[254]. С редакцией этой газеты в одном помещении (на Конногвардейском бульваре) и приютилось Петербургское телеграфное агентство как одно из учреждений обширного тогда ведомства Министерства финансов.

Независимая печать тогда же отметила все неудобства получения телеграфных сведений из такого источника, благодаря чему многие периодические издания вовсе не получали телеграмм этого агентства. Но агентство продолжало действовать, служащие получали свои штатные оклады и казна терпела чувствительный убыток. В то же время к сообщениям агентства, исходящим из официальных источников, продолжали относиться с недоверием. Об этом, между прочим, пишущий настоящие строки лично говорил бывшему управляющему агентством г. Миллеру.

Война с Японией помогла агентству: через него сообщались все официальные сведения с театра военных действий. С этим Российскому телеграфному агентству было трудно конкурировать, и провинциальные газеты были вынуждены получать сведения из Петербургского телеграфного агентства, а затем только от этого агентства. В конце этого месяца истекает срок договора Российского телеграфного агентства с правительством и оно прекращает вовсе свою деятельность.

Таким образом, Петербургское телеграфное агентство делается фактическим монополистом в снабжении всей читающей России телеграфными сведениями. Сохранит ли оно свое такое положение и дальше при новом строе – весьма сомнительно, но пока оно, что называется, господин положения.

И надо отдать справедливость, агентство широко пользуется этим положением, проявляя с нескрываемой откровенностью полное пристрастие в передаче, редактировании и освещении всех мероприятий правительства. Такая услужливость по отношению к правительству со стороны агентства вполне понятна: оно само входит в состав правительственных учреждений.

Этим же и объясняется такое отношение Петербургского телеграфного агентства к политической жизни страны и, в частности, к деятельности признанных правительством политических партий, коих пока три: Союз русского народа, Союз 17 октября и Партия мирного обновления[255].

Первая из этих партий слишком мрачного цвета и потому правительственное агентство мало сообщает о ее деятельности. То же и относительно Партии мирного обновления, которая по слабости своих сил не проявляет жизни. Зато о Союзе 17 октября, особенно в последние две недели и после объявления о дне выборов в Думу, сообщается многое множество телеграфных сведений самого разнообразного характера.

Вот в этих-то сведениях мы и видим особые приемы, пускаемые агентством в ход в целях предвыборной агитации и заставившие нас взяться за перо, чтобы выяснить настоящую подоплеку этих сообщений, могущих, быть может, быть неуловимыми для большинства читателей.

Общий тон всех сообщений, касающихся Союза 17 октября, чисто рекламный прежде всего и затем полемический: следуя разъяснениям и инструкциям министерства Столыпина, агентство старается уверить всю Россию, что «октябристы» – это единственная партия, которая спасет страну и что они не только лучше и выше кадетов, но последние не могут сравниться с октябристами, как «революционеры», «крамольники», которых якобы народ русский проклинает за первую Государственную Думу.

Мы ничего не имели бы против сведений рекламного характера: пусть агентство сообщает, что вся Россия покрылась сетью отделов и комитетов Союза 17 октября, пусть она находит отдел союза даже в деревне Нееловке, Гурко-лидвалевского уезда, где

все крестьяне сами изъявили желание быть октябристами; пусть передает агентство о десятитысячных собраниях «союзников», об обилии последних вообще; пусть, наконец, приводит по телеграфу шумные речи ораторов союза, начиная от московского «златоуста» Плевако[256] и кончая перебежчиком Бобрищевым.

Все такие сведения к «лаврам» октябристов ничего не прибавят и наши читатели сумеют в них разобраться. Сумеют потому, что физиономия Союза 17 октября достаточно известна с самого его возникновения. Союз меняет свои основные положения согласно с настроением «высших сфер». В начале своего формирования союз этот внес в свою программу даже вопрос об Учредительном собрании, но скоро от этого отказался и затем менял программу до полного почти вытравления всех конституционных начал. Союз сейчас против парламентаризма и ответственности министерства, зато одобряет военно-полевые суды и всякие репрессии. Нося название 17 октября, союз совершенно равнодушен к явным нарушениям тех свобод, которые провозглашены манифестом 17 октября. До самого последнего времени союз находил вполне нормальным, что все оппозиционные партии (народной свободы, демократических реформ и др.) поставлены в невозможное положение благодаря тому, что они всячески преследуются, лишаются права собираться, иметь комитеты, клубы и пр.

Мы не будем дальше распространяться о союзе и скажем, что подобного рода деятельность стяжала октябристам заслуженное имя союза не 17 октября, а «союза против 17 октября».

Вот почему рекламы Петербургского телеграфного агентства делу не помогут. Но гораздо серьезнее телеграфные сведения полемического характера. В них агентство переходит всякие границы справедливости и пристрастия. Это настоящая борьба, которая ведется солидарно с октябристами и всегда обязательно против Партии народной свободы. Но, должно признаться, борьба не только не рыцарская, но с употреблением приемов самого недостойного свойства. Трудно подыскать телеграфное сообщение за последнее время, в которой хоть в слабой степени были соблюдены примитивные начала всякого честного боя, благородной борьбы.

Появляется, например, брошюра октябриста проф. Герье[257]. Агентство не жалеет нескольких сот слов, чтобы по телеграфу познакомить нас с содержанием брошюры, направленной против кадетов. Профессору Герье отвечает в «Русских ведомостях» проф. Кизеветтер[258], кадет, и об этом агентство ни слова не сообщает.

Происходит общее собрание октябристов в Москве, на котором участвуют и лидеры кадетов. И мы получаем пространные телеграфные реляции Гучкова, Бобрищева[259], Половцева[260], а об ответных речах кадетов только указание, что «возражали Кокошкин[261], Шершеневич[262], Бежанов[263]», да и то при общих протестах присутствовавших. А о том, как оратор союза Половцев был там же кадетами уличен в наглой лжи – искажении статьи г. Набокова[264], в которой к слову «средства» г. Половцев от себя прибавил «террористические» – агентство умолчало. В же время по телеграфу передаются все «витиеватые» выражения союзных ораторов. Из вчерашней телеграммы о петербургском собрании мы уже знаем, что г. Половцев сказал: «Кадеты рвут венец здания русской государственности, а октябристы хотят исправить неумелые сооружения строителей, установить перегородки, пойти в подвал, внести туда свет и знания, разбить цепи рабства, дать свободу мира, братства и любви, свободу честного труда».

Все эти слова октябриста г. Половцева необходимо было, *конечно*, передать по телеграфу, чтобы к ним прислушалась вся читающая Россия. А вот то, о чем говорил известный всей Европе профессор Милюков[265], или профессора Гредескул[266] и Гессен[267], а также редкий среди русской адвокатуры оратор Родичев, это читающей России не надо знать по телеграфу, так как они кадеты.

И надо заметить, что вчерашняя телеграмма, из которой мы привели выдержку, еще одна из наименее пристрастных, где хоть что-нибудь приводится о кадетах. Вот почему телеграмма эта и появилась у нас полностью. Все же остальные телеграммы агентства в сказанном направлении представляют из себя, по справедливому замечанию «Русских ведомостей», материал, пригодный лишь для редакционной корзины.

Мы уверены, что приемы Петербургского телеграфного агентства будут надлежаще оценены, а Союзу октябристов эти приемы, как вообще вся поддержка, ему оказываемая, не дадут торжествовать на выборах.

Мы убеждены, что выборы, при всех тяжелых условиях, дадут возможность нам в свое время с гордостью повторить слова не октябристов, а английского премьер-министра Кемпбел-Баннермана[268], воскликнувшего при известии о роспуске Думы:

«Дума умерла, да здравствует Дума»...

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 20 декабря.

Министерская инструкция для выборов

21 декабря 1906 г.

Приводимые ниже «правила, утвержденные министром внутренних дел 10 сего декабря, составляют изменение и дополнение инструкции о выборах в Государственную Думу посредством записки, изданной 24 февраля 1906 г.

Если эта последняя, в связи с положением 11 декабря 1905 г. о выборах, заключала в себе много неясностей и технических затруднений, тормозивших выборы, то новая министерская инструкция, явно нарушая конституционные порядки выборов, преследует свои особые цели, сводящиеся в общем к возможно значительному уменьшению числа избирателей и без того доведенному до minimum'а сенатскими разъяснениями и министерскими циркулярами.

В этих видах вновь изданные правила для выборов содержат целый ряд стеснений и ограничений, не вызываемых ни требованиями самой выборной процедуры, ни в особенности тем началом справедливого и одинакового отношения, которого вправе ожидать все избиратели без различия принадлежности их к тем или другим политическим партиям. Далекое от соблюдения этого начала нынешнее министерство бежит, что называется, по пятам противных ему партий и терзает последние до самого Коцита, не оставляя их без своего внимания даже в последней стадии осуществления избирательного права.

Общий смысл этих правил производит такое впечатление, что они составлены не для выборов депутатов в народное представительство, в которых поэтому участию народного элемента должно быть отведено подобающее место. Напротив, правила как, бы говорят избирателям: выборы – это не ваше дело, совершите поскорее ненавистное для нас действие и не забывайте никогда, что над вами есть власть.

Всего рельефнее такое отношение новой инструкции выраже-

но в 16 статье правил, которая предписывает избирателям оставить помещение выборов немедленно по опускании избирательного бюллетеня в ящик. Если бы в этой статье была даже оговорка, что такое требование необходимо, чтобы избегнуть скопления слишком большого, сравнительно с помещением, количества людей, то и тогда на это требование надо было бы смотреть как на желание устранить общественный контроль в деле выборов.

Правда, выборы должны происходить в известном порядке и по определенным правилам, которые должны предусмотреть по возможности все детали выборной процедуры. Но все правила должны иметь своими пределами права общества, права избирателей и предоставлять последним в этих пределах самим считаться с такими техническими затруднениями, как возможная теснота помещения выборов и т.п. Призывающиеся к осуществлению столь серьезного дела, как выборы народных представителей, избиратели всегда сумеют надлежаще разрешать те или иные неудобства технического свойства.

Но требование немедленного удаления избирателей из помещения выборов влечет за собой лишение выборов общественного контроля, столь необходимого при условиях наших выборов. Как известно, все производство выборов предоставлено избирательным комиссиям по участкам, состав которых, например в городах, пополняется по усмотрению городского головы.

Каково бы ни было общественное положение приглашенных членов избирательных комиссий, последние не могут рассчитывать на полное доверие к ним избирателей, и прежде всего как не выборных для данного дела лиц. Из этого, конечно, не следует, что таким лицам избиратели не должны доверять вовсе. Но, несомненно, нельзя заставлять избирателей полагаться на одну лишь добросовестность избирательной комиссии.

В этом отношении наилучшим и в то же время необходимым коррективом является контроль над производством выборов со стороны самих избирателей. Такой контроль не только вытекает из сущности избирательного права, но он необходим и для самой избирательной комиссии, заинтересованной в возможно большей публичности своих действий чисто общественного характера. Потому-то выборные порядки всех конституционных государств допускают такой контроль в широких размерах.

Казалось бы, русские избиратели должны были быть наделены

этим правом в еще большей степени, ибо только в таком случае они могли бы охранять столь неустановившееся еще избирательное право.

Но, очевидно, министерская инструкция не только чужда этого начала, но преследует цели прямо противоположного свойства. Это подтверждается 19 статьей правил, находящейся в тесной связи с только что разобранной 16 статьей.

Согласно 19 статьи воспрещаются все виды и «всякого рода избирательные агитации». Это воспрещение распространяется «на все помещения выборов, на его лестницы, проходы и коридоры, через которые избиратели проходят, а равно снаружи, у входа в эти помещения не допускаются в день выборов вывешивание воззваний, раздача записок с именами кандидатов в выборщики или брошюр и плакатов, произнесение речей и вообще всякого рода избирательная агитация».

Иными словами, выборы должны протекать при полной тишине, соблюдать которую будут чины полиции. Надо ли говорить, что если и установится на выборах такая тишина, то это будет тишина мертвенная, кладбищенская. Но возможно ли это? Возможно ли, чтобы народ, целыми месяцами готовившийся к выборам, от исхода которых зависит вся будущая судьба его страны, мог бы в самый последний момент не интересоваться происходящим в этот роковой для него, решающий его участь момент? Ведь избирательная агитация не искусство ради искусства, а все его действия вызываются самой жизнью, диктуются и выливаются наружу самыми жгучими кровавыми интересами общественно-политической жизни и не поддаваться естественным влечениям этих жизненных требований – вне человеческих сил.

Если и найдутся такие люди, такой народ, который в состоянии заглушить в себе эти естественные порывы человеческой души, то это явный признак полной политической неразвитости и отсутствия сознательного отношения к столь существенным народным интересам.

Смотря на производство выборов с этой точки зрения, нельзя не заметить, что все действия агитационного характера, воспрещенные 19 статьей новой министерской инструкции, идя опять вразрез с выборной практикой и порядками конституционных государств, вводят излишние стеснения, могущие лишь породить ряд недоразумений с полицией.

И вообще влияние и вмешательство этой последней в дело вы-

боров следовало бы ослабить и поставить в рамки, ей отведенные на первых выборах в Государственную Думу. Между тем новые правила в ст. 251 и следующие возлагают на полицию, и без того обремененную своими прямыми обязанностями, доставление и вручение избирателям бланков избирательной записки, требование от избирателей расписок в их получении, выдача им удостоверений личности, не говоря уже об охране полицией помещения выборов, его наружных входов, лестниц, коридоров. Если не упускать из виду того обстоятельства, в какой зависимости народная масса находится от полицейских властей и какие вообще установились и продолжают еще существовать между ней и полицией отношения, то приходится признать, что участие полиции в разных ступенях выборного производства не может отразиться на свободе самих выборов.

Но наиболее эта свобода нарушается в последней статье (256) новых правил, указывающей на то, кому выдаются избирательные бланки. Согласно новой инструкции, избирательные списки, изготовляемые городскими и земскими управами, помимо избирателей по 2 на каждого, выдаются «только распорядителям или правлениям тех преследующие политические цели обществ и союзов и их отделений, которые внесены в реестры на основаниях, установленных высочайшим указом 4 марта 1905 г.».

Таким образом, управы обязаны выдавать избирательные бланки только представителям легализованных партий, т.е. союзам русского народа и 17 октября и Партии мирного обновления. Другими словами, только эти партии теперь имеют право посылки избирательных бюллетеней, а все остальные, в их числе и Партия народной свободы, этого права теперь лишаются вовсе.

Как известно, Партия мирного обновления пока никакой реальной силы не представляет и, следовательно, это монопольное право представляется «Союзу русского народа» и «октябристам», пользующимся особым расположением нынешнего министерства в качестве его союзников на выборах.

Между тем этим правом в прошлые выборы пользовались все партии, которые могли изготовлять сами бланки и сами же рассылать. И возможность пользования этим правом, вытекавшая из закона о выборах, была устранена разъяснением Правительствующего Сената, в указе своем № 189 за 1906 г. признавшего, что «бланки избирательных записок, изготовляемых помимо городских управ,

должны соответствовать запискам, изготовляемым сими последними не только по форме, но и качеству и размеру бумаги». А в указе за № 203 Сенат разъяснил, что рассылка и разноска избирательных бюллетеней не возбраняется законом партийным организациям и отдельным лицам.

Как же теперь примирить эти положения, одно другому противоречащие: с одной стороны, министерское запрещение, выраженное в его новой инструкции, а с другой – разъяснение закона о выборах Правительствующим Сенатом, единственно призванным учреждением для разъяснения законов?

Впрочем, противоречие можно констатировать не только в данном случае. Так, в силу 25 статьи новой инструкции бланки избирательных записок снабжаются печатью управы. А между тем требование уже не министерской инструкции, а положительного закона совсем другое. Приложение к ст. 102 положения о выборах (о выборах в городские избирательные собрания) говорят, между прочим, что «в записке (избирательной) не должно быть *никаких отметок, знаков*, а равно исправлений и подчисток *ни на лицевой, ни на оборотной стороне;* записки, не удовлетворяющие означенному требованию, *признаются недействительными*».

Что же представляет печать управы на обороте записки, как не отметку, знак, не допускаемые законом?

Такова в общем характеристика новых правил для выборов, преследующих цели не облегчения и без того сложной процедуры выборов, а возможно тесного ограничения круга избирателей, лишающихся при этом и возможного контроля над выборами.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 21 декабря.

К выборам на Кавказе

23 декабря 1906 г.

Петербургское телеграфное агентство на днях сообщило, что во Владикавказе ожидаются некоторые из лидеров «Союза 17 октября» для образования местного отдела и что те же гастролеры получили приглашение приехать и в Тифлис.

Это сообщение, при всем его незначительности, все же показывает, что правые партии, и главным образом «октябристы», стремятся подготовить почву для предстоящих выборов и на Кавказе. Правда, в нашем крае деятельность правительственных партий почти незаметна, а на первых выборах эти партии вовсе отсутствовали, но если принять во внимание усиление реакции за период бездумья вообще и в частности влияние всякого рода административных репрессий, в особенности на неорганизованную беспартийную часть населения, то с фактами, вроде вышеприведенных, приходится поневоле считаться.

И не потому, конечно, что «октябристы» могут иметь здесь какой бы то ни было успех: между credo этой партии, предлагающей по видом конституционных порядков очищенные на новый лад всевластие и произвол бюрократии, и явно выраженным желанием народов Кавказа видеть фактическое осуществление манифеста 17 октября и вообще изменить жизнь на началах гражданской и политической свободы – нет и не может быть ничего общего.

Мы не сомневаемся, потому, что и на этот раз наш край категорически выскажется за бесповоротность осуждения старого режима. Тем не менее мы все же отмечаем попытки «октябристов», чтобы тем напомнить о необходимости всем прогрессивным элементам сплотиться и простым ясным ответом раз и навсегда сказать всем такого рода quasi* – конституционным партиям, что им нечего у нас делать.

* Почти (лат.).

Кавказский край составляет нераздельную часть Российской империи, народы его не преследуют никаких сепаратистических целей, но все они, исстрадавшиеся под тяжелым гнетом бюрократического режима, должны быть преисполнены страстного и твердого желания полной замены этого ненавистного режима строго конституционными порядками.

Фактическое осуществление свобод манифеста 17 октября, действительное участие народного представительства в законодательстве страны, ответственное перед этим представительством министерство и местное самоуправление на самых широких началах – вот что мы разумеем под строго конституционными порядками и вот что, при настоящих условиях, должно быть поставлено во главу угла программ всех прогрессивных партий на Кавказе.

Это должно быть лозунгом для всех наших прогрессивных элементов, без различия не только нации, но и направления, и им, этим лозунгом, по нашему мнению, должны руководиться указанные элементы на предстоящих выборах.

Мы глубоко убеждены, что именно при создавшихся ныне у нас условиях выставленные требования, если не удовлетворят все наши партии, в особенности крайние левые, то в состоянии создать ту почву временного единения, на которой возможна выработка столь необходимого для выборов избирательного соглашения.

В том, насколько желательно и необходимо такое соглашение именно теперь, вряд ли может быть сомнение. Борьба партий, отстаивание своих социально-политических убеждений при посредстве всех конституционных средств – явление не только обыкновенное и желательное, но и неизбежное в странах, где привились и действуют начала народного представительства. И в государствах с установившимся конституционным строем такая борьба проявляется в самых широких размерах, и политические партии, даже радикального направления, находят необходимую почву, на которой они могут со всей энергией и всеми средствами вести борьбу, защищать партийные интересы.

У нас нет такой почвы даже для умеренно-прогрессивных элементов: все проявления даже таких элементов встречают ряд препятствий и репрессий со стороны нынешнего министерства, которое всеми имеющимися в его распоряжении огромными правительственными средствами и силами ведет борьбу против самой идеи народного представительства.

При таком положении на карту ставится самое дорогое для всех прогрессивных частей населения благо, от которого зависит все счастье народа. А сейчас грозит большая опасность именно этому благу, и эта опасность, одинаково гибельная для всех, должна временно сплотить деятельность всех истинных сторонников гражданской и политической свободы.

Только такая деятельность и создаст почву, необходимую для всех партий в целях отстаивания своих убеждений.

Деятельность эта вызывается требованиями момента, и мы далеки от намерения игнорировать существующие политические партии и обезличивать их во время предвыборной кампании.

Вопрос об избирательных соглашениях сейчас составляет злобу дня предвыборной агитации для всех левых и крайних левых партий и не сходит со страниц партийных органов. Необходимость таких соглашений на время выборов сознана почти всеми этими партиями, и в некоторых местах, по газетным сообщениям, соглашение уже достигнуто.

Мы находим, что в общих интересах края все партии прогрессивного характера и у нас должны разрешить вопрос об избирательных соглашениях в положительном смысле и общими силами готовиться к выборам. Но мы уже слышим возражения со стороны некоторых из крайних левых, находящих невозможным входить в такого рода избирательное соглашение. Против этого в особенности те, которые, указывая на особенности характера борьбы между партиями на Кавказе и внутри России, категорически отказываются от вступления в какой бы то ни было выборный блок: внутри России, говорят они, борются между собой реакционно-консервативные и оппозиционные партии; на Кавказе же идет борьба между самими оппозиционными, крайними левыми партиями, между социал-демократами и буржуазно-националистическими партиями, из коих первая стремится к образованию единой классовой партии без различия национальностей, чтобы бороться во имя интернационализма против всех националистических элементов.

Не будем сейчас говорить по существу этой борьбы, скажем только, что в вопросе об избирательном соглашении для нас важен пока характер наших национальных партий. Мы допускаем соглашение между партиями явно прогрессивного направления, руководящимися в своей деятельности указанным выше лозунгом. Сейчас нет почвы для проявления каких бы то ни было национа-

листических тенденций, обнаруженных столь ярко в действиях, например, партии «Дашнакцутюн». Сейчас все национальности одинаково заинтересованы в установлении и упрочении на всем пространстве Российской империи, а следовательно и на Кавказе, строго конституционных начал. В стремлениях фактического осуществления этих начал, мы уверены, разрешатся и все вопросы национального характера.

В этом отношении кратковременная, вынужденно прерванная деятельность первой Государственной Думы может служить прекрасным примером. За все 73 дня в Думе не было ни одного резкого тона на национальной почве. И это несмотря на присутствие в Думе представителей всех многочисленных национальностей России, жизнь коих обусловлена длинным рядом весьма острых вопросов, связанных именно с национализмом.

Такое отношение Думы к последнему находится в полной зависимости от характера, какой носила и должна была носить деятельность Думы на первых порах: в составлении акта столь огромной важности, как ответ на тронную речь, в разработке таких вопросов, как равноправие всех русских подданных, свобода совести, свобода слова, неприкосновенность личности, наделение крестьян землей, – в такого рода общегосударственных вопросах не могло быть места какому бы то ни было вопросу национального характера. Этого не допускали интересы всех народов России, против этого были все условия момента.

Такой же момент переживаем мы сейчас: ввиду натиска на саму идею свободы, конституцию необходимо оставить пока все остальные – национальные, партийные вопросы и споры и общими усилиями всех прогрессивных элементов провести во вторую Думу действительных сторонников начал гражданской и политической свободы.

Т[опчибашев]

Каспий. 1906. 23 декабря.

Баку, 1 января 1907 г.

1 января 1907 г.

Прошло уже то время, когда в первый день гражданского года мы обращались к читателям нашим с «Новым годом» и давали им «обзоры» жизни в разных ее проявлениях за истекший год.

Это время, столь еще недавнее, миновало не потому, что у нас теперь нет «Нового года» и жизнь наша не дает содержания для обычных «обзоров». Напротив, внешняя и внутренняя наша жизнь изобилует теперь значительно большим материалом, чем раньше, а о «новизне» этой жизни и говорить нечего.

Но эта богатая по содержанию новая жизнь, вытекает из одного общего водораздела, сводится к общему же знаменателю в виде того великого акта нравственного и исторического самоопределения, который совершает наша страна.

Эта огромной важности историческая задача, давно поставленная на разрешение народов России, только в наши дни со сей очевидностью выдвинута на очередь и выдвинута бесповоротно, фатально.

Эта задача, перед которой стоит теперь обширнейшая империя, имеет мировое значение, и разрешение ее повлечет к чреватым мировым же последствиям. Совмещая в себе все идеи и идеалы лучших умов передового русского общества, эта задача сводится к кардинальному вопросу.

«Быть или не быть России...»

Конечно, не в смысле географическом; на карте она всегда останется со всеми болотами, тундрами и лесами. Вопрос в том, быть или не быть России просвещенной, культурной страной; быть или не быть ей государством правовым с устойчивыми законами, свободными конституционными учреждениями...

Только при разрешении вопроса в утвердительном смысле великий акт нравственного и исторического самоопределения может считаться выполненным с достоинством, какое подобает сильному духом и моральными устоями народу. Только при этом условии Россия может стать страной сильной, богатой и счастливой. Иначе она останется знакомой нам самодержавно-бюрократической Рос-

сией, в которой царят насилие и несправедливость, эти зловредные факторы звериного царства, устанавливающие мир, похожий на мир между волками и овцами.

При таком разрешении поставленного вопроса ответ короткий: «России не быть...»

Таким образом, дело идет о жизни или смерти обширной в мире империи как общественно-политического организма. И как всякий вопрос жизненного характера, выдвинутая на очередь задача требует большой борьбы, а в данном случае, благодаря крайне неблагоприятно сложившимся условиям общерусской жизни, борьбы огромной, почти титанической.

Борьба эта, давно начавшаяся, обнаружилась во вне и ведется с большой интенсивностью тоже в наши дни. Мы не только свидетели, но и участники ее в той или иной степени. Мы видим все ее проявления, все ее положительные и отрицательные результаты. Мы знаем силы борющихся, мы на себе чувствуем все удары противной стороны, мы страдаем от гибельных последствий наших собственных неудач.

Манифест 17 октября сделал стремления каждой из сторон более ясными: в борьбе mutatis mutandis* оказались два противника, из коих один за Россию свободную, культурно-богатую, а другой – за бюрократическую, бедную и голодную Россию, за конституцию и против конституции, за законность и ответственное министерство и за произвол и всевластие чиновников, за Думу законодательную и за Думу со значением совещательной комиссии при правительстве.

Вот из-за чего ведется сейчас борьба, вот как разделились противники...

С этой борьбой мы вступаем и в 1907 год.

Конечно, не наступившему сейчас году закончить эту борьбу, но в дальнейших стадиях ее 1907 г. суждено иметь весьма большое, а может быть, чисто роковое значение.

По внешним признакам начало этого года сходится с началом завершившего свой путь 1906 г.: и тогда и теперь мы перед выборами в Государственную Думу. Но сходясь только в этом, во всем остальном между отмечаемыми моментами существенная разница.

Прежде всего, год тому назад, несмотря на октябрьские погро-

* С заменой того, что подлежит замене, с учетом соответствующих различий (лат.).

мы и всеобщие забастовки, страна не находилась во власти усиленных и чрезвычайных охран и военного положения, военно-полевой юстиции и чрезмерно жестоких репрессий, применяемых с беспощадной строгостью. Далее, предвыборная агитация велась при более нормальных условиях: допускались предвыборные собрания, не было нынешних сенатских разъяснений, доведших число избирателей до minimum'а, политические партии не делились на легализованные и нелегализованные, а первые на штемпелеванные и нештемпелеванные. Наконец, год тому назад было совершенно другое, чем теперь, настроение. Тогда мы все находились под влиянием неотразимого обаяния акта 17 октября, которым обещаны свободы совести, слова и печати, собраний и союзов, а также установлено начало, что ни один законопроект не может воспринять силы закона без одобрения его Государственной Думой.

Мы все были воодушевлены страстным желанием идти на встречу радостному призыву о свободе, уповая и веря, что начала высочайшего манифеста получат фактическое осуществление и представители народа совместно с правительством приступят к великому и святому делу коренного преобразования общественно-политического строя России на принципах строго конституционного государства.

Все народные элементы – крестьянские и рабочие массы, передовые классы общества, печать, – все сознательное и живое России не скрывало своих вожделений и urbi et orbi кричало, пело, говорило и писало, что настал час установления и развития в стране конституционных порядков.

Не было только известно, как смотрит и что думает правительство о столь открытой и ясно выраженной воли народа в лице сознательных его элементов. Но некоторая свобода выборной агитации и самих выборов, смена кабинета Витте – Дурново и самый созыв 27 апреля Государственной Думы говорили против больших сомнений в намерениях правительства.

Однако все выяснилось, как только началась деятельность первой Государственной Думы. Избранные представители подтвердили пожелания пославшего их народа в ответном адресе на тронную речь. 13 мая была решена участь этого адреса, а вместе с тем участь Думы и самой идеи народного представительства: в тот день тогдашний премьер-министр Горемыкин дал понять, что Дума должна быть только «законопослушная», т.е. зависимая от министерства и обязанная рассматривать вносимые на ее обсуждение законопроекты.

Это разъяснение и дальнейшие отношения, установившиеся между Думой и кабинетом министров, закончившиеся 9 июля роспуском ее, с достаточной ясностью показали, как смотрит правительство на народное представительство и какие границы отмежевываются для деятельности Государственной Думы.

На эти вопросы с такой же ясностью ответит поучительная история знаменательных 73 дней первой Думы.

Это уже целый опыт, необходимое знание которого не было вовсе или было в незначительной степени у избирателей перед выборами, у народных представителей перед открытием Думы.

Это большая заслуга 1906 г., который по этому одному займет почетное место в летописи русского освободительного движения.

73 дня этого года и последовавший за ними реакционный период навсегда останутся памятными в новейшей истории России: из того, что происходило в течение 73 дней, мы узнаем, как народные представители понимали и отстаивали интересы народа, заботясь, прежде всего, об упрочении прав народного представительства, а из уроков последовавшего за роспуском Думы периода, продолжающегося и по сей день, можно видеть, как министерство г. Столыпина подготовляло и продолжает подготовлять почву для получения послушной себе Думы.

Те же сознательные элементы воспользуются, конечно, данными тех дней и того периода, оценив их по достоинству с точки зрения народных интересов. Оценку эту предстоит сделать в наступившем 1907 г.

Дело не только очень серьезное, но в высшей степени ответственное, ибо от правильности оценки зависит состав второй Думы, а следовательно, и исход борьбы за идею народного представительства.

В этом все важное, роковое значение 1907 г., и если он в великом деле отстаивания законодательных прав Думы и установлении ответственности министерства выйдет с честью, то, конечно, заслужит признательность всех народов России и занесется золотыми буквами в нашу летопись как год нашей действительной свободы.

Таким искренно желаем видеть наступивший сегодня 1907 год.

А. М. –б. Топчибашев

Каспий. 1907. 1 января.

Новый шах Персии

4 января 1907 г.

В это воскресенье, как передал телеграф, дипломатические представители иностранных держав при персидском дворе на особой аудиенции принесли поздравления новому шаху Персии, и Мамед Али шах[269] ответил на поздравления приветственной речью.

Этот шаг дипломатического корпуса, имевшего во главе турецкого и русского посланников, по правилам международных отношений есть акт признания прав нового шаха на персидский трон.

Такое отношение иностранных государств, помимо настоящего события, имеет принципиальное значение, знаменуя собой установление в Персии прочных основ в порядке престолонаследия на началах преемственности наследственной монархии. Установление столь устойчивых основ престолонаследия констатируется всего ярче тем спокойствием, с каким вся страна встретила вступление на престол нового шаха, выражая этим самым свое согласие и желание видеть на троне Персии Мамеда Али шаха.

Нет сомнения, что согласие и желание персидского народа, выраженные хотя бы в молчаливом признании, являются для нового шаха наилучшей и надежной санкцией в прочности занятого им теперь трона.

Надо ли говорить, что эта санкция персидского народа в основании своем имеет беззаветное доверие, с каким вся страна относится теперь к особе нового шаха, как к достойному продолжателю великих начинаний почившего Музаффер-Эддин шаха.

Весь народ персидский вправе так относится к Мамеду Али шаху, принимавшего ближайшее участие в составлении и введении в Персии конституционного строя. Как ближайший сотрудник почившего шаха, Мамед Али шах посвящен, конечно, во все планы и мельчайшие подробности гуманных и благородных стремлений покойного шаха в деле коренного преобразования государственного устройства и управления Персии. При участии и согласии Мамеда Али шаха, почти накануне кончины Музаффер-Эддин шаха объяв-

ленного регентом Персии, в персидскую конституционную хартию внесены такие начала парламентского строя, как ответственность министров, право финансового контроля нижней палаты, наполовину выборный состав верхней палаты и обязательность присяги, данной народными представителями, до тех пор, пока законы строго соблюдаются самим правительством. А если к сказанному прибавить и подписание Мамедом Али шахом не только конституции, но и особого акта, коим он обязался перед народом не распускать первого парламента Персии за все время его двухгодичных полномочий, то станет ясным безграничное пока доверие персидского народа к Мамеду Али шаху, в котором народ естественно видит достойного носителя идеи возрождения Ирана на принципах строго конституционного государства.

В этом доверии сейчас воплощены все духовные силы, весь гений персидского народа, вся его будущая история, грядущая судьба; в этом доверии народа к Мамеду Али шаху кроется та сила, которая одна в состоянии сделать царствование нового шаха счастливым; в это доверие вложена вся надежда персидского народа, в нем содержится вся программа, которою должны руководствоваться народ и шах.

Действительное участие народа в лице своих представителей в законодательстве страны, фактический контроль над финансами, обязательное и бесплатное обучение народа, разумное пользование природными богатствами и вообще развитие экономических сил страны – вот основные требования программы, соблюдать которую обязательно для нового шаха в интересах персидского народа.

Позволим себе разъяснить это общее положение конкретными данными.

Ниже читатели найдут выдержку из корреспонденции газеты «Русь»[270], в которой из Парижа сообщается, что, как уверяет корреспондент названной газеты, английский министр иностранных дел «ведет будто уже несколько дней секретные прямые переговоры с наследным принцем персидским, нынешним шахом по следующим трем пунктам: 1) внешний заем, 2) отношения между Персией и Турцией и 3) по вопросу о Персидском заливе, Босфоре и Ковейту».

Корреспонденция эта помещена 24 декабря, и насколько факт ведения переговоров верен – остается на ответственности автора. Но мы хотим остановиться на приведенных пунктах, имеющих сейчас для Персии, если не исключительное, то во всяком случае весьма важное значение.

Одним из первых актов молодого персидского парламента было признание необходимости заключения займа, без чего, как указывало правительство, немыслимо проведение в жизнь задуманных реформ. Но народные представители Персии из опыта двух займов, заключенных при почившем шахе, уже хорошо знали, каким тяжелым бременем ложится на страну всякий внешний заем. На каких бы «льготных» условиях последний ни был заключен, внешний заем ведет к установлению зависимости экономической, а то и политической, от иностранного государства, сторицей вознаграждающего себя за «добрую услугу», стоящую нередко для задолженного государства потери политической независимости. Внешний заем, в особенности когда он совершается маленьким государством, да еще восточным, в большой европейской державе, это – сладкозвучная сирена, весьма искусно расставляющая свои соблазнительные сети, в которых должник, если и не находит смерти, то все-же заражается хронической неизлечимой болезнью слабосилия на многие и многие годы. Современное финансовой состояние задолженных государств может служить яркой иллюстрацией, а история потери Египтом самостоятельности – достаточным уроком. Впрочем, сама Персия уже испытала всю тяжесть займа, платя большие проценты при целом ряде разного рода стеснениях для страны... Куда девались средства от займов 1900 и 1903 годов? Когда заключался первый из этих займов, был издан указ, в котором были перечислены все те общегосударственные нужды, на удовлетворение которых совершался внешний заем. Но все прекрасные намерения покойного Музаффер-Эддин шаха разбились о корыстолюбие и безнравственность персидской бюрократии, которая и обогатилась за счет займа, а последний остался и остается на шее персидского народа.

Отсюда прямой вывод, что подобного рода займы явно противны интересам народа. Займы выгодно совершать только тогда, когда они идут на духовные и экономические нужды народа, одно удовлетворение которых вознаграждает народ за уплачиваемый им долг.

В особенности государство, только что вступающее на новый путь, должно с большой осторожностью прибегать к внешним займам и ни в каком случае не связывать их с теми или иными политическими вопросами, имеющими жизненное для страны значение.

Такими для Персии представляются вопросы о Персидском заливе и об отношениях между Персией и Турцией, разрешени-

ем которых в желательном для Англии смысле министр последней обусловливает совершение персидского займа и даже «щедрую отплату Персии на финансовой почве».

Мы не допускаем мысли, чтобы новый шах Персии и народное представительство пошли на такие посулы Англии, ибо это значило бы действовать против интересов своей страны. Конечно, персидское правительство войдет в соглашения с иностранными державами по обоим этим вопросам, но постольку, поскольку это вызывается потребностями и интересами прежде всего самой Персии. Пора и для Персии, как и для всех восточных государств, сознать, что или надо обречь себя на гибель, или и раз навсегда отстать от политики «любезностей и индифферентизма» в области международных отношений. Надо решить, что миновало время, когда в той же Персии политические вопросы решались ex abrupto* в угоду соображениям, явно противоречившим интересам страны. По таким именно соображениям отчуждались целые области и отдавались морские сообщения: «На что нам соленая вода моря»...

Занимая выгодное географическое положение, Персия должна приложить все старание, чтобы обеспечить себе удобные пути сношения для развития международной торговли и не может, конечно, относится безучастно к вожделениям особенно Англии по отношению к Персидскому заливу.

Еще больше сил обновляемой Персии придется израсходовать на дело урегулирования своих отношений к соседним государствам, в особенности к Турции. Английский министр иностранных дел «ищет заручиться обещанием со стороны шаха не вступать с Турцией в отдельное секретное сообщение». Мы же полагаем, что необходимость такого соглашения, и притом не секретного, а явного, давно дает себя чувствовать не только для Персии и Турции, но и для всех восточных государств. Для этого у восточных государств много оснований и поводов в той гибельной для них политике «divide et impera», которую с беспощадностью применяли к ним европейские державы. Играя на низменных инстинктах продажных правительств, европейские государства не упускали случая разъединять Персию от Турции и других мусульманских государств, устраивая тем самым возможность добывания для себя каштанов из огня.

---

* Внезапно, неожиданно (лат.).

Такая-то политика довела восточные государства до нынешнего печального состояния, а европейцам дала право кричать о косности восточных народов и даже враждебности их к цивилизации благодаря «фанатическому учению Ислама»...

Новая конституционная Персия должна своим примером опровергнуть это в корне лживое мнение. Она должна заключить духовный союз с Турцией и всеми восточными государствами, чтобы выйти самой и вывести остальные из совершенного болезненного положения и тем доказать миру, что мусульманские народы, имевшие свое блестящее прошлое, способны к возрождению, к восприятию лучших начал государственности и общечеловеческой культуры.

Никакие жупелы, вроде «панисламизма», придуманные самими же европейцами в целях иметь повод к вмешательству в дела восточных государств, не должны остановить эти государства от заключения такого союза на почве возможно скорого и целесообразного удовлетворения их культурных интересов. К этому восточные государства вызываются общим для них печальным положением, культурной отсталостью, беднотой просветительных и экономических сил, а следовательно, общей для них опасностью быть не только экономически, но и политически затертыми сильными державами. Эти общие условия в связи с историческими, религиозными, расовыми данными представляют большую почву для такого культурно-политического союза восточных государств. И при нынешних условиях главенство в этом союзе судьба сулит Персии, являющейся в роли второй Японии в Азии.

Недаром почивший Музаффер-Эддин шах сделал при жизни один весьма существенный шаг к сближению с Турцией своим памятным визитом в столицу Оттоманской империи. Это внешнее проявление сближения между обоими государствами должно получить реальную форму. Такой формой в данном случае для Турции является, прежде всего, восстановление действия турецкой конституции, запертой султаном за дверью с семью замками. В личных интересах самого султан Абдул Гамида II[271] и его династии, а всего более в интересах турецкого народа, как и всех народов Оттоманской империи, пора и этому государству вступить на путь конституционной монархии. Благотворное влияние Персии в этом отношении на Турцию ознаменует собой начало сближения между собой персидского и турецкого народов, сближения могущего быть весьма чреватым своими последствиями для судьбы всех восточных государств.

Вот несколько конкретных случаев той программы, осуществление которой персидский народ ожидает от только что вступившего на престол персидских шахиншахов Мамеда Али шаха.

Насколько эта программа серьезна, настолько же она ответственна. И мы приветствуем вступление нового шаха на персидский трон, искренне желаем Мамеду Али шаху сил и долголетия на осуществление в пределах этой программы великого дела преобразования Персии, вполне уверенные, что Мамед Али шах до конца дней своих останется неизменным защитником интересов и верным охранителем конституционных прав персидского народа.

Т[опчибашев]

Каспий. 1907. 4 января.

Истинно человеческое дело

6 января 1907 г.

Ниже мы помещаем письмо известного поборника мира английского публициста Вильяма Томаса Стэда. Написано оно по поводу второй Гаагской мирной конференции, которая соберется в апреле наступившего года. В особом обращении к нам почетный и гуманный В.Т. Стэд просит нас поместить это письмо обязательно в новогоднем номере. С такой же просьбой г. Стэд обращался «ко всем руководящим газетам и журналам Старого и Нового Света, так как только посредством такого одновременного обращения можно надеяться произвести должное впечатление на общественное мнение всех стран».

К сожалению, письмо г. Стэда запоздало, мы получили его только вчера, и в назначенном автором номере газеты оно не могло появиться. Все же мы весьма охотно помещаем это письмо теперь, как поместили бы и всегда, так как глубоко сочувствуем идеи мира, как тому зиждительному началу, без которого здание целесообразного человеческого общежития на земле всегда будет непрочным.

Как нельзя лучше правильность этого утверждения доказывается международной жизнью современного человечества, тем бряцанием оружием, которое, к несчастью, так часто раздается даже в наиболее культурных странах на гибель того же исстрадавшегося человечества. Ужасом наполняется сердце от одной мысли о том, во что обходится миру это бряцание оружием и каким неимоверно тяжелым бременем ложатся на все народы бесконечно возрастающие расходы на содержание огромных армий и флотов. Треть, а то и половина бюджетов государств отчисляется на обеспечение вооруженных сил. Рядом со статьей обыкновенных расходов в бюджетах фигурируют цифры расходов чрезвычайных, идущих в значительных частях на те же военные цели.

К стыду просвещенных стран, правительства их устраивают как бы конкурс, кто лучше и больше приобретет смертоносных орудий, кто искуснее запасется средствами скорее и больше уничтожать людей.

Получается впечатление дикости, озверения, когда жизнь обращается в bellum omnium contra omnes*, когда в этой войне всех против всех человек для человека зверь – homo homini lupus est**.

И что всего мучительней – это сознание всего ужаса, всего позора, всей невыносимой тяжести такого положения, сознание, которое, к несчастью, затемняется соображениями, вытекающими из порядков того же звериного царства. В ряду таких соображений особенно приходится указать на часто приводимый сторонниками милитаризма афоризм древних римлян: si vis pacem, para bellum – если хочешь мира, будь готов к войне. Иными словами, мир между людьми, тот мир, который составляет моральную основу человеческого существования, может быть получен ценою жизни тех же людей, неисчислимыми для них страданиями, бесконечными жертвами. Это и есть та гибельная для всего человечества система вооруженного мира, которой придерживались до сих пор, придерживаются и теперь даже государства, считающие себя передовыми, цивилизованными.

И это несмотря на то, что все лучшие умы с давних пор указывали и указывают на то, что грубая сила, в чем бы она ни выражалась, не только не дает никакого нравственного удовлетворения, но является противной человеческой совести, унижая самое достоинство «великого из звания – человек»... Забыть великий завет о любви к ближнему, возвещёный миру две тысячи лет тому назад, забыто, что подобно тому, как уважение к отдельной человеческой личности и человеческой жизни нельзя вселить мерами, подрывающими веру в ценность жизни и унижающими человеческую личность, так и жизнь, честь и достоинство государства нельзя поддерживать штыками и пулеметами.

Можно было бы прийти в полное отчаяние за грядущее человечество и окончательно потерять надежду на его возрождение, если бы не то великое утешение, что ряды друзей мира все более и более увеличиваются.

Принимая милитаристские проявления современной жизни, как фатальные удары, лучшая часть передовых обществ просве-

* Война всех против всех (лат.).

** Человек человеку волк (лат.).

щенных народов самостоятельно работает на тернистом, но благородном пути насаждения и развития гуманных начал человеческой жизни. Истинные друзья мира выставили ряд неутомимых борцов, словом и делом ратующих за установление братства народов.

Одним из таких апостолов идеи мира является Вильям Томас Стэд, не щадящий своих сил, чтобы дать торжество этой идее. Сделавшись, благодаря способностям и влечениям гуманного сердца, из приказчика одного из лондонских магазинов известным английским публицистом, г. Стэд особенно последний период своей деятельности посвятил всецело активной пропаганде мира и международного братства. Стоя во главе сначала видной лондонской «Pall Mall Gazette», а затем весьма распространенного дешевого иллюстрированного журнала «Reviev of Reviev», которым он и сейчас руководит, В. Стэд объявил настоящую войну против войны. Особенно большие размеры его агитации в этом направлении приняла с 1899 г., после известного обращения государя о приостановлении вооружений, имевшего своим последствием созыв первой международной Мирной конференции в Гааге.

Правда, последовавишие почти тотчас за этой конференцией кровавые события на юге Черного материка, приведшие к лишению буров их политической независимости, а затем русско-японская война вновь ввергли в печаль всех приверженцев мира. Но в то же время все ужасы, которые омрачили человечество в период этих кровавых событий, ещё более увеличили ряды людей, готовых на все жертвы, чтобы избавить человечество от ненасытного кровожадного бога войны.

Эти ужасы и вызвали к жизни весьма существенный вопрос об учреждении «Лиги мира», – с тем чтобы всем поборникам и друзьям мира выступить организованными силами против милитаризма со всеми его гибельными последствиями.

В целях сплочения таких сил для организации «Лиги мира» и обращается ко всем сторонникам уменьшения бремени военных и морских расходов В. Стэд, предлагая активно пропагандировать ассигновку правительствами всех государств известной суммы для мирного бюджета, за активную политику государств, которые при возникновении каких-либо между собой споров прежде всего могли обращаться к третейскому суду, и за бойкот – финансовый и коммерческий – того государства, которое прибегнет к оружию без предварительного использования третейского суда, созданного мирной конференцией для предотвращения войны.

Для России активная пропаганда мира в указанных пределах имеет при переживаемых ею условиях сугубо важное значение, ибо ни одна страна не нуждается так в обеспечении мира. Достаточно вспомнить, какое тяжелое впечатление произвели на все население даже одни слухи о возможности новых столкновений с Японией, предъявившей на почве Портсмутского трактата весьма стеснительные и унизительные требования.

Вот почему мы уверены, что гуманный призыв самоотверженного поборника мира Стэда найдет особенно сочувственный отзвук именно в России, в сердцах исстрадавшегося стасорокамиллионного народа, для которого мир внешний является необходимым условием, чтобы водворить его у себя дома.

Т[опчибашев]

Каспий. 1907. 6 января.

К телеграммам

14 января 1907 г.

Агентская телеграмма принесла известие об эвакуации русских войск из Манчжурии.

Согласно Портсмутскому мирному договору с Японией, русское правительство обязалось очистить китайскую область Манчжурию от оставшихся в ней русских войск к 2–15 апреля 1907 г. Между тем, как видно из сегодняшней телеграммы, наше правительство уже приняло меры к выводу своих войск и в скором времени эвакуация будет совершенно закончена.

Такой шаг со стороны нашего правительства нельзя не назвать более чем мудрым, и как таковое это решение, выраженное в столь категорической форме, будет иметь в области международных отношений весьма важное значение.

Можно только выразить сугубо досадное недоумение и сожаление, что к такому мудрому решению наше правительство не прибегло в тот необходимый для этого момент, который потом был пропущен и оказался столь роковым для России.

Таким своевременным для этого моментом был конец 1904 и начало 1905 г. когда японское и китайское правительства, основываясь на ясных требованиях заключенных с Россией соглашений, предлагали вывести войска из пределов Манчжурии. Согласно договорным условиям, Россия должна была эвакуировать свои войска из этой области Китая в октябре 1904 г. Но, как потом выяснилось, личные интересы гг. Алексеева, Безобразова et tutti quanti различных авантюристов, примазавшихся к лестным концессиям на Ялу, были против этого и наша близорукая тогда дипломатия все медлила эвакуацией, находя, что делать это по настоянию каких-то «япошек» не подобает чести великой России.

Столь «блестящие дипломатические соображения» были одной из причин разгоревшейся кровопролитной войны доведшей Россию до позора Цусимы и Мукдена. Чем бы ни был вызван нынешний шаг правительства, мы находим его мудрым и достойным

России, честь которой, как государства, прежде всего требует добросовестного и точного выполнения взятых на себя обязательств в области международных отношений.

Решение правительства почти за три месяца до срока исполнения своего обязательства указывает на желание следовать отныне политике не эфемерных и искусственно навязанных интересов, а здравой политике действительных и насущных интересов России. Во имя этих именно интересов Россия не только не должна питать какие бы то ни было замыслы или выступать с агрессивными действиями против Китая или Японии, но жизненные ее интересы требуют доброжелательных мирных отношений с соседями и Дальнего и Ближнего Востока. Повторяем, что этого требуют именно интересы прежде всего самой России, и чтобы согласиться с нами, достаточно припомнить все случаи столкновений России со своими восточными соседями, столкновений, в которых на долю России выпадали только жертвы людьми и деньгами, а все выгоды извлекали те же европейские державы...

Возьмите последнюю русско-турецкую войну, войны китайскую и русско-японскую.

Не будем растравлять раны, еще очень свежие, и скажем, что исполнение взятых обязательств как внешних, так и во внутренних делах должно быть священно для каждого правительства, если только оно предано интересам страны, которой служит, если только оно желает себе прочного положения и пользоваться не призрением и ненавистью народа, а его любовью и поддержкой.

Что после недавних бесславных событий наше правительство не могло иметь на Дальнем Востоке особых замыслов – это вполне понятно; также понятна и склонность к принципу «открытых дверей», но достойно быть отмеченным, что в досрочной эвакуации войск из Манчжурии признана вся ошибочность прежнего образа действий и политики на Дальнем Востоке. Недаром правительственный официоз «Россия», слова которого по этому вопросу переданы сегодня по телеграфу, находит, что это решение правительства «будет действительным завершением политической смуты, тяготеющей в последние годы над Дальним Востоком".

Говорить о причинах и виновниках этой смуты не входит, конечно, в задачи официоза, но мы не сомневаемся, что беспристрастный суд истории произнесет свой обвинительный приговор над гг. Ламздорфами[272], Алексеевыми, Безобразовыми и тысячами

им подобных «дипломатов», посеявших политическую смуту, приведшую Россию к беспримерному поражению.

Мы уверены также, что сознание ошибочности внешней политики поведет к такому же сознанию и во внутренних делах: еще более необходимо для России завершение политической смуты внутри страны и это завершится лишь фактическим осуществлением, акта 17 октября, действительным установлением в стране строго конституционных порядков.

Т [опчибашев]

Каспий. 1907. 14 января.

К выборам

16–19, 21, 23, 25 января 1907 г.

Только теперь для нас, живущих в России, начинает становиться все более понятным то состояние жизни западноевропейских и американских нардов, какое последние переживают в дни выборов в местные парламенты.

Год-два тому назад большая читающая русская публика останавливалась долго на сведениях телеграфных агентств и газет о ходе выборов в иностранных государствах. Многие даже проходили мимо таких известий, с неинтересными названиями разных политических партий.

Было мало понятно, как это в течение недели, а то и больше, все столбцы иностранных газет только и говорили о выборах: соображениями о последних, сведениями о них заменяются все остальные обычные отделы газет. Словно приостановилась вся жизнь народа или, правильнее, все ее разветвления и проявления на время приняли однообразное течение, влились в одно русло, стремительными потоком увлекающее все живые силы страны. Все – и стар и млад, и низы и верхи народа, и правители и управляемые, люди труда, ума и мысли, все полноправные граждане в дни выборов заняты только выборами, ими живут, для них действуют, о них пишут и читают. Все сознают, что наступит великий момент, в который требуется последнее напряжение сил и принесение в жертву интересов каждого отдельного члена общества, чтобы дать торжество интересам общим, делу упрочнения законности и справедливости в государстве, благу всего народа, развитию его духовно-нравственных и экономических сил, его счастью и благоденствию.

Это – периодически проводимая самопроверка наличных сил и запасов и в то же время лучшая школа политического воспитания народа, поучительные уроки, из которых тот же народ черпает познания и опыт для святого дела отстаивания народных прав против всякого на них посягательства.

В такой именно школе политической жизни страны народ научается и привыкает к незнающей отступления борьбе за свои права, в этой школе закаляется народный дух, который ведет народ по героическому пути самопожертвования и перед мощью которого отступали и отступят сильнейшие армии из всех родов оружия.

И счастливы те народы, для которых путеводной звездой был именно такой путь, те народы, которые неуклонно идут по этому пути!

Россия далека еще от таких народов, но уже вступает на этот спасительный путь.

Год нашей, хотя и куцей конституции, оставил отпечаток на народной жизни: несмотря на сугубо тяжелые и неблагоприятные условия, при которых протекали события первого года свободы, могучая идея этого блага со свойственным ему живительным бальзамом, приподняла дух народа, сознавшего, что спасение его в коренном изменении устоев жизни на новых, иных началах...

Пусть представления об этих началах еще не ясны, пусть крепки еще традиции старого строя, пусть стремление к лучшей жизни еще бродят в зачаточном состоянии, но факт отрицания господствовавшего мрачного строя жизни и требование его видоизменения говорят о начавшемся пробуждении народного духа, того могучего в моральном отношении рычага, который венчает все тернии и страдания народа короной свободы, конституционными учреждениями, действительным участием народа в лице его представителей в законодательстве и управлении страной.

Это пробуждающееся народное самосознание в России не может не оценивать всей важности переживаемого теперь момента выборов во вторую Государственную Думу. И это тем более, что при условиях, созданных для выборной агитации, начиная с репрессивных действий министерства с 9 июля и вообще при событиях пережитого смутного времени, настоящие выборы имеют и должны иметь роковое для всей страны значение. От исхода этих выборов, от того, каков будет состав второй Думы, находится в зависимости самый существенный и жизненный для всех народов России вопрос о дальнейшей судьбе нашей конституции или, вернее, о близком ее будущем, так как в конечном торжестве её сомнения быть не может.

Но наличность известных течений, являющихся и существующих как последствия неразумного, слепого и умышленно-корыс-

тного понимания интересов страны, в состоянии дать результаты, которые, к общему нашему несчастью, в состоянии задержать начало фактического осуществления свобод акта 17 октября.

Но нам не раз приходилось отмечать, что, несмотря на все необычайные особенности выборных порядков, нет оснований предположить, что состав второй Думы будет менее оппозиционным, чем первая Дума. Еще в последней статье нашей «Данные о предвыборной агитации» мы говорили, что победа сторонников тех именно партий, которые лозунгом своим выдвигают действительное осуществление манифеста 17 октября и ответственность министров перед народным представительством, представляется не только вероятной, но и обеспеченной. И это утверждение всего прогрессивного общества и печати – не самообман, ибо утверждение это вытекает из отношений, которые создались к нашей бюрократии за эти семь месяцев бездумья и которые, несомненно, привлекли симпатии населения на сторону тех же прогрессивных элементов. Только этим и можно объяснить, что, например, из 69 избирательных пунктов, отмеченных в упомянутой нашей статье, лишь в 7 правые партии имеют на выборах шансы. Не говорят против этого и те сведения, которые начало давать правительственное телеграфное агентство о выборах уполномоченных от волостей, мелких землевладельцев и рабочих. Правда, в этих сведениях пестрят уже цифры монархистов, священников и др., но основывать на них нельзя никаких выводов и не только потому, что сведения эти касаются предварительных съездов, выбирающих уполномоченных в уездные съезды от 10 по одному, но благодаря отсутствию в сведениях какой бы то ни было системы.

В сведениях этих есть такие данные, как о принадлежности уполномоченных к тому или иному званию, вероисповеданию, но нет сколько-нибудь точного определения принадлежности уполномоченных к политическим партиям. Так, рядом с «монархистами» отмечены «умеренные» и «ниже умеренные». Что это за политическая партия? По разъяснению, сегодня данному агентством, «ниже умеренные» – все те, которые стоят правее партии мирного обновления. А просто «умеренные»? Каких они политических убеждений? А ведь их большинство.

Далее, что за новая рабочая партия «рядовые рабочие»? Беспартийные? Или же это указание на познания рабочих в отличие, например, обыкновенных рабочих от мастеров? При чем же тогда выборы и какой-то ценз?

Ещё менее говорят о политических убеждениях уполномоченных пестрящие в телеграммах агентства указания: «православные», «русские», «католики» и пр. А что, например, означает отметка: «примыкающие к монархистам»? Если это «октябристы», так бы и следовало сказать; недаром же Союз 17 октября, или, вернее, союз против 17 октября, входит в блок с Союзом русского народа.

Мы ещё вернемся к телеграфным сообщениям агентства, но ещё раз утверждаем, что из этих без всякой системы составленных сведений нельзя ничего заключать даже о составе уполномоченных в уездные избирательные съезды. И мы уверенны, что соединение в них представителей от мелких землевладельцев, в особенности от крестьянства и рабочих, даст в результате выборщиков, которые не пошлют во вторую Думу «послушных» для бюрократии депутатов.

* * *

Правительственное телеграфное агентство продолжает сообщать данные о результатах выборов уполномоченных от мелких землевладельцев, крестьян, рабочих.

В этих данных тоже отсутствие какой-либо системы, та же путаница в выражениях и терминах, о которых мы говорили вчера.

Мало того, от последне доставленных сведений получается даже впечатление умышлено допускаемой неопределенности понятий, в особенности в обозначении принадлежности избранных уполномоченных к тому или другому политическому направлению.

Ещё вчера мы отметили всю неясность таких слов, как «умеренный» и «нижеумеренный», с содержанием которых каждый может связывать произвольное понятие.

В последне полученных телеграфных сведениях пестрят выражения: «монархисты» и «умеренные монархисты».

Прежде всего, надо отметить, что из всех политических терминов за время освободительного движения наименее употребительный и ясный именно термин «монархист». Собственно говоря, у нас нет пока политических партий, сторонники которых могли бы отличаться и называться этим только именем в том его значении, в каком оно принято в западноевропейских конституционных государствах. Во Франции, например, «монархист», будет ли это «орлеанист» или «бонапартист», имеет определенную физиономию

француза, высказывающегося против республиканского строя нынешней Франции и жаждущего восстановления власти короля или императора.

В этом смысле в России монархисты все, кроме сторонников крайних левых партий. Все передовое русское общество, все прогрессивные партии, за исключением указанных, сходятся в общем признании власти монарха. Вопрос только в оттенках и границах.

Партия народной свободы, объявленная нынешним правительством «революционной», в своей программе формой правления для России признает конституционную монархию. Лидеры и сторонники этой партии в своих печатных трудах и речах являются горячими защитниками идеи конституционной монархии, прав и прерогатив монархии.

Первая Государственная Дума, разогнанная за «революционные» речи, была также за эти права и прерогативы. Та же, ныне гонимая «революционная» Партия народная свободы в лице лучших своих ораторов грудью отстаивала права и прерогативы монарха, когда делались грубые поползновения со стороны министров или депутатов справа в их нечестивых вожделениях прикрываться именем монарха.

С громовой речью выступил, например, депутат Родичев, один из лидеров Партии народной свободы, против некоторых представителей донского казачества при обсуждении в Думе вопроса о роспуске казаков второй и третьей очереди. Блестящий оратор, но ещё более истинный конституционалист, в сильных и образных выражениях доказывал о неответственном положении главы государства, проникнутого заботами о народном благе, никогда не делающего ошибок сам, ибо за все ответственными являются министры, непосредственные исполнители воли монарха.

Таким образом, и объявленная правительством «революционной» Партия народной свободы в этом смысле есть монархическая, не говоря уже о таких партиях, как мирного обновления, демократических реформ и др., стоящих правее Партии народной свободы.

Вот почему обозначение официальным агентством избранных уполномоченных «монархистами» страдает полной неточностью.

Но, быть может, под «монархистами» в данном случае разумеются те крайние партии, которые кричат на освещении своих хоругвей «долой подлую конституцию», и всю свою программу сводят к требованию восстановления прежнего самодержавия.

Если мы верно поняли то, что желает сообщить нам Петербургское агентство, то нельзя не сожалеть, что официальное агентство напрасно спешит с такого рода сообщениями, ибо в них нет ничего утешительного. Если «монархисты», избранные в уполномоченные от мелких землевладельцев, крестьян и рабочих, именно такого сорта, то значит они являются уполномоченными настоящих революционеров, которые подкапываются под существующий в России строй. Эти революционеры справа – первые ослушники воли монарха, который сам в манифесте 17 октября ограничил свою законодательную власть, допустив к участию в законодательстве и народ в лице его представителей.

А между тем агентство, по-видимому, довольно результатами выборов уполномоченных и сообщает, что, по сведениям, поступившим в агентство 12, 13 и 14 января, выбрано 2927 уполномоченных трех категорий, из них 1137 «монархистов» и примыкающих (?) к ним и 790 умеренных. Об остальных из этих 2927 ничего не сообщается, вероятно, потому, что все остальные – тысяча уполномоченных из левых, даже не из «умеренных».

Надо только сожалеть, что несмотря на кажущееся обилие цифровых данных, передаваемых по телеграфу о ходе выборов, все же нельзя составить по этим данным сколько-нибудь ясного представления. И по необходимости эти данные приходится восполнять сведениями, сообщаемыми о ходе выборов и ох настроении населения тоже по телеграфу корреспондентами столичных газет. В этих видах с сегодняшнего номера в «Каспии», кроме агентских телеграмм, будут помещаться телеграммы столичных газет, что даст возможность лучше и вернее ориентироваться в деле выборов, имеющем такой животрепещущий для всей страны интерес.

* * *

В напечатанных сегодня сведениях о ходе выборов телеграф приводит итоги выборов уполномоченных от мелких земледельцев, крестьян и рабочих за время с 12 по 15 января. За эти дни всего избрано 4982 уполномоченных всех трех категорий, из них, по терминологии правительственного телеграфного агентства, 1761 уполномоченный монархист и примыкающий к ним и 1965 умеренных. При этом в первый раз упоминается и об уполномоченных Партии народной свободы (кадетов). Последних, по вычислению

агентства, оказывается всего 65, включая в это число и примыкающих к кадетам.

Но не трудно убедится, что подсчет этот, как вообще все сведения, передаваемые Петербургским агентством, страдает не только отсутствием какой-либо системы, но и большими погрешностями. Мы не ошибемся, если скажем, что сторонников Партии народной свободы и даже более левых партий окажется не мало в среде 1965 умеренных уполномоченных. Во всяком случае, из общего числа всех уже избранных уполномоченных 4982 остается еще около 1200, относительно которых в сведениях ничего не сообщается, из чего прямой вывод, что все они сторонники прогрессивных элементов.

Кроме того, в числе данных, сообщенных сегодняшним телеграфом, есть сведения, вывод из которых прямо противоположен распределению количества выбранных уполномоченных из монархистов и умеренных.

Мы имеем в виду данные, касающиеся уполномоченных по Калужской губернии. Ещё вчера агентство сообщало, что в 5 уездах этой губернии выбрано 186 уполномоченных от волостных сходов и из них 130 монархистов и только 47 умеренных.

Таким образом, казалось бы, эта губерния должна была дать и выборщиков из преобладающих монархистов. Но сведения, принесенные телеграфом сегодня, говорят совершенно об обратном, а именно: в 9 уездах Калужской губернии избрано 18 выборщиков в уездных съезд и из них 1 монархист, 2 правых беспартийных (?), 3 умеренных беспартийных (?), 10 кадетов и 1 мирнообновленец.

Следовательно, в губернии с таким большим преобладанием уполномоченных монархистов из 18 выборщиков 10 «революционных кадетов». И такой результат получился ещё только на выборах, в которых не участвовали городские курии, а лишь представители от мелких землевладельцев, крестьян и рабочих.

Как же это могло случиться? Какое же в таком случае имеют значение данные агентства о таком подавляющем числе избранных уполномоченных монархистов?

Таким образом, мы были правы, когда после первых же сведений о ходе выборов, высказались за малую вероятность точности этих сведений, утверждая, что для подобного усиления правых элементов ни среди крестьянства, ни мелких землевладельцев, а тем более среди рабочих, нет и не было оснований сравнительно с их настроением на выборах в первую Думу.

Впрочем, сообщаемые сегодня другие телеграфные сведения также служат подтверждением высказанного нами мнения. В некоторых губерниях уже закончились выборы уполномоченных и соотношение между количеством избранных монархистов к числу умеренных также говорит за то, что в выборщики из монархистов попадет весьма мало. Так, от крестьян всей Тамбовской губернии избрано 564 уполномоченных, из них 488 умеренных; из общего числа 34 рабочих уполномоченных только 1 монархист. Во всей Подольской губернии избрано 383 уполномоченных, из них 24 монархиста и 340 умеренных. Из всех 558 уполномоченных от мелких землевладельцев Минской губернии 104 монархиста и 454 умеренных.

Нельзя, впрочем, не обратить внимания на то обстоятельство, что из общего числа 2212 всех уполномоченных от мелких землевладельцев 1037 священников, являющихся пока в деревне persona grata*. И конечно, такое обилие священников не остается без влияния при избрании в уездные съезды выборщиков, но в какую сторону направится это влияние, пока сказать трудно. Напомним только, что в первой Государственной Думе депутаты духовного звания за очень немногими исключениями действовали в рядах Партии народной свободы, а некоторые примыкали к левым.

Переходя к сведениям, сообщаемым телеграммами столичных газет, должны отметить, как общее положение, что в указываемых газетами местах пока на выборах шансы за сторонниками левых партий. И это несмотря на целый ряд обстоятельств, весьма неблагоприятно отражающихся на сами выборах. К ним прежде всего относятся «мелкие упущения», связанные, по объяснениям местных властей, с дефектами техники выборов. Ещё во вчерашнем номере было отмечено, что на 58 заводах и фабриках Петербургского района не могли быть произведены выборы за поздним уведомлением об этом избирателей.

Несвоевременное извещение и неполучение избирателями призывных повесток – явление, как оказывается, встречаемое весьма часто. В Ветлуге, например, благодаря этому обстоятельству явилось всего 3 крестьянина и 13 священников. Последним, конечно, легче доставлять повестки.

Другое вредно отражающееся на выборах явление – это одновременные выборы от разных курий, что, конечно, физически лишает возможности осуществления выборного права.

* Желательное лицо (лат.).

Нечего и говорить, что все эти явления легко могут быть при желании устраняемы выборными учреждениями.

К таким нежелательным явлениям относятся также более чем странные и непонятные случаи назначения выборов в дни, особо почитаемые магометанами, евреями и др. как их религиозные праздники. В сегодняшних телеграммах столичных газет читатели найдут сообщения из городов Казани и Симферополя, в которых дни выборов совпали с днем магометанского праздника Курбан-байрама и потому местные мусульмане не могли воспользоваться своим избирательным правом.

Благодаря этому обстоятельству на предварительный съезд землевладельцев казанского уезда из 110 избирателей явилось всего 47; из последних же было 15 священников и в уполномоченные прошли 8 человек, все священники. А в Симферополе такое отсутствие мусульман дало перевес «октябристам» над кадетами: первых избрано 9, вторых только 2.

Можно только удивляться, как выборные учреждения, зная отлично, что в данном участке правом на выборах пользуются и магометане, не считаются с последними при назначении времени производства выборов. Казалось бы, что может быть легче этого: справиться в мусульманском календаре, благо так много их теперь издается в той же Казани, или, наконец, запросить об этом приходского муллу!

Впрочем, такое отношение, «иноверным» – у нас не новость!..

Будем надеяться, что оно изменится к лучшему, пока же искренно советуем нашим мусульманам самим заботиться о себе и не упускать никогда случая пользоваться столь ценным правом, как избирательное право, если бы даже для этого пришлось пожертвовать праздниками.

Ведь байрам только тогда и может быть байрамом, настоящим праздником, когда никто не может с пренебрежением относиться к «святому из званий – человеку», а это возможно только в свободном государстве.

* * *

Высказанные почти всеми прогрессивными органами печати сомнения относительно точности данных, сообщаемых телеграфным агентством о ходе выборов уполномоченных от крестьян, ра-

бочих и мелких землевладельцев, вызвали со стороны этого агентства пространное разъяснение, печатаемое в сегодняшнем номере.

Против указаний газет на допускаемые искажения в результатах выборов агентство оправдывается ссылкой на своих провинциальных корреспондентов, в числе которых немного официальных, но весьма много частных лиц разнообразных профессий и общественных положений. Агентство не сомневается вообще в достоверности сообщаемых постоянными корреспондентами сведений и в доказательство того, что итоги о выборах уполномоченных передаются без всяких подтасовок, приглашает желающих проверять эти итоги с данными провинциальных корреспондентов. Все обвинения газет в этом смысле агентство считает неосновательными, равно как неосновательно и утверждение, «будто бы агентство сообщает сведения о выборах по указаниям правительства».

Таково содержание агентского разъяснения. Нет сомнения, что мало кого это разъяснение убедит. Кто же не знает, что сведения о местных явлениях, в том числе о выборах, агентство получает от своих местных же корреспондентов. В числе последних были и есть лица официальные и частные. Пусть последних значительно больше. Но, ведь, само агентство заявляет, что его частные корреспонденты – люди разных профессий и общественного положения. И следовательно, тем более странно, что частные лица «разнообразных профессий и общественного положения» не умеют или не хотят почему-то разбираться в вопросах о принадлежности выбранных уполномоченных к тем политическим убеждениям, по которым легко отличить более или менее установившиеся у нас политические партии. В чем же другом, как не в указании на этот главный признак выбранных лиц и заключается весь интерес, с каким вся Россия относится к ходу выборов в Государственную Думу. И какой имеют для нас интерес одни цифры выборных без распределения их по политическим убеждениям?

Далее, лица, сообщающие агентству сведения о выборах, состоят, как оно само заявляет, постоянными корреспондентами агентства, от которого они и получают инструкции. Иначе чем объяснить, что сотни корреспондентов, люди «разнообразных профессий и общественного положения», знают только две политические партии: монархистов и умеренных или только «нижеумеренных»... Одно из двух: или эти корреспонденты полные невежды, или же они должны знать только указанные категории политических убеждений.

Шаткость приводимых агентством доводов настолько очевидна, что мы не будем на них останавливаться, тем более что о деятельности его мы говорили не раз. Не будем также повторяться и относительно тех недочетов в сведениях о ходе выборов, на которые мы указывали в трех предыдущих наших статьях. Скажем только, что для Петербургского телеграфного агентства, в его нынешнем положении монополиста по части распространения телеграфных сведений, соблюдение объективности и полного беспристрастия в сообщаемых данных единственно верное и надежное средство освободиться от обвинения в искажениях и подтасовка. Только при этом условии агентство может быть на высоте своего положения.

Но, с другой стороны, насущные интересы читающей России требуют образования нового телеграфного агентства и появление другого агентства представляет сейчас более чем необходимым.

Мы уверенны, что после созыва Государственной Думы не может и не должно быть никаких препятствий к учреждению нового телеграфного агентства. И тогда нынешнее агентство, монопольное и состоящее в ведомстве Министерства финансов, может продолжать пользоваться услугами теперешних корреспондентов как ему угодно.

* * *

Последние полученные местные газеты принесли данные о начавшихся выборах на Кавказе. Сведения эти настоль скудные, что по ним нельзя пока судить о результатах выборов.

Как видно из этих сведений, выборная агитация, сравнительно с прошлым годом, идет вяло. Уже во многих местах розданы избирательные бюллетени, происходят перевыборные собрания. Выборы выборщиков большей частью назначены на этой и будущей неделях. Днем же выборов членов в Государственную Думу в пределах всего края, в том числе от города Баку Бакинской губернии, назначено 6 февраля.

В некоторых местах уже закончились предварительные съезды для избрания уполномоченных. Сведения об этом имеются из Гурии и Осетии. В первом из них, в уездах Зугдидском и Сенакском, выборы уполномоченных от крестьян происходили 12 января. Во всех избирательных участках большинством голосов в уполномоченные от крестьян прошли кандидаты социал-демократов.

На предварительных съездах, происходивших повсеместно в Осетии, также состоялись выборы уполномоченных в участковые собрания, причем на Христианском, Магометанском, Ольгинском и Гизельском собраниях избраны 8 человек, из которых 2 правых и 6 левых. В числе последних есть присяжный поверенный, доктор, сельский учитель.

Результаты выборов уполномоченных от рабочих Бакинского района читателям нашим известны.

Телеграфное же агентство о ходе выборов на Кавказе сведений пока не дает.

В некоторых местах намечены уже кандидаты в Думу, как в Тифлисе, в иных имена кандидатов пока не оглашаются (в Елисаветполе, Баку).

Отмечают жалобы многих жителей города Тифлиса на невручение призывных повесток, в то время как другим вручены по две повестки. Между прочим, в адресах избирателей констатировано много ошибок.

Вероятно, нам придется ещё немало делать указаний на такие крайне нежелательные ошибки. Как оказывается, такие ошибки повторяются во многих избирательных округах, о чем мы говорили ещё во вчерашней статье.

Кстати, отметим и приятное исключение: как сообщает телеграфное агентство, назначенные на 12 января предварительные съезды для выбора уполномоченных от мелких землевладельцев и крестьян в мусульманских областях Кавказского края не состоялись по случаю магометанского праздника Курбан-байрам и перенесены на другой срок.

И этим устранена, конечно, тоже ошибка, которая при повторении могла иметь печальный результат, лишивший мусульман Казанского уезда избирательного права.

* * *

Картина выборов начинает выясняться все более и более, и вместе с тем раскрывается настоящий смысл тех сведений, которые сообщались о ходе выборов Петербургским телеграфным агентством.

Сопоставление этих сведений с данными телеграфных сообщений столичных газет дает право сказать, что пока выборы идут тем же путем, каким они шли на прошлых выборах.

И в этом отношении ни дальнейшие сообщения телеграфного агентства, ни в особенности данные им разъяснения не в состоянии поколебать нашего убеждения, что, в общем на выборах одержат вверх те же элементы, которые победили на выборах в Государственную Думу.

В особенности [верно] это утверждение, вне всякого сомнения, в отношении рабочих: почти везде в уполномоченные от них избраны представители от левых партий. Это отмечает и Петербургское телеграфное агентство. А печатаемое нами в сегодняшнем номере сообщение о результатах выборов уполномоченных от рабочих части петербургских фабрик и заводов служит яркою иллюстрацией отмечаемого явления. Из 138 уполномоченных избрано социал-демократов 40, социалистов-революционеров 20, конституционных демократов 3, правых беспартийных 2 и левых беспартийных 73.

По сведениям телеграфных сообщений тех же столичных газет, уполномоченные из левых пока преобладают и в числе выбранных от крестьян. Отсюда тот вывод, что тысячи уполномоченных, которых агентство называет «умеренными», заключают в себе значительное большинство также левых.

Сопоставление следующих двух телеграмм – агентской и газеты «Русь» – убеждает нас в этом. Обе эти телеграммы сообщают о результатах выборов уполномоченных от крестьян по Елецкому уезду Орловской губернии. Телеграмма Петербургского телеграфного агентства гласит:

«По Елецкому уезду на волостных сходах избрано 38 уполномоченных, между ними 2 монархиста, 33 умеренных, волостных старшин 4, сборщиков 2, волостных писарей 3, учителей 1, разночинцев 2, домохозяев 26. Все русские, православные».

О том же самом корреспондент названной газеты телеграфирует:

«Выяснились выборы уполномоченных в 10 волостях из 19. Избрано 15 кадетов, 12 внепартийных, 2 оппозиционных, 3 черносотенца».

В числе 33 «умеренных» агентской телеграммы и надо считать 15 кадетов, 12 внепартийных, 2 оппозиционных.

Даже «Новое время» и то сомневается в том понимании, какое хочет усвоить и навязать всем Петербургское телеграфное агентство термином «умеренных». А в некоторых губерниях на волостных сходах избраны почти все уполномоченные из левых. Так, в 12 волостях Тверской губернии все уполномоченные левые, один «октябрист», в Воронежском уезде из 24 уполномоченных более половины левые, в Петербургской губернии, как передает «Русь», прошли тоже левые.

Переходя к выборам на Кавказе, вынуждены ещё раз отметить большую скудость сведений, ограничивающихся только данными полуофициального характера. Местами выборная процедура (во Владикавказе, Тифлисе) протекает среди обычных за последнее время репрессий-обысков, арестов, высылок. О предвыборных собраниях почти не слышно. Но действия отдельных партий, особенно в крупных центрах, заметно оживляются. Воззвания, прокламации стали уже частыми явлениями со стороны партии нелегализованных. Что же касается до «признанных» партий, то вся их деятельность является в использовании правам получения штемпелеванных избирательных бюллетеней из городских управ. Впрочем, необходимо отметить, что легализованных партий в крае почти нет: в Баку в подобный реестр подобных политических партий занесен под первым и последним номером покойный «Якорь», а в Тифлисе – «патриотическое общество».

О выборах уполномоченных от курий мелких землевладельцев, крестьян и рабочих на Кавказе, кроме приведенных в последней статье нашей, других важных сведений нет. Как оказывается, во многих местах несчастье и бездорожье послужили причиной того, что не состоялись предварительные съезды, назначенные на 12, 13 и 14 января. Далее, в Тифлисе установлен тот факт, что какие-то молодцы отбирают у избирателей чистые бюллетени и взамен предупредительно снабжают их записками, тоже со штемпелями управы, в которые занесены кандидаты в выборщики. Это обнаружено в 6 участках, где по преимуществу проживают мусульмане.

Возможность таких проделок ещё раз выдвигает вопрос о приспособлении порядков выборов к местным особенностям, к числу которых на первом месте стоит неграмотность туземного населения по-русски. И в этом отношении допущение записей в избирательных бюллетенях на туземных языках, давая каждому избирателю-туземцу возможность сознательного отношения к выборам, устранило бы подобные вышеприведенным явления. Кавказским депутатам в Думе необходимо иметь это обстоятельство в виду при пересмотре в законодательном порядке избирательного закона, представляющего большие изъяны и потому нуждающегося в коренном изменении, и прежде всего в смысле производства выборов на началах равного, тайного, прямого и всеобщего голосования.

Некоторым коррективом, облегчающим туземцам исполнение их избирательных функций, является возбужденный Бакинской гу-

бернскою по делам о выборах комиссиею вопрос об обязательном введении в состав избирательных собраний переводчиков. Впрочем, как по поговорке «семь бед – один ответ», так и незначительное частичное исправление не в состоянии избавить наш избирательный закон от остальных прорех и недочетов.

Чтобы покончить на этот раз с выборами на Кавказе, отметим, что из 8 уполномоченных от мелких землевладельцев Тифлисского уезда избрано 2 прогрессиста, а остальные 6 – все крайние левые.

Непосредственную связь с выборами имеет и опубликованный третьего дня циркуляр председателя Совета министров гг. губернаторам, градоначальникам и для сведения наместнику Его Величества на Кавказе. Циркуляр этот, вызванный близостью созыва Государственной Думы, содержит указание местным представителям правительственной власти, коим на выборах «не надлежит вмешиваться в борьбу партий и производить давление на выборы».

Циркуляр отмечает, что Государственная Дума призвана Государем служить основой законодательного строя в империи, что она является важнейшим фактором воздействия крепких государственных устоев и порядка и что Дума встретит в правительстве живейшее стремление к согласованной плодотворной творческой работе.

Отметить такое значение Государственной Думы перед ее созывом важно и для населения и для правительства: роспуск первой Думы и семимесячное бездумье успели достаточно поколебать веру в наступление в стране начал «истинной свободы и порядка», возвещенных с высоты престола, о которых говорится и в циркуляре.

Выставляя программу предстоящей государственной деятельности и являясь в этом отношении подтверждением правительственного сообщения от 24 августа 1906 г., циркуляр говорит: «Относясь с полным уважением к правам Государственной Думы в области законодательства, бюджета и запросов, правительство будет неуклонно держаться во всех своих действиях существующих законов, как правительство, так и Дума могут сохранить монаршее доверие, наличность которого одна обеспечивает возможность их совместной работы».

В этих словах циркуляра проводится начало законности, которое, без сомнения, является основой государственности и наилучшей гарантией развития конституционных порядков. Но, конечно, при одном необходимом условии, чтобы законы страны соответствовали потребностям жизни и обеспечивали бы каждому свободу жить и трудиться. Ещё первый премьер-министр граф Витте

в своем всеподданнейшем донесении, опубликованном одновременно с актом 17 октября, высказал ту мысль, что русское общественное самосознание переросло существующую форму русской жизни. Настоящий циркуляр констатирует, что нет возврата «к прежним, осужденным государем, порядкам, т.е. к тем порядкам, которые создались и поддерживались существующими законами.

В том же циркуляре есть самое ценное для нас, журналистов, указание, что правительство «при настоящем бурном течении общественной жизни сознает громадную трудность безошибочной постановки и решения вопросов, связанных с изменением правовых и социальных норм, и в критике своих предположений, так же как в детальном и практическом обсуждении предположений Думы, оно видит залог успеха в деле преобразования государства».

Мы особенно отмечаем и будем помнить твердо слова «в критике своих предположений», «залог успеха в деле преобразования государства».

И не только будем помнить, но по мере сил своих используем это право, столь категорически предоставленное всему русскому обществу и печати.

И пользуясь сейчас же этим правом, говорим, что при всей важности законопроектов о всесословной волости, местном самоуправлении, подоходного налога и др., готовящихся ко внесению в Государственную Думу, Россия сейчас нуждается в твердых законах, обеспечивающих неприкосновенность личности и гарантирующих фактическое осуществление тех свобод, которые объявлены манифестом 17 октября.

Мы более чем уверены, что установление именно этих законов даст необходимое успокоение и наиболее убедит весь мир, что в России возврата к прежним порядкам действительно не будет. Фактическое осуществление свобод акта 17 октября ознаменует собой великую для нас эру действительного водворения истинных начал свободы и порядка, которые во славу всех народов России заменят ныне существующие осужденные самой властью порядки и сделают Россию мощной, богатой и счастливой.

* * *

Единодушное осуждение со стороны всей прогрессивной печати неверных и вводящих в заблуждение приемов, которых придер-

живалось Петербургское телеграфное агентство в деле сообщения сведений о ходе выборов, вынудило агентство заявить, что оно, «отказываясь на будущее время от неблагодарной задачи немедленного подсчета, будет сообщать в своих циркулярах время от времени лишь итоговые сведения о выборах уполномоченных с их партийной характеристикой по губерниям».

Нет сомнения, что от такого решения агентства читатели только выиграют и тем более, что картина выборов по отдельным местностям представляется довольно ясно телеграммами столичных газет, печатание которых теперь, после такого заявления со стороны агентства, является уже необходимым. В сведениях этих телеграмм мы найдем ключ к итоговым данным официозного агентства.

В напечатанных в понедельничном выпуске телеграммах агентство сообщает итоговые сведения о выборах уполномоченных от мелких землевладельцев, крестьян и рабочих по 20 января. Всего по этот день включительно избрано уполномоченных всех трех категорий 11378, из них 3232 монархистов и примыкающих к ним умеренных и 5380 примыкающих к правопорядцам, октябристам, партии центра и другим конституционно-монархическим партиям правее мирнообновленцев. По этому исчислению остается ещё 2766 уполномоченных, в числе которых агентство нашло всего 326 кадетов и примыкающих к ним, беспартийных и прогрессистов.

Если теперь сопоставить эти данные с сведениями телеграмм столичных газет, то нельзя не прийти к заключению, что агентство опять введено в заблуждение относительно политических убеждений огромной части уполномоченных, отнесенных к правым партиям. В данных телеграмм столичных газет преобладание, а в большинстве случаев и исключительное, левых заметно не только в составе уполномоченных от мелких землевладельцев, которые и на первых выборах в Думу дали большинство правых и даже реакционных элементов, но это преобладание уже чувствительно в составе уполномоченных от крестьян.

В этом отношении, прежде всего, необходимо отметить, как свидетельствующее о настроении крестьян, выборы лиц, считающихся нелегальными и даже отбывающих наказание. Так, в Самарском уезде крестьяне выбрали уполномоченными левых и в их числе Лавр. Щибраева, находящегося в ссылке в Архангельской губ.; в Орловской губ. Малоархангельский крестьянский сход избрал бывшего выборщика крестьянина Чеснокова, находящегося в тюрьме;

в Бузулукском уезде (Самарской губ.) в числе 6 крестьянских уполномоченных-прогрессистов избран и крестьянин Балабанов, находящийся в ссылке в Сибири. По сведениям из Ставрополя-Кавказского, в нескольких сельских обществах выбор в уполномоченные пал на бывшего члена Государственной Думы уже осужденного Онипко[273]. А в Петровском уезде (Саратовской губ.) избраны уполномоченные-левые и в их числе лидер «Трудовой группы»[274] первой Госдумы. бывший депутат Аникин[275]. Насколько известно, г. Аникин не потерял избирательного права случайно: он не был в Выборге, так как в момент роспуска Думы находился в Лондоне, куда вместе с бывшими депутатами Ковалевским[276], Родичевым, Аладьиным[277] и др. был командирован в качестве представителя от Государственной Думы на межпарламентскую конференцию. Г. Аникин, как и бывшие депутаты проф. Кузьмин-Караваев, Родичев и др., присоединился к «Выборгскому воззванию» после, но присоединившиеся к последнему к суду не привлечены. Из таких депутатов первой Думы, кажется, сохранили свое право только гг. Родичев и Аникин, а из остальных видных членов г. Аладьин привлечен за целый ряд политических обвинений и находится заграницей, проф. Ковалевский привлечен в качестве редактора газеты «Страна»[278] за критику рескрипта 1 января с. г., профессор Кузьмин-Караваев исключен из избирательных списков, подобно лидеру кадетской партии проф. Милюкову и др.

Далее помещаемые в сегодняшнем номере телеграммы столичных газет приводят факты, касающиеся выборов среди тех же крестьян, факты, которые должны неблагоприятно отражаться на результатах выборов. Так, телеграмма из Самары отмечает, что у выбранного уполномоченным от Богатовской волости Бузулукского уезда (Самарской губ.) тотчас по избрании произведен обыск, а в Юзовке (Екатеринославской губ.) арестован уполномоченный от рабочих Костылев. Отсюда понятно, что уполномоченные из левых ведут себя осторожно, и многие стараются после выборов скрыться, как это было в Аткарске.

Подобного рода неконституционные действия в связи с дефектами выборной процедуры, о которых мы говорили раньше, должны, конечно, влиять на общее число избирателей, являющихся не так охотно на выборы. Но, помимо этого, есть и особенные местные условия, отталкивающие от выборов избирателей той или другой национальности. Одной из таких местных особенностей надо

признать преобладание в выборном районе одной какой-либо национальности. В этом случае избиратели другой национальности вовсе не являются на выборы, воздерживаясь, таким образом, от участия в выборах, в которых их голоса не могут иметь значения.

Конечно, такое отношение к выборам нельзя назвать правильным. Так, в Минской губ., там, где преобладают поляки, от выборов отказались русские и наоборот. В Карасубазаре Таврической губ. на выборы не явились избиратели-татары. Телеграфное сообщение, к сожалению, не говорит о причинах неявки, результатом чего было избрание в уполномоченные из немцев-колонистов. Последние же, как видно из данных о ходе выборов, везде составляют почти реакционные элементы. Так, в Бахмутском уезде из 800 избирателей явилось 232, среди которых преобладали немцы-колонисты: в уполномоченные от мелких землевладельцев прошли 64 немца, и все правые, благодаря чему землевладельцы дали 71 уполномоченных-правых и 2 левых.

Зато курии мелких землевладельцев по Московскому уезду дали перевес строго конституционным элементам: во всех пяти группах от мелких земледельцев надо было выбрать 68 уполномоченных; выбраны 57 кадетов и 4 правых, недовыбрано 7 уполномоченных.

Кроме сведений о выборах уполномоченных, уже поступают сообщения о выборах выборщиков в городах. Первые сведения об этом, сообщаемые Петербургским телеграфным агентством и столичными газетами, в общем сходятся и говорят в пользу прогрессивных, оппозиционных элементов, и в частности свидетельствуют о перевесе той же кадетской партии. Так, по данным Петербургского агентства (см. сегодня телеграммы), в 16 городах Орловской и Лифляндской губерний избрано 22 выборщика, из коих 16 прогрессивных, 4 октябриста и 2 монархиста. В числе их 8 кадетов и 4 левее кадетов. В городах Калужской губернии (см. телеграммы столичных газет) в выборщики попали оппозиционные кандидаты, преимущественно из партии кадетской, а в самой Калуге избран бывший член Государственной Думы Новосильцев[279], тоже кадет.

Не помогают, значит, и брошюры генерала Богдановича[280], не щадящего бранных слов по адресу первой Думы, брошюры, которые раздаются в Рыбинске в виде бесплатного приложения к избирательным бланкам, и кадеты все же проходят.

Относительно выборов на Кавказе пока есть возможность сказать определенно от уполномоченных от мелких земледельцев и крестьян Кутаисской губернии. Огромное большинство уполномоченных принадлежит к крайне левым: социал-демократам, социалистам–революционерам, и социал-федералистам, образовавшие, как теперь оказывается, в некоторых местах блок. Особенную деятельность из этих партий проявляли социал-демократы; много мест получила и партия социал-федералистов (социал-федералисты).

По поводу известия, отмеченного нами в последней статье об избирательных бланках в Тифлисе, сегодняшние местные газеты сообщают, что на берегу р. Куры найдена большая связка избирательных бюллетеней с печатью управы, которая была продана одному лавочнику в виде оберточной бумаги.

Что все это означает? И какое после этого имеет значение прикладывание к избирательным бланкам штемпеля управы?

Так жизнь не бюрократических кабинетов и мрачных канцелярий, а настоящая, действительная жизнь разбивает планы виды которых хороши и стройны только издали, а в применении к жизни – одна химера, если не материал для смехотворных журналов. . .

Сегодня в местных газетах мы наткнулись на редкий в нашем крае факт: начальник Владикавказского почтово-телеграфного округа перед рождественскими праздниками разослал почтовым конторам циркуляр с предложением всем чиновникам округа записаться в «Союз 17 октября» и сделать взносы в кассу местного комитета.

Быть может, и другие начальники писали такие же циркуляры, но мы встречаемся с таким циркуляром впервые, и, напротив, имели случай даже отметить, что начальство всех ведомств на Кавказе стоит вне выборной агитации. Мы не будем останавливаться на этом явлении и скажем, что такой циркуляр, да ещё среди почтово-телеграфных чиновников, вряд ли может иметь какое-нибудь влияние.

Закончим указанием на выборы в нашем Баку. 20 января происходили выборы выборщиков по Бакинскому уезду; выбраны трое, и все мусульмане-прогрессисты, причем один, А.б. Рзаев, с высшим образованием, а остальные двое гг. Амирасланов и Ибрагимов, были выборщиками и на первых выборах.

* * *

Со вчерашнего дня телеграфные сведения сообщают уже о результатах выборов выборщиков на уездных и городских избирательных собраниях.

Эта, уже вторая и самая важная стадия выборов, от которой зависит весь исход выборной кампании.

От того, каков будет состав выборщиков, и зависят выборы членов в Государственную Думу. В составе выборщиков, конечно, легче ориентироваться и основывать те или другие выводы и предположения уже о составе второй Государственной Думы.

В этом отношении полученные до сих пор сведения даже через Петербургское телеграфное агентство не оставляют сомнения, что в общем в выборщики прошли прогрессивные элементы.

Что так оно и должно было быть, мы говорили и раньше, указывая, что не надо обладать никаким пророческим даром, чтобы не видеть, что за время между первыми и вторыми выборамы в Думу нет и не было никаких данных, которые давали бы основания относиться к назначению Думы иначе, чем это было проявлено населением в прошлом году.

И вот почему, когда мы останавливались на сведениях агентства, столь часто и усердно выражавшихся втрех и четырехзначных цифрах, то объясняли очень уж большое количество уполномоченных монархистов и умеренных заблуждением, в какое вводится агентство своими корреспондентами.

И мы были правы, ибо если бы сообщаемые сведения о сотнях и тысячах уполномоченных из монархистов и умеренных были верны, то результаты выборов выборщиков были бы не те, что мы теперь видим и о чем сообщает само агентство.

Впрочем, по-видимому, последнее этим не смущается и с усердием, достойным лучшего применения, продолжает «свою» линию.

Вот и в сегодняшних телеграммах мы получили сводный бюллетень о выборах уполномоченных от мелких землевладельцев, крестьян и рабочих по 22 января включительно. Из него видно, что выбрано 10130 уполномоченных монархистов и примыкающих к ним, 4626 умеренных, 8239 разных партий, состоящих правее Партии мирного обновления, и всего 669 левых, из коих кадетов и примыкающих к ним 635. В числе монархистов агентство высчитало 2934 одних священников.

И эти сведения должны быть отнесены к категории обычных для агентства данных. Но согласимся, что они все достоверны и правильно отражают принадлежность избранных уполномоченных к отмеченным политическим убеждениям.

Как тогда быть с сообщениями того же агентства о результатах выборов выборщиков от волостей, земледельцев и городских избирателей. Вот эти сообщения: из 1249 выборщиков, избранных всеми тремя куриями, 329 монархистов и примыкающих к ним, 181 умеренных, 517 левых, 131 беспартийный и 72 неизвестного направления.

Цифры эти весьма назидательны и как нельзя лучше характеризуют тенденции, которых придерживается официозное агентство.

Не поразительно ли, что тысячи уполномоченных монархистов и примыкающих ним дали всего навсего 329 выборщиков, а редко упоминаемые в телеграфных сообщениях левые, числом, как высчитывало агентство, не более сотни, могли получить 517 выборщиков, в числе которых нашлись теперь представители не только социал-демократов (17) и социалистов-революционеров (5), но и трудовики (8), Трудового союза, народных социалистов, Крестьянского союза, а кадетов и примыкающих к ним целых 147.

Чем же объяснить, что 10130 монархистов дали всего 329 выборщиков, а 635 кадетов выбрали 147 выборщиков?

Но и в этих 329 выборщиках монархистов, по сообщению агентства, только 143, правых 76 и беспартийных правых 120.

Вообще, термин «беспартийный» – излюбленное выражение агентства. Выборщиков этой категории можно найти во всех группах, на которые делит агентство выборщиков в своем сводном бюллетени: есть беспартийные вообще, беспартийные правые и беспартийные левые, беспартийные умеренные, которые тоже делятся на правых и левых.

Разобраться в этих группах не так легко. О том, что такое «умеренный», только теперь можно сказать, что, по официозным данным, к этой категории причисляются сторонники, начиная от правопорядцев и кончая партией центра (?). Но в этой группе умеренных есть ещё свои «умеренные» (??). Так, из 181 всех умеренных выборщиков отмечено особо 41 «умеренный»!

Находя излишним останавливаться на игре слов, как то делает агентство, скажем, что ещё более странное значение придается термину «беспартийный».

Результаты выборов выборщиков говорят, что избиратели считают за лучшее не обнаруживать своей принадлежности к той или другой из существующих партий, в особенности к партиям «нелегализованным». И на этом основании агентство совсем облегчило свою задачу, отнеся добрую половину к «беспартийным».

Кроме того, надо сказать, что не только этот, так сказать, маневр выборной агитации заставляет избирателя отказаться от «партийности», не только опасность, ему грозящая, но и целый ряд местных условий. Наконец, среди огромной части избирателей, в особенности крестьянской, при настоящих условиях народного просвещения и, в частности, отсутствия политического воспитания, непринадлежность к партиям явление обычное. В сущности, так оно и должно быть. У избирателя крестьянина есть общая болячка, вопиющие нужды и он видит в Думе путь, который даст ему наискорейшее и наилучшее удовлетворение своих нужд. Дума излечит все его раны, накормит его, даст «землю и волю». И вся крестьянская масса сознает это и идет на выборы в уверенности поручить достижение этого святого дела тому, кто его друг. Естественно, что в этом деле на время выборов ему не нужна партия. Её, эту партию, он отыщет и найдет в самой Думе, когда будет решаться самый вопрос о «земле и воле».

Так было и на первых выборах: крестьянские избиратели, выборщика и члены Думы были объявлены «беспартийными», а когда начала действовать Дума огромное их большинство перешло к кадетам и трудовикам, а то и к социал-демократам. Даже из числа «ерогинских» депутатов были «перебежчики».

Что «беспартийные» большей частью выбраны от крестьян, это отмечает и агентство, но забывает, что приводимые им 112 выборщиков беспартийны пока, а в Думе ещё не известно, на какой стороне зала Таврического дворца займут места. Очень уж много горя и скорби накопилось у крестьян, чтобы их депутатам не ратовать с прежней энергией за «землю и волю»...

В своих теперешних сообщениях агентство, с другой стороны, весьма щедро на сведения о принадлежности выборщиков к отдельным партиям. На подробность распределения по партиям и пестроту состава по политическим убеждениям» обращает внимание само официозное агентство. Усматривая в этом «характерную особенность» выборов, агентство как бы в ответ на сыпавшиеся в эго адрес упреки в скудости данных о выборах, перечисляет названия таких партий, которые или не действуют, или же о них ничего

не известно читающей публике. Это дает возможность официозу разбить все 517 левых выборщиков на 20 с лишним частей и тем ослабить результаты.

Но вряд ли от этого теряется влияние и значение выборов, на которых все шансы пока на стороне прогрессивных элементов.

Как и в первой Думе, а быть может ещё лучше, эти партии, сознавая, какая опасность от черной сотни грозит свободе русского народа, соединятся и будут действовать во имя водворения и укрепления действительных начал конституционного строя в России.

Кроме сводного бюллетеня, сегодняшние телеграммы принесли сведения о выборах выборщиков во многих городах, состоявшихся после 23 января, которыми заканчивается бюллетень. Из этих сведений также видно, что в городах перевес берут главным образом прогрессивные элементы. По приблизительному подсчету из всех 340 с чем-то выборщиков более двух третей выборщиков принадлежат к таким элементам.

Такой же результат дали выборы выборщиков во многих уездах Кутаисской губернии и в Тифлисском уезде, в котором прошли социал-демократы и социал-федералисты. Даже землевладельцы во многих местах Кутаисской губернии дали именно таких выборщиков, не говоря уже о выборщиках от крестьян, кои все почти социал-демократы или социал-фededералисты.

В Новосенакском уезде, Озургетском и Зугдидском от землевладельцев прошли левые.

Кстати, необходимо исправить неточность телеграфного агентства относительно выборов в Лечхумском уезде. Во вчерашнем номере нашей газеты помещена телеграмма от местного агента о том, что в названном уезде избрано три выборщика монархиста. Между тем, в полученном нами сегодня последнем номере газеты «Закавказье»[281] отмечено, что в этом уезде в Цагерах избраны трое, из коих двое левых, а третий князь От. Дадешкелиани. Сообщение телеграфного агентства может считаться верным только в отношении этого последнего.

Из приводимых ниже сведений можно видеть, что пока и у нас на Кавказе выборщики принадлежат к прогрессивным элементам, как и во внутренних губерниях империи.

А.М.б. Топчибашев

Каспий. 1907. 16-19, 21, 23, 25 января.

К персидским делам

26 января, 11 февраля 1907 г.

Помещенная во вчерашнем номере нашей газеты депеша из Тегерана сообщает о ясно выраженном неудовольствии народных представителей нынешним персидским правительством.

Прежде всего, члены меджлиса недовольны тем, что они не были приглашены на торжество коронации нового шаха.

Это обстоятельство, кажущееся на первый взгляд не имеющим особого значения, представляется весьма важным шагом, свидетельствующим о ненормальности отношений между народным правительством и правительством Персии и, во всяком случае, указывающим на не совсем правильное понимание последним своих задач и роли по отношению к меджлису.

Во всех конституционных государствах такие важнейшие акты, как восшествие на престол и коронация монарха, происходят всегда при участии парламента. Мало того, присутствие парламента in corpore или его представителей считается обязательным при акте произнесения новым главой государства присяги на верность конституции.

Правда, молодая конституция Персии ещё не предусматривает условий, при которых должно происходить воцарение нового шаха. Но это умолчание конституции не могло, конечно, служить персидскому правительству основанием к столь пренебрежительному отношению к народным представителям.

Призванные законодательствовать и тем установить в Персии конституционный строй, члены меджлиса во всех случаях и актах государственной важности, по самому званию, занимают и должны занимать самое почетное и первое после шаха место.

Это не требование какого-нибудь этикета, которого должно быть чуждо народное представительство, а это то необходимое условие, без которого государственные акты и события не могут и не должны считаться действительными – лишенные санкций парламента, такие события и акты могут не получить и санкции всего народа.

Депутаты молодого персидского парламента ничем не заслужили такого к себе отношения и от Мамеда Али шаха, подписавшего конституцию страны и особый акт о нераспущении меджлиса в течение двух лет, избранники персидского народа вправе были ожидать к себе большего и лучшего внимания.

Мы не сомневаемся, что это дело рук нынешнего правительства Персии, которое, вынужденное внешне мириться с парламентским строем, не может все-таки в душе искренно сочувствовать этому строю, лишающему персидских бюрократов возможности продолжать беззастенчиво обирать народ, расточать его достояние и производить над тем же народом всякого рода насилия.

История и опыт народов служат показателем, что именно бюрократия везде и всюду ставила и ставит всевозможные препятствия к установлению нормальных, естественных отношений между главой государства и народным представительством и что именно эта бюрократия, достаточно искусная в придворных интригах и вообще в безнравственных действиях, не упускает случая вселять недоверие между монархом и народным представительством и возбуждать первого против второго науськиваниями и нашептываниями о «продерзостях» народных депутатов, об «опасности», грозящей монарху от последних, не забывая при случае напомнить о казни неблагодарными французами короля Людовика XVI[282] или англичанами Карла I[283].

Везде и всюду бюрократия – злой гений народа – сшита по одному образцу: ради своекорыстных интересов, ради поддержания безнравственного своевластия и собственного благополучия за счет народа бюрократия не постесняется вести народ к гибели, страну к позору, государство к разложению.

Нынешнее персидское правительство своей бестактностью и более чем непозволительным отношением к народным депутатам доказало, что и оно не желает проститься с бюрократическими приемами, что и оно не далеко ушло от ненавистных бюрократий других стран.

Этим самым близорукое правительство Персии, бросив на первых же порах семя неудовольствия между шахом и меджлисом, вооружает против себя народных представителей, а следовательно, и весь народ.

Тем хуже для нынешнего правительства, которое и сделается первой жертвой народного гнева.

Итак, и относительно Персии, едва вступившей на славный конституционный путь, можно сказать, что начинается борьба между правительством и народом в лице оппозиционных элементов, борьба долгая и упорная, со многими жертвами людьми и деньгами, борьба, которая в конце концов оканчивается торжеством народа, его искренних стремлений к установлению жизни на истинных началах политической и гражданской свободы.

Такая же агентская телеграмма свидетельствует, что борьба эта молодым персидским парламентом уже начата.

В меджлис вносится запрос о неприглашении депутатов на торжество коронации шаха. Далее, последние сведения меджлиса носят бурный характер и ясно обнаружилось недовольство парламента нынешним министерством; в особенности нападкам подвергся министр таможен бельгиец Наус. Наконец, сильное возбуждение среди депутатов Персии производит предоставление шахом каждому персиянину права обращаться к нему по телефону по частным делам, причем обеспечивает получение ответа в течение суток: в этом меджлис усматривает желание подорвать авторитет народных представителей.

Останавливаясь на вопросе о таможнях, мы должны сказать, что у Персии, а теперь у ее представителей, очень много оснований и поводов быть недовольными бельгийцем Наусом: организованная им таможня преследует интересы иностранцев, но не персидского народа. Целая армия чиновников, привезенная г. Наусом, совершенно игнорирует интересы персидской торговли. Отсюда понятно все неудовольствие против введенных таможенных порядков, жалобы на которые часто раздавались при покойном шахе. Во всяком случае, достойно быть отмеченным, что этот один из наболевших вопросов обратил на себя внимание меджлиса, который, конечно, сумеет разрешить его в полном соответствии с интересами персидского народа и, в частности, персидской торговли.

Но не совсем для нас представляется понятным другое неудовольствие меджлиса, вызванное предоставлением шахом каждому обращаться к нему по телефону даже по частным делам.

К сожалению, телеграфное сообщение слишком лаконически говорит об этом факте. И быть может, предоставление этого права сопровождалось каким-нибудь грубым отношением к народным депутатам или вызвано каким-нибудь бестактным шагом со стороны того же персидского правительства. Только более подробное

ознакомление с обстоятельствами, сопровождавшими предоставление такого права сношений с шахом, в состоянии пролить свет и объяснить причину неудовольствия депутатов.

Но самое предоставление этого права шахом каждому персиянину нам представляется актом, который надо только приветствовать.

В этом акте мы видим желание шаха возобновить простые, естественные, человеческие отношения, которые в старину существовали на Востоке между монархом и населением: каждый подданный имел непосредственный доступ к царю, мог сам говорить о своем деле и тут же от царя выслушать решение.

Конечно, крайне усложнившиеся условия современной жизни не могут укладываться в простые рамки старинных отношений, но открытие доступа каждому гражданину к главе государства явление не только желательное, но и необходимое в государствах с конституционным строем.

В этом доступе мы видим не подрыв авторитета народных представителей, а напротив, поддержание авторитета и, в частности, тот корректив, какой дополняет деятельность народных представителей, физически и фактически не имеющих возможности интересоваться частными делами отдельных лиц.

Если каждый получит возможность по своим делам сноситься с главой государства, при условии, конечно, необходимой важности этого, и если в то же время народные представители будут в общих интересах государства осуществлять совместно с монархом законодательные функции, то получится тот открытый чистый путь между народом и царем, который один способствует тесному сближению между ними и вызывает на плодотворную совместную работу на пользу народа и царя, делает страну богатой, сильной и счастливой.

В этом смысле мы и хотим понимать предоставление шахом каждому права сноситься с ним по телефону, видя в нем, наряду с деятельностью народного представительства, уничтожение того средостения, в виде правящих, сословных и др. классов, которое так гибельно отражается на жизни народов.

* * *

Характер и порядок телеграфных сообщений, получаемых нами о событиях в Персии, невольно заставляет думать, что и в этом отношении наше официозное телеграфное агентство ведет свою линию... Казалось бы, кто больше, как не Россия должна находиться в курсе

всех перипетий той исторической драмы, которая разыгрывается в стране, связанной с нами столь важными и разнообразными интересами!

А между тем менее всего о событиях в Персии осведомлены именно в России. Единственный источник – Петербургское телеграфное агентство, которое в своих редких и лаконических сообщениях не дает даже приблизительного представления о том, что делается в соседней с нами стране. Мало того, сведения, передаваемые агентством, обыкновенно являются как deus ex machina, без всякой связи и освещения действительных фактов очень содержательной и поучительной персидской жизни.

Отсюда понятно, что подобного рода сведения, сообщаемые эпизодически, не производят должного впечатления и большинством читающей публики оставляются без внимания, как мало понятные, в особенности по сравнению с тем взглядом, какой установился у того же большинства вообще на Персию.

Так было, например, с депешей, напечатанной у нас неделю тому назад и сообщавшей, что шах согласился на признание ответственности министров, отделения администрации от суда и введения местного самоуправления. Из крайне скудных сведений агентства лишь можно было догадаться, что такому согласию шаха на установление важнейших конституционных гарантий предшествовала борьба упорная между персидским правительством и народным представительством. Полученная после телеграмма подкрепила это мнение, но все же не проливала света на происходящее в Персии.

Лишь помещенные в столичных газета сведения, заимствованные из английских органов печати, дают возможность представить себе картину событий, имевших место в крупных центрах Персии – Тавризе, Ширазе, Испагани, Реште и особенно в самом Тегеране.

Как мы и отмечали раньше, молодой персидский парламент, с первых же шагов смело выступивший в защиту интересов народа, неминуемо должен был начать жестокую борьбу с правительством, привыкшим самовластно распоряжаться страной, всячески игнорируя народные интересы в угоду своим преступным замыслам и планам, приведшим Персию к краю гибели.

И чем больше персидская бюрократия оказывала сопротивление в уступках парламенту, тем народное представительство все интенсивнее напрягало усилия, чтобы устранить главное препятствие, ставшее на пути к обновлению Персии на началах свободного, конституционного государства.

Хотя акт о введении конституции был подписан шахом, народные представители все же настаивали, чтобы шах издал особый фирман, в котором бы категорически объявил себя конституционным монархом с обязательством выполнить все требования конституции.

Такое требование меджлис предъявил на заседании 29 января и не расходился, ожидая все время фирмана шаха. В это время, пишет лондонская газета «Daily Mail», вся площадь перед зданием парламента была переполнена народом, ожидавшим ответа шаха. Никто не сомневался, что ответ будет утвердительный, и потому народ держался относительно спокойно. К вечеру шах оповестил меджлис, что он никаких дальнейших уступок делать не намерен, боясь, что в конце концов народ потребует от него республиканского правления, и упрекал меджлис в заносчивом образе действия. В подтверждение своего отказа шах выслал войска против толпы, наводнявшей площадь.

С момента получения этого ответа заседание меджлиса приняло бурный характер. Со всех сторон послышались угрозы насильственного свержения правительства. Говорили решительно все, не только члены меджлиса, но и успевшие проникнуть с улиц. Тут же был составлен циркуляр представителям иностранных держав, которым предписывалось, в обеспечение безопасности иностранцев при предстоящих беспорядках, немедленно выселить их из опасных кварталов города. В распоряжении революционного комитета имелись бомбы и сильная поддержка кавказских персов. Кроме того, был сформирован отряд кавалерии. Одним словом на лицо была форменная боевая организация. Положение становилось до крайности тревожным: слово «революция» у всех было на устах.

О таком положении дел в столице знали в других городах. В Реште, Испагани, Ширазе, Ардебиле и Тавризе говорили, что шах решил покончить навсегда с дерзким парламентом и что в этих видах приказал министрам не отвечать ни на какие запросы меджлиса. А в Тавризе была получена от одного из азербайджанских депутатов, проехавших через Баку, шифрованная депеша следующего содержания: «Шах как нельзя более стремится к прежнему деспотическому правлению, тегеранский парламент слаб отстоять данные свободы».

Подобного рода недобрые вести везде вызывали народные волнения, принявшие в Тавризе особенно резкие формы в виде устранения и ареста местного губернатора, захвата арсенала и учреждения временного правительства.

Меджлис лишь поздно вечером 29 января получил от шаха второй ответ, которым он «склонялся перед волею своего народа». Но народные представители, считая такой ответ вынужденным, пока не вышел фирман, в котором были перечислены 8 ответственных министров.

Таким образом, Персия приобрела столь важное право конституционного государства, как ответственность министров, бескровной революцией, только благодаря большой энергии и самоотверженной решимости народных представителей, избавивших тем страну от возможных человеческих жертв и той анархии, которая наступила бы в стране, если персидское правительство бы продолжало упорствовать в признании этого требования меджлиса.

И это упорство персидского правительства при нынешних условиях в стране представляется более чем странным. Неужели персидская бюрократия все ещё мечтает удержать за собой хотя бы частицу той власти, которою она так злоупотребляла на протяжении веков, выжимая все соки из несчастного персидского народа?.. Неужели она, эта прославившаяся своей продажностью и цинизмом бюрократия, не чувствует, что дни ее сочтены и что единственное для нее спасение – действовать хоть теперь в согласии с интересами народа, дабы тем несколько смыть лежащее на ней позорное пятно умышленных виновников всех бедствий исстрадавшейся Персии, если только возможно смыть чем-нибудь позор с такого рода людей.

И тем более непонятно такое отношение персидской бюрократии, что необходимость скорейшего введения конституционного строя сознается не только народными массами, но и высшим сословием, поставляющим обыкновенно рекрутов на все бюрократические должности. Мало того, даже часть принцев царствующей династии открыто заявляют о своей приверженности к новым порядкам.

Но, конечно, далеко ещё не все. В этом отношении весьма интересно сообщение корреспондента парижской газеты «Temps», которая интервьюировал целый ряд высоких лиц в Персии и... только в одном случае не встретил оптимистического взгляда на будущее конституционной Персии. И это случилось в разговоре с одним из персидских принцев. Вот как описывает свой разговор корреспондент названной газеты.

Принц сначала был сдержан: «Наша династия не создана для того, чтобы править таким образом. Я не хочу сказать ничего дурного о парламентском режиме, я даже признаю, что эта форма

правления очень хороша для Европы; но она непригодна для Азии. Что касается Персии, то думать о ней – абсурд. Это невозможно, совершенно невозможно».

Как раз при этом повышении тона сотрудник «Temps» рискнул что-то возразить, и персидский принц уже потерял власть над собой. Делая жесты, «словно нанося в воздухе удары саблей», принц выкрикивал: «...Умеренность? – Преступление, милостивый государь! Сумасшествие! Это восстание, говорю я вам...» (речь шла о недавних волнениях в Тегеране).

«Итак, персияне, – заканчивает корреспондент, – не боятся конституции, а принц сердится... Так было, так будет».

Весьма характерны заключительные слова французского корреспондента: он по опыту своей страны знает, что принцы всегда сердились, а народы – не боялись конституции...

И в Персии, конечно, «так будет». Это вполне естественно и согласно с историей!

И в то время как «принцы сердятся», в той же Персии парламент делает все более и более смелые шаги.

Меджлис уже приступил к законодательной деятельности и в первую очередь остановился на выработке правил для введения в городах самоуправления. Организация последнего поставлена, как можно видеть из последнего сообщения агентства, на широких началах и настолько, что избирательное право предоставляется также женщинам, которые передают голоса ближайшим родственникам. Это, конечно, большой шаг в признании прав женщины, которая в дальнейшей конституционной жизни страны приравняется по своим правам с мужчиной.

Но меджлис занят не только законодательными делами: он не может упускать из виду той в корне вредной для страны системы административного произвола и гнета, которая, собственно, и вооружила народ против правящих в Персии.

Теперь, слава Аллаху, есть несчастному народу к кому обратиться на притеснения местных деспотов. И вот тысяча персиян Хорасанской области из Асхабада просит меджлис защитить население от хищничества хорасанского губернатора, продающего за недоимки жен и дочерей жителей этой области.

Голос народа имел воздействие: губернатор уже смещен. Но этого мало; народные представители знают, что смещенный губернатор – это образец, по которому сшиты все остальные правители,

и что поэтому смещению, уничтожению в корне подлежит вся система управления Персии. Вот почему депутаты потребовали явки хорасанского губернатора в Тегеран. Они знают, что здесь, в столице, корень зла и что если опальный ныне губернатор продавал за недоимки обывательских жен и дочерей, то вынужден был так поступать: ведь он сам, этот губернатор – вечный недоимщик перед тегеранскими заправилами, которых надо кормить и всячески задабривать... Ведь ещё недавно этот самый хорасанский губернатор при назначении на должность уплатил Тегерану большую сумму денег, для возмещения которой он всячески и сдирал кожу с «вверенного» ему населения.

Меджлис в данном случае взял, что называется, быка за рога: надо сместить, устранить, уничтожить гнусную систему управления страной и тогда персидские губернаторы сместятся сами собой...

«Так было, так будет».

А.М.б. Топчибашев

Каспий. 1907. 26 января, 11 февраля.

Мусульмане на выборах

27 января 1907 г.

Все получавшиеся до сих пор сведения, касающиеся участия мусульман в выборах, свидетельствуют об их прогрессивном настроении.

И в Казанско-Волжском районе, и в Крыму, откуда пока имеются сведения о ходе выборов, в уполномоченные от земледельцев и волостей выбраны именно прогрессивные мусульмане.

Такого же направления будут, конечно, и выборщики, а затем и члены Государственной Думы из мусульман.

Это наше утверждение уже оправдывается: ещё во вчерашнем номере нашей газеты сообщалось по телеграфу из Казани, что от 20 волостей Казанского уезда прибыли все 39 уполномоченных для выборов 11 выборщиков; из числа уполномоченных было 18 русских и 21 мусульманин; после избрания 6 мусульман, уполномоченные русские оставили выборы – мусульмане довыбрали ещё 5 мусульман, и, таким образом, все 11 выборщиков мусульмане, и все избранные, как отмечает телеграф, прогрессисты.

В этом сообщении обращает на себя внимание факт оставления выборов уполномоченными русскими. Нам приходилось уже отмечать подобного рода случаи, имевшие место в губерниях Минской и др.: в избирательных округах с преобладанием поляков не участвовали на выборах русские, и наоборот, там, где большинство населения – русские, от выборов отказывались поляки. Несмотря на то, что такое отношение к выборам, как мы и говорили раньше, нельзя назвать правильным, все же приходится воздерживаться от комментирования таких явлений, ибо, несомненно, они вызываются неблагоприятно сложившимися условиями местной жизни, условиями, пока нам малоизвестными, но, как можно заключить по этим явлениям, не дающими пока возможности всем частям населения, несмотря на национальные, религиозные и др. группировки, действовать на выборах солидарно и совместными силами.

Об этом можно только сожалеть и выразить надежду, что в дальнейшем та же Государственная Дума, заключающая в себе предста-

вителей всех народностей России, подготовит почву, на которой и произойдет объединение всех частей населения во имя общегосударственных интересов.

И в таком отношении одной части населения к другой надо, конечно, видеть все гибельное последствие той ложно понятой русификаторской политики, которая играла роль одного из китов старого режима, осужденного самой властью.

Девизом такой политики было «старое и испытанное» начало Римской империи «divide et impera» – «разделяй и управляй», т. е. науськивай одну народность на другую, покровительствуй временно одной, преследуй другую, а затем перемени фронт...

Что же может быть безнравственнее такой политики?!.

Результаты ее, и результаты глубоко печальные налицо, особенно на окраинах, с иноверным, инородческим населением...

Отчужденность одной народности от другой, недоверие одной к другой – вот ближайшие прискорбные результаты, отзывающиеся и на таком, казалось бы, общем для всех деле, как отстаивание прав на свободную жизнь, одинаково необходимую всем народностям, одинаково составляющую предмет вожделений и стремлений всех и каждого в России.

Только отчужденностью и недоверием можно объяснить вышеприведенное сообщение о выборах выборщиков в Казанском уезде. Иначе трудно допустить, чтобы 18 русских не могли бы в таком важном деле сговориться с 21 мусульманином.

Вкравшееся в душу тех и других недоверие друг к другу, недоверие, культивированное антисоциальными порядками старого режима – вот что служит, обыкновенно и послужило в данном случае помехой к установлению и выработке общего соглашения.

И это где же? В Казани, насчитывающей целых три с половиной века присоединения к России и совместной с нею жизни.

Явления, вроде отмечаемого, показывают, что это была жизнь искусственная, державшаяся при помощи урядников и полчища чиновников всех рангов, в ряду которых в судьбе казанских татар и вообще мусульман всего Поволжья огромную и отрицательную роль играли чины церковного бюрократизма.

Миссионерская пропаганда в самых обширных размерах, не разбиравшаяся в средствах насильственного обращения мусульман в православие, уничтожение в корне малейшего проблеска самосознания мусульман к своим общественным, религиозным и

др. делам, гнет духовной цензуры пастырей казанской епархии над всеми книгами, брошюрами и учебниками не только религиозного, но и светского содержания и наряду с этим внешне импонирующая «школа для крещенных татар» в Казани – вот в чем заключалось содержание жизни этой злополучной области, бывшего Казанского царства, а три с половиной века...

Вся эта уродливая жизнь прошла в ожесточенном крестовом походе против казанских мусульман. Вдохновителем этого похода в последнее время был известный Н.И. Ильминский[284], действовавший под высоким покровительством бывшего обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева[285].

В рамках газетной статьи невозможно, хотя бы в общих штрихах, объять все перипетии жизни казанских мусульман, оказавшихся виновными в том, что они исповедуют магометанство и что в эту же религию, без всяких миссионеров, массами перешли и переходят языческие инородцы Северо-Восточной России: вотяки, остяки, мордва, черемисы и др.

И не только казанские татары, но миллионы киргизов и башкир обвинялись в том же «преступлении».

Чтобы не быть голословными, приведем из «Писем Н.И. Ильминского», изданных редакцией «Православного собеседника»[286], следующие слова, написанные им в 1888 г. на имя К.П. Победоносцева:

«В Уфимской губ. есть немало крещеных инородцев: татар, чувашей, мордвы, черемис и вотяков; есть и язычники из двух последних племен. Но магометанство и тут заполонило все, задавило численностью и влиянием.

В Белебеевском уезде есть несколько, даже очень много селений чувашских, это колонии из Казанской губ. и Симбирской; поселились они между башкирами и татарами назад тому лет 30, 40, 50, и уже сильно отатарились, а иные подпали и магометанскому влиянию. Язычники черемисы и вотяки Бирского уезда почти все сплошь решительно склонны к магометанству. И это не со вчерашнего дня, а издавна ведется, и это везде так делается, где инородцы соседят с татарами и магометанами».

Вывод напрашивается сам собой: всему мешают магометане и их надо преследовать...

И преследовали как нельзя лучше, забывая, что в принятии язычниками-инородцами магометанства, без миссионеров, широко развитой религиозной пропаганды, хороших школ и больших

денежных средств со стороны местных мусульман, повинными никак не могли быть последние. Да где им было заниматься религиозным прозелитизмом, когда от воздвигнутого похода они не знали, куда им самим деваться!

Все это повело к тому, что в Казанской губернии и во всем Поволжье между мусульманами и русской частью населения образовалась глубокая пропасть; из-за миссионеров и чиновников первые не знали и не видели русских, русского общества, которое, несмотря на свое православие, одинаково испытывало на себе все удары старых порядков. Миссионеры и чиновники этого режима приучили считать их за всех русских, за все русское общество. А это последнее никогда не протестовало против такого самозванства, никогда не протягивало руки и не убеждало мусульман, что они введены в умышленное заблуждение и не должны отождествлять самозванцев с тем русским обществом, которое, домогаясь для себя политических, гражданских и религиозных прав, желает того же всем народностям России, в том числе и мусульманам.

И вот плоды – отчужденность и недоверие.

Было бы большой ошибкой объяснять факты из жизни мусульман на выборах, вроде имевшего место в Казанском уезде, не результатами вышеприведенной политики, а национальной или религиозной нетерпимостью мусульман.

Это было бы большой ошибкой, так как выборы в первую Думу могут свидетельствовать об обстоятельствах, исключающих какую бы то ни было нетерпимость со стороны мусульман.

Прежде всего, в той же Казанской губернии из 9 членов Государственной Думы мусульман было только трое, русских 6; кроме того, от города Казани депутатом был также русский проф. Шершеневич. Таким образом, при большом числе выборщиков мусульмане все же дали предпочтение русским.

Но особенно такое отношение мусульман проявлено было в Уфимской губ., население которой в подавляющем количестве мусульмане. Более трех четвертей выборщиков были мусульмане, и последние могли провести из мусульман всех 10 членов в Государственную Думу от Уфимской губернии, но четыре места они сами предоставили русским.

Это предоставление произошло на почве соглашения, что свидетельствует о том, что начинает прорываться стена, которая отделяла мусульман от остальной части населения.

И мы не сомневаемся, что в такого рода соглашения мусульмане войдут только с группами и партиями прогрессивного направления; в этом нас убеждают исход выборов в первую Думу, состав и краткая деятельность образовавшейся в Думе мусульманской парламентской фракции[287] и те сведения, которые до сих пор нами получены об участи мусульман в выборах.

К этим вопросам мы ещё вернемся.

А.М.б. Топчибашев

Каспий. 1907. 27 января.

К выборам

28, 30 января, 1, 2, 4, 8–10, 13–15, 18 февраля 1907 г.

Вторая стадия выборов – избрание выборщиков – в полном разгаре и понятно, что сведения, касающиеся группировки выборщиков, обращают на себя внимание.

В сведениях этого рода уже легче ориентироваться и не только потому, что количественно число выборщиков значительно меньше, но и по той причине, что телеграфное агентство, надо это признать, теперь старается сообщать сведения, более приближающиеся к истине. Да и неудобно официозу продолжать прежние приемы подсчета теперь, когда уже документально установлено, что все сведения о ходе выборов уполномоченных от мелких землевладельцев, крестьян и рабочих сообщались уездными корреспондентами губернскому корреспонденту, который делал свою сводку и группировку выбранных уполномоченных по их политическим убеждениям. При этом выяснилось, что в уездах корреспондентами агентства состоят частные лица, а в губерниях по преимуществу лица с официальным положением.

Хотя эти указания ещё более усиливают недоверчивое отношение к агентским сведениям и ими приходится пользоваться с прежней осторожностью, но, дополняя их данными из телеграмм столичных газет, можно уже составить представление о том, как проходят выборы выборщиков.

На основании полученных в последние дни из разных источников сведений можно с уверенностью сказать и доказать с цифрами в руках, что на избирательных собраниях городов, где происходили выборы выборщиков, везде прошли в преобладающем числе левые, начиная с Партии народной свободы.

То же самое и ещё с большей безошибочностью можно утверждать и относительно избирательных собраний с участием представителей рабочих, давших везде выборщиков из крайних левых.

Сдержаннее пока приходится говорить о выборщиках от крестьян, но эта сдержанность, объясняемая пока отсутствием точных

данных и продолжением выборов во многих местах, нисколько не умаляет нашего прежнего утверждения об оппозиционности настроения крестьян.

Указывая на это обстоятельство, имеющее в общем решающее значение, мы отмечали также и то, что выборщикам из крестьян более, чем остальным их товарищам по выборам, надо воздерживаться от огласки и обнаружения политических убеждений.

Приводившиеся нами во множестве сведения из столичных газет не оставляют сомнения в той опасности, какой угрожала во многих местах избирателю, а тем более выборщику из крестьян его явная принадлежность к одной из левых партий.

Вот почему в числе выборщиков «умеренных» и беспартийных мы видим много крестьянских выборщиков, которые только в самой Думе обнаружат свою принадлежность к определенной партии, как это и было после первых выборов.

Если города, крестьяне и рабочие, в общем дают выборщиков из прогрессивных элементов, то землевладельческие собрания выбирают по преимуществу из правых и, кажется, более всего из «октябристов». Этот консервативный элемент, чающий пользоваться правами и привилегиями «благородного» сословия, действовал также и на первых выборах , но его представители особой роли в первой демократической Думе не играли. Лучшими их представителями были в Думе гр. Гейден и Мих. Стахович[288], тогда ещё ярые октябристы, а ныне лидеры мирнообновленцев, но и эти «благородные» свидетели выборгской трагедии (оба они были в Выборге после роспуска Думы, и только они двое баллотировали из всех присутствовавших против «Выборгского воззвания») не скрывали в Думе своих симпатий ко многим бюрократическим приемам тогдашнего министерства.

Таковы общие соображения о ходе выборов за последние дни.

Соображения эти находят подтверждение даже в данных телеграфного агентства. Последний сводный бюллетень агентства помещен во вчерашнем номере и содержит в себе сведения о выборах выборщиков по 25 января. Из этого бюллетеня видно, что по указанное число включительно выбрано всего 2336 выборщиков на съездах уполномоченных от волостей, гмин, землевладельцев городских избирателей и рабочих. Из этого числа 559 монархистов и примыкающих к ним, 414 умеренных, 870 левых, 230 беспартийных и 146 выборщиков неизвестной партийности.

Таким образом, даже взятые в таком виде, как приведены в агентском бюллетене, цифры левых и правых не оставляют сомнения в том, на чьей стороне будет перевес. Если даже всех «умеренных» отнести к правым, что, конечно, будет не только натяжкой, но и грубой ошибкой, то все же более половины уже выбранных выборщиков из левых. Бюллетень совершенно умалчивает об остающихся 217 выборщиках, которые не названы, вероятно, потому, что все они относятся к крайним левым, подтверждение тому находим в телеграмме столичных газет.

Данные этих газет содержат еще характерную особенность, которая отмечалась печатью и на первых выборах. Это почти поголовная принадлежность представителей отдельных народностей к оппозиции и, во всяком случае, к элементам прогрессивности.

Просмотрите печатаемые сегодня данные из столичных газет и вы увидите, что избранные в выборщики татары, евреи, греки, эстонцы, латыши, даже черемисы и чуваши, словом, все инородцы принадлежат к прогрессистам. Исключение составляют немцы-колонисты, но они к «инородцам» не относятся и занимают исключительное положение, и, вероятно, ввиду этого выбирают всех правых. Впрочем, в Алуште наряду с прогрессистами, крымским татарином, греком и евреем попал немец, тоже прогрессист. Вот в Феодосии избран уездный кадий – прогрессист, и в Свияжском уезде от волостей выборщиком выбран мулла Якубов – беспартийный прогрессист. О настроении инородцев-латышей можно судить из того факта, что на многолюдном избирательном собрании был освистан бывший депутат от города Риги Фридрих Гросвальд[289], в Думе примыкавший к конституционным демократам, а теперь значительно поправевший. Устранив за это бывшего депутата, латыши провели в выборщики доктора Платта, латыша, принадлежащего к левым.

Мы уже не говорим о выборщиках по Тифлисской и Кутаисской губерниям, давшим, как у нас сообщалось, в подавляющем количестве выборщиков из крайних левых – преимущественно социал-демократов и социал-федералистов, сторонники которых оказались настолько сильны, что забаллотировали, например, в Поти такого видного грузинского общественного деятеля, как потийский городской голова Николадзе[290].

Сведений о выборщиках в других губерниях Закавказья пока нет, ибо почти все выборы выборщиков начинаются как раз с сегодняшнего дня, как и у нас в Баку.

В некоторых уездах Бакинской губернии, в Геокчайском и др., в выборщики прошли также прогрессисты.

Будем надеяться, что такими окажутся и выборщики по гор. Баку.

* * *

Последние полученные столичные газеты особенно полны сведениями о небывалых притеснениях и карах, которым подвергаются в провинции все прогрессивные элементы, иначе смотрящие на свои обязанности гражданина, чем это полагается по циркулярным понятиям агентов местной власти.

После прочтения подобных сведений прямо становится непонятным, как ещё у людей хватает сил и энергии продолжать действовать, участвовать в выборах, всячески агитировать...

Только особая внутренняя сила, сила идеи за счастье родины, за жизнь миллионов братьев, жаждущих мира, света и свободы, только такая моральная сила в состоянии заставить человека неустанно идти по намеченному пути с твердой верой, что путь этот, несмотря на все свои нынешние тернии, завершится торжеством правды и свободы.

Поистине могуча, бесстрашна, непобедима эта сила!

Только руководимые этой путеводной звездой местные прогрессивные элементы находят силы и возможность противостоять натиску, мало того, настоящему походу, с которым агенты власти и покровительствуемые ими черносотенные организации во многих местах пошли на них.

Когда читаешь отчаянные, душу раздирающие картины, при которых происходили выборы во многих местах, то не хочется верить, что мы накануне второй Государственной Думы, что у нас вообще есть какая-нибудь Дума и даже акт 17 октября. Сообщения корреспондентов, описывающих такие картины, это – крики отчаяния наболевших душ. Прочтите любое из них и получите удручающее впечатление. Вот, например, и на выдержку сообщения корреспондентов «Руси»: 1) из Чернигова: «Вопреки распоряжениям и обещаниям председателя Совета министров, предвыборная деятельность в Чернигове невозможна... Происходят обыски, аресты, высылки лиц, работающих в пользу прогрессивного списка. Преследуются собрания даже нескольких лиц, в особенности подозреваемых в принадлежности к Партии народной свободы. 21 января полиция явилась в частный дом, где находились два гостя, обошла всю квар-

тиру, заявив, что должна посмотреть, не происходит ли собрания. Избиратели, благодаря этим условиям, обречены по полное молчание и бездеятельность, за исключением принадлежащих к Союзу русского народа»; 2) из Киева: «...Из разных мест края идут известия о вопиющем поведении черносотенцев и полиции. В Черкассах "союзники" рвут бюллетени левых, угрожают насилием, полиция арестовывает сотрудников беспартийного бюро. Население терроризировано».

И таких сообщений множество. На предвыборных собраниях из словаря вычеркивались «ненавистные» названия, особенно напоминавшие о Партии народной свободы, о голоде, Гурко – Лидвале и др. На одном собрании присяжный поверенный Маклаков[291], предвидя, что собрание закроется чином полиции, начал речь с конца: «Имея в виду то и то, надо выбрать прошлогодних выборщиков». Во многих местах принято за правило скрываться всем, вносимым в списки выборщиков. А как происходят выборы в деревне, можно видеть из образчика, приводимого ниже в отделе «Обзор печати» в письме крестьянина.

Но что особенно чувствительно – это устранение от выборов видных русских деятелей общественных, литературных, публицистических. Недовольно было привлечения за подписание «Выборгского воззвания», изъявшего из обращения лучшие силы, особенно Партии народной свободы, за эти семь месяцев бездумья не осталось, кажется, сколько-нибудь видного имени, над которым не висла бы грозная 129 или близкая к ней статья Уголовного Уложения. Профессора М. Ковалевский, П. Милюков, Гусаков[292], Кузьмин-Караваев, писатель Короленко[293] – вот какие люди отрываются от участия в народном деле! Их участие надо считать за честь, надо гордиться ими, пользоваться их познаниями и талантом, а всего больше искренней любовью к родине, к счастью России!

И этого было мало: сегодня телеграф принес известие, что привлекается к суду весь состав правления Народно-социалистической партии[294], в числе которых такие почтенные имена, как писатели Тан[295], Мякотин[296] и др.

И чуть ли не каждый день приходится повторять с грустью:

Умер прославленный Патрокл[297],

Жив презренный Терсит[298]!

Единственное утешение, что это смерть телесная, что «умирает» тот или другой деятель, но живет идея, царит дух, который на мес-

то «пораженного» посылает нового ратника из бесстрашных рядов народной армии, всегда бодрой, не знающей отступления, всегда побеждающей.

Этому непобедимому гению обязаны результатами выборов и всем тем, что так поддерживает бодрость духа всех прогрессивных элементов.

Вот некоторые проявления этого духа, принесенные вчерашними газетами. Из Казани [в газету] «Русь» телеграфируют: перед съездом мелких землевладельцев и настоятелей церквей уезда всем сельским священникам была разослана консисторией бумага, в которой духовенству под угрозой денежного штрафа предлагалось не уклоняться от выборов на съезде и голосовать за желательных консистории кандидатов.

В одном селении уезда состоялся предварительный неофициальный съезд священников, чтобы наметить желательных кандидатов в выборщики. Расчеты консистории, однако, не оправдались, и в выборщики духовенство провело кандидатов прогрессивного направления. Кандидат правых благочинный Черкасский баллотировался три раза и был забаллотирован. Давление консистории в деле выборов производит на лучшую передовую часть духовенства удручающее впечатление.

В этом сообщении, пожалуй, можно найти ключ к объяснению той активной деятельности, которую проявляют на выборах сельские батюшки. В нем же и объяснение того, какое значение имеют для исхода выборов те тысяча священников, о которых передавало телеграфное агентство, сообщая о ходе выборов уполномоченных от крестьян и особенно мелких землевладельцев.

Другое сообщение той же газеты не менее поучительно. Оно касается бывшего члена Думы, представителя от гор. Екатеринослава Способного[299], который в Думе являлся сторонником старых порядков. Надо думать, что избиратели мало знали г. Способного с этой стороны, иначе его и не выбрали бы, как не выбрали теперь. Вот что сообщается о г. Способном:

«Известный Способный, считая свою кандидатуру в Екатеринославе безнадежной, пытался пройти выборщиком в Новогеоргиевске, Херсонской губ. На собрании, созванном там черносотенцами, консервативно настроенные старообрядцы с негодованием отвергли кандидатуру Способного, но, встреченный шумом и угрозами, вынужден был под охраной полиции удалиться».

Если так смогли поступить «консервативно настроенные старообрядцы», то можно себе представить весь гнев не консервативных избирателей. И здесь совершенно оправдалась поговорка: что посеешь, то и пожнешь.

Да, теперь уже не приходится сомневаться, что, вопреки уверениям официозов; избиратели значительно полевели. И в этом убеждают продолжающие поступать сведения о ходе выборов выборщиков. Согласно помещаемому в сегодняшнем номере сводному бюллетеню, по 28 января избрано съездами уполномоченных от волостей, гмин, землевладельцев, городских избирателей и рабочих всего 4532, из которых монархистов 1161, умеренных 719, левых 1825, беспартийных 319 и неизвестных по партийной принадлежности 194.

Сверх этих данных; агентство приводит также процентное отношение каждой из этих категорий по отдельным избирательным куриям.

Как мы понимаем значение этих категорий читателям известно: мы убеждены, что пока во всем перевес на стороне прогрессивных элементов.

То же самое явление мы отмечали и говоря о выборах в нашем крае. Относительно Западного Закавказья и сейчас можно безошибочно сказать, что в Думу пройдут представители социал-демократов. В этом ещё раз убеждают результаты выборов в гор. Кутаиси, где прошли преимущественно крайние левые. Из числа последних и называют уже кандидатов в члены Думы, а именно: Ир. Церетели[300] и Б. Мдивани[301]. По сообщению газеты «Закавказье», своим радикализмом оба они далеко оставляют за собой бывшего депутата Кутаисской губ. Рамишвили[302]. Кроме того, уездные выборы от земледельцев в Кутаисское губернское избирательное собрание дали трех выборщиков также из социал-демократов.

Северный Кавказ пока дает тоже только представителей левых: в Екатеринодаре, Ставрополе и Новороссийске в выборщики прошли левые, то же во Владикавказе и в Грозном, причем во Владикавказе местный отдел «Союза русского народа» обратился в Петербург с телеграфным ходатайством об отмене выборов 21 января и назначении новых.

В губерниях Елисаветпольской, Эриванской и др., а также в Баку выборы выборщиков происходили 28 января, но сведений пока нет.

* * *

Чем дальше, тем больше сведения о ходе выборов выборщиков свидетельствуют о перевесе прогрессивных элементов. Уже каждый день получаются телеграфные сообщения, которые не оставляют места сомнениям о составе и строении, которое явится преобладающим во второй Государственной Думе.

Об этом же говорит и сегодня полученная телеграмма, делающая подсчет по 31 января. По этот день включительно на съездах уполномоченных от волостей, гмин, станиц, землевладельцев, городских избирателей и рабочих избрано всего 5528 выборщиков. Из этого числа: 1345 монархистов, 833 умеренных, 2330 левых, 432 принадлежат к национальным партиям, 359 беспартийных и 227 неизвестной партийности.

Таким образом, если даже всех умеренных присоединить к правым, то и то перевес остается на стороне левых, число которых составляет, по вычислениям телеграфного агентства, 42 процента. Но если иметь в виду, что к левым надо отнести почти всех принадлежащих к национальным партиям, а также огромную часть беспартийных и неизвестной партийности, то процентное отношение вообще левых выборщиков будет значительнее 42. Мало того, по данным столичных газет, число выборщиков из прогрессивных элементов на этих выборах превышает в общем это число на прошлогодних выборах.

Различие замечается лишь в группировке выборщиков по партиям: в то время как на первых выборах большая часть выборщиков была из сторонников Партии народной свободы, в этом году левые сильно дифференцируются по партиям. Так, в общем числе всех выборщиков по 31 января агентство насчитывает из 2 330 594 кадетов, 257 эсдеков.

Оставляя эти исчисления на ответственности агентства, должны констатировать, что в настроении избирателей произошла перемена именно в сторону полевения. И это ещё более говорит об оппозиционности состава второй Думы. Как известно, агентство левыми считает партии, начиная с мирнообновленцев; последних вообще приходит на выборы мало и, следовательно, левые, за исключением кадетов, принадлежат в количестве 1700 к партиям: социал-демократов, социалистам-революционеров, народных социалистов, трудовиков, Крестьянскому союзу и др. При этом, за исключением курий землевладельцев, и то крупных, все остальные дают по пре-

имуществу левых, а городские избиратели и рабочие почти исключительно выбирают левых. Их же много дают и съезды уполномоченных от крестьян, но пока от выводов приходится воздерживаться ввиду невыясненности принадлежности большинства крестьянских выборщиков, так поспешно включаемых агентством в разряды умеренных и беспартийных.

Выше мы отнесли к левым всех принадлежащих к национальным партиям. Не только первая Дума служит подтверждением этого, но и теперешние выборы дают возможность утверждать это почти безошибочно. Мы уже приводили примеры, что все заявившие себя националистами, помимо особых задач, ими преследуемых для своих наций, по политическим убеждениям должны быть отнесены к прогрессистам.

Сведения о ходе выборов на Кавказе свидетельствуют о том же. Сначала на Северном Кавказе, затем в Кутаисской губ. выбраны левые, а в Кутаисской губ. – социал-демократы, социал-федералисты и лишь местами социалисты-революционеры.

По последним полученным сведениям в выборщики из социал-демократов прошли почти все в Батумской обл. Далее, выборы в Тифлисе тоже дали перевес партии социал-демократов: из 81 выборщика 28 января избраны 55 социал-демократов. И 26 дашнакцаканов, причем последние имели успех лишь в 5 и 7 участках, а в остальных 8 участках города Тифлиса прошли почти все социал-демократы, даже в 6 участках избраны 2 мусульманина тоже из социал-демократов. Отсюда понятно, что выборы в Госдуму от города Тифлиса, как и от всей Тифлисской губ., дадут представителей этой же партии. И в Тифлисе уже намечены в кандидаты гг. Арч. Джапаридзе[303], Н. Рамишвили и Шаумян[304].

Сведения о выборщиках доходят и из губерний Восточного Закавказья. Но, прежде всего, сведения эти не полны, а самое главное – нельзя пока определить принадлежность выборщиков по их политическим убеждениям. То же самое было и в прошлом году. Причина та, что в общем, среди мусульманских масс дифференциации по политическим убеждениям ещё нет, и поэтому группировки избирателей пока происходят вокруг имен популярных и сильных по местным условиям деятелей. Но в то же время нельзя не отметить, что изменение к лучшему нынешних порядков общественно-государственной жизни составляет общее желание мусульманских масс.

Закончились выборы в Баку; избрано 53 выборщика из мусульман, а из остальных – 21 социал-демократ, 4 кадета и 2 беспартий-

ных. Из мусульман огромное большинство прошлогодние выборщики, которых можно отнести к беспартийным прогрессистам, но, конечно, не всех; кроме того, есть в числе мусульман и социал-демократы.

* * *

Истекшую неделю можно считать особенно благоприятной по результатам выборов: каждый день приносил сведения о все увеличивающемся количестве выборщиков из прогрессивных элементов. Особенно такого рода утешительные сведения получаются по результатам выборов на городских съездах, дающих, как и рабочие курии, выборщиков преимущественно из левых.

Моральное значение этого факта неимоверно большое и не только потому, что исходя из него можно уже заключить о вероятном составе второй Государственной Думы; факт этот знаменует собой объединение лучших элементов русского общества для совместной борьбы с осужденным строем России. Это – наиболее яркое выражение неудовольствия и протеста против порядков старого режима и в то же время ясно высказываемое желание установления и упрочения в стране обшественно-государственного строя на началах гражданской и политической свободы.

С этим фактом должно считаться и правительство, и все политические партии, вся страна, даже весь мир, потому именно, что в нем мы воочию видим проявление сознания всей умственной, мыслящей России, выступающей теперь в виде городских избирателей.

Сейчас это – соль земли, отражающая на себе все лучшие идеи и идеалы, указующие пути к народному счастью, руководящая судьбой страны.

История и опыт народов показывают, что как бы малочислен ни был этот руководящий элемент, в нем, как в фокусе, сосредоточивается обыкновенно весь ход общих событий, подобно тому как ум заправляет всеми членами человеческого организма.

В факте содержания перевеса на съездах городских избирательных выборщиков из прогрессивных элементов мы видим мнение лучшей, передовой, сознательной части русского общества, и это заставляет сердце каждого желающего добра России биться радостью, ликующе.

Значит, эта часть народа настроена явно недоброжелательно против гнусных вожделений вернуть Россию вспять и ее решение изменить строй жизни на началах политической и гражданской свободы – бесповоротно.

Она, эта наиболее сознательная часть народа, проявила такое свое решение на выборах в первую Думу, проявляет его и теперь, несмотря на удесятеренное число репрессивных мер, лишающих прогрессивные элементы в городах свободного участия в выборах.

Но тем больше чести для городских сознательных элементов, если они и при большем обилии всякого рода предвыборных стеснений сумели добиться перевеса над реакционными элементами.

В этом отношении особенно приятно было сообщение вчерашних телеграфных сведений о победе прогрессистов в целом ряде городов внутренней России: Вильно, Екатеринославе, Саратове, Ярославле, Воронеже и др.

Но особенно достойно быть отмеченным происходившее 28 января на выборах в Москве.

Надо ли говорить о высоком моральном влиянии на всю Россию голоса Москвы, этого наиболее выдающегося умственного, общественно-политического и экономического центра страны.

Достаточно припомнить, что Москва дала первому русскому парламенту председателя С.А. Муромцева и что все ее избранники – покойный М.Я. Герценштейн[305], приват-доцент Ф.Ф. Кокошкин и И.Ф. Савельев[306] играли в первой Думе видную роль.

Но ещё до выборов и местная печать, и сообщавшиеся из Москвы сведения говорили о возможном перевесе на выборах правых элементов. Некоторый успех последних на выборах выборщиков по Московской губ. ещё больше усилил опасения. К тому же все оппозиционные партии, в том числе и Партия народной свободы, были поставлены в очень неблагоприятные условия: всевозможные стеснения подготовительных собраний, запрещение печатать избирательные воззвания, списки кандидатов в выборщики, неразрешение какой бы то ни было агитации в самый день выборов – вот что сопровождало выборы 28 января. Последне полученный номер «Русских ведомостей» рисует такую картину этих отныне памятных выборов. «По всем избирательным участкам они проходили без всякого оживления. Нигде не было никакой агитации, и всякая попытка в этом отношении немедленно прекращались полицией. Угрюмо избиратели входили в помещение избирательных комиссий, подавали свои бюллетени, и тотчас же расходились. Почти нигде не было заметно, даже вне помещений комиссий, каких-либо групп избирателей, вступавших в беседу, так как все такие группы, даже самые незначительные, по предложению полицейс-

ких властей, должны были расходиться. У каждого избирательного участка стояли большие наряды полиции с винтовками в руках, зорко следившие за тем, чтобы где-либо на улице не велось агитации. Эти наряды размещены были на большом протяжении около помещений для избирательных комиссий, так что чины полиции могли замечать агитаторов не только у входа в здания, где производились выборы, но и в соседних переулках. Агитаторы обыкновенно размещались по углам улиц и в переулках, в некотором отдалении от домов, где происходили выборы, но в таких пунктах, около которых направлялись избиратели в комиссию. Члены полиции скоро замечали таких агитаторов при передаче ими избирательных бюллетеней или воззваний разных партий и тотчас же их арестовывали. Наряды полиции находились также во дворах и внутри зданий, отведенных для выборов. Городовые, околоточные, помощники приставов стояли в вестибюлях зданий, по лестницам и коридорам. Высшие чины полицейских участков входили иногда в помещения, где проводилась проверка документов избирателей на право их участия в выборах, и в помещения, где выдавались избирателям бланки избирательных бюллетеней. В помещения же, где стояли избирательные урны, старшие чины полиции хоть и могли входить на короткое время, но по распоряжению градоначальника воздерживались от этого и могли пользоваться таким правом только в исключительных случаях».

Мы с умыслом сделали эту большую выдержку, чтобы тем ярче оттенить поразительные результаты московских выборов.

А результаты эти действительно блестящие: в городское московское избирательное собрание для выборов четырех членов Государственной Думы полагается 160 выборщиков. Все 160 выборщиков избраны из Партии народной свободы и именно те, которые были указаны в списках этой партии. И не только были избраны, но кадеты почти во всех 17 избирательных участках получили абсолютное большинство голосов. Например, по Тверскому участку за кадетов минимум было подано 1700 голосов, а за октябристов максимум 707 голосов.

Итак, где же эти всевозможные предвыборные притеснения? Где «октябристы» с запевалой своим Гучковым во главе? Где остальные «союзники», громившие на своих предвыборных собраниях кадетов-крамольников, этих «изменников», совершивших подписанием «Выборгского воззвания» «бесчестный поступок»?!.

Нет, Москва в лице лучших своих людей не согласилась с такой несправедливой оценкой кадетской партии и ее представителей в первой Думе и тем всей остальной России, всему миру доказала, что такого мнения держится лишь очень незначительная часть москвичей, введенных в заблуждение горстью лиц, действующих в интересах сохранения своего привилегированного положения.

Выборы 28 января в Москве показали, на чьей стороне правда, а главное – чего, каких реформ и порядков хочет образованная Россия.

Эти выборы, подняв ещё больше нравственный престиж Партии народной свободы, убеждают, что именно эта партия взяла правильный тон и что путь, намеченный ею, действительно приведет к народной свободе.

Этим и надо объяснить неуспех на московских выборах не только правых, но и крайне левых партий. Блок последних с кадетами не состоялся и здесь, и Партия народной свободы в Москве действовала исключительно своими собственными силами.

Москва дает четырех депутатов в Думу, и эти депутаты из Партии народной свободы сумеют в Думе явиться истинными выразителями своих избирателей, доказавших, что они на будущее своей страны имеют строго определенный взгляд.

Результаты выборов в Москве, нет сомнения, отразятся на устойчивости выборов в остальных городах России и в том числе Петербурге. Не состоявшийся и в столице империи блок крайних левых с кадетами, после московских выборов, не должен внушать опасений: петербургские избиратели проникнутся в такой же степени необходимостью сознательного отношения к своему делу, как и на прошлых выборах.

Что же касается до нашего Кавказа, то большинство городов в крае – Тифлис, Кутаиси, Батум, Владикавказ, Новороссийск, Екатеринодар – дали прогрессивных выборщиков, а некоторые даже всех крайних левых.

На те же местности, где ещё не было выборов выборщиков, результаты московских выборов окажут свое влияние.

* * *

Сегодня во всех губерниях и областях Кавказского края происходят выборы членов в Государственную Думу.

Сегодня весь наш край, все народности Кавказа должны дать свой ответ на серьезный, важный вопрос, поставленный для всей России в роковой день 9 июля прошлого года.

Сегодня и наш Кавказ должен высказаться, какую он хочет Думу и в каком направлении и духе должен быть изменен нынешний общественно-государственный строй, осужденный самой властью.

На долю всего края нашего приходится 28 депутатов, из них 8 выбирает Северный Кавказ, а 20 посылает в Думу Закавказье: 8 – Западное и 12 – Восточное Закавказье.

На ком остановит сегодня свой выбор наш Кавказ?

Вопрос этот, конечно, касается не личности тех, кто сегодня будет избран в депутаты, а их политического кредо, их направления и взглядов на будущее страны, с одной стороны, и на святые, но тяжелые и ответственные задачи народного представителя, с другой стороны.

Теперешние выборы не могут и не должны быть рассматриваемы, как обыкновенные выборы представителей в парламент. Эти выборы имеют гораздо большее значение, чем первые. И такое значение обусловливается событиями крайней важности, создавшимися в России самим фактом роспуска первой Думы и всем тем, что имело место за время семимесячного безумия.

Нам приходилось уже говорить о том, что положение населения и, в частности, выборщиков было более устойчивое и менее тревожное на первых выборах, чем сейчас.

Тогда все находились под обаянием наступления «весны», все хотели верить, что солнце свободы, выглянувшее 17 октября, несмотря на темные мрачные тучи, его скоро окутавшие, все же покажется во всей своей упоительной красе, согреет страну и поведет народ по тому славному, хотя и тернистому пути, который для всех народов завершился строем жизни на истинных началах гражданской и политической свободы.

Правда, и тогда существовало это мучительное для мыслящего существа несоответствие между словом и делом, между обещаниями и неотразимыми фактами русской действительности, но, увлеченные надеждой на скорое наступление лучшего будущего, все были склонны объяснить это резкое противоречие пережитком ненавистной старины, осужденным порядкам которой будет, думалось, положен конец, как только соберется народное представительство.

Опьяненные страстным желанием получить свободу, мы отгоняли от себя всякую мысль, вселявшую сомнение, что не все элементы в стране могут считать свободу – благом. Не допускали, чтобы среди единодушного хора, воспевавшего день наступления этого блага, голоса темных сил могли иметь значение злого гения, накликавшего на исстрадавшуюся страну столько бедствий и горя...

Напротив, хотелось думать и верить, что все факторы русского государства ясно сознали необходимость коренного изменения существующего строя и что население и правительство в этом спасительном сознании пойдут и должны пойти рука об руку, чтобы совместными силами обновить сгнившие устои общественно-государственной жизни.

Все значение выборов, вся цель создания выборного законодательного учреждения – все, казалось, свидетельствовало о созданной необходимости совместной работы на пользу установления и развития в стране новых порядков.

С другой стороны, назначение выборов в Думу, относительная свобода выборной агитации и самый созыв Думы в назначенный срок – 27 апреля также говорили о твердом намерении правительства приступить к коренному переустройству существующих порядков совместно с народным представительством. А так как манифест 17 октября провозгласил начало, что никакой закон не может в Российской империи воспринять силы без обсуждения Государственной Думы высшее государственное учреждение, пользующееся правом инициативы законов и положением, каким пользуются парламенты в государствах с представительным образом правления.

Так смотрело на Думу огромное большинство выборщиков на первых выборах и так поняла свою роль первая Государственная Дума. Ни у выборщиков и ни у избранных депутатов тогда не было опыта, который мог бы служить указанием, как само правительство представляет себе роль и значение Государственной Думы.

Этот опыт теперь уже имеется и в нем заключается вся разница теперешних выборов с первыми.

Эта разница порождает новый вопрос, которого не было раньше, который игнорировался или не замечался на первых выборах, вопрос о самом народном представительстве в России, о той форме, в какую это представительство должно вылиться у нас, вопрос о дальнейшем его существовании.

Таким образом, на очередь, и притом на первую, ставится кардинальный вопрос будущего строительства страны – о характере отношений между народным представительством и правительством и, в частности, об ответственности министерства.

Вот что составляет отличительную черту настоящих выборов: в них есть та определенность задачи, которой недоставало первым выборам. И в этом все важное значение выборов, которым необходимо проникнуться выборщикам и кандидатам в члены Государственной Думы. И

тем и другим не надо забывать до последнего момента выборов, что, совершая сугубо ответственный акт участия в деле строительства всей страны, они тем самым сегодня приступают к разрешению судьбы нашего Кавказа. И те и другие должны понимать, что, помимо общего хаотического состояния, отразившегося и на нашем крае, Кавказ имеет свои специальные недуги, излечение которых немыслимо без деятельного и близкого участия представителей всех народностей, объединенных в широко представленном органе самоуправления края.

Поистине исторически важные, серьезные и ответственные задачи, для которых, помимо нравственных качеств, нужно знакомство с краем, искренняя преданность его интересам, соответствующие познания и силы.

В общем, наш край не обойден людьми: в нем найдутся подходящие кандидаты. Можно только сожалеть, что цензовое начало, положенное в основу выборов, с одной стороны, и состояние народного просвещения – с другой, служат большим препятствием к правильному распределению проходящих кандидатов. Особенно последнее обстоятельство – неравномерное распространение просвещения в отдельных частях Кавказа – влияет на возможность большого и лучшего выбора.

В этом отношении в более выгодных условиях находится Северный Кавказ, и особенно, Западное Закавказье, имеющее возможность, благодаря сравнительном обилию интеллигентных сил, посылать в Думу образованных людей. Так, из 8 депутатов Западного Закавказья с высшим образованием в первой Думе было 5 и 3 со средним. В числе же депутатов Восточного Закавказья с высшим образованием было тоже 5 депутатов, но зато были и с низшим образованием и даже «просто с домашним образованием».

Вообще, в Восточном Закавказье отсутствие большого контингента подходящих кандидатов на выборах особенно дает себя чувствовать. Но в этом, конечно, не виновато население. Напротив, население этой части нашего края, состоящее по преимуществу из мусульман, задерживалось в своем просвещении теми искусственными мерами, которые в видах обрусительной политики на протяжении целого столетия применялись под руководством общей администрации края кавказским учебным начальством.

Исходя в своих мероприятиях из вероисповедного взгляда, в силу которого мусульмане являлись лишь терпимыми, администрация края поощряла всякое невежество среди мусульман, и если основывались для них школы, то с единственной целью заставить их забыть

свой язык и веру. Никакие школы, ни светские, ни тем паче духовные, ни мужские, ни женские, приноровленные к духу и потребностям мусульман, не разрешались. Мало того, в то время как другие народности в крае располагали целым рядом просветительных и благотворительных учреждений, легально разрешенных, для мусульман все это было запретным плодом. В глазах властей они были не подданными русского государства, наравне с другими несшими повинность и платившими налоги, а лишь «мусульманами», «фанатиками»!..

При таком положении нельзя, конечно, требовать от масс, ещё вчера не имевших благотворительного общества, определенной политической платформы и удивляться, что мусульмане на выборах выступают в огромном большинстве в бесцветной роли «беспартийных»... Мы говорим в огромном большинстве, так как есть и были случаи выступления мусульман с определенной программой. К сожалению, это пока редкие случаи, это небольшие кружки мусульманской интеллигенции. Но сила пока не на их стороне...

В этом отношении из всех местностей Восточного Закавказья в лучших условиях находится Елисаветпольская губерния. Прежде всего, эта губерния дает самый большой процент образованных мусульман. Но что самое важное, здесь нет несоизмеримой разницы между представителями общества по их материальным достаткам и поэтому образованными мусульманами пользуются не как нужной рабочей силой, а как советниками и даже руководителями. Оттого престиж последних здесь стоит выше, они действуют поэтому более сплоченно. Правда, нужда в заработке разбросала мусульманскую интеллигенцию по разным местам края, но население само призывает образованных представителей своих в необходимых случаях.

Так и сейчас в Елисаветполь съехались образованные мусульмане, живущие по служебным делам в разных местах, но избранные в выборщики по своей губернии. Благодаря этому, в числе выборщиков по Елисаветпольской губ. 89 человек с высшим образованием, из которых, мы уверены, и выберут двух членов в Государственную Думу от этой губернии.

В менее благоприятных условиях в этом отношении находятся другие провинции Восточного Закавказья. Условия эти, составляющие результат так или иначе сложившихся обстоятельств местной жизни, дают свою окраску таким событиям, как выборы.

Но каковы бы ни были эти условия, мы надеемся, что Восточное Закавказье, как и другие части нашего края, сегодня окажется на

высоте своей задачи и, помня все важное значение нынешних выборов, пошлет в Думу депутатов, искренно преданных делу народной свободы и готовых для этого святого дела не щадить своих сил.

* * *

День 6 февраля был начальным пунктом последней стадии выборов в Государственную Думу.

В этот день многие губернии внутренней России и в их числе наш Кавказ были призваны дать ответ на вопрос, поставленный всему русскому народу в роковой день 9 июля прошлого года.

На долю таких местностей, которые должны были высказаться 6 февраля, приходится почти около двухсот депутатов, т. е. около 40 процентов всего состава Государственной Думы.

Сегодня телеграф сообщил нам о результатах выборов. Сведения эти пока неполны, равно как не могут быть приняты как абсолютно точные и по тому обозначению, которое дается избранным относительно их группировки по политическим убеждениям.

Тем не менее сведения эти дают возможность сделать заключение об общем направлении выборов в Государственную Думу, а следовательно, высказаться, с одной стороны, о настроении населения и, в частности, выборщиков, а с другой стороны, о составе второй Думы.

По первоначальному подсчету, произведенному на основании данных телеграфного агентства, пока нами полученных, избрано 176 членов Госдумы; из них принадлежность к тем или другим политическим партиям отмечена относительно 166 депутатов.

Конечно, обычные ошибки и неточности телеграфа в связи с торопливостью сообщений должны быть приняты во внимание и в данном случае.

Из них 166 депутатов правых, начиная от правопорядцев-монархистов и кончая октябристами, всего мы насчитали 35 депутатов. В это же количество, хотя и с натяжкой, включены 7 депутатов националистов и 8 беспартийных.

Остальные 131 депутат новой Думы состоят из левых, причем кадетов 29, левых беспартийных 18, трудовиков 11, социал-демократов 19, социалистов-революционеров 1, крайне левых 15 и др.

Вывод напрашивается сам собой и вытекает из тех соображений, которые мы не раз приводили в предыдущих наших статьях в подтверждение того положения, что за время после разгона первой Думы в течение 7 месяцев не произошло ничего такого, что могло бы оправдывать изменение настроения избирателей и дать резуль-

таты иные, чем на первых выборах. При этом мы отмечали и теперь утверждаем, что по обстоятельствам, имевшим место в период бездумья, всякое изменение в настроении населения могло и должно было произойти в пользу ещё более настойчивых проявлений безусловного изменения нынешнего, осужденного самой властью строя на действительных началах гражданской и политической свободы.

Это именно то явление, которое на парламентском языке называется «полевением», усилением оппозиции.

Результаты первого дня выборов свидетельствуют именно об этом явлении, служа началом подтверждения мнения столичной прессы о том, что вторая Государственная Дума по составу своему будет левее первой.

Оставляя окончательный вывод об этом вопросе до полных и точных результатов всех выборщиков, из коих последние назначены в Петербурге на 16 февраля, отметим пока отдельные факты, ярко говорящие в пользу приведенного мнения.

Особенно разительным из таких фактов представляются результаты выборов по Московской губернии. Что сама Москва дала всех четырех депутатов из Партии народной свободы, это было ясно после небывалой победы, одержанной этой партией 28 января, когда все 160 выборщиков от города Москвы оказались кадетами. Но, признаться, нельзя было ожидать, чтобы от губернии Московской прошли также левые. Напротив, все сведения, получавшиеся о результатах выборов, говорили будто о перевесе правых и главным образом октябристов. К тому же вся правая печать не допускала и мысли, что столбовое дворянство губернии первопрестольной столицы могло дать дорогу левым и в доказательство указывала на чуть ли не единогласное постановление московского дворянского собрания об исключении из сословия за «бесчестный поступок», выразившийся в подписании «Выборгского воззвания», такого видного общественного деятеля и ученого, как бывший член Думы Ф. Ф. Кокошкин.

Но оказалось, что вся сила дворян только в их узкосословных привилегиях и интересах, искусственно поддерживаемых отжившими свой век учреждениями. И судя по Московской губ., можно ожидать таких же результатов выборов и в остальных губерниях, считающихся по старой памяти еще «дворянскими».

Далее, нельзя не отметить, что некоторые избирательные округи, города и губернии, пославшие в первую Думу умеренных или даже правых, как, например, город Екатеринослав, теперь подали свои го-

лоса за депутатов левых. Причем в числе избранных уже есть случаи избрания в члены Государственной Думы лиц, даже сейчас отбывающих наказания по приговорам администрации. Так, по Тверской губ. избран трудовик Толмачевский[307], находящийся в ссылке, а по Терской обл. – известный доктор Горбунов[308], кадет, тоже находящийся в административной ссылке, которому временный генерал-губернатор Колюбакин[309] не разрешил приехать во Владикавказ даже на выборы.

Есть также и обратные явления: города, давшие в прошлом году левых депутатов, теперь поправели. Сюда относятся: Киев, избравший депутатом чигиринского епископа Платона[310]; Казань, посылающая теперь проф. Капустина[311], лидера октябристов. Но только города, так как нет ни одной губернии такой категории: почти все депутаты от крестьян – левые. К таким же городам относятся Вильно и Кишинев. В последнем избран «знаменитый» Паволакий Крушеван[312] на радость «союзников»...

Во многих местах выбор пал на бывших членов первой Думы и, конечно, на тех из них, кои ещё уцелели от 129 и др. статей Уголовного Уложения.

С чувством особенного удовлетворения отмечаем избрание таких видных депутатов первой Думы, как проф. Вл. Дмитр. Кузьмин-Караваев и присяжный поверенный Родичев, оба от Тверской губ. и принадлежат к кадетской партии. Первый из них известен как докладчик первого законопроекта Госдумы об отмене смертной казни. Второй – Фед. Изм. Родичев в первой Думе был одним из приятных ораторов, производивший всегда впечатление на Думу. Оба они были и будут видными деятелями Думы.

Весьма подходящими к ним товарищами, взамен «пораженных Выборгским воззванием» видных лидеров кадетов, будут депутаты от города Москвы и Московской губ.: проф. Кизеветтер, присяжные поверенные Маклаков и Тесленко[313], земцы Головин[314] и Челноков[315] и др.

Переходя к выборам на Кавказе, должны отметить ту же неполноту сведений: пока неизвестны результаты выборов от Эриванской губ. и Карской и Батумской областей.

Что же касается до остальных местностей, то результаты выборов, за малым исключением, оправдали наши ожидания. Пока известно, что Закавказье дало 8 социал-демократов (гор. Тифлис – 1 и губерния – 3, Кутаисская губ. – 3 и Бакинская губ. – 1), 3 кадетов (Елисаветпольская губ. – 2 и Бакинская губ. – 1), 2 левых (Дагестанская обл.), 1 дашнакцакан (Елисаветпольская губ.) и беспартийного правого (гор. Баку).

Таким образом, из 15 пока выбранных закавказских депутатов 14 левых и один правый.

На Северном Кавказе, в областях Кубанской и Терской, избрано: 4 кадета, 1 прогрессист и 1 монархист-демократ (?), как сказано в агентской телеграмме относительно депутата от казаков Терской области.

Окончательные выводы о кавказских депутатах мы сделаем после получения сведений о результатах всех выборов. Пока же отметим, что выборы на Кавказе до сих пор дали 8 депутатов-мусульман: 7 – Закавказье и 1-Северный Кавказ. Эти 8 депутатов-мусульман распределяются по политическим убеждениям так: 1 социал- демократ, 4 кадета, 2 левых и 1 беспартийный правый.

В числе избранных кавказских депутатов 3 бывшие члены Госдумы: социал-демократ Церетели (Кутаисская губ.), конституционный демократ Эльдарханов[316] (Терская обл.) и конституционный демократ Бардиж[317] (Кутаисская обл.).

Об образовательном цензе выбранных депутатов сейчас мы не имеем точных сведений обо всех, но считаем долгом указать, что, как мы и предсказывали, Елисаветпольская губерния остановила свой выбор на мусульманах с высшим образованием: оба депутаты от мусульманского населения этой губернии Фатали Хан Хойский[318] и Халил бек Хасмамедов[319] с высшим юридическим образованием, и в этом отношении они будут, как видно, единственными из числа мусульманских депутатов нашего края.

Наконец, укажем ещё на выборы от Бакинской губ. депутата Зейнала Зейналова[320], принадлежащего к социал-демократической партии. Это пока первый пример открытого вступления социал-демократа-мусульманина и тем более заслуживает быть отмеченным. Насколько нам известно, г. Зейналов является кандидатом крестьянской части выборщиков бакинского губернского избирательного собрания. Если принять во внимание, что в числе выборщиков, помимо крупных помещиков из беков, были двое с высшим и двое со средним образованием, то выборы Зейналова нельзя не считать основанными на осознанной крестьянами необходимости защиты их интересов депутатом из их же среды.

Если это наше предположение верно, то мы выражаем радость по поводу того, что мусульманское крестьянство начинает сознательно относится к своим интересам.

Сообщаемые сегодня телеграфные сведения о результатах выборов в Государственную Думу отличаются сбивчивостью, лишающей

возможности делать по ним хоть грубый подсчет. Укажем хотя бы на данные, относящиеся к выборам в Саратовской губ. По распределению числа депутатов от этой губернии в Думу посылается 10 членов и один от города Саратова, между тем телеграф сообщает имена более 20 лиц, избранных будто от Саратовской губ. Очевидная ошибка, которая скоро и будет исправлена телеграфом.

Воздерживаясь поэтому от подсчета и распределения избранных депутатов по их политическим убеждениям, отметим сведения, сообщаемые телеграфным агентством.

Как видно из сегодняшнего сводного бюллетеня, 6 и 7 февраля происходили выборы в 56 (36?) губерниях и областях и 15 городах с отдельными представителями. В этих местах, по сведениям агентского бюллетеня, пока избрано 275 членов Государственной Думы, из коих монархистов 36, умеренных 27 (из них 17 октябристов), левых 163 (47 кадетов, 31 социал-демократов и социалистов-революционеров, 20 трудовиков и 17 беспартийных левых), националистов 43 (народовцев 35, дашнакцаканов 3), неизвестной партийности 1 депутат.

Таким образом, и только что приведенные данные официозного телеграфного агентства подтверждают те соображения, которые мы приводили раньше и высказали во вчерашней статье о составе второй Государственной Думы.

По классификации агентства мы имеем пять главных групп, на которые делятся избранные депутаты по их политическим убеждениям: монархисты, умеренные, националисты, неизвестной партийности и левые. Если даже взять количество всех первых четырех категорий, составляющих 107 депутатов, то и в таком случае перевес пока на стороне левых, избранных в количестве пока 163. Но, конечно, в таком подсчете мы сделали большую передержку, так как в общее число 36 монархистов и 27 умеренных мы включили и 43 националиста, как принадлежащих будто к правым элементам.

Нам приходилось говорить об ошибочности этого мнения и ссылаться на националистов в первой Госдуме, где они в преобладающем числе действовали в рядах прогрессивных элементов.

Это были представители разных национальностей и политическая физиономия их наиболее выделялась на заседаниях парламентского «Союза автономистов»[321], но не в самой Думе, в которой за все 72 дня ее вынужденно короткой жизни не было ни одного проявления на национальной почве, что делает честь представителям национальностей, сознававших, что первые шаги народного

представительства должны были быть направлены на разрешение общих для всех народностей России вопросов общественно-государственного строительства.

Зато на заседаниях «Союза автономистов» было ясно, что наиболее оппозиционно к старому строю жизни настроены именно националисты.

Конечно, сюда не относятся те из националистов, которые в своей узконациональной тенденциозности, имели в виду удовлетворение национальных нужд ценою хотя бы полной гибели остальных наций. Это уже тот скверный национализм, который ведет к исключительности и нетерпимости, вливающей пагубный яд недоверия во взаимоотношения между отдельными нациями. Таких в «Союзе автономистов» не было, и, во всяком случае, в Думе мы их не видели. Но мы были свидетелями того моря слез и жалоб, которое образовалось на одном из заседании «Союза автономистов» из бесхитростных сообщений представителей разных народностей о преследованиях их национального языка. Поляк и мордвин, латыш и армянин, литовец и грузин, малоросс и татарин – все соединились в один хор, протестовавший против искусственных мер, которые принимаются в целях удержания развития национального языка, без всякой пользы и даже в явный ущерб языку русскому, необходимость знания и изучения которого, как общегосударственного языка, признавалась представителями всех национальностей.

И в целом ряде других вопросов большой важности проявлялось явно оппозиционное направление этих представителей, что и дает нам право сказать, что депутаты, составляющие, по терминологии агентства, группу националистов, должны быть относимы в преобладающем числе к элементам левым, оппозиционным. И отсюда было бы правильным из всех пока избранных 275 депутатов считать левых 206 и только 69 правых и примыкающих к ним.

Переходя к другим сведениям сегодняшних телеграмм, должны отметить, что особое усердие, которое появлялось агентством в детальных данных о тысячах священников-уполномоченных, разбивается в большинстве случаев о настроение населения, которое из духовных лиц останавливает свой выбор на сторонниках прогрессивных элементов. Так, по губерниям Оренбургской и Волынской избраны в депутаты священники из левых. И не только христианское духовенство, но и магометанское выделяет из своей среды духовных лиц указанной категории: в той же Оренбургской губ. и

в Уфимской губ. избраны в депутаты муллы и оба кадеты. Мало того, в Самарской губ. избран лично нам хорошо известный мулла Атласов[322], который агентством неправильно отмечен лишь прогрессистом, так как этот весьма красноречивый и образованный мулла ещё на Третьем Всероссийском съезде мусульман[323] открыто заявил себя ярым сторонником социал-демократической партии и высказался против принятия на съезде политической программы, близкой к программе Партии народной свободы.

Депутата духовного звания дала и Люблинская губ., избран от так называемой Холмской Руси преосвященный Евлогий[324] и это уже, после Киева, второй случай избрания в депутаты епископа.

Останавливают на себе внимание также выборы от Донской области: если в первой Думе от этой области были такие реакционеры, как депутат Васильев[325], то во второй Думе от этой области будут депутатами: 2 кадета – Харламов[326] и Араканцев[327], бывшие члены Думы, 5 левее кадетов, 1 социал-демократ и 1 беспартийный левый. И что особенно надо отметить, так это то, что из 9 депутатов восемь донские казаки. А в Черниговской губ., кроме 4 депутатов из кадетов избран ещё бывший старшина и казак, принадлежащий к социалист-революционной партии. Их этой же партии избран депутат от Ставропольской губернии – ветеринарный врач Небовидов[328].

Из наиболее видных деятелей, прошедших в Думу, отметим известного присяжного поверенного Пергамента[329], избранного депутатом от города Одессы. Избрание кадета в Одессе тем более надо отметить, что в этом городе поле предвыборной агитации было предоставлено исключительно «союзникам», которые, после разгрома конторы местного комитета Партии мирного обновления, сделались до того смелыми, что в своих воззваниях угрожали всем левым, особенно из евреев, если они даже явятся на выборы.

Сообщаемые сегодня сведения о дальнейших результатах выборов в нашем Закавказье совсем разнятся от вчерашних сведений.

От Эриванской губернии избраны: армянской частью населения гг. Сагателов[330] и Тигранов[331], оба дашнакцаканы и от мусульман Мамед Ага Шахтахтинский, правый.

Если иметь в виду, что елисаветпольские армяне свой выбор остановили также на дашнакцакане (г. Аветисов[332]), то, следовательно, в Думе армяне будут представлены четырьмя депутатами, из коих 3 дашнакцаканы и 1 социал-демократ (от гор. Тифлиса).

Как мы уже отмечали, из 8 депутатов мусульман Закавказья и Северного Кавказа 7 левых и 1 правый. Эриванские мусульмане дали ещё одного депутата правого, и, таким образом, сейчас мы имеем 7 левых и 2 правых депутатов из кавказских мусульман.

Сведений о выборах в Карской и Батумской областях ещё нет.

* * *

С чувством нравственного удовлетворения отмечаем сегодня новую победу прогрессивных элементов, о которой сообщает телеграф.

Мы говорим о выборах выборщиков в Петербурге, происходивших 7 февраля. Умственный и политический центр страны не отстал от первопрестольной столицы и с такой же, как и Москва, самоотверженной решимостью выступил выразителем мнения передовой, лучшей части русского народа в вопросе о будущем общественно-государственном строительстве страны.

И население Северной Пальмиры, подобно москвичам, дало свои избирательные голоса прогрессивным элементам. Из 160 выборщиков избрано: кадетов 150, левого блока (социал-демократы и др.) 9 и октябристов 1.

Таким образом и в Петербурге 7 февраля повторилось то, что имело место в Москве 28 января. Столица обширной империи родственно откликнулась на зов старшей сестры, доказавшей, что она, действительно, сердце России.

Раздавшийся с берегов Невы сочувственный отзвук наполнит сердца искренно любящих свое отечество и желающих России добра с великой радостью.

В этих здоровых и чреватых последствиями петербургских откликах слышится мощный голос всей страны, всего в ней лучшего и живого, раздающийся теперь во всеуслышание, как спасительный набат, призывающий всех граждан русских на святое дело обновления родины.

И хотя результаты выборов членов в Государственную Думу уже теперь не оставляют сомнений относительно ее состава, то выборы 7 февраля в Петербург, подобно московским, имеют глубоко моральное значение, которое, конечно, учтется всей страной как могучий нравственный фактор в правоте того направления, которое стремятся дать государственному кораблю прогрессивные элементы.

Город Петербург посылает в Государственную Думу шесть депутатов, и, конечно, отмечаемое нами значение выборов не в том,

что три четверти всего состава Думы из левых получат ещё шесть левых же депутатов. А в том это значение, что такой умственный, промышленный, а главное – политический центр, как столица империи, высказывается за определенное общественно-политическое направление, по которому должно идти предпринятое коренное изменение порядков страны, как по пути, наиболее правильному.

Как и выборы в Москве, петербургские выборы воочию убеждают, что прогрессивными элементами взят верный тон и что избранная ими дорога пока единственная, которая в состоянии установить в стране жизнь на истинных началах гражданской и политической свободы.

И на этих выборах Петербург, как и подобает столице, остался верен лучшим идеалам и смело высказался, как и на первых выборах, за определенное направление в деле отстаивания народных интересов.

В первой Думе от гор. Петербурга депутатами были: профессора Н.Т. Кареев[333] и Л.И. Петражицкий[334], приват-доцент В.Д. Набоков, присяжные поверенные М.М. Винавер[335] и Е.И. Кедрин[336] и известный земец М.И. Петрункевич. Все они известны как общественные деятели, принимающие живое участие в литературе и публицистике. Все они видные члены кадетской партии и в первой Думе играли весьма выдающуюся роль. Но из шести первых петербургских депутатов от «Выборгского воззвания» уцелел лишь проф. Кареев. И теперь Партия народной свободы выставляет от Петербурга следующих лиц: Гессена И.В., присяжного поверенного, Кутлера Н.Н.[337], известного экономиста, Струве П.В.[338], редактора «Освобождения»[339], Родичева Ф.И., присяжного поверенного, Ковалевского М.М., проф., и отца Григория Петрова[340]. Шестое место партия предоставила рабочему, по указанию выборщиков рабочих.

Перечисленные лица были кандидатами кадетской партии до последнего времени, причем проф. Ковалевский и о. Петров не входят в эту партию и выставлены как беспартийные, что, конечно, делает честь кадетам. Оба названные кандидата занесены в проскрипционные списки неблагонадежных: проф. Ковалевский вычеркнут из списков избирателей по гор. Петербургу, а о. Гр. Петров подвергся опале духовных властей.

Но в самые последние дни в составе кандидатов кадетской партии произошли изменения: г. Родичев прошел в депутаты от Твер-

ской губ., а проф. Ковалевский, как сообщает сегодняшний телеграф, представителями от университетов и Академии наук в члены Государственного Совета. Что же касается до о. Петрова, то, ввиду состоявшегося постановления Синода о ссылке его на послушание в Череменецкий монастырь, трудно сказать, уцелеет ли этот просвещенный пастырь от кары. Следовательно, пока остаются кандидатами кадетов в Петербурге гг. Гессен, Кутлер и Струве.

Во всяком случае, несмотря на поражение от «Выборгского воззвания», особенно опустошительно отозвавшегося на кадетах, у последних хватит ещё сил послать во вторую Думу депутатов, которые, мы уверены, будут играть такую же, как и первые петербургские депутаты, роль.

Нельзя не обратить внимания и на другие данные, которыми сопровождает агентство свое сообщение о петербургских выборах. Само, отмечая победу кадетов, агентство затем старается как бы умалить значение этой победы. Оказывается, что в одном районе «кадеты победили октябристов большинством лишь 200 голосов и «при условии соглашения октябристов с правыми кадетами были бы разбиты»; а в другом районе «левые провели целиком свой список, получив большинство перед кадетами» и т.д.

«При условии»!

Ведь если говорить об «условиях», то справедливость требует, чтобы, прежде всего, отметить условия, при которых кадеты принуждены были на этот раз идти на выборы... Агентство скорбит о том, что не было соглашения октябристов с правыми, и в этом сетовании мы находим мысль нововременского Столыпина, который после московских выборов взывал к патриотизму правых, приглашая их действовать солидарно с октябристами. Наши читатели знают, какой пренебрежительный ответ получили октябристы от правых устами своего органа, «Русского знамени», с негодованием заявивших, что они не желают «вытаскивать Союз 17 октября из трясины, в которой он захлебывается».

Так для чего агентству понадобилось вновь соединять октябристов Гучковых, Столыпиных с графиями Апраксиными[341] и князьями Щербатовыми[342]?

Ведь в выборном деле важны результаты не одного, а всех районных выборов. Само же агентство отмечает общее количество избирательных купонов, поданных за кадетов и октябристов и достаточно говорящих о настроении преобладающей части населения.

А эта часть населения в общем, как показывают результаты выборов членов Государственной Думы, настроена оппозиционно и посылает в Думу депутатов в огромном числе из левых.

Из печатаемого сегодня сводного бюллетеня видно, что по 67 губерниям и областям и 17 городам с отдельным представительством пока избрано 364 члена Думы.

Из них: 58 монархистов, 34 умеренных, 43 националистов, 1 неизвестной партийности и 228 левых.

При этом из 58 правых собственно монархистов 27, правых 17 и беспартийных правых 14. Всего правых и умеренных (октябристов с примыкающими к ним 19) 92.

Таким образом, левые составляют почти три четверти избранных пока депутатов.

Без изменения остается последняя категория, в которую относятся члены неизвестной партийности. В этой категории был и остается пока только один депутат, продолжающий по известным ему соображениям держать в секрете свою партийность.

Из результатов выборов на Кавказе сегодня сообщается о выборах в Батумской обл. Как передает телеграф, здесь баллотировались двое: бывший член Думы отставной генерал-майор князь Шервашидзе[343] и кандидат социал-демократической партии рабочий Канделаки[344]. Специальные корреспонденты тифлисских газет сообщают, что кн. Шервашидзе забаллотирован, а по данным агентства, оба они получили одинаковое число голосов, но жребий, который был брошен, решил дело в пользу г. Канделаки, социал-демократа. И, таким образом, число закавказских депутатов из социал-демократов увеличилось ещё одним, выражаясь теперь цифрой 9.

Кстати, исправляем ошибку, допущенную со слов агентства нами во вчерашней статье: от Кутаисской губ. в депутаты избран не бывший член Думы Семен Церетели[345], а Ираклий Церетели, с высшим образованием, известный грузинский литератор, также принадлежащий к социал-демократической партии.

Из областей нашего края, о которых еще нет сведений, остается одна Карская область.

* * *

Наиболее блестящим, выдающимся моментом настоящей выборной кампании был и остается день выборов в Москве.

Мы уже говорили об этих выборах и о том глубоко моральном

влиянии, какое они имели и имеют на всю Россию. Тем не менее мы все-таки возвращаемся к этому вопросу и делаем это под неотразимым впечатлением всего того, о чем нам сообщили последне полученные московские газеты.

Вывод, который естественно вытекает из сообщений местных органов печати, тот, что, помимо своего влияния на ход выборов в остальной России, помимо выражения безусловной победы прогрессивных элементов над реакционными, московские выборы свидетельствуют о той благодатной почве, которая создалась здесь для полного расцвета спасительных начал конституционного строя жизни.

Чреватое великими последствиями, это явление свидетельствует, прежде всего, о наличии здесь тех серьезных сознательных сил в народных массах, без которых немыслима никакая деятельность на почве политического развития. И как показывают факты, политическое самосознание масс в Московском районе пустило настолько глубокие корни, что дает возможность местному населению относиться весьма здраво к вопросам об общественно-государственном строительстве России.

В частности, вполне осмысленное отношение к выборам в Государственную Думу говорит о том, насколько население созрело для самостоятельной политической жизни. Для этого населения выборы не побочное и пока сомнительное дело, а дело важное и серьезное, от которого зависит судьба, дальнейшее «быть или не быть» всей страны. Оттого и выборы здесь носили не случайный характер, а строго логический, последовательный и находящийся в тесной связи со всей той школой, которая приучила население политически мыслить и действовать.

Для такого населения, политически развитого, нет имен, не существует личностей; для него важны не отдельные лица как таковые, на какой бы ступени общественного положения они ни стояли, а нужны и важны их идеи, мировоззрения и направления.

Население усвоило себе политический идеал и неукоснительно стремится к достижению этого идеала. Если оно пришло к сознанию, что при данных условиях русской жизни начала, выставленные Партией народной свободы, соответствуют политически общественным нуждам и требованиям страны, то население становится в ряды этой партии и выступает под ее знаменем. И отсюда естественно, что его избранники в Думу могут быть только приверженцы

этой партии. Кандидат другого направления, будь он семи пядей во лбу, не может рассчитывать на сочувствие такого населения. И это вполне естественно, вполне понятно: нельзя поклоняться сегодня одному Богу, а завтра другому; нельзя считать своим избранником сегодня либерала, а завтра консерватора, ибо такое отношение является лучшим показателем отсутствия какой бы то ни было политической подготовленности.

Вот почему нам дорог пример Москвы, вот почему мы на нем так долго останавливаемся. Все слои населения здесь были проникнуты не только величием и ответственностью момента, но особенно сознанием необходимости продолжать начатое год тому назад дело. Все чувствовали, что этими выборами на их разрешение поставлен вопрос о правоте или ошибочности их действий на первых выборах. Все понимали, что отрицательный ответ был бы признанием неправильным того направления, которому они верили и верят, того мировоззрения, которого придерживались и придерживаются. Словом, для всех было ясно, что такой ответ означал бы полное крушение тех святых идеалов народной свободы и счастья, которые ими так долго, бережно и искренно лелеялись, во имя торжества которых было затрачено столько сил и энергии, принесено так много жертв.

Эти соображения и легли в основание выборных действий московских избирателей, так победоносно завершив начатое ими раньше дело.

Эти же соображения и были темой всех речей и обмена мыслей, происходивших на банкете, устроенном в честь избранников народа после выборов. И здесь, на многочисленном собрании москвичей, красной нитью проходила та преемственная связь, которая сохранилась между выборами в первую Думу и настоящими. Фактически выражением связи были первые члены Думы от Москвы во главе с ее представителем С.А. Муромцевым. Они, эти первые избранники, занимали центральное положение на банкете. Он, бывший председатель Думы С.А. Муромцев, заговорил первый и от лица первопрестольной поздравил новых избранников. В своей речи он выразил уверенность в том, что тот дух неуклонной твердости, постоянства и дисциплины, который характеризует Партию народной свободы, и в будущем даст ей возможность стоять во главе русского политического движения по пути к достижению свободы и народного блага. С.А. Муромцеву отвечал новый депутат от Москвы проф. А.А. Кизеветтер. Отметив крепкую веру народа в конечное большинс-

тво дела свободы, оратор закончил такими словами: «Политическое рабство не вытравило у народа способности к политической самодеятельности. Это доказала вся работа первой Государственной Думы. Чтобы ни говорили ее порицатели, она, по признанию всех беспристрастных и сведущих людей, явилась перед лицом цивилизованного мира настоящим европейским парламентом. Наша вера в народ будет укреплять нас в минуты сознания ограниченности своих личных сил. Я подымаю бокал за великий русский народ и его светлое будущее; я подымаю бокал за первую Государственную Думу как яркую выразительницу политических дарований нашего народа; я подымаю бокал за присутствующего среди нас председателя этой Думы Сергея Андреевича Муромцева!»

Ещё более сильные речи, захватывающие за живое, бодрящие и вдохновляющие, были произнесены на банкете другими членами Думы от Москвы: кн. П.Д. Долгоруковым[346], Н.В. Тесленко, бывшим членом Думы Ф.Ф. Кокошкиным и др. И все они взывали к продолжению работы, начатой в первой Думе, которая одна приведет народ к свободе, даст России спокойствие и в то же время мощь, счастье и богатство. Особенно резко отмечалось, что настал момент, когда должна окончательно обрушиться стена, отделяющая до сих пор «барина» от «мужика». «По роду моей деятельности – сказал кн. П. Долгоруков, – я знаю, как далеки мы от него и он от нас, но сегодня я чувствую, я знаю, что страна эта рушится, и я повторяю слова одного из первых кадетов, кн. С. Н. Трубецкого, сказанные им царю 6 июня 1905 г. Вы, государь, не царь дворян, не царь мещан и крестьян, вы – царь русских граждан. Поднимаю бокал за единый русский народ! (Громовые аплодисменты). Затем, господа, я призываю к защите Думы. Институт выборщиков должен остаться. Вы должны собираться, вы должны поддерживать живую связь между собой, вашими избирателями и вашими депутатами. В этом – залог будущего Думы и России!»

Оратор имел основание говорить, что стена между «мужиком» и «барином» рушится. Событие того же 6 февраля давало наилучшее в этом доказательство. В этот самый день в Москве происходили также выборы и в Московской губернии.

Исход выборов мог внушать опасения, огромное большинство выборщиков было из крестьян, а в числе остальных преобладали дворяне-аграрии. А ведь известно, что московские помещики – это в большинстве случаев аграрии из аграриев, не идущие дальше октябристской программы. Как сообщают московские газеты, они

прибегли к разным средствам, чтобы заполучить крестьянские голоса. А когда это им не удалось, то объявили крестьянам, что все дворяне-выборщики дадут свои шары крестьянам, если последние согласятся провалить... кадетов. Крестьяне не согласились и выбрали видных деятелей этой партии в Москве известных земцев Ф. Гейсвина[347] и М. Челнокова; кроме них ещё двух крестьян гг. Кимрякова[348] и Афанасьева[349] и двух рабочих гг. Губарева[350] и Марева[351].

А как смотрят сами крестьяне на отношение к ним «барина», на значение Думы – об этом заявил в своей речи на том же банкете только что названный депутат от крестьян А.Е. Кимряков в таких словах:

«Господа! Всю жизнь, с тех пор как я начал сознавать, от чего происходят беды нашей родины, я сознательно боролся за освобождение ее от гнета самовластия чиновников. Меня отрывали от работы, меня заточали в тюрьму, но я твердо верил в то, что мы добьемся свободы. В России не должно быть крестьян и баринов, чиновников, фабрикантов и рабочих, должны быть одни русские граждане. За это будем мы стоять, будем бороться и не уступим в борьбе».

Единственной черточкой, омрачившей это идейное торжество, было отношение к выборам со стороны представителей рабочих. Как известно, московские выборщики от рабочих, отказались от выборов после того, как Партия народной свободы, из членов которой были все 160 выборщиков, не согласилась из четырех депутатских мест уступить рабочим два места. Выборщиков от рабочих было 19 человек. Все они удалились из зала заседания и при этом подали председателю особую записку, в которой высказали резкое порицание Партии народной свободы. Представители этой партии объясняли, что в прошлом году партия уступила рабочим одно место, так как рабочие бойкотировали вообще Думу и желательно было в Думе их представительство. Теперь же рабочие организации выступали самостоятельно и до выборов никакого соглашения, подобно прошлогоднему, с рабочими заключено не было; при том же рабочие выбрали своих представителей в других местах.

О происшедшем, конечно, надо только сожалеть. Но необходимо в то же время сказать, что интересы рабочих и вообще трудовых классов в первой Государственной Думе, руководившейся кадетской партией, всегда принимались близко к сердцу и вызывали должное сочувственное отношение. Кроме того, в Петербурге та же партия и на этих выборах из шести депутатских мест одно предоставила представителю рабочих.

Не имея всех данных за и против, мы воздерживаемся от заключения по этому вопросу.

В настоящей статье мы отмечаем то общее значение московских выборов, в котором мы видим проявление сознательного отношения прогрессивных элементов к делу, столь серьезному и ответственному, как избрание представителей в Думу.

Завидно положение московского населения, в частности московских избирателей и, особенно, избранников Москвы.

* * *

Итак, не ожидая окончательных результатов и точного арифметического подсчета выборов, можно с безошибочностью утверждать, что вторая Дума, по политическим убеждениям избранных членов, будет не только оппозиционная, но и оппозициоднее первой.

Лучше всего это утверждение доказывается все более и более частыми сведениями, сообщаемыми телеграфным агентством, относительно взглядов органов заграничной печати о нынешних выборах. Уже опытом установлено, что степень усердия телеграфного агентства имеет в этих случаях значение точного барометра; по которому можно судить вообще о состоянии «российской погоды».

Уже если понадобилось нам опереться на мнения «Бюрсен Жоурриер»ов, разных «Tageblatt»ов[352] и «Petit Journal»ов[353], не говоря о «Times»ах и других больших кораблях заграничной прессы, то значит, «отечество в опасности» и надо его «спасать» авторитетными мнениями влиятельных иностранных газет. Нужды нет, что такого же рода мнения высказываются и у себя дома, тоже влиятельными органами и такими же авторитетными публицистами, учеными. Этого мало: официозное телеграфное агентство во всех «решительных» случаях считает необходимым учить русскую читающую публику по источникам заграничным.

Но когда уроки по этим источникам усваиваются в их настоящем смысле и делаются попытки к применению их к русской действительности, то вся рептильная печать, в их числе и телеграфное агентство, трактует о «гнилости» того же Запада и о неприменимости проповедуемых Европой начал к «самобытным исконным» устоям России.

Сейчас настал один из таких решительных моментов, и телеграф спешит знакомить нас с тем, какое впечатление на европейцев производят результаты выборов по вторую Думу. В сегодняшних телеграммах приведены выдержки из нескольких иностранных газет.

Отсылая читателей к самим телеграммам, скажем только, что все советы и указания заграничных публицистов русское общество, по обыкновению, примет к руководству. Но необходимо, чтобы к ним с большим вниманием относилась наша чиновная бюрократия и, в частности, нынешний кабинет, которому всего через неделю придется предстать лицом к лицу перед избранными представителями русского народа.

Это уже действительно решительный психологический момент, который и решит все значение отмечаемой оппозиционности второй Думы!

Впрочем, и само агентство уже не в состоянии замаскировать исхода выборов и сообщаемыми сведениями устанавливает уже наличность перевеса левых над правыми. По последним данным агентства на 12 февраля избрано 462 члена Думы, из коих монархистов 89, умеренных 43, а левых, считая в этом числе и националистов, 329 депутатов.

Сравнительно с составом первой Думы новая Дума представит значительные изменения, касающиеся положения отдельных в ней партий.

Прежде всего, теперь резко выделяются партии крайних направлений, как справа, так и слева, причем правые и левые партии уже являются в виде организованных парламентских групп. Между тем в парламентской первой Думе особенно правые не были почти организованны, и депутаты, особенно из крестьян, чуть не ежедневно переходили в другие левые партии, – в Партию народной свободы и трудовиков. Мало того, у правых не было вовсе сколько-нибудь выдающихся руководителей. Теперь они будут располагать такими «лидерами», как Крушеван, Пуришкевич[354], еп. Платон и др.

Что же касается крайних левых партий, то во второй Думе число депутатов этих будет весьма внушительное: одних социал-демократов уже 46, социалистов-революционеров 22. Все крайние левые партии были и прежде организованны.

В своей численности много депутатских мест потеряла Партия народной свободы. Пока, как отмечает телеграф, кадетов 74. Между тем в момент роспуска Думы парламентская фракция этой партии считала в своих рядах 182 депутатов. Нет сомнения, что и во второй Думе кадетов будет значительно больше 74. С другой стороны, за партией, несмотря на численную потерю, все же останется сила морального влияния, как партии не только наилучше организован-

ной, но обладающей наибольшим количеством представителей с обширными практическими и теоретическими познаниями, знакомых со страной и ее нуждами и в то же время с парламентской жизнью. Во всяком случае, и во второй Думе Партии народной свободы придется играть огромную роль.

Далее, останавливаясь на распределении избранных депутатов по их политическим убеждениям, нельзя не отметить той дифференциации, какой не было ещё в первой Думе. Так, по подразделениям столичных газет, уже теперь насчитывается ни более ни менее как 29 отдельных партий, в числе которых есть по одному представителю таких партий, как христианский социалист, реальной политики, монархическо-демократической.

Левые составляют 11 партий: социалисты-революционеры, социал-демократы, беспартийные социалисты, народные социалисты, трудовики, крайние левые, левее конституционных демократов, просто левые, народной свободы, демократических реформ и прогрессисты.

Далее идут партии мирного обновления и умеренные. Затем октябристы, правые и монархисты.

Кроме этих 16 партий, существуют 9 партий национальных: эстонская прогрессивная, достиженцы, мусульманская прогрессивная партия[355], народовцы, прогрессивная польская партия, поляки-националисты, реальной политики, литовская национал-либеральная партия и армянская национальная партия («Дашнакцутюн»).

Наконец, беспартийные и неизвестные.

Являясь представителями существующих организаций на местах, перечисленные группы, конечно, не будут в Думе играть роли, как отдельные партии, за исключением таких, которые по численному составу и особенностям политических программ могут действовать в качестве самостоятельных парламентских фракций. Все остальные группы, примыкая к левым или правым, а некоторые и к центру, должны будут действовать солидарно с последними.

Только в этом случае все вместе и каждая группа в отдельности могут достигнуть благоприятных результатов. И это особенно относится к группам левым, отличающимся наибольшим доктринерством и зачастую непримиримостью друг к другу. На первое время в особенности необходимо сплочение сил этих партий, ибо только в таком случае оппозиция может иметь силу и значение и не даст применить к ее частям старого испытанного бюрократического средства: «Разделяй и властвуй».

С этими словами мы обращаемся и к двум депутатам от Бакинской губ., уезжающим сегодня в Петербург.

Нам приходилось говорить о гг. М. Махмудове[356] и З. Зейналове. Как вышедшие из народной среды, оба крестьяне, они должны помнить, что только в единении с лучшими элементами Думы они сумеют отстоять интересы избравшего их крестьянства и вообще трудящихся масс Бакинской губернии. Не только «в единении сила», но в данном случае в нем, в этом единении – все спасение.

Оба депутата от Бакинской губернии воодушевлены, мы в том уверены, горячим желанием работать на пользу всей страны, и в частности, быть посильно полезными в деле наилучшего и скорейшего удовлетворения назревших местных нужд и потребностей.

В надежде, что это воодушевление не оставит депутатов от Бакинской губернии во все время служения святому делу народной свободы, от всей души выражаем им пожелания счастливой дороги.

* * *

Во вчерашней статье мы говорили о необходимости для всех прогрессивных элементов Думы объединиться в парламентской деятельности. При этом мы находили, что в таком единении не только сила, но все спасение дела народной свободы.

Полученные сегодня столичные газеты ещё более убеждают нас в том, что это единение крайне необходимо, что без него народному представительству грозит большая опасность, гораздо хуже той черносотенной опасности, которой так страшились в течение выборной кампании.

Русские и, в особенности, иностранные газеты полны сведениями и соображениями, указывающими на виды и планы, каких намерено придерживаться нынешнее министерство по отношению ко второй Думе.

Все стремления направлены к тому, чтобы, прежде всего, образовать в составе Думы крепко сплоченную, правительственную партию. Об этом очень много пишут наши официозы во главе с «Россией». Этот лейб-орган нынешнего кабинета, по мере выяснения результатов выборов в Думу и особенно после победы, одержанной Партией народной свободы в Петербурге, начал прямо заигрывать с кадетами, с этими «революционерами». То льстя, то грозя последним, «Россия» не скрывает своих надежд, что так называемые правые (?) кадеты объединятся с умеренными. Но если,

заявляет министерский орган, Партия народной будет продолжать свое «ярко красное направление», «не отвернется от крайней левой, и если социалисты составят в Думе настолько влиятельную группу, что остальным партиям придется считаться с ней, то, очевидно, всякая мысль о каком бы то ни было обновлении русской государственной общественной жизни должна быть оставлена».

Другой правительственный официоз, издающейся на французском языке, «Journal de Saint-Petersbourg»[357], повторяя ту же угрозу, высказывается ещё определеннее: «Кадеты могут, – заключает официоз посвященную этому вопросу статью, – сохранить в новой Думе большинство с помощью уступок крайней левой. Но это значило бы дать основательный предлог для распущения, и умереть, не начавши жить».

Таким образом, вопрос с точки зрения официозов сводится к такой дилемме: или кадеты должны действовать на стороне правительства, или, если они вместе с крайними левыми составят оппозицию, Дума будет распущена.

Итак, если сильнейшая в Думе Партия народной свободы не примкнет к монархическо-октябристской правой, то роспуск Думы неизбежен. Этого можно достигнуть тем скорее, что тактические приемы крайних левых могут дать «основательный предлог» для разгона Думы.

В этой черной мысли – разогнать Думу – кроется весь фокус реакционных планов и вожделений.

Зачем образовалась оппозиционная Дума? Зачем кадеты опять будут верховодить?

Надо отделаться от такой Думы, созвать третью, в которой ненавистных кадетов будет ещё меньше, а Крушеванов ещё больше.

Эти соображения реакционеров иногда «омрачаются» сомнением: а что если Дума не даст повода к роспуску? А что если те же левые с кадетами войдут в соглашение для этого и будут в своих тактических приемах даже очень корректны по отношению к правительству...

Кн. Мещерский[358] в своем «Гражданине»[359] боится именно этого. Он называет Думу «кулаческою» и очень опасается, что такая Дума поведет свои дела «осторожно». Вот, что он говорит по этому поводу:

«Боюсь, что кулаческую Думу не удастся разогнать так легко, как революционную. Политическое кулачество ознаменуется в Думе теми же характерными чертами, как и в жизни: эксплуатировани-

ем слабых сторон правительственной деятельности и пробелов законодательства, главным же образом – неудачного положения о Думе и всех тех отверстий, которые это Положение предоставляет в распоряжение революции. Кулаческая Дума будет извиваться перед властью ужом, пока не улучит момента, чтобы броситься на нее тигром... Такую Думу вряд ли сумеют и успеют (?!) разогнать».

Но ещё циничнее эту «боязнь» выражает «объединенный совет» первенствующего сословия. Русская прогрессивная печать уже отметила, как дворяне действовали в дни первой Думы и какую они роль играли в деле ее разгона. Весь смысл дворянских вожделений сводится к тому, чтобы радикально изменить избирательный закон в пользу привилегированного сословия. Такое изменение должно было иметь место до созыва второй Думы. Но даже нынешнее министерство, широко пользовавшееся 87 ст. Основных Законов, не решилось на такой явно антиконституционный шаг. И вот вторая Дума уже накануне своего открытия и притом она составлена по избирательному закону, не дающему прав (будто?) дворянам. Поэтому желательность разгона и второй Думы для дворян несомненна.

Это свое желание дворяне и выражают в докладе «совета объединенных дворян» дворянскому съезду. Доклад напечатан в «Berliner Tageblatt» , откуда и приводится в сегодняшнем номере «Речи»:

«А что если у правительства не будет на то (на роспуск Думы) достаточного основания, достаточного внешнего повода? А что если умудренная опытом прошлого новая Дума поведет совершенно другую тактику и *своим корректным поведением по отношению к монарху и правительству, внешнею законностью своих действий завоюет себе небывалый в стране авторитет и под охраной опять-таки обольщенного общественного мнения, под личиной наружной порядочности проведет законы*, долженствующие впоследствии гибельно отразиться на самом существовании и цельности государства? Кто поручится за то, что государственный совет будет иметь достаточно самостоятельности, чтобы противодействовать по существу законопроектам Думы, и не подтвердить их, поставив тем монарха в трудные условия одиночества? И будет ли тогда у правительства достаточно смелости и, повторяю, достаточных оснований, чтобы распустить Думу, законопроекты которой одобрены Государственным Советом? И вот получается положение, в котором Россия должна будет терпеть иго, ей враждебное, и агенты власти не будут в силах это иго свергнуть. Но если и до-

пустить, что Дума будет вести себя по-прежнему и даст всяческие поводы для ее роспуска, то опять-таки, кто может поручиться, что нынешнее правительство, доказавшее уже свою стойкость и решимость в борьбе, будет так же твердо стоять у власти, как и теперь, и не будет ли оно, может быть, заменено другим правительством, более склонным подчиниться влиянию Государственной Думы, чем ею руководить. В настоящее время полной неустойчивости, колебаний и случайных влияний всего этого, конечно, можно ожидать».

Какие же после этого могут быть ещё сомнения относительно видов и планов реакционных элементов?

Черные мысли, которыми руководятся в отношении новой Думы, обязывают, с одной стороны, все передовое русское общество, все лучшие его элементы неустанно оказывать всякую поддержку Думе, а с другой – эти же соображения, сугубо отягчая и без того ответственные обязанности народных представителей, обязывают все прогрессивные части Думы объединиться и действовать солидарно в святом деле установления и упрочения в России истинных начал гражданской и политической свободы.

* * *

Выборы во вторую Государственную Думу можно считать законченными, хотя фактически в некоторых областях далеких окраин – Сибири и др. – представители ещё не избраны и есть такие, в которых назначены выборы на 28 марта.

Но недостающее число недовыбранных депутатов, конечно, особых изменений в составе Думы произвести не в состоянии, почему нашу новую представительную палату можно считать уже сформировавшейся.

Всего в Государственной Думе должно быть 524 депутата. Из этого количества, по данным телеграфного агентства, избрано по 15 февраля 492 депутата. К общему числу избранных надо прибавить и 6 депутатов от города Петербурга, выборы которых происходили 16 февраля.

Результат выборов в Петербурге, сообщаемый сегодня агентской телеграммой, не был неожиданностью: такой исход определился ещё 7 февраля, когда и здесь, подобно Москве, прогрессивные элементы одержали блестящую победу, избрав из 160 всех выборщиков 159 представителей этих элементов.

Тем не менее нельзя не указать на тот огромный государственной важности факт, что столица империи, это голова российского

государственно-общественного организма, открыто высказалась против насаждаемых нынешним министерством порядков и такое свое мнение выразила, послав во вторую Думу 6 депутатов, оппозиционно настроенных против этих порядков.

Такое свое отношение к существующему режиму Петербург проявил и на первых выборах, результаты которых имели огромное моральное влияние во всей России, происходившие везде позднее столичных выборов.

На этот раз, чтоб избежать подобного влияния «примера» столицы, из всех крупных городских центров выборы в Петербурге были назначены в последнюю очередь и почти накануне созыва новой Думы.

Но от этого и страна не сделалась более приверженной к бюрократическому режиму, и Петербург не перестал быть Петербургом: Россия посылает во вторую Думу почти две трети оппозиционных депутатов, а столица империи 16 февраля внушительно заявила, что она была и продолжает оставаться умственным центром, непоколебимо сознавшим неотложную необходимость для страны скорейшего установления и развития общественно-государственного стоя на началах гражданской и политической свободы.

Эту программу наиболее развитой и сознательной части столичного населения и будут проводить и защищать во второй Думе новые депутаты от Петербурга. Имена их достаточно говорят за них. На этот раз столицу в Думе будут представлять: о. Григ. Спир. Петров, Ник. Ник. Кутлер, Иос. Влад. Гессен[360], Петр Берн. Струве, Мих. Павл. Федоров[361] и Н. П. Алексинский[362]. Последний – представитель от рабочих, которым Партия народной свободы предоставила в Петербурге одно депутатское место. Остальные принадлежат к Партии народной свободы, за исключением о. Петрова, беспартийного левого, которого кадеты выставили своим кандидатом после обнаружения преследований, возбужденных против этого образованного пастыря и даровитого писателя духовными властями. Ещё 14 февраля, как сообщают столичные газеты, состоялось постановление духовной коллегии о немедленном заточении священника Петрова в Череменецкий монастырь, где ему уже была приготовлена келья. Но судьбе было угодно, на радость всей мыслящей части русского общества, иноческую келью заменить для о. Петрова почетным местом в Государственной Думе.

Выставление кандидатуры о. Петрова и избрание его в депутаты делает честь Партии народной свободы, показавшей, насколько

несправедливы все обвинения в партийной нетерпимости, которые столь щедро сыплются на эту действительно конституционно-демократическую партию. На высоте своего положения партия была и тогда, когда рядом с священником Петровым выставила кандидатом в депутаты от Петербурга проф. М.М. Ковалевского, тоже не принадлежащего к этой партии. Кадеты и тут проявили чувство справедливости, оценив по достоинству такого знатока конституционного права, как М. Ковалевский, невзирая на принадлежность последнего к «Партии демократических реформ». И лишь исключение почтенного профессора из списков избирателей заставило кадетов снять его кандидатуру, заменив ее М. Федоровым. К счастью, проф. М. Ковалевский избран от Петербургского университета членом Государственного Совета, в затхлую сословную атмосферу которого он принесет свежую струю идеи строго конституционного государства.

Из других новых депутатов столицы нельзя не отметить Петра Струве, известного всей передовой России своим «Освобождением», ратовавшим из заграницы за те же конституционные начала. Рядом с ним должен быть поставлен И. Гессен, известный присяжный поверенный, принимавший видное участие в русском освободительном движении, одним из глашатаев которого был журнал «Право», издающийся при ближайшем участии И. Гессена под редакторством приват-доцента Вл.М. Гессена, избранного тоже в депутаты Думы от Петербургской губ. Наконец, Ник. Кутлер, бывший товарищ министра финансов и министр земледелия в кабинете графа Витте, известен своим проектом по аграрному вопросу, проектом, не принятым правительством и соответствующим аграрной программе Партии народной свободы.

Как знаток аграрных дел, г. Кутлер заменит собой покойного депутата М.Я. Герценштейна.

Словом, и на этот раз столица дала Думе действительно лучших людей, которые, мы уверены, совместно со своими московскими коллегами явятся теми «богатырями мысли и дела», в которых новая Дума так нуждается.

Результаты петербургских выборов убеждают нас в том, что и во второй Думе Партия народной свободы будет иметь такое же моральное значение и влияние, каким она пользовалась в первой. А сила морального свойства не подлежит действию арифметических выкладок: пусть число депутатов, значащихся в списках этой партии, теперь менее, чем было раньше, но все же руководство в

Думе было и останется на стороне того направления, какое играло эту роль и в первой Думе.

Если эта партия, несмотря на уменьшение числа депутатов своей среды, могла выставить и провести людей, не зачисленных в партию, то, значит, для нее, для кадетов, дело не в узкопартийных и вообще не в партийных интересах, а в том, чтобы достигнуть поставленных целей. Образование партии есть средство для достижения этих целей, сводящихся к установлению и развитию в России действительных начал конституционного режима.

И следовательно, партия эта примыкает ко всем тем, кто стремится к такому строю, и наоборот, все, действительно желающие водворения в стране конституционных порядков тем самым входят в эту партию.

Вопрос здесь может быть только в способах достижения поставленных целей, в тактических действиях и приемах.

В этом отношении к Партии народной свободы приложимо общее положение, в силу которого и кадеты, как люди, не чужды ошибок. В их тактике были и будут неверные шаги, от которых не избавлено ни одно живое существо, ни один союз людей, в особенности те из отдельных людей или их групп, которые действуют и вообще живут, а не прозябают.

За последнее время на долю Партии народной свободы пришлось именно много действовать и проявлять жизнь. И конечно, можно не со всеми действиями и шагами партии соглашаться, но вдумчивое отношение к ее деятельности не может не признать, что по справедливости эта партия руководится опытной рукой и, в общем, взяла тот верный тон, благодаря которому она привлекает к себе наиболее образованное и развитое русское общество. Нельзя же не считаться с тем, что большинство русских ученых, общественных деятелей, публицистов выступают под знаменем этой партии.

Это придает партии огромную нравственную силу, тот творческий дух, который так смело и самоотверженно ведет сторонников ее по пути к созиданию новых порядков, обеспечивающих народную свободу.

Искренно желая видеть Россию счастливой, сильной и богатой страной, партия стремится к конечной цели с систематическим планом, подвергающимся изменению лишь под сильным давлением случайных явлений момента.

Эти качества партии дают основание утверждать, что и в новой Думе она сумеет объединить прогрессивные элементы и тем

направить деятельность большинства Думы в сторону положительных законодательных работ, гарантирующих неприкосновенность личности русского гражданина и все его конституционные права, ожидаемые от новой Думы с понятным нетерпением всем населении России.

А.М.б. Топчибашев

Каспий. 1907. 28, 30 января, 1, 2, 4, 8–10, 13–15, 18 февраля.

Мусульманская парламентская фракция

31 января, 1 февраля 1907 г.

Указанная работа А.М.б. Топчибашева в 1906 г. была издана и в виде отдельной книги, и как статья в сборнике «О первой Государственной Думе». Впоследствии А.М.б. Топчибашев опубликовал эту работу в виде статьи в двух номерах газеты «Каспий»: № 25, от 31. 01. 1907 и № 26 от 01.02.1907 со следующей преамбулой: «Заканчивая статью нашу "Мусульмане на выборах" (см. "Каспий" № 22), мы выразили уверенность, что и на этот раз мусульмане на выборах будут действовать в рядах прогрессивных элементов. В подтверждение этого мы, кроме отдельных примеров, взятых из данных о ходе нынешних выборов, сослались на выборы в первую Государственную Думу, в которую мусульмане послали депутатов с прогрессивным направлением, хотя и тогда, как и теперь, на выборах мусульмане в общем действовали неорганизованно и выступали, в общем, как беспартийные. Вопросы о том, из кого состояла мусульманская фракция первой Думы и каков был план её действий за короткое время образования фракции, представляются теперь и интересными и своевременными». В настоящей статье мы даем ответ на эти вопросы, пользуясь для этого нашим же очерком о «Мусульманской парламентской фракции», написанным для сборника «О первой Государственной Думе».

В составе первой Государственной Думы образовалась мусульманская парламентская фракция, которую составляли все депутаты-мусульмане числом до 36. Фракция эта, превосходя количеством депутатов польское коло, украинскую группу и др. группы, была одной из значительных, но о ее деятельности мало сообщалось сведений в периодической печати. Мало того, в самой Думе фракция еще не была официально объявлена, хотя об образовании фракции было известно председателю Думы и для бюро ее в Таврическом дворце был отведен особый кабинет.

Но фракция воздерживалась от объявления в Думе своей декларации по той причине, что мусульманские представители от киргизских областей, Туркестанского края и областей Закаспийской, Ферганской, Семиреченской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской, Акмолинской и Дагестанской не были еще выбраны.

С другой стороны, приняв во внимание, что Государственная Дума, энергично приступив к законодательной работе, выдвигала на очередь серьезные вопросы – аграрный, о свободе совести, гражданском равенстве – и мусульманским депутатам нужно было выяснить свое отношение к этим вопросам, съехавшиеся депутаты решили организовать фракцию, не выжидая всех депутатов от мусульманских областей.

Первое собрание мусульман в количестве 22 депутатов происходило 21 июня. На этом собрании лидером фракции был избран депутат от гор. Баку Али Мардан бек Топчибашев. Тогда же образовано бюро, в которое по закрытой баллотировке избраны: председателем А.М.б. Топчибашев и членами: Саид Гирей Алкин, Исмаил Хан Зиятхан, Абуссугуд Ахтямов, Селим Гирей Джантюрин (секретарь бюро), Шахайдар Сыртланов и Мухамед Закир Рамеев (казначей).

Как бюро, так и фракция имели всего несколько заседаний (от 21 июня по 9 июля), на которых обсуждались и решались вопросы характера организационного, касавшиеся исключительно организации самой фракции и бюро, а также некоторые из вопросов, обсуждавшихся в самой Думе и ее комиссиях.

По предложению бюро собрание мусульманских депутатов одобрило: 1) взимание определенного ежемесячного взноса, 2) установление заседаний фракции дважды в неделю по средам и субботам с 11 часов утра, причем по субботам с приглашением представителей Петербургского мусульманского общества, 3) устройство периодических докладов и бесед с проживающими в Петербурге мусульманами в Думе, 4) порядок сношений и сообщений бюро с мусульманами на местах, 5) организация в ближайшем времени (15 августа) съезда мусульман. Предполагалось обсудить целый ряд и других вопросов, имеющих общий для всех мусульман России интерес: образование в Петербурге постоянного секретариата, издание здесь же печатного органа на русском и татарском языках, организация периодических объездов мусульманских областей в целях ближайшего ознакомления с нуждами мусульманских масс и т.п.

На первом же заседании было решено обязать членов бюро делать фракции подробные доклады о всех законопроектах и важных

вопросах, вносимых в Государственную Думу. Подобный доклад по законопроекту о свободе совести был сделан членом бюро С.Г. Алкиным; суждения об этом законопроекте были отложены до заседания 10 июля, каковое не могло состояться, так как последовал роспуск Государственной Думы.

Затем, ознакомившись с докладом о белостокских событиях, фракция поручила председателю бюро выразить в Думе соболезнование мусульман всем жертвам погрома в Белостоке и заявить, что, по мнению мусульманской фракции, основанному на добытых тремя командированными членами Думы данных, погром в Белостоке – дело рук местных властей. Председатель бюро А.М.б. Топчибашев на заседании Думы еще 26 июня получил слово о белостокских событиях, но не мог выступить, так как рассмотрение доклада об этих событиях продолжалось в течение двух недель между другими делами, а 2 июля было внесено предложение о прекращении дальнейших прений по этому вопросу. Дума приняла это предложение, и, таким образом, все оставшиеся 23 оратора, в том числе и г. Топчибашев, не могли воспользоваться словом.

Одним из первых фракция обсуждала вопрос об отношении к главным думским партиям. По проверке оказалось, что, за исключением одного из группы трудовиков, все мусульманские депутаты по общим вопросам примыкают к Партии народной свободы, почему было решено действовать по общим вопросам солидарно с этой партией и поручить председателю бюро войти в переговоры с комитетом Партии народной свободы о приглашении в состав фракционного и Центрального комитетов партии представителя мусульманской фракции. Переданное председателем бюро г. Топчибашевым через г. Милюкова предложение обсуждалось в заседании комитета Партии народной свободы и было принято в смысле немедленного допущения представителя мусульман в состав фракционного комитета партии и выбора в Центральный комитет. Ответ этот был внесен в повестку заседания фракции мусульманской на 10 июля.

Указанное отношение мусульманских депутатов к Партии народной свободы было предрешено еще до созыва сессии Государственной Думы на Втором всероссийском съезде мусульман, происходившем в январе прошлого года в Петербурге. На этом съезде был рассмотрен составленный А.М.б. Топчибашевым проект мусульманской программы, в основных положениях не расходящийся с программой Партии народной свободы. Проект съез-

дом одобрен, и постановлено отпечатать его с переводом на татарский язык, и окончательное суждение о нем иметь на следующем III Всероссийском съезде мусульман. Кроме того, тогда же была вынесена резолюция съезда, рекомендовавшая на выборах в Государственную Думу действовать солидарно с Партией народной свободы мусульманам тех местностей, где они не успели еще организоваться. Эту программу образовавшаяся в Думе мусульманская парламентская фракция и решила принять к руководству, сделав в ней изменения, которые могли быть указаны самой жизнью и, в частности, Государственной Думой, в интересах мусульман, и таким образом подготовить окончательное обсуждение и принятие ее на III мусульманском съезде.

И весьма скоро фракции пришлось воспользоваться этой программой в таком важном деле, как аграрное. В разделе IX в §§ 60 и 61 программа мусульманской партии проводит начало областной национализации земель, в силу которой земля одной области распределяется между нуждающимися в земле постоянными жителями этой области. Для удовлетворения нуждающихся обращаются все земли – удельные, государственные, кабинетские, а также отчуждаются за счет государства и принудительно частновладельческие земли, с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке.

К этим общим положениям, выраженным в §§ 60 и 61 программы, фракция сделала изменения: а) площадь землепользования увеличивается не только для обрабатывающих ее личным трудом, но также и для занимающихся скотоводством; б) земли, подаренные правительством бывшим служащим, отчуждаются без вознаграждения; в) переселение вовсе приостанавливается впредь до разрешения земельного вопроса и г) земли предоставляются в собственность сельским обществам для распределения между отдельными их членами.

Эти изменения и приведенные положения легли в основание аграрной программы, которую мусульманская парламентская фракция объявила, поручив входящим в состав думской аграрной комиссии членам фракции поддерживать объявленную по земельному вопросу программу в комиссии и затем в Думе. При этом, фракция высказала свой взгляд на так называемые вакуфы вакуфные земли, которые, как принадлежащие мусульманским богоугодным, учебным и благотворительным учреждениям, в качестве пожертвований должны быть возвращены мусульманским обще-

ствам (§ 28 программы). Все вакуфные земли фракция отнесла к категории земель, не подлежащих уничтожению.

Ввиду того, что вопрос о вакуфных землях представляется существенно важным для Туркестанского края и, особенно, для крымских мусульман, на заседание фракции были приглашены представители Таврической губ.(гг.Сипягин[433] и Крым[434]) и житель гор. Ташкента г. Чанышев (не депутат). После обмена мыслями было решено представить к следующему заседанию подробный доклад о вакуфах, их значении и юридическом положении с точки зрения шариата и русских законов.

Представление доклада принял на себя А.М.б. Топчибашев.

К сожалению, преждевременный роспуск Думы лишил фракцию возможности обсудить как этот, так и еще более общий вопрос об отношении мусульман или, правильнее, шариата мусульманского, к Государственной Думе, вернее, к вырабатываемым ею законопроектам. Вопрос этот в общих чертах обсуждался только на заседании бюро фракции, и поводом к обсуждению послужило недовольство части проживающих в Петербурге мусульман, вызванное речью одного депутата-мусульманина в заседании 6 по вопросу о равноправии полов. Не разобравшись в словах оратора, находившего невозможным лишать мусульманку каких бы то ни было гражданских или политических прав, недовольные усмотрели в словах его желание устранить начала шариата, существующие в области брачных, семейных и наследственных отношений между мужчиной и женщиной у мусульман. В устроенных по этому поводу частных совещаниях вне Думы с участием некоторых из проживающих в Петербурге мусульман и в их числе специально для этого приехавшего из Казани одного из влиятельных духовных лиц вопрос этот был обобщен в более общий вопрос о том, как мусульманская фракция в своей дальнейшей парламентской деятельности будет, может и должна применять начала мусульманского шариата.

Как уже сказано, фракция не успела ответить и вообще заняться этим вопросом. К тому же направление работ думских комиссий и требования, с которыми комиссия обращалась к отдельным фракциям и группам, заставляли эти последние отступать от предначертанного порядка своих работ. Так, члены бюро распределяли между собой труд по отысканию в действующих узаконениях тех ограничений и изъятий, которые установлены в отношении мусульман и которые были затребованы комиссией о гражданском равнопра-

вии. Труд этот, распределенный между гг. Ахтямовым, Алкиным и Топчибашевым, также остался неоконченным.

Некоторые из приведенных вопросов, обсуждавшихся на заседаних фракции, бюро предполагало сделать предметами особых докладов и бесед с проживающими в Петербурге мусульманами. Эти доклады и беседы должны были заменить собой заседания фракции с приглашением представителей петербургских мусульман.

Помимо обсуждения разного рода вопросов, фракция считала долгом отзываться на особенно выдающиеся случаи текущей жизни мусульман. Так, по поводу заявления депутата от народностей Терской обл. Д. Эльдарханова о том, что вербовка стражников из ингушей и чеченцев может сеять рознь между туземцами Северного Кавказа и русским населением, фракция постановила выразить протест против такой вербовки агентами правительства, а влиятельным лицам Северного Кавказа из туземцев послала телеграммы, прося всячески препятствовать набору стражников из туземного горского населения, которые, будучи взяты для охраны удаленных и помещичьих имений внутри России, неминуемо должны приходить в столкновение с русским крестьянством и войсками, а это усилит рознь между туземцами Кавказа и коренными русскими, что гибельно для кавказцев. В другом случае, когда в печати стали распространяться слухи о готовящемся 26 июня погроме в Казани, фракция через представителя своего обратилась к влиятельным казанским мусульманам с просьбой , во имя идеи свободы и братства народов принять меры к недопущению погрома. Ряд ответных телеграмм сообщал, что на собраниях казанских мусульман с духовными лицами были приняты резолюции всячески устранять беспорядки, дабы тем дать возможность Государственной Думе и, в частности, мусульманской фракции работать спокойно в интересах всего населения империи.

По поводу событий в Закавказье фракция имела в виду обратиться с особым воззванием к мусульманам Закавказья и ожидала объяснений представителя наместника барона Нольде[435] на запрос, внесенный в Думу закавказскими депутатами 2 июня.

Решено было также энергично поддерживать запросы, внесенные в Думу членами фракции г. Эльдархановым, Топчибашевым и др.о действиях властей при вербовке чеченцев в стражники, гг. Беремжановым, Кальменевым и др.о незакономерных действиях земельных комиссий в киргизских областях, г.г. Зиатхановым, Топ-

чибашевым и др. о насильственных действиях елисаветпольского уездного начальника Авалиани. Узнав из агентских телеграмм о смертном приговоре Кавказского военно-окружного суда над двумя персидскоподданными, бюро фракции постановило немедленно внести в Думу соответствующий запрос, но по справке, наведенной бюро по телеграфу в Тифлисе, выяснилось, что смертная казнь заменена обоим каторгой.

К сожалению, все эти запросы, в числе многих других, внесенных в Думу, остались не рассмотренными. Получавшиеся во множестве на имя бюро фракции, его председателя и отдельных членов телеграммы и письма свидетельствовали о том хорошем впечатлении, какое производили всюду на мусульман первые шаги фракции. Приветственные телеграммы были от видных мусульман Крыма, Кавказа, Оренбурга, Казани, Уфы и пр. В них, рядом с поздравлениями по поводу образования мусульманской парламентской фракции, выражалась надежда, что мусульманские депутаты общими усилиями облегчат бесправное положение мусульман и дадут им возможность идти по пути духовно-нравственного и экономического развития, чему менее всего препятствует религия Ислама и шариат. – В телеграммах некоторые мусульманские общества (Казани, Уфы) указывали на необходимость для депутатов мусульман соблюдение шариата, для чего обещана была присылка особых наказов. Из Крыма же была получена печатная петиция от крымских татар, уполномочивавших представителя фракции А.М.б. Топчибашева внести ее в Думу. Петиция эта, заключавшая в себе подробное описание безотрадного положения крымских мусульман, была получена почти накануне роспуска Думы и, к сожалению, осталась неоглашенной в Думе.

Наконец, в бюро фракции стали поступать телеграммы и письма, в которых отдельные лица и целые общества из разных областей обращались к фракции за помощью против насильственных действий властей, их злоупотреблений, несправедливых решений судов, указаний на необеспеченность в земельном отношении, религиозные притеснения и тому подобные сведения, которые могли бы составить живой материал для описания подавленного положения мусульманских масс. Наряду с этим указывалось, что все мусульмане полны веры в то, что Государственная Дума изменит давно осужденный строй жизни в России и что совместная работа на общую пользу представителей всех народов послужит прочной гарантией сближения мусульман с русскими и остальными наро-

дами, так как только в такой работе «Сулейман научится понимать Ивана, до сих пор ему только навязываемого» (из письма бахчисарайского городского головы).

Словом, видно было, что освободительное движение зашевелило и мусульман России, эту с лишком двадцатимиллионную массу населения империи, казавшуюся совершенно невосприимчивой и инертной к новым жизненным запросам на началах гражданской и политической свободы. И в этом отношении мусульманская парламентская фракция оказала бы посильную помощь делу развития мусульман, проводя в их среду идейные начала, на которых зиждилась деятельность Государственной Думы. Такую помощь предлагалось оказывать при посредстве докладов и бесед с мусульманами, печатания отчетов о Государственной Думе и, в частности, о мусульманской фракции в органах печати, особенно на татарском языке, при помощи периодических объездов мусульманских областей и устройства общемусульманских съездов, а также постоянных сношений с местными мусульманскими организациями.

Правда, фракции пришлось действовать всего около трех недель и наличные силы членов ее не успели выясниться, но состав фракции, думается, гарантировал возможность производительной работы. Как уже сказано, число всех членов Думы от мусульман по расчету доходило до 36, из них к концу июня было 24, а остальные 12 ожидались от областей киргизских, Туркестанского края, Закаспийской и др. областей.

Надо ли говорить, что 36 депутатов на с лишком двадцать миллионов мусульман России уничтожило действительное значение народного представительства, и распределение числа депутатов, установленное по областям, в отношении мусульман было явной несправедливостью, доходившей местами до крайних размеров. В этом отношении особенно были обижены мусульмане среднеазиатских владений и, в частности, Туркестанского края, где на 5 миллионов мусульман считалось по распределению всего 6 депутатов, а на 300 тыс.пришлого русского населения – 5 депутатов! Иными словами, один депутат приходится на 845 тыс. мусульман и всего только 60 тыс. русского населения!

Бюро мусульманской фракции имело в виду, собрав необходимые статистические данные, внести в Думу предложение об изменении числа депутатов от областей в связи с изменением избирательного закона.

Из 24 наличных членов мусульманской фракции лиц с высшим и средним образованием было 16 и из них с высшим 10; в числе последних было 8 юристов и 2 с высшим сельскохозяйственным образованием. В числе 6 лиц со средним образованием было три учителя, один чиновник и два бывших офицера. В числе 16 депутатов с образовательным цензом было: 3 присяжных поверенных, 1 председатель земской управы, 1 уездный предводитель дворянства, 1 член городской управы, два члена земского собрания, 4 гласных городских дум (один председательствующий в Думе), два редактора-издателя периодических изданий, 1 бывший товарищ прокурора окружного суда, 1 бывший мировой судья и 1 бывший земской начальник. Из остальных 8 депутатов, не получивших определенного законченного образования в русских учебных заведениях, было четыре муллы, один золотопромышленник, один землевладелец, 1 купец и один торговец мануфактурой.

В общем, члены фракции исправно посещали в неделю 4 заседания Государственной Думы и два заседания фракции. Но особенной аккуратностью отличался состав бюро, посещавший, кроме указанных заседаний, также заседания Партии народной свободы и Союза автономистов. Заседания думских комиссий – аграрной, о гражданском равноправии, финансовой, бюджетной и др. – посещались также аккуратно. В составе русской группы Межпарламентского союза были из числа членов мусульманской фракции, равно как их было много в союзе автономистов, где они принимали деятельное участие в вопросе о местных языках в общественных и частных учреждениях, в школе, в суде и в правительственных учреждениях. Будучи распределены в числе остальных депутатов по 11 отделам, некоторые из членов фракции уже успели выступить в Думе в качестве докладчиков, как г. Алкин.

Что же касается до выступления в качестве ораторов в Думе, то мусульманским депутатам пришлось выступать очень мало, в особенности депутатам кавказским и киргизским, приехавшим, вследствие поздних выборов в Думу, к 10–17 июня, т.е. полтора месяца спустя после открытия Думы, когда предварительное обсуждение таких вопросов, как аграрный, о гражданском равноправии и подобных, было уже закончено и образованы соответствующие комиссии, тоже начавшие функционировать. Запоздавшим, благодаря указанному обстоятельству, членам необходимо было ознакомиться с отчетами почти 200 заседаний Думы, а также со всей

предшествовавшей работой думских комиссий; образовавшейся же фракции было необходимо озаботиться, чтобы в трудах комиссий принимали участие в той или иной форме и члены мусульманской фракции, дабы тем обеспечить всестороннее обсуждение подлежавших ведению комиссии вопросов. Участвуя в заседаниях комиссий, члены фракции должны были держать фракцию в курсе всего того, что в них делалось, а с другой стороны, в случаях необходимости, высказаться по обсуждаемым в комиссиях вопросам. Предполагалось в дальнейшем распределить участие в комиссиях между членами фракции, а также поручать им, по мере сил и познаний, выступление в самой Думе. Все это, к сожалению, осталось лишь одним предположением, и за время функционирования Думы в ней успели выступить следующие мусульманские депутаты: 1) Сыртланов Ш. (Уфимская губ.) 2 июня по вопросу о хищениях башкирских земель, которые должны быть возмещены башкирам, как собственникам, а за излишек земли, если таковой окажется, уплатить им же стоимость; 2) Матынов[436] (Оренбургская губ.) 6 июня об отмене закона о призыве мулл на военную службу и уравнении прав магометанского духовенства с другими исповедованиями; 3) Сыртланов 8 июня об указаниях на ограничения прав мусульман, о женском вопросе мусульман, об издании закона, воспрещающего мусульманам открывать питейные и публичные дома; 4) Ахтямов Аб. (Уфимская губ.) 8 июня о религиозных, гражданских и др. стеснениях мусульман, о полном равноправии мусульманской женщины.; 5) Зиатханов Исм.-х. (Елисаветпольская губ.) 12 июня по запросу о столкновениях в Закавказье между мусульманами и армянами; о бесправном положении закавказских мусульман, злоупотреблениях местной администрации и ее роли в непрекращающихся столкновениях армян с мусульманами; 6) Беремжанов Ахм. (Тургайская обл.) 2 июля о земельной неурядице среди киргизского населения и необходимости пополнения состава аграрной комиссии представителями от депутатов киргиз; 7) Топчибашев А.М.б. (Баку) 4 июля по вопросу об обращении Думы к населению по аграрному делу, о необходимости перевода обращения на местные языки и в том числе на татарский с тем, чтобы каждый на родном языке мог прочесть о том, что делается в Петербурге, кто является помехой в производительной работе Думы.

Особенно фракция готовилась по вопросам о свободе совести и гражданском равноправии. Наконец, ввиду интереса, возбужден-

ного образованием фракции, было решено председателю бюро А.М.б. Топчибашеву выступить с публичным сообщением о самой фракции, ее составе, задачах и пр. По просьбе членов комитета Партии народной свободы сообщение это должно было состояться в клубе партии в пятницу 14 июля.

* * *

Роковая весть о роспуске Государственной Думы застала мусульманских депутатов за работой 9 июля, в воскресенье. В этот день в квартире председателя бюро были назначены два заседания: в 11 час. утра бюро фракции с почетными петербургскими мусульманами и в час дня заседание самого бюро.

Петербургские мусульмане приглашались для обсуждения вопроса об устройстве членами фракции докладов и бесед с мусульманами и, в частности, о приискании надлежащего помещения, способах оповещения мусульман и пр. Явились почти все приглашенные и большинство здесь же узнало о роспуске Думы. Все были сильно взволнованны и жалели искренно о Думе, на которую мусульмане России возлагали столько надежд. Обсудив вопрос об устройстве III съезда мусульман, приглашенные разошлись под впечатлением весьма смутных чувств о неопределенном будущем.

Тем временем бюро получило сообщение о поездке в Выборг и тут же единогласно было постановлено: всему составу бюро ехать в Выборг, о чем были извещены и жившие по близости члены фракции (за неимением времени не все могли быть извещены). С 4-х часовым поездом все шесть членов бюро мусульманской парламентской фракции выехали вместе с остальными депутатами Думы в Выборг. Кроме последних, отсутствовали еще 4 мусульманских депутата. В числе приехавших в Выборг были также и два из депутатов-мусульман Закавказья и от киргизов.

Выборгское воззвание было сначала подписано пятью членами бюро и двумя поехавшими депутатами, потом к ним присоединился и шестой член бюро; позже присоединил свою подпись еще один из мусульманских депутатов, и, таким образом, всего это воззвание подписало 9 мусульманских депутатов из наличного числа 18, так как из общего числа 24 депутатов в момент роспуска не было в Петербурге 6, из коих один, Тевкелев, за болезнью выбыл на родину еще в мае, остальные 5 г.г.Рамеев, Миндубаев, Максютов, Матынов и Бадамшин, за неделю до этого выехали на родину в отпуск.

Члены бюро фракции вернулись из Выборга с остальными ехавшими депутатами во вторник 11 июля. Некоторые из них 12 и 13 ездили в Териоки на заседания Партии народной свободы, после чего разъехались из Петербурга, собравшись перед тем еще раз, чтобы окончательно условиться о III Всероссийском съезде мусульман.

* * *

Так закончила свою деятельность мусульманская парламентская фракция, образовавшаяся в составе первой Государственной Думы.

В своей вынужденно короткой деятельности фракция руководилась идейными началами, выставленными лучшими элементами русского народа, для обновления государственно-общественного строя России. Этих же начал фракция придерживалась бы и в дальнейшем. Чуждая узконациональных, религиозных и каких бы то ни было сепаратических тенденций, мусульманская фракция стремилась принести на алтарь общего отечества и свою лепту: во имя идеи свободной жизни в обновленной России фракция, включая в себя избранных мусульман, поставила себе задачей идти и действовать солидарно с передовыми элементами русского народа.

События последнего времени открыли глаза и мусульманам: ушедшее в себя двадцатимиллионное мусульманство России, приниженное и бесправное, влачившее жалкую жизнь пасынков страны среди притеснений религиозных, административного гнета и произвола, под влиянием живительных лучей освободительного движения также прозрело и узнало, что враг его невежества, духовной и экономической нищеты это – тот режим, который царит до сих пор в России, оскорбляя в человеке его лучшие чувства, убивая в нем всякое стремление к самосознанию и инициативе, сметая малейшие проблески ума и сердца и тем окончательно губя страну, делая несчастными все народы обширной империи.

Как одни из наиболее терпевших от этого режима, до глубины души оскорбленные агентами правительства в чувствах религиозных и вообще человеческих, мусульмане, естественно, должны были сделаться ярыми сторонниками освободительного движения. Они и сделались ими: все их симпатии, стремления и желания, безусловно, на стороне освободительного движения, ради торжества которого мусульмане в лице передовых своих людей готовы стать в первом ряду борцов за обновление жизни на началах политической и гражданской свободы.

Такое свое отношение к освободительному движению мусульмане выразили еще а 1905 г. на Первом Всероссийском съезде му-

сульман в Нижнем Новгороде 15 августа. В резолюции этого съезда, между прочим, сказано:

«В достижении и осуществлении общественно-культурных и политических запросов и задач современной русской жизни прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством».

Не надо забывать, что резолюция мусульманского съезда состоялась задолго до акта 17 октября.

Высказанное на съезде положение развито более подробно в «Программе Мусульманской партии», в § 2 которой сказано: «Стремясь к обновлению всего строя гражданской и политической жизни на началах свободы, правды и человечности, Мусульманская партия находит эту главную цель достижимой при наделении русских граждан, в том числе и граждан мусульман, правами человека и гражданина, и при переустройстве формы правления Российской империи на принципах государства конституционного, заключающегося в действительном участии народа, в лице представителей его, в отправлении законодательных функций государственной власти».

Вся программа исходит из этого общего положения, имея в виду прежде всего «всех русских граждан, в том числе и граждан-мусульман». Стоя строго на конституционных началах, мусульманская программа выставляет принцип областной национализации земель, полной автономии в делах религии и широкого автономного управления на местах с учреждением на всем пространстве империи мелких самоуправляющихся единиц и областных правлений.

В этом отношении программа мусульман сходна не только со взглядами народной свободы, но и с программами других прогрессивных партий, что еще более гарантировало возможность солидарных действий мусульманской парламентской фракции с другими группами в общих интересах населения и страны.

Т[опчибашев]

Каспий. 1907. 31 января, 1,2 февраля.

Дорожно-строительная эпопея в Персии

16 февраля 1907 г.

Вслед за хлебной, железнодорожной, лесной на сцену выступает эпопея дорожно-строительная в Персии.

Все это любимые детища, выросшие на почве порядков отжившего режима, почве удобренной на протяжении веков заботливыми руками всевластной чиновной бюрократии...

Всем этим колоссальным хищениям одно название: казнокрадство, и притом повальное, систематическое!

Уже и теперь можно ужаснуться от обилия все новых и новых панам. И это пока в дни полусвободы, а что будет, когда восторжествует новая жизнь и народ в лице своих представителей властно призовет к отчету всех Гурко, Фредериксов , Никитиных , Безобразовых , Подгурских et tutti quanti!

И теперь же по части казнокрадства страна представляет настоящие авгиевы конюшни... Не осталось, кажется, ни одного «ведомства», которое бы не имело своей собственной панамы и, во всяком случае, панамочки. Дела внутренние и внешние одинаково отличаются этим гнусным отвратительным свойством.

Как строились дороги в Манчжурии, как делались «хозяйственные заготовки» в лесах Сибири, к чему привели Россию лесные операции господ Безобразовых в Корее – все это достаточно известно.

Но не было известно, как проводятся русские дороги в Персии. Теперь мы знаем и эту «тайну», теперь у нас новая панама, совершавшаяся в течение нескольких лет рядом с нами русскими чиновниками на русские деньги в соседней Персии.

Раскрытием этой эпопеи мы обязаны московской газете «Новь», которая посвящает уже другую статью этой «персидской авантюре».

Вся политика наша в отношении этой страны, все стремления министерств – иностранных дел, торговли и финансов – настоящая авантюра.

Так заявляет газета и приводит весьма интересные данные, касающиеся планов о завоевании рынков Южной Персии и об об-

разовании на Персидском заливе своего рода Порт-Артура. Достигнуть этого наша бюрократия думала тем, чтобы пробиться до Персидского залива и Индийского океана посредством железной дороги от Закавказья, через Тавриз и Тегеран, до одного из южно-персидских портов.

Словом, осуществлялось нечто вроде того, что было затеяно на Дальнем Востоке. И «во исполнение» этого одинаково авантюрного плана на юге Персии были учреждены русские консульства и даже генеральное консульство в Бушире, которые и теперь существуют, хотя вся Южная Персия отошла в сферу влияния исключительно английского.

Так как нас более интересует сейчас российское дорожное строительство на севере Персии, то остановимся на сведениях, приводимых газетой о постройке шоссейных дорог Эривань – Джульфа – Тавриз и оттуда на Тегеран.

Это строительство в Персии велось и ведется на таких же началах, как и в Манчжурии. И здесь делом заправляет «Общество», но на деньги казенные. И здесь есть свои Алексеевы, и даже из очень высокопоставленных лиц, но газета «в силу некоторых», очень веских причин, их не называет. Но находит, что председатель правления этого «Общества» г. Подгурский является в персидской авантюре в роли, аналогичной с ролью Безобразова в манчжурско-корейской авантюре.

Активную же роль, как во всяком строительном деле, играют различные инженеры, главный и подручные, между которыми газета отмечает инженер Фомина, проводившего линию через Деридезское ущелье.

Среди разных подрядчиков, агентов и пр. тунеядцев, кормящихся на счет дороги, выступает фигурка русского подданного г. Шапшала.

Поселившись в Персии в качестве учителя одного персидского принца, он успел завязать полезных для себя знакомств и отношений с персидскими вельможами и, кроме того (помнить это надо для дальнейшего), вошел в необыкновенный фавор и полнейшее доверие к тавизскому генеральному российскому консулу г. Похитонову. К дороге он пристроился в качестве агента по отчуждениям земельных участков для проводимой линии в должности чрезвычайно прибыльной; по крайней мере, недавно он оказался уже в состоянии купить лично для себя деревню, из которой при этом сам же он в качестве официального агента по отчуждениям очень

выгодно произвел отчуждение части земли под линию дороги. В благодарность за разные снисходительные «льготы» и послабления по отношению к себе г. Шапшал выхлопатывает персидские ордена г. Подгурскому и жене главного инженера. Рука руку моет.

В прошлом году для приема части выстроенного шоссе была назначена международная контрольная комиссия, в которой по счастью, вместо тавризского генерального консула Похитонова попал драгоман того же консульства В.Ф. Минорский, человек молодой, отличающийся, по словам газеты, безусловной неподкупностью. Не менее ценным качеством его в данном случае было и то, что г. Минорский в совершенстве владеет восточными языками и может сноситься с местными туземцами непосредственно, без помощи переводчиков.

Благодаря этим качествам, г. Минорский наткнулся на факты самого возмутительного характера. В течение первых же дней его ревизии обнаружилось, что большой мост через реку Аджи-чай, поглотивший колоссальные суммы русских денег, имеет подмытые быки. Новопостроенная станция Ям совершенно разваливается. На протяжении каких-нибудь 14 верст оказалось тридцать четыре (!!) гнилых и уже разобранных мостика. В Деридезском ущелье вся линия, которую проводил Фомин, оказалась вполне размытой и уничтоженной. Дело в том, что она наскоро была проведена по руслу бурного потока в сухое время, когда воды не было. А затем, после сооружения, поток хлынул и все снес. После размыва дорога, и без того съевшая Бог знает сколько денег, была восстановлена с новыми громадными затратами, но вместо магистрали сделан был новый обход. А надо помнить, что дорога строится с тем расчетом, чтобы можно было в случае надобности положить рельсы и сразу, обратить шоссейную дорогу в железную; следовательно, когда придется проводить дорогу железную, то сделанный теперь обод надо будет уничтожить. Обошлось это в 600 000 рублей, и это – за 14 верст скверного обхода. Однако, по мнению заправил общества, обучение инженера Фомина и спасение его репутации вполне заслуживает этой «маленькой» суммы. При осмотре новосооруженного обхода оказалось, что и он сооружен отвратительно; между прочим, г. Минорский открыл три мостика, положенных прямо насухо, не только без цемента, но и без извести.

Далее приводится, как у инженера «украли» 20–30 тыс. руб., о чем сами строители воспретили сообщить местному генерал-гу-

бернатору, и как эта сумма была принята на счет «Общества», т. е. русской казны.

Сообщается также и о том, как г. Подгурский поднес от «Общества» валиахду (персидскому наследнику) сумму за «отчуждение» земли, ему не принадлежавшей.

Ревизия везде обнаруживала колоссальные хищения и в то же время ничтожные, ничего не стоящие сооружения.

«Знаем, – говорит газета, – что и в Казвинском районе – та же панама».

Таким образом, сотни миллионов русских казенных денег безумно расходуются и раскрадываются в персидской авантюре.

И результаты произведенной ревизии, имевшей место в апреле и мае 1907 г., не оказали воздействия на бесконтрольную бюрократию: по обыкновению, все было замазано, погашено.

И теперь единственная надежда на то, что Государственная Дума обратит внимание на эти хищения народных средств и без того голодной обнищавшей страны.

Т[опчибашев]

Каспий. 1907. 16 февраля.

Памяти Исмаил-бека Гаспринского

13 сентября 1914 г.

Умер Гаспринский.

Не стало того, чье имя было наиболее популярным среди мусульман не только России, но и за рубежом, который в течение полувека стойко и безропотно держал в руках светильник, указывавший мусульманам путь к знанию, прогрессу, общественному самосознанию.

Неумолимый рок безжалостной рукой погасил этот светильник и тем вверг мусульман в глубокую печаль.

И скорбь эта тем более велика, что мусульмане так еще бедны общественными деятелями, искренно преданными интересам своего народа... Сейчас неким заменить незабвенного Исмаил-бека Гаспринского!

Еще с 1868 г. сначала крымские татары, а вскоре мусульмане других местностей видели и знают Гаспринского ратующим за культурно-просветительные интересы мусульман, начиная с скромной речи народного учителя, которую покойный занимал в Крыму в течение четырех лет.

В 1872 г. он выехал за границу для пополнения своего образования, побывал в восточных странах (Алжире, Египте, Турции) с целью изучения восточных языков.

По возвращении в Крым, Исмаил-бек был первым городским головою родного своего города Бахчисарая.

Но все это время он был занят мыслью об издании газеты на татарском языке. Однако попытки издавать газету («Мектеб», «Полезное развлечение») и выпуск отдельных листков под разными названиями без определенной подписки – не имели успеха, пока не было Гаспринским получено разрешение на издание русско-татарской газеты «Терджиман» («Переводчик»).

10 апреля 1883 г. – день выпуска в свет первого номера «Терджимана» в глазах мусульман получил значение исторической даты; празднование десятилетий этого дня (особенно в 1893 и 1903 гг.)

свидетельствовало о том, что сознание значения печатного органа, как могучего фактора в деле просвещения народных масс, все более и более завоевывает себе место среди мусульман.

С этого времени Исмаил-бек, попав в настоящую свою колею, становится средоточием общемусульманской жизни, и в маленьком городе Таврической губернии – Бахчисарае, как в фокусе, преломляются лучи всех сколько-нибудь заметных явлений этой жизни.

Богато одаренный от природы и с любвеобильным чутким сердцем, наш Гаспринский умел концентрировать интересы и внимание мусульман, особенно передовой их части, отзываясь, когда этого требовали нужды и польза мусульман, в необходимой, всегда умеренной, корректной форме, на назревшие запросы, освещая последние своим пытливым умом, знанием жизни мусульман.

Болея искренно за культурные недостатки мусульман, покойный всегда стоял на страже их интересов и самоотверженно боролся как против этих недостатков, так и против несправедливых нападок на мусульман.

Эта роль защитника особенно шла к Исмаил-беку: он выступал в ней и в начале своей общественно-публицистической деятельности, и на зените своей славы как всеми признанный руководитель мусульманского общественного мнения.

Это он, Исмаил-бек Гаспринский, выступал в своем маленьком еженедельном «Терджимане» против громовых антимусульманских статей грозных в реакционные восьмидесятые годы «Московских ведомостей»[363].

Пусть лишь сотнями считались подписчики этой маленькой «газетки», пусть бывали даже случаи обратного возвращения посылавшихся даром номеров газет, пусть, при отсутствии подписчиков и помощников, сам редактор-издатель Гаспринский совместно с отошедшей в вечность подругой своею Хадиджа ханумой делал всю черную работу издания газеты, оставляя благородное перо свое, чтобы заниматься резкою бумаги для газеты, складыванием, обандероливанием и экспедициею газеты, пусть много шипов приходилось переносить от цензуры, находившейся сначала в Петрограде, а потом в Симферополе, но все же и «Московские ведомости», и «Новое время», и исламовед профессор Смирнов[364], и недавно умерший Череванский et tutti quanti – все получали от «Терджимана» достойный ответ в спокойном и умеренном тоне, который был так свойственен перу покойного.

И мусульмане знали, что ни одно несправедливое и неверно против них сказанное слово не останется без должного ответа и что «Терджиман» ответит, считая название газеты синонимом самого его редактора-издателя.

Эта заслуга Гаспринского была отмечена уже в 1893 г., когда мусульмане во многих городах, в том числе в Тифлисе, Баку и др., праздновали первое десятилетие своего «Терджимана».

Лишь к этому времени число подписчиков доходило до 1600!

Это было самое больное место: «нет подписчика, нет читателя» – говорил Исмаил-бек, но не жаловался, так как верил в свое дело, рассчитывал на отклики из среды народа, еще мало сознательного... Зато увеличивались ряды добровольных корреспондентов; и писали в «Терджиман» лица всех положений: приходский мулла, народный учитель, купец-толстосум.

В условиях мусульманской действительности покойный находил нужным поддерживать отношения на местах не только письменно, но и личными посещениями. Нет места с преобладающим мусульманским населением, куда бы не ездил Исмаил-бек; мусульмане внутренних губерний России, Туркестана, Кавказа встречали у себя редактора-издателя «Терджимана». И всякий раз, после его отъезда, основывалась школа или какое-нибудь иное просветительно-культурное и благотворительное учреждение.

Везде и всюду Исмаил-бек Гаспринский проводил те же цели, что были и остались заветами «Терджимана». А цели эти (привожу из письма покойного ко мне в апреле 1893 г.) «просты и ясны: правильное воспитание русских мусульман на родном языке; развитие популярной литературы; возможное распространение русского языка, науки и культуры среди русских мусульман и тесное сплочение их с русскими на почве науки и материального прогресса».

Особенно плодотворна была деятельность его, направленная на реформирование мусульманских первоначальных школ – «мектебов». Знакомый с делом преподавания вообще, И.-б. Гаспринский еще в 1885 г. открыл в Бахчисарае мектеб сначала для мальчиков, а затем для девочек. Обучение в них шло по учебнику, составленному самим же Гаспринским по звуковому методу.

Блестящие результаты этих образцовых школ были причиной того, что подобные школы, названные новометодными, стали появляться и в других местах, преобразовываясь из мектебе старого типа.

Теперь целая сеть таких мектебов, и не только у русских мусульман, но и у мусульман зарубежных.

В деле развития популярной литературы «Терджиман» также повлиял на обогащение мусульманского книжного рынка появлением многих изданий по разным отраслям наук, и в частности обучения в школах.

Миллионы рублей, пожертвованных добрыми людьми на благотворительное учебное дело, открытие тысяч реорганизованных мектебов, в коих введен звуковой метод, сотни изданий и переводов литературного и научного характера, ряд благотворительных учреждений, а в последнее время популяризация идеи кооперации, взаимопомощи и сберегательных учреждений – вот результаты плодотворного влияния деятельности поистине незабвенного для мусульман Исмаил-бека Гаспринского.

В такой своей деятельности Гаспринский с благодарностью всегда вспоминал ныне покойного Гасан-бека Меликова-Зардобского, считая его первым пионером в деле мусульманской общественности и просвещения.

Как обожали мусульмане покойного Исмаил-бека, можно было видеть на мусульманских съездах, на которых он всегда играл видную роль.

Потеря такого человека, как Исмаил-бек Гаспринский, для мусульман велика, понятна их скорбь, но да послужит утешением его славная деятельность на пользу мусульман, из коих каждый над свежей могилой скажет:

«Спасибо тебе Исмаил-бек, за то, что, стоя на страже интересов своего народа, сделал все, что мог!.. Ты родился человеком, жил человеком и умер им!»

А. М.б. Топчибашев

Каспий. 1914. 13 сентября.

Примечания

1 «Каспий» – ежедневная русскоязычная общественно-политическая газета. Выходила в Баку в 1881–1919 гг. В 1897 г. редакция и типография газеты были куплены известным меценатом Г.З. Тагиевым и предоставлены представителям азербайджанской интеллигенции во главе с А.М. Топчибашевым. Газета последовательно защищала интересы азербайджанских тюрков и была популярна как мусульманский «Каспий».

2 Правитель канцелярии бакинского губернатора в ноябре 1901 г. сообщил в Петербург в Департамент полиции, что лицами, выступающими в качестве авторов новаторских сочинений, являются несколько мусульман, проживающих в Баку. В приведенном списке первым упоминался А.М. Топчибашев, а далее указывались: А.-б. Агаев, Г.-б. Меликов, Н. Нариманов, С.-М. Ганиев, Г.-б. Махмудбеков (ГИААР-АРТА. Ф. 45, Оп.1, Д. 35, л. 35).

3 Соколинский Н.А. – русский журналист, в 1883-1889 гг. главный редактор «Каспия». Под его руководством газета стала ежедневной, увеличила свой формат и приобрела известность в культурно-общественных кругах.

4 «Правительственный вестник» - официальный печатный орган российского правительства, где печатались указы, распоряжения и т.д.

5 Франко-прусская война 1870–1871 – военный конфликт между империей Наполеона III и добивавшейся европейской гегемонии Пруссией. Война, спровоцированная прусским канцлером О. Бисмарком и формально начатая Наполеоном III, закончилась поражением и крахом Французской империи, в результате чего Пруссия сумела преобразовать Северогерманский союз в единую Германскую империю.

6 Имеется в виду император Николай II (1868–1918), царствовавший в 1894–1917 гг.

7 Имеется в виду Александр II (1818–1881). Правил в 1855–1881 гг. Вошел в дореволюционную русскую историографию как царь-освободитель в связи с отменой крепостного права в 1861 г.

8 Пушкин А.С. (1799–1837) – русский поэт. Его 100-летний юбилей широко отмечался также в Баку, Нахчевани и в других местах Азербайджана.

9 Державин Г.Р. (1743–1816) – русский поэт эпохи просвещения, представитель классицизма.

10 Жуковский В.А. (1783–1852) – русский поэт, основоположник романтизма в русской поэзии, переводчик и критик.

11 Аракчеевская эпоха – период русской истории в начале XIX в., связанный с именем и реформами А.А. Аракчеева (1769–1834).

12 Александр I (1777–1825) – император (1801–1825) из династии Романовых.

13 Байрон Дж. (1788–1824) – английский поэт-романтик.

14 Шекспир У. (1564–1616) – английский поэт, драматург и актёр.

15 Гёте И.В. (1749–1832) – немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель.

16 Мицкевич А. (1798–1855) – польский поэт и деятель национально-освободительного движения.

17 Хафиз Ширази (1320-1399) – персидский поэт, один из выдающихся представителей суфийской поэзии.

18 Гораций К. (65 до н.э. - 8 до н.э.) – римский поэт.

19 Шенье А. (1762–1794) – французский поэт, мастер политической сатиры.

20 Имеется в виду Пётр I (1682–1725), император с 1721 г.

21 Григорьев А. (1822–1864) – русский поэт, литературный и театральный критик, переводчик, мемуарист.

22 Имеется в виду памятник А.С. Пушкину в Москве, установленный в 1880 г.

23 Первая Гаагская конференция – созвана по инициативе России в 1899 г. В конференции участвовало 27 государств.

24 Женевская конвенция 1864 г. – первое международное соглашение, посвящённое ведению войны, положению военнопленных, мирного населения на театре военных действий и т.д.

25 Буржуа Л. (1851–1925) – французский государственный деятель и юрист. Глава французской делегации на Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг.

26 Стэд Т. (1849–1912) – английский журналист, главный редактор журнала «Review of Reviews» (1890). Один из активных деятелей пацифистского движения.

27 Трансвааль (буквально за Ваалом) – бывшая провинция ЮАР, общее название региона, расположенного между Ваалем и Лимпопо. Общая площадь 283,9 км^2.

28 Имеется в виду Южно-Африканская республика, признанная англичанами как независимое государство в январе 1852 г.

29 Буры (на нидерландском языке boeren – крестьяне) – субкультурная группа в составе африканеров в ЮАР и Намибии. Иными словами, бурами называли фермеров-африканеров, белых сельских жителей.

30 Крюгер П. (1825–1904) – президент бурской республики Трансвааль. Участник военных операций буров против африканского населения.

В период англо-бурской войны 1899–1902 гг. один из руководителей сопротивления буров английским властям.

31 Голландская Ост-Индская компания – нидерландская торговая компания. Основана в 1602 г., просуществовала до 1798 г.

32 Столовая бухта (англ. Table-Bay) – бухта Атлантического океана у юго-западных берегов Африки.

33 Венский конгресс 1814–1815 гг. – общеевропейская конференция, в ходе которой были определены границы государств Европы после наполеоновских войн. В конгрессе, проходившем в Вене под председательством австрийского канцлера Меттерниха, участвовали представители всех европейских государств.

34 Капская колония – первая голландская переселенческая компания в Южной Африке с центром в г. Капстад, затем английское владение, переименованное в Кейптаун.

35 Оранжевое свободное государство, или Оранжевая республика – независимое государство, позже провинция в составе Южно-Африканского Союза и Южно-Африканской республики.

36 Имеется в виду Лондонское соглашение 1884 г., подписанное между Трансваалем и Великобританией, согласно которому была подтверждена независимость Трансвааля и установлена его западная граница.

37 Чемберлен Н. (1869–1940) – государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии. В 1937-1940 г. премьер-министр Великобритании.

38 Ермолов А.С. (1847–1917) – государственный деятель Российской империи. В 1894–1905 г.г. министр земледелия и государственных имуществ. С 1905 г. член Государственного Совета.

39 Имеется в виду китайское восстание ихэтуаней против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая с 1898 г.г. по 1901 г. В результате восстания Китай попал в ещё большую зависимость от иностранных государств, что сказалось на его политическом и экономическом развитии в первой половине XX в.

40 Речь идет о великих державах.

41 Кеттелер К. (1853–1900) – германский дипломат. Был убит участниками боксёрского бунта после объявления войны Союзом восьми государств Китаю.

42 Вильгельм II (1859–1941) – прусский политик и государственный деятель, в 1888–1918 г.г. император. После поражения Германии в I мировой войне под давлением революционных сил отрекся от престола.

43 Фридрих Великий (1122–1190) – германский государственный деятель, император Священной Римской империи.

44 Сеймур Г. (1840–1929) – английский адмирал. Воевал против участников боксерского восстания в Китае во главе английских военно-морских сил.

45 Имеется в виду Испано-португальская кампания Наполеона I (1769–1821) в 1807 г., в результате которой Испания была присоединена к Французской империи.

46 Имеются в виду война 1812 года между Россией и вторгшейся на ее территорию армией Наполеона Бонапарта.

47 Виктория (1819–1901) – королева Великобритании из Ганноверской династии, правившая Британской империей в 1837–1907 г.г.

48 Эдуард Август, герцог Кентский (1767-1820) – четвертый сын короля Георга III, отец королевы Виктории.

49 Георг III (1738–1820) – король Великобритании в 1760-1820 г.г. Родом из Ганноверской династии.

50 Вильгельм IV (1765–1837) – король Великобритании и Ганновера с 25 июня 1830 г. Со смертью Вильгельма IV прекратилась личная уния Великобритании и Ганновера.

51 Великая Французская революция – политические и военные события 1789–1799 гг. во Франции, в результате которых страна перешагнула от монархизма к диктатуре. В ходе революции были ликвидированы остатки феодализма для развития буржуазных отношений, источником власти стал народ, пришел конец эпохи Просвещения и т.д.

52 Четверной Союз – соглашение, подписанное в 1834 г. в Лондоне Англией, Францией, Испанией и Португалией для защиты либеральных учреждений на Пиренейском полуострове, против монархических устремлений карлистов.

53 Карлос Марио Исидро де Бурбон (1788–1855) – испанский инфант, сын короля Карла IV. Претендент на испанский престол с 1833 по 1844 г.

54 Рассел Дж. (1792–1878) – лорд, британский политический деятель. В 1846-1852 и 1865-1866 гг. премьер министр Великобритании.

55 Кобден Д. Р. (1804–1864) – английский политический деятель, лидер движения за свободу торговли в Англии.

56 Дизраэли Б. (1804–1881) – английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874-1880 гг.

57 Гладстон Ю. (1809–1898) – английский государственный деятель и писатель. В 1868–1894 гг. четырежды занимал пост премьер-министра Великобритании.

58 Альберт Саксон-Кобургский (1819–1861) – муж королевы Виктории с 1840 г.

59 Ганноверская династия – династия королей Великобритании с 1704 по 1901 г.

60 Эдуард VII (1841–1910) – король Великобритании и Ирландии, император Индии (с 1901 г.), первый из Саксон-Кобург Готской (ныне Виндзорской) династии.

61 Александрина Датская (1844–1925) – датская принцесса, ставшая королевой Великобритании и Ирландии, а также императрицей Индии.

62 Мария Фёдоровна (1847–1928) – дочь датского короля Христиана IX, жена Александра III, императрица с 1866 г.

63 Алиса, принцесса (1843–1878) – великая герцогиня Гессенская и Рейнская, дочь королевы Великобритании Виктории и принца Альберта, мать жены Николая II Александры Фёдоровны.

64 Александра Фёдоровна (1872–1918) – императрица, супруга Николая II (с 1894 г.)

65 Виктория, принцесса (1840–1892) – старший ребёнок в семье королевы Виктории и принца Альберта. После выхода замуж за Фредерика III (1831–1888) стала императрицей Пруссии.

66 Альберт Виктор (1864–1892) – старший внук королевы Виктории по прямой мужской линии, сын принца Эдуарда Уэльского и Александры Датской.

67 Георг V (1865–1936) – внук королевы Виктории, король Великобритании с 1910 г.

68 Луиза, принцесса Датская (1867–1931) – старшая внучка королевы Виктории.

69 Виктория (1868–1935) – внучка королевы Виктории, принцесса.

70 Мод Уэльская (1869–1938) – внучка королевы Виктории, принцесса.

71 Эдуард I (1239–1307) – король Англии в 1272–1307 г.г. из династии Плантагенетов.

72 Эдуард II (1284–1327) – король Англии с 1307 г. Сын короля Эдуарда I, седьмой король из династии Плантагенетов.

73 Civil list – список лиц, финансируемых из государственной казны. Практикуется в Англии начиная с 1688 г.

74 Яков VI Шотландский (1566–1625) – король Шотландии и первый король Англии из династии Стюартов (с 1603 г.) под именем Яков I. Сын Марии Стюарт и Генриха Стюарта, лорда Дернли.

75 Мария Стюарт (1542–1587) – королева Шотландии с младенчества до низложения в 1567 г., а также королева Франции в 1559–1560 г.г. как супруга короля Франциска II, и претендентка на английский престол.

76 Ванновский П.С. (1822–1904) – в 1882–1898 г.г. военный министр, с 1901 г. министр народного просвещения России.

77 Имеется в виду Иисус Христос.

78 Яновский К.П. (1857–1930) – российский государственный и общественный деятель, попечитель Кавказского учебного округа.

79 Имеется в виду Л. Нобель (1831–1888) – старший брат А. Нобеля и создатель нефтяной компании «Товарищество братьев Нобель» в Баку, которая за короткий срок стала одной из лучших в Европе и России по добыче, переработке и транспортировке нефтяных продуктов.

80 Имеется в виду международная выставка, организованная в Париже в связи со 100-летием Великой Французской революции в 1889 г.

81 Тагиев Г.З. (1838–1924) – азербайджанский нефтепромышленник и меценат, действительный статский советник. Многие культурные начинания в Азербайджане конца XIX – начала XX в. тесно связаны с его именем.

82 Ковалевский В.И. (1848–1934) – государственный деятель царской России, экономист, финансист, специалист по сельскому хозяйству.

83 Гукасов П.О. (1858–?) – нефтепромышленник, инженер. В 1906–1912 гг.член Государственного Совета от торгово-промышленной курии.

84 Фейгль А.М. – нефтепромышленник, в 1906–1909 гг. председатель Совета съезда нефтепромышленников.

85 Гукасов А.О. (1872–1969) – нефтепромышленник, издатель, общественный деятель и меценат. Младший брат П.О. Гукасова.

86 Здесь и далее имеется в виду азербайджанский язык.

87 Талейран-Перигор Ш. (1754–1838) – французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при нескольких режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи Филиппа.

88 Мильнер А. (1854–1925) – британский государственный деятель. Сыграл важную роль в формировании внутренней и внешней политики Британской империи начиная с 90-х годов XIX в. вплоть до 20-х годов XX в.

89 Китченер Г. (1850–1916) – английский военный деятель, фельдмаршал (1909).

90 Лейдс В.Дж. (1859–1940) – голландский юрист, верховный судья (1884-1889) и госсекретарь Южно-Африканской республики. С 1898 по 1902 г.г. был полномочным министром южноафриканского государства при европейских державах.

91 Николай II – российский император в 1894–1917 гг.

92 Ализаде Г.М. (1871–1954) – религиозный и общественный деятель, в 1918 г. председатель Духовного управления мусульман Кавказа.

93 Меликов-Зардаби Г. (1837–1907) – азербайджанский просветитель, общественный деятель. Создал первую азербайджанскую газету «Экинчи» (1875). Появление азербайджанского театра, школ нового типа, женское образование и другие начинания национально-культурной жизни тесно связаны с именем и деятельностью Г. Зардаби.

94 Везиров Ф. (1857–1920) – инженер-промышленник, общественный деятель. Занимался благотворительностью и просветительством.

95 Мак-Кинли У. (1843–1901) – американский политический и государственный деятель, 25-й президент США (1897–1901). Убит американским анархистом белорусского происхождения к концу первого президентского срока.

96 Гаррисон Б. (1833–1901) – американский политический и государственный деятель, 23-й президент США (1889–1893).

97 Кливленд Г. (1837–1908) – политический и государственный деятель США. Единственный президент США, занимавший свой пост два срока с перерывом и, соответственно, получивший двойную нумерацию в списке президентов – 22-й президент (1885–1889) и 24-й президент (1893–1897).

98 Имеется в виду военный конфликт между США и первой Филиппинской Республикой в 1899–1902 гг. В результате филиппинское правительство официально признало американское превосходство.

99 Рузвельт Т. (1858–1919) – американский политический и государственный деятель, 25-й вице-президент, 26-й президент США в 1901–1909 гг. Представитель Республиканской партии, лауреат Нобелевской премии Мира.

100 Spoil system – неформальная практика в политической системе США, когда победившая на выборах партия предоставляет государственные должности своим сторонникам за их рвение и труд в достижении победы.

101 Теория Монро заключается в идее провозглашения обеих частей американского континента зоной, закрыто для европейской колонизации. Впервые была декларирована в 1823 г. в период президентства Дж. Монро.

102 Имеется в виду XIX век.

103 Старосельский Д.С. (1832–1884) – российский государственный деятель, генерал-лейтенант, в 1872–1875 г.г. генерал-губернатор Баку, в 1878–1884 г. начальник Главного управления Кавказского наместничества. Помог Г. Зардаби в издании газеты «Экинчи».

104 В феврале 1901 г. бакинский губернатор в ответ на просьбу А.М. Топчибашева разрешил ему открыть в Баку дешевую библиотеку-читальню (ГИААР, Ф. 45, Оп. 1, Д. 36, Л. 18).

105 Пироговский съезд – съезды русских медиков, посвященные памяти известного русского хирурга и анатома Пирогова Н.И. (1810–1881).

106 Мозафереддин шах (1853–1907) – пятый шах из династии Каджаров. Правил Персией в 1896–1907 гг. С раннего возраста был губернатором Азербайджана, наследником трона. Выступал как сторонник европеизации Ирана. По его инициативе в Тебризе издавалась газета «Насыри», проводившая идеи европейской цивилизации, основана школа «Музафферие», где наряду с военными предметами преподавались европейские языки и естественные науки.

107 Насреддин шах (1831–1896) – четвертый шах Персии из династии Каджаров. Правил в 1848–1896 гг. Его правление самое долгое в новейшей истории Персии. Погиб от руки террориста.

108 Лубэ Э. (1838–1929) – государственный деятель Франции, президент Французской Республики в 1899–1906 гг.

109 Двойственный союз – военно-политический союз Франции и России, который был основным вектором внешней политики двух государств в 1891–1917 гг.

110 Третья Французская Республика – период французской государственности, охватывающий 1870–1940 гг.

111 Тройственный союз – военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившийся в 1879–1882 г., который положил начало разделу Европы на враждебные лагеря и сыграл решающую роль в подготовке и развязывании Первой мировой войны.

112 «Хаблуль-матин» – персоязычная газета. Издавалась в Индии, в Калькутте, в 1868–1942 гг.

113 Муштеид – религиозный деятель, ученый богослов.

114 Ахундов М.Ф. (1812–1878) – основоположник азербайджанской драматургии, поэт, писатель, критик и философ. Выступал как последовательный реформатор арабского алфавита. В 1903 г. был отмечен 50-летний юбилей первого издания его комедий.

115 Тагиевский театр – первый театр Баку. Находился на месте нынешнего театра Музыкальной комедии. Был построен в 1883 г. на средства Г.З. Тагиева. В 1893 г. здание было отстроено опять-таки на средства Г.З. Тагиева.

116 Мольер Ж.Б. (1622–1673) – комедиограф Франции, создатель классической комедии.

117 Вагиф М.П. (1717–1797) – азербайджанский поэт, везирь Карабахского ханства. Обновление азербайджанской поэзии, упрощение языка и формы связаны с именем и творчеством Вагифа.

118 Закир Г. (1784–1857) – азербайджанский поэт. Автор лирических и сатирических произведений. Выступал против русского и армянского засилия в родном Карабахе.

119 Видади М.В. (1707–1808) – азербайджанский поэт, современник и близкий друг М.П. Вагифа.

120 Берже А. (1818–1886) – востоковед, сотрудник Кавказской археологической комиссии. С помощью М.Ф. Ахундова собрал и издал в 1867 г. в Лейпциге произведения азербайджанских поэтов.

121 Гарабаги-Нерсесов М.Ю. – армянский летописец XIX в. Собрал и издал в

1856 г. в Темир-Хан-Шуре произведения Вагифа и других азербайджанских авторов.

122 Низами Гянджеви (1141–1209) – азербайджанский поэт, мыслитель. Автор знаменитой «Пятерицы» – «Хамсе».

123 Ахундов Р. (1856–1927) – сын М.Ф. Ахундова, инженер и общественный деятель.

124 Вазех М. Ш. (1792–1852) – азербайджанский поэт. Писал на азербайджанском и персидском языках. Многие его стихотворения заимствованы немецким востоковедом и переводчиком Ф. Боденштедтом (1819–1892).

125 Розен Г.В. (1782–1841) – барон, русский военачальник эпохи наполеоновских войн. В 1831–1837 гг. командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью Кавказа.

126 Бестужев-Марлинский А.А. (1797–1837) – русский писатель, публицист, критик, участник декабристского движения, автор ряда произведений на азербайджанскую тематику.

127 Сефевиды – тюркская династия, правившая Персией в 1501–1737 гг. Основоположником династии является поэт и полководец Шах Исмаил Хатаи (1486–1524).

128 Воронцов М.С. (1782–1856) – российский государственный деятель, князь, генерал-фельдмаршал. В 1844–1854 гг. наместник Кавказа.

129 Гараджадаги М.Д. – персидский литературовед и переводчик азербайджанского происхождения. Перевёл комедии М.Ф. Ахундова на персидский язык в 70-х годах XIX в.

130 Джелаледдин Мирза – просвещенный персидский принц из династии Каджаров. Состоял в переписке с М.Ф.Ахундовым.

131 Хаггард В. – британский востоковед.

132 Ле Стрейндж Г. – британский востоковед.

133 Мейнар Б. де (184–1928) – французский востоковед, переводчик пьес М.Ф. Ахундова на французский язык, автор статей об азербайджанской литературе.

134 «Journale Asiatique» – востоковедческий журнал Франции. Орган Азиатского общества (Societe Asiatique) в Париже. Издается с 1812 г. На страницах журнала опубликованы многочисленные материалы, посвященные истории, языку и литературе Азербайджана.

135 Сиер Альфонс – французский ориенталист.

136 Вармунд А. – немецкий ориенталист.

137 «Allgemeine Zeitung» – немецкий обшественно-политический и научно-художественный журнал. Издавался в 1798–1929 гг.

138 Царнке Ф. – немецкий филолог.

139 Имеется в виду «Literarisches Zentralblatt für Deutschland».

140 Кочарли Ф. (1863–1920) – азербайджанский литературовед, историк литературы, педагог и общественный деятель. Автор первой многотомной истории национальной литературы. Основатель Казахской учительской семинарии (1918).

141 Горийская учительская семинария – закавказская учительская семинария, специальное учебное заведение для подготовки педагогов для народов, населявших Южный Кавказ. Действовала в г. Гори в 1876–1917 гг. В 1882 г. было открыто азербайджанское отделение семинарии.

142 Толстой Л.Н. (1828–1910) – граф, русский писатель и общественный деятель, моралист.

143 Шопенгауер А. (1788–1860) – немецкий философ. Один из самых известных мыслителей иррационализма, изучал мистики и философские идеи Востока.

144 «Вестник Кавказа» - литературно-художественный журнал. Издавался в начале XX в. в Тифлисе.

145 Имеется в виду место рождения поэта – Казахский магал Азербайджана.

146 Ашуг Пери (1811–1837) – азербайджанская поэтесса. Автор лирических стихотворений.

147 Набати А. (1812–1873) – азербайджанский поэт. Родом из Южного Азербайджана. Творчество Набати проникнуто суфизмом и богато фольклорными мотивами.

148 Агаев А. (1869–1939) – общественный и политический деятель Азербайджана и Османской империи и новой Турции, член азербайджанского и турецкого парламентов, журналист, публицист. Основал газеты «Хеят» и «Иршад» в Баку, «Хакимиети-миллие» и «Акын» в Анкаре. Автор многочисленных трудов. Один из сподвижников Ататюрка.

149 Везиров Н. (1854–1926) – азербайджанский драматург, публицист и общественный деятель. Автор первой трагедии в национальной драматургии.

150 Ахвердиев А. (1870–1933) – азербайджанский писатель, драматург, общественный деятель, дипломат.

151 Ганиев (Ганизаде) С.М. (1866–1937) – азербайджанский писатель, переводчик, журналист, составитель учебников и словарей.

152 Точнее, «Русско-татарский словарь».

153 «Тарджиман» – крымско-татарская общественно-политическая газета. Выходила в 1883–1918 гг. в Бахчисарае. Основатель И. Гаспринский. Газета широко освещала общественную и культурную жизнь Азербайджана.

154 Гаспринский И. (1851–1914) – крымско-татарский просветитель и общественный деятель.

155 Анреп В.К. (1852–1927) – врач, физиолог и фармаколог, член III Государственной думы.

156 Шувалов П.П. (1870–1932) – граф, государственный деятель, генерал-майор.

157 Имеется в виду разрушительное землетрясение в Шемахе в 1903 г.

158 Накашидзе М.А. (1844–1905) – государственный деятель царской России, бакинский губернатор. Убит армянским террористом.

159 Гамалея Н.Ф. (1859–1949) – русский медик, микробиолог.

160 «Бакинские известия» – русскоязычный периодический орган в Баку. Был основан в 1873 г. бакинским губернатором Д. Старосельским.

161 Векилов М.Р. (1866–1943) – азербайджанский врач и общественный деятель. Один из организаторов медицинской службы в Баку.

162 Агаев Г. (1875–1920) – врач, общественно-политический деятель. В 1919–1920 гг. исполняющий обязанности председателя Парламента Азербайджанской Республики.

163 Мирджафарзаде М.М. (1853–1937) – религиозный деятель, автор многотомных комментариев к Корану на азербайджанском языке.

164 Порт-Артур – русское оборонительное сооружение на Дальнем Востоке. После длительной осады крепость была сдана японцам 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.). Это было одно из значительных поражений Российской империи в войне с Японией.

165 Гянджа – захвачена войсками генерала Цицианова 3 января 1804 г. после осады. В бою против русских погиб гянджинский правитель Джавад хан и его сын Гусейнгулу хан.

166 Елизавета Алексеевна (1779–1826) – русская императрица. После захвата русскими войсками, город Гянджа был переименован в ее честь в Елизаветполь в 1804 г.

167 Эзоп – полулегендарный персонаж древнегреческой литературы, баснописец, живший в VI в. до н. э.

168 Сцилла и Харибда – морские чудища из греческой мифологии. Харибда в древнегреческом эпосе – олицетворенное представление всепоглощающей морской пучины.

169 «Шярки-Рус» («Русский Восток») – общественно-политическая и экономическая газета. Первый печатный орган на азербайджанском языке в XX в. Издавалась в 1903–1905 гг. в Тифлисе под редакцией журналиста и общественного деятеля М. Шахтахтинского.

170 Шахтахтинский М. (1846–1931) – азербайджанский журналист, востоковед, педагог, общественный деятель, депутат Государственной Думы.

171 «Экинчи» – первая азербайджанская газета. Издавалась в 1875–1877 гг. в Баку под редакцией Г. Зардаби.

172 «Зия» – азербайджанская газета. Издавалась С. Унсизаде в 1879–1884 гг. в Тифлисе.

173 «Кешкюль» – азербайджанский литературно-художественный журнал. Выходил под редакцией Дж. Унсизаде в 1883–1891 гг. в Тифлисе.

174 Унсизаде – братья Саид, Камал и Джалал Унсизаде, в 80-90-х годах XIX в. занимались издательской деятельностью в Тифлисе.

175 Черняевский А.О. (1840–1894) – русский и азербайджанский педагог, организатор и первый инспектор азербайджанского отделения Закавказской учительской семинарии в Гори.

176 Ахундзаде А.А. (?–1907) – мусульманский теолог. Автор религиозных сочинений. В 1895-1907 гг. шейх-уль-ислам Закавказья.

177 Гаибов (Гаибзаде) Г. (1830–1917) – религиозный деятель, в 1883–1917 гг. муфтий Кавказа, автор книг и статей по религиозной тематике, а также учебников и многотомной антологии азербайджанской литературы.

178 Фрезе А.А. (1840–1918) – русский государственный деятель, генерал от инфантерии, член Государственного Совета Российской империи.

179 Воронцов-Дашков И.И. (1837–1916) – граф, русский государственный и военный деятель, в 1905–1915 гг. наместник Кавказа.

180 Наместничество – особый орган административно-территориального управления в Российской империи. Возглавлялось наместником, назначенным императором, осуществлявшим полноту его гражданской власти (кроме законодательной) и подчинявшимся ему непосредственно.

181 Святополк-Мирский П.Д. (1857–1914) – князь, государственный деятель. С августа 1904 г. по январь 1905 г. министр внутренних дел Российской империи.

182 Булыгин А.Г. (1851–1919) – русский государственный деятель. В январе – октябре 1905 г. министр внутренних дел, участвовал в комиссии по выработке первого положения Государственной Думы.

183 Манифест 17 октября – полное название «Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка». Законодательный акт верховной власти Российской империи, обнародованный 17 октября 1905 г. Значение манифеста заключалось в распределении единоличного права российского императора законодательствовать между собственно монархом и законодательным органом. Манифест провозглашал и предоставлял гражданские права и свободы.

184 Витте С.Ю. (1849–1915) – граф, русский государственный деятель, в 1892-1903 гг. министр финансов. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. председатель Совета министров Российской империи.

185 Государственная Дума – первое в истории законодательное учреждение Российской империи. Была учреждена манифестом Николая II от 6 августа 1905 г. как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов».

186 Конституционно-демократическая партия – одна из основных политических партий в России в начале XX в., иногда называлась партия народной свободы или в сокращенном виде кадеты. В I и II Государственной Думе кадеты были ведущей политической силой.

187 Гучков А.И. (1862–1936) – крупный русский капиталист и политик, общественный деятель. Лидер октябристов. В 1910–1911 гг. председатель III Государственной Думы.

188 Петрункевич И.И. (1843–1928) – русский общественно-политический деятель, депутат Государственной Думы.

189 Родичев Ф.И. (1854–1933) – русский политический деятель, депутат Государственной Думы.

190 Гейден П.А. (1840–1907) – граф, русский судебный, общественный и политический деятель, член Государственной Думы.

191 «Гейат» («Жизнь») – ежедневная азербайджанская общественно-политическая газета. Выходила в Баку в 1905–1906 гг. Издатель А.М. Топчибашев, редакторы А. Агаев и А. Гусейнзаде.

192 Дурново П.Н. (1845–1915) – государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел (1905–1906).

193 Мидхат паша (1822–1884) – политический и государственный деятель Османской империи, дважды садразам (премьер-министр) . Выступил активным защитником политических реформ. Благодаря его усилиям в 1876 г. была принята первая турецкая конституция.

194 Бисмарк О. (1815–1898) – князь, государственный деятель Германии, первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 г.

195 Ледницкий А. (1866–19340 – польско-русский политический и общественный деятель, юрист и филантроп. Член I Государственной Думы.

196 «Иверия» – грузинский литературно-художественный и общественно-политический журнал. Основан в 1871 г. известным грузинским писателем и общественным деятелем И. Чавчавадзе (1837–1907).

197 Дашнакцутюн – «Армянское революционное содружество», армянская политическая партия. Создана в 1890 г. в Тифлисе. В 1918–1920 гг. была правящей партией в Республике Армения. С 1991 г. легально действует в Армении.

198 «Возрождение» – ежедневная русскоязычная общественно-политическая газета, издаваемая в Тифлисе в 1906-1918 гг.

199 Игнатьев А.П. (1842–1906) – русский государственный деятель, генерал от кавалерии, член Государственного Совета Российской империи.

200 Имеется в виду соглашение от 1 декабря 1905 г. между армянским и азербайджанским населения Тифлиса о приостановлении враждебных действий в отношении друг друга.

201 «Баку» – ежедневная русскоязычная газета. Выходила в 1905–1907 гг. в Баку, защищала интересы армянской буржуазии.

202 «Мусульманин» – литературный псевдоним известного ученого и публициста Р. Меликова.

203 Правительствующий Сенат – в Российской империи высший государственный орган, подчиненный императору. Учреждён Петром I в 1711 г. как высший орган государственной власти и законодательства. С начала XIX в. осуществлял надзорные функции за деятельностью государственных учреждений, с 1864 г. высшая кассационная инстанция. Распущен после Октябрьской революции 1917 г.

204 Шапошников Г.Н. (1870–?) – внепартийный (из крестьян) I депутат Государственной Думы.

205 «Речь» – ежедневная российская общественно-политическая газета. Центральный орган партии конституционных демократов. Издавалась в Петербурге в 1906–1917 гг.

206 Государственный Совет – высший законосовещательный орган Российской империи в 1880–1906 гг. и верхняя палата законодательного учреждения – Государственной Думы Российской империи в 1906–1917 гг.

207 Череванский В.П. (1836–1914) – русский политический и государственный деятель, член Государственного Совета.

208 Ключевский В.О. (1841–1911) – русский историк, академик (1900), автор «Краткого пособия по русской литературе» (в 4 т.). В 1905 г. Ключевский получил официальное поручение участвовать в работе комиссии по пересмотру законов о печати и в совещаниях по проекту учреждения Государственной Думы и ее полномочий.

209 «Русские ведомости» – русская общественно-политическая газета. Издавалась в Москве в 1865–1918 гг. С 1905 г. газета стала органом правого крыла партии кадетов.

210 Евецкий Ф.О. (1851–1909) – доктор медицины, профессор.

211 Алексеев А.С. (1851–1916) – профессор государственного права.

212 Боргман И.И (1849–1914) – физик, ректор Санкт-Петербургского университета (1905–1910), член Государственного Совета.

213 Мокринский С.П. (1866–?) – юрист, профессор.

214 Пассек Е.В. – правовед, специалист в области гражданского права в начале XX в., член Государственного Совета.

215 Вериго Б.Ф. (1860–1925) – ученый и общественный деятель, известный физиолог, член Государственного Совета.

216 Вернадский В.И. (1863–1945) – академик, естествоиспытатель, мыслитель, общественный деятель, член Государственного Совета.

217 Лаппо-Данилевский А.С (1863–1919) – академик, член Государственного Совета.

218 Ланге Н.Н. (1858–1921) – психолог, один из основоположников экспериментальной психологии в России, член Государственного Совета.

219 Пусторослев П.П (1854–?) – ученый и общественный деятель, член Государственного Совета.

220 Шахматов А.А. (1864–1920) – филолог и историк, основоположник исторического изучения русского языка, член Государственного Совета.

221 Бородин Н.А. (1861–1937) – ученый и политический деятель, I член Государственной Думы.

222 Багалей Д.И. (1857–1932) – ректор Харьковского университета (1906–1910), член Государственного Совета.

223 Петриев В.М.(1845–?) – специалист в области технической химии и технологии, член Государственного Совета.

224 Семенов М.Е. (1860–?) – депутат I Государственной Думы.

225 Самсон – знаменитый библейский герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами. Автор, говоря о длинных волосах Самсона, указывает на известную библейскую легенду о секрете силы и могущества Самсона, т.е. народа в данном случае.

226 Ганото Г. (1853–1944) – французский политик, министр иностранных дел Французской Республики в 1894–1898 гг.

227 «Союз русского народа» – православно-монархическая организация. Крупнейшее черносотенное образование на территории Российской империи, существовавшее с 1905 г. по 1907 г.

228 «Новое время», «Россия» – черносотенные газеты, печатные органы «Союза русского народа».

229 Столыпин П.А. (1862–1911) – политический и государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров (1906–1911). Сторонник жесткого правления. В российскую историю вошел как реформатор.

230 Всероссийские съезды русских людей – периодические совещательные собрания русских монархических, черносотенных организаций в период

после революции 1905 г. Первый Всероссийский съезд «истинно русских людей» состоялся 8–12 февраля 1906 г.

231 Коковцев В.Н. (1853–1943) – политик и государственный деятель, председатель Совета министров в 1911–1914 гг. Член Государственного Совета (1905–1917).

232 Грингмут В.А. (1851–1907) – политический деятель праворадикального толка, один из основателей и главных идеологов черносотенного движения в России.

233 Дубровин А.И. (1855–1921) – политик, один из лидеров правых, сторонник монархизма в России.

234 Юзефович Б.М. (1843–1911) – военный, государственный и общественный деятель, публицист, педагог, монархист.

235 Кузьмин-Караваев В.Д. (1859–1927) – юрист, профессор, генерал-майор. Член I и II Государственной Думы.

236 Горемыкин И.Л. (1839–1917) – государственный деятель царской России, трижды занимал пост премьер-министра, член Государственного Совета.

237 Трубецкой Е.Н. (1863–1920) – князь, философ-богослов, правовед и общественный деятель. Член Государственного Совета (1907–1908).

238 «Русское богатство» – российский коммерческий, индустриальный, агрокультурный журнал. Выходил с 1876 по 1917 г.

239 Кони А.Ф. (1844–1927) – юрист, общественный деятель и литературовед, почетный академик Петербургской АН.

240 «Вестник Европы» – русский литературно-художественный и научно-популярный журнал.

241 Пыпин А.Н. (1833–1904) – литературовед, этнограф, академик Петербургской АН.

242 «Kpaj» – польский общественно-политический еженедельник. Издавался в 1882–1909 гг. в Петербурге.

243 «Athenaeum» – польский историко-филологический и литературно-художественный журнал. Издавался в 1876–1901 гг. в Варшаве.

244 Имеются в виду русско-японские мирные переговоры. В результате этих переговоров был подписан Портсмутский договор между Российской империей и Японией, завершившей русско-японскую войну 1904–1905 гг. Договор подписал Витте 23 августа (5 сентября) 1905 г. в г. Портсмут (США). Согласно документу, Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним , а также юг Сахалина и т.д.

245 Микадо – устаревшая форма обозначения японского императора.

246 Макака – оскорбительное название японцев в шовинистической американской и европейской печати.

247 Имеется в виду император Мейдзи (1852–1912), 122-й император Японии, сыгравший огромную роль в реформировании всех сторон жизни своей империи, благодаря чему за короткий срок Япония превратилась в одну из развитых стран мира.

248 «Кавказ» – русскоязычная общественно-политическая газета. Издавалась в 1846–1918 гг. в Тифлисе. Считалась полуофициальным печатным органом Кавказского наместничества.

249 Союз 17 октября (октябристы) – праволиберальная политическая партия чиновников, помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии России, существовавшая в 1915–1917 гг. Партия представляла правое крыло российского либерализма, придерживаясь умеренно-конституционных взглядов.

250 Наполеон III Бонапарт (1808–1873) – президент Французской Республики в 1848–1852 гг., император французов в 1852–1870 гг. Свершив переворот в 1851 г. и устранив законодательную власть, установил авторитарный полицейский режим и провозгласил себя императором Второй империи.

251 «Выборгское воззвание» – призыв 10 июля 1906 г. «Народу от народных представителей», составленный в г. Выборг и подписанный значительной группой (около 200 человек) депутатов Государственной Думы первого созыва через два дня после ее роспуска указом императора Николая II. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям – не платить налоги, не ходить на военную службу и т.д. Среди подписавших «Выборгское воззвание» были и депутаты – азербайджанцы А. Топчибашев, И. Зиятханов.

252 Гурко-лидвалевская афера – одна из финансовых махинаций, связанных с именем В.И. Гурко (1862–1927), крупным русским чиновником, членом Русского собрания, сподвижником председателям Совета министров России П.А. Столыпина.

253 Антоний (Вадновский А.В.) (1846–1912) – деятель русской православной церкви, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

254 «Торгово-промышленная газета» – финансово-экономическая ежедневная газета. Выходила с 1901 г. как печатный орган Министерства финансов. Однако в дни Первой русской революции газета превратилась в политическую трибуну правительства.

255 Партия мирного обновления – русская политическая партия. Была создана в 1906 г. бывшими левыми октябристами (П.А. Гейден и др.) и бывшими правыми (Н.Н. Львов и др.) на основе фракции «мирного обновления» I в Государственной Думе.

256 Плевако Ф.Н. (1842–1908) – адвокат, юрист, судебный оратор. По своим

политическим воззрениям принадлежал к «Союзу 17 октября».

257 Герье В.И. (1837–1919) – историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской АН, с 1906 г. член Государственного Совета. В политической деятельности примкнул к «Союзу 17 октября».

258 Кизеветтер А.А. (1866–1933) – историк, публицист, политический деятель. Член II Государственной Думы от партии кадетов.

259 Герье В.И. (1837–1919) – историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской АН.

260 Половцев И.А. (1869–?) – политик, один из активных членов «Союза 17 октября».

261 Кокошкин Ф.Ф. (1871–1919) – политический деятель, один из основателей конституционно-демократической партии, депутат I Государственной Думы.

262 Шершеневич Г.Ф. (1863–1912) – политик, юрист, член I Государственной Думы от партии кадетов.

263 Бежанов Н.И. – участник революционного движения в России, кадет.

264 Набоков В.Д. (1869–1922) – литератор и политик, отец известного русского писателя-эмигранта В.В. Набокова. Один из основателей партии кадетов. Член I Государственной Думы.

265 Милюков П.Н. (1859–1943) – политический деятель, историк и публицист. Один из основателей и лидер конституционно-демократической партии. Министр иностранных дел Временного правительства (1917).

266 Гредескул Н.А. (1859–1930) – политик и ученый, член партии кадетов, член I Государственной Думы.

267 Гессен И.В. (1866–1943) – государственный и политический деятель, один из лидеров партии кадетов, депутат II Государственной Думы.

268 Кэмпбелл-Баннерман Г. (1836–1908) – английский государственный и политический деятель. Премьер-министр Великобритании в 1905–1908 гг.

269 Магомед Али Шах (1872–1924) – шах Персии из Каджарской династии (1907-1909).

270 «Русь» – российская общественно-политическая газета правого толка. Выходила с 1905 г. в Петербурге.

271 Абдул-Хамид II (1842–1909) – султан Османской империи, правил в 1876–1909 гг. Пытался установить режим единоличной власти и сохранить территориальную целостность страны путем жесткого правления.

272 Ламсдорф В.Н. (1845–1907) – граф, государственный деятель, министр иностранных дел России в 1900–1906 гг.

273 Онипко Ф.М. (1880–1938) – общественный деятель, член I Государственной Думы.

274 Трудовая группа – российская политическая организация в 1903–1908 гг. В I Государственной Думе члены Трудовой группы или так называемые трудовики составляли около 80 человек и по численности и влиянию уступали только конституционным демократам.

275 Аникин С.В. (1868–1919) – политический деятель, член I Государственной Думы, лидер Трудовой группы .

276 Ковалевский М.М. (1851–1916) – историк, юрист, социолог и общественный деятель, один из руководителей русского масонства, академик.

277 Аладьин А.Ф. (1873–1927) – журналист и общественный деятель, I депутат Государственной Думы.

278 «Страна» – общественно-политическая газета левого толка. Выходила с 1906 г. Основатель и главный редактор М.М. Ковалевский.

279 Новосильцев Л.Н. (1872–1934) – военный и политический деятель, член Государственной Думы.

280 Богданович И.В. (1873–?) – политический деятель, военный, монархист.

281 «Закавказье» – русскоязычная общественно-политическая газета либерального толка. Издавалась при активном участии азербайджанских авторов в Тифлисе в 1905–1914 гг.

282 Людовик XVI (1754–1793) – король Франции из династии Бурбонов. При нем после созыва Генеральных Штатов в 1789 г. началась Великая Французская революция.

283 Карл I (1625–1649) – король Англии. После революции О. Кромвеля был казнен как тиран и государственный изменник.

284 Ильминский Н.И. (1822–1891) – ученый, богослов, миссионер, ученик и последователь К.П. Победоносцева. Выступал за русификацию нерусских народов (в основном мусульман) царской России путём распространения христианской религии среди них.

285 Победоносцев К.П. (1827–1907) – государственный деятель, ученый-правовед, в 1880-1905 гг. обер-прокурор Святейшего Синода, монархист и реакционер.

286 «Православный собеседник» – периодическое, научно-религиозное и богословское издание Святейшего Синода.

287 Мусульманская парламентская фракция – сформирована из депутатов Кавказа, Центральной Азии, Крыма, Урала и Поволжья во главе с А.М. Топчибашевым. Во фракцию входили члены Государственной Думы от мусульманского населения.

288 Стахович М.А. (1861–1923) – политический деятель, поэт, член I и II Государственной Думы, член Государственного Совета.

289 Гросвальд Ф.П. (1850–?) – эстонский политический и общественный деятель, член I Государственной Думы.

290 Николадзе Н.Я. (1843–1928) – грузинский просветитель, публицист.

291 Маклаков В.А. (1869–1957) – общественно-политический деятель, юрист, член Государственной Думы, с 1906 г. член ЦК партии кадетов.

292 Гусаков Г.И. – активный участник революционного движения, в 1905–1907 гг. кадет.

293 Короленко В.Г. (1853–1921) – писатель и общественный деятель.

294 Народно-социалистическая партия – настоящее название «Трудовая народно-социалистическая партия», неонародническое политическое движение городской интеллигенции. Была создана в период революции 1905 г. Среди партий, близких к народникам, партия народных социалистов была единственной, исключившая террор как средство политической борьбы. Официальным органом являлась газета «Народное слово».

295 Тан Н.А. – псевдоним Богораза В.Г., известен также как Тан-Богораз (1865–1936) – русский революционер, писатель, этнограф и лингвист. В 1905 г. – один из организаторов «Крестьянского союза». В 1906 г., не будучи депутатом, принимал деятельное участие в организации Трудовой группы в I Государственной Думе.

296 Мякотин В.А. (1867–1937) – историк, писатель и политик, один из идеологов Народно-социалистической партии.

297 Патрокл – в древнегреческой мифологии сын Менетия и Сфенелы, родственник Ахилла. В античной поэзии символ преданности и самоотверженности.

298 Терсит – персонаж древнегреческой мифологии. Согласно Гомеру, самый уродливый, злоречивый и дерзкий из греков, бывших под Троей. Крикун, которого Одиссей при всеобщем одобрении побил жезлом за оскорбление Агамемнона. Полная противоположность Патрокла.

299 Способный И.В. (1864–?) – член I Государственной Думы, монархист и старообрядец.

300 Церетели И.Г. (1881–1959) – политический деятель России и Грузии. Член II Государственной Думы. Председатель социал-демократической фракции Думы.

301 Мдивани Б. (1877–1937) – грузинский революционер.

302 Рамишвили И.И. (1859–1937) – грузинский политик, государственный деятель. Член I Государственной Думы. Подписал «Выборгское воззвание».

303 Джапаридзе А.Л. (1875–1908) – грузинский общественный деятель, I член Государственной Думы.

304 Шаумян С.Г. (1878–1918) – участник российского революционного движения. Один из руководителей Бакинской коммуны. Занимал враждебную позицию в отношении независимости Азербайджана.

Организатор мартовского погрома азербайджанцев в 1918 г. в Баку и других населенных пунктах Южного Кавказа.

305 Герценштейн М.Я. (1859–1906) – политический деятель и ученый, I член Государственной Думы от конституционных демократов. В 1906 г. убит черносотенцами-антисемитами.

306 Савельев И.Ф. (1874–?) – политический деятель, кадет, один из активных депутатов II Государственной Думы.

307 Толмачевский В.И. (1877–?) – политический деятель, трудовик, член II Государственной Думы.

308 Горбунов Г.А. (1871–?) – врач и общественный деятель, член II Государственной Думы.

309 Колюбакин А.С. (1851–1917) – генерал, временный генерал-губернатор Терской области, монархист.

310 Платон (Рождественский П.Ф.) (1866–1934) – русский церковный и политический деятель, член II Государственной Думы, редактор и издатель журнала «Церковь и народ».

311 Капустин М.Я. (1847–1920) – ученый и политический деятель, один из лидеров октябристов, член II и III Государственных Дум.

312 Крушеван П.А. (1860–1909) – журналист, прозаик, публицист праворадикального толка, реакционер-черносотенец. Член II Государственной Думы.

313 Тесленко Н.В. (1870–1942) – юрист, присяжный поверенный, член II и III Государственных Дум от партии кадетов.

314 Головин Ф.А. (1867-1937) – политический деятель, один из основателей и член ЦК партии кадетов, председатель Государственной Думы.

315 Челноков М.В. (1863–1935) – земский деятель, член ЦК партии кадетов. Член II, III и IV Государственных Дум.

316 Эльдарханов Т.Э. (1870–1934) – член кадетской партии, депутат первого и второго созывов Государственной Думы от Северного Кавказа.

317 Бардиж К.Л. (1868–1918) – казачий политик и общественный деятель, член Государственной Думы.

318 Хан-Хойский Ф. (1875–1920) – азербайджанский политик, государственный деятель. Член II Государственной Думы. Один из основателей независимой Азербайджанской Республики.

319 Хасмамедов Х. (1875–1947) – азербайджанский политик и государственный деятель. Член II и III Государственных Дум. В 1918–1920 гг. занимал пост министра юстиции в различных правительствах Азербайджанской Республики.

320 Зейналов З. (1876–1935) – депутат Государственной Думы второго созыва

из Бакинской губернии. Представитель рабочих и крестьянской бедноты.

321 Союз автономистов – депутатская фракция в I Государственной Думе. Была образована в июне 1906 г. В рядах этой фракции состояли парламентарии, представлявшие национальные окраины Российской империи и выступавшие определенными требованиями. Председателем фракции был депутат из Польши А.Р. Ледницкий, заместителем председателя А.М. Топчибашев.

322 Атласов Х.М. (1876–1938) – татарин, религиозный деятель, депутат II Государственной Думы от Казанской губернии.

323 Имеется в виду съезд мусульман Российской империи в августе 1906 г. в Нижнем Новгороде, где было объявлено о создании политической партии «Иттифак аль-муслимин» («Мусульманский союз») во главе с А.М. Топчибашевым.

324 Евлогий (Георгиевский В.С.) (1868–1946) – епископ, член Государственной Думы второго и третьего созывов от Люблинской губернии.

325 Васильев А.В. (1853–1929) – ученый и общественный деятель, депутат I Государственной Думы, член Государственного Совета.

326 Харламов В.А. (1875–1957) – политик, член партии кадетов, депутат Государственной Думы.

327 Араканцев М.П. (1863–?) – казачий политик, представитель Донской области в I и II Государственных Думах.

328 Небовидов В.В. (1875–?) – депутат Государственной Думы второго созыва от Ставропольской губернии.

329 Пергамент О.Я. (1868-1909) – политик и общественный деятель, член II и III Государственной Думы.

330 Сагателов И.Я. (1871–1936) – член партии Дашнакцутюн, депутат Государственной Думы второго и третьего созывов.

331 Тигранян С.Ф. (1875–1935) – член партии Дашнакцутюн, депутат II Государственной Думы от Эриванской губернии.

332 Аветисов Г.А. (1875–?) – депутат II Государственной Думы от Елизаветпольской губернии, дашнак.

333 Кареев Н.Н. (1850–1931) – ученый и политик, депутат I Государственной Думы от партии кадетов.

334 Петражицкий Л.И. (1867–1931) – ученый, социолог, правовед, философ, депутат I Государственной Думы, кадет.

335 Винавер М.М. (1863–1926) – юрист и политический деятель, член I Государственной Думы, один из лидеров партии кадетов.

336 Кедрин Е.И. (1851–1921) – общественный деятель, журналист, публицист, член I Государственной Думы.

337 Кутлер Н.Н. (1859–1924) – общественный и государственный деятель, заместитель министра внутренних дел и финансов. Член I Государственной Думы.

338 Струве П.Б. (1870–1944) – философ, экономист, общественный и политический деятель. С 1890-х годов один из теоретиков и лидеров легального марксизма. Член I Государственной Думы.

339 «Освобождение» – нелегальный журнал, основанный П.Струве в 1902 г. после эмиграции за границу. На страницах журнала были опубликованы первые программные статьи, сформированы организационные принципы Конституционно-демократической партии.

340 Петров Г.С. (1866–1925) – деятель русской православной церкви, член I Государственной Думы.

341 Апраксин П.Н. (1876–1962) – граф, государственный и общественный деятель, монархист. Один из ведущих членов монархического «Русского собрания» (1900).

342 Шербатов Н.Б. (1868–1943) – князь, член Государственного Совета (1907), министр внутренних дел (1915), монархист.

343 Шершавидзе П.И. (1840–?) – князь, генерал-майор, член I и III Государственных Дум.

344 Канделаки К.Е. (1881–?) – депутат II Государственной Думы от партии кадетов, рабочий.

345 Церетели С.Н. (1870–?) – грузинский политический и общественный деятель, член II Государственной Думы

346 Долгоруков П.Д. (1866–1927) – князь, политический деятель, один из лидеров конституционно-демократической партии, член II Государственной Думы.

347 Опечатка. Депутата Государственной Думы с такой фамилией не было.

348 Кимряков А.Е. (1876–?) – член II Государственной Думы, из крестьян.

349 Афанасьев А.Е. (1862–?) - член II Государственной Думы, из крестьян.

350 Губарев И.А. (1876–?) - член II Государственной Думы, из рабочих.

351 Марев И.П. (1877–?) - член II Государственной Думы, из рабочих.

352 Имеется в виду немецкая газета «Berliner Tageblatt», издававшаяся в Берлине в 1871–1939 гг.

353 «Petite journale» – популярная французская ежедневная газета. Издавалась в Париже в 1863–1944 гг.

354 Пуришкевич В.М. (1870–1920) – политический деятель ультраправого толка, монархист, черносотенец. Один из организаторов и исполнителей убийства Г. Распутина. Член Государственной Думы.

355 Имеется в виду «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман»),

мусульманская политическая партия, возникшая в период Первой русской революции. Эта партия предусматривала осуществление ряда либеральных преобразований для мусульманского населения империи и объединение всех мусульман Российской империи без различия сословий и национальностей.

356 Махмудов М.Г. (1878–1936) – член II Государственной Думы из Азербайджана, педагог и общественный деятель.

357 «St. Petersburg Journal» – франкоязычная газета в России. Издавалась в 1817–1917 гг. в Петербурге и считалась официозом правительства на иностранном языке.

358 Мещерский В.П. (1838–1914) – князь, писатель и публицист, монархист. Отстаивал сохранения феодально-дворянских привилегий и незыблемость самодержавия. Мещерский выступал не только против революционного движения , но и против либеральных реформ.

359 «Гражданин» – реакционная газета. Редактор-издатель кн. Мещерский. Выходила в 1872–1914 гг. в Петербурге.

360 Гессен В.М. (1868–1920) – ученый, правовед, приват-доцент Петербургского университета, издатель и редактор правоведческого журнала «Право», депутат II Государственной Думы.

361 Федоров М.П. (1845–1925) – депутат II Государственной Думы от кадетов.

362 Алексинский Н.П. (1871–1945) – депутат II Государственной Думы, рабочий.

363 «Московские ведомости» - русская газета правого толка. Издавалась в Москве в 1765–1917 гг.

364 Смирнов Н.А. (1863–1931) – востоковед-иранист, автор исследования о Нахчыванском ханстве.

А.М.б. Топчибашев
Журналистская деятельность
1898 – 1914

I
том

Избранное

Составитель Гасан Азиз-оглу Гасанов

Выпускающий редактор и корректор
О.В. Ивченко

Дизайнер
В.Ф. Нагиев

Технический редактор
Ф.З. Керимов

Подписано к печати: 18.04.2014 Тираж 500 экз.
Формат: 60x90 1/16. Ф.п.л.36.
Типография Чашыоглу
Тел.: 447 49 71